

МОСКОВСКИЙ ПОЛИТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПО ПУТИ К ПОБЕДЕ

**Статьи и воспоминания преподавателей,
сотрудников и выпускников – участников
Великой Отечественной войны
МАМИ, МПИ, МИХМ, вошедших
в Московский политехнический
университет**

Москва
2020

По пути к Победе. Статьи и воспоминания преподавателей, сотрудников и выпускников — участников Великой Отечественной войны МАМИ, МВМИ, МГИУ (ВТУЗ), МГОУ (ВЗПИ), МГУП (МПИ), МГУИЭ (МИХМ) вошедших в Московский политехнический университет. — М.: Московский Политех, — 2020. — 348 с, иллюстрации и фото.

ISBN 978-5-6045914-0-5

Перед вами книга о Великом Подвиге наших студентов и преподавателей в годы Великой Отечественной войны.

79 лет назад они уходили на фронт совсем молодыми. Уходили, чтобы отстоять свою Родину. Уходили, чтобы подарить нам жизнь под мирным небом. Тысячи сотрудников и студентов вузов, вошедших в Московский Политех, встали на защиту родной земли. Как это было – вы узнаете из этой книги.

Она о тех, кто был оторван войной от дома. О тех, кто мёрз в окопах, истекая кровью, и шёл в атаку. О тех, кто недолго любил и не успел полюбить. О тех, для кого каждый день на фронте был «до смерти четыре шага».

В этом юбилейном 2020 году мы вспоминаем всех тех, кто отстоял свободу и независимость нашего Отечества. Помним каждого. Стремимся быть достойными Великого Подвига.

Ректор Московского Политеха

Владимир Миклушевский

От создателей книги

Идея книги родилась в мае 2019 года во время чествования ветеранов Московского Политеха.

Наша книга — Книга Памяти — воспоминаний участников войны на фронте и в тылу — преподавателей, сотрудников, студентов и выпускников вузов, вошедших в Московский Политех, с разной историей, но общей военной судьбой, которая их сблизила в наши дни юбилейного года.

Книга о том, какой путь к Победе они прошли. Воспоминания предваряет очерк о военной истории институтов. В первой части очерка — рассказ о том, как жили и работали вузы в годы войны в эвакуации, в Москве. Вторая часть посвящена героическому подвигу формирований, которые в первые дни войны ушли защищать Москву.

При работе над книгой использовались как имеющиеся публикации, так и архивные материалы. Ценные сведения мы почерпнули в книгах, изданных в разные годы: «МИХМ в годы Великой Отечественной войны». Авторы Н.М. Коновалова и Л.М. Парсаданова собрали, систематизировали большой материал о вузе в контексте истории войны. МАМИ к 50-летию выпустил сборник статей, воспоминаний, стихов тех, кто сражался за Победу на фронте и в тылу. МГУП (МПИ) обобщил опыт поисковой работы, организованной Музеем истории полиграфии, книгоиздания и МГУП имени Ивана Фёдорова, в книге «Не забудем тех, кто принёс Победу». В результате впервые были опубликованы материалы о более чем 400 ветеранах войны и установлены фамилии 43 погибших. Имена участников войны и некоторые сведения о них почерпнули из материалов, собранных Московским Политехом для юбилейного издания, а также из книг: «Московский государственный открытый университет (75 лет)», «Расцвет и закат Московского открытого университета» (авторы Э.О. Цатурян, Р.Л. Шаталов).

В разделе об ополчениях Москвы использованы книги, выпущенные издательством «Планета» в 2017 году; «В Вяземском окружении» (авторы Б. Зылев, А. Дарков), а также сведения из интернет-изданий.

В нашем распоряжении имелись газеты МПИ, МВМИ, фотокопии газет МИХМа, где систематически в рубриках «Исследуя истоки подвига», «Друзья-однополчане», «Страницы истории», «Они защищали Родину» печатались статьи-воспоминания ветеранов войны. Мы почерпнули из них ценные сведения.

Несмотря на имеющиеся публикации, большинство из них являются библиографической редкостью. Имеющийся пласт свидетельств-воспоминаний, статей, фото, опубликованные в вузовской печати в прошлые годы, недоступен современному читателю.

Оказалось, что далеко не все ветераны в прошлом были интервьюированы. Мы организовали запись воспоминаний и впервые публикуем их в книге.

Опыт Музея истории полиграфии, книгоиздания и МГУП имени Ивана Фёдорова показывает, что большой материал скрыт в личных делах участников войны в архивах вузов.

Сотрудники музея со студентами пересмотрели более 400 личных дел студентов и преподавателей за 1949 – 1956 годы, выделили 95 личных дел участников войны. Они были изучены и введены в научный оборот. Однако следует заметить, что архивные материалы вузов не везде сохранились, и это усложнило нашу работу.

В книге опубликованы свыше ста фотографий из личных и вузовских архивов, музеев и интернет-изданий. В каждом фото судьба целого поколения, испытанного на прочность, верность, патриотизм. И чем дальше уходит время, тем больше мы вглядываемся в их лица.

Книга иллюстрирована сатирическими гравюрами из фонда Музея истории полиграфии, книгоиздания и МГУП имени Ивана Фёдорова Московского Политеха. Во время войны политическая карикатура была оружием борьбы с врагом. С помощью сатиры страшный враг превращался в жалкое, уродливое существо, и в какое бы тяжелое положение не попадали наши солдаты, чувство нравственного превосходства над врагом не покидало их. Сатирические рисунки были востребованы и на фронте и в тылу, но особенно на фронте. Из действующей армии присылали описание боёв, сюжеты для карикатур, тексты подписей, просьбы о рисунках для фронтовой печати. Их ждали. И они ежедневно печатались в центральных и фронтовых газетах, тысячах листовок. Сатира и юмор прибавляли народу веру в Победу.

Мы решили познакомить современного читателя с работами, выполненными во время войны и в послевоенные годы известными художниками-выпускниками ВХУТЕИНа и МПИ, в том числе участниками войны: Кукрыниксами, В.В. Красновским, А.И. Ременником, Ф.П. Решетниковым, Ю.А. Цишевским.

Сложно представить общий портрет военного поколения. Разные судьбы – одни пережили тяжелое время в Москве, другие у её стен приняли боевое крещение. Многие погибли. Часть пережила свои трудности в эвакуации. Другие – ужасы оккупации, плена и концентрационных лагерей. Но война стала общей биографией целого поколения и, вместе с тем, у каждого ветерана она своя – довоенная, военная и послевоенная. К боевым наградам добавились награды за труд. По возможности мы постарались это показать.

Над книгой работал большой коллектив. Мы благодарны всем. Выражаем признательность и благодарность тем, кто оказал помощь в создании книги. **В наших планах издание второй книги – Об участниках войны.** Мы считаем это своим долгом.

*«Война сложна, темна и густа, как непроходимый лес.
Она не похожа на ее описания, она и проще и сложнее.
Её чувствуют, но не всегда понимают её участники.
Её понимают, но не чувствуют позднейшие исследователи...
Что касается участников войны, эти знают, как выглядит война.
Они знают, что четыреста километров с боями – не парад».*

Это написал в 1943 году известный публицист Илья Эренбург.

Пережитое ветеранами фронта и тыла – в нашей книге. Надеемся, что это затронет юные сердца.

Память стучится: Не забудьте тех, кто спас страну, народ от порабощения и уничтожения, тех, кто принёс Победу!

Заведующая Музеем истории полиграфии,
книгоиздания и МГУП имени Ивана Фёдорова,
канд. истор. наук, доцент

С.В. Морозова

Вузы Московского Политеха в годы Великой Отечественной войны

*[Заведующая Музеем истории полиграфии,
книгоиздания и МГУП имени Ивана Фёдорова,
канд. истор. наук, доцент Морозова С.В.]*

Высшая школа в годы Великой Отечественной войны пережила два сложных этапа своей жизни и развития.

Первый (июнь 1941 – середина 1942 гг.) – перестройка на военный лад.

Второй (конец 1942 – середина 1945 гг.) – укрепление и рост.

Работа проходила в неблагоприятных условиях войны, когда нужно было преодолевать огромные трудности, связанные с мобилизацией в армию и ополчение преподавателей, сотрудников и студентов, с эвакуацией, мобилизацией студентов на трудовой фронт. Приём в вузы в 1941–1942 уч.году сократился.

Вузы переориентировали работу к требованиям военного времени. Перестроили свою работу, расширили свою деятельность, включились в активную, необходимую армии и стране работу.

Во всех вузах произошли радикальные изменения в организации учебного процесса. С целью интенсификации подготовки специалистов сокращены сроки обучения, летние и зимние каникулы, производственная практика, сроки подготовки и защиты диплома. Однако эти меры сказались на качестве подготовки специалистов и с 1942–1943 уч.года вернулись к прежним учебным планам, внесены изменения в содержание ряда дисциплин. Появились новые специальности, ориентированные на нужды фронта и оборонных предприятий, введено всеобщее военное обучение.

Общим для всех было то, что контингент студентов и профессорско-преподавательского состава в годы войны менялся. В 1942–1943 уч.году были предприняты меры для некоторой стабилизации: вышли постановления правительства об улучшении питания студентов, обеспечение всех студентов стипендией и создание подсобного хозяйства, увеличена зарплата преподавателям и сотрудникам. С 1943 года по решению Комитета по делам высшей школы начался процесс демобилизации преподавателей и студентов с фронта. В 1944 – 1945 уч.году в целом число преподавателей составило 79% от довоенного. Защищено 12 116 докторских и кандидатских диссертаций, подготовлено 842 специалиста высшей и средней квалификации. Это позволило обеспечить потребности оборонной промышленности и нужды фронта.

Свой вклад в Победу внесли вузы, вошедшие в Московский Политех: МАМИ, МИХМ, МПИ, МВМИ, ВЗПИ, ВТУЗ

Хотя условия начавшейся войны резко отличались от нормальных, вузы обеспечили завершение экзаменационной сессии 1940 – 1941 уч. года. Проведены защиты дипломных проектов в МПИ. Известно, однако, что в МАМИ выпуск (16 человек) состоялся без защиты дипломных проектов в октябре-ноябре 1941 года. В МИХМ около ста студентов, не успевших защитить дипломные проекты, направлялись на работу на оборонные предприятия г. Дзержинска, Горьковской (ныне Нижегородской) области.

В вузах появились новые функции, определяемые условиями военного времени и положением дел на фронте: уже 23 июня установилось круглосуточное дежурство преподавателей, а затем студенческих бригад для строительства бомбоубежищ и дежурства там, и на других объектах, для устранения налётов вражеской авиации.

Вузы, особенно МИХМ, МАМИ и МВМИ, находились рядом со стратегически важными объектами – Казанским, Ярославским, Ленинградским и Курским вокзалами, и в непосредственной близости от организаций, занимавшихся оборонной тематикой. Поэтому при налётах вражеские бомбардировщики старались прорваться в этот район, но это им удавалось нечасто – эффективно действовали средства ПВО. Статистика свидетельствует, что за время войны близ МАМИ упали две фугасные бомбы. Серьёзного ущерба зданию они фактически не причинили. Во время одного из налётов бомба упала и близ здания МВМИ, взрывом были выбиты все стёкла. На крышу главного корпуса МИХМа осенью 1941 года упало 8 зажигательных бомб. Все они были своевременно обезврежены дежурными коман-

дами, состоявшими из преподавателей, сотрудников и студентов, которые защищали свой институт как родной дом.

В середине октября 1941 года враг подошёл к Москве. В городе было объявлено осадное положение. В этих условиях Совет по эвакуации Совнаркома СССР 15 и 21 октября принимает Постановление об эвакуации из Москвы 10 тысяч студентов. Каждый вуз получил от Мосгорвоенкомата маршрут выезда на места эвакуации, где должны были продолжить работу по подготовке кадров:

МАМИ – 20 октября на Урал в г. Миасс Челябинской области, вернулся в 1942 году.

МВМИ – в октябре эвакуировал часть сотрудников и членов их семей в Магнитогорск. Вопрос об эвакуации института вместе с заводом «Серп и Молот» был снят после разгрома немцев под Москвой.

МПИ – в Шадринск Курганской области (около 200 студентов), вернулся во второй половине 1943 года.

МИХМ – в Чарджоу Туркменской ССР (200 студентов), вернулся в апреле 1943 года.

Выезжала большая часть студентов, сотрудников, профессорско-преподавательского состава и члены их семей. Для проведения учебного процесса на новом месте вывозились учебные пособия и необходимое оборудование.

Эвакуация прошла организованно. На местах местная администрация и партийные организации старались разместить приезжих. Для занятий студентов **МИХМ** выделили здание педагогического института, под общежитие – здание школы. Трудностей было много – учебных площадей не хватало, под общежития использовали не всегда приспособленные помещения. Большую роль в налаживании жизни играли комсомольцы – ремонтировали помещения, помогали развернуть лаборатории.

Фактически на местах были организованы филиалы московских вузов.

Регулярные занятия в филиалах начались в декабре 1941 года.

Для всех эвакуированных вузов общим было – занятия обычно начинались вечером. Днём – самоподготовка и подработка на предприятиях. Работали, чтобы выжить. Кроме того, студенты были заняты на сельхозработах и на заготовке дров для отопления помещений и столовых.

Ответственной задачей, впервые решавшейся в условиях пребывания институтов в эвакуации, была организация приёма студентов на 1 курс.

Вскоре после эвакуации в конце ноября 1941 г. **МИХМ** начал подготовку к возобновлению учебного процесса в Москве. Приведены в порядок учебные помещения института, пополнен состав преподавателей за счёт тех, кто не выехал на Восток, среди них были крупные ученые. После объявления о возобновлении занятий (от 6 декабря) стали возвращаться и многие студенты, работавшие на строительстве оборонительных сооружений, на заготовке топлива, сельхозработах и на военных предприятиях. К выходу постановления СНК СССР от 1 февраля 1942 г. «О возобновлении учебных занятий в Москве», институт был готов начать работу на всех курсах.

Было выполнено указание – расширить факультет оборудования и открыть новые специальности по боеприпасам и продукции спецхимии. В институте прошли переквалификации 90 студентов-пятикурсников пищевого, текстильного, горного и торфяного институтов по специальности Наркомата боеприпасов. Коллектив спецфакультета пополнился 130-ю студентами-дипломниками, вернувшимися из эвакуации в г. Чарджоу. В результате, в 1942 г. спецфакультет выпустил в четыре раза больше специалистов для производства взрывчатых веществ, порохов и разнообразных боеприпасов, чем в 1941 г.

На 1 июля 1942 г. контингент **МИХМ** составил 503 человека (на первом курсе 137, на втором 66, на третьем 54, на четвертом 229, на пятом 17). 100 студентов четвёртого курса направили в г. Дзержинск Горьковской области (ныне Нижегородская) на работу, где они готовились к защите дипломных проектов. Для этого там открыли временный филиал, в котором в начале 1943–1944 уч. г. состоялся выпуск специалистов. В апреле 1943 г. вернулись из Чарджоу студенты и контингент учащихся увеличился. В мае 1943 года открылись подготовительные курсы для тех, кто окончил 8 – 9 классов. Около 50 человек успешно сдали

экзамены за 10 класс и были зачислены на 1 курс. 31 августа 1943 г. на первый курс было зачислено 770 человек. Занятия в 1942, 1943 и 1944 гг. начинались с 1 октября в связи с тем, что студенты 1 курса (по 100 – 150 чел.) летом 1942–1944 гг. направлялись на заготовку дров для города в подмосковные леспрохозы: Михневский, Нарофоминский, Обуховский, Прудовский. С августа по ноябрь 1942 года там работали 129 студенток первых трёх курсов. Кроме того, студенты направлялись на торфозаготовки, где работали постоянно по колёно в воде и в торфе. Работали не полтора месяца, как предполагалось, а два с половиной месяца.

26 сентября 1944 г. был образован энергетический факультет для подготовки инженеров химической промышленности. Был разрешён дополнительный прием студентов на второй и третий курсы, а также отбор студентов из других вузов Москвы на эту специальность. Решением СНК СССР от 21 октября 1944 г. началась подготовка инженеров-механиков для газотоплевных производств по следующим специальностям: оборудование заводов искусственного жидкого топлива, по химической переработке газов и оборудованию газогенераторных и полукоксовых установок. Соответственно, в вузе создаются новые кафедры.

Завкафедрой «Механическое оборудование заводов турбокислородных установок» был академик, будущий Нобелевский лауреат П.Л. Капица. Под его непосредственным руководством в институте началась подготовка специалистов в области криогенной техники. К моменту окончания войны в МИХМ было три факультета: общий механический, спецоборудования и энергетический.

В 1941–1945 гг. выпущено 803 специалиста (651).

Учёные МИХМ решали жизненно необходимые для фронта проблемы науки и техники:

- разработали технологию по производству новых видов боеприпасов и успешно осуществили их изготовление в механических мастерских института. Институт фактически стал заводом, все кафедры, лаборатории, учебные мастерские – цехами, а профессора, преподаватели и студенты – инженерами и рабочими. Производство работало в две смены по 12 часов каждая. К концу 1942 г. выпуск гильз к снарядам для миномётов «Катюша» был доведён до 2 200 штук в месяц. Выпуск продукции проходил до 1 сентября 1944 г., когда страна уже располагала достаточным количеством спецзаводов по выпуску аналогичной продукции;

- занимались интенсификацией процессов получения азотной и серной кислот для производства взрывчатых веществ;

- успешно провели исследования по замене дефицитной хромоникелевой стали на плакированную обычную углеродистую, что позволило снизить расход легированной стали на 80 %;

- проводили изыскания заменителей конструктивных материалов для отдельных деталей самолётов;

- проводили лабораторные испытания свойств металлов;

- успешно решали задачи, возникающие при производстве нитросоединений;

- предложили соображения по маскировке отопления землянок.

Выпускники МИХМ, не призванные на фронт, проявляли чудеса трудового героизма: выпускник 1940 года Леонид Аркадьевич Костандов, в августе 1941 года был назначен главным инженером электрохимического комбината в Чирчике. Фактически Л.А. Костандову пришлось строить это предприятие, осваивать новое оборудование, обучать машинистов и аппаратчиков и запуска стратегически важное производство водорода и взрывчатых веществ. Осенью 1941 года Государственный Комитет Обороны постановил в кратчайшие сроки построить новый цех по производству фугасных авиационных бомб с новым взрывчатым веществом. Умело решая возникающие научные, технические и производственные трудности, Л.А. Костандов выполнил поставленное задание: эшелон загрузили авиабомбами с маркировкой «Объект 215 Чирчикского электрохимического комбината им. И.В. Сталина» в ночь на 1 января 1943 года и отправили на Калининский фронт. В 1944 году правительство поставило задачу получения тяжёлой воды для Атомного проекта и уже осенью 1945-го в Чирчике запущен первый цех получения тяжёлой воды электрохимическим методом. Чуть позже здесь же построили опытный завод, на котором делали тяжёлую воду более де-

шёвым способом — из дейтерия, полученного низкотемпературной ректификацией жидкого водорода.

МПИ в эвакуации сохранил все факультеты. Открыл спецфакультет.

В Шадринске, по данным отчёта за 1942 год, было принято 152 человека (в том числе, 58 — на редакционно-издательский факультет, включая 20, впервые, — на художественно-оформительское отделение); 44 — на механический факультет и 50 — на технологический. Число обучающихся достигло 350 человек. Контингент поступивших был в основном женский. Только позже стали поступать демобилизованные из армии после тяжёлых ранений мужчины. Мероприятия, проходившие в МПИ («Клуб выходного дня», спортивные соревнования), рассказы о вузе, работа в комсомольских организациях города, общение во время работы на предприятиях давали достаточно полную информацию об институте и, в конечном счёте, сыграли роль в выборе специальности молодёжью города, которой пришлось время поступать в вуз.

Лекции проходили в здании учительского института, арендуемого МПИ. У механиков практические работы по технологии металла часто проходили на автозаводе в процессе монтажа оборудования, привезённого из Москвы, а также в мастерских СКБ, созданного при институте, которое занималось выполнением оборонных заказов, в частности, разработкой аэродромного оборудования и строительством аэросаней-амфибии оригинальной конструкции с авиационным двигателем. СКБ смогло обеспечить выпускников тематикой дипломного проектирования и опытными руководителями.

Среди особо важных научных исследований и разработок оборонного значения учёных МПИ выделяются следующие:

- для Главного артиллерийского управления Красной армии была разработана технология изготовления артиллерийских счётных линеек;
- для Московского оборонительного завода разработан графический процесс изготовления точных штриховых шкал, используемых в оптических приборах военной техники;
- для Главного управления геодезии, картографии и аэрофотосъёмки разработана технология изготовления дубликатов негативов и диапозитивов, используемых в офсетном формном процессе, производстве типографских карт;
- совместно с НИИПолиграфии занимались разработкой технологий, оборудования и материалов для походных военных типографий.

В годы войны институт не был разрушен в буквальном смысле слова. Однако он потерял главное — учебное здание в центре Москвы, все общежития. Сохранились лишь лаборатории и полиграфические мастерские.

Дело в том, что ещё до эвакуации четвёртый и пятый курсы технологического и механического факультетов (по 100 — 120 студентов) были переданы в организованный специальный факультет по выпуску в кратчайший срок инженеров для предприятий Наркомата боеприпасов (в октябре 1942 года состоялся первый выпуск 44 студентов 5 курса спецфакультета). Вскоре его передали в Московский механический институт (потом — МИФИ).

Поэтому, вернувшись в Москву во второй половине 1943 года из эвакуации, МПИ пришлось осваивать здание на Садовой-Спасской и перестраивать в студенческие общежития складские помещения, переданные ОГИЗом во временное пользование. Учебных площадей не хватало. Занятия пришлось проводить в две смены (до 1952 года).

Серьёзной проблемой стало сохранение в штате всех профессоров, доцентов и преподавателей, выезжавших в эвакуацию, а также вернуть тех, кто во время выезда института в Шадринск оставались в Москве и перешли в другие вузы. В связи с этим в первое время число совместителей, работавших на 0,5 ставки, и на условиях почасовой оплаты доходило до 60%. Но с учётом их высокой квалификации учебный процесс от этого не пострадал. В 1944—1945 уч. году в институте было уже 18 кафедр, где работали 95 преподавателей (штатных более 60%). В первые послевоенные годы профессорско-преподавательский состав МПИ становится достаточно стабильным и высококвалифицированным.

В октябре 1941 года **МАМИ** был направлен в город Миасс Челябинской области. Администрация института на 1 октября 1941 года насчитывала 83 человека. Из них было уволе-

но 57 человек, эвакуировано 8, остались в Москве 18 человек. Основной задачей оставшихся сотрудников было – защита зданий от пожара при воздушных налётах и поддержание системы отопления в рабочем состоянии.

На место эвакуации института прибыли все преподаватели института и около 150 студентов. Но ввиду отсутствия необходимых условий для работы в Миассе институт не развернул там своей деятельности и 15 февраля 1942 года был вторично переведён в город Барнаул, где объединился с эвакуированным туда Запорожским институтом Наркомата среднего машиностроения.

Когда в 1942 году МАМИ вернулся в Москву, четвёртый этаж был отдан отряду аэро-статчиц. На третьем этаже некоторое время размещался госпиталь для выздоравливающих бойцов.

Поражение немцев под Москвой сказалось и на положении в МАМИ. В институт стали возвращаться преподаватели и студенты, не уехавшие в эвакуацию. В феврале 1942 года начались учебные занятия сначала в одной сборной группе, но к концу семестра было уже более 400 студентов. Этому способствовал широко распространённый приём студентов из других вузов в порядке перевода.

В 1942–43 учебном году набор студентов на 1 курс института проходил с ещё большим трудом. Оканчивающих 10 классов было мало, въезд в Москву из области и других городов был затруднён. Кроме того, институт не имел своей столовой и общежития. На старшие курсы принимались бывшие студенты, вернувшиеся из Красной армии. На вечерних отделениях в начале учебного года группы были полностью укомплектованы, но многие после двух-трех недель прекращали занятия из-за перегруженности на работе. Состав студентов был в основном женский (70%). Занятия на вечернем отделении проходили двумя потоками – на Московском автозаводе и на Большой Семёновской. Старшие курсы (100 человек) приступили к занятиям после 7 ноября 1942 года, после возвращения с лесозаготовок.

Столица переживала большие трудности с топливом и электроэнергией, особенно это стало проявляться с началом реэвакуации предприятий в Москву весной 1942 года. Топливную базу Подмосковья за короткий срок восстановить не было возможным, поэтому было решено пополнить запасы топлива хотя бы за счёт дров.

И снова в числе тех, кто решал эту проблему, были студенты и сотрудники московских вузов.

В апреле 1942 года на лесозаготовку дров в деревню Лютово, Ярославской области выехала группа из МАМИ – 5 бригад. Наряду с тяжёлой работой рубки, распиловки деревьев обустроили быт – организовали огород, столовую, держали двух коров. Затем солили огурцы и квасили капусту и отправляли в столовую МАМИ, где выдавали бесплатно студентам и сотрудникам. Работали до конца осени 1942 года.

Постепенно положение улучшается. Контингент студентов начал увеличиваться. В 1943–1944 уч. году на дневном отделении МАМИ учились 981 чел., на вечернем – 352. Немаловажную роль сыграло то обстоятельство, что в 1943 году в соответствии с ГОКО были организованы подготовительные отделения для окончивших 9 классов. Эти отделения в МАМИ окончили в 1943 году 84 чел., в январе 1944 года – 51 человек. В 1943–1944 учебном году абитуриентов принимали без вступительных экзаменов. Увеличению контингента способствовало укрепление материально-технической базы института, улучшение условий для занятий и работы, а также ряд мер правительства социального характера: реализовывалось постановление СНК СССР «Об улучшении питания студентов» от 10 февраля 1943 года. Было создано подсобное хозяйство, «закрытый распределитель» – магазин для преподавателей и сотрудников МАМИ. В апреле 1943 года студенты и сотрудники выехали в деревню Воробьи Малоярославского района Московской области растить овощи в подсобном хозяйстве. Подсобное хозяйство функционировало и в 1944 и в 1945 году, снабжало столовую картошкой, мясом и молоком. Оно помогло пережить тяжёлые времена и сохранить численность студентов.

Кроме того, в первые месяцы войны преподаватели и студенты МАМИ установили шефство над воинской частью. Для красноармейцев проводились занятия по обучению уп-

равлению автомобилем и изучению материальной базы, а студенты МАМИ проходили военную подготовку офицеров запаса автомобильных войск.

Несмотря на трудное время, в МАМИ поддерживали элементы мирной жизни. В военные годы регулярно выходили институтские и факультетские стенгазеты, проводились научные и литературные конференции, встречи с артистами и писателями, организовывались походы в театры, проводились спортивные занятия, работала своя парикмахерская.

В МАМИ продолжали работать два факультета – автотракторный и механико-технологический. Первая сессия в условиях войны проводилась с 12 июля по 1 августа 1942 года. Первый военный выпуск специалистов прошёл в октябре-ноябре 1941 года. Было выпущено 16 человек механико-технологического факультета и 13 автотракторного без защиты дипломного проекта, но выполнившие учебный план. В 1942 году выпуска не было. Выпуск 1943 года состоял из студентов 5 курса с защитой дипломов – 47 человек. В июле-августе 1944 года – 58 человек. Выпуск 1945 года составил 39 человек (29 с дипломным проектом и 10 без дипломных работ, но прошедших полный курс обучения в МАМИ). Остальные 46 человек должны были быть выпущены в сентябре-октябре 1945 года. Впервые был выпуск вечернего отделения – пять человек и тридцать четыре человека в августе, сентябре, октябре 1945 года.

Результатом чёткой организации НИР явились успехи в подготовке научно-педагогических кадров и рост их квалификации. Особое внимание уделялось работе аспирантуры.

Если в 1942 – 1943 уч. годах в аспирантуру МАМИ было принято 4 человека, на 1 января 1943 год насчитывалось 10, то на 1 января 1944 года – 33 человека. Подготовку аспирантов вели 9 кафедр. Среди руководителей 1 академик, 8 профессоров (из них пять – докторов технических наук), пять доцентов, кандидатов технических наук.

За 1943 – 45 гг. докторские диссертации защитили 3 заведующих кафедрами. Защищена одна кандидатская диссертация.

К концу войны институт имел высококвалифицированные кадры. Стаж научно-педагогической работы у многих составлял 25 лет и более. На 15 июня 1945 года в штате МАМИ работало 115 преподавателей (21 профессор, в том числе 8 докторов наук), 26 доцентов (17 кандидатов наук), 19 старших преподавателей и 49 ассистентов. Совместителей – 42 человека (два профессора и 18 доцентов).

В конце 1944 года создан студенческий совет (СНИС) и многие студенты включались в исследовательскую работу вуза.

Открытие аспирантуры и Советов по защите диссертаций завершило формирование крупного современного вуза.

С началом Великой Отечественной войны и МАМИ переключился на выполнение оборонных заданий. Для этого в ноябре 1941 г. Моссовет передал институту авторемонтный завод № 9, где был создан экспериментальный цех по изучению износа автомашин, изучению и освоению трофейных и американских новых машин. В свободное от учёбы время весь коллектив работал на заводе. За первый квартал 1942 г. из ремонта выпущено 50 автомашин и 30 тракторов. Выпуск с каждым кварталом увеличивался. На этой базе выполнялись практические экспериментальные работы. В научно-исследовательскую работу были вовлечены все кадры.

Актуальными темами были:

- перевод газолинового трактора С-60 на керосин, бензиновых автомобильных двигателей на смеси лигроина с бензином;
- определение свойств германских топлив и масел и подбор заменителей их для трофейных машин;
- анализ материалов ответственных деталей трофейных автомобилей;
- изыскание рецептов изготовления эмали первого покрытия из киноплёнки – материалов недефицитных компонентов для путевого ремонта фюзеляжных самолётов;
- изучение и освоение электрооборудования трофейных автомобилей, это снимало трудности в переоборудовании их;
- переоборудование бензиновых автомашин в газогенераторные и для работы на древесном топливе;

- испытания скипидара, как пускового топлива для газогенераторных двигателей, смазочных масел для автомобилей.

Эти и другие направления являлись темами защищённых диссертаций (с 1943 г. докторских и кандидатских), в том числе, через аспирантуру.

За годы войны МАМИ не только возродился, но и превратился в центр своей отрасли, решавшей крупные научные и оборонные проблемы.

Занятия, начавшиеся в **МВМИ** 1 сентября 1941 г., прекратились в октябре. Наступили холода. Теплоцентраль, обеспечившая теплом институт, была отключена из-за нехватки топлива. В неостеклённом здании пришлось заделывать выбитые при бомбежке окна фанерой, досками и картоном. Как следствие, институт отказался от дневного освещения, занятия прерывались каждые 15 минут для «разминки», а во время тревоги переносились в бомбоубежище.

Регулярные занятия начались во второй половине февраля 1942 года. С приходом весны условия работы и учёбы улучшились. Проблема снабжения продовольствием стала решаться, когда были организованы коллективные огороды в Вешняках и Битцах.

К началу 1942–1943 учебного года в институте объявили приём студентов. Зачислено 75 человек. Нелегко учиться без отрыва от производства, а во время войны это требовало огромного напряжения сил. Несмотря ни на какие трудности, в 1944 г. на первом курсе учились 135 человек, а в институте – 268 студентов. Выпущены 18 инженеров, в 1945 г. – 43.

В конце октября 1941 г. по заданию Первомайского РК ВКП(б) институт приступил к производству отдельных деталей для стрелкового оружия. В металлургической лаборатории установили вагранку для выплавки чугуна, из которого отливали корпуса мин. Инженерно-техническое руководство осуществляли профессор и преподаватели, а за станками стояли сотрудники и учащиеся ремесленного училища. На заводе «Серп и Молот» студенты – рабочие ремонтно-механического цеха выпускали детали для «катюш», а металлурги в кратчайшие сроки осваивали выпуск новых марок чугуна и стали для фронта. Под руководством ведущих учёных в 1944 г. расширилось выполнение 8 госбюджетных хозяйственных работ на общую сумму 450 тысяч рублей. Это было на 100 % больше, чем в 1943 г.

5 июля 1941 г. в условиях начала войны **ВЗПИ (МГОУ)** временно прекратил учебную работу, которая возобновилась уже с 15 июля (осуществлен приём студентов в количестве 600 человек). На учебный 1943 – 1944 год утверждается сеть У КП в 17 городах. 13 апреля 1944 г. для организации заочного обучения в районах, освобождённых от немецких оккупантов, сформирована дополнительная сеть У КП ВЗПИ в городах Киев, Харьков, Днепрпетровск, Сталино, открыты У КП в Новочеркасске, Днепродзержинске, Краматорске, Краснодаре, Калуге.

Окончание учебного года в вузах совпало с началом войны. В первые же дни начался призыв в Красную Армию.

Сохранились приказы вузов за 1941 год. Ещё накануне в них были записи о командировках, отпусках, допуске к дипломному проектированию, о зачислении на работу... И вот 23 июня – «Считать с 24 июня 1941 г. призванными в ряды РККА...»: в МПИ – 10 выпускников, в МИХМе – 5 преподавателей, к началу июля – почти всех преподавателей кафедры физкультуры. О призыве в армию сообщается в отчётах МАМИ. Отменяются приказы об отпусках и каникулах.

По постановлению СНК СССР от 24 июня 1941 года начинают создаваться *истребительные батальоны*. Батальон Ростокинского района Москвы, куда вступили преподаватели и студенты МПИ, нес патрульную службу в районе 1-й Мещанской улицы (ныне – проспект Мира) от Садового кольца до ВДНХ, устранял последствия бомбежек, боролся с пожарами, охранял предприятия и учреждения. Одновременно бойцы батальона проходили военную и диверсионную подготовку. Охраняли предприятия и учреждения. Истребительные батальоны были одними из первых добровольных формирований в годы войны, куда входили партийные, комсомольские, профсоюзные работники и советские служащие, из которых были сформированы 4-й и 5-й с.д. НКВД.

В конце июня 1941 г. на комсомольском собрании **МАМИ** представителем Академии бронетанковых и механизированных войск из числа добровольцев был отобран 21 человек. После трёхмесячной подготовки в Академии они были направлены в войска ракетной артиллерии для защиты Москвы.

В июне 1941 года по призыву руководства Москвы 72 московских вуза сформировали отряды студентов для строительства **оборонительных сооружений** на ближних и дальних рубежах столицы. 30 июня в МИХМе было создано 4 взвода (около 120 студентов 3 – 4-го курсов), которые в течение двух месяцев строили блиндажи, доты, дзоты, рыли противотанковые рвы, иногда под обстрелом противника в районе Ржева, Сычевки, Вязьмы, Селижарова, Ельни, Малоярославца. А в начале июля в район Орла и Брянска были направлены ещё две группы девушек-студенток МИХМа.

Под Ельней строили оборонительные сооружения и студенты МПИ (более 100 чел.), отряд выехал из Москвы в августе.

В начале ноября 1941 года, когда возникла опасность прорыва немцев к Москве со стороны Тулы, ещё около 100 студенток 1 – 2-го курсов МИХМ были отправлены на сооружение противотанковых засек, где в суровых условиях 42-градусных морозов работали более двух с половиной месяцев, почти до конца января 1942 года.

В одном из стихотворений об этих героях-строителях оборонительных сооружений, о значении их героического подвига говорится так: «Чтоб прошагавший пол-Европы фашизм споткнулся хоть на миг».

Патриотическое движение за создание **народного ополчения** (н.о.) началось по инициативе трудящихся и партийных организаций Москвы и Ленинграда. 26 июня в ЦК ВКП(б) состоялось первое обсуждение вопроса.

4 июля ГКО вынес постановление «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и МО в дивизии народного ополчения». В начале июля 1941 года начинают формироваться дивизии народного ополчения из добровольцев, желавших сражаться с врагом, но по различным причинам не призванных в армию. К 7 июля создано 12 дивизий (около 120 000 чел.).

Все дивизии народного ополчения, куда вошли преподаватели, сотрудники и студенты, формировались по районам города и носили их название:

- 2-я Сталинская дивизия н.о. (затем 2 с.д.) формируется 13 – 15 июля 1941 года;
- 7-я Бауманская дивизия н.о. (затем 29 с.д.) 18 июля;
- 13-я Ростокинская дивизия н.о. (затем 140 с.д.) 7 июля;
- 1-я Ленинская дивизия н.о. (затем 60 с.д.) 7 июля;
- 6-я Дзержинская дивизия н.о. (затем 160 с.д.) 4 июля;
- 21-я Киевская дивизия н.о. (затем 173 с.д.) – 6 июля.

Боевая подготовка ополченцев сочеталась с работами по созданию Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа и Можайской линии обороны. В августе 1941 года ополченцы приняли присягу и дивизиям были вручены знамёна МГК партии. В сентябре получили общевоинские номера.

1 и 6 дивизии н. о. сражались в составе **34 армии**; 2, 7, 13 дивизии н.о. в составе **32 армии**; **21 дивизия н. о.** в составе **33 армии** Резервного фронта Можайской линии обороны «бок о бок», о чём свидетельствуют дошедшие до нас документы и воспоминания. В тяжёлые дни октября 1941 г., оказавшись на главном направлении 28-ой дивизии германских войск, они приняли на себя удар и дали советскому командованию время для организации обороны Москвы.

13-я дивизия н.о. Ростокинского района Москвы, куда вошли преподаватели МПИ, в ночь на **8 июля** получает приказ совершить марш в 35 км и выйти на линию деревня Снегири Волоколамского шоссе – деревня Козино на Старо-Пятницком шоссе для строительства оборонительных сооружений. **16 июля** они выступают на новый рубеж – это 130 км за 5 суток ночным маршем, лесами – и выходят западнее г. Вязьмы. Строят новые рубежи вдоль Минского шоссе и одновременно проходят военную подготовку. Для организации обороны Можайской линии приказом Военного совета фронта **19 июля** 32-й армии поставлена задача «упорно оборонять рубежи Кушелево, Ярополец, Чубарово, Карачарово. Особенно обращать внимание на орга-

низацию обороны на Ржевско-Волоколамском и Сычёвско-Волоколамском направлении и прикрытие направления Калинин-Клин, Калинин-Степанцево».

К исходу **22 июля 1941 года** дивизия приступила к инженерному оборудованию позиций. На этих позициях армия находилась всего 8–10 дней. Сложившаяся к концу июля обстановка вынудила начать переброску армий Можайской линии обороны не только на северо-западное направление, но и на строившийся Вяземский оборонительный район.

30 июля 1941 года 32-я армия в составе пяти дивизий н.о., в том числе 2, 7, 13-й, была снята с Можайской линии обороны, получила задачу «походом выйти в район Вязьмы и к утру 4 августа занять рубеж Богородское, Лысово, Подрезково, Панфилово, Годуновка, Штарм – Вязьма».

13-я дивизия была переброшена в район западнее Вязьмы и 6 августа сосредоточилась в районе ж/д Семлево (20 км западнее Вязьмы) у деревни Юркино, где и находилась до 1 сентября.

В конце сентября 13-я дивизия перебрасывается северо-западнее Вязьмы (в район на 12 км восточнее Холм-Жирковского), где сменила Сибирскую с.д. и стала укрепляться по восточному берегу реки Днепра и в устье реки Вязьмы, у населённого пункта Сумароково. Переход – 70 км. Отводилось 7 часов, темп 10 км/ч с полной выкладкой был нереальным, но обстановка этого требовала. Передовая часть была переброшена транспортом и заняла оборону, остальные подошли позже. Справа и слева должны были быть части 30-й и 19-й армий.

2 октября 1941 года перед рассветом в немецких частях зачитывается обращение Гитлера: «Сегодня начинается последнее величайшее и решающее сражение этого года». Начинается операция «Тайфун». Бои разворачиваются на всей линии Ржевско-Вяземского рубежа на западном берегу Днепра. Против пяти советских дивизий действовало 17 дивизий противника. Он имел превосходство по артиллерии в 12 раз, по танкам в 8 раз. Главный удар противник нанёс не вдоль автостреды Смоленск – Москва, а севернее, стремясь обойти Москву с севера. К исходу 2 октября прорвал главную полосу обороны на стыке 30-й и 19-й армий Западного фронта. 32-й армии пришлось одной встретить противника, удерживать переправу через Днепр и пропускать через себя отступавшие войска Западного фронта. Несмотря на героические действия наших пехотинцев и танкистов, к исходу 3 октября немцам удалось прорваться к Днепру. Создав плацдарм на восточном берегу Днепра, противник вышел в полосу обороны 32-й армии Резервного фронта. Холм-Жирковский был взят.

На этом рубеже в сводках упоминается 140-я с.д. (13-я дивизия н.о.). 2 октября дивизия вступает в тяжёлые, кровопролитные бои в районе Холм-Жирковского северо-западнее Вязьмы. Взятие Вязьмы немцы считали отправным пунктом взятия Москвы. На этом участке враг ввёл в бой основные силы группы армии «Центр».

Ожесточённые бои продолжались **3 – 4 октября**. **3 октября** в районе Холм-Жирковского появились 100 вражеских танков. Только за этот день ополченцы сожгли более 30 танков и несколько десятков в последующие дни. Немцы вводят новые силы. В тот момент, когда им удалось вклиниться в нашу оборону, ополченцы перешли в контратаку, нанося фланговые удары. Это было впервые, чтобы окружённые войска шли в атаку. В течение недели ростокинцы сдерживали наступление фашистских войск. Но оборона наша была прорвана, и оба наших фронта – Западный и Резервный оказались в окружении. К 7 октября относятся последние упоминания о боях Ростокинской дивизии. 10 – 12 октября части дивизии, не успевшие пройти к рубежам восточнее Вязьмы, были окружены. Но дух сопротивления не сломлен, разрозненные части и в окружении дрались до последнего патрона и заряда. И только 12 октября удалось на короткое время пробить брешь в районе Богородского – часть дивизии вышла из окружения. Большие и малые группы ростокинцев выходили из окружения до конца октября.

В середине октября 80% дивизии погибло, заслонив собой Москву, оттянув на себя значительные силы врага, задержав его на подступах к столице. В конце ноября 1941 года 140-я с.д. (13-я дивизия н.о.) из-за больших потерь была расформирована. Вышедшие из окружения продолжали сражаться до победы на Западном, Калининском, Сталинградском и других фрон-

тах или в партизанских отрядах, многие полиграфисты стали организаторами походных, полевых, партизанских типографий. Работали в дивизионных и армейских газетах. Об этом повествуют в своих воспоминаниях наши ветераны. В декабре 1941 года Красная армия перешла в наступление, и они участвуют в боях под Ржевом. 22 февраля 1942 года под селом Холмец гитлеровцы заняли оборону. В жестоком бою там погибли несколько наших полиграфистов.

Из приказа МАМИ № 310 от **16 июля** узнаем о мобилизации в Народное ополчение с 5 июля 14 преподавателей и сотрудников, а в приказе №324 от 31 июля 1941 года говорится: «Считать мобилизованными в Народное ополчение с 5 июля 57 студентов». Все они вошли в состав **2-й дивизии Народного ополчения Сталинского района**.

В ночь с **7 на 8 июля** дивизия выступила из Москвы в район Химки – Сходня – Крюково. 8 500 ополченцев перешли в район городов Клина и Высоковского. Здесь они получили подкрепление ополченцами Московской, Калининской и Рязанской областей.

13–15 июля дивизия возводила полосу обороны на участке Кузьминское – Теряева Слобода – Любятино, затем до **25 июля** на участках Ошейкино – Ярополец – Ивановское (северо-западнее Волоколамска). Эта полоса – северный участок Можайского оборонительного рубежа – сыграла свою роль в отражении первого наступления немецких войск на Москву в октябре 1941 года.

25 июля по приказу штаба **32-й армии** дивизия выходит на реку Вязьма. Здесь она построила главную полосу обороны с полосой заграждения, а также 2-ю полосу обороны по линии Лама – Марьино – Пекарево – Богородское и далее на юго-восток по восточному берегу болотистого ручья Бобра общей протяжённостью около 18 км. **В сентябре** дивизия строила укрепления в районе автострады Москва – Минск у переправы через Днепр. **С 4 октября** на этом рубеже (восточный берег Днепра, северо-западнее Вязьмы), 2-я с.д. пыталась остановить врага, обороняя свой участок в жесточайших боях. Во время отхода наших войск в течение нескольких дней дивизия прикрывала отступающие части 19-й армии, обороняя мосты через Днепр и Вязьму. Затем взрывала их, вынуждая противника наводить временные переправы. Однако враг вышел на плацдарм восточнее Вязьмы. **Дивизия н.о.** попала в окружение. Включённая в группу прорыва, **12 октября 1941 года** она вышла из окружения, прорвав оборону противника в районе села Богородского, соединилась с частями 19-й армии (эти события подробно вспоминает бывший командир **2-й дивизии н.о.** В. Вашкевич на сайте «Героико-патриотический форум России»). В связи с понесёнными потерями **в декабре 1941 года** дивизия была расформирована.

В ряды **7-й Бауманской дивизии** народного ополчения **в первые дни июля** вступили более 100 преподавателей и студентов **МИХМ**. Всего в дивизию за всё время её существования вступили 12 тыс. человек, из которых более сорока процентов составляли коммунисты и комсомольцы.

Под Химками ополченцы обучались военному делу, и уже **во второй половине июля** начали продвигаться к Западному фронту – через Волоколамск и Вязьму к Дорогобужу Смоленской области. На всём пути они строили оборонительные сооружения и продолжали военную учёбу. В августе-сентябре 1941 года дивизия составила вторую линию обороны. Накануне операции «Тайфун» 29-я с.д. (она же 7-я дивизия н.о.) оборонялась в первом эшелоне 32-й армии севернее автострады Смоленск – Москва.

2 октября 1941 года началось генеральное наступление фашистских войск на Москву. 7-я Бауманская дивизия народного ополчения, как и 13-я, и 2-я дивизии, оказалась в начале октября в направлении главного удара, попала под бронированный каток 3-й танковой группы войск противника.

В течение нескольких суток, поднимаясь в атаку по 6–7 раз в день, дивизия вела кровопролитные бои в районе 242-го км Минского шоссе возле Вязьмы, прикрывая отход войск Западного фронта. Была окружена и с боями выходила из окружения. Только **7 октября**, находясь в окружении, она 7 раз атаковала противника. Здесь погибло более 6 000 бауманцев (в т. ч. михмовцев), задержав наступление немцев на Москву. После **12 октября** дивизия перестала существовать как отдельное воинское формирование.

Ряд будущих преподавателей и профессоров **ВЗПИ** и **МВМИ** сражались в составе 1, 6 и 21 дивизий н.о.

1 дивизия н.о. формировалась в Москве, в Горном институте. Сражалась под Москвой, понесла большие потери, из окружения вышли только штаб и тыловые части.

6 дивизия н.о. формировалась в МИИТ. Почти полностью погибла под Вязьмой, часть вышла из окружения, сохранив знамя, и влилась в новые формирования.

21 дивизия н.о. в начале Московской битвы вела оборонительные бои, на Можайской линии обороны, понесла большие потери и была выведена в резерв Западного фронта. В ноябре оборонялась в районе Каширы. В составе Первого гвардейского кавалерийского корпуса участвовала в освобождении Мордвеса, Венёва, Алексина, Полотняного Завода. Боевой путь завершила под Берлином.

К 18 июля 1941 года в состав формирующейся Первомайской дивизии н.о. записались 600 человек – заводчан «Серп и Молот», в том числе и студенты **МВМИ**, работавшие на заводе. Однако отправку дивизии и её комплектование отменили. Из её состава часть была направлена для комплектования боевой дивизии Красной армии (комполит и начсостав). Из рядового состава сформирован Первомайский батальон, который вошёл в 13-ю Ростовскую дивизию н.о., и в её составе вступает в боевые действия под Москвой.

Изучение судеб преподавателей и студентов МАМИ, МИХМ, МПИ, ушедших в ополчение **в июле 1941 года**, показывает, что, к сожалению, многие погибли или пропали без вести.

На долю дивизий народного ополчения не выпала слава громких побед. Боевой путь дивизий был недолгим. Был тяжёлым и ответственным. Преграждая путь врагу на пути к Москве, они в полной мере выполнили свой долг перед Родиной в суровые дни октября 1941 года.

В июле 1941 года для работы в тылу врага создавались диверсионные группы. 18 комсомольцев – студентов 2-го курса МИХМ, обучавшихся в снайперской группе ОСОВИАХИМА, вступили в них. В ночь с **6 на 7 августа 1941 года** группы И. Коршуна и Н. Трешева были переправлены на самолетах за линию фронта на Смоленщину и на территорию Белоруссии. Группы выполнили ряд удачных операций, в т. ч. взрыв на железной дороге, установили связь с местной комсомольской организацией, совершили несколько диверсий, взорвали склады боеприпасов, совершили подрыв эшелона с техникой.

В апреле–мае 1942 года были сформированы *разведывательные группы* из 21 студента МИХМ (в основном из девушек). Проучившись в спецшколе Волховского фронта два с половиной месяца они были заброшены во вражеский тыл. Многие из них погибли, но часть сумели перейти линию фронта и участвовали в боях в составе Красной Армии.

Во время серьёзной угрозы Москве **в первой половине октября 1941 года** по инициативе Московской партийной организации сформировано **25 батальонов** и создана **3-я Московская коммунистическая стрелковая дивизия** (около 12 тыс. человек), **19 января 1942 г.** переименована в **130 с.д. Калининского фронта**.

Коммунистический батальон Бауманского района состоял из 740 человек. В него вступили 76 преподавателей и студентов МИХМ. Начав боевой путь под Москвой, он участвовал в боях под Старой Руссой (по уничтожению 16-й немецкой армии), в освобождении Пскова, Новгорода.

Нет ни одного фронта, где не сражались бы наши преподаватели, сотрудники, студенты, выпускники.

Нет ни одного рода войск, в которых они не проявили бы свою стойкость и героизм. Это пехотинцы и связисты, артиллеристы и танкисты, лётчики и моряки, переводчики и разведчики, партизаны и подпольщики, редакторы и художники дивизионных, армейских и фронтовых газет и типографий.

Судьбы ушедших на фронт сложились по-разному. Кому-то пришлось пройти немецкий плен и концлагеря, но дух их не был сломлен, они боролись и там. Кто-то дождался Победы, жизнь других оборвалась на пути к ней.

Не забудем о них. Наша книга о тех, кто шёл к Победе.

КИНГОЛЬЦ (БАУТО)

Мария Петровна

методист ФПТ, МГУП

Родилась 4 августа 1922 г. в небольшом белорусском городке Сураж Витебской области в семье рабочего. Все ее детство прошло в этом городе. Здесь она окончила среднюю школу.

В начале 1940 г. по комсомольской путевке Мария Петровна уезжает в город Брест. Там она заканчивает курсы подготовки агитаторов и в составе агитбригады занимается пропагандистской работой среди населения Брестской области. Мечтая стать преподавателем русского и белорусского языков, Мария Петровна поступает в единственное на то время педагогическое училище. В 1940 – 1941 гг. высших учебных заведений в г. Бресте не было.

Проработала в МПИ 39 лет. С 22 июня 1941 г. до освобождения г. Бреста от немцев выполняла роль связной между патриотами группы антифашистского подполья и партизанами г. Бреста и Брестского района.

В 1940 г. Мария Петровна встречает свою первую любовь и выходит замуж за офицера Красной Армии, служившего в Брестской крепости. Молодые люди счастливы, строят планы на будущее, ждут рождения ребенка. Но в их жизни внесла жесткие коррективы война. 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война. А в 8 утра 22 июня в город Брест вошли немцы. Прощание было коротким. Муж Марии Петровны ушел на фронт. Им не суждено будет больше увидеться. В первый же день Мария стояла у своего разрушенного дома, когда в него попал снаряд, а Марию ранило осколком.

Мария Петровна осталась одна. Было очень страшно. Уйти из города было уже невозможно, да и некуда. Так началась жизнь в оккупированном городе. Жители Бреста оказались в условиях физического истребления, морального надругательства и унижения. Девушки, выходя на улицу, прятали головы под платками, старались стать неприметней, многих угоняли в Германию. И все больше становилось людей, которые видели выход только в одном – бороться. Было создано антифашистское подполье. Создать подполье в оккупированном городе – задача не для слабонервных. Казалось, даже ветер свистел с немецким акцентом. Подпольщики работали в цепочках по

пять человек. Даже внутри такой цепочки зачастую не все знали друг друга — по соображениям конспирации. Впоследствии именно из-за этой системы тем, кто пытался воссоздать историю подполья, было сложно выявить всех участников.

Чтобы меньше было подозрений, патриоты идут на работу к немцам. Это дает возможность общаться с людьми, «вылавливать» обрывки разговоров оккупантов. Сначала Мария устроивается в магазин поляка-антифашиста Матвея Гвоздецкого, сын которого находился в партизанах, и выполняет задание М.Р. Яковенко. По вечерам Мария расклеивает по гулко-опасному городу листовки, призывающие к борьбе. В октябре 1941-го у Марии родилась дочь, но она продолжала работать в подполье. Когда уходит на задание, за девочкой присматривает соседка-полька.

В 1942 г. установлена связь с партизанами. Тамошние места — леса да тополь, куда враг и сунуться не смел. Партизаны нуждаются в оружии, медикаментах, и подпольщики приходят на помощь. Мария поступает в немецкий госпиталь. Антифашистские группы были во всех немецких госпиталях. Мария выполняла задания М.Р. Яковенко, являясь связной между госпиталями. Моет полы, ухаживает за ранеными, а между тем, чуть немец зазеваётся, в любой складке юбки ухитряется выносить бинты, йод, спирт и лекарства. Каково это: просыпаться по утрам, чтобы идти на работу не просто нелюбимую — к врагу, выполнять самую грязную унижительную работу, ухаживать за больными, которые, поправившись, пойдут убивать твоих соотечественников? И нельзя ни зажмурить глаза, ни зажать уши, потому что ты здесь именно для того, чтобы глаза смотрели и уши слушали!

Часто Мария ходит в тюрьму — передать немного еды заключенным, а иногда и записку. Брала с собой дочку: женщина с ребенком вызывала меньше подозрений. Но главной для Марии была роль связной между подпольщиками и партизанами. Она передавала сведения о расположении немецких войск, о положении на железной дороге, приносила медикаменты, всё, что удавалось достать и что могло пригодиться. Работать становилось все опаснее: несколько явочных квартир было провалено. В подполье появился предатель. Во время очередной встречи на явочной квартире Марию предупредили, чтобы не возвращалась домой. Но дома дочь! Соседи под покровом ночи приносят ее к матери. Было решено переправить Марию с ребенком к партизанам. Во время этого перехода Мария чуть не утонула в болоте: неудачно шагнула и начала проваливаться, а в руках дочь. К счастью, поблизости оказались свои ...

Шел 1943 год. Однажды Мария чуть не попала в плен врагу. Неся очередное донесение, она была задержана немцами. Еще с несколькими ее посадили в сарай — «до выяснения». Что должна была пережить Мария за время, проведенное взаперти? В корзине на дне — важные сообщения, где-то в лесу ребенок... Но в этот момент начался налет советских самолетов. Воспользовавшись суматохой, женщины бросились врассыпную.

В июле 1944 г., когда г. Брест был освобожден от немцев, Мария Петровна вернулась с дочерью в город. Здесь она узнала, что ее муж погиб, защищая Родину. И еще один удар — в ее родном городе Сураже по доносу была расстреляна немцами группа местных жителей, помогавших партизанам. Среди них была мама Марии и две ее тетушки. Приговоренных заставили рыть яму — могилу, в которую их всех потом «уложили» автоматными очередями. Но один человек выжил, он и рассказал впоследствии, как все произошло. Узнали и кто был доносчиком — деревня-то маленькая. Сейчас на месте расстрела — братская могила и памятник погибшим. Надо было жить дальше. Мария устроилась на работу.

С 1 сентября 1944 по май 1946 г. работала в должности бухгалтера Брестского городского отдела гособеспечения, с 1946 по 1948 г. в Брестском Горкоме КП(б)Б в должности бухгалтера, с 1949 по 1951 г. работала в должности делопроизводителя и машинистки.

В 1951 г. Мария Петровна Кингольц с семьей переезжает из Бреста в Подмоскowie и устраивается на работу в Московский зоотехнический институт коневодства, работает там с 1952 по 1954 г. в должности сначала заведующей канцелярии, а затем диспетчером учебной части.

В 1954 г. Мария Петровна поступает в Московский полиграфический институт на должность диспетчера учебной части, а затем переходит на должность инспектора-методиста в деканат Технологического факультета, где она и проработала до 1993 г.

Кингольц Мария Петровна проработала в Московском полиграфическом институте около 40 лет. Более 30 лет проработала на должности инспектора-методиста в деканате Технологичес-

кого факультета. Мария Петровна была ответственным, энергичным и исполнительным сотрудником. Ей очень нравилось работать с молодежью, была чутким, добрым человеком. Каждый студент — это отдельная история, биография. И к каждому Мария Петровна пыталась найти подход, понять и помочь. Некоторые студенты, оторванные от дома, тянулись к ней как к матери. До последних своих дней Мария Петровна получала письма, поздравительные открытки от своих любимых студентов.

[Статья подготовлена по материалам книги А.А. Грибенкиной («Брест непокоренный» Минск, 2005 г.) и воспоминаний дочери Г.М. Петинной (Баута), опубликованным в газете «Мир печати» № 9, 2009 г.]

ОРЛОВ

Глеб Константинович (1906 – 1941)

младший лейтенант, выпускник МПИ

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Родился в Москве в 1906 г.

Учился во ВХУТЕМАСе-ВХУТЕИНе (1924 –1930) у В.А.Фаворского и Н.И.Пискарева.

Окончив институт, два года служил в районе Владивостока, где при малейшей возможности рисовал с натуры портреты однополчан и пейзажи. Возвратившись в Москву, в 1934 г. экспонируется на выставке молодых художников.

Затем участвует в выставках, приуроченных к IX съезду ВЛКСМ, к 20-летию Октября.

Перед отъездом в армию в середине апреля в Центральном Доме работников искусств открылась его персональная выставка (таджикские мотивы).

Пропал без вести 22 июня 1941 г.

Как командир запаса младший лейтенант Орлов отправился по предписанию Фрунзенского райвоенкомата Москвы для прохождения трехмесячных сборов космостава в город Любомиль Волынской области. Здесь, примерно в 30 километрах от границы, дислоцировался 61-й стрелковый полк 45-й стрелковой дивизии, куда и прибыл Глеб Орлов. Осмотревшись и войдя в быт местной военной среды, он писал жене: «Живем в бывшем поповском доме. Пейзажей интересных тьма... Дома совсем другие, чем у нас. Все это интересно. И если бы здесь писать, то было бы что. Но едва ли удастся хоть немного порисовать. Дело сложное: уж очень близко от нас “сосед”...» (20 мая, 1941). И в следующем письме повторяется та же мысль: «...Если бы была возможность здесь писать и рисовать, то нашлось бы что... но, увы, времени нет, да и кое-что другое...» (29 мая, 1941). И через три дня: «...Солнце жжет, хотя всего 10 утра. Над головой носятся чибисы, свистят кулики, а в ста шагах идет бой турухтанов. Квакают лягушки. Ухают жабы. И кругом цветы... Все это ничего, — продолжает он, заканчивая письмо, — уставать особенно не приходится. Но волнует одно, как бы это не затянулось... Ближайшее время должно кое-что выяснить... тогда я тебе и напишу» (1 июня, 1941). Так тоска художника по творческой работе переплетается с тревогой, но и это не лишает его оптимистической веры в будущее.

Орлов, как и его товарищи, охранявшие государственные границы, чувствовал надвигавшуюся грозу. Но и настороженная восприимчивость пограничника была сильно приглушена авторитетностью официальных сообщений. Слухи о войне, как бы они ни были доказательны и достоверны, расценивались как провокационные. Тем тревожнее оказались события субботнего вечера на участке 90-го Владимир-Волынского погранотряда, расположенного юго-западнее Любомиля.

21 июня 1941 года, суббота. Иные командиры застав, свободные от заданий, на воскресный день уехали во Львов.

Где первые выстрелы и разрывы бомб застали Орлова? Оставался ли он в расположении штаба или занял рубеж, взаимодействуя с пограничниками? Нам ничего об этом не известно. Но мы можем предположить, что он, как и другие военнослужащие этого района, вместе с пограничниками с оружием в руках встретил вероломно начавшийся массированный боевой огонь.

[По материалам журнала «Искусство», 1965 г., № 5].

Е Ф И М О В

Евгений Александрович (1921-2019гг.)

д-р хим. наук, профессор кафедры электрохимии (МВМИ)

Родился 22 декабря 1921 года в Москве. С 1 курса Московского химико-технологического института имени Менделеева призван в армию (1939г.) — начал служить в Гомельской обл. деревня Костюковка.

Прошел всю Великую Отечественную войну и демобилизовался в 1946 году.

По сохранившимся фотографиям его боевой путь выглядит так:

1941 г. — Могилев и битва под Москвой;

1944 г. — Кубинка, Можайск, Орша. Войска НКВД (железные дороги).

Красноармеец — старший сержант — старшина.

Награды: медаль «За победу над Германией», орден Отечественной войны II степени, «Знак Почета».

Продолжил обучение в МХТИ имени Менделеева, по окончании которого работал в НИИ (ныне — «Пульсар»), закончил аспирантуру. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации по проблемам коррозии металла. С 1972 года — в МВМИ.

[Из воспоминаний Е.А.Ефимова, записанных его внуком Алексеем Дьячковым]

«В ночь на 22 июня 1941 года я был дежурным штаба воинской части Командир, уходя спать, предупредил — будить только в экстренных случаях. И вот ночью я, принимая сообщение, которое, увидев шифр, по инструкции должен был срочно доставить командиру. Я так и сделал, вызвав для него машину. В 8 часов утра командир отправил меня отдыхать, а в 12 часов мы узнали по радио — началась война. Находились мы недалеко от границы. Нас вооружили, но впервые столкнулись с врагом через несколько дней ... Через несколько дней прошел слух, что немцы у Днепра. Командир вызвал добровольцев. Я вышел вперед. Машина с четырьмя пулеметами, вооружены винтовками, гранатами. Прихватили и противогазы. Это была разведка ...

Месяц-полтора мы были у Ельца (на р.Сосна). Переезды через Брянский лес, обходя немецкие кордоны, ночью спали на земле, бросив на нее ветви хвойных деревьев. Там соединились с нашим отрядом НКВД. Они оценили, что вышли к ним, сохранив красноармейские книжки.

Впоследствии я был писарем при штабе (грамотных было мало, а делопроизводство сложное), а затем занимался политработой, проводил занятия с солдатами ... 7 лет в армии.»

[Статья подготовлена С.В.Морозовой по материалам архива семьи и интернет-издания]

ОСАУЛЕНКО
Владимир Феодосиевич (1921 – 2013)
доцент кафедры истории КПСС, МВМИ

Родился 31 октября 1921г. В 1939г. с золотой медалью закончил школу в с.Широкое Днепропетровской области и поступил в Харьковский инженерно-экономический университет, из которого призван в армию. По окончании школы младших командиров в звании сержанта, в 1940г. направлен в 18 отдельный артиллерийско-пулемётный батальон 62-ого Брестского укрепрайона, с которого началась фронтовая дорога... Полковник в отставке.

Награжден многими орденами и медалями Великой Отечественной войны.

Воспоминания В.Ф.Осауленко

*[опубликованные в газете «Мартеновка»
5 октября 1984 г. и в интернет-издании]*

Летом 40-го года мы выехали на границу в Брест, форт Красный, где мы (первая батарея и штаб батальона) и разместились. Кроме нас здесь находились строительная часть и человек 200 солдат, проходивших переподготовку. Все это рядом с Брестской крепостью – 150 метров от нее. Форт Красный (бывший форт графа фон Берга) – это аванпост, который должен был встречать противника и предупреждать своим огнем подступы к цитадели. Поэтому от нее было небольшое расстояние до форта.

Там, в 18 Отдельном артиллерийско-пулеметном батальоне, 62-го Брестского укрепленного района я и начинал войну.

Брестский укрепрайон состоял из мощных дотов, в которых были установлены 85 – 87-мм орудия с удлиненными стволами. Они били до 1200 метров прямой наводкой. Спаренные с крупнокалиберным пулеметом, каждые 4 дота взаимно простреливались. Только на нашем участке находилось 8 дотов, где были установлены эти орудия. Самый первый дот был в 50-ти метрах от Западного Буга (границы), а остальные в 75 – 100 от нее. Затянули мощной маскировкой, металл с деревом. Там такая была маскировка, что ее неделю надо убирать. Но они установили все это. Что было бы, успев мы туда прийти, я не знаю... Но, когда война началась, мы же в эти доты так и не попали. К июню 41 года я был сержант (я почти всю дорогу был сержантом), пом. ком. взвода и командиром двухорудийного дота (остальные были одноорудийные). И через два месяца надеялся сдать экзамены на младшего лейтенанта запаса, чтобы попасть в 41-м году в университет. Было такое постановление, досрочно уволить. Чтобы уйти не в октябре там где-нибудь, а в августе, чтобы попасть на учебу. Это было сделано разумно. Поэтому ни на танцы, ни на другие мероприятия не ходил, готовился к экзаменам.

И вот мы там, солдаты. Гарнизон назывался Красный, так как из красного кирпича были сделаны казармы, столовая, склады...Стояли палатки для переменного состава, на 150-200 человек. В метрах тридцати от нас была штабная казармочка (штабной корпус), там были штабные работники, писаря, заведующие складов. Они имели винтовки и гранаты. Наша же казарма находилась где-то в метрах 70 – 100 от проходной.

Рядом с нами располагался северный гарнизон сухопутных войск города Бреста. Там была стрелковая дивизия, несколько танковых и артиллерийских полков. Но к 22 июня он был пустой совершенно. Команда поступила 17 числа, и все выехали в лагерь. Поэтому, когда война началась, мы напрасно ждали какой-нибудь помощи. Кроме того, все наши командиры отсутствовали. Часть находилась в крепости, они там жили. А часть жила между гарнизоном и крепостью, там был городок. Вечером 21 июня они ушли все, конечно, без оружия. Все их оружие было у меня под замком, как у дежурного. Как много погибло из офицеров и генералов, это жуть! Практически из Бреста никто из них не ушел.

Ходя в караул, я был всегда разводящим вместе с 9 погранзаставой, 17-м погранотрядом, которая находилась в Брестской крепости. Мы втроем ходили, меняли своих часовых. Обстановка осложняется. Мы ловим перебежчиков, сдаем их в погранзаставы, в погранотряд. Среди них была значительная часть людей, шедших к своим родственникам, граница была параллельно. Много ходило туда-сюда. Пограничники привыкли, ничего особенного, и мы видим, что это не опасно. Но в последнее время они не заметили, что ходили специально подготовленные немцы. Правда, в укрепленный район, немцев, конечно, не пускали. Это же передняя линия.

Я в ночь на 22 заступил дежурным по батарее. Здесь же, в самом городке, в ту ночь находился в основном и мой взвод. Заступив, отправил ребят на танцплощадку в город, это в километрах 3-4, куда мы бегали к девчатам. Через какое-то время, полчаса — час, появляется командир нашей первой батареи. «Как вы там? Ребят подготовь, как следует. Предупреди, чтобы все дружно возвратились домой. А в понедельник, 23 июня, мы начнем загружать доты боеприпасами и продовольствием». В каждом доте был артезианский колодец. Вот такая была установка командира. Когда вернулись с танцплощадки ребята, подходит ко мне товарищ мой Решетило, солдат, украинец. (У нас пополнение пришло из Самарканда и Украины) Он был у меня вторым номером на пулемете «Максиме». У меня есть фотография, где я вместе с ним.... «Володя, ты знаешь, мне очень неприятную вещь сказала моя подружка». «Что она тебе сказала?» «Она сказала, что нам завтра будет очень плохо». «Почему?» «Завтра начнется война». Девчушка каких-нибудь 17-ти лет на танцплощадке знала. А командир батареи ничего не знал. А, следовательно, и другие командиры повыше тоже ничего не знали, потому что не было указаний. Я подумал, что хоть девчонка и говорит такое, но ведь старшие командиры молчат, и наверное, она ошибается. Хотя обстановка была очень сложной.

Примерно в 2 часа ночи подбегает ко мне повар. «Володя, на кухне отключена вода! Завтрак я не могу готовить». Через 10 — 15 минут он выскакивает опять, «отключили электричество!» (у нас были электроплитки). Я понял, что девчонка права. И тут где-то в полчетвертого уже раздаётся могучий гул сотен самолетов, которые перелетают с запада на восток, на нашу территорию. Я понял, что это война! Я побежал в штаб, там должен был быть офицер, дежурный по гарнизону. Никого нет. Я схватил трубку, чтобы позвонить начальнику штаба. Телефон не работает. Все линии были порезаны. Я побежал в казарму: «Боевая тревога! Быстро хватайте «максимы», винтовки, патроны, и согласно боевого расписания занимайте оборону».

И когда последние из солдат уже выбегали из казарм, раздался фантастический грохот. Мы сразу не поняли, откуда такие мощнейшие взрывы над цитаделью. Самолетов не было. А там напротив крепости, стояли 600-мм пушки! Можете себе представить, какой от них грохот. Первые минуты... Растерянность... Не успели даже мост взорвать из Бреста в Тирасполь (это уже на той стороне, Польша). По центру моста была проведена «красная линия». По эту сторону наш часовой, по ту — немец. В назначенное время он убил нашего часового. Наверное, они знали, где находится ручка, чтобы взорвать мост. И сразу же через него повалили немцы. И браво начали нас окружать, и где-то через час — час с лишним появились в проходной прямо перед нами. ... А ребята то все были сонные. Но они быстро организовались. Тренировки у нас часто были. И очень хорошо встретили этот немецкий поток. Часть заняла окопы перед фортом — учебные и на случай неприятностей — мы думали что они фактически не нужны будут нам. Ребята с этих окопчиков палили из пулеметов и винтовок. Часть бойцов заняла оборону в помещении штаба.

Со старой границы мы привезли сюда десятка два «максимов» и штук 8 — 10 использовали, когда все это началось, они не предполагали, что у нас есть «максимы». Потому что по штату они нам были не положены... Заняли позиции в столовой с пулеметами и ребята открыли мощный огонь. У них-то автоматы, на 40 — 50 метров поражают, а «максим» может поразить на 300 — 400 метров, только правильно надо прицел поставить. А здесь расстояние 75 — 100 метров, поэтому наши все ребята и встретили... Решетило, и я ходили, командовали. Потом я лег за пулемет. После второй атаки (прошло, наверное, часа полтора — два с начала войны) появился броневи́к, но ребята

с ним справились очень быстро. Только вошел сюда на проходную и его подбили прямо гранатами и огнем из пулеметов. Наверное, пуля в смотровую щель попала и убили шофера... Опять отступили, а потом вновь пошли..

С левой стороны, прямо перед нами, появилась девятка самолетов. Я потом уже узнал, что это Ю-87, так называемые, лапотники. У них неубирающееся шасси было, это старый, противный, вредный самолет, пикирующий штурмовичок. Ни один человек не пришел после этого удара. Представляете себе на каких-то 100 метров 9 пикирующих штурмовичков выбросили тонну. Может быть, по 100 – 200 – 300 килограммов примерно. Поэтому никто к нам отсюда не появился.

Рядом погранотряд оборонялся, у них было порядочно людей, но мы практически с ними связанны не были. И уже пошли отступать с границы – у нас появились 3 пограничника. кстати тоже 39-го года призыва.

Тут мы, во-первых, заметили, что немцы решили нас окружить. Это был уже сделан любимый шаг немцев, окружать. А, во-вторых, у нас совершенно заканчивались боеприпасы – у нас только НЗ-патроны (по 2 коробки, 500 патронов, может быть, кто-то прихватил и три коробки), никакой помощи, поэтому я дал команду активно открыть мощный огонь из пулеметов и винтовок, и уходить... У нас же тогда ни у кого часов не было, может быть 2 – 3 часа оборонялись, и мы отошли в конец своего гарнизона. Не знали, что немцы уже там. Так вот, когда мы пришли сюда, то решили рвануть к Северному гарнизону... Пример командира – мы с пограничником первые пробежали расстояние до северного гарнизона. Началась стрельба, мы кувыркались, ползли... Прошли мы оба. А вслед ребята остались без командира, и они рванулись все вместе, 40-60 человек. Как телята. Немцы открыли массированный огонь с автоматического оружия. Конечно, не из автоматов пехоты, а уже из настоящего автоматического мощного оружия. Сюда больше никто не пришел. Может быть, они не все были убиты, но мы подойти туда не могли, потому что немцы тут же сразу пошли, мощным огнем любого бы уничтожили. Я считаю, что все погибли. А я даже ранен не был. Почему? Потому что я, во-первых, не спал. Я был в полной силе, 18-летний солдат. Я все делал быстро... Итак из нашего подразделения один я остался жив. Во второй батарее ни одного человека не осталось. В третьей батарее еще остался жив один солдат (Чиж). За 2 – 3 часа войны из отдельного батальона остались 2 человека, а это стрелковой полк. Так мы сражались. Вот такая была у нас картина.

Когда уже шли через северный гарнизон с этим пограничником, увидели группу – 7 – 8 солдат. Мы подошли к ребятам, они рассказали, что их командир – младший лейтенант ставил им боевую задачу. Подошел некий капитан и закричал: «Ты, что говоришь, сволочь?!» И выстрелил в этого парня из пистолета. Их шпионов, диверсантов была огромная масса. Надо было обратить внимание, что они были одеты в новую нашу форму. Это была в основном форма наших капитанов и майоров. У них был некоторый запас слов. Причем все это было подготовлено с немецкой пунктуальностью – те же «Ты, что говоришь, сволочь!». Потом они ездили и на мотоциклах, и на велосипедах. Единственное, что, сколько я их видел, три или четыре человека, они все были одеты с иголочки, чего у нас не было. Так что вот это их выдавало сразу. Но все были в таком состоянии (ни с того ни с сего все пошло вверх ногами) поэтому особенно на это не обращали внимание.

Мы поняли, что надо отходить дальше. Пограничник мой сразу исчез куда-то. Я же не пограничник, он человек другой школы, другого воспитания.

По дорогам нельзя было идти, там немецкие самолеты все живое уничтожали, поэтому я пошел по лесу. И вышел на наш первый аэродром. Там был штаб нашей четвертой армии. Там было полторы сотни истребителей, причем значительная часть новых. И вот я увидел скелеты этих самолетов, и проходя мимо них понял, что нескоро я увижу свою авиацию. И, действительно, пока шел до Брянска один, два самолета проскакивали, какие-то связные, и все.

Всюду шли, позли со всех концов солдаты, ребята, офицеров практически не было, они практически все погибли. Никакого командования не было. У нас по пятам грохочут немецкие танки. Своих-то войск мы не видим, их не было. Шли волной, по одному, десятки, пятерки. Я шел один. Присоединился к дальнобойной артиллерии. Там они плелили на 17 – 20 км, куда, не знаю. Через пару часов снаряды закончились, вынули затворы, отнесли куда-то их, выбросили. И они тоже пошли. Солдаты, сержанты. Мы знали, что южнее нас шли немецкие танки.. Самолеты немецкие над нами летают. И когда мы еще к Пинску подходили, то они на бреющем летали и высовывали нам языки. Они уже по нам не стреляли, не бомбили, считали, что мы уже обречены..

Прошло почти две недели, пока мы дошли до района Пинска. Там нас организовали подполковник, (я думаю, что он был местный. Одет был очень прилично) и капитан медицинской службы. Они, два офицера, и собирали всех. Поставили часовых на полянке. Человек 300 – 400 там собралось, в

основном солдаты, немного сержантов. И решали, что дальше. С нами был один белорус, вероятно, он был на переподготовке. Попросил у подполковника слово, говорит: «по шоссе нам идти нельзя. Танки нас очень быстро догонят. А с шоссе – 5 – 10 метров и болотные топи. Дайте команду, пусть нарежут ребята, я покажу, как сделать болотоходы». Мы нарезали еще и палки по 2,5 – 3 метра, чтобы всем по сторонам тропу проверять, не только переднему. И это решение – идти через болото – было гениальным.

5 июля нас бомбили.... Мы заметили, что летает какая-то «рама». И вдруг свист, вой бомб, это Ю-87 запустили пока что только специальные установки. А потом через 10 – 15 секунд посыпались на нас бомбы. Человек 30 – 50 погибло. Меня миновало – подбросило воздушной волной, ударило о дерево поясницей... Я всю жизнь живу вот с такими поясами. Головой немного достало. Правда, в ладони осколок был. Но слава Богу, капитан, (он был с большой сумкой, уже, наверное, получил задание здесь, в районе Пинска) занялся мною. Выдернул осколок, зашил.. Для меня были мучения, потому что никаких нервов он не шивал, все время рука очень мерзла. Единственный палец сейчас у меня с отложением солей, все остальные нормальные... Потом заставил ребят обложить такими речками поясницу. Мы 3 – 4 дня были еще на месте. Нам немножко дали патронов. Потом мы двинули вперед. Впереди белорус, потом подполковник, потом мы – по одному шли через болото. Ели разную травку. Потом мы шли недалеко от шоссе (думал это Бобруйское шоссе, а потом усомнился), по которому шли танки, и немецкие колонны нас обгоняли в юго-восточном направлении. Наш отряд отсекал последние машины из колонн, брали продукты, оружие. Мы были первыми партизанами, о которых никто не знал, и не узнает. В первых 3 – 4 нападениях я не участвовал, только в последних двух. И вот так в конце июля мы вышли в Карачево, это между Брянском и Орлом. Линии фронта никакой не было. Был такой слоеный пирог.

Прошли где-то 400 – 500 км. Нам повезло страшно, что мы прошли так. Надо сказать, что в пути к нам еще постоянно присоединялись. Знаете, что меня потом очень радовало, когда я разобрался с этим. Не было трусов, не было предателей среди нас, самое здоровое выжило. Но наше самочувствие можно описать одним словом – шок. Настоящий шок, который держался до Карачево. Шок и растерянность. В чем дело? На армию расходовали сумасшедшие деньги. 40 % в 40-м году выделили из бюджета на армию. И вдруг вот такая ситуация.

Подходя к Карачево, увидели в лесу формировочный полк. Куда-бы в тыл на переформировку не отправили – командиров, ждавших нашего брата, и там было полно. Сразу же и хватали на пополнение. Никаких проверок не было. Из своих нас никто не предал, была большая команда, но надежная. Так что совершенно спокойно мы вышли. Ко мне подошел майор «сержант, пошли ко мне в авиационную часть». Я говорю: «пойду». И все. Он больше никого не брал. Они (13 отдельный Инженерно-аэродромный батальон) отступали от самой границы. Мой новый командир – майор (впоследствии подполковник) Григорий Федорович Панченко был человек очень трудолюбивый, очень исполнительный.

И как пристал я в 13-й, так всю войну и был там (комсорг, а затем начальник минно-саперной службы).

Основная задача батальона – выбор и подготовка площадки (в основном взлетно-посадочной полосы) для аэродрома, прежде всего в ходе наступления. У нас были уже намеченные места, где есть аэродромы, или где они могут быть. Требования к взлетно-посадочной полосе были элементарные. Чтобы она была ровная и хорошо укатанная, не менее 500 метров. Чтобы самолет мог спокойно взлететь. Ее, кстати, ничем не обозначали. Наши летчики прилетали, садились – они уже ее знали. Зачем же обозначать? Давать немцам шанс?

В первую очередь, когда приезжали, по бокам взлетно-посадочной полосы мы рыли щели. Причем, перпендикулярно полосе, потому что они заходили вдоль нее. Если бомбочкой, то могли попасть, а пулями нет. Тем не менее мы раза три меняли состав. Когда находишься на этих площадках, то обязательно атакуют...

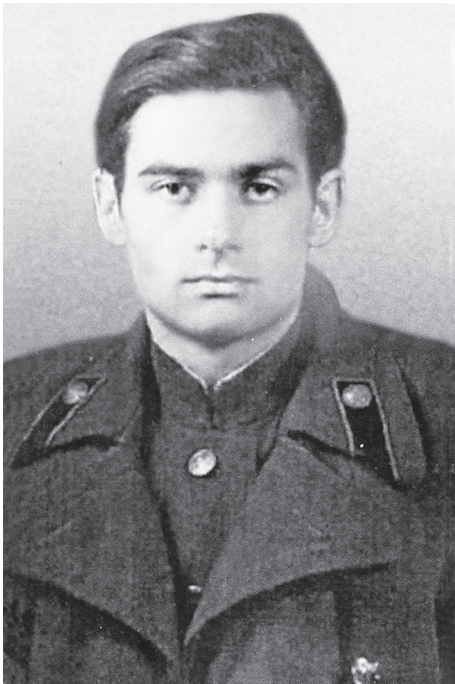
Был Курск ...Берлин. Далее 11 мая выехали на Дальний Восток. Участвовал в войне против Японии.

В 1952 г. закончил Военно-политическую академию имени Ленина («воздушный факультет»), служил в истребительном полку ПВО в Ростове-на-Дону Северо-Кавказской армии.

[Материал подготовлен С.В.Морозовой с некоторыми сокращениями, но с сохранением авторской редакции]

АБРАМОВ
Алексей Сергеевич

младший лейтенант, выпускник МПИ

Родился 6 октября 1926 г., в городе Москве. Окончил 7 классов, поступил в училище ФЗО при авиаремонтном заводе № 1, на котором работал до призыва в армию.

В 14 лет, с первых дней войны – рабочий авиационного завода №1 города Москвы, выпускавшего боевые самолеты. В 17 лет, осенью 1943 г. призван в армию. После обучения в полку связи направлен в Муромское училище связи, откуда по собственной просьбе попал на Белорусский фронт, в литовский Шауляй. В ноябре 1944 г. его отправляют на курсы младших лейтенантов в минометный дивизион (в Калининской области), по окончании которых в звании младшего лейтенанта стал командиром минометного взвода. Там встретил победу. Награжден орденом Отечественной войны и медалями.

Демобилизовавшись, поступил на подготовительный факультет МАТИ и весной 1947 г. сдал экзамен за 10-летку. Мечта учиться в литературном вузе привела его на РИФ МПИ, который закончил в 1952 г.

Работал в газетах «Московский строитель», «Советская Россия», на Гостелерадио, в журнале «Политическое самообразование». Автор ряда книг, изданных в нескольких странах общим тиражом 3 миллиона экземпляров.

С 1993 г. – президент Независимого благотворительного фонда «Мавзолей Ленина». Член правления Объединения родственников лиц, похороненных в Почетном некрополе у Кремлевской стены. Один из руководителей Международного союза «Содружество общественных организаций ветеранов независимых государств», представляющего интересы фронтовиков, тружеников тыла и пенсионеров стран СНГ. Кандидат исторических наук.

Путь от рабочего до командира

[Интервью Даниила Евстигнеева – редактора газеты МГУП имени Ивана Федорова «Мир печати» с А.С. Абрамовым («Мир печати». 2013 г., № 2)]

В МОСКВЕ 1941-го.

- Где вы встретили войну и что пережили в эти первые дни фашистской агрессии?

- 22 июня мы с дядей и его женой поехали навестить наших родственников в подмосковном Ногинске. Поезд еще стоял на перроне Курского вокзала, когда один из пришедших пассажиров сообщил, что началась война. Мой дядя выскочил ко мне в тамбур и сказал: «Лешка, война!» Я говорю: «Как война? С кем?» «С немцами». Но никакой тревоги вокруг не было, людей эта новость воодушевила, чувствовался подъем. Помню одного молодого мужчину, он сказал: «Вот, черт возьми, неделю назад женился, а теперь надо уезжать, оставлять жену». И сказал это с такой бодрой улыбкой, что вот, мол, ненадолго придется уехать, быстро выгнать врага и тогда вернуться в семью. Днем приехали в Ногинск, на привокзальной площади уже стояли тяжелые артиллерийские орудия, запряженные лошадьми. Мы поехали к родственникам и по дороге видели, что в магазинах образовались очереди, люди бросились закупать продукты. Дядя Федя, старший лейтенант, сказал: «Я возвращаюсь в Москву, там, наверное, меня уже ждет повестка в военкомат, а ты оставайся». И в тот же день уехал. Больше я его не увидел, он погиб в бою в начале 1945-го. А ночевать я пошел к другому дяде, Николаю. Ему было за 60, он сидел у окна, курил, глядел на свой сад и сказал мне: «Плохие дела, Лешка, война». И это было первое слово тревоги за весь день, потому что все вокруг верили только в лучшее, в скорую победу. И это настроение было всеобщим в первые дни войны. На следующий день я вернулся в Москву и увидел, что город преобразился. На крышах пулеметы, масса людей ходят с противогазами, поскольку власти предполагали применение фашистами химического оружия.

- Какой была ваша жизнь, жизнь советского подростка в то лето 1941 года? Как она изменилась с началом войны?

- Я жил один в комнате в коммунальной квартире, так мы договорились с родителями, счастливым, свободным юным казаком. Я только что окончил семилетку и твердо решил стать журналистом, писателем. А для этого ведь надо знать жизнь народа, надо идти, как говорил Горький, «в люди». И я решил: заканчиваю седьмой класс и иду работать на завод. Поступил в училище ФЗО при Авиационном заводе № 1 имени Сталина (он находился у стадиона «Динамо»), закончил курс обучения и уже 27-го меня направили в цех сборки шасси. Так я стал рабочим завода и моя «экскурсия в жизнь», как я ее тогда называл, превратилась в саму жизнь.

- Требования к вам были такими же, как и ко взрослым, или все-таки делали скидку на возраст?

- Никаких скидок. Такой же рабочий, как и остальные. Причем и девушки совсем юные тоже работали с нами на равных.

- Как военное положение сказывалось на организации труда? Какие задачи вам ставили?

- С первого дня войны все заводы страны перешли на особый режим работы. Две смены по 12 часов, дневная с 7.30 до 19.30, ночная с 19.30 до 7.30, без выходных и отпусков. В армию рабочих военных предприятий не забирали, но кто-то все равно уходил добровольцем. Ребята приходили в цех, прощались с товарищами и отправлялись на фронт. На заводе я работал револьверщиком, это специальность, родственная токарной. Из болванок мы делали шасси для бомбардировщиков ИЛ. Днем отработашь, вечером едешь на трамвае домой.

- Уже в июле немцы принялись ежедневно бомбить столицу, началась оборона Москвы. Как это происходило?

- Бомбили по ночам. Под бомбежкой заводы работали, считалось, что рабочий во время воздушной тревоги не имеет права покинуть свое место, только в случае возникновения непосредственной угрозы предприятию. Поэтому мы работали ночью под грохот наших зениток и разрывающихся бомб. Опасность представляла еще и стеклянная крыша цеха. Попади в нее бомба, и тысячи тяжелых осколков обрушились бы на нас. Тем более ночью в цехе у каждого станка горел свет — и это было прекрасно видно летчикам. Руководство сразу приняло решение замаскировать цех. Нас, молодых ребят, отправили на эту работу, вручили ведра с зеленой краской и кисти, и мы очень долго и тщательно прокрашивали каждый сантиметр крыши. В итоге ни одна бомба в наш цех не попала. Однажды в разгар налета я пошел в курилку и выглянул в форточку посмотреть, что происходит на улице. Снаружи все горело, было светло, как днем, от осветительных ракет и пожаров. Вернулся в цех — там спокойная, сосредоточенная работа людей у станков.

- Когда немцы подошли к Москве вплотную и нависла угроза сдачи столицы, какие настроения были среди москвичей, о чем они говорили?

- Я могу говорить только о себе и моих сверстниках, друзьях. У нас была твердая вера в нашу победу. Официальные сообщения о положении на фронтах были такие, чтобы сохранить высокий

моральный дух населения и чтобы неясно было, где проходят бои. Жители даже не знали, что враг уже под Москвой. Лишь в начале октября «Правда» вышла с лозунгом на первой полосе: «Враг рвется к сердцу нашей Родины Москве. Все силы на защиту столицы!»

- Какой была ситуация с обеспечением города продуктами в это тяжелое время?

- В первые дни войны никаких ограничений не было, а карточную систему ввели 17 июля. Рабочим полагалось в сутки 800 граммов хлеба, служащим 600, пенсионерам и детям по 400 граммов. Но при этом я как выпускник ФЗО мог питаться бесплатно в городских общественных столовых. А у кого не было таких льгот, могли там питаться за деньги. Так что голода в Москве не было. Положение резко изменилось 16 октября, эта дата вошла в историю как день московской паники. Тогда было нарушено снабжение, с продуктами стало очень трудно, все столовые и магазины перешли на карточки. Я прекрасно помню тот день, я, как обычно, сел в трамвай и поехал на завод. Да, в воздухе чувствовалась какая-то тревога, но паники не было. Я доехал до улицы Горького, зашел в столовую и увидел, что народ сидит за пустыми столами. Кассирша дремлет, официанты ходят без дела, заказы не принимаются. И вот по радио начинается выступление Василия Пронина, председателя исполкома Московского городского Совета депутатов трудящихся: «Уважаемые москвичи! Москву не сдадим, можете оставаться спокойными, враг не войдет в нашу столицу. Некоторые руководители предприятий пытались бежать (назвал их имена), все они арестованы и преданы суду военного трибунала. Все силы на отпор врагу!». И сразу после речи Пронина кассирша заработала, официанты забегали, появилась на столах еда. Скоро наш завод начали эвакуировать в Куйбышев. У меня как несовершеннолетнего был выбор — уехать или остаться. Я решил остаться, ведь мы, мальчишки, мечтали попасть на войну. Я рассуждал так: вот враг приближается к Москве, а я куда-то уеду? Так не пойдет. Я должен остаться и быть вместе с теми, кто будет защищать столицу. В народное ополчение я, к сожалению, попасть не мог: туда брали с 16 лет, но зато я вынашивал собственные военные планы. Мы с приятелем решили, что даже если немцы займут город, мы создадим тайную организацию и будем убивать фашистских захватчиков, забирать у них оружие и бороться за общую нашу победу. И даже мама с отчимом не смогли меня уговорить поехать с ними в эвакуацию. Я заявил им, что стал самостоятельным человеком, зарабатываю на жизнь и, в общем, вправе решать свою судьбу.

- Когда москвичи узнали о контрнаступлении?

- 12 декабря, спустя неделю после его начала. Эта информация тщательно скрывалась, я считаю, оправданно, это была военная тайна. Ведь мы уже брали в начале войны на польской границе Перемышль, а потом откатились вглубь страны. Брали Ельню, а затем отдали и пропустили немцев к Москве. Видимо, высшее руководство страны еще не верило в то, что, наконец, началось великое наступление, что удастся эту победу закрепить. Но Московская битва была выиграна, и многие люди впервые узнали фамилии наших славных полководцев Жукова, Рокоссовского, Конева, Говорова, Лелюшенко, Болдина, Кузнецова, Голикова, Белова. Жизнь сразу изменилась, в Москву вернулась труппа Большого театра, стали открываться школы...

- Когда вас призвали в армию?

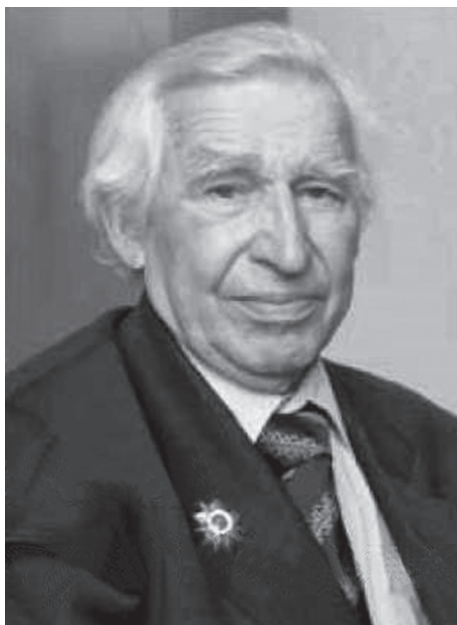
- Осенью 1943 года. Мне уже было 17 лет, я работал на заводе, который делал минометы. Я явился по повестке в военкомат в Дзержинском районе Москвы. Нас, ребят 1926 года рождения, построили и начальник военкомата, майор Кирсанов, сказал нам всего два слова, я их помню до сих пор: «Не подведите дзержинцев!» И мы отправились к месту службы.

- Где служили?

- Сначала в Москве, в полку связи, который располагался в Ворошиловских казармах. Я учился на связиста-шестовика, прокладывал линии связи над землей, на временных шестах-опорах. Затем нас направили в Муромское училище связи, но там я попросил меня отчислить и отправить на фронт. Я попал на Белорусский фронт, в литовский Шяуляй, где служил связистом. Приходилось быть и под артобстрелом, и под авиационными бомбежками. В декабре 1944-го в связи с большими потерями командиров взводов всех солдат с семью классами образования направили учиться на курсы младших лейтенантов. Так я попал в минометный дивизион в Калининской области, где через полгода стал младшим лейтенантом, командиром минометного взвода. Принять участие в боях мне больше не пришлось. Именно на этих офицерских курсах я застал Победу.

БРЮХОВЕЦ Дмитрий Федотович

*канд.техн.наук, профессор кафедры «Экономика
и организация производства», МАМИ*

Родился 8 февраля 1922 г. в селе Григорьевке Соколовского района Северо-Казахстанской области Казахской ССР. В 1940 г. был призван в армию.

На фронтах Великой Отечественной войны с 1941 по 1945 г. Служил рядовым в 113-м стрелковом полку 32-й Краснознаменной стрелковой дивизии 5-й армии, затем в 87-м пограничном полку Управления погранвойск командиром пулеметного расчета, заместителем политрука роты, младшим помощником, позднее старшим помощником начальника разведотдела полка.

В 1941 г. с Дальнего Востока его часть перебрасывается под Ленинград, затем под Москву. Участвовал в оборонительных боях в районе Бородино и на Волоколамском направлении, затем в наступательных операциях Западного, 1-го и 2-го Белорусских фронтов, в операции «Багратион», освобождении Польши, штурме Кенигсберга.

После войны был старшим следователем Оперативного сектора МГБ провинции Мекленбург и Западной Померании в Группе советских оккупационных войск в Германии. Принимал участие в обеспечении безопасности Потсдамской конференции.

В 1952 г. окончил Московский автомеханический институт, в 1956 г. аспирантуру. Кандидат технических наук. Работал инженером на Крюковской МТС, затем на научно-преподавательской работе в МАМИ, Минвузе РСФСР. С 1972 по 1977 г. ректор Всесоюзного заочного института текстильной и легкой промышленности. С 1977 г. заместитель заведующего кафедрой в Московском государственном техническом университете МАМИ. Почетный работник высшего профессионального образования РФ.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, «Знак Почета», медалями «За трудовую доблесть», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», другими наградами.

Интервью с Дмитрием Федотовичем

*[Взято студентами и опубликовано в газете МАМИ
«Автомеханик», № 5, май 2010 г.]*

— Как Вы попали на фронт? — В 1940 году я окончил десять классов средней школы с отличием и был призван в армию. Призвали меня на Дальний Восток. Когда Зорге сообщил в Кремль о том, что нападения со стороны Японии на СССР не будет, нашу часть, 32-ю дивизию ордена Красного Знамени, принимающую участие в боях на озере Хасан, в срочном порядке перебросили в район Ленинградского фронта для прорыва кольца блокады. Немцам в то время казалось, что Ленинград у них уже в руках, поэтому часть своих войск они начали перебрасывать под Москву. В это время наша дивизия готовилась к наступлению под Ленинградом, но нас перебросили на запад, под Бородино. Там была выстроена очень мощная линия обороны в районе Можайска. Большая заслуга в этом и местных жителей. Женщины и дети наравне с солдатами рыли окопы и строили укрепления. Наша дивизия прибыла туда 10 октября 1941 г. и расположилась на стыке линии защиты напротив моста через р. Москву. Шел первый снег. И как раз во время метели немецкие подразделения начали наступление и пытались прорвать линию обороны на нашем участке и перейти через мост. Немцы встретили отпор и были вынуждены отойти к Бородино.

Противник не прошел, но части из-под Ленинграда продолжали прибывать к нам на помощь. Бросались в бой прямо с эшелона. Подвиг нашей дивизии не раз был отмечен самим Жуковым. После отпора было принято решение перевести часть войск в Кубинку, где наступал противник. Во время переброски войск наши подразделения обеспечивали прикрытие и попали под минометный обстрел, в котором я выжил лишь чудом. Меня спасло то, что во время обстрела я споткнулся и упал, когда в метре от меня взорвалась мина. Меня оглушило, но ни один осколок не задел. Через некоторое время я был отправлен в пограничные войска, где попал в диверсионные отряды. Мы несли службу на границе, нас внедряли в немецкую разведку. Основная работа велась против немецких разведывательных органов. У нас была агентура в немецких школах разведки. К концу войны благодаря работе наших подразделений немецкие разведывательные органы были практически полностью выведены из строя. Нас иногда путали со СМЕРШем, но это была совсем другая структура. В отличие от нас они действовали в воинских частях. Позже наши подразделения, и я в том числе, принимали участие в организации и охране Потсдамской конференции.

Где и как Вы встретили День Победы? — День Победы я встретил в Томилине, уже будучи студентом первого курса МАМИ. С тех пор и работаю здесь, причем не только в должности преподавателя. Я успел поработать в течение шести лет и председателем студенческого профкома, в течение десяти лет был председателем Союза ветеранов Красносельского района города Москвы. Был награжден знаком отличия высшей школы и званием Почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации. Как видите, до сих пор несу бремя воспитания молодежи. Часто выступаю в школах и других образовательных учреждениях, различных организациях.

ВАРЫГИН

Николай Николаевич

канд.техн.наук, доцент МИХМ

Родился в 1919 г. В начале войны — студент 3-го курса МИХМа.

В июне-сентябре 1941 г. участвовал в строительстве сборных сооружений под Смоленском. 16 октября 1941 г. вступает в Бауманский рабочий батальон, вошедший в третью Московскую коммунистическую стрелковую дивизию, во взвод батальонов разведки. Служил в минометном отделении в пехоте, в части РС «Катюши» сначала рядовым. Закончил войну в 1945 г. командиром установки.

Награжден медалями «За оборону Москвы», «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

В 1945 г. продолжил обучение, защитил диссертацию, стал доцентом кафедры «Материаловедение». Был председателем профкома института.

Счастье было на моей стороне

[Воспоминания Варыгина Н.Н., опубликованы в газете «Аудитория» 2 мая 1995 г., № 8]

16 октября 1941 года по призыву Бауманского райкома партии и райкома комсомола формируется Бауманский рабочий батальон из добровольцев, я был в числе студентов нашего вуза, вставших в его ряды.

Оборона Москвы... Об этом думали не только москвичи, но и вся страна. Паники не было – было стремление к победе. В перерыве между дежурством и обучением военному делу мы, студенты-добровольцы, часто ходили строем, пели песни боевые и студенческие. Нужно было видеть улыбки людей, в которых мы, сами не ведая о том, вселяли веру в жизнь.

Вначале наша часть стояла под Москвой, на Левобережной (где создавался оборонительный рубеж), здесь мы охраняли железную дорогу, мост над которой имел стратегическое значение. Немного позже нас перебросили на Калининский фронт.

Первые бои мы приняли в День Советской Армии и Военно-Морского флота – 23 февраля 1942 г. под деревней Сидорово. Деревня переходила от наших войск к вражеским по несколько раз. В наступлении мое минометное отделение поддерживало пехоту. При подходе к деревне осколком разорвавшегося снаряда был пробит ствол миномета, убит наводчик. После боя я обнаружил на внутренней стороне подсумки для патронов осколок 5×5 мм. Так миновала меня смерть в крещении боем. Долго я хранил тот осколок; счастье было на моей стороне.

В дальнейшем я воевал в пехоте. В следующем бою 7 марта 1942 г. в районе деревни Большая Островня меня ранило первый раз. После лечения в медсанбате я вновь вернулся на передовую. Под деревней Черной 30 марта 1942 г. меня ранило уже второй раз. Но и после этого ранения снова вернулся в строй, на этот раз в части РС («Катюши») вначале бойцом, потом командиром установки.

ГУСЬКОВ

Петр Сергеевич (1921 – 1995)

канд.техн.наук, доцент МПИ

Родился 1 февраля 1921 г. в селе Задне-Пилево Клепиковского района Рязанской области. В 1939 г. поступил на механико-машиностроительный факультет МПИ, но был с 1-го курса призван в армию. 19-летним юношей начал службу в войсках ПВО.

Осенью 1939 г. был призван на действительную службу в ряды Красной Армии, в войска ПВО. Командир отделения связи в зенитно-артиллерийских частях, затем в полку аэростатов заграждения.

Боевое крещение получил, отражая полет вражеской авиации на Москву 22 июля 1941 г. Был на фронте. Награжден медалями «За оборону Москвы», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «20 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За доблестный труд в ознаменование 100-летия В.И. Ленина» и другими.

Демобилизован в мае 1946 г. и в тот же год вернулся в МПИ, который окончил с отличием в 1951 г. Активно участвовал в общественной жизни института, был агитатором, членом партбюро факультета.

В 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Исследование основных параметров и методика расчета кассетных фальцевальных машин». Результаты этой работы широко используются при проектировании и модернизации фальцевальных машин. В июле 1960 г. утвержден доцентом. Читал курсы «Конструкции и расчет полиграфических машин» и «Полиграфические машины». Был проректором института по учебной работе (с 1963 по 1966 г.). В 1967 г. П.С. Гуськов избран на должность доцента кафедры технологии брошюровочно-переплетных процессов, где работал до 1991 г.

Имеет свыше 40 научных трудов.

Армаду самолетов к Москве не допустили

[Воспоминания П.С. Гуськова,
опубликованы в газете «Советский полиграфист» № 2 за 1982 год
и «Алексеевский вестник» № 12 за 2001 г.]

Службу в рядах Советской Армии я начал в 1939 г. 19-летним юношей — в войсках противовоздушной обороны г. Москвы. Уже в 1940 году наши части резко увеличились по составу, поскольку к тому времени возросла угроза войны с Германией. Скажем, численность зенитно-артиллерийского полка, где служил я, достигла примерно 5 тысяч человек (было 750).

На одном из стрельбищ-полигонов артиллеристы-зенитчики еще в мирное время интенсивно отработывали боевые стрельбы по самолетам и танкам (следует заметить, что во время таких стрельб движущиеся макеты танков, как правило, поражались с первого выстрела). И эта учеба дала результаты в октябре—декабре 1941-го при уничтожении фашистских танков во время ожесточенных боев на ближних подступах к Москве (особенно на одном из главных — Волоколамском направлении).

Первый налет на город был произведен в ночь на 22 июля 1941 года — через месяц после начала войны.

Свыше 200 фашистских бомбардировщиков (типа «Юнкерс-88», «Юнкерс-87», «Хейнкель-111» и других) в течение пяти часов с разных направлений пытались прорваться к Москве. И всюду фрицы наталкивались на умелое и активное противодействие войск ПВО. Всего при первом налете было сбито 22 фашистских самолета. Главное же состояло в том, что войска ПВО не допустили вражескую армаду к Москве. Лишь отдельные самолеты прорвались к столице и беспорядочно сбросили фугасные и зажигательные бомбы, не имея возможности произвести прицельное бомбометание. А на следующий день в печати был опубликован приказ народного комиссара обороны И.В. Сталина, в котором, в частности, говорилось: «За умелое отражение налетов вражеских самолетов на Москву объявляю благодарность всему личному составу войск ПВО». А через несколько дней после первого налета на Москву каждый из воинов ПВО, в том числе и я, получил письменную благодарность, подписанную Сталиным.

Во время первого налета фашистских самолетов на Москву я получил боевое крещение. Под бомбежкой, под падающими осколками многочисленных зенитных снарядов, при ярком (почти дневном) свете ослепительных вражеских ракет, «подвешенных» на парашютах, мне пришлось исправлять поврежденную телефонную связь между штабом 1-го полка аэропланов заграждения и штабом одного из дивизионов, расположенных тогда в районе Крылатского и поселка Сетуни.

Провал первого массированного воздушного налета на Москву не отрезвил гитлеровское командование. До 1 января 1942 года на Москву было совершено около 120 ночных и дневных налетов вражеской авиации, однако к Москве удавалось пробиться лишь одиночным самолетам, которые не нанесли городу сколько-нибудь значительного ущерба.

Общий итог боевой деятельности войск ПВО Московской зоны обороны весьма внушителен. В ходе битвы за Москву, включая и контрнаступление, уничтожено: свыше 1300 вражеских самолетов, 450 танков, более 250 артиллерийских и минометных батарей, около 5 тысяч автомашин и около 50 тысяч гитлеровских солдат и офицеров.

И С А Е В
Дмитрий Акимович
старшина 1-й статьи

Родился в 1923 г. в д. Рога Смоленской области.

ПОБЕДА!
1945 – 2020

После окончания школы в 1941 г. был мобилизован на строительство оборонительных рубежей, а вскоре на флот. Сначала служил в Волжской флотилии (г. Куйбышев), а потом на Балтийском флоте и других частях до 1948 г.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» и другими. После войны получил награду от Министерства обороны Польши «Знак Брони» за совместные дружественные действия во время войны.

В 1953 г. поступил в МПИ, получил специальность художника-графика книжно-журнальной продукции. За трудовые успехи награжден орденом Трудового Красного Знамени, шестью медалями ВДНХ (три золотыми и тремя серебряными), знаками «Отличник печати», «Заслуженный работник культуры РСФСР». Ветеран труда.

«22 июня, ровно в 4 часа,

...

нам объявили,

что началась война!..»

*[Из воспоминаний Исаева Д.А.
Архив Музея истории полиграфии,
книгоиздания и МГУП имени Ивана Федорова]*

А 20 июня, мы, выпускники двух классов средней школы № 22 ЛОНО г. Москвы, вместе с учителями отмечали окончание школы.

Уже на этом вечере серьезно запахло военной угрозой, и не с кем-нибудь, а с фашистской Германией. Хотя наше Правительство делало все возможное, чтобы избежать ее. Были заключены соответствующие договоры, были поездки руководителей и т.д. Наше детство кончилось!

Само собой, разговор коснулся событий в мире, в стране. Молодые, горячие головы, выпускники, мы дружно сказали: Все, как один, встанем на защиту Родины!

По сути дела, морально мы были готовы к этому. На груди у каждого из нас красовались значки: «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок», «Готов к санитарной обороне», «Готов к ПВХО» и другие. Как нам это пригодилось потом!

Жизнь показала правоту и дальновзоркость наших учителей. Очень жаль, что теперь утрачено все хорошее, что было в СССР.

Хотя времени на основную учебу было мало, мы же еще ухитрялись ходить в кино. А какие фильмы: «Броненосец Потемкин», «Мы из Кронштадта», «Чапаев», и так далее. Театры, кружки по интересам, стадионы (заметьте — бесплатно). Чувство патриотизма нас так и распирало! Нас действительно готовили к взрослой жизни. И мы понимали это — прилежно учились и не бросали своих пристрастий (футбол, шахматы, большой теннис, лыжи, моделирование и т.д.) Как же мы были благодарны учителям!

Уже на следующей неделе райком комсомола призвал нас на трудовой фронт (район Ельни, Вязьмы). С котомкой за плечами, в которой захватили продуктов на 1 — 2 дня. Прибыв на Киевский вок-

зал, тотчас погрузились в товарные вагоны и колеса застучали, поезд увозил к месту назначения. На одной из прифронтовых станций мы спешили и зашагали на своих двоих. А пройти предстояло где-то 70–100 км. Для тренированных (16–17 лет) ребят — это не расстояние. А среди нас были пацаны 14–15 лет от роду! Каково им было прошагать? А ведь прошагали: взмыленные, обезвоженные. Правда, деревенские колодцы, речушки попадались, но сопровождающие нас красноармейцы подгоняли — быстрее, быстрее!.. Не советовали пить, а уж если невозможу, то лучше пососать кусочек сахара (у кого есть — поделись). Помогало. Освежившись на очередном привале, мы быстренько добрались до места, где с удовольствием рухнули на душистое сено в подготовленном для нас сарае.

Утречком, позавтракав солдатской кашей, вооружившись лопатами, дружно принялись копать противотанковые рвы. И так от зари и дотемна, целый месяц тяжелой работы землекопа. Набили мозолей, но никто не хныкал. Обидно только одно — в руках лопаты, а не винтовки. Почему обидно? Проклятые фашисты (бомбардировщики Хейнкели) ежедневно пошелонно летели бомбить Москву, а вечером (частично) возвращались на свои базы. Некоторые, не отбомбившись по разным причинам, сбрасывали бомбы на нас. Зрелище жуткое. Вы видели, как отрываются бомбы от самолета? Вначале они летят под брюхом как привязанные, а затем через мгновение с диким ревом скрытно летят к земле. Спасаясь от осколков, мы прикрывали головы лопатами, прислоняясь к траншеям. Вот тут-то лопаты и пригодились.

Получив благодарность от солдат, мы благополучно вернулись в Москву, слегка опаленные войной.

А дома нас уже ждали повестки из военкоматов. Получил и я свою повестку, с которой на другой день отправился в военкомат, где и оформили меня служить Родине — на флоте. Ура! Полундра! Как хотите, но у меня сбылась мечта. Я — моряк, курсант учебного отряда скрытой связи в Ярославле.

Рано утром побежал в парикмахерскую (Калужская площадь, теперь — Октябрьская). Старый мастер спросил:

- Как будем стричься, молодой человек?

Я ответил:

- Полубокс (была такая стрижка).

А он говорит:

- Может, под «Ноль»?.

- Ладно, давайте. Все равно завтра на флот!

- Вот и славненько.

Дома — мать в слезы. «Мама, не беспокойся. Флот — моя мечта!»

А утром следующего дня был на сборном пункте с мешком и материнским благословением.

Ускоренная подготовка по всем дисциплинам (в том числе и строевая), и нас распределили по флотам.

Нашу группу оставили в Куйбышеве (Волжская военная флотилия) при ГМШ ВМФ под распоряжение его начальника, контр-адмирала В. Алафузова, добрейшего и умнейшего человека.

Разместили нас в этом же здании, где и работали сотрудники оперативного отдела ГМШ. Показали, где будем работать. На столах мы увидели залежи нерасшифрованных телеграмм. За каждой из них были живые люди, корабли. Мы поняли, что работать придется круглосуточно, без сна и отдыха. Как же тяжело в первые дни было! А работать надо было безошибочно. Пятизначные цифры не давали расслабляться! За каждой группой цифр было слово, а то и фраза. Ошибка в одной цифре, и ты можешь загреметь под трибунал. Нервы на пределе, от усталости буквально валялись с ног. Постоянно хотелось спать, засыпали прямо за столом. И это на суше! А каково в море? На корабле, в кубрике, где проложены все возможные коммуникации, кабели, приборы и так далее? Особенно на подводных лодках!?

...Я горжусь тем, что хоть чуточку помог славным балтийцам, вообще флоту одолеть фашистскую мразь.

...Я честно отслужил Родине с августа 1941 по 1948 г. Начиная службу на Волжской военной флотилии, а потом на дважды Краснознаменном Балтийском флоте и других частях. Тельняшку до сих пор ношу, а бескозырку храню как память о боевой службе, походах, друзьях.

Несмотря на суровость военного времени, я умудрялся выкраивать по несколько минут свободы и рисовал. Большие портреты друзей, а затем дарил им удачные зарисовки. Эта любовь привела меня в 1953 г. в Московский полиграфический институт.

Считаю своим долгом сказать, что в бою и труде, вообще в жизни мне помогли занятия физкультурой и спортом: шахматами, большим теннисом, лыжами (слалом, прыжки с трамплина), волейболом, стрельбой и др. Рисованием. Спасибо стране!

Слава морякам павшим и живым!

Слава России!

Стране Победителей — Ура!

КАМКИН

Олег Александрович (1921 – 1979)

канд. искусствоведения, доцент МПИ

Родился 15 мая 1921 г. в городе Черный Яр (ныне – Волгоградская область) в семье учителя. В 1922 г. семья переехала в г. Астрахань. Родители умерли рано, воспитывала сестра. Школу окончил с отличием в 1939 г. и поступил в Московский горный институт.

Призван в армию в 1939 г., где окончил полковую школу.

Война застала сержанта под Москвой. Всю войну охранял небо Москвы от налета фашистской авиации. Служил командиром орудия, а в конце войны – начальником боепитания полка. Был парторгом батареи и редактором полкового рукописного литературного журнала. Войну закончил в звании старшины.

Награжден орденом Красной Звезды и пятью медалями, в том числе «За оборону Москвы».

После демобилизации в 1945 г. – поступил на работу художником-оформителем в Музей Революции (теперь – ГЦМСИР) в Москве и одновременно на первый курс МЗПИ, который окончил по факультете оформления полиграфической продукции в 1951 году, получив диплом с отличием. Принят в аспирантуру МПИ на кафедру ХТОПП. Защитил диссертацию «Основные вопросы оформления журналов для детей» (1956).

Работал во Всесоюзной конторе «Рекламфильм» хромолитографом и заведующим типолитографией, художественным редактором журнала ЦК ВЛКСМ «Дружные ребята» и журнала «Мурзилка», в издательстве «Молодая Гвардия».

В МЗПИ, потом – МПИ, работал с 1956 г. Более 13 лет был деканом факультета ХТОППа (1957 – 1961 и 1966 – 1975), членом партбюро института, председателем Совета факультета.

Автор статей, лекций, изданных в МПИ, опубликованных в периодической печати по художественному конструированию и оформлению книги, журналов и т. д.

Однополчане

[Из статьи В.Д. Дольского об О.А. Камкине, опубликованной в газете «Советский полиграфист» 7 мая 1975 года]

Как будто ничего героического в его воинской биографии нет. А между тем вся его жизнь на войне – это подвиг. Ровно через месяц после вероломного нападения на нашу страну фашистская авиация в течение двух лет, ежедневно, с немецкой пунктуальностью с наступлением 22 часов осуществляла массированные налеты на столицу нашей Родины. К Москве рвались сотни вражеских самолетов. Каждому известно, чем для нас была на протяжении всей войны Москва. Она была не только центром политической, экономической и военной жизни страны. Она была городом-символом для всех сражавшихся против немецкого фашизма. И в том, что из огромной воздушной армады противника к Москве прорывалось не более шести процентов немецких самолетов, есть заслуга О.А. Камкина. Есть она и в том, что ни 6 ноября 1941 года, когда в Москве на станции метро «Маяковская» проходило торжественное заседание, посвященное 24-й годовщине Великого Октября, ни на другой день во время знаменитого парада на Красной площади ни один из вражеских самолетов до Москвы не долетел.

И так всю войну он охранял небо Москвы.

В сентябре 1945 года демобилизовался и поступил в Московский заочный полиграфический институт.

КОМАРОВ
Михаил Семенович

*заведующий проблемной лабораторией кафедры «Общее машиностроение», МИХМ
(позже кафедра «Гибкие автоматизированные производства»)*

Родился в 1912 г. Сын потомственного рабочего, члена партии с 1905 года. В 1928 г. окончил Качинскую летную школу, и с этого времени начинается боевая биография военного летчика.

Комаров М.С. участвует в боях в Испании, Финляндии, Халхин-Голе. В период Великой Отечественной войны — командир авиаполка армии особого назначения при ставке маршала Советского Союза Рокоссовского К.К. Военная дорога: Ленинград, Сталинград, Курская дуга, Польша, Берлин, Дальний Восток.

Полковник Комаров М.С. награжден тремя орденами Ленина и медалями.

После Великой Отечественной войны, несмотря на 19 ранений, полученных в боевых операциях, летчик Полярной авиации. Награжден орденом «Знак Почета».

Уйдя из авиации, поступил на работу в МИХМ. Лаборатория, которой он заведовал в МИХМ, названа его именем.

Комаров Михаил Семенович

*[Статья опубликована в газете
«За кадры химического машиностроения» 1 ноября 1974 г.,
написана Г. Китаевым на основании интервью
с Комаровым М.С.]*

В 1941 — 1945 гг. М.С. Комаров бьет немецких асов. Командир авиаполка армии особого назначения при ставке маршала Рокоссовского М.С. Комаров сражается на важнейших участках фронта. Снабжение оружием и продовольствием блокированного Ленинграда, эвакуация раненых из вражеского тыла, героические битвы при Сталинграде и Курской дуге, бои при форсировании Одера и многие другие сражения берлинского направления — вот боевые вехи авиаполка. Его личный состав — пилоты высшего летного мастерства, способные выполнять полеты ночью и в условиях отсутствия визуальной видимости ориентиров на земле — «слепой полет». Днем советские истребители сопровождали нашу транспортную и бомбардировочную авиацию берлинского направления. А ночью... Зачастую отдохнув лишь три-четыре часа, снова вели бомбардировщики на вражеские цели...

Первый немецкий стервятник, сбитый нашей авиацией в районе Москвы, был уничтожен лично М.С. Комаровым. Останки этого самолета вместе с другой боевой техникой фашистов москвичи старшего поколения могли видеть на выставке трофейного оружия, на площади Революции, а затем в ЦПКиО им. Горького.

Пал Берлин, капитулировала фашистская Германия. Рядом с фамилиями советских бойцов на колонне Рейхстага стоит и фамилия Комарова.

Но война для Михаила Семеновича не кончилась в 45-м. Его авиаполк был переброшен на Дальний Восток, где велись боевые действия против милитаристской Японии. На 9-м боевом вылете М.С. Комаров получил тяжелое, уже 19-е, ранение. И этот вылет был последним в боевой биографии героя. Вскоре пришла Победа.

После войны Михаил Семенович, несмотря на ранения, не захотел расставаться с авиацией. Добившись разрешения на полеты, он снова за штурвалом самолета. И опять на самом трудном участке работы. В 1946 — 1965 гг. М.С. Комаров — летчик Полярной авиации, учас-

тник дрейфующих ледовых станций СП-2, СП-3, СП-6, первой комплексной антарктической и 27 высокоширотных экспедиций. Ледовая разведка, проводка караванов судов по Северному морскому пути, работа на льдинах и станциях. Полеты, полеты, полеты... 23600 часов провёл пилот 1 класса М.С. Комаров в воздухе, налетав 8 млн 963 тыс. км за штурвалами поршневых и турбовинтовых машин. За работу в Полярной авиации он награжден орденом «Знак Почета».

Михаил Семенович Комаров имеет 64 авторских свидетельств на изобретения в области авиационной техники и ледовой разведки.

КОНДРАТЬЕВ Вячеслав Леонидович (1920 – 1993)

писатель

Ушел на фронт добровольцем с первого курса факультета ХТОПП МПИ, заканчивал который уже после войны. Воевал под Ржевом.

Автор повестей о ВОВ («Борькины пути-дороги», «День победы в Чертаново», «Отпуск по ранению», «Сашка», «Письма с фронта».) По многим из них сняты кино и телефильмы, поставлены спектакли. Фильм «Ржев» (2019 г.) поставлен к 75-летнему юбилею Победы по его повести «Искупить кровь» (преьера фильма состоялась в 2020 г.).

Художник-оформитель.

Из интервью студента А.Жарких с В.Кондратьевым

[Опубликовано в газете
«Советский полиграфист», 1984 г., № 22 – 23]

- Вячеслав Леонидович, Вы из поколения, шагнувшего в войну в 18 – 20 лет. И повесть «Сашка» о человеке этого поколения, о нескольких днях нелегкой солдатской жизни, связанных в памяти со Ржевом. Как возник ее замысел?

- Я понял, что можно написать о кусочке своей войны. Сам воевал под Ржевом на небольшом участке. Бои были тяжелые, неудачные для нас. Как об этом написать? Я не представлял себя автором какой-то грандиозной эпопеи. Но рассказать о том участке, где воевал, где не было особенных героев, примечательных боев, но сражались, умирали и побеждали наши люди, я мог и хотел это сделать. Кроме того, с течением времени война как бы захватила меня второй раз. Схватила за горло: все вспомнилось очень подробно, ночами приходили ко мне ребята моего взвода, а просыпался я от того, что прямо на меня падала бомба. Я стал разыскивать однополчан, но никого не нашел. Пришла мысль: может, я один уцелел? И тогда тем более должен рассказать о пережитом. Меня стало тянуть под Ржев, поехал туда. Это было в начале 60-х годов. Двадцать километров шел пешком. Вышел к бывшей передовой. Прошел дождь, кругом воронки, в их блюдцах виднелись ржавые каски, осколки, патроны... И показалось, что не прошло двадцати лет. Но долгие годы понадобились мне, чтобы найти грань между беллетристикой и правдой в литературе. Так родился образ солдата Сашки, человека, которого я знаю, который мог бы быть моим другом. И когда характер героя определился, мне стало интересно, как поступит мой Сашка в той или иной ситуации. Потом были Сашкины дороги. Эти дороги, собственно, прошел я сам, раненый.

И еще. Мой собственный опыт вхождения в литературу – что это такое? Наивное, святое отношение к ней! Может, следовало начинать раньше. Но зато сейчас я знаю, о чем и как писать. Как мне кажется, в этом преимущество такого позднего вхождения в литературу.

- Вы получаете очень большую читательскую почту. Расскажите, пожалуйста, об этом, а также об интересных встречах с читателями.

- На встрече со студентами одного из московских институтов мне задали вопрос: «Будете писать о современной молодежи?» Видимо, озорчил ответ «нет». И объяснил. Если бы меня «превратить» в двадцатилетнего! Может, и буду тогда писать. А если серьезно, писатель должен идти от своего поколения. «Белых пятен» в литературе о Великой Отечественной войне еще много. Например, надо писать о запасных полках, которые были в особых, очень тяжелых условиях, о женщинах на войне, их судьбах — они ведь складывались и труднее, и драматичнее наших мужских, тоже нелегких.

Сейчас получаю очень большую почту. Присылают ветераны рукописи, и в каждой нахожу что-то новое, чего не знаю о войне. В каждом письме есть то, чего не выдумаешь!

Эти воспоминания с каждым годом становятся все ценнее, потому что в них правда о войне, о ее участниках, которых мы с каждым годом теряем и теряем.

КУТУКОВ

Сергей Сергеевич

*инженер-капитан, доцент кафедры «Теплотехника силикатных производств»
(«Промышленная экология»), МИХМ*

В первые дни войны добровольцем ушел на фронт с отполчением. В октябре 1941 г. рота, где служил командиром отделения, была направлена в распоряжение штаба 53-й стрелковой дивизии, которая дислоцировалась в 70 км от Москвы, в деревне Рогово.

На фронте вел дневник, в котором описывал события фронтовой жизни, свои мысли и чувства. Всего в этом дневнике 984 записи — автор делал их регулярно, не пропуская ни одного дня.

За спиной была столица

*[Воспоминания опубликованы
в газете «За кадры химического машиностроения»
8 декабря 1986 г., № 34]*

Быстро темнело, падал мокрый снег. Мы шли проселком, глядя в темноту. Наша рота получила приказ определить противника. Обстановка сложилась непростая. Немцы находились где-то близко, но где именно, известно не было.

Поход был недолгим. Почти у околицы Рогова головная застава нашей роты встретилась с отрядом немцев. Поскольку для обеих сторон силы были неясны, на этот раз разошлись без выстрела. Окопавшись, рота залегла. В штаб дивизии послали донесение.

Прибывший из штаба дивизии капитан Боргес приказал ночью держать оборону, а утром двинуться в деревню Кручу и занять ее. Если окажется, что деревня занята противником, атаковать его и выбить из деревни. Боргес обещал, что атака роты, имевшей на вооружении только карабины и ручные гранаты, будет поддержана танками.

К Круче подошли утром. От ее жителей узнали, что накануне вечером в деревне были немцы — примерно 150 человек. Они отобрали у жителей хлеб и ушли в неизвестном направлении.

Где немцы сейчас и сколько их, нам предстояло узнать. Мне и моему отделению приказано было выйти за деревню и обследовать поле. Однако, как только мы вышли за огороды, так сразу же были обстреляны. Оказалось, что окопы противника находятся в поле несколько выше деревни, которая расположена как бы в котловане. На церковной колокольне, с которой хорошо просматривалась вся деревня, тоже помещалась пулеметная точка противника.

К этому времени в деревню прибыли два наших средних танка. Правда, один сразу же вышел из строя, другой мог только давить гусеницами да пугать, так как не имел боеприпасов.

Был получен приказ атаковать немцев. Первому взводу под командованием лейтенанта Литвинова надлежало атаковать окопы, так сказать, в лоб, а второй взвод (командир младший лейтенант Ходаковский) должен был обойти линию окопов слева под прикрытием небольшой высотки, атаковать немцев с тыла и преградить им путь отхода.

В процессе боя выяснилось, что силы были слишком неравными. Атака первого взвода быстро захлебнулась. Из тридцати человек к концу короткого боя остались в живых только трое. Они отошли в деревню. Среди погибших оказался и лейтенант Литвинов. В этой ситуации дальнейшее наступление второго взвода теряло смысл, и он также отошел в деревню. Остатки роты (19 человек) окопались на окраине деревни под защитой сараев.

Из штаба дивизии пришел приказ удерживать деревню любой ценой. Немцы же начали усиленный минометный и пулеметный обстрел Кручи и под его прикрытием несколько раз в течение дня пытались нас атаковать. Огнем карабинов и гранатами мы отбивали их атаки.

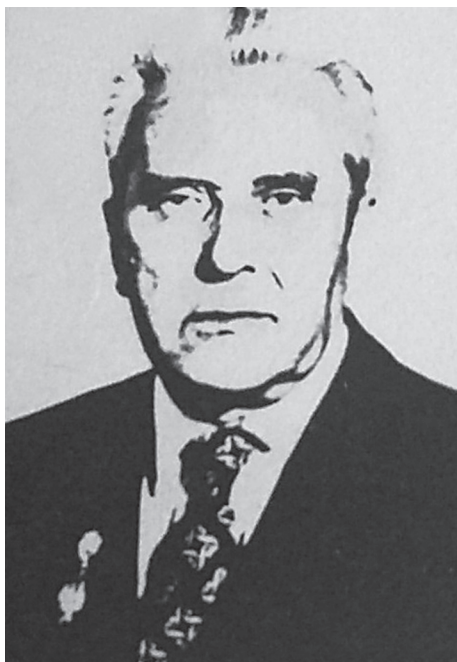
В середине дня деревня подверглась усиленной бомбежке и пулеметному обстрелу с воздуха — над нами кружили, по очереди пикируя, более двадцати вражеских самолетов.

Деревню мы удержали. Вечером подошли два маршевых батальона, усиленные четырьмя танками. Они выбили немцев из окопов и отбросили их километров на шесть на запад. В этом положении фронт почти на два месяца стабилизировался; немцы на этом участке не продвинулись к Москве ни на шаг. Отсюда в конце декабря 53-я дивизия пошла в наступление.

Л Е В И Н

Иван Александрович

профессор МАМИ

Родился в Ярославле в 1913 г. До 1934 г. работал шофером. Учился в Ленинградском техническом и Ленинградском автодорожном институтах. С 1936 по 1939 г. — студент Московского автодорожного института.

В 1939 г. принимал участие в освободительном походе на Западную Украину.

4 мая 1940 г. защитил диплом в МАДИ.

С июля 1941 г. — в действующей армии. Участвовал в боях в Подмосковье, на Северо-Западном и Центральном фронтах, в Прибалтике. Войну окончил в Кенигсберге.

С 1946 г. — в МАМИ, аспирант академика Е.А. Чудакова. С 1952 г. доцент, с 1970 г. — профессор кафедры «Автомобили» МАМИ.

Автомобиль на фронте. Начало войны

[Опубликовано в сб. «МАМИ в годы войны».
М., 1995, с. 51 — 53]

Перед войной я окончил автомеханический факультет Московского автодорожного института, получив диплом с отличием, что и отмечено на мраморной доске в МАДИ и что является предметом моей гордости и сегодня.

Одновременно прошел курс высшей общевоинской подготовки с зачислением в разряд офицеров Красной Армии. В студенческие годы многие, в том числе и я, увлекались авиационным и парашютным спортом. Первые два курса я учился в Ленинградском автодорожном институте и занимался в Ленинградском аэроклубе.

С началом Великой Отечественной войны для меня, как и для многих советских людей, не стоял вопрос о моем месте в жизни. С этого дня я должен быть в рядах защитников Родины. До начала войны я работал главным инженером транспортного управления. Несмотря на бронь, с первых дней войны я стремился попасть в армию. После ряда перипетий я получил назначение в 201-й артиллерийский полк (номер полка в дальнейшем менялся трижды), в котором прошел путь от начальника автотранспортной службы до заместителя начальника полка по техчасти. А техникой полк был укомплектован весьма внушительно, и на моих плечах лежала ответственность за все: от перевозки дров и продовольствия до доставки боеприпасов непосредственно на боевые позиции. Поэтому во время боев, особенно во время налетов вражеской авиации, основной задачей была доставка боеприпасов для обеспечения непрерывного огня по вражеским объектам.

В составе полка в 1941 — 1942 годах в качестве боевой транспортной техники использовались в основном отечественные автомобили: ГАЗ-АА, ГАЗ-ААА, ЗИЛ-5 и ЗИС-6. Однако в 1943 году в наши полки стали поступать по ленд-лизу американские, канадские, английские автомобили как армейского, так и транспортного типа. Это были «Студебеккеры», «ГМС», «Интернационал», «Додж», «Виллисы», «Бантам», английские «Остины», транспортные «Форд-6» и канадские «FVD» с двигателем «Вокеша». Последние были мало приспособлены для наших условий, так как, обладая большой размерностью, имели очень слабые ведущие мосты. Все остальные машины обладали хорошими качествами, особенно проходимостью. Они, несомненно, сыграли существенную роль в боевых действиях наших войск против фашистской армии, на которую работала вся поработанная Европа.

Мне непосредственно пришлось заниматься освоением совершенно новой для нас техники. Получали мы ее со склада в Москве. Размещался он в густом сосновом лесу, примерно там, где сейчас находится универсам «Москва». Для перегона этих машин мною была сформирована специальная команда из солдат и офицеров, и мы, собравшись к прибытию в Москву у Калужской заставы (возле здания ВЦСПС), строем пришли на склад для получения всей этой техники, на которой и прибыли своим ходом в часть.

Следует отметить, что усилиями обслуживающего персонала техника содержалась в весьма хорошем состоянии, что неизменно отмечалось проверяющими всех рангов, которых наезжало в части предостаточно.

Американские «Студебеккеры» и «ГМС» выручали нас в самых трудных условиях. Однажды мне было приказано перебросить большую группу солдат за 40 — 50 км в условиях зимних заносов при 30-градусном морозе. На обычных автомобилях это невозможно было осуществить, тем не менее задача была успешно решена. И подобные ситуации возникали неоднократно. Вспоминается, как однажды наши бойцы сбили фашистский бомбардировщик «Юнкерс-88», и мне было поручено его найти (а он упал в 80 — 90 км от наших позиций). В самолете мною были найдены пачки листовок предателя генерала Власова, из которых следовало, как давно он вынашивал мысль о своем предательстве. Известно, что при переходе к немцам он расстрелял сопровождавших его солдат-автоматчиков и медсестру. И вот сейчас находятся люди, стремящиеся оправдать этого предателя. До сих пор под Новгородом, в Мясном бору находят и перезахоранивают останки бойцов армии, которой командовал Власов. Недавно мне довелось участвовать в собрании ветеранов войны, на котором вручались с запозданием в 50 лет заслуженные ими во время боев награды. Среди этих ветеранов был один сержант, уцелевший в этой боине. Он рассказал о том, что происходило в частях этой армии в результате предательства Власова.

Наш полк с достоинством выполнил свою задачу. Несмотря на то, что годы Великой Отечественной войны были страшными и жестокими, в душе навсегда остались теплые воспоминания о людях, окружавших меня, которые в труднейших условиях твердо верили в нашу победу над фашистской Германией. Среди наших солдат и офицеров были люди разных национальностей. Мы были связаны между собой единой целью: сокрушить врага. Именно в этом — корни нашей победы. Мы в армии, как и весь наш народ, отлично понимали, что главной целью гитлеровского фашизма было не просто уничтожение нашего государства, а уничтожение Советской народной власти, являвшей собой пример для всего освободительного движения, уже охватившего народы всего мира.

ЛОПЯЛО

Карл Кастанович (имя на мемориальной доске)

преподаватель кафедры философии и марксизма-ленинизма, МАМИ

Родился в 1894 г., в Рославле был слесарем, затем переезжает в Петроград, а в 1924 г. в Москву. Здесь он работал в партийных и профсоюзных органах. Одновременно занимался литературной деятельностью, писал статьи по строительству и приветствовал увлечение сына Карла рисованием (сын стал известным художником, архитектором – реставратором Москвы).

С началом войны – на фронте. Комиссар отдельного разведбатальона 1-й Московской стрелковой дивизии народного ополчения. Осенью 1941 г. дважды состоялись его встречи с сыном на фронте. Об этом сохранились фото и портрет, написанный сыном на бересте. Вскоре после этой встречи под Дорогобужем 10 октября погиб.

[Статья составлена С.В. Морозовой по материалам интернета, в том числе ресурса «Портал о фронтовиках. Победа-1945»]

МАСЛЕННИКОВ

Игорь Михайлович

канд. техн. наук, доцент МИХМ

Родился в 1912 г. Свою трудовую деятельность начал на Московском газовом заводе прибористом. В 1934 г. поступил учиться в МИХМ. Будучи студентом, занимался оборонно-массовой работой по линии ОСОАВИ-АХИМа, с 1936 г. был начальником Военно-химического учебного пункта в институте. В 1939 г. окончил институт с отличием, назначен зам.декана механического факультета органических производств.

В октябре 1941 г. мобилизован в армию, назначен ответственным за сопровождение маршевых подразделений в действующую армию для пополнения в резерв Западного фронта. В январе 1942 г. – начальник «химгородка», который должен был организовывать подготовку разведчиков спец.химической службы, его командир.

Старший лейтенант. Демобилизован в декабре 1945 г. Вернулся в институт, стал деканом факультета автоматизации, инициатором создания которого был он сам. В течение 10 лет был членом и зам. председателя научно-методической комиссии Минвуза СССР.

Им опубликовано более 100 научных работ и получено 18 авторских свидетельств по автоматизации технологических процессов химической промышленности. Многие внедре-

ны в промышленность. Подготовил 26 кандидатов технических наук. Имел много правительственных наград, в т.ч. военных.

До войны и на войне

[Воспоминания И.М. Масленникова опубликованы в журн. «Вестник МГУИЭ», 2005, № 11, с. 23 – 34]

Еще до переезда МИХМа в 1935 году в здание Учебного комбината им. В.И. Ленина (историческое здание МГУИЭ) по улице К. Маркса (теперь – Старая Басманная, дом 21/4) в институте ОСОАВИАХИМом был создан «Военно-химический учебный пункт (ВХУП), литера “В” (вузовский)». Он обладал известной самостоятельностью, имел собственную печать и штампы. Эта структура была подобием воинской части и военного училища одновременно, в ней были, говоря современным языком, как бы «курсанты» – многие студенты вуза, которые по окончании подготовки во ВХУПе получали квалификацию инструктора с почетной обязанностью проводить оборонную работу с населением (москвичами), а также «командиры», тоже студенты, но, как правило, имевшие армейский опыт. Так, к началу 1934 года начальником ВХУПа был студент В. Скачков, средний командир запаса. О других руководителях этого самого раннего периода сведений не сохранилось.

С 1934 и по 1936 годы начальником ВХУПа был И. Овчинников, комиссаром Л. Попков, начальником штаба Л. Сараджев. Все они предварительно проходили высшую вневойсковую подготовку (ВВП) на военной кафедре института, а в дальнейшем аналогичную подготовку проходил и «средний командный состав» – командиры «батальонов» (курсов), «рот» (потоков), «взводов» (учебных групп), а также как бы «курсанты» – будущие инструкторы. Вуз в целом был «полком». С начала 1936 г. и по сентябрь 1938 г. начальником ВХУПа, что соответствовало уровню «полковника», как сказали бы мы теперь, был я, пишущий эти строки.

А рекомендовал меня на этот высокий пост горсовету ОСОАВИАХИМа партком вуза: я был членом комитета ВЛКСМ, отвечал как раз за всю спортивную и оборонную работу. Комиссаром оставили коммуниста Л. Попкова, а вот начштаба был Л. Казаков, были и четверо командиров «батальонов»: А. Юзов, П. Игнатов, Д. Каминский, Л. Аксельрод, учились вместе со мной на одном потоке специального факультета. И упомянутую ВВП на военной кафедре мы тоже проходили вместе, что существенно облегчало нам взаимодействие по управлению ВХУПом.

С сентября 1938-го эти «командиры», и я тоже приступили к дипломному проектированию (защита предстояла в марте 1939-го) и ни на что иное отвлекаться не могли, поэтому эстафета по руководству ВХУПом перешла в руки А. Любартовича, студента выпуска 1940 года (впоследствии – отца декана вечернего факультета МГУИЭ профессора В.А. Любартовича, известного москвоведом – Ред.). В бытность мою начальником нашего военизированного студенческого формирования командирами «батальонов» были А. Юзов, П. Игнатов, Д. Каминский, Л. Аксельрод, Б. Хенкин. Командирами «рот», «взводов» и инструкторами работали Л. Костандов, Н. Иноземцев, М. Кулаков, А. Любартович, Н. Цедиллин, Л. Гарниер, Б. Юрченко, Н. Белчев, Л. Горохов, Е. Кузьмин, Н. Кондрацкий, М. Лейбовский, П. Кошелев, В. Кадычев, Н. Мельников, В. Макарычев, К. Мокин, В. Морозов, Г. Марковский, А. Николаев, М. Васильев, М. Петров, Н. Петин, Г. Скундин, В. Савин, И. Тычкин, Г. Хрусталева, Н. Шевяков, В. Штангей, А. Эпштейн.

В разгар террора 1937 года ряд деятелей ОСОАВИАХИМа либо погибли, либо были отстранены. ОСОАВИАХИМ утратил свое влияние, и к 1940 году ВХУП перешел в ведение военной кафедры вуза. Преподаватели этой кафедры герои Гражданской войны А.У. Клочкин и А.Ф. Шабанов вели строевую подготовку студентов, между ними и студентами-командирами установились доверительные отношения – как равных к равным. Руководили военной кафедрой в «мой» отрезок времени (1936 – 1938 годы) комдив Коршунов и капитан Филонов – весьма культурные и очень квалифицированные командиры с академическим образованием. Таким образом, военная кафедра готовила кадры не только для Красной Армии, но и для самого ВХУПа.

В 1935 году, еще до того как меня назначили начальником, в стране была усилена подготовка населения к обороне вообще и особенно к защите от налетов вражеской авиации с применением зажигательных бомб и отравляющих веществ. Начальник михмовского ВХУПа И.И. Овчинников и начштаба Л. Сараджев, взяв за основу осоавиахимовскую программу, адаптировали ее к специфике МИХМа и организовали занятия.

Да, в 1941-м враг напал внезапно, но уже задолго до этого в МИХМе, в других институтах, в школах была развернута массовая оборонная работа и готовились кадры для нее. Вот почему страна смогла выдержать коварный удар в 1941-м и победить в 1945-м.

Напомню, какие были для этого предпосылки. Для руководства МИХМа это была такая же первоочередная задача, как и подготовка специалистов для промышленности. Конкретное исполнение этой задачи было возложено на комсомольскую организацию, сплоченную и дисциплинированную. Студенты, проходившие спецподготовку (ВВП) на военной кафедре, хотя и поступали в институт примерно в том же возрасте, что и теперь, но уже были сформировавшимися личностями. Например, студенты той группы, где учился я, уже имели трудовой стаж не менее 3 лет и рабочую квалификацию от 5-го до 7-го (высшего тогда) разряда. В МИХМе была военная кафедра с преподавателями из кадровых среди них командиров Красной Армии, оснащенная необходимым инвентарем, наглядными пособиями, причем ряд спецкурсов читали преподаватели, приглашаемые из Военно-химической академии. В стране в предвоенные годы массовую оборонную работу вел ОСОАВИАХИМ — хорошо финансируемая организация, напрямую связанная с высшим командованием Красной Армии.

Остановлюсь особо на таком важном моменте военной подготовки студентов, как летние лагерные сборы. Они проводились по 2 летних месяца на первом и втором годах обучения на военной кафедре, закрепляли знания, полученные в стенах вуза, наглядно показывали достигнутый уровень подготовки. Лагерь располагался близ населенного пункта Фролищева Пустынь, между расположением кадрового армейского полка, к которому наш лагерь был приписан, и лагерем Военно-химической академии. Поэтому Главное военно-химическое управление (ГВХУ) Красной Армии имело возможность одновременно инспектировать работу всех этих частей и подразделений. При этом по всем показателям специальной, строевой, стрелковой и физической подготовки сводная рота (здесь это слово уже без кавычек) МИХМа неизменно держала пальму первенства. И надо же было тому случиться, что рота, где был я, проходила сборы как раз в то время, когда Управление выполняло срочную и ответственную задачу — разработать для всей Красной Армии СССР норматив времени по преодолению полосы препятствий в условиях заражения (пока условного) местности отравляющими веществами. Естественно, контролеры из Управления «для начала» объявили нам норматив, который сами считали заведомо невыполнимым. Каково же было их изумление, когда мы с этим нормативом справились! А ведь надо было в противогазе, с длинной мосинской трехлинейкой (винтовкой), с полной выкладкой (за плечами вещмешок, через плечо — «скатка», то есть шинель, скатанная в виде «хомута») пробежать изо всех сил отрезок, казавшийся бесконечным, быстро проползти, не застряв, под низкой колючей проволокой, перемахнуть через высокий забор, разогнавшись, перепрыгнуть ров с водой, наконец, выстрелить из винтовки и поразить цель. И все это — в самую жару, в конце июля! У каждого препятствия стоял проверяющий с секундомером в руке — кадровый командир в высоком звании. Более тяжелой нагрузки нам, студентам, и представить себе было невозможно. После преодоления препятствий и выстрела разрешалось стащить прилипший к лицу противогаз и встать, выпрямив затекившую спину. Противогазы все стащили с наслаждением, встать же на ноги не смог никто! Не знаю, сколько килограммов веса потерял тогда каждый, только в мокрых от пота форменных рубахах (гимнастерках) отлеживались на земле минут 15 — 20. Потом оказалось — только наша рота справилась с нормативом, бойцам же соседних кадровых подразделений это не удалось. У нас никто не отстал, не застрял на «колючке» и, самое главное, никто не снял противогаз преждевременно, находясь на полосе. Правда, был один пострадавший из... проверяющих командиров (!). Тот неосторожно положил руку на наклонную доску, по которой взбегал студент, как раз преодолевавший это препятствие, а в противогазе-то поле зрения ограничено, вот студент и не заметил этой руки, слегка отдал ее. Наша заслуженная победа имела важное значение: с тех пор к тем выпускникам МИХМа, что направлялись в армию средними командирами, командование относилось с особым уважением. Но теперь-то я могу признаться, открыть секрет: у нашей роты был свой, особый стимул выполнить норматив во что бы то ни стало, стимул, которого у других рот быть не могло — на построении перед началом испытаний нам объявили: выполним норматив — лагерь для нас закончится неделей раньше установленного срока. Целая «лишняя» неделя к летним каникулам! Можно себе представить, что для нас, молодых ребят это значило. Это шутка, конечно. Настоящая причина была в том, что все мы с упоением круглый год занимались физкультурой и спортом. Для этого институтом создавались все условия. Среди нас были и выдающиеся по тем временам спортсмены. Например, Анатолий Николаев, мастер спорта, выступал в марафоне вместе со знаменитыми братьями Знаменскими! Миша Васильев был стрелком высокого класса. Поскольку я был начальником ВХУПа, мне приходилось показывать личный пример, делал я это с удовольствием. К спортсменам себя не относил, скорее к физкультурникам.

Летом бегал, зимой по выходным непременно проходил на лыжах 20 — 25 км, участвовал во всех соревнованиях. Тогда была система отличительных нагрудных знаков. Так, я гордо носил знаки ГТО («Готов к труду и обороне»), «Готов к ПВХО (противовоздушной и химической обороне)», «Во-

рошиловский стрелок». С удовольствием скакал на коне (это занятие любил и Леня Костандов, будущий министр и зампред Правительства) и, в отличие от иных, я имел также знак «Ворошиловский всадник», то есть был обладателем полного набора таких знаков. Одним словом, физически мы были развиты прекрасно, были сильными, ловкими, выносливыми. Об этом заботились и государство (неразрывно связанное тогда с партией), и профсоюз, и комсомол. Было открыто много стадионов, зимой превращавшихся в катки. Катками становились также пруды, дорожки бульваров и парков. В будни с 16 часов, в выходные с 11 вся Москва становилась на коньки. Идеальный лед, яркое освещение, гремит духовой оркестр, настроение бодрое. Были теплые раздевалки, приличный буфет: горячие какао, кофе, а также бутерброды, лимонад. Мы, михмовцы, гордо выходили на лед на беговых коньках. Заметив это, к нам подходили известные спортсмены (понятие «профессиональный спорт» тогда в нашей стране официально не признавалось), давали советы, незаметно превращавшиеся в неформальные тренировки. Неподалеку от института были 5 отличных катков, называю их для краткости условно: Разуляевский, Елоховский (возле собора), Гороховский (каток Института физкультуры), Чистопрудный и тот, что был возле Красных ворот.

Однако позвольте вернуться к рассказу о лагерных сборах. Нас действительно отпустили неделей раньше, и мы поехали в Москву в товарных вагонах, оборудованных нарами, чтобы спать «в два этажа». Воинское обмундирование мы сдали еще в лагере, и вновь были одеты как при отправке на сборы — во все старое и рваное. Эта одежда в самую жару два месяца провалялась кучей на складе, да потом мы ехали и спали в ней два дня туда, два дня обратно. Поглядеть со стороны, смотрелись мы как настоящие бродяги-оборванцы. Но настроение было отличное: мы знали, какая теплая встреча ждет нас в институте, какой обед специально для нас приготовят. Выгрузившись на Павелецкой-Товарной, мы бравым строем, с песнями двинулись по московским улицам походным (чуть ускоренным) шагом, держа направление на МИХМ. У нас были превосходные запевалы: теноры Л. Горохов и А. Фарыкин, а также бас — Н. Цедилин.

Когда вышли на Садовое кольцо, то читали во взглядах москвичей смешанное чувство недоумения, изумления и восхищения. Еще бы — впереди, в военной форме, с ромбами в петлицах, указывающими на высокое звание (погон тогда еще не было), и с орденом Красного Знамени на груди (большая редкость в то время) шагает командир, а за ним, как на параде, печатая шаг, — три взвода каких-то веселых немых оборванцев! В институте нас в самом деле ждал великолепный обед с... пивом! Иной читатель мне не поверит, но было именно так. Более того, после обеда самое невероятное, как теперь может показаться, — танцы с... нашими девушками, которые нас ждали и встречали!

В целом о жизни в военном лагере воспоминания очень хорошие. Было трудно, но интересно. Нередко случались забавные, комические, а иногда и трагикомические происшествия. Мы, непосредственные их свидетели, часто потом вспоминали их на наших традиционных встречах выпускников потока. Много раз на этих встречах вновь и вновь просили двух уважаемых профессоров, а в те далекие годы — студентов рассказать ту историю, свидетелями которой были все студенты нашей роты.

А дело было так. Перед нами поставили задачу — заразить ипритом, отравляющим веществом (ОВ), участок значительной площади. (Страна готовилась к химической обороне, но предполагалось, что обороняться будем активно. Почему фашисты не отважились на применение ОВ на фронтах — вопрос отдельный). В два часа ночи по тревоге мы выдвинулись на исходный рубеж. Двигались в защитных прорезиненных комбинезонах, за спиной — носимый прибор заражения (НПЗ). Это был заполненный ипритом бак с краном и разбрызгивателем в виде длинной трубки с распылителем на конце. Для равномерного разбрызгивания ОВ по земле всем нужно было двигаться цепью, ритмично манипулируя разбрызгивателем руками. Итак, мы вышли к рассвету на исходный рубеж, развернулись в цепь. Завидев в небе красную ракету (сигнал «Приступить к заражению!»), сделали первый шаг... Как вдруг раздался нечленораздельный дикий вопль: «А-а-а-а!» Кричали на левом фланге первого взвода. Командир роты и командиры взводов (я тоже, так как командовал вторым взводом) бросились немедленно туда. Нашим глазам представилось незабываемое зрелище. Два наших студента, бойцы 1-го взвода, будущие профессора, стояли как в столбняке и вопили от ужаса. У одного из них из бака был вырван кран, и из дыры на землю хлестал иприт. Другой держал в руках маску противогаса. Она была полна... иприта (!). А произошло вот что. Первый, надев противогаз, хотел открыть кран своего НПЗ, но кран не поддавался. Тогда он подошел к другому, а тот был еще без противогаса, и попросил помочь открыть кран. Этот второй стал помогать столь ретиво, что вырвал кран «с мясом». Увидев хлынувший иприт, он растянул маску противогаса и хотел было надеть его, но тут то ли струя изменила направление, то ли сам он сделал неловкое движение, но маска мгновенно наполнилась ипритом. Пострадавших немедленно доставили в госпиталь. Выполнение задачи было сорвано, и мы вернулись в лагерь в дурном настроении. К счастью, серьезного поражения ипритом не произошло, и через три дня наши товарищи вернулись в роту.

В марте 1939-го студенты группы, в которой учился и я, успешно защитили дипломные проекты, и нам была присвоена квалификация инженера-механика для работы, как правило, в оборонной промышленности. Одновременно нам присвоили и воинское звание младшего лейтенанта Красной Армии. Четверых из нас, учитывая хорошие оценки за все время обучения и отличную защиту дипломного проекта, решено было оставить при институте: Д.М. Каменского и М.В. Кулакова — на кафедре «Оборудование заводов резиновой промышленности», Н.А. Цедилина — на кафедре «Процессы и аппараты»; меня же оставили для подготовки курса по автоматизации, который я должен был читать. Уже с сентября 1939 года меня назначили заместителем декана механического факультета органических производств.

Великую Отечественную войну МИХМ встретил подготовленным и оправдал свое почетное звание — «Крепость Обороны». Уже на пятый день войны 250 студентов и 20 преподавателей вступили в боевые подразделения 3-й Московской коммунистической дивизии. Там были и девушки-студентки. Мы, оставленные при институте, тоже хотели бы уйти на фронт добровольцами. Нас записали было, но вскоре из списков добровольцев вычеркнули: как имеющие воинские звания мы подлежали призыву в установленном порядке.

Неподалеку от института находилось несколько стратегических объектов: стоящие вместе Ленинградский, Ярославский и Казанский вокзалы, а поотдаль — также и Курский вокзал, а кроме того, рядом, на улице Радио, располагался Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), сердце нашей авиационной науки. Все это было желанной мишенью для вражеской авиации. Как раз над территорией института проходила линия заградительного огня противовоздушной обороны. Зенитные батареи стояли в Саду имени Баумана, а напротив Елоховского храма располагался еще один опорный пункт, имевший на вооружении крупнокалиберные зенитные пулеметы.

Налеты немецкой авиации на Москву начались ровно через месяц после начала войны — 22 июля, в 10 часов вечера. Потом примерно в течение месяца налеты происходили регулярно, с немецкой педантичностью, в одно и то же время. Позже, когда фашисты приблизились к самой Москве, они стали совершать дерзкие налеты даже в светлое время суток.

С началом войны директор МИХМа Я.Д. Радчик приступил к исполнению обязанностей начальника обороны объекта (института). Меня он назначил своим помощником по противовоздушной и химической обороне, приказав организовать команды самообороны и руководить их работой. Составленные мной команды включали преподавателей, сотрудников и студентов института, дежуривших на чердаке и во дворе. С описанием этих дежурств, а также работы мастерских, изготовлявших снаряды к «катюшам» (описанием, составленным в том числе и по моим ранним воспоминаниям), читатели уже ознакомились по вступительному очерку к данному сборнику.

Во время налетов авиации врага директор Я.Д. Радчик как ни в чем не бывало продолжал работать в своем кабинете. Об этом все знали, и данный факт придавал михмовцам уверенности и самообладания. Когда налетов не было, я находился в своем кабинете зам. декана в главном корпусе либо занимался монтажом в лаборатории контрольно-измерительных приборов (КИП) в лабораторном корпусе. Когда же начинался налет, я обходил посты и помещения института. С чувством удовлетворения могу сказать: все находилось на своих местах, выполняя свои обязанности спокойно и уверенно. Скажу также: бомбоубежище в подвале главного корпуса не имело посетителей. Самым дискомфортным, зато и самым интересным местом для наблюдения за ходом боев в небе над Москвой была крыша института. Немецкие бомбардировщики пытались прорваться к своей главной цели — ЦАГИ на бреющем полете, опасаясь прицельного зенитного огня. Летели они настолько низко, что можно было разглядеть головы вражеских пилотов.

На крыше МИХМа я был относительно спокоен, понимая, что фугасные бомбы институту не угрожают, так как сбрасывать их на бреющем полете немцы не могут: образовалась бы такая воздушная ударная волна, что сбила бы сбросивший бомбу самолет. Да и МИХМ для врага все же не главная цель. К тому же рядом с МИХМом в здании научно-исследовательского института размещался госпиталь с ранеными немецкими летчиками, взятыми в плен. На крыше этого здания был крупно нарисован в белом круге красный крест. Конечно же, фашисты, прилетавшие нас бомбить, прекрасно знали, кого охраняет этот красный крест: если бы там лечились наши — военные ли, гражданские — все равно разбомбили бы за милую душу, и крест не помог бы.

Все студенты, активисты оборонно-массовой работы, которой мне довелось руководить, были отлично подготовлены для фронта как командиры и для работы в оборонной промышленности как инженеры-механики. Наших специалистов ценили везде. Когда их призывали в Красную Армию, им доверяли более высокие посты, чем полагалось им по скромному воинскому званию. То же было и на оборонных предприятиях. Те, кто вернулся после Победы, впоследствии стали мини-

страдами, профессорами вузов, заслуженными изобретателями, видными учеными, руководителями крупных промышленных предприятий, НИИ, конструкторских бюро. Почти все мои однокашники ушли из жизни, но до конца своих дней они были преданы МИХМу.

В середине октября (16 – 17 числа) на фронте под Москвой сложилась серьезная, даже угрожающая обстановка. Началась массовая эвакуация. Сейчас некоторые СМИ говорят: мол, началась всеобщая паника. С этим согласиться не могу, так как я ничего похожего не наблюдал. Возможно, были отдельные паникеры, да еще вроде бы по шоссе Энтузиастов (бывшей Владимирке) двинулось из города пешком какое-то количество людей, которым не нашлось места в поездах. И что происходило внутри Бульварного кольца, я тоже не знаю. Но в остальных местах, где жили коренные москвичи, никакой паники не было. После дежурства в МИХМе мне приходилось бывать в разных местах Москвы: и в Замоскворечье, где мы жили с женой и ее бабушкой, и у своих тетушек, одна из которых жила недалеко от театра Красной Армии, а другая на Красной Пресне, наконец, у моей матери – она жила в Подмосковье, в Пушкинском районе. Нигде паники не наблюдалось, о МИХМе же и говорить нечего. Хотя, может быть, кому-то и хотелось такой паники.

28 октября я наконец получил повестку о призыве в Красную Армию и, согласно мобилизационному листку, немедленно явился на призывной пункт. Мне сообщили, что для меня формируется маршевое подразделение, по численности – примерно рота (для краткости я так и буду называть его ротой). Вручили мне удостоверение командира и направили на вещевой склад, где выдали вполне приличную командирскую форму. Особенно хороши были сапоги, они мне долго служили. Моя рота должна была выступить в назначенное место через неделю. Маршрут движения уже был у меня на руках. А пока меня отпустили домой, порекомендовав ходить по городу в форме (с 20 октября Москву перевели на осадное положение, на улицах на каждом шагу патрули).

Валя, моя жена, тоже бывшая студентка специального факультета МИХМа, успела защитить дипломный проект за два дня до объявления войны и была направлена на завод на Красной Пресне. Во время одного из налетов немцы этот завод разбомбили, и у Вали тоже оказалось свободное время. Мы потратили это время, посещая наших родственников.

В день выступления из Москвы я настоял, чтобы Валя и родные не приходили меня провожать: мне предстоит серьезная работа, и я все равно не смогу уделить им должного внимания. Привезут моих бойцов, я должен буду их построить, временно назначить младший комсостав: старшину, командиров взводов, сам получить указания о деталях маршрута, о пунктах питания и ночлега. И вот день выступления настал, назначенный час – 9.00, поэтому я прибыл на сборный пункт на Миусской площади в 7.00, а в 8.00 личный состав был в строю, еще час заняли распоряжения и приготовления. Наша первая «боевая задача» было более чем скромной: без потерь прибыть пешим порядком на первый пункт питания и ночлега. Я отдал команду к движению, занял место во главе колонны и повел свою роту по улице Горького (ныне Тверская-Ямская и Тверская), через Красную площадь, по улице Куйбышева (Ильинке), мимо здания ЦК ВКП(б), по Солянке и далее по шоссе Энтузиастов (бывшей Владимирке). Довольно долго мы двигались в толпе провожавших нас родственников и близких, плачущих и причитающих. И они, и мы понимали, что многие видят друг друга в последний раз. Когда проходили по Красной площади, держась ближе к нынешнему ГУМу, под ногами хрустело битое стекло витрин. Возле здания ЦК суетились пожарные, оттуда валил густой дым. Из уходивших на фронт только один я был в военной форме, остальные новобранцы шли пока в гражданском. По возрасту большинству из них было лет 35 – 40, то есть они были значительно старше меня. Временным старшиной я по наитию назначил Козырева, он оказался портным-закройщиком Министерства иностранных дел. Была в нашем строю и одна молодая девушка, у которой кроме вещмешка за спиной была также санитарная сумка медсестры через плечо. Те, кто шли рядом, наперебой предлагали понести тяжелую сумку, но ответом было решительное «Нет!» Наш маршрут лежал в резерв Западного фронта. На марше колонна трижды подверглась атакам с воздуха: дважды налетали штурмовики и один раз бомбардировщики. Приходилось давать команду «Воздух!», по которой все рассредоточивались, прощя говоря, разбегались врассыпную и бросались на землю, иной защиты не было. По счастью, маршевая рота потерь не понесла.

Моей задачей было довести маршевую роту до места ее назначения, после чего возвращаться и вести новую. Вот так я и работал с маршевыми ротами – по январь 1942-го. Впервые я почувствовал груз ответственности за перемещение, быт, за сохранность самой жизни большого числа людей в экстремальных условиях существования. Мы передвигались пешим порядком по 8 – 12 часов в день в условиях суровой зимы (мороз до –40 °С), преодолевая метель, сугробы, ежесекундно ожидая очередной атаки с воздуха, испытывая изматывающие неудобства при остановках на ночлег, во время соблюдения правил личной гигиены, а также психологическую подавленность из-за разлуки с семья-

ми, из-за необходимости идти в неведомое и пугающее будущее. Мне прежде всего нужно было решить главный вопрос: как в короткий срок превратить разношерстную толпу людей в строевое походное подразделение, подчиняющееся своему командиру, то есть мне, и доверяющее ему, которому все они годились в отцы. Тем не менее я чувствовал себя довольно уверенно: начинали сказываться организационный опыт и военная подготовка, полученные мной в МИХМе еще до войны. Но все-таки: как же завоевать авторитет и заслужить уважение доверенной мне маршевой роты? Решение подсказал случай. Мы проходили через небольшое селение, славившееся выпечкой... пряников! Их я всегда любил. Купил и на сей раз, попробовал — хороши! И тут блеснула мысль: а не закупить ли пряников на все выданные мне личные «кормовые» деньги?! Посоветовался со старшиной, тот одобрил, и вот у каждого нашего призывника в вещмешке по полтора килограмма вкусных свежих пряников, которыми ему разрешалось подкрепляться прямо во время движения. Все заметно приободрились и повеселели. А для меня это был урок на всю жизнь: надо проявлять заботу о подчиненных тебе людях. Мы со старшиной Козыревым очень хорошо это поняли.

Поэтому на пунктах питания мы с ним за стол не садились, пока все наши не получат свой паек, спать не укладывались, пока не устроится последний наш боец. В наших рядах в минуты отдыха стало оживленнее, люди вели себя общительнее, а к нам, командирам, стали относиться с большим доверием и уважением. Сопровождать маршевые роты было ответственной задачей, ведь потеря в пути даже одного человека это чрезвычайное происшествие, о котором полагалось докладывать аж семи вышестоящим инстанциям. А за групповое дезертирство командиру грозили разжалование и штрафбат.

Когда маршевое сопровождение закончилось, я какое-то время находился в резерве комсостава, а потом был назначен начальником химворода. Собственно такого городка еще не было, его еще только предстояло построить. Правда, технических средств и опытных строителей было достаточно. В конце июня 1942 года работы по возведению химворода были завершены.

К этому времени советская агентурная разведка установила: противник направляет на фронт специальные подразделения, имеющие на вооружении средства химического нападения. Необходимо было разведать и точно установить дислокацию этих подразделений и тип имеющихся у них химических боеприпасов. Для этой цели требовались особо подготовленные войсковые разведчики. Поэтому на самом высоком уровне (Верховным командованием) было принято решение о создании отдельной разведроты с задачей подготовить таких разведчиков и организовать их деятельность. Я получил приказ явиться к начальнику штаба дивизии подполковнику Лопухову. Он сообщил мне: по представлению командира дивизии в очень высокой инстанции рассмотрен вопрос о моем назначении командиром спецподразделения с прямым подчинением комдиву. Я же стоял перед начштаба, вытянувшись, как положено по Уставу, и лепетал, что, мол, мои знания и мое звание не соответствуют такому назначению, так как командиром подобной отдельной роты должен быть по меньшей мере майор. Начштаба сначала резко отчитал меня, не скупясь на неуставную лексику, а затем, уже спокойнее, пояснил: он сам в должности, не соответствующей званию. Слишком много командиров разных рангов мы потеряли еще до войны, во время «чисток».

Оказалось, что личный состав спецроты уже сформирован: люди расположились неподалеку от штаба дивизии в палатках и шалашах из веток. Имелся даже временно исполняющий обязанности командира — лейтенант Сюткин. Мы с ним быстро подружились, тем более что после передачи роты мне его брали на штабную работу. Комдив полковник Калнынь, который ранее командовал дивизией латышских стрелков, а затем корпусом в Особой дальневосточной армии Блюхера, был уже человеком в возрасте, знающим и порядочным. Он приказал мне немедленно приступить к боевой подготовке личного состава по утвержденной программе, а строительство базы для моей роты вести силами взвода, выделяемого стройбатом. Комдив поручил также своему заму по хозяйству содействовать мне как в строительных работах, так и в материальном обеспечении роты.

Явившись в расположение роты, я обнаружил, что у бойцов нет даже котелков, и все едят из чего попало, например, некоторые используют под горячее... выдолбленные из дерева корытца (!), по одному на троих. Я вызвал ротного старшину Васина и потребовал от него немедленно обеспечить каждого бойца личным котелком, а если их нет, то приспособить под посуду большие опорожненные банки из-под американской свиной тушенки — я видел много таких банок возле пищеблока. Найти в роте троих умельцев, чтобы они из этих банок и толстой проволоки наделали столько импровизированных котелков, чтобы хватило на каждого. И действительно, нашлись двое таких — Беспалов и Буровцев. Они стучали и звенели всю ночь, но к утру изготовили необходимое количество желанной утвари. Я выдвинул обоих на присвоение звания сержанта. Забегая на много лет вперед, скажу, что Буровцев оказался мастером золотые руки, мне довелось работать с ним до самого

окончания войны. Ну а после войны я пригласил его в МИХМ, и он долгое время работал у нас старшим лаборантом, показав себя как отличный работник.

Я и мой заместитель по строевой подготовке младший лейтенант Егоров П.К. занялись вместе с командирами взводов подготовкой разведчиков химической службы. Сложность этой работы состояла в том, что помимо обычной общевоинской подготовки нужна была еще и специальная химическая подготовка, да еще и особая подготовка разведчика, имеющего необходимые для разведработы данные. Откровенно говоря, мы, командиры, сами не очень хорошо представляли, как все это осуществлять. Надо было самим много работать при подготовке к проведению практических занятий. Обнадеживало то, что у меня все младшие командиры имели высшее или по меньшей мере среднее образование и на «гражданке» работали учителями. Я как командир отдельной роты, подчиненной непосредственно командиру дивизии, имел даже право первого отбора людей, поступавших в пополнение штата дивизии. Поэтому мы даже повара смогли заполучить из... московского отеля «Националь» (!). Большую помощь оказывало и командование дивизии: лично ее командир, начштаба вместе со своим штабом и, в особенности, начальник химслужбы дивизии капитан Любимов П.И.

Что до строевой, огневой и физической подготовки, то все это нам организовать было нетрудно: мы, командиры, сами хорошо владели этими дисциплинами и прежде всего решили серьезно поставить строевую и огневую подготовку. Я сам и мой заместитель Егоров П.К. собственноручно пристреляли все имевшееся в роте личное оружие бойцов и командиров. Так как хорошее стрельбище находилось в двух километрах от расположения роты, мы сэкономили время, проводя строевую подготовку во время движения к стрельбищу и обратно, осуществляя все перестроения на ходу. Шли бодро, в каждом взводе нашлись хорошие запевалы. По пути также учились пользоваться средствами химзащиты (противогаз, защитная накидка, комбинезон).

Еще в институте я выучился неплохо стрелять из винтовки с обеих рук (прицеливаясь и с правого, и с левого плеча). Это я продемонстрировал всем остальным и разъяснил: разведчику во время уличных боев при стрельбе из-за угла умение стрелять с обеих рук в несколько раз снижает опасность собственного поражения огнем противника. Это упражнение общевоинской программой не предусматривалось, но большинство моих подчиненных мой совет (я нарочно не отдал приказ, а именно посоветовал как заботливый командир) восприняли и пожелали обучиться этому способу стрельбы.

Для того чтобы бойцы активно включились в учебный процесс и проявляли интерес к изучению предметов, я решил привнести сюда михмовский дух соревнования. Была введена оценка каждого взвода, каждого отделения во взводе, каждого бойца в отделении. Ежедневно после часов занятий эти оценки фиксировались, обновлялись и обсуждались. Например, по пути на стрельбище взводы пели поочередно: поет первый взвод, два других шагают в противогазах, и наоборот; учитывается и дается оценка — качеству пения, четкости исполнения команд, качеству строевого шага, равенству строя, скорости надевания противогаза, других средств защиты. На стрельбище учитываются скорострельность и точность стрельбы. Эффект такого подхода быстро оправдал себя. Было решено применять его в дальнейшем не только на занятиях всех видов, но и в быту (чистота, внешний вид личного состава, поведение, взаимопомощь и т.д.). В нашей роте были и политработники: замполит (заместитель командира по политической части), парторг, комсорг, которые обеспечивали политическую подготовку, помогали командирам в организации соревнования, освещении его результатов.

С организацией тактической боевой подготовки было сложнее. А ведь суть ее была именно в том, что мы должны уметь делать в боевой обстановке. Нужен был не условно обозначенный «противник», а реальный, активно сопротивляющийся и даже нападающий, агрессивный. Скажу, что к концу 1942 года наши командиры и бойцы были уже хорошо подготовлены к встрече с таким противником. Тут я вспомнил, как интересно было заниматься в михмовской военно-конноспортивной школе, когда ее начальник разводил нас, «ворошиловских всадников», в лесу на два эскадрона и ставил задачу: найти противника и отнять у него лошадей, сбросив всадников. Это была опасная, но интересная военно-спортивная игра. Зачет был по числу отнятых лошадей. Удивительно, но за три года подобных занятий с жестокими схватками травм почти не было — всего лишь одна ключица была сломана. Но все мы являлись на занятия в институт изрядно побитые, с синяками и шишками. Один из нас, участник тех схваток Л.А. Костандов, став министром химической промышленности СССР, впоследствии при наших встречах любил вспоминать об этом: «А помнишь, как я тебя с лошади стащил!» «Нет, я — тебя!». И те студенты, которые занимались боксом, тоже являлись в институт на занятия с синяками и расквашенными носами. Но вид у них был довольный, они гордились этим.

Вначале мы пытались создать «боевую обстановку», неожиданно бросая в скопления наших людей взрывпакеты, но все же это было не то.

Одной из самых важных задач, поставленных перед нами командованием, был захват боеприпасов противника с целью обнаружения среди них средств химического нападения. При этом кто-то из высокопоставленных военачальников подсказал: «Учитесь у... воров (!). Те обычно действуют

втроем: пока один отвлекает внимание “жертвы”, второй обчищает его карман, быстро и незаметно сует добычу третьему, который, как ни в чем не бывало, удаляется под видом “случайного прохожего”. Пропажка обнаруживается, когда похитителей давно и след простыл. Если же схватят на месте отвлекающего, или обчищающего, или обоих вместе, то при проверке они “чисты”, потому что на третьего внимания никогда не обращают. Во время “работы” вся троица поддерживает друг с другом связь условными сигналами».

С учетом столь неожиданной рекомендации мы тоже стали создавать по три группы для каждой операции по захвату боеприпасов на складе противника. Первая, «группа отвлечения», связывает бой с охраной склада, отвлекая внимание противника на себя. Вторая, «группа захвата», проникает в склад с противоположной стороны, забирает в первую очередь образцы подозрительных боеприпасов, документацию, другое имущество и отходит в расположение наших войск, уничтожив, если имеется возможность, склад подрывом или поджогом. В случае обнаружения этой группы противником от нее отделяется «группа прикрытия» (третья группа), перенимающая «эстафету» боя у первой в течение времени, достаточного для отхода первой и второй групп, после чего отходящая вслед за ними. Всеми этими действиями, которые должны быть ювелирно согласованными, руководит командир операции при помощи сигнальных ракет.

Удалось установить, что химическое оружие, по крайней мере в виде образцов, немцы на свою передовую доставляют. О захваченных химических боеприпасах командир немедленно докладывал нашему Верховному командованию. Далее эта информация была своевременно передана нашим союзникам-англичанам, и те по своим каналам предупредили гитлеровцев о том, что союзникам известна дислокация немецких частей, вооружаемых средствами химического нападения, и что в случае боевого применения химического оружия вся густонаселенная территория Германии будет залита жидким ОВ (отравляющим веществом) как с запада, так и с востока.

Однажды, разбирая наши трофеи (см. на фото) с немецкого оружейного склада, среди обычных химических (дымовых) гранат мы нашли несколько ящиков ракет с необычной маркировкой: либо с серой, либо с синей полосой. Когда попробовали выстрелить ими из ракетницы, то, как оказалось, это были «пугающие» ракеты: первая, взрываясь в воздухе, отлично имитировала внушительный и впечатляющий разрыв шрапнельного снаряда, тогда как вторая весьма правдоподобно изображала характерный свист и разрыв мины. Таким дешевым способом немцы рассчитывали создавать у нас иллюзию «шквала огневого нападения», что давило бы на нашу психику, а возможно, и сеяло бы панику. Мы проверили это на наших поисках, без предупреждения выстрелив в их направлении из десятка ракетниц. Эффект был ошеломляющий, но паники он не вызвал.

Однажды при проведении ночных тренировочных занятий в сырую неприятную погоду с применением всех средств, воссоздающих картину реального боя двух сторон, по окончании занятий я был буквально потрясен. После разбора действий взводов и отделений (тут же, на месте занятий), когда, казалось, можно было отправляться в теплые землянки, группа пожилых бойцов вдруг попросила продолжить занятия — проигравшие жаждали реванша немедленно! Люди были увлечены игрой словно дети. Я на всю жизнь запомнил этот урок: в обучении увлеченность студентов играет огромную роль.

Кроме основной задачи роте приходилось выполнять и вспомогательные: оборудовать оборонительные рубежи фугасными огнеметами, ставить маскирующие дымовые завесы и т.д. Были ли среди нас жертвы и ранения?

Конечно, были. Случилось даже, что иногда по непонятной причине дымовые шашки взрывались перед лицом сидящего в окопе бойца, осуществляющего дымопуск.

Можно было бы рассказать еще много поучительного, забавного и трагического о нашей фронтовой работе, но главным было то, что рота внесла свой вклад в сдерживании опасности возникновения химической войны.

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ И СЛАВА ПОГИБШИМ ГЕРОЯМ!

Когда наши войска продвинулись далеко на запад, а угроза химической войны была снята, нашу роту расформировали. Для продолжения службы я был назначен начхимом (начальником химической службы) полка. Мне разрешили взять с собой нескольких младших командиров в звании старшин для укрепления химслужбы полка. В их числе был и Буровцев А.М., человек очень способный. Как я уже говорил, потом я его пригласил работать в МИХМ.

В декабре 1945-го я демобилизовался и явился в МИХМ.

НУДЛЕР

Лев Моисеевич

старший преподаватель кафедры физвоспитания и военной подготовки МИХМ

Родился в 1922 г. В 1938 г. добровольно по призыву ЦК ВЛКСМ вступил в ряды Красной Армии.

К началу Великой Отечественной войны учился в Военной академии химзащиты, откуда в октябре 1941-го и был направлен в действующую армию.

Участвовал в контрнаступлении наших войск под Москвой. Дивизия, в которой он воевал, вступила в бой впервые под городом Михайлово Рязанской области. 7 декабря 1941 г. город был взят. Дивизия непрерывно наступала в течение всего декабря и первой половины 1942 г., пройдя с боями около 400 км. У станции Думиничи группа саперов, в числе которой был и Л. М. Нудлер, пройдя в тыл противника, взорвала железнодорожное полотно, связывающее станции Думиничи и Сухиничи. В результате было блокировано несколько эшелонов с техникой и боеприпасами.

За годы войны Л. М. Нудлер сражался на самых различных фронтах, участвовал в освобождении многих городов, в том числе Ориши, Смоленска, Ржева, Вязьмы, Риги и четыре раза был ранен. Войну закончил в Курляндии. За бое-

вые заслуги Л. М. Нудлер награжден 4 орденами и 12 медалями. После войны полковник в отставке, работал в МИХМе.

Путь солдата

[Воспоминания Л.М. Нудлера опубликованы в газете «За кадры химического машиностроения», № 17(659) от 16 мая 1975 г.]

Мне, воспитаннику Ленинского комсомола, довелось участвовать в боях с фашистами почти в течение всей войны. Боевое крещение я получил в начале декабря 1941 года во время контрнаступления наших войск под Москвой. Вспоминается огромная радость первых успехов под Москвой, отвага молодых бойцов, героически сражавшихся с врагом, вспоминается, как быстро мужали вчерашние мальчишки, с болью в сердце вспоминается зверство отступающих фашистов. Зрелища пожаров, убийств и издевательств над мирным населением. Опустошение, оставляемое фашистами, рождало в нас, молодых воинах, ту святую ненависть к захватчикам, которая так нужна была для преодоления всех трудностей на пути к победе. Именно в боях под Москвой родились первые гвардейские части и соединения... В начале 1943 года враг был разгромлен под Сталинградом, и наши войска изгоняли фашистов с Северного Кавказа и из донских степей. Очень важно было не допустить переброски немецких подкреплений в эти районы с других участков фронта. Наша дивизия, находясь под Ржевом, вела активные боевые действия, не позволяя противнику снять с этого участка фронта силы и средства. Для того чтобы узнать, были ли у фашистов действительно такие намерения, требовался «язык». Все попытки добыть его в ночное время заканчивались неудачей. Тогда командование организовало необычную для того времени разведку днем. Тщательным наблюдением было установлено, что после 9 часов утра гитлеровцы, позавтракав, отдыхают и уменьшают число наблюдений. Из состава полка были подобраны 20 добровольцев-разведчиков, которые в 10 часов утра налегке выскочили из нашей передней траншеи и, преодолев бегом около 150 метров нейтральной зоны, без единого выстрела ворвались в переднюю траншею врага, а затем в блиндаж. Захватив 7 застигнутых врасплох фашистов, они вернулись назад. Противник опомнился и открыл огонь по разведчикам лишь тогда, когда они подбежали к нашей траншее. В результате проведенной операции только один боец был легко ранен.

Пленные дали важные показания, среди которых были и сведения об уменьшении количества гитлеровских войск под Ржевом. И в тот же день, 1 марта 1943 года, наш полк, а затем и вся дивизия перешли в наступление и прорвали оборону противника. На следующий день в этот прорыв были введены другие полки и дивизии.

Так началось известное весеннее наступление войск Западного фронта, которое завершилось освобождением Ржевско-Вяземского плацдарма противника и выходом наших войск к верховьям Днепра и подступам к Смоленску. Нашей дивизии за успешные боевые действия в этом наступлении в апреле 1943 года было присвоено звание гвардейской. Позднее из гвардейских дивизий была сформирована 10-я гвардейская армия, которая прошла славный боевой путь, начав его с освобождения Смоленска в сентябре 1943 года. Впоследствии 10-я гвардейская армия, переданная в состав войск 2-го Прибалтийского фронта, освободила от фашистов западные районы Калининской области, многие районы и города Латвии, включая ее столицу Ригу. Нашей дивизии, непосредственно участвовавшей в освобождении Риги, было присвоено почетное наименование «Рижская». 10-я гвардейская армия закончила свой боевой путь в Курляндии, где до конца войны было блокировано 30 дивизий врага. 9 мая 1945 года армия начала принимать капитуляцию этой группировки.

Прошло 30 лет. 26 – 27 апреля 1975 года в Москве состоялась встреча ветеранов 10-й гвардейской армии, на которую прибыли более 500 человек из многих городов страны. Участники встречи выступали с воспоминаниями перед учащимися техникумов, в которых созданы музеи боевой славы 10-й гвардейской армии. Солдатами и героями не рождаются, ими становятся в час суровой необходимости. Это доказали воины-гвардейцы из 10-й гвардейской армии.

Народ бережно хранит имена павших за Родину. Наша молодежь должна быть достойна отцов и дедов, отдавших свои жизни в борьбе с врагом. Должна, если придется, повторить их подвиг. Повторить тогда, когда клятва о готовности умереть за Родину перестает быть словами.

ПАЛАМАРЧУК

Дмитрий Павлович

полковник, нач. спецчасти МПИ

Выпускник Одесского военно-пехотного училища.

Участник финского фронта, обороны Москвы. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы» и др.

Жизнь продолжается

[Статья о Паламарчуке Д.П.
из газеты «Советский полиграфист»,
№ 16 за 1981 г.]

Казалось, совсем недавно он принимал военную присягу на верность Родине. Сегодня, 9 декабря 1939 г., выпускник Одесского военно-пехотного училища имени К.Е. Ворошилова вместе с товарищами по службе 9 декабря 1939 г. отправлялся на финский фронт командиром стрелкового взвода. И сразу в бой. лейтенанту Дмитрию Паламарчуку в том памятном тридцать девятом шел двадцатый год...

Февраль 1940 года выдался лютым. 40 – 50-градусные морозы сковали землю. Полуостров Кайвисто, где разместился полк, был совсем близко от Выборга – переднего края фронта. Стрельба не прекращалась ни на минуту. Пули со свистом пронеслись в воздухе, не давая подняться. С высоты было видно, как по снегу двигались едва заметные белые точки в белых маскировочных халатах. Бойцы шли вперед. Только вперед! И во главе взвода молоденький веселый лейтенант.

23 февраля 1940 г. ...Острая, жгучая боль пронзила левую голень. «Ранен», – пронеслось в сознании. Кто-то рядом крикнул: «Возьми на прицел “Кукушку”! Там, справа!» Бойцы увидели на дереве снайпера, который стрелял по командиру взвода. Взяли на мушку. Метким выстрелом заставили замолчать врага.

Батальонный врач перевязал жгутом ногу и доставил в полевой госпиталь. По дороге Дмитрий потерял много крови. Когда его положили на операционный стол, хирург Григорий Прокофьевич Овчаренко удивился выносливости лейтенанта. Они оказались земляками, оба были из Винницкой области. После двух операций Дмитрия Паламарчука отправили с эвакогоспиталем в Ленинград.

И началась госпитальная жизнь. Костыли, потом палочка...

Известие о войне с Германией было ошеломляющим. Дмитрий в первый же день войны написал рапорт начальнику госпиталя. «Как и миллионы советских людей, я, ни на минуту не задумываясь, отдаю свою жизнь за дело освобождения своей страны от фашистских варваров» – писал он в рапорте.

Начальник госпиталя развел руками, грустно улыбнулся: «Как же ты будешь воевать? С палочкой?»

- Я настаиваю, я прошу, требую! – упорно стоял на своем лейтенант.

Его направили в воинскую часть на охрану особо важных объектов в Москве. Опираясь на палочку, он ушел из госпиталя помогать фронту.

Началась героическая оборона Москвы. «Отступить некуда, за нами – Москва!» Эти слова стали боевым девизом всех защитников города. И столица нашей Родины выстояла, победила. Одним из ее защитников был Дмитрий Павлович Паламарчук. В те грозные дни сто тысяч коммунистов-москвичей, свыше четверти миллиона комсомольцев взяли в руки оружие. 17 ноября 1941 года во время очередного налета на Москву возле военного объекта разорвалась фугасная бомба. С тяжелой контузией Дмитрий Павлович снова попал в госпиталь.

- Меня оперировали шестнадцать раз, десять – под общим наркозом, – вспоминает он и улыбается так, будто не было никаких испытаний и мук. Может быть, потому, что ухаживала за ним милостивая голубоглазая санитарка по имени Полина? Она стала потом его женой – верным другом на всю жизнь.

В управлении делами Министерства обороны офицер Паламарчук служил с апреля 1943 до 1966 года. И вот уже шестнадцать лет работает он, полковник в отставке, инвалид Великой Отечественной войны в Московском полиграфическом институте, является секретарем партийной организации управления, неоднократно избирался членом партийного бюро института.

В День Победы Д.П. Паламарчук надевает свой парадный военный мундир. Грудь его украшают награды Родины – орден Красной Звезды, медаль «За оборону Москвы» и другие.

Радость светилась в глазах. Радость победы за эту прекрасную жизнь на земле. Он всегда презирал смерть. И в труде неутомим, как в бою.

ПАСИЧЕНКО

Вера Павловна

кассир МАМИ

Родилась в 1923 г.

В 1942 – 1945 гг. – служба в ВВС РККА, шофер, комсорг автобатальона.

В 1945 – 1961 гг. работала в сберкассе бухгалтером, с 1961 по 1984 г. кассиром в МАМИ.

Пасиченко Вера Павловна «Москва военная. За рулем грузовика»

[Воспоминания опубликованы в сборнике «МАМИ в годы войны». М., 1995, с. 67 – 72]

В армию я была зачислена в июле 1942 г. как доброволец и направлена в школу младших командиров ВВС РККА, которую окончила в октябре того же года. Школа готовила техников по обслуживанию самолетов и автомобилей. Я попала в автомобильное отделение. У нас были занятия по устройству и эксплуатации автомобильной техники, по практической езде и по военным дисциплинам. Много внимания уделялось также строевой подготовке.

В это время на фронте было тяжелое положение. После окончания битвы под Харьковом немец хлынул неудержимым потоком на Восток к Волге (к Сталинграду), на северо-восток к Воронежу, а затем на юго-восток в сторону Кавказа. Все мы стремились быстрее попасть на фронт, но я получила назначение в родную Москву, точнее в Подмоскowie, в Люберцы, на аэродром. Вскоре я была выбрана комсоргом автобатальона, и началась моя деятельность как шофера и политрука.

Автобатальон имел по списку от 40 до 50 автомобилей и три роты водителей. В основном это девушки моего возраста, 18 – 19 лет. Автомобили были только одной марки – ГАЗ-АА, т.е. стандартные полуторки. Обслуживание и ремонт производились в автомастерских при аэродроме. Технику обслуживали не мы, а специальное подразделение слесарей-ремонтников. Мы же занимались только транспортированием грузов. Рейсы были местного значения, но чаще были поездки в Москву.

Тогда было трудно всем. У всех на фронте был отец, брат, друзья. Им под огнем врага было еще трудней. А мы все же в тылу. Всем было несладко. Все крепились, все делали общее дело.

Труднее было, конечно, зимой. Кабина не отапливалась. Печка впервые появилась на грузовике только в 1953 – 1955 гг., на ГАЗ-51, а до этого даже на легковых машинах не было подогрева. Шофер был одет, как раньше ямщик: тулуп, валенки с калошами, меховая шапка, меховые рукавички. Чтобы не замерзало переднее стекло, шоферы шли на такую хитрость. Под створку капота подкладывали кусок резины. Теплый воздух от радиатора и мотора через образовавшуюся щель шел на лобовое стекло и его обогревал.

У меня была машина довоенного производства – ГАЗ-АА. Кабина цельнометаллическая. Она продувалась насквозь, как кабины брезентовые и кабины деревянные военного производства.

Большие трудности были еще с запуском двигателя, причем были и летом, и зимой. Даже с хорошим аккумулятором стартер при шестивольтовом напряжении работал ненадежно и на легковой эмочке. А на полторке отказ стартера был в порядке вещей. Аккумуляторы были тогда слабые, да и вообще с запчастями было туго. Так что почти всегда крутили ручку. Но это стало привычным и большого труда не составляло. Ведь степень сжатия невелика — 1,22 у ГАЗ-АА и 4,6 у ГАЗ-ММ. Коленвал был расположен высоко, так что крутить ручку вкрутую было нетрудно. Карбюратор с восходящим потоком не давал переобогащения смеси. Трудности возникали из-за плохих свечей. Однако высоковольтные провода мы ставили «на разрыв», т.е. в цепь провода ставилась обыкновенная пуговица, и даже плохие свечи давали достаточно мощную искру. Зимой, конечно, ездить было труднее. Часты были остановки из-за мелких неполадок. В рукавчиках не сделаешь, а снимешь их, холодный металл «кусаются». Но тут тоже приспособились: замерзнешь — сунешь руки в рукавички, отогреться немного — и дальше работать.

Улицы Москвы от снега почти не убирались, разве только в центре. Приходилось ездить с лопатой. Лучшие всего совковая лопата. Необходим был и буксирный трос. Но главное, что помогало в этих трудных ситуациях, это шоферская взаимовыручка. Сейчас об этом почти совсем забыли. А тогда были другие люди — стремились оказать помощь своему брату-шоферу.

Все ковали победу, как могли, на фронте и в тылу. Были, конечно, минутные слабости, но с ними справлялись и сами же потом стеснялись их вспоминать. Подгонять было некого. Я как командир батальона и вся наша комсомольская организация занимались воспитательной работой. Все стремились внести свой вклад в победу!

Мне не приходилось ездить на газогенераторных машинах, но у нас в батальоне одно время их было несколько. Газогенераторные машины доставляли большие хлопот, да и были ненадежными. Их стремились использовать для обеспечения хозяйственных нужд, а не для перевозок важных грузов. Мощность мотора при работе с газогенератором снижалась на 30 — 40 %. Заводить двигатель было труднее. Тут сказывались особенность работы на низкокалорийном топливе и степень подготовки газа. Генераторный газ, т.е. тот, что вырабатывался в газогенераторе и затем сжигался в цилиндрах двигателя, состоял из ряда компонентов, получаемых в результате горения и сухой перегонки древесины: окись углерода (угарный газ) СО, метан, водород и др. Для более надежного пуска под капотом часто ставили бачок с бензином. В момент пуска открывали краник, и двигатель запускался на бензине. После пуска краник закрывали, и двигатель работал на газовой смеси. Процесс, проходящий в генераторе, несколько похож на доменный процесс: загрузка происходит сверху и далее, по мере процесса, шихта опускается вниз, проходя несколько зон температурного воздействия. Топливо — древесные чурки. Обычно употреблялись куски древесины от распиловки мелких березок диаметром около 60 — 80 мм, длиной около 100 мм. Шли в дело также и толстые стволы, но их надо было колоть на мелкие чурки, чтобы процесс шел интенсивнее. Тут надо было добиться полного сгорания, т.е. на полную их глубину, но и надо было оставить проход для атмосферного воздуха. Так что чурки большего или меньшего размера были нежелательны. Их заготавливали летом, сушили на солнышке и хранили на складе. Обычно в генератор закладывали сухие чурки или вперемешку с влажными, т.е. только что срубленными.

Между прочим, еловые и сосновые чурки не употреблялись, от них генератор быстрее выходил из строя. Они шли только как добавление к березовым и прочим дровам. Обычно в кузове стоял ящик для чурок, а пилу, топор и колун возили в кабине. Большой ящик поставить было некуда, т.е. кузов у газогенераторных машин был уменьшенного размера за счет генератора и фильтра тонкой очистки. На грузовике ЗИС эти агрегаты устанавливались не за счет урезания размеров кузова, а за счет шоферской кабинки. Кабины эти были очень неудобные, так как двери на них были узкие.

Розжиг газогенератора утром перед выездом из гаража производился при полной заправке генератора и розжиге его факелом, т.е. тряпкой, смоченной бензином или керосином. Розжиг продолжался от 30 до 60 минут, в зависимости от качества чурок. Одной заправки топлива хватало на 45 — 59 км на ГАЗ-АА, а на ЗИС-5 до 70 км. Там объем генератора был больше, хотя и мощность мотора была тоже больше. Мощность двигателя у ГАЗ-АА при работе с газогенератором составляла 30 л.с. вместо 50 л.с., а у ЗИС-5 — 50 л.с. вместо 75 л.с.

По мере надобности, дожидаясь полного выгорания топлива, производилась догрузка генератора. Если момент упустишь, разжигай сначала, а это долго. При запуске производили шуровку генератора через открытый верхний люк. Это было опасно, так как были случаи выброса газа и пламени через верх, можно было обжечься или сжечь машину. При езде верхний люк закрывался герметично при помощи крышки с траверсой и винтом.

Заправку генератора рассчитать не очень сложно. Если стоянка 2 — 3 часа, то газ полностью сохранялся, а генератор, чтобы не совсем выгорел, надо было догружать. Это, конечно, сложнее, чем эксплуатировать машину на бензине, но ездить можно.

Не знаю, как работают сейчас генераторы, с тех пор уже прошло 50 лет. Если от 1942 г. отсчитать еще полвека, то тогда не то что газогенератора не было, но и не было даже автомобиля. Срок это большой. Много изменилось. В мои годы техника была проще, примитивнее. Кинокартины, книги, говорят, были тоже «примитивные». Только люди, правда, не были примитивные. Поэтому мы все вынесли и победили всех врагов.

Москва тех времен была намного меньше теперешней. Практически она лежала в пределах Окружной железной дороги. Границы города проходили примерно по Лужникам в районе теперешнего метро «Кутузовская», далее Ваганьково, метро «Сокол», Савеловский вокзал, ВСХВ, территория АЗЛК, завод им. Карпова на Варшавке.

Москва в те годы жила напряженной трудовой и творческой жизнью. Как только ослаб натиск немцев на Москву (зима 1941 г.), начали возвращаться на свои привычные места заводы, учреждения, театры. Все было подчинено одному ритму.

Помните лозунг «Все для фронта, все для Победы!»?

Работали заводы, транспорт, учебные заведения, театры, клубы, давались концерты. Много концертов проводилось на предприятиях, в госпиталях.

Движение по Москве было очень слабое. Даже перед войной, в сравнении с сегодняшним днем, транспорта было очень мало. А во время войны стало еще меньше.

Мобилизации на фронт подлежало почти все: люди, автомобили, даже телефонные аппараты. Многие автомобили не эксплуатировали в связи с жесткими лимитами на бензин. Например, шикарный ЗИС-101, который имел большой расход бензина. Напротив ЦПКО им. Горького, где теперь построен выставочный зал, а в то время помещался один автопарк, прямо под открытым небом, под охраной красноармейцев стояли законсервированные автомобили ЗИС-101. Так они простояли до 1945 года.

И от ЗИС-101, и от ЯГ-б армия отказалась, так как у них была плохая проходимость и технически они были несовершенны. Зато армия принимала с удовольствием ГАЗ-АА, М-1 и, конечно, ЗИС-5. Это была самая надежная машина. Ее оценили даже немцы, когда эти машины попадали к ним в качестве трофеев. После того как отбросили немцев от Москвы, нам стали попадаться значительные трофеи, в том числе автомобили и мотоциклы. Мотоциклы, особенно «Цундап» и БМВ (Р-12 и Р-71), были просто великолепные. Они не шли ни в какое сравнение с нашими отсталыми мотоциклами марок Л, ИЖ, серпуховского завода, но даже и с мотоциклами наших союзников: «Харлей», БСА, «Велосетт». Легковые автомобили у немцев были хорошие, но грузовики были несовершенными. Во-первых, отсталость и несовершенство конструкции, затем обилие различных марок, что затрудняло снабжение запчастями, хотя их, лучше сказать, не было совсем. Запчасти могли появиться только после списания однотипных автомобилей. Поддерживать их в эксплуатации было очень трудно, тем более что они имели большой износ.

В середине 1943 года появились американские и английские грузовики. Американские были просто великолепны. Это были современные автомобили, сделанные специально для военных целей. Наши ГАЗы и ЗИСы были сконструированы на базе американских машин, но это были модели 20 — 30-х годов. А вот эти были сделаны по последнему слову техники!

Первый американский грузовик был коммерческий «Додж» 2×4 модели WF-32 грузоподъемностью 1,5 тонны. Затем появился «Студебеккер» US-6 6×6, «Шевроле» -1-7107 4×4, «Додж» WC-51 (знаменитый «Додж» — 3\4). Появился также легковой командирский автомобиль «Виллис» производства фирмы «Форд». И уж совсем нас удивили большегрузные автомобили и тягачи. Ни у нас, ни у немцев таких не было — танковый тягач «Даймон» трехосный, а также трехосный МАК-NR-4 (грузоподъемностью 10 тонн!). Английских машин было немного — «Остин», «Бедфорд», «Форд» английского производства. Но они мало чем отличались от привычных нам машин. Большого впечатления они не производили.

Немецкие грузовики исчезли с московских улиц к 1946 — 1948 гг., английские также держались недолго. А вот американские эксплуатировались годов до 1955 — 1960-го. Это говорит о многом. В нашей части этих машин не было. Были только наши — ГАЗ-А-А.

Городской транспорт в Москве функционировал, но часто были перебои. Главным средством сообщения были трамваи. Как правило, они ходили переполненные до отказа, движение было нерегулярным. Троллейбус ходил совсем ненадежно. Сказывались перебои с электроэнергией, а зимой добавлялись еще частые снежные заносы. Автобусы ходили более регулярно, но их было мало. Эксплуатировались в том числе автобусы ЗИС-8 с газогенераторной установкой.

Метро не имело такого значения, как теперь. Было три линии: Парк Горького — Сокольники, Киевская — Измайловская и Сокол — Автозавод им. Сталина (теперь — Автозаводская).

Такси не было совсем. Все машины М-1 пошли на фронт, а ЗИС-101, незатребованные фронтом, стояли на консервации.

Ну а если вам надо было перевезти какой-то груз, например шкаф или стол, то клали его на саночки и везли через весь город. Летом использовали двухколесные телеги, получалось вроде рикши. Они функционировали долго, до 1947 — 1948 г., пока не появилось достаточное количество грузовых и легковых такси. Была тогда целая категория «халтурщиков» рикши.

Теперь об организации движения. Скорости были небольшие, так как состояние дорог было плохое. Асфальт не ремонтировали, а зимой снег практически не убирался. Да и техника была изношена. Транспортные происшествия бывали, но немного. Светофоры часто не работали, особенно в начале войны в целях светомаскировки. Инспекторов ОРУД-ГАИ было мало. Мужчины ушли на фронт. На посту стояли девушки-регулирующие, вроде нас. Милицейские харлеи и эмочки с «колокольчиками» пошли только после войны. В это время было много патрулей пеших, конных, на автомобилях. Особенно их было много, пока Москва находилась в осажденном положении. Часто проверяли документы. Если надо было догнать какую-либо машину, то догоняли ее патрули или дежурные машины комендатуры, а также НКВД.

Еще один штрих, характеризующий Москву тех времен. Около каждого магазина, особенно около продовольственных, стояла толпа спекулянтов. Спекулировали чем угодно. Часто обменивали один товар на другой. Как с этим ни боролась бериевская милиция, этот черный рынок просуществовал до 24 декабря 1947 года, пока в тот день в 9 часов вечера по радио не передали три постановления — об отмене карточной системы, о денежной реформе и о первом сталинском снижении цен. Да, есть только один путь борьбы со спекуляцией — производство товаров в достаточном количестве и продажа по доступной цене. И сразу черный рынок перестал существовать.

О жизни Москвы того времени можно говорить долго. Желаящие пусть почитают, например, три книги Д. Ортенберга: «Июнь — декабрь сорок первого. Рассказ-хроника», «Год 1942-й» и «Сорок третий. 1943». Давид Ортенберг был всю войну главным редактором газеты «Красная звезда», которую называли ласково на фронте и в тылу «Красноармейская звездочка». В газете работали самые популярные писатели тех времен: И. Эренбург, К. Симонов, А. Сурков. Эта газета по популярности не уступала «Правде». Какие были репортажи с фронта и тыла! Сколько статей, стихов и прозы известных авторов! А что тогда могло сравниться с публицистикой Ильи Эренбурга или стихами Константина Симонова? Это было нужно нам как хлеб, как воздух. Это тоже штрихи московской жизни той поры.

Самой главной чертой внешнего облика Москвы во время войны была светомаскировка. А в начале войны еще баррикады на улицах, но это было осенью и зимой 1941 года. Баррикады — это была всенародная стройка. Все, от мала до велика, по мере сил принимали в ней участие. Баррикады не строили тогда из чего попало, как это видно на фотографиях 1905 года. В 1941 году были противотанковые заграждения — ежи из балок и старых рельсов, сваренные в специальную конструкцию. Были баррикады из мешков с песком для создания стрелковых позиций. В них специально делались амбразуры. В баррикадах оставался проход для трамвая и прочего транспорта. Эти проезды в случае надобности можно было закрыть.

Затемнение было и до 1941 года. Зимой 1939 — 1940 г., когда шла так называемая белофинская война, мы впервые познакомились с затемнением, но делали это по-европейски. Просто вместо обычных лампочек вкручивались лампы с синим стеклом. Но с лета 1941 года затемнение было серьезнее. Окна в жилых домах и учреждениях зашторивались специальными шторами из плотной бумаги. Дежурные ПВО (противовоздушная оборона) каждый вечер контролировали, не пробивается ли из какой-либо щели свет на улицу. Это могло стать хорошим ориентиром для гитлеровских летчиков. Нарушители светомаскировки отправлялись на несколько дней в заключение. Весь наружный свет был выключен, в том числе на лестничных площадках. Улицы не освещались. Транспорт ходил без света. В фары автомобиля под стекло устанавливался металлический круг из кровельного оцинкованного железа, в котором делалась щель размером примерно 50 × 15 мм. Эту щель можно было закрыть специальной шторкой, выполненной как сито или кухонная терка, т.е. с большим количеством малых отверстий диаметром 2 — 3 мм. Так часто фара работала в двух режимах: частичного и полного затемнения. Такие фары дороге не освещали. Они показывали, что едет автомобиль. Затем вышел приказ для армейских машин снять правую фару. В Москве фронтowych машин, или, как говорили тогда, из действующей армии, приехавших по делам, было всегда достаточно. Фронт-то был рядом. Так вот, эти все машины были с одной левой фарой. Сзади на борту белой краской рисовали круг диаметром около полуметра. Так было легче ориентироваться при езде в колонне.

Зато какой был праздник, когда в 1944 году отменили светомаскировку. Немцев уже тогда прогнали из Белоруссии, и до Москвы они не смогли бы долететь. У них ведь тоже не было четырехмоторных самолетов с большим радиусом действия. Алетали немцы на Москву с 22 июля 1941 года, пожалуй, до середины 1942 года. Последние налеты не были систематическими — какие-то редкие, случайные. Немцам было уже не до налетов, да и эффект от них был небольшой. Так хорошо была у нас организована оборона от авиации противника.

А немцы в Москву летали из-под Барановичей, Минска, Борисова и других городов Белоруссии. Летало пять авиаэскадр — знаменитый «Легион Кондор», «Бебер», «Аэродельвейс» и две общевойсковые номерные эскадры. Самолеты — «Хейнкель-111», «Дорнье-217», «Юнкерсы-88» появились позже. Радиус действия у них был небольшой: километров 700. Так что они шли на пределе. Москва от воздушных налетов была хорошо прикрыта авиацией, зенитками, аэростатами заграждения и прожекторами. Редко такой самолет добирался до Москвы. Но карты у немецких летчиков были отличные, со множеством ориентиров. Так что меры защиты от авиации противника были не напрасные.

Как мы ездили без света в потемках? Человек ко всему привыкает. А Москва, наша родная Москва нашим московским девочкам была хорошо знакома. Можно рассказать еще очень много. Можно рассказать, как жили москвичи в то время. Рассказать, о чем они думали, о чем говорили, о чем мечтали. Ведь не хлебом единым жив человек. Ну а как пища духовная? Главным в то время было кино. В 1941 году и в начале 1942 года театры не работали. Они были в эвакуации. Весной 1942 года стали возвращаться. Оставшиеся в Москве актеры были объединены во фронтовые бригады, но и в Москве они выступали. В холодных концертных залах, театрах, клубах, в госпиталях, на заводах. С кино было проще. Оно шло все время, каждый день. Показывали старые фильмы, новые, снятые на Алма-Атинской киностудии. Но очень высокую моральную поддержку оказывали кинофильмы, которые не успели выйти к началу войны. Они все были про мирную жизнь, по которой мы так соскучились. А дорога к этой жизни шла через войну, через победу. Эти фильмы закончили снимать после 22 июня. «Сердца четырех», «Свинарка и пастух», «Воздушный извозчик». Сколько они прибавляли сил! Вновь возрождались угасающая вера и стремление к победе. Угасала вера от трудностей непосильных, от прозы повседневной жизни и возрождались вновь с еще большей силой. Так устроен русский человек. И с новыми силами брались за свое дело: «Все для фронта, все для Победы!» Даже малые дети-дошкольники после воздушных налетов вешали на плечо фанерные ящики и обходили улицы и дворы в своей округе, подбирали осколки бомб и зенитных снарядов. Осколки шли на переплавку. Многие хранят до сих пор эти кусочки смертоносного металла. Вот пример. В своих мемуарах шофер Рыжиков пишет: «Объявили воздушную тревогу, машину остановил. Сажу за рулем и думаю, идти в укрытие или нет. Подходит патруль: “Товарищ шофер, ступайте в бомбоубежище, а мы за машиной посмотрим” Потом отбой. Подхожу к своей эмочке и вижу — крыша как раз над шоферским сиденьем пробита, сиденье тоже пробито. Так и приехал на базу с осколком. А могло быть и хуже... Война есть война. Жизнь человеческая — копейка. Но её надо было беречь, чтобы дойти до Победы, чтобы её добыть».

А какой эффект произвел фильм «В шесть часов вечера после войны»? Победа после этого уже казалась близкой, вот-вот достижимой. Но последние версты — самые трудные... Вот что еще сильно подняло наше настроение: прохождение через Москву колонн пленных немцев. Это было не в кино, а на самом деле!

Ещё очень важный моральный фактор — газеты и радио. О газетах «Правда» и «Красная звезда» я уже говорила. О радио разговор особый. Тут есть что вспомнить и сказать. Вечером вся Москва, да и не только Москва подсаживалась ближе к репродукторам. Вечером сообщались новости с фронта. Назывались они по-разному: «В последний час», «От советского Информбюро», «Приказ Верховного главнокомандующего». Читал всегда Ю.Б. Левитан. Это был «радиопэст». Он входил в каждый дом, приносил общую радость. Он буквально был членом каждой семьи. Кто-то говорил, будто бы со слов Гитлера, что, если бы он взял Москву, то первым делом повесил бы Юрия Левитана и Илью Эренбурга. Значит, много крови они испортили врагу! Как они поднимали наш дух!

А после приказов были салюты. Первый — в августе 1943 года, затем один за другим. В иной день по 2 — 3 салюта, и даже было два дня, когда в один вечер — пять салютов!

А какие концерты были после салютов! Глинка, Чайковский, классика и советские песни. Козловский, Лемешев, Барсова, Утесов, Русланова, Краснознаменный ансамбль красноармейской песни и пляски под управлением профессора А.В. Александрова... Есть что вспомнить. Такое не забывается. Кто не пережил всего — и трудностей, и побед, этого не представит во всей полноте.

ПОДЕНКО
Павел Федорович (1904 – 1969)

канд. экон. наук, доцент МПИ

Комиссар 48-й полковой отдельной Уральской стрелковой бригады, а затем 215-й стрелковой дивизии. Его дивизия не знала отступлений. Особенно яркой и героической страницей в истории 215-й стрелковой дивизии являются длительные и жестокие бои за город Ржев, где был ранен. Затем – начальник отдела агитации и пропаганды Политуправления 19-й армии Карельского фронта, в 1944 – 1945 гг. – начальник Политуправления Волховского фронта. Полковник.

Дивизия ведет наступление

[Статья П.Ф. Поденко опубликована в газете «Советский полиграфист», 1965, № 11]

215-й стрелковая дивизия была сформирована на базе 48-й отдельной стрелковой курсантской бригады, которая прошла боевой путь, укомплектованная в основном уральцами, опытными кадровыми командирами, имея в своем составе 80 % коммунистов и комсомольцев. В грозные для Москвы дни бригада обороняла подступы к столице, а в январе 1942 г. вместе с другими частями Советской Армии продвинулась с боями на запад до 500 километров. За успешные боевые действия личному составу и командованию бригады военным Советом 4-й Ударной армии было объявлено четыре благодарности.

48-й стрелковая бригада, а затем 215-й стрелковая дивизия не знали отступлений. Они шли только вперед, сокрушая и ломая вражескую оборону.

Особенно яркой и героической страницей в истории 215-й стрелковой дивизии являются длительные и жестокие бои за город Ржев.

Во время боев с 15 по 25 сентября 1942 г. части дивизии стремительной атакой ворвались в Ржев, превращенный немцами, по их заявлению, в неприступную крепость, и, закрепившись на захваченных рубежах, держали активную оборону, днем и ночью уничтожая немецких захватчиков и их технику.

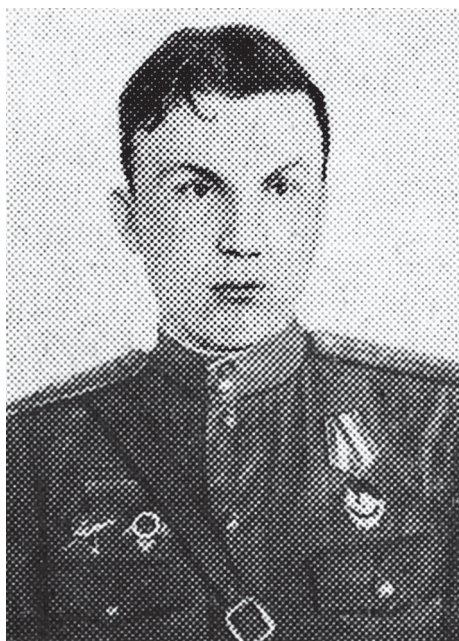
В дни активной обороны умело и храбро истребляли врагов молодые снайперы дивизии. За декабрь–февраль 35 снайперов уничтожили 1160 немецких солдат и офицеров. Кроме того, минометно-артиллерийским огнем при отражении контратак и «охотниками» на фашистов было истреблено до 3000 немецких захватчиков.

3 марта 1943 года части дивизии совместно с другими частями, атаковав вражеские позиции в Ржеве, несмотря на яростное сопротивление противника, овладели этим старинным русским городом и крупным железнодорожным узлом. Над Ржевом снова взвилось красное знамя, водруженное мужественными воинами.

Овладев городом, бойцы дивизии стали преследовать отходящего противника. За первые три дня они прошли с боями 45 километров на запад и освободили 41 населенный пункт. С каждым днем совершенствовалось воинское умение, росло мужество личного состава дивизии. Всегда и всюду, в часы самых ожесточенных боев впереди шли коммунисты и комсомольцы, воодушевляя всех на боевые подвиги.

Среди бойцов и командиров появились дважды и трижды орденоносцы, а также награжденные орденом Кутузова III степени и орденом Отечественной войны I степени. Всего за мужество и отвагу, проявленные в боях на ржевской земле, награждены правительственными наградами до 2000 бойцов, командиров и политработников дивизии.

РОГАТОВ
Дмитрий Ильич
преподаватель МПИ

Родился в 1920 г. В МПИ с 1972 г., работал на кафедре высшей математики.

2 июня 1941 г. окончил Одесское артиллерийское училище им. М.В. Фрунзе, а в июле на дальних подступах к Смоленску начался его фронтовой путь. Награжден орденами Отечественной войны I-й и II-й степеней, орденом Красного Знамени, орденом Александра Невского, медалями «За оборону Москвы», «За штурм Кенигсберга» и др.

Дмитрий Ильич активно участвовал в методической работе кафедры и в институте, руководил агитколлективом факультета, являлся парторгом кафедры. За успехи в социалистическом соревновании Дмитрий Ильич награжден знаком «Победитель соцсоревнования 1979 года», почетными грамотами Тимирязевского РК КПСС и института.

На всю оставшуюся жизнь

[Воспоминания Д.И. Рогатова опубликованы в газете «Советский полиграфист» 29 октября 1984 г.]

2 июня 1941 года я окончил Одесское артиллерийское училище имени М.В. Фрунзе. И хотя нам, курсантам, в течение всего периода учебы приходилось на себе постоянно испытывать приближение военной опасности, тем не менее наши мечты были самые мирные и, как свойственно только молодости, весьма прозаические: по прибытии в воинские части получить полагающийся очередной отпуск и в новенькой, ладно пошитой командирской форме нагреть в отчий дом...

Не знали мы тогда, что нам отпущено всего 19 суток мирной жизни и что путь к родному дому растянется на долгие годы и пройдет по трудным и опасным дорогам войны. И далеко не всем выпускникам училища будет суждено пройти его от начала и до конца.

Для меня начальной точкой фронтового пути были июльские дни 1941 г. на дальних западных подступах к Смоленску. Именно на этом направлении, всего в каких-нибудь 350 км от Москвы, проходило в июле—сентябре одно из самых тяжелых и кровопролитных оборонительных сражений Великой Отечественной войны.

Когда наш гаубичный артиллерийский полк перебрасывался по железной дороге из Новосибирска к линии Западного фронта, мы беспокоились только об одном: не опоздать, успеть, не оказаться в положении тех, кто является к шапочному разбору. Сейчас, спустя 43 года, опасения тех далеких тревожных дней кажутся настолько наивными, что даже трудно поверить в их правдивость. И все же что было, то было. А если вдуматься, то ведь за этой наивностью скрывалась отнюдь не показная храбрость, а глубинные моральные качества советских людей, их патриотический порыв немедленно выступить на защиту своей Родины.

Военная судьба отвела мне (и не только мне одному) все, что полагалось пережить и испытать фронтовику. Прежде всего она в один день развеяла все мои юношеские иллюзии о войне, ложные романтические представления о ней.

Что даже мы, кадровые военные специалисты, не говоря о сугубо штатских людях, знали о войне? Да то, что видели на экранах кино или прочли в художественных книжках. А на деле все оказалось совсем не так. Потребовалась мучительная перестройка самого себя, прежде чем война увиделась такой, какой она была в реальной действительности. Оказалось, что война — это тяжелый каждодневный труд, труд всех — от солдата до генерала. И надо было научиться

трудиться его в условиях лишений, невзгод и опасностей. Дни, месяцы и годы фронтовик, если он оказывался в зоне боевых действий, жил и выполнял свои обязанности по соседству со смертью. Она шла за ним везде, как его собственная тень. И к этому нельзя было привыкнуть, но можно и нужно было воспитать в себе чувство презрения к страху, чувство высочайшего превосходства человеческого разума над роковой превратностью фронтовой судьбы. Истина состояла в том, что, несмотря на тысячи и тысячи человеческих жертв, муки и страдания искалеченных, надо было жить, чтобы тянуть на себе нелегкую, но почетную ношу освободителя и защитника своей Родины.

Тяжелыми для нашей действующей армии оказались лето и осень 41-го. И хотя армия упорно и мужественно сражалась с превосходящими силами противника, она все же вынуждена была отходить на восток, все ближе и ближе к Москве. Все мы понимали, что дальше пути уже нет. Потому и стояли насмерть на подмосковных оборонительных рубежах.

Мне повезло: я был свидетелем и непосредственным участником мощного и решительного контрнаступления советских войск под Москвой. После него противнику до конца войны так и не удалось подготовить и провести хотя бы одну сколько-нибудь значительную наступательную операцию на западном направлении советско-германского фронта.

После наступления под Москвой еще много было боев — всяких: и быстротечных, и длившихся недели и месяцы. Были ранения и госпитали. Однако нельзя думать, что война представляла собой лишь непрерывную вереницу боев, марши и госпитали и что она безжалостно уничтожала все человеческие качества, оставляя только одно — умение быстро и безболезненно вживаться в экстремальные условия фронта. Фронт не только воевал, но и жил, жил вопреки всем невзгодам и лишениям. Чувства дружбы, любви и коллективизма — самое лучшее, чем наделен человек, — не только не затухали, а наоборот, предельно обострялись, освобождаясь от всего мелочного и наносного, грязного и пошлого. Фронтовой дружбе и любви могли бы сегодня позавидовать многие юноши и девушки, преждевременно растерявшие веру в светлые качества человеческой души. Жаль, что нельзя собрать все письма фронтовиков и издать их. Получился бы многотомный гимн любви и дружбе, не угасавших даже в прожорливом пекле войны.

Воспоминания фронтовика... Они всегда самые яркие и самые незабываемые, ибо это воспоминания о поре суровой и тревожной, о его военной юности. И потому они будут с ним на всю его оставшуюся жизнь. Но они принадлежат не только ему. Они принадлежат не только ему. Они принадлежат всем, кто не познал ужасы и трагедии войны. Им мы говорим: живите так, чтобы ваша воля и ваши дела стали непреодолимой преградой на пути нового военного пожара, который может испепелить все живое на нашей планете.

ТАРАСОВ Николай Макарович

выпускник МЗПИ

Родился 14 декабря 1922 г. Выпускник военного факультета ГЦОЛИФКа.

Прошел всю войну — Москва, 2-й Белорусский фронт, Кенигсберг, Польша.

В 1945 г. — адъютант и зам. командира 10-го танкового Днепропольского ордена Суворова корпуса.

В 1954 г. окончил МЗПИ. Журналист, путешественник, зам. главного редактора журналов «Физкультура и спорт», «Турист». Действительный член географического общества РАН.

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Николай Тарасов. Воспоминания

[По материалам архива Музея печати]

Москва. Октябрь 1941

Тревоги все чаще. Видимо, аэродромы немцев стали ближе и они бомбят без передышки. Чаще стали падать бомбы и зажигалки у Газового завода и Курского вокзала. Вот и теперь в скрещении прожекторов мечутся «Мессершмитты», уходят в другой сектор обороны, снова появляются — прямо над моей головой... А я стою на крыше главного корпуса ГЦОЛИФКа — на случай падения зажигалок.

Ночь темная. Небо исполосовано мечами прожекторов, разорвано всполохами взрывов и пламенем пожарниц.

День был тяжелый: тактика в Лефортове, рукопашный бой, гранатометание, переползание по-пластунски. Не успел переодеться — в сырой гимнастерке, прямо из убежища — на крышу. Если бы не бомбежка — заснул бы тут, на высоте.

Мне виден Газовый завод. Цистерны, здания. Взрывы все ближе. Наши зенитчики — девушки, чьи позиции совсем рядом — за стадионом, бьют непрерывно. Осколки снарядов залетают и сюда, на крышу. Стараюсь держаться ближе к трубам...

Дождь из осколков. Дом содрогнулся! Трассирующие пули — над головой! Спрятаться некуда... Надо наблюдать! ...Вдруг — оглушительный грохот. Слово заколебался огромный жестяной лист. Клубы белесого дыма над ближней церковью, что на перекрестке ул. Казакова и Радио. Пламя высветило белый, без покрытия купол. Взлетевший крест...

Гул самолета ближе. Ближе! Скрипучий визг возвестил — летят зажигалки! Вот и они — скатываются по склону крыши, брызжа коптящим огнем. Несколько застряло в желобе водостока. Спешу скинуть их.

Опаленный жаром, ослепленный, возвращаюсь к спасительной трубе. Снова град бомб. Снова, рискуя упасть с крыши, сталкиваю зажигалки...

Под утро — затишье. Сдав смену, коротаю время до завтрака.

И так каждый день, каждую ночь и каждое утро.

Но занятия шли своим чередом. И жизнь продолжалась своим порядком.

Объявили набор в группу истребителей танков. Проводим занятия с ополченцами — учим мешковатых пожилых рабочих строю, приемам рукопашного боя. Неужто дело дошло и до наших отцов?!

Чаще выезды по тревоге. Вот и сегодня, 5 октября, фанфары протрубили сбор: «По машинам!». Выезжаем, несемся по освещенной заревами Москве — к Краснопресненской заставе. Там — наши позиции.

Штаб расположился в сарайчике. Слушатели руют окопы. Насыпают брустверы, обшивают стенки.

Утром начальник курса — старший лейтенант Молодкин — обходит позиции. Заглядывает в мою ячейку, наступает на бруствер... Все поползло! — «Переделать!»

... Полусонные едем с позиций в Военфак. Короткий сон — занятия! И все же оптимизм юности придавал нам силы. В короткие минуты передышек читал я стихи Шенгели, отмечал своеобразие стиля, смелость образов, влияние Маяковского. Писал письма, вел дневник, сочинял стихи.

Начальство тоже поднимало наш дух. Комиссар курса — седой, с орденом Боевого Красного Знамени (времен Гражданской!) чеканил слова: «Мы боремся, мы защищаем не только себя. Мы оберегаем светлое будущее других поколений!».

Навещали меня — и отец, и мать, и сестра Ольга. Передавали слухи: по городу идут грабежи магазинов. Грабят и опустевшие квартиры... Немцы близко. Кое-кто выбрасывает на помойку «политические книги» с красными обложками...

«Да нет! — отвечаю сестре я, — не быть фашистам в Москве!» Она тайком крестит меня, возбужденного.

По радио — обращение к советской молодежи: «Отечество в опасности! Не дрогнем! Отстоим Москву! Будем защищать ее до последней капли крови!» Это слова Первого секретаря МГК ВКП/б/ Щербакова.

Но мы, молодые военфаковцы, делаем свое боевое дело.

15 октября. Пала Вязьма. В окружении много частей. Немцы рвутся к Москве.

16 октября. Радио: «Положение на фронтах ухудшилось. Моточасти противника с мотопехотой прорвали в одном месте линию обороны».

17 октября. Радио: «Бои на всем фронте. Особенно жестокие на Западном направлении. Обе стороны несут большие потери».

Утром не было зарядки. Выдали каски... Студенты ГЦОЛИФКа эвакуируются. Помогаем упаковывать вещи, грузим на машины. Пришедшие с патрулирования слушатели поговаривают о панике в городе, о диверсантах, о грабежах магазинов и оставленных квартир; есть случаи поджогов...

Перед ужином построение. Начальник курса: «Положение серьезное. Готовность номер один! Отменяются увольнения в город».

Как всегда — тревога и... сон в убежище.

18 октября. Радио: «Оставлена Одесса!». Совещание нашего командования с полковником из КГБ. Что решили?

Непрерывные бомбежки. Разбито газохранилище Газового завода. Огромное зарево... На Курском вокзале разбомблен эшелон с ранеными... Патрулирование — до утра — по Садовому кольцу.

20 октября. Радио: «О приказе Сталина». А вот и сам приказ. Огромная афиша. Большие буквы. И завораживающее начало:

«СИМ ОБЪЯВЛЯЕТСЯ: МОСКВА НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ». Далее следовало:

«Движение по городу до 24 часов и после 4 часов... РАССТРЕЛ НА МЕСТЕ шпионов и диверсантов... Командующим Западным фронтом назначен генерал армии Г.К. Жуков. Ему поручена линия обороны в 100 — 120 км от Москвы... Оборонять подступы к Москве поручено генерал-майору Артёмьеву... Комендантом города назначен...»

А на Военфаке вечером... кино! «Человек в футляре». Вспомнились школьные уроки литературы. Николай Алексеевич Якиманский. Сверкавшее пенсне на красном носу, поучительный голос: «Этим образом Чехов осуждал душевную ограниченность...» Якиманский... Светлая, наивная душа! Правдолюб... В первый же день войны, в электричке пытался оспорить соседа, утверждавшего, что немцы скоро разобьют, что немецкие коммунисты поднимут восстание...

Нет, наш учитель не предсказывал поражение СССР. Он утверждал, что война будет долгой... Прямо на вокзале Якиманского взяли как паникера и... шпиона.

Чехов — на экране — не успел до конца развенчать Беликова. В зале вспыхнул свет. Прогрела команда: «В ружье! По машинам!»

...Грузовики со слушателями неслись по затемненной Москве.... Впереди легковушка полковника КГБ. Из репродуктора легковушки доносится: «Не отставать! Держать дистанцию!»

Мчимся знакомым маршрутом. Садовое кольцо. Красные ворота. Площадь Маяковского...

Ага! На Красную Пресню! На ней участок обороны! Но почему ночью? И с полковником?

Мелькнула Брестская улица... Заныло мое сердце. Здесь жила Моя Любовь — Бела...

Последний раз проглянуло

Солнце над морем — в крови.

И я узнал то место —

Могилу моей Любви...

Вспомнились строки из Гейне...

Остался позади зоопарк. Машины замедлили ход. К легковушке подбежали милиционеры. Столпилось и наше, военфакское начальство... Впереди ярко горели огни Универмага. Слышался гул огромной толпы...

Согласно Приказу машины перестроились из колонны в шеренгу, перекрывая улицу. Проехали несколько метров. Остановились. С фар сняли защитные колпаки, в которых свет проникал через узкие щели... Нам приказано построиться в шеренгу впереди машин. Плотно перегородили улицу. Двинулись к толпе.

Она, в свете пугливых костров и яркого света из окон Универмага, напоминала водоворот. Белые лица, черные фигуры, яркие куски тканей; хищные крики, переходящие в звериный рев.

Шеренга грозной поступью приближалась к толпе. Ослепленные светом из окон и гарью костров, люди не видели нас, скрытых темнотой ночи... Но вот вспыхнули фары наших машин, раздался грозный крик из репродуктора: «Грабители! Диверсанты! Вы окружены! Расходитесь! Женщины — на бульвар Шмидта, мужчины — к Трехгорке!»

Толпа замерла. Снова забурилась. Мы сделали несколько шагов вперед. Снова грозный оклик. Снова шеренга сделала несколько шагов. Теперь мы видели, что со всех этажей Универмага выбрасывают тюки вещей. Видели, как на втором этаже какие-то люди разбивают стекла... и оттуда раздались выстрелы...

- Винтовки на руку! — проревел репродуктор. — Заряжай!

Мы машинально выполнили команды. Шеренги оцетинились винтовками. «Неужто будем стрелять?! — пронеслось в голове. — Ведь там же люди. Москвичи!»

А репродуктор гремел: «Включаю метроном. На счет десять открываем огонь! Расходитесь!»

Толпа заметно поредела. Со второго этажа раздавались выстрелы. Пули не долетали до нашей шеренги, но попадали в милиционеров, пытавшихся приблизиться к Универмагу.

По репродуктору: «Милиция! Отойти! Повторяю: на счет десять открываем огонь!»

Над затихшей улицей четко звучал метроном... Пять... Восемь... Девять...

Пальцы на курках... Может, все же... Но — **десять!**

Раздался залп! Он пронесся волной гула и страха над ошалевшими людьми. Свет фар теперь упирался в темноту опустевшей улицы... Где-то вдали верещали голоса и раздавались выстрелы...

Все! Неужто я стрелял? И не по мишеням, но по людям? Но это же грабители, диверсанты — враги. Враги Москвы, мои враги...

Мы стояли все еще с винтовками наперевес, с патроном в магазине. И вот... Несколько ошалевших фигур вырвались из подъезда Универмага и бросились в нашу сторону.

Впереди бежал рослый мужчина с большой штукой кумача, прижатой к груди...

— Стоять! — прогремело из репродуктора. — Стоять!

Люди бежали, пытаясь уйти в подъезды домов... «По грабителям...»

Команда оборвалась залпом.

Бежавший впереди, тот — с кумачом, словно споткнулся. И медленно сполз на землю... Упавшая штука красного материала развернулась, покатила навстречу шеренге стрелков... В дымящемся свете фар широкое, ярко-красное полотнище показалось мне потоком крови...

Площадь перед Универмагом опустела... Милиционеры бродили возле него...

Мы возвращались теми же полусовершенновыми улицами. Но мы были уже не теми, кем были до этого...

На Садовом кольце нас застала тревога. Метались прожектора. Гудели самолеты. Вот в скрещении голубых спиц попал самолет. Ослепленный, он взвился... Но цветок разрыва зенитного снаряда поглотил его. И он с душераздирающим воем ринулся к земле.

На машинах возликовали. И кто-то пропел: «И москвич говорит: “Ты сгорел, Мессеримитт!”»
А Москва никогда не сгорит!»

Над городом вставала заря.

Это была заря нашего мужания...

Спустя много лет, пройдя дорогами войны по Польше, Германии, видя смерть в лицо, я вспоминал об этой ночи рокового 41-го. Вспоминал с чувством раскаянья. Но это — было! И это была горькая, но все же Правда войны.

«Дыхание Правды — писал Ромен Роллан — сурово, но чисто. Так омоем же наши дряхлые сердца в нем!»

20 — 30 октября

До войны выпуск Краснознаменного факультета приравнивался к Академическому выпуску. Командиров-военфаковцев принимал сам Нарком обороны, и их распределение по частям было под Кремлевским контролем. Тогда обучение длилось 4 года. С началом войны, точнее с октября 1941-го, основной курс был переведен на годичное обучение. Предвоенный второй курс спешно доучивался. А мы учились по спрессованной, но не сокращенной программе. Разве что не стало обучения танцам и умению совершать благородно трапезу.

Но окинем взглядом последние дни октября. Бомбежки стали непрерывными. Чаще бомбят центр Москвы. Перед Моссоветом — огромная воронка. Обрушены балконы на здании «Известий». От посольства Латвии остался только фасад. Снова попадания в газгольдеры Газового завода. Благо газа там уже нет!

Немцы все ближе к Москве! Появились новые направления: Можайск, Калинин, Малоярославец. Пал Таганрог. Упорные бои на таганрогском, мажеевском направлениях. Бои под Харьковом. И в то же время... Налет наших бомбардировщиков на Берлин! 30 октября.

Последний день октября. Тактика в Лефортово. Идем мимо церкви на пересечении ул. Казакова и Радио. Домик напротив церкви разрушен, разломот в белую муку. Ободран купол церкви — куски железа повисли диковинными лоскутами на голых деревьях. В соседних домах выбиты стекла, двери, пробиты крыши, осыпалась штукатурка...

В парке Лефортово остановились возле памятника курсантам, погибшим при подавлении Кронштадского мятежа. Сняли фуражки. Эти курсанты — «отцы» нашего Военфака. С этих курсов физподготовки начался наш Краснознаменный факультет.

Воздушная оборона Москвы стала иной. Если в первые налеты вся Москва освещалась прожекторами, что выдавало нашу систему обороны, то сейчас прожектора вспыхивают лишь тогда,

когда над определенным сектором появляется вражеский самолет. Если его тут не собьют, то прожектора гаснут, в другом секторе они ловят фашиста...

Только за один день — 30 октября под Москвой сбито 39 немецких самолетов...

Один из них — «Юнкерс-88» — выставлен на обозрение на Театральной площади. Белые кресты на крыльях и фюзеляже приобрели иной, могильный смысл...

Чаще выезды на наш оборонительный рубеж за Краснопресненской заставой.

Комиссар на собрании в бомбоубежище: «Обстановка усложняется. 99 процентов из 100 — будем защищать Москву на своем рубеже...».

ТРАНКВИЛИЦКАЯ

Евгения Ивановна

старший преподаватель, МИХМ

В июне 1941 г. окончила 1-й курс Московского пединститута имени Потемкина и добровольцем вступила в Красную Армию. Окончив школу радистов, с 1942 г. защищала московское небо в составе зенитного полка войск ПВО. Затем в составе 2-го Белорусского фронта приняла участие в освобождении Латвии. Имеет несколько боевых наград, в том числе медаль «За оборону Москвы».

В июне 1945-го демобилизовалась из армии, а затем продолжила обучение в Московском педагогическом институте, который окончила в 1949 г. По окончании института более 10 лет проработала в Московском техникуме легкой промышленности. И в 1965 г. пришла в МИХМ на кафедру черчения и начертательной геометрии. Совмещала преподавание с активной общественной работой.

Иду защищать Родину

[Воспоминания Е.И. Транквилицкой опубликованы в журнале «Вестник МГУИЭ», 2005 г. № 11, с. 65]

В 1931 году я окончила среднюю школу и поступила в Московский городской педагогический институт имени Потемкина на художественно-графический факультет. В суровые дни битвы за Москву успешно сдала свою первую сессию. Но оставаться в стороне от героической борьбы защитников столицы не могла. Твердо решила: иду добровольцем защищать Родину! Зная мой характер, отец — инженер и мать — учительница отговаривать не стали.

Меня направили в школу радистов, после окончания которой с 6 апреля 1942 года я в рядах Красной Армии, на боевом посту во взводе разведки 33-го Гвардейского зенитно-прожекторного полка войск противовоздушной обороны, охраняющих московское небо. Девушки-радистки помогали прожекторами обнаруживать в небе фашистские самолеты. Потом в «цель» били наши зенитки, а там успевали прилететь и наши истребители. Когда очередной фашистский самолет падал на землю, это был шаг к нашей будущей Победе.

А в 1943 году Красная Армия наступает, гонит фашистов прочь с родной земли, и полк, где я служила, переводят в состав 2-го Белорусского фронта. В 1944 году сражались за освобождение Советской Латвии. В боях за Ригу во время очередного обстрела со стороны яростно сопротивлявшегося противника была контужена. Меня отправили лечиться в госпиталь, развернутый неподалеку от Риги. Молодость взяла свое, быстро поправилась и вскоре вернулась в свою часть. День Победы встретила в боевом строю. За участие в Великой Отечественной войне имею несколько

наград. Нет большего счастья осознавать, что в трудные годы войны не оказались в стороне от тех, кто решал судьбу нашей Родины, кто был на переднем крае боя за Победу.

Созвучно моему это чувство прекрасно выражено в стихах Юлии Друниной:

*«В то горькое, то памятное лето
Никто про слабость не твердил мою.
Спасибо, Родина, за счастье это —
Быть равной сыновьям твоим в бою!»*

ФАВОРСКИЙ **Никита Владимирович (1915 – 1941)**

красноармеец, выпускник МПИ

Родился в Москве 10/23 мая 1915 г. В 1919-м из голодающей Москвы Никиту перевозят в Сергиев Посад. В 1923 – 1930 гг. учится в средней школе и одновременно занимается рисованием. Создает многочисленные композиции в разных техниках. В 1929 – 1930 гг. выполняет первые заказные работы. Самая значительная – для сборника «Сами писали». В 1930 г. занимается в студии ИЗО, преобразованной затем в техникум при ИЗОГИЗе. Его учителями были П.Я. Павлинов, А.В. Щипицын, А.И. Ржевников. В 1932 – 1938 гг. учится в Московском художественно-полиграфическом институте – Московском институте изобразительных искусств у В.А. Фаворского, К.И. Истомина, П.Я. Павлинова, М.С. Родионова. Дипломная работа – иллюстрации и оформление повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». 1938 – 1939 гг. – участвует в исполнении заказов Мастерской монументальной живописи. Работает над росписью Наркомтяжпрома в Кисловодске (вместе с художниками И. Безиным и Ю. Павильоновым). Вступает в МОССХ в 1939 г. Иллюстрирует «Сказки» Шергина (не изданы). Поездка в Ар-

мению. Собирает материал для работы над иллюстрациями к эпосу «Давид Сасунский». 1939 – 1940 гг. – создает гравюры к «Давиду Сасунскому». Участвует в работе над калмыцким эпосом «Джангар». Режет гравюры с видами Троице-Сергиевой лавры для путеводителя (1940). 1940 – 1941 гг. – собирает материал и делает первоначальные эскизы к картине «Осада Троице-Сергиевой лавры».

... Взыскательный к себе художник, чуткий к жизни человек и гражданин, он не мог оставаться лишь наблюдателем событий. Следуя велению своего сердца, он уходит добровольцем в народное ополчение.

Вот строки из писем к друзьям, однокурсникам и знакомым, написанные из саперной части народного ополчения.

Из письма Александре Феликсовне Билль с фронта (2 сентября 1941 г.):

«Если ты получила мое сентиментальное письмо..., то знаешь, что я нахожусь в Смоленской области в ополчении, живу в лесу, работаю. О фронте узнаем из газет. Может быть, и нам придется видеть врага. Я думаю об этом с любопытством и страхом, страшно не то, что могут убить (хотя и это имеет значение для меня), а то, как сумеешь повести себя в трудных обстоятельствах. Ну это как Бог даст, я не унываю. (...) Пишу в шалаше на соломе, погода пасмурная, ветер шумит в елях, дождь, вечерет.»

«Служба есть служба – работать приходится как следует; я – сапер» (12.VIII.1941). «Я не рисую, времени нет; это слишком приятное занятие для этого времени. Но рисовать еще собираюсь» (2.IX.41). «Сидеть дома, ловчиться с работой, слушать разговоры о войне мне стало невтерпез. Чувствовал себя не в своей тарелке» (14.IX.1941).

В письме к отцу он говорит о гражданском долге художника:

«Милый папа, будь здоров ты и все наши. Я живу благополучно. Твои оба письма я получил, даже и то, что с неверным адресом. Ты спрашиваешь, удовлетворен ли я? Пожалуй, что да. Я не знаю, что бы я делал сейчас в Москве. Мне кажется, что время сейчас слишком суровое, чтобы делать такое приятное и тонкое дело, как наше искусство. Я, конечно, говорю о себе, так как то, что ты делаешь, всегда найдет себе место и в настоящее время. Я, конечно, чувствую себя убежавшим от искусства, но я вижу новые для меня вещи, получаю новые впечатления, много работаю. Думаю, что мне это будет на пользу и как художнику» (16.IX.1941).

Несомненно, на формирование нравственного облика художника, призванного служить людям, оказал влияние и отец, пример его творчества и жизни.

Жизнь молодого Никиты Фаворского была недолгой; он стоял на пороге большого творчества. Н.В. Фаворский пропал без вести в боях под Москвой в октябре 1941 г.

[Сведения из интернета]

ФИЛАТОВА Ирина Трифоновна (1924 – 2013)

выпускница МПИ

С первых дней Великой Отечественной войны — санинструктор 2-й дивизии народного ополчения. В московской битве получила два ранения и контузию. Бежала из плена. Вернуться на фронт не пришлось — медицинская комиссия признала непригодной к дальнейшей военной службе.

Награждена орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», «За оборону Москвы».

В 1944 — 1949 гг. — студентка Московского полиграфического института. Работала в издательстве Академии наук СССР, в Профиздате. Член Союза журналистов СССР.

В 90-е гг. создала и возглавила Совет ветеранов 2-й дивизии народного ополчения.

Анатолий Докучаев. «Вязьма Ирины Филатовой»

[Журнал «Патриот Отечества», № 6 за 2010 г.]

Ирина Трифоновна Филатова одна из тех москвичек, кто в суровом 1941-м, когда над страной нависла смертельная угроза фашистского порабощения, пошла в народное ополчение. И внесла свой вклад, пусть небольшой, как сама считает, в общую Великую Победу.

Когда началась Великая Отечественная, Ирина перешла в 10-й класс. Училась она в школе № 93, ныне гимназия № 1234, что на Арбате, в самом центре Москвы. А наутро она в районном комитете Красного креста записывалась на курсы сандружинниц. Прошла трехнедельную подготовку и стала искать возможность попасть на фронт. В Краснопресненском военкомате ее мило обозвали «мелюзгой» и отправили домой. А вот в Сталинском ее аргументы («курсы окончила, мол, с отличием, командир звена, имею право оказывать первую медпомощь») возымели действие. Ирина стала бойцом 2-й дивизии народного ополчения.

В августе 1941-го Ирина Филатова, санинструктор 157-го тяжелого артдивизиона, вместе с бойцами дивизии проехала Бородинское поле. Ее боевое крещение состоялось в районе Днепра, где на левый берег реки отходили истрепанные в боях с превосходящим противником части 16, 20 и 19-й армий. Юной двушке пришлось приводить в порядок раны бойцов, делать им перевязки.

Тем временем немцы обошли армии, оборонявшиеся под Вязьмой, с флангов и замкнули кольцо. Ирина, как многие ополченцы 2-й дивизии, тогда еще не знала, что боевые схватки они ведут уже в окружении. Забегая вперед, скажем, что дивизия с 7 по 12 октября, ведя бои в кольце, потеряла девять десятых личного состава. Только часть ополченцев отдельными группами, одну из которых вывел комдив В. Вашкевич, вырвались из котла. Однако Ирина к тому времени несла службу санитарструктора в 241-м тяжелом артполку 22-й армии (ее попросили заменить там погибшего санитарструктора, и она согласилась). Артиллеристы также, отчаянно сопротивляясь, искали пути отхода. Ирина все время была в гуще схваток, получила два ранения.

Она часто вспоминает о том, как получила ранение в ногу. Девушка перевязывала раненого командира и скорее не увидела, а почувствовала, что сзади фашисты. Поворот головы, и она закричала: «Немцы сзади!». Один гитлеровец кинулся на нее, видимо, хотел заколоть штыком командира, которого она перевязывала, а может быть, ее. Его штык прошелся по колену девушки, правда, по касательной. Немца тут же оттолкнули увесистым банником для чистки орудия, началась рукопашная, артиллеристы вырвались и двинулись дальше. Второе ранение в голову Ирина получила одновременно с контузией.

22 октября в 4-й батарее 241-го артполка взорвали последнее орудие, чтобы не досталось немцам, и предприняли попытку вырваться из окружения двумя группами. Одну увел старшина батареи, вторую, где была Ирина, повел комбат. «Нам не повезло — вспоминает Ирина Трифонова — Пошли в направлении наиболее безопасном, но натолкнулись на немцев. К тому времени нас осталось четверо, трое были ранены, и на всех один пистолет. Немцев было много, наш командир сказал: «Держитесь спокойней, плен это не конец. Из плена можно и нужно бежать».

Так Ирина оказалась в плену. Первую ночь красноармейцы переночевали в каком-то сарае, недалеко от того места, где их пленили. Но убежать оттуда невозможно, охрана была постоянная. Впрочем, предоставим слово Ирине Трифоновне.

«Затем мы ночевали в сторожке, — рассказывает она. — Из женщин там была я одна. Красноармейцы запели тогда популярную песню о девушке, шагавшей с винтовкой на плече. Раз запели такую песню, думаю про себя, то должна держаться достойно. Ведь они поют для того, чтобы поддержать меня. Как бы ни болела нога, как бы ни болела голова, как бы ни ныла спина после контузии, нужно выстоять.

Привели нас в лагерь, в центре которого стояло какое-то недостроенное здание. Красноармейцы дали мне возможность переночевать под крышей. Шел конец октября и ночи уже были холодные. Утром стала искать своих батарейцев, мы условились встретиться и решить, как отсюда бежать. Но из своих никого не нашла. Немец, стоявший на крыльце, протянул мне руку и с усмешкой сказал на ломаном русском: «Дивчина хороша!». Мне это не сулило ничего хорошего. Я готова была ему вцепиться в глотку, но меня кто-то в это время рванул за плечо и говорит: «Дас ист майн фрау». Мол, это моя жена. Я обернулась и увидела военврача со шпалой. Я все поняла, тут же обняла его. Позже говорю ему: «Не думайте, что если вы меня спасли от немца, то я стану вашей любовницей». Он рассмеялся и говорит: «Боже мой, какой детский сад». Потом рассказал, что он из Нижнего Новгорода, показал фотографию жены и дочери».

Видя юный возраст девушки, военврач устроил ее в санчасть, которой распоряжался советский медик с летными эмблемами. Там Ирина опять занялась тем, чему ее учили на курсах сандружинниц: перевязывала раненых, ухаживала за ними, во всем помогала медперсоналу. На нее сильное впечатление произвел красноармеец, у которого на темени была вырвана кость размером с десертную ложку. Филатова увидела то, что ранее видела на рисунках, на муляжах — живой человеческий мозг. Она перевязала его и сказала, чтобы он не показывал никому рану и не соглашался на госпиталь, если немцы предложат туда поехать. «На вас там будут ставить опыты, и в конце концов, погибнете. Вам надо искать возможность скорее бежать из лагеря». Держался пленный хорошо. Ирина только позже узнала, что сам мозг боли не чувствует.

Работы в лагерной санчасти было много. Раненые шли и шли, других приносили. Тем временем давали знать полученные раны, и Ирина поняла, что если не убежит, то может погибнуть. И она стала готовиться к побегу.

«К нам пришел переводчик, мне показалось, что он не очень сильно выслуживался перед немцами и сказал, что нам предстоит этап в Смоленск делится воспоминаниями Ирина Трифонова. — Нас вывели, и мы двинулись на запад. Слух прошел такой: нас на какой-то станции посадят в эшелон и повезут в лагерь в Германию. По ночам ночевали в открытом поле. Я оказалась в группе с военврачом, который спас меня от немца. Он договорился, чтобы женщины помещали в какой-нибудь избе. Я этим воспользовалась и уже вскоре сменила военную форму на гражданскую одежду. По дороге некоторые

пленные успешно бежали из колонны, я это видела, но в то же время понимала: уходили, рискуя жизнью, сильные. Я со своими ранами далеко не убежу, мне нужно искать какой-то другой вариант.

И вот, когда нас вели через смоленскую деревню Исаково, это западнее Дорогобужа, наша колонна сделала в селении большую дугу. Я увидела у дороги копну. А до этого высчитала, что у меня есть 120 секунд, пока охранник может засесть меня из-за изгиба колонны. И вот шагом, как могла, пошла к копне, прижалась к ней вплотную. Осмотрелась и пошла к близлежащему дому. Захожу в избу и говорю: «Дайте, пожалуйста, напиток». Женщина зачерпнула ковши, подала мне. Действовала я спонтанно, а потом моими следующими словами были: «Я из этой колонны военнопленных. Одеты в гражданское, разрешите мне остаться у вас». Она: «Давай, быстрее за печку», — бросила на меня какие-то тряпки.

А через минуту сквозь тряпки вижу, что в избу входит немец, не рядовой, из командиров. Показывает на хлеб, на полке в избе лежало несколько испеченных хлебов, что-то говорит хозяйке. Она отдает ему весь хлеб. Видимо, немец брал хлеб для пленных, как я поняла. Он только с виду был хлебом — корка хлебная, а внутри толченая картошка. Женщина меня быстро переодела. Одежда моя ей не понравилась, дала мне белый сарафанчик с голубыми цветочками своей дочке. Он был мне выше колен, тогда так не принято было ходить, но главное, подошел мне: я исхудала, перед армией весила 45 кг, а тут и того меньше... А вечером в избе заночевали немцы, какая-то группа куда-то двигалась. Меня с детьми отправили на печку. Впервые я в более-менее спокойной обстановке наблюдала за немцами. Они переночевали и утром ушли. Пробыла еще два дня. Хозяева согрели для меня воды, дали возможность вымыться, постирать и посушить мою одежду».

Ирина совершила побег 6 ноября. К слову, она решила, что бежать надо обязательно до 7 ноября, до праздника Октябрьской революции, думала, немцы устроят какую-нибудь провокацию. 9 ноября она пошла в сторону Москвы. У селян спрашивала: как ей безопаснее пройти от одной деревни до другой. Ей охотно подсказывали, оставляли ночевать в избах. В ноябре уже было холодно, и в одной из деревень Ирине дали обожженную телогрейку. В другом селе крестьянка подарила ей овчинную курточку своей дочери, мол, «в этой телогрейке ты до Москвы не дойдешь». Позже Ирина не раз в душе благодарила своих благодетелей, вспоминая слова Некрасова: «Спасибо вам, русские люди».

Ирине запомнился такой ночлег. Она подошла к женщине (уже начинало вечереть, солнце садилось), и привычно спросила: «Как мне пройти до такой-то деревни?» А та: «Куда же ты пойдешь, быстро стемнеет, а ночью опасно, могут застрелить, за партизана примут». И показала девушке избу, где ее непременно оставят переночевать. Перед этим Ирина сказала крестьянке, что она из Москвы и возвращается домой. Она нигде не говорила, что ополченка, что бежала из плена, а представлялась школьницей. Мол, нас вывели копать окопы, но налетели самолеты, начали бомбить, меня ранило, контузило, осталась одна. Так вот после того как Ирина рассказала свою легенду, та женщина говорит: «Да как же ты идешь в Москву, ведь немцы говорят, что они ее взяли, Сталин из Москвы уехал, и вообще туда теперь не пробиться». Ирина тут же в ответ: «Нет — немцы Москву не взяли, Сталин в Москве и организует оборону». Ирина говорила то, что у нее было в душе. А через минуты она убедилась в том, что оказалась права.

Когда зашла в избу, куда ее направила заботливая крестьянка, там увидела пожилого мужчину с одной ногой, он сидел и чинил обувь, и молодую женщину лет 35. Мужчина и рассказал, что одна семья в деревне в начале войны не сдала радиоприемники и они тайком слушают Москву. «Остановили немцев под самой Москвой и не дают им дальше двинуться. Идут упорные бои». Ирина обрадовалась, она оказалась права. Убедилась в том, что информация в деревне распространялась очень осторожно. Даже женщина, которая указала ей на дом, ничего не знала о том, что немцев остановили у стен Москвы. Для Ирины это был сладкий ночлег. Ей дали возможность помыться, женщина постелила простыню и услышала в свой адрес комплимент: «Как у мамы». Ирина Трифоновна до сих пор помнит лицо той женщины и того мужчины, которые организовали ей, незнакомке, воистину такой царский ночлег.

Фронт Ирина Филатова перешла, когда советские войска уже вели наступление. Прошла проверку в органах. Здесь ей повезло, с ней беседовал начальник особого отдела 43-й армии, который также попал в окружение и знал цену окруженцам. Ее направили в военкомат по месту жительства.

В Москве мама сразу потащила Ирину в ведомственную железнодорожную поликлинику. Хирург, вынимая осколки, сказал: «Девочка, ты родилась под счастливой звездой. Рана у тебя зияет, еще немного, кость прогнала бы, и началось бы воспаление мозга». Ее направили в госпиталь. Когда вышла оттуда, шел март 1942-го, умерла мама. Ирина вновь идет в военный комиссариат, просится на фронт. Однако медицинская комиссия выносит приговор: к военной службе непригодна.

Ирина работала в санчасти на железной дороге и одновременно оканчивала 10-й класс. В 1944-м поступила в Полиграфический институт, на редакционно-издательский факультет, окончив его в 1949-м. Работала в издательстве Академии наук. Училась в аспирантуре Института славяноведения, по окончании которого опять вернулась к специальности редактора. 18 лет прора-

ботала в профсоюзном издательстве Профиздат. В 1951-м вышла замуж, муж был студентом, а в прошлом — фронтовиком. Но он вскоре умер. Ирина одна растила сына. Когда вышла на пенсию, трудилась в «Книжном обозрении», публикуя интервью со многими интересными людьми.

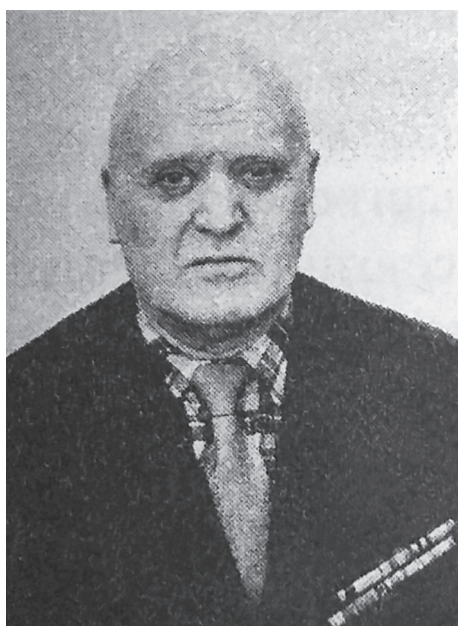
Ей выпала судьба создавать Совет ветеранов 2-й дивизии народного ополчения. Ныне общественная работа — ее главное дело. Ирина Трифоновна Филатова — член Объединенного совета народного ополчения, председатель Совета ветеранов 2-й дивизии народного ополчения. Ежегодно с бывшими однополчанами ездит под Вязьму на места боев, где юной девушкой помогала Отчизне одолеть ненавистного врага.

ХОЛИН

Николай Миронович

старший инженер МИХМ

Родился в 1916 г. Студент 4-го курса МИХМа, с первых дней на фронте.

Участвовал в боях на Смоленщине. Участвовал в разгроме крупной немецкой группировки в районе Ельни. 7 сентября 1941 г. его 100-я ордена Ленина дивизия была переименована в Первую Гвардейскую дивизию.

Награжден орденом Отечественной войны и медалями. После войны окончил МИХМ, учился в аспирантуре, работал старшим инженером отраслевой лаборатории кафедры «Процессы и аппараты химической технологии».

Рождение Советской гвардии

[Воспоминания Н.М. Холина опубликованы в газете «За кадры химического машиностроения» 28 апреля 1972 г., № 15]

К концу июля 1941 года на Смоленщине, в районе г. Ельни немцы создали плацдарм для нанесения мощного удара по Москве и ее захвату. Крупная группировка противника состояла из отборных солдат и офицеров, хорошо вооруженных большим количеством танков, самоходных орудий, бронетранспортеров и другой техникой. Сюда была переброшена наша 100-я ордена Ленина дивизия. 24 июля первым в бой вступил полк Шварова. У нас в то время не было в достаточном количестве артиллерийских средств для борьбы с танками противника. Пехотинцы успешно применили против танков бутылки с бензином, а также связки гранат, усиленные толковыми шашками. Наши солдаты ходили в штыковую атаку, срывали «психические атаки» противника. Около месяца днем и ночью продолжался кровопролитный бой по разгрому ельнинской группировки немцев. Наступать приходилось под сплошным шквалом огня и стали.

Здесь бойцы 100-й дивизии продемонстрировали свою неукротимую волю к победе. В результате решительного наступления 7 сентября 1941 года ельнинская группировка немцев была разгромлена и г. Ельня освобожден Красной Армией.

В этих боях противник потерял около 80 тысяч своих отборных солдат и офицеров, из них свыше 45 тысяч уничтожила наша 100-я дивизия.

Это был первый в истории Великой Отечественной войны наступательный бой войск Красной Армии против немцев. За боевые подвиги, за организованность, за дисциплину и примерный порядок наша дивизия была переименована в 1-ю Гвардейскую дивизию. Это было 18 сентября 1941 года. С тех пор день 18 сентября стал днем рождения Советской гвардии. В 1971 году был утвержден нагрудный знак «Первогвардеец». В нашем институте им удостоены два сотрудника: доцент кафедры марксизма-ленинизма Василий Иванович Дмитриев и я.

ГУЗЕНКОВ

Петр Георгиевич (1901 – 1998)

*д-р техн. наук, профессор, зав кафедрой «Детали машин»
в 1963 – 1983 гг. ВЗПИ (МГОУ)*

Родился в с. Бурминка Белорусской ССР, Гомельской области, (по другому источнику – д. Лубянка Кормянский р-н Гомельской области БССР).

В 1919 году добровольцем вступил в Красную Армию. В 1930 году окончил Московский горный институт по специальности «инженер-металлург». Работал инженером-конструктором на заводе «Серп и Молот». Одновременно – преподавателем, затем доцентом в Московском горном институте и в Московском институте стали и сплавов. В 1939 году защитил кандидатскую диссертацию.

В 1941 году добровольцем вступил в народное ополчение Ленинского района г. Москвы, которое формируется 4 – 8 июля.

Дивизия в середине июля совершает переход Медынь–Юхнов–Спас–Демьянск, где строили оборонительные сооружения и проходили боевую подготовку. 30 июля ополчение вливается в состав 33 армии Резервного фронта, а 21 сентября получает наименование 60 с.д.

В начале октября дивизия ведет бои на реке Десне в районе Холмец. Под Вязьмой понесла катастрофические потери, попала в окружение, вышли с боями тыловая часть и штаб, много погибло, в том числе командир дивизии Л.И. Котельников (под г. Дорогобужем), где сражались ополченцы МАМИ, МПИ и МИХМА). Гузенков П.Г. участвовал в этих боях под Москвой.

[далее мы не смогли проследить его путь, известно, что весной 1943 г. он сражается в партизанском отряде на территории Белоруссии – ред]

Из наградного листа – представления П.Г. Гузенкова к медали «Партизан Отечественной войны I степени»:

«Состоял связистом партизанского отряда имени Котовского с марта 1943 года. Будучи в отряде, с работой связного-разведчика (108 отдельного отряда имени Г.И. Котовского Рогачевской военно-оперативной группы) справлялся, показал себя смелым в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Как профессора Горного института г. Москвы командованием партизанского отряда имени Котовского и командованием соединения в октябре 1943 года на самолете отправили П.Г. Гузенкова в Москву, как специалиста. Секретарь горкома КП (б) Барыкин».

С 1943 по 1948 гг. П.Г. Гузенков продолжает работу в Московском Горном институте. В 1948 г. он – доцент кафедры «Теория механизмов машин и деталей машин» ВЗПИ. С мая 1963 г. по 1983 г. зав. кафедрой «Детали машин». В 1962 г. утвержден в звании профессора. В 1971 г. присуждена степень доктора технических наук. До 1983 г. работал профессором-консультантом.

П.Г. Гузенковым опубликовано более 160 научных работ и учебно-методических пособий. Он – автор известных учебников и монографий: «Расчеты и конструкция прокатных станков», «Справочник к расчетам деталей машин» и другие. Учебник «Детали машин» выдержал 4 издания и продолжает оставаться образцом классического учебника по данной дисциплине.

За трудовую и военную деятельность имеет 18 правительственных наград, в том числе: Орден Трудового Красного Знамени, медали: «За оборону Москвы», «За боевые заслуги», «Партизану Отечественной войны I степени», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» и другие.

[Статья написана Морозовой С.В. по книге «Московский государственный открытый университет (к 75-летию)» М., 2007, с.520-521 и с использованием интернет-издания]

ДАРКОВ

Анатолий Владимирович (1906 – 1991)

д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедрой сопротивления материалов и строительной механики ВЗПИ (после кончины А.В. Даркова эта кафедра стала носить его имя)

Родился 18 февраля 1906 г. в уездном городе Скопин, Рязанской губернии в семье служащего.

В 1921 – 1925 гг. учился в строительном техникуме, переезжает в Москву и продолжает учиться в техникуме путей сообщения. В 1927 – 1930 гг. – студент МИИТа, одновременно преподает в строительном техникуме. Вся научная и педагогическая деятельность Даркова связана с МИИТом, а с 1933 по 1956 гг. – по совместительству работал в ВЗПИ (потом МГОУ), где в 1956 г. избран зав. кафедрой сопротивления материалов и строительной механики.

В 1940 г. защитил кандидатскую диссертацию, с ноября 1944 А. В. Дарков – доктор технических наук.

В июле 1941 г. добровольцем записывается в народное ополчение. Прошел через сражение под Ельней, Витебское окружение, плен, тяжелейший путь из окружения.

В Вяземском окружении

[Из воспоминаний А.В. Даркова, печатается с сокращениями]

Рубеж удержать не удалось, фронт откатывался на восток. Армия отступала. Мы окружены. Чтобы выйти из окружения, нам говорят, нужно форсировать небольшую речку. Саперный взвод, в состав которого была включена и инженерная группа, строит переправу. Один берег реки – болотистая низина, другой – высокий, холмистый. В низине застряло много машин и повозок, скопилось большое число солдат. Переправа строится для пешего перехода. Саперы, в том числе и я, промокли до нитки, забивали сваи, находясь по пояс в воде. Переправа готова. Дан приказ всем перейти на высокий берег и занять там оборону.

Нас поздравляют с выходом из окружения. К сожалению, это поздравление было слишком преждевременным. В колхозном амбаре находится штаб дивизии, правда не нашей. Саперному взводу дано указание остаться здесь, на бугре, около полуразрушенной избы. Вокруг – воронки от разрывов бомб. Предлагается обсушиться и начать рыть окопы.

Заходим в избу, в ней сохранилась русская печь, еще тлеют угли. Видно, что хозяева совсем недавно отсюда ушли. Раздеваемся, выжимаем из одежды воду и сушим ее у русской печи. Разрешают на земляном полу в избе развести небольшой костер. Греемся и одновременно сушим одежду. Согрелись, хочется есть...

Вдруг все вокруг загудело, загремело, раздался страшный грохот от падающих со свистом бомб. Выбегаем из избы и видим над нами десятки пикирующих итальянских самолетов. Ложимся на землю. Я лежу на спине, и вся картина бомбежки у меня на глазах. Слева от меня густой сосновый лес. Самолеты то с каким то душу раздирающим завыванием поднимаются почти вертикально вверх, то летят вниз, выбрасывая бомбы, падение которых сопровождается нарастающим по мере

приближения к земле неприятным свистом, и все это сливается в один общий гул от непрерывно разрывающихся бомб. Падают они главным образом в гуцу скопившихся машин, людей в болотистой низине противоположного берега реки.

Слева в лесу начался фейерверк: бомба попала в склад снарядов и осветительных ракет. Из горящего леса стали вылетать с треском огненные звезды. Раздался оглушительный гром взорвавшихся снарядов. Зрелище красивое, но в то же время жуткое. Отбомбив, самолеты улетели, но не прошло и нескольких минут, как все повторилось вновь.

В болотистой низине на том берегу все горит, пламя охватило редкий низкорослый лес, кустарники, горят машины, взрываются бензобаки. На всю жизнь мне запомнились лицо и глаза обезумевшего молодого красноармейца, которому удалось вырваться из этого ада. Он что то невнятно бормочет, жестикулирует, наконец, несколько успокоившись, говорит: «Скажите, кому все это надо, разве нельзя без всего этого ужаса спокойно жить на земле?»

Затем с запада в зону болотистой низины стали подходить со страшным грохотом, лязганьем металла громада немецких танков. Завязался бой. Расстрел немецких танков успешно выполнил наш артбатальон. Бой продолжался около двух часов. Последний снаряд был израсходован на уничтожение ствола нашей пушки. Поступил приказ отойти на новый рубеж, место которого указать в то время было уже невозможно.

На фронте сложилась тяжелая обстановка. Кругом все горело, вечером трудно было найти на горизонте участок, где не было зарева от пожаров.

Фашистские войска рвались к Москве. Наши части с боями отступали, нанося тяжелые потери врагу. Земля Смоленщины приобрела теперь страшный облик: многие ее места покрылись частоколом могильных крестов погибших солдат немецкой армии.

Могучие смоленские леса потеряли прежнюю красоту — они сильно повреждены, а иногда и полностью уничтожены огнем возникших пожаров. Тяжелую картину представляли обезлюдившие сгоревшие крестьянские хаты с торчавшими из них трубами русских печей.

Гул от разрывов артиллерийских снарядов, шрапнелей, цоканье винтовочных и пулеметных выстрелов и оглушительный воющий звук от падающих бомб, поднимающих в воздух земляные столбы, не прекращались на Смоленской земле в течение многих дней октября. Расскажу об одном из эпизодов, в котором мне пришлось вступить в бой с солдатами немецкой армии...

Уже несколько дней мы ведем, можно сказать, партизанскую войну. Группа солдат объединяется в отдельный отряд, из своей среды выделяет командира и участвует в боях с немецкими захватчиками. День клонится к вечеру. Лес. Слышатся выстрелы из немецких автоматов. У многих из нас русские винтовки, у меня — карабин. Я был очень рад, когда мне выдали карабин, а не винтовку. Мне не придется, в случае штыкового боя, прокалывать человеческое тело: у карабина нет штыка.

Наш командир отдает распоряжение залечь вот здесь, за бугром, и наблюдать за лесом, откуда слышатся выстрелы. И вот мы видим, как целый взвод солдат в длинных шинелях, с автоматами, направленными в нашу сторону, прячась за стволами деревьев, прыгая от дерева к дереву, приближаются к нам. Вот уже они совсем близко, мои нервы не выдерживают, я нажимаю на курок карабина, раздается выстрел. Затем мощный винтовочный залп, мы стреляем почти в упор по немцам. Они мгновенно отступают, захватывая с собой раненых и убитых. Мы по пластунски переходим на новую позицию. Стемнело. В лесу обнаруживаем несколько неглубоких, кем то до нас вырытых окопчиков, расположенных в виде звездочек. Принимаем решение занять эти окопчики и пробыть в них до рассвета. Если лечь на спину и держать ноги в согнутом состоянии, то колени будут на уровне поверхности земли. Я саперной лопаткой делаю для головы дополнительное углубление в виде ниши. Колени теперь могут опуститься ниже поверхности земли.

Стало совсем темно. Дремлем. В лесу тишина и очень темно. Раздался выстрел из ракетницы, и лес осветился фонарем, повисшим над вершинами деревьев, и тут же началась мощная артиллерийская канонада... Видимо, наша встреча с немцами стала известна немецкому командованию, и оно решило выбить нас из леса. Всю ночь земля содрогалась от непрерывных взрывов снарядов, по стенкам окопчика после каждого такого удара бежали струйки обсыпавшейся земли. Грохот, наполнивший лес, напоминал раскаты грома при сильнейшей грозе. Фонари гасли, но тут же появлялись новые...

Не скрою, я целовал землю, минутами прощался с ней. Вспоминал свою прежнюю жизнь, хотелось повторить ее вновь. Буду ли я когда нибудь лежать в чистой теплой постели рядом со своей, тогда еще совсем молодой, женой?..

Снаряды продолжали рваться, и, казалось, все ближе и ближе к нам. Наконец раздался оглушительный удар совсем рядом с нашими окопчиками. Нас засыпало землей, оглушило. Мы вскочили и отошли подальше от этого места. Я частично потерял слух и зрение. Как потом я узнал, барабанная перепонка левого уха была разорвана. Болела вся левая половина лица. Из уха с некоторыми интервалами выходил со свистом сжатый воздух, проникший в меня в момент контузии. Я его ощущал, но не слышал, об этом мне говорили те, кто был в это время рядом со мной.

Наутро мы оказались на опушке леса, покрытого мелким кустарником, нашли кем то брошенные сухари. С жадностью стали их есть. Залегли в кустарник отдохнуть. Трава на земле покрыта инеем. Небо безоблачное. Горизонт на востоке красный, как на картине Рериха.

Начало появляться солнце, вот уже виден его краешек. Небо на горизонте с восходом солнца резко меняет окраску. А вот уже виден полностью круглый огненный диск. Стало совсем светло... Близко от нас раздаются выстрелы из автоматов. Ветки кустарника срезаются как ножом летящими пулями. Помню, я сказал, что если останусь жив, то расскажу, что пули надо мной, когда я лежал в кустарнике, летели на расстоянии, равном длине человеческой кисти.

Но вот все затихло. Хотелось все же отсюда уйти, но наш командир, человек военный, лет сорока пяти, в категорической форме приказал лежать и не двигаться до наступления темноты. Предложил всем, у кого есть гранаты (лимонки), держать их наготове и в случае пленения использовать их для уничтожения немцев. К сожалению, у него оказалась только одна граната. У всех остальных гранат не было.

«Жаль, — сказал он, — но свою гранату я использую по назначению».

Поднялось солнце, пригрело нас, и мы заснули. Видимо, крепко. Проснулись, когда мы были окружены немцами, которые вырывали из наших рук оружие и кричали нам: «Рус, сдавайся!» Командир наш быстро встал и бросился на немецкого офицера, замахнувшись на него гранатой, которую держал в руке. На моих глазах немецкий офицер, стараясь уйти от удара, делал прыжки назад. Брошенная граната ударила его по ноге и, как камень, откатилась в сторону. Тут же офицер разрядил целую обойму, стреляя в живот нашему командиру. Смерть наступила мгновенно. Тот упал лицом на землю, повернувшись к немцу ногами.

Надо сказать, что немцы не интересовались, кого они взяли в плен, фамилий не спрашивали и были настроены к нам достаточно безразлично. Сняли с нас только теплые вещи. У меня забрали перчатки и шерстяной шарф, не побрезговали и ручными часами. После этого нас направили под конвоем в ближайший лагерь для военнопленных.

Было это в конце второй декады октября 1941 года. Доставили нас в лагерь на русской грузовой машине. А теперь расскажу некоторые эпизоды, связанные с исключительной жестокостью немецких офицеров и солдат. Лагерь был расположен в небольшой пустой, без населения, деревне. Был здесь пруд, находившийся в крайне антисанитарном состоянии. В нем и на его берегах лежали убитые лошади, собаки, дохлые кошки, даже петух с большим красным гребешком. Пошли военнопленных из этого пруда. Для этого надо было еще постоять в очереди. Немцы разрешали подходить к пруду по одному человеку, выдерживая значительный интервал по времени. Со мной в плен попал ополченец еврей из Москвы. На его горе, черты его лица носили все признаки его национальности и к тому же были слишком утрированы: до уродливости был у него большой и горбатый нос, размеры головы не соответствовали его маленькому росту. Ко мне он почувствовал какую то особую симпатию, боялся потерять меня из виду, старался быть со мной все время рядом. Он страдал желудочной болезнью, его мучила жажда. Сам за водой он не ходил, не хотелось показываться немцам на глаза. Воду приносил ему я. К вечеру второго дня нашего пребывания в лагере военнопленных по его просьбе я пошел для него за водой. Пришлось стать в очередь. Подошли три немецких офицера и из очереди взяли несколько человек, в том числе и меня, и повели к избам деревни. Там вручили нам лопаты и заставили рыть длинную, узкую яму, наподобие окопа.

Я был в эти минуты в необычном для меня состоянии. Мне было все безразлично, я не испытывал страха, лопатой работал лениво, делал интервалы, за что неоднократно получал пинки в грудь, но это не заставило меня быть более активным. Меня охватило чувство протеста, желание сопротивляться. Я отчетливо понял, что в сравнении с немцами я стою значительно выше как по своему развитию, так и моральному облику. Затем два немца с горящими факелами подошли к избе, около которой мы рыли этот ров, и подожгли соломенную крышу этого дома. Слышался смех, появилась большая группа немцев, которая внимательно наблюдала за происходившим.

Нам же кричали: «Арбайтер, арбайтер!» И вдруг где то вдали послышалась артиллерийская канонада. В этот момент в деревне сразу началась суматоха, напоминающая панику во время по-

жара. Все, кто минуту тому назад спокойно наблюдали за происходившим и громко хохотали, сейчас, после какой-то немецкой команды, которую я не понял, бросились в разные стороны. Воспользовавшись этой суматохой, мы, побросав лопаты, вернулись к своим товарищам. Через очень короткий отрезок времени — не более часа — лагерь в этой деревне перестал существовать.

Под немецким конвоем по мокрой, глинистой, размытой дождями дороге пошли русские военнопленные, среди которых было много тяжелораненых. Шли они с трудом, опираясь на палки. А сзади, в деревне, догорала крестьянская изба, в которой случайно, может быть, не суждено мне было сгореть.

Я часто вспоминаю об этом и рисую себе такую картину: горит изба, мы роем себе могилу, стоят немцы, затем бросают нас живыми в огненное пекло, и оттуда наши останки зарывают под общий смех и ликование в вырытую нами же могилу. Думаю, что это не фантазия, а реальность того времени.

С невероятной невозмутимостью и методичностью немцы доводили нас, военнопленных, до полного истощения и смерти. Невыносимая, грубая жестокость царил вокруг нас. Все делалось с расчетом на то, чтобы измучить пленных, измотать их силы. Люди умирали на глазах. «Рус, айда, айда, шнель, шнель» — вот единственное немецкое «приветствие», которое сопровождало нас в течение целого дня. К этим лающим окрикам добавлялись ежеминутная стрельба из автоматов и удары дубинами по нашим головам и спинам. Вообще, это кошмар и позор для немецкого народа.

Со мной в плен, как я уже говорил, попал московский ополченец, по национальности еврей. Один день нас гнали по дороге, по которой навстречу шла немецкая армия. Почти все без исключения немецкие солдаты, увидев еврея, показывали на него пальцем, громко смеялись и выкрикивали: «Юда, юда!» Он шел, а навстречу ему маячили указательные пальцы хохочущих фашистов. На следующий день его не стало, видимо, ночью он был убит.

Однажды мы проходили по деревне, в которой в это время группа немцев, усевшись на бревна, расположенные около дороги, обедала. Я решил обратиться к ним с просьбой дать мне хлеба. Вместо хлеба я получил от высокого, широкоплечего молодого солдата удар по правому уху. Я едва устоял на ногах.

Помню такую картину. На поврежденном мосту, у которого почти полностью отсутствовал настил, произошла вполне естественная задержка в движении. Подъехавший верхом на лошади немец стал бить нас по головам толстой палкой. В некоторые повозки, на которых сидели немцы, впряженные впрягались наши русские пленные.

Попав в плен, я пробыл в нем около недели. За все это время нас совершенно не кормили. С утра до темноты нас, измученных, голодных, больных, раненых, гнали (именно гнали) по мокрым от дождя, глинистым, скользким дорогам, заставляя иногда бежать по несколько километров. Всех, кто от усталости, истощения и потери сил падал, немцы прикалывали штыками. Отстающих на месте расстреливали. В лучшем случае били палками. До сих пор слышу голос одного из военнопленных, которого на моих глазах, без всякого к тому повода, смертельно ранили, и он, истекая кровью, кричал, обращаясь к нам: «Добейте, братцы, добейте, родные». С помощью колонны военнопленных уничтожались заминированные участки дороги. Нас прогоняли по ним. Сотни военнопленных погибли во время этой злодейской немецкой операции.

Опухший от голода и холода, простуженный, я убежал 27 октября из немецкого плена. Расскажу, как это было.

26 октября колонна военнопленных была остановлена на ночлег на бывшем картофельном поле в районе станции Пересна железной дороги Рославль — Смоленск. Весь день шел дождь. Все мы промокли до нитки. В ночь на 27 октября дождь перешел в снег. Ударил мороз. Группа военнопленных, пользуясь темнотой ночи, пробралась в полуразрушенное помещение станционной бани, у которой не было дверей, окон и части стен. Рядом с баней был расположен обычный деревянный колодец, наземная часть которого во время боев, прошедших здесь при взятии немцами этого района, была уничтожена. Осталась вертикальная шахта, наполненная водой. Ночью немецкая охрана, обнаружив в бане военнопленных, открыла по ним автоматный огонь. Возникла паника — люди выбежали из бани, и многие из них падали в шахту колодца. Убито было в эту ночь свыше трехсот военнопленных. Об этой трагедии я узнал на следующий день.

После того как через переезд прошел последний солдат колонны, нас повели на станцию Пересна. Шли мы медленно. Напротив помещения вокзала был расположен длинный пакгауз, вначале с задвижной дверью, а затем — в виде крытой платформы. Перед пакгаузом на земле была разбросана солома, на которой и расположились приведенные сюда военнопленные.

На путях станции я увидел идущего пожилого человека, одетого в нашу железнодорожную форму. Жестом я попросил его подойти ко мне и шепотом спросил, живет ли здесь ктонибудь из тех, кто учился в Москве на инженера. Нет, таких он не знает. «Но, может быть, здесь живут люди, которых можно не бояться?» — «Таких то много. Вон, видите, рядом с вокзалом, справа от него, в железнодорожной казарме, почти напротив пакгауза, живет молодая женщина с ребенком, муж скрывается, но иногда все же приходит к ней. Эта женщина хорошая, ей можно довериться». Я сердечно поблагодарил его за сделанную для меня очень важную информацию.

Я понимал, что наступили последние в моей жизни минуты, когда либо я совершу побег, либо погибну. Каждую секунду можно было ожидать появления поезда, в вагоны которого нас загонят, и тогда совершить побег будет почти уже невозможно. Жена моя, которую я безумно любил, в одном из своих писем, полученных мною на фронте, писала, что, если возникнет такая ситуация, из которой выхода уже не будет, чтобы последнюю пулю я сохранил для себя. Сделать этого я теперь уже не мог, такой пули у меня не было.

Увидел, что платформа пуста, дежурные в красных фуражках только что ушли в помещение вокзала. Солдат с винтовкой, охранявший нас и пассажирский вагон, стоял ко мне спиной. Я почувствовал начавшееся сильное сердцебиение, все во мне сжалось. Я понял, что, возможно, прощаюсь с жизнью — до смерти несколько секунд. Наступило замешательство. Я тихо отодвинул дверь и пошел вправо по узкому дощатому настилу в конец пакгауза, спустившись вниз по ступенькам его лестницы. Все это время я находился в ожидании выстрела в спину, вызывавшего в моем теле ощущение, чем то похожее на судорожное дрожание. Затем пересек железнодорожные пути, прошел между вокзалом и казармой и открыл дверь в ее сени, где несколько минут постоял. Затем постучал в дверь. Дверь открылась, и я увидел молодую женщину и головку высунувшейся с русской печки маленькой девочки. В глазах женщины я заметил испуг, но все же она меня впустила.

Поняв, что я страшно голоден, она накормила, но сказала, что много есть мне сейчас нельзя. «Вы очень худой, я вижу, что вы давно не ели». Действительно, мои ребра были похожи на струны балалайки, но отличались только тем, что не издавали музыкальных звуков. Затем она стала просить меня уйти: «Ведь, наверное, вас хватятся, начнут искать, найдут у меня, тогда меня и моего ребенка убьют. Я очень прошу вас как можно скорее уйти. Вы же поймите, что вы для меня все же чужой человек, а я мать, и я не могу ради вас погубить себя и свое дитя. Идите в деревню Красногорье, примерно в двух километрах отсюда, там живет дедушка Серенков Антон Антонович, о котором ходят слухи, что он помогает военнопленным и прячет их от немцев. Вот и идите к нему, он такой черный, по виду очень похож на цыгана. Вам придется пройти мимо бывшего барского дома, в котором расположился немецкий штаб, правда, он будет от вас на расстоянии примерно полкилометра».

Я еще раз попытался просить ее оставить меня до темноты, сказав ей, что никто меня не хватится, так как я нигде не зарегистрирован, но, увидев, что она находится в ужасно нервном состоянии и буквально чуть не плачет, я решил уйти. Будь что будет! Помню, закрыв двери сеней дома, постоял, осмотрелся и затем пошел. Вокзал остался позади. Шел по снежной целине. Вдали, на горе, виднелись избы деревни Красногорье. Справа, но не очень близко, стоял высокий дом, в котором, как мне было известно, находился немецкий штаб. По мере того как я шел, он становился все ближе и ближе, и вот, когда это расстояние стало казаться совсем небольшим, я увидел идущего мне навстречу мужчину в поддевке, очень похожего на цыгана. Подойдя ко мне, он довольно резко произнес: «Вы что, сумасшедший, идете в красноармейской одежде днем мимо вот этого дома. Вы знаете, что в нем немецкий штаб?» — «Да, знаю». — «Но куда же вы идете?» — «К вам, вас зовут Антон Антонович».

Испуганно посмотрев на меня, он проговорил: «Видите на горе хату с белыми наличниками — этой мой дом. Идите и скажите моей хозяйке, что я разрешил вам дожидаться меня. К вечеру я вернусь домой».

...Антон Антонович спросил: «Ну, что вы от меня хотите, как и чем я могу вам помочь? Не верьте слухам о том, что я могу сделать что то доброе для таких, как вы». — «Я решил обратиться к вам с просьбой, — сказал я, — выдать мне справку о том, что я в вашем колхозе работаю ежегодно в летние месяцы счетоводом. У меня сохранился московский паспорт. Если я попадусь еще раз в плен, то буду выдавать себя за учителя арифметики первого и второго классов средней школы. В летнее время я приезжаю к вам, и уж не первый год, чтобы заработать трудовни, выполняя обязанности колхозного счетовода. Вот с этой просьбой я и обращаюсь к вам». — «Ну, это сделать легко, завтра же мы выдадим вам справку с печатью и подписью председателя колхоза. А сейчас спускайтесь с печки — хозяйка накрывает стол, давайте поужинаем». 28 октября, утром, я получил такую справку.

Теперь необходимо было срочно переодеться в гражданскую одежду и уходить к своим... (В селе начались облавы, надо было срочно уходить, а подходящей одежды не было — от ред.) ...

Принимаю решение немедленно отсюда уходить. Возможно, что и здесь начнется облава. Захожу в первую попавшую на дороге избу, прошу меня переодеть. «Да нет у нас для вас ничего подходящего. Вот в первом доме на соседней улице живет портниха горбунья, зайдите к ней, может быть, у нее что нибудь найдется для вас».

Захожу к ней, но она очень возбуждена и вести со мной разговор не хочет. Затем я попадаю в избу с земляными полами колхозника Якова Андреевича Зайцева. В его семье восемь человек, среди них новорожденный, старшему сыну на вид лет четырнадцать.

Когда я зашел, его жена стирала белье и качала подвешенную к потолку люльку. Самого Зайцева в избе не было. Я обратился к ней со своей просьбой. «Все, что у нас есть, висит на стене, — ответила она, — сам видишь, ничего подходящего нет. Единственно, что подошло бы для тебя, это вон та тужурка на меху, но это единственная вещь, имеющаяся у мужа, и если он ее отдаст, то сам останется без теплой одежды на зиму. Время сейчас тяжелое, — добавила она и с выражением тревоги на лице взглянула на новорожденного. — Впрочем, я позову мужа». С этими словами она быстро, вытирая на ходу о подол мокрые от стирки руки, вышла во двор. Через минуту вместе с ней вошел в избу ее муж Яков Андреевич, человек лет сорока пяти.

Он сел на скамейку под образами у обеденного стола и, немного помолчав, сказал: «Вижу, нужно вам помочь, берите эту тужурку, может быть, она спасет вам жизнь».

С глазами, полными слез, я подошел к нему и его жене, по братски с ними расцеловался и сказал, что если я останусь жив, то не забуду их добрый поступок и постараюсь не остаться в долгу.

Через двадцать минут я ушел из этой деревни и пошел на восток.

В эти дни 27 и 28 октября я, пожалуй, впервые в жизни так отчетливо ощутил, как же удивительно щедры и нравственно богаты человеческие души жителей деревень моей Родины.

Пробираясь из глубокого немецкого тыла на не занятую немцами территорию, мне пришлось пройти около пятисот километров по оккупированным районам нашей Родины. Много видел ужасов, смерть шла за мной по пятам. Только благодаря нашим крестьянам я остался жив. Они, пренебрегая жизнью, помогали мне на каждом шагу. Разоренные, ограбленные фашистами, люди делились со мной последним куском хлеба и предоставляли ночлег. И это в то время, когда немецкое командование в целях борьбы с партизанским движением категорически, под угрозой смертной казни запрещало населению сел и деревень оказывать таким, как я, какое либо содействие. Я видел, с каким нетерпением ждало население оккупированных районов прихода нашей Красной армии. Народ ненавидел оккупантов. Я ни одного дня не голодал и везде у населения встречал искреннее дружелюбие. Объясняю я это еще и тем, что был для них и агитатором за советскую власть. Помню, в одной деревне, где я остался на ночлег, хозяева настроены были очень мрачно. Им уже известно, что немцы дошли до Урала, обошли Москву, она на минах, а с востока к Уралу подошли японцы, так что страна наша полностью оккупирована врагами. «Погибла, — с грустью говорили они, — наша Родина».

«Не верьте этому, это неправда». Я спросил их, бывали ли они на Дальнем Востоке? Нет, многие из них даже в Москве не были еще ни разу. «Так вот, слушайте: для того чтобы из Владивостока доехать на скором поезде до Урала, нужно затратить не менее шести суток. Поезд идет со средней скоростью 40 километров в час и должен пройти около шести тысяч километров. У меня нет сведений о том, вступила ли Япония с нами в войну, но если бы и вступила, то пройти такое расстояние за такой короткий срок она не могла. Не было в истории войн ни одного случая, подтверждающего возможность осуществления такого военного успеха. Это нереально, просто невероятно. Такого быть не может. Я допускаю, что если все же Япония и начала с нами войну и если бы при этом ей на первом этапе удалось с боями продвинуться вперед, то не более чем на триста километров. Так что не верьте этой немецкой пропаганде, это совершенная чушь, рассчитанная на вашу неосведомленность. По тем же соображениям утверждение, что немцам удалось дойти до Урала, обойдя Москву, является сплошным вымыслом. Все это совершенно нереально. В свое время увидите, что я говорю сейчас правду и мы все же победим».

Помню, с какой радостью была встречена эта информация всеми, кто находился в избе. Так я поступал почти всюду, где пришлось ночевать. Крестьяне задавали много вопросов, слушали мои ответы, и всегда с большим интересом. Здесь же я получал советы о том, как мне безопаснее идти дальше. Пользовался я картой из небольшого атласа, подаренной мне учеником сельской школы. Были случаи, когда хозяева моего ночлега, прощаясь со мной утром, целовали меня, желали благополучно вернуться к своим и даже, по русскому обычаю, осеняли меня крестным знаменем. В кармане рубашки я пронес фотографию моей жены с сыном.

Отношение фашистов к военнопленным и всем людям, жившим на оккупированной земле, нельзя назвать даже скотским. Это будет слишком мягко сказано. Пожалуй, лишь слово «гитлеризм» окажется более пригодным в этом случае. Оно должно употребляться для характеристики человека, лишённого всякого представления о доброте, морали, нравственности, чести, совести, справедливости, милосердии, способного лишь насаждать на земле насилие, жестокость, бесправие, сеять злобу между людьми.

В декабре 1941 года под натиском нашей армии немецкие полчища, неся большие потери, отходили на запад. При отступлении они становились еще более жестокими.

Вот даты некоторых событий последней декады декабря 1941 года, свидетелем которых я был. 21 декабря 1941 года немцы сожгли деревню Орловка Липицы Зыбинского района Тульской области, забрали в этой деревне весь скот и взяли в плен мужское население.

В ночь на 22 декабря сожгли село Троицкое того же района.

20 декабря сгорело в этом же селе двухэтажное здание средней школы.

22 декабря в 60-ти км от Ефремова вышел из окружения и 26 декабря был направлен Ефремовским пересыльным пунктом в Москву, куда прибыл 29 декабря. 3 января Мосгоровенкомат меня демобилизовал и восстановил на гражданской работе.

После демобилизации А.В. Дарков вернулся в институт. За время педагогической деятельности им подготовлено более 20 кандидатов наук, опубликовано более 100 методических работ и учебников по сопротивлению материалов и строительной механике, которые переведены на многие языки и явились основой высшего образования в развивающихся странах. Дарков один из организаторов системы заочного телевизионного обучения. Вел большую общественную работу.

А. В. Дарков награжден орденом Ленина (в 1961 г.). Ему присвоено почетное звание Заслуженного деятеля науки и техники РСФСР.

[Для статьи использованы книги: «Московский государственный открытый университет (75 лет)», Москва. 2007 г., с. 143–146; Б. Зылев, А. Дарков. «В Вяземском окружении». — Москва. Центрполиграф, 2020. Интернет-издание]

КАПЛУН

Всеволод Александрович (1922 – 2016)

***д-р техн. наук, профессор, заведующий кафедры ВЗПИ (МГОУ),
заслуженный деятель науки РФ***

Родился в 1922 году в Москве. Школу окончил 15 июня 1941 г., и сразу призван в армию.

Окончил школу накануне войны, и в июле 1941 г. призван в Красную армию. Успешно завершил учебу в Мурманском военном училище связи. Боевое крещение получил под г.Клин. Командир взвода связи стрелкового полка, начальник связи артиллеристского дивизиона. Участвовал в боях под Сталинградом, затем на Западном фронте под г. Сухиничи. Освобождал Смоленск, Борисов, Минск, Могилев. Дважды ранен. После госпиталя в марте 1944 г. демобилизован. Участвовал в испытаниях новых образцов «Катюш».

Награжден орденами Отечественной войны, Красной звезды, медалями «За освобождение Белоруссии», «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Принимал участие в боях, в

1944 г. демобилизован в связи с ранением.

В июле 1944 года поступил учиться в Московский институт инженеров связи, после окончания которого в 1949 году направлен на работу в НИИ-17 (Минавиапром). Здесь он занимается разработкой специальных радиопрозрачных защитных оболочек – СВЧ антенных обтекателей. Им создана специфическая измерительная аппаратура и методика измерений. Такие антенны использовались для самолетов МИГ, ЛА, СУ, ТУ и др. Эти разработки осуществлялись и при создании специальных ракетных обтекателей. Сформировалось отдельное направление в рамках антенной техники, руководителем которого был В.А.Каплун. Под его руководством было защищено 20 кандидатских и 2 докторские диссертации. Им опубликовано более 180 научных работ, в том числе монография. Он автор и соавтор 48 изобретений, 42 внедрены в промышленность.

В 1979 г. В.А. Каплун перешел на преподавательскую работу в ВЗПИ(МГОУ). Был зав. кафедрой, 13 лет – деканом. Здесь им опубликовано большое количество методических пособий, три учебных пособия для вузов.

[Статья написана по материалам книги «Московский государственный открытый университет». М. 2007 г., с. 70 – 74]

МОРОЗ

Иона Иосифович

д-р. химич. наук, профессор кафедры химии МВМИ

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Родилась в Киеве в 1918 году в семье служащего. В 1941 году окончил Киевский политехнический институт.

С июля 1941 г. по ноябрь 1945 г. в действующей армии – Западный, 1-й, 2-й Белорусские фронты. В армию вступает добровольцем, в первые же дни войны. Направлен на краткосрочные курсы комсостава при Военной Академии химзащиты.

Участник контрнаступления под Москвой, завершил свой боевой путь под Кёнигсбергом. Был начальником химслужбы одной из частей «Катюш». Уволен в запас в звании гвардии капитан Химических войск.

Награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны I степени и многими медалями, в т.ч. «За оборону Москвы».

После войны – начальник цеха завода «КИП» (Москва) в 1946 – 1947 г.г., в 1947 – 1959 г.г. – завода № 165 МАП (Москва). В 1958 г. работал в Московском химико-технологическом институте имени Менделеева. Защитил кандидатскую (в 1958 г.), докторскую (в 1970 г.) диссертации. Научные интересы – в области электро – химической обработки материалов. В МВМИ работал до конца 1980-х годов на кафедре неорганической химии.

[справка написана Морозовой С.В. по материалам архива (Подольск) и интернет-изданий]

В октябре 41-го под Москвой

[воспоминания И. Мороз, гвардии капитана в отставке, участника этих боев, опубликованные в газете «Мартеновка», 25 февраля 1985 г.]

... Суровый октябрь 1941 года. Немцы рвутся к столице. Кажется, никакая сила не остановит их стальную лавину,двигающуюся вперед с тупой и неумолимой методичностью. В наступлении немцев участвуют 3 армии, в состав которой входят 77 дивизий (около миллиона человек), в том числе 14 танковых и 8 моторизованных. У врага – 195 тысяч орудий и минометов, 1700 танков, 950 самолетов. Не случайно противник назвал операцию по захвату Москвы «Тайфуном».

Но несмотря на большие силы фашистов, их продвижение вперед, мы безоговорочно верили в нашу Победу!

В те дни одним из важных направлений было Наро-Фоминское — вдоль шоссе Киев—Москва.

22 октября в Наро-Фоминск ворвалась пехота фашистов. Враг вышел к реке Нара, но тут путь ему преградила 1-я гвардейская мотострелковая дивизия. В городе завязались ожесточенные бои. Наш 600-й истребительный противотанковый артиллерийский полк понес большие потери в живой силе и материальной части.

24 — 25 октября полк был отведен на восточный берег реки Нары, оставшиеся несколько пушек, блокировали Киевское шоссе. К концу октября положение стабилизировалось. Полк получил пополнение из резерва 33-й армии (и людей и материальную часть) начались будни обороны, но они длились недолго.

В конце ноября на Наре начались ожесточенные бои. Здесь держали оборону 33-я и 43-я армии, прикрывая пути к Москве по Варшавскому и Киевскому шоссе.

Особенно тяжелое положение для 33-й армии сложилось 1 декабря, когда немцы осуществили Наро-Фоминский прорыв. Они нанесли мощный удар танками и мотопехотой в стык 222-й с.д. и 1-й гвардейской московской мотострелковой дивизии.

Широкий фронт и отставание резервов, а также недостаток огневых средств в 222-й с.д. — все это позволило немцам прорвать фронт и выйти к автострате Минск—Москва. Между 22 с.д. и 1-ой гвардейской мотомеханизированной с.д. образовался разрыв шириной 2,5 километра, куда сразу ринулись танки противника.

Немцы вклинились в нашу оборону на 10 — 15 километров. Наш полк оказался «разрезанным» на части, связи между батареями не было.

К исходу дня, 3 декабря, немцы были остановлены, а 5 декабря — отброшены за Нару.

222-я с.д. разбила немцев под Акуловым и Юшковым. Южнее 222-й дивизии сражались 110-я ополченская с.д. На левом фланге 33-й армии особенно ожесточенные бои вели 110-я ополченская стрелковая дивизия в районе Горчухино, Атенцево, Слизнево.

18 декабря 110-я с.д. и 201-я латышская с.д. перешли в наступление. 201 с.д. сковала две немецкие дивизии в районе Елагино, затем разгромила врага у деревни Редькино и 2 января 1942 г. вышла на шоссе Боровск—Наро-Фоминск—Верея.

Попытка немцев прорваться к Москве провалилась Эти бои послужили началом полного разгрома немцев под Москвой, Наконец-то началось наступление!

Разрушенные здания, груды трупов на дорогах, пожарища — вот они дороги войны.

...Ночью ворвались в Верею. Город пылает. Но это первый освобожденный нами город!

Двигаемся дальше. Деревни, вернее пепелища, сменяются с кинематографической быстротой.

То, что я написал, — один из эпизодов грандиозной битвы за Москву. Память бережно хранит мельчайшие детали пережитого, лица товарищей, погибших в этих тяжелых боях.

Вечная память им, героям войны!

БАСОВ
Николай Иванович

д-р техн. наук, профессор МИХМ, заслуженный деятель науки и техники РСФСР

Родился 28 сентября 1924 г.

Призван в армию 14 августа 1942 г. и направлен в Арзамасское пулеметно-минометное училище. В звании сержанта с ноября 1942 г. на фронте в районе Среднего Дона участвовал в окружении армии Паулюса и отражении ударов войск Манштейна. В декабре 1942 г. был ранен и в 1943 г. демобилизован.

В 1944 г. поступил в МИХМ. Секретарь сначала Комитета ВЛКСМ, потом партбюро института. Прошел путь от ассистента и до профессора, зав. Кафедрой и ректора МИХМа.

Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», орденом Отечественной войны I степени. В послевоенный период – орденом Ленина, Октябрьской революции, Трудового Красного Знамени, знаком «Отличник печати» и другими.

Вспоминая военные годы

[Воспоминания, опубликованы в журнале «Вестник», 2005 г. № 11, с. 35 – 36]

В училище мы больше занимались строевой подготовкой да изучали материальную часть. Выезжали также в колхоз на уборку урожая. Мне довелось изучить устройство станкового пулемета «Максим» и даже (всего один раз!) из него пострелять. Учеба не была трудной – самым трудным в ту пору было переносить крайне скудное питание.

Однако учиться все 6 месяцев мне не пришлось. Видимо, подготовка Сталинградской наступательной операции потребовала мобилизации всех резервов. И вот 7 ноября 1942 года нас, курсантов, которым всем было присвоено звание сержанта, с полной боевой выкладкой погрузили в товарные вагоны, и под прощальные звуки оркестра мы покинули город Арзамас.

Ехали мы через Пензу, Рузаевку до города Урюпинска. Там мы выгрузились и пешком порядком двинулись к фронту. Шли скрытно, ночами. Операция сохранялась в строжайшей тайне, поэтому на протяжении всех четырех суток марша к рассвету мы останавливались, и нас размещали по хатам, где мы отсыпались и отдыхали до вечера. С наступлением темноты вновь продолжали марш.

Наконец, мы прибыли в район Среднего Дона. Нас разместили в разных селах. Моя часть находилась в деревне Осетровке. Но отдыхали мы здесь недолго. Уже в ночь на 19 ноября нам приказали выдвинуться на передовую линию фронта. Во время перехода я впервые увидел гвардейских минометчиков с их «катюшами»: они готовили их к нанесению удара.

А в 8 часов утра 19 ноября началась артподготовка, причем первые три залпа дали «катуши». Зрелище было весьма впечатляющее.

Над нами со своеобразным рокотом летели огненные ракеты, а когда они взрывались на позициях фашистов, то казалось, что горит сама земля. Артподготовка длилась часа полтора. Все это время мы были на исходных позициях. Во время артподготовки была дана обычная команда на завтрак. Я, как «первый номер» пулемета «Максим», не мог его оставить и потому, вручив свою каску, которую я приспособил под котелок, моему напарнику Васе Печенкину, попросил его принести поест и мне. Ждать пришлось долго, но все же он воротился с моею каской. Я глянул в нее: на завтрак были две ложки кукурузной каши и маленькая рыбешка, как оказалось, соленая. Тут громогласно прозвучало: «В атаку! Ура!» Выплеснув несостоявшийся завтрак из каски, я нахлобучил ее на голову, встал, как и другие солдаты и офицеры, во весь рост и шагнул за бруствер. Ускоренным шагом мы двинулись на немецкую позицию.

Мой первый бой длился до 16 часов. В ноябре в это время уже начинает смеркаться. Наша атака, казалось, захлебнулась, у нас уже были большие потери. Но тут на нашем участке командование ввело в бой резерв — роту автоматчиков, которые ударили по немцам с фланга. Услышав оттуда русское «Ура!», мы, забыв изнеможение, как один поднялись и снова пошли в атаку. Фашистов мы смяли, одни из них спешно отошли, другие сдались в плен.

Этот первый бой оставил у нас, молодых, необстрелянных бойцов, тяжелое впечатление. Склоны высоты, которую нам пришлось брать, были покрыты телами убитых и раненых, наших товарищей. В моем пулеметном взводе из 56 бойцов в живых остались только 12, а из моего отделения (расчета) остался я один.

Очень хорошо помню доброго старшего сержанта, пожилого и опытного сибиряка по фамилии Звонков. В этот страшный час он уберег меня от смерти. Дело было так. Когда по окончании боя я подтащил свой «Максим» к немецким окопам и осмотрел его, оказалось, что кожух ствола пробит и из него вытекала на снег зеленоватая охлаждающая жидкость — глицерин. Пытаясь забить течь, я возился у пулемета, и тут меня заметил Звонков, который приказал мне немедленно прыгнуть в окоп. Как ни трудно поверить, но это факт: в момент моего прыжка в пулемет попала вражеская мина и, взорвавшись, разнесла его на мелкие куски. Спрыгни я секундой позже — то же было бы и со мной.

После этого памятного боя меня назначили помощником командира пулеметного взвода, сформированного из пулеметчиков, оставшихся в живых.

Потом такие кровопролитные бои стали обычным делом, они продолжались около 10 дней. Наша часть до 16 декабря в составе Среднедонского фронта под командованием К.К. Рокоссовского, наступая, шла на соединение со Сталинградским фронтом, чтобы окончательно окружить запертую в городе группировку фашистов. В итоге армия Паулюса оказалась в кольце. В дальнейшем моя часть участвовала в отражении удара войск Манштейна, пытавшихся разорвать кольцо окружения извне.

Я неоднократно ходил в разведку: меня временно отправили в разведгруппу для поддержки ее, в случае чего, огнем из ручного пулемета Дегтярева — это было превосходное оружие. Ходили мы ночью в тыл к фашистам в деревню Филимоново, что недалеко от Миллерова, для определения сил и расположения противника. Однажды доставили важные сведения и даже привели «языка». За эту операцию вся группа получила награды, и я был награжден медалью «За боевые заслуги».

Последний для меня бой состоялся в середине декабря 1942 года против итальянцев под Миллеровом. Как называлась их часть, я не помню. На нашем участке нам удалось прорвать их оборону, и многих из них мы взяли в плен. В ночь на 17 декабря рядом со мной разорвалась мина, выпущенная из миномета, и я был тяжело ранен осколками мины в левую руку и в ногу. На руке была перебита локтевая кость и поврежден нерв. Я упал, потеряв сознание.

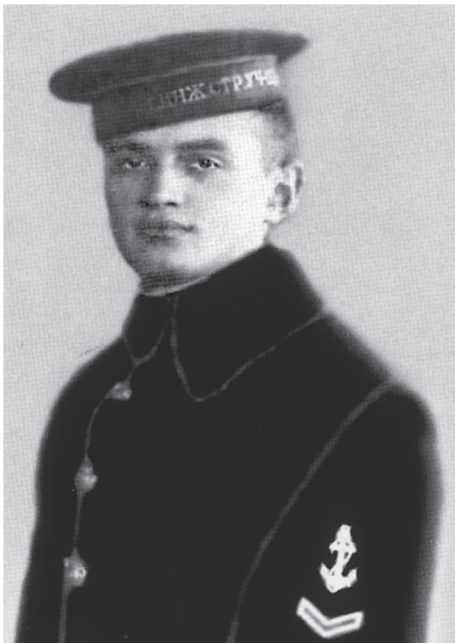
Кто и как доставил меня на санитарный пункт, располагавшийся в обычной сельской хате, не помню. Очнувшись, увидел, что лежу вместе с другими ранеными на полу, на соломенной подстилке. Около трех недель мы так и лежали, без перевязок и лечения, к нам не являлся ни один медработник. Лишь примерно на двадцатый день после ранения совершили обход хирург и медсестра. Осмотрев меня, врач приказал немедленно везти меня в операционную. Морозным январским днем меня на санях перевезли в другую такую же хату, служившую операционной палатой. Когда присохшую на раненой руке повязку разрезали, хирург увидел копошившихся в ране червей и сказал мне, что они-то и спасли меня от общего заражения крови. Но синева на кисти была предвестницей гангрены. Хирург заявил, что вынужден ампутировать мне руку до локтя. Я ответил категорическим «нет!» Тогда он потребовал, чтобы я подтвердил свой отказ письменно. И я написал, что против ампутации.

Рану мне вычистили, на руку наложили гипс и назначили 40 уколов против гангрены. К счастью, руку мне удалось сохранить.

Только в конце января 1943 года я попал в госпиталь в городе Балашове, где были нормальные условия лечения. Потом я лечился в Казани и в городе Сталинске (ныне — Новокузнецк) Кемеровской области. На той же руке мне сделали еще одну операцию. Наконец, 14 июня 1943 года меня выписали из госпиталя, как инвалида войны III группы, и я демобилизовался в МИХМ. На этом моя военная эпопея и закончилась. С тех пор прошло более 60 лет, но тяжелое воспоминание о той страшной поре живо.

ГИЛЬБЕРГ Лев Абрамович

гвардии старшина, выпускник МПИ

Родился 9 августа 1923 г. в местечке Любар Житомирской области УССР в семье служащего. Школу закончил с отличием.

Сразу же после окончания школы в 1941 г. уходит в армию. Был направлен в Ленинградское высшее артиллерийское военно-морское инженерное училище. Зимой 1941 — 1942 г. курсантов направили на Северный флот. Оттуда добровольцем — под Сталинград, где в составе знаменитой 62-й армии Чуйкова 132 дня защищал город. В 1943 г. — на первой линии обороны в ходе Курской операции. Освобождал Украину, затем Румынию, Венгрию, Австрию и Прагу, где закончил войну. Прошел путь от командира взвода до начальника отдела штаба дивизии (АХО).

Награжден боевыми наградами: два ордена Красной Звезды, один Отечественной войны, медалями, в том числе «За оборону Сталинграда».

После демобилизации в 1946 г. поступил в МПИ, редакционно-издательский факультет. Работал в издательстве «Оборонгиз», затем в издательстве «Машиностроение», где был главным редактором литературы по авиации, ракетной технике и космонавтике.

Член президиума Российской академии космонавтики имени К.Э. Циолковского, академик АН авиации и воздухоплавания, член бюро президиума Федерации космонавтики России, заслуженный работник культуры России.

Награжден орденом «Знак Почета», медалями К.Э. Циолковского, Ю.А. Гагарина, С.П. Королева, В.И. Глушко и др.

[подробно об этих и других событиях он рассказал в книге «Мы из МПИ», с. 206 — 222, а также в книге «Понемногу о многом» и др.]

Война

[Фрагменты из книги Л.А. Гильберга «Понемногу о многом». М., 2003, с. 5 — 24, печатается в сокращении]

Ленинград и Северный флот

Война для меня особая тема, и глубоко личная, и общественная. Я не раскрою секрет, если скажу, что в те далекие времена отношение к защите нашей Родины несколько отличалось от сегодняшнего. И уже на второй день после начала войны я вместе со всеми мальчишками нашего 10-го класса, который мы окончили буквально несколько дней назад, отправился в военкомат, и мы просили записать нас добровольцами на фронт. Нас разбросали по разным местам: так, одного моего друга отправили в Ленинградское артиллерийское училище.

Уже в начале сентября 1941 г. Ленинград оказался в блокаде. Первый курс училища был сведен в 6-ю отдельную роту морской обороны Ленинграда. С тяжелыми канадскими винтовками мы ходили по городу с целью воспрепятствовать возможной высадке вражеского десанта. Естественно, мы терпели все лишения, которые выпали на долю блокадников, но особо унывать нам не давали. Командиром нашей роты был старший лейтенант Прахов. У нас был такой режим: в 6 утра — пробуждение, затем 3 километра вокруг нашего блока по улице Каляева. На ее углу, кстати, размещалось большое здание ленинградского НКВД, в которое позже попала бомба. Продолжалась немного и учеба, которая постоянно прерывалась налетами немецкой авиации. Кормили нас все-таки чуть лучше, чем обычных горожан. Помню, часто давали немного вареной чечевицы с растительным маслом. И у меня сохранилось воспоминание на долгие годы об этом как о необычайно вкусном блюде. Через много лет я пытался безуспешно купить чечевицу в Москве и как-то рассказал об этом знакомым в Париже. В 1993 году мне прислали из Франции подарок — два пакета чечевицы.

Когда в первую блокадную зиму стало совсем туго, было решено первые курсы училища сократить, и нас решили вывести из города через ленинградскую «дорогу жизни» — единственную транспортную магистраль, проходившую через Ладожское озеро и связывающую с сентября 1941 по март 1943 г. блокированный немецко-фашистскими войсками с тыловыми районами страны. И вот все мы во флотской форме с шевронами, пошитой нам в училище, в хромовых ботиночках, в таком шикарном наряде, в легких шинелях расселись на полуполтора — маленьких грузовиках ГАЗ-АА и в 27 — 28-градусный мороз ночью, со светомаскировкой отправились в путь. А ледовая дорога постоянно бомбилась немцами, так что образовывались полыньи, затянутые тонкой кромкой льда. На наших глазах идущая впереди в 70 — 80 метрах полуполтора вдруг буквально исчезла, провалившись вместе со всеми ребятами на ее борту в такую полынью. Увы, никаких надежд на то, что кого-то можно спасти, не было — все ушло под лед. Нам удалось благополучно объехать это место и прибыть в расположение 54-армии Волховского фронта во главе с командармом К.А. Мерецковым, которая стояла с противоположной стороны Ладожского озера.

В отличие от нас это были настоящие войска, сибирские части, в теплых полушубках и валенках. Помню, как меня послал к ним в медсанчасть командир взвода, и я обратился со словами: «Отрежьте мне, пожалуйста, палец, а то он отморожен и гниет». На что милая женщина-хирург мне ответила так: «Подождите, он вам еще пригодится». И действительно, палец удалось спасти. Было мне тогда 18 лет.

Затем мы попали в Ярославский флотский экипаж, откуда нас распределили на Северный флот. Ночью на буксире в страшной качке, что было для меня очень непривычно, нас повезли из Мурманска в Сеть-Наволоок. Кольский залив замыкался двумя очень большой мощности береговыми батареями. У входа в залив, справа, если стоять лицом к океану, расположен остров Кильдин, а слева — мыс Сеть-Наволоок. На острове и на мысу — по батарее калибра 400 мм (может быть, и выше, боюсь ошибиться). Их преимущество заключалось еще в том, что они размещались на высоких, надежно укрывавших склады боеприпасов скалах, с которых прекрасно простреливалась вся морская акватория. И стоило только обнаружить тот же немецкий линкор «Тирпиц», тоже с очень мощной артиллерией, как наши батареи немедленно открывали огонь, а противник нас достать не мог. И за все время войны ни одному немецкому кораблю так и не удалось прорваться в Кольский залив.

Надо сказать, что на Севере вообще уже в первые месяцы войны обстановка была гораздо лучше, чем на других фронтах. Даже в воздухе немцы не могли действовать так безнаказанно, как в других местах. Знаменитый ас Б. Сафонов, один из первых летчиков — Героев Советского Союза выстраивал над Мурманском и прилегающими районами широкую карусель из десятков стареньких истребителей И-16 и И-15, и они не давали прорваться к городу армадам немецких «Юнкерсов».

Сталинград

В это время резко обострилась ситуация под Сталинградом. И у нас на Северном флоте объявили призыв добровольцев, на который я в числе многих немедленно откликнулся. Летом нас привезли в Ступино под Москвой, где 2 — 3 недели проводилась перекомплектация. Переодевали нас в пехотное обмундирование (конечно же, мы не расстались со своими флотскими тельняшками и ремнями). Новоиспеченную 92-ю отдельную морскую стрелковую бригаду — так называемую морскую пехоту — погрузили в эшелоны и повезли в Сталинград. Но прямое сообщение с ним было уже прервано, поэтому добирались мы в объезд, с левого берега Волги: голая степь — и за несколько десятков километров до города, прямо в чистом поле, без каких-либо сооружений, наша железнодорожная ветка обрывалась.

Только мы подъехали и начали разгружаться, а дело было днем, как тут же появились два «мессершмидта» и стали поливать нас из пулеметов, вынудив немедленно залезть под вагоны. Так состоялось мое боевое крещение в Сталинградской битве. Ночью мы погрузились на машины и отправились в Волге, к Сталинграду. Из здесь нас ждало неприятное открытие: мы были убеждены, что город еще наш, но оказалось, что наши войска контролировали только узкую прибрежную полосу. Когда мы подъехали к берегу, увидели, что горит Волга: плывет горящая нефть, рвутся бомбы, мины ... Ночью на катерах мы переправлялись на противоположный берег. Но как только мы доплыли до середины Волги, нас с того берега стали обстреливать из минометов. В ту пору немцы действовали очень нахально, и хотя берег был еще наш, на отдельных высоких домах, на чердаках уже хозяйничали вражеские автоматчики, дававшие оттуда целеуказания трассирующими очередями. Так мы оказались в городе, в районе знаменитого сталинградского элеватора, уже занятого немцами. Кто не знает, что это такое, может представить огромное сооружение, состоящее из шести железобетонных башен высотой с многоэтажный дом. Утром с того берега приехал комиссар и вдохновил нас, лежащих, — стоять противник не позволял — на штурм: «Морячки, на вас вся надежда. Немцы заняли элеватор. У них наверху крупнокалиберные пулеметы, минометы, они владеют очень важной господствующей высотой — надо взять элеватор». Два дня мы штурмовали элеватор. Но мы ничего не могли сделать, если даже 200-килограммовые авиационные бомбы не давали никакого результата. И потеряв больше половины бригады, мы вынуждены были переправляться обратно через Волгу. Уже впоследствии, когда Сталинградская битва закончилась, мы бродили по тому берегу и находили останки наших погибших товарищей в тельняшках.

Через много лет, когда мне довелось побывать на встрече ветеранов в Сталинграде, мы сфотографировались у памятника нашим воинам около элеватора. И я со смешанным чувством гордости и горечи прочел на плите у основания памятника слова (за перечислением нескольких воинских частей, здесь воевавших) «...особое упорство, стойкость и массовый героизм проявили здесь моряки-североморцы 92-й отдельной стрелковой бригады».

На левом берегу нас опять пополнили моряками, на этот раз с Тихоокеанского флота, и вновь переправили в город. Но это уже был другой район — так называемый банный овраг, где маленькая речушка Царица впадает в Волгу. Здесь нам пришлось воевать уже долго, и для меня Сталинградская битва закончилась на тракторном заводе. Как известно, основная группа немецких войск во главе с генерал-фельдмаршалом Ф. Паулюсом капитулировала 31 января 1943 г., а севернее, у нас на тракторном, два батальона эсэсовцев отчаянно сопротивлялись еще целых два дня. После этого мне довелось участвовать во многих крупных, тяжелых операциях Отечественной войны — и на Курской дуге, и в освобождении Харькова, и в Корсунь-Шевченковской и Яско-Кишиневской операциях, и в освобождении северных областей Румынии — Трансильвании, в боях за Будапешт, Вену и, наконец, Прагу, где я и закончил войну. Но Сталинград — это самая страшная, и жестокая, и героическая страница в моей боевой биографии, которая не стирается в памяти с годами. Ситуация усугублялась еще и тем, что в Сталинграде не существовало таких понятий, как «передышка» или «тыл». Днем и ночью — сплошное пекло. Линия обороны проходила в 100, кое-где в 150 метрах от Волги, а местами подходила вплотную к пляжу.

И при переправах, которые мне не раз доводилось совершать, было еще хуже, чем в окопах, на переднем крае: там ты был хоть прикрыт. На пляже и на транспортных средствах скапливалось огромное количество раненых, и под непрерывным минометным обстрелом немцев, сопровождаемым бомбежками «юнкерсов», приходилось заниматься еще и погрузкой раненых и разгрузкой боеприпасов. На память приходят некоторые испытания, выпавшие на мою долю в Сталинградской битве.

Поскольку наша бригада на «голодном пайке» — очень плохие тылы, не подготовленные к войне, не хватает боеприпасов и всего остального, — заместитель командира посылает на противоположный берег организовать подвоз боеприпасов. Вооружившись автоматом ППШ, что тогда еще было большой редкостью, ночью я ожидаю баржу. На берегу скопилось огромное количество раненых, тут же медсестры. И как только баржа причаливает и спускают сходни, весь этот поток сразу же, кто ползком, кто на костылях хлынул на палубу. Капитан (скипер) в отчаянии молит: «Ради Бога, подождите, мне надо разгрузить боеприпасы. Обратно с ними я уйти не смогу: они нужны здесь, иначе меня расстреляют». Но кто его станет слушать, когда у бойцов, сплошь и рядом, несколько ранений, и это последний шанс сохранить жизнь. Никто не сходит: ситуация принимает весьма драматический характер. А я тоже по сходням взобрался, уселся на ящик с патронами и жду, чем все это кончится. И в это время рядом в воду хлопается мина, осколок которой как раз попадает под меня. В ящик с патронами... Тогда я был неопытным юнцом и мысленно уже пригото-

вился на тот свет: сейчас взорвется. На самом деле патроны так просто не взрываются, и я отделился только страхом и сильным потрясением.

Второй эпизод. Ноябрь, на Волге шуга — рыхлый лед вперемешку с водой.

И опять та же задача — попасть на левый берег, приказ обеспечить подвоз боеприпасов. Мы вдвоем с Володей Мищенко, отчаявшись найти средство переправы, а ждать мы не могли, крадем лодку у соседей — из 10-й дивизии войск НКВД! Но на середине реки нашу лодку затерло льдом и понесло вниз по течению. Причем если там, откуда мы отплывали, немцы были еще в 100 — 150 метрах от берега, то внизу, в районе Бекетовки, они располагались с пулеметами крупного калибра и уже непосредственно на прибрежной полосе. Так что нас несло на верную гибель. Мы попытались пробить лед противотанковыми гранатами ударного действия, которые взрываются сразу же от удара, в отличие от пехотных гранат дистанционного действия. Легли на дно лодки, но все наши попытки не привели к нужному результату. И когда мы оказались примерно метрах в 80 от левого берега, а Волга в этих местах широкая, нам удалось выломать — не знаю, откуда уж взялись силы — скамейки (банки по-флотски), побросать их на лед и в ледяной кашеце поползли на тот берег. Нас там заметили, начали бросать концы (веревки) и кое-как вытащили. Но выяснилось, что нас основательно отнесло от тылов, и в мокрой, насквозь промерзшей одежде километра три или четыре нам пришлось еще бежать, чтобы добраться до расположения наших тылов. Там нам налили по солдатской кружке водки, дали по куску колбасы, переодели в сухое белье и гимнастерки и, поскольку никаких строений рядом не было, зарыли в повозки с сеном. Как это ни странно, проснулись мы как ни в чем не бывало: не чихали, не кашляли. Никогда я не отличался богатырским здоровьем, но на войне оживали какие-то потаенные ресурсы человеческого организма.

Следующий эпизод возвращает меня в конец сентября. Место действия — остров Заячий, практически голый. Ночью туда переправили с левого берега Волги ящики с патронами, гранатами. Через рукав Волги, который подходил к самому Сталинграду, саперы на глубине 20 сантиметров под водой из двух досок и натянутого поверху каната соорудили такой мостик, чтобы его не видно было с воздуха. Каждый из команды нагружал на себя ящик с боеприпасами и перебирался по этой хлипкой переправе. Поскольку я был самым юным из всех, то получил команду «Сиди и караул, пока мы будем носить. Как доберемся до последних ящиков — пойдешь с нами». Я остался. Замаскировал ящики какими-то веточками, кустарником и ходил взад-вперед. И вдруг раздался свист — ложись, снаряд летит! Я уже начал падать, как вдруг какая-то неведомая сила — уж не знаю ее происхождения, в сверхестественное я не верю — выпрямляет меня и буквально удерживает в вертикальном положении. Как выяснилось чуть позже, я был спасен от верной гибели: то был не снаряд, а мина. Как известно, снаряд взрывается, зарываясь немного в землю, при этом осколки разлетаются веером. С миной дело обстоит иначе. Она, как и противотанковая граната, ударного действия, и осколки при ее разрыве сразу же летят горизонтально. Так что я стоял, а у меня между ног буквально «сбрило» всю траву, но ни один осколок меня не задел. Если бы я лег — неминуемо превратился бы в решето...

На войне, как и в обычной жизни, трагедии перемежались эпизодами, которые иначе как забавными, а то и просто комическими не назовешь.

Любопытная деталь: в Сталинграде штаб знаменитой 62-й армии генерала В.И. Чуйкова, которого я много раз видел, вопреки всяким уставным правилам располагался ближе к передовой, чем, скажем, штаб нашей бригады. Это объяснялось тем, что он был размещен в крепкой бетонной трубе, по которой стекала речушка Царица, а для нашего штаба метрах в пятидесяти от него в овраге были вырыты блиндажи.

И вот однажды мне довелось наблюдать, как повар в блиндаже готовил обед полковнику — командиру нашей бригады. Вдруг вижу, повар хлопает себя по щеке: в руке у него — пуля, которая на взлете угодила в крошечное оконце и стала его добычей. Бывали такие парадоксы со счастливым исходом.

Когда немцы были окружены под Сталинградом — это произошло после 19 октября, — вокруг них замкнулось кольцо: снаружи наступали наши свежие дивизии, а мы изнутри тоже понемногу начали продвигаться. Я был на наблюдательном пункте штаба бригады: под каким-то деревянным домом была вырыта щель, в которой вместе со штабным начальством расположился и я. Что значит наступать в условиях разрушенного города? Ну, продвинулись мы от нашего бруствера по развалинам домов на 50, потом на 100, потом на 200 метров. Затем немцы вдруг перешли в контратаку, и довольно энергично, несмотря на то, что были окружены.

А в то время на нашем фронте уже появились реактивные минометы «катюши». Но их позиция находилась на противоположном левом берегу Волги. С нашего наблюдательного пункта пере-

дали их координаты. Последовал залп «катюш». Но так как рассеивание у реактивных снарядов (РС) весьма велико, половина их попала по немцам, а половина по своим. Был у нас командир комендантского взвода, молодой лейтенант — очень симпатичный мальчик. А фельдшером в штабе бригады служила старший лейтенант, очаровательная молодая женщина-француженка — дочь французских коммунистов-эмигрантов, живших в Советском Союзе. Естественно, все мужчины, ее окружавшие, «положили на нее глаз». Но лейтенант буквально умирал от любви, не мог спокойно смотреть на француженку. И вот надо же такому случиться, что осколок от «эрэса» попадает ему в попу. Это легкое ранение. Но весь трагизм в том, что здесь, в присутствии всех, ему пришлось снять штаны, а его Дульсинею вытаскивать осколок из его «мягкого» места и забинтовывать... Залп «катюш» немцев не остановил, и мы все почувствовали себя крайне неудобно. Смотрим, до этого немцы были метрах в 400 от нас, а тут в каких-то 150 метрах. И выручило нас только то, что рядом располагались боевые порядки 13-й гвардейской дивизии Героя Советского Союза А.И. Родимцева — блестящего комдива. У него в боевом порядке в окопах располагались пристрелянные 76-миллиметровые дивизионные пушки. Когда соседи поняли, что у нас происходит, их батарея из четырех пушек дала по немцам несколько залпов картечью прямой наводкой. Этого оказалось достаточно, чтобы немцы откатились обратно.

Завершая рассказ о Сталинградской эпопее, хочу отметить, что для меня медаль «За оборону Сталинграда» — очень высокая награда, не ниже, чем любой из заработанных мною впоследствии боевых орденов.

Вообще война — большая для каждого ее прошедшего тема, и я долго не затрагивал тех давних событий. Но вот на торжествах по поводу очередного Дня Победы меня, что называется, «раскололи», и я начал понемножку делиться своими воспоминаниями.

Курская дуга

Чего только не было в моей фронтовой биографии, но особую гордость я испытываю, вспоминая происшедшее в ходе боев на Курской дуге. Это была уже существенно иная обстановка, чем в ходе Сталинградской битвы, когда стояли насмерть и временами с трудом понимали, где кончается жизнь и начинается смерть. На Курской дуге прежде всего усилиями наших выдающихся полководцев Г.К. Жукова, А.М. Василевского и К.С. Рокоссовского была создана глубоко эшелонированная оборона — 3 рубежа из нескольких оборонительных линий, причем очень своеобразная.

Первую линию составляли стрелковые дивизии со своей артиллерией, затем — чего раньше никогда не применялось в ходе военных батальонов — чисто артиллерийские дивизии. Буквально через каждые 70, 100, 150 метров стояли пушки, зарытые в землю. Точно так же была выстроена линия обороны из танков, зарытых в землю. И все это венчала линия опять-таки из пехотных дивизий. Наше командование было очень хорошо информировано о планах немецких генералов и из сообщений англичан, раскрывших немецкие шифры, и по данным нашей разведки.

Операции июля-августа 1943 г., оборонительная и наступательная, проведенные Советской армией в районе Курского выступа, стали одной из крупнейших битв второй мировой войны. Наша 92-я отдельная морская стрелковая бригада после боев в Сталинграде была объединена с 13-й бригадой, и была создана 93-я гвардейская стрелковая дивизия, впоследствии ставшая дважды Краснознаменной (т.е. двух орденов Красного Знамени) орденов Кутузова и Суворова Харьковской стрелковой дивизией, а после окончания войны — 35-й механизированной (естественно, тех же орденов) дивизией. В ходе Курской операции мы стояли на первой линии обороны. Когда началось наступление немцев, нас, конечно, очень интенсивно бомбила немецкая авиация, но это был уже не Сталинград: в небе появилось немало наших самолетов, которые летали на бомбежки немецких позиций. В общем, мы чувствовали себя попрочнее. Наша дивизия состояла из хорошо обстрелянных четырех (№ 278 — 281) полков и частей усиления — инженерных, артиллерии и др. Это уже была действительно серьезная сила.

Тем не менее в ходе начавшегося наступления немцев ситуация на фронте стала складываться так, что справа и слева вражеские войска стали теснить наших соседей и перед нами замаячила угроза окружения. В этих условиях меня вызывает начальник штаба дивизии полковник Галкин, очень хороший офицер, имевший младший офицерский чин еще в царской армии. Недовольный тем, как нас снабжают тылы, он отдает мне приказ: «Сядишь в машину, бери двух человек, наведи там «широху» и заставь, чтобы сразу погрузили ящики с гранатами и бочку с водкой. Чтобы мы потом могли пробыть». Как сейчас помню, взял я с собой Жору Белявского — опытного матроса, плававшего когда-то в торговом флоте, и Петро Шутикова из Рязани, молодого парнишку, и на полторке — старом «газике», у которого дверцы кабины держались на веревочке, мы двинулись в тыл. Когда мы проезжали

необычно узкое место у оврага, я огляделся и остолбенел: слева идет стрельба, а немцы уже в каких-то восьмистах метрах отсюда. И чувствуется, что наши постепенно все больше отходят. Посмотрел направо — а там немцы еще ближе. Стало ясно: окружение смыкается.

В это время на нас налетели два «мессера» — их всегда было предостаточно — и стали поливать нас из пулеметов. Нам опять крупно повезло, рядом овраг, в который мы немедленно повыпрыгивали из машины. Отстрелявшись, немцы улетели. Мы вылезли, смотрим — машина вся в дырках, но мотор цел, работает, и скаты не пробиты. Сели, поехали дальше. Приехали в тылы дивизии. В помещении сидят двое: заместитель командира дивизии по тылу подполковник Тетельман и прокурор майор Бурдин. Сидят и как следует выпивают. Я к ним обращаюсь: «Вот, давайте нам то, другое, третье». Тетельман в ответ: «Ты что, рехнулся? Все уже, немцы кольцо замкнули. Скажи спасибо, что остался живой. Садись, выпьем». Я только что вышел из-под обстрела, разгоряченный. А кроме штатного пистолета ТТ за поясом у меня еще был маузер, который незадолго до этого подарил мне командир дивизии. Я положил руку на маузер и заорал: «Грузите!» (Старшина — на подполковника!) Тот вызвал подчиненного, отдал ему команду: «Отгрузите все этому сумасшедшему!» — и, обращаясь ко мне: «Вон отсюда!»

Получив все, чего добивались, нагруженные, мы поехали по той же дороге обратно. На первом же попавшемся боевом посту нас останавливают и дальше не пропускают. Настроения те же: «Вы что, с ума сошли? Немцам подарки везете?» Делать нечего, принимаю решение пробираться на полуторке вдоль линии фронта, благо бой вроде бы стихал. А уже поздний вечер. Но ничего для нас не меняется: пробуем в одном, втором, третьем месте — нигде не пропускают. И уже наступает ночь, как мы натываемся на линию, где стоят наши танки. Оказался я перед пожилым капитаном, рассказываю в чем дело. И, наконец, удача: «Ну что ж, сынок, попробуй», — разрешает танкист.

Танковая часть размещалась на краю большого оврага. И мы стали по нему потихоньку спускаться, конечно, с выключенными фарами. Ехали, ехали, по карте я определил примерно, где мы находимся. Стали брать левее и все ждем — не дай Бог наткнемся на немцев. И вдруг окрик: «Стой, кто идет?» На счастье, оказалось, что это блокпост нашего 278-го полка. Спрашиваю: «Штаб дивизии на том же месте?» В ответ раздается: «Да». И мы прикатили в штаб. Уже глубокая ночь. Смотрю, почти все штабные расположения на завалинке хаты. Увидели меня и оторопели. Начальник оперативного отдела Яковлев и его заместитель Костя Ракитов — оба вскочили: «Куда ж ты вернулся? Мы ведь в окружении». Но тут начальник штаба Галкин их прерывает: «Подождите, подождите, — и отводит меня в избу «Показывай, как ты проехал». Я ему на карте весь свой путь проложил.

Прошло еще какое-то время, пока Галкин сходил в другую избу к командиру дивизии. Наконец он возвращается и отдает приказ частям: «Прикрыться охранением, потихоньку сниматься и за нами выходить из окружения». Уже забрезжил рассвет. И вновь нам везет. И если накануне все дни как один были солнечными, то наступивший окутан туманом, сильная облачность. Где-то летали самолеты, но нас никто не обнаружил и не бомбил. Начальник штаба посадил меня в свой «виллис» (эти американские джипы у нас уже были), и мы поехали обратно, повторяя путь, по которому я каких-то несколько часов тому назад добирался сюда. Оказалось, что в овраге есть заболоченные участки, и отдельные машины и пушки застревали. Остальные продолжали двигаться дальше. Вдруг с нескольких сторон раздались взрывы. Подоспевшие саперы установили, что мы следуем по заградительному минному полю! Прошлой ночью мне это и в голову не могло прийти: пронесло. Теперь пустили вперед саперов, и мы все-таки сумели выйти из окружения.

Не очень хочется говорить об этом, но на войне бывало всякое, и люди тоже попадались разные, в том числе и среди командного состава. Так, наш командир дивизии, пожилой генерал, очень любил «закладывать». И выйдя из окружения, он вместе со своим заместителем Тетельманом чуть ли не сутки пропьянствовал, благо и повод был подходящий. Для меня это обернулось тем, что оказалось порванным представлением начальника штаба к награждению меня орденом Боевого Красного Знамени — не знаю, чего уж наговорил в хмельном угаре командиру его зам. А порядок был такой: оформление награждения этим орденом обязательно шло через Москву, а орденом Красной Звезды имели право награждать прямо на фронте командарм и даже командир корпуса. И когда на следующий день начальник штаба зашел к генералу и пообщался с ним, он убедил его, что я заслуживаю высокой награды. Как мне рассказывал позднее адъютант генерала, было сказано: «Как же так, представили многих к награде за удачную операцию выхода из окружения, а можно сказать, главного “виновника” этого — Гильберга — забыли». Кончилось все дело тем, что когда несколько дней спустя к нам в часть приехал командир корпуса

вручать награды, свой первый орден Красной Звезды из его рук получил и я. Всего же за войну я получил три боевых ордена: два Красной Звезды и один Отечественной войны, который я получил, уже когда война закончилась. Четвертый мой орден — «Знак Почета» — это уже по моей нынешней специальности за пропаганду достижений советской космонавтики. Вручал мне его в Кремле Леонид Васильевич Смирнов, зам. Председателя Совета Министров СССР, председатель ВПК.

От Харькова до Праги. Победа

После Курской битвы мы двинулись на Харьков. Бои за этот большой промышленный центр были довольно ожесточенными. Некоторые улицы и кварталы по несколько раз переходили из рук в руки. До войны в Харькове жили отец, мать и брат моей матери. Я вошел в их квартиру буквально через несколько минут после того, как из этого дома ушли немецкие солдаты. Соседи сказали, что мои родные эвакуировались за день до прихода немцев.

В Харькове жила еще одна близкая родственница мамы — инвалид, которая с трудом передвигалась. После войны выяснилось, что она выжила: соседи-украинцы помогли скрыть, что она еврейка, подкармливали, продавали ее рукоделие.

После освобождения Харькова наши дивизия с боями прошла по всей Украине, форсировала Днестр, освобождала Молдавию, вошла в Румынию.

В это время Румыния вышла из войны, а вскоре румыны стали нашими союзниками.

В составе нашего корпуса появилась румынская дивизия. Ее тыловой обоз почти весь был на конной тяге. На каждой повозке были закреплены два маленьких портрета Сталина и короля Михая, лозунг «Траяска армата романо-советика» «Да здравствует румыно-советская дружба». А в штабе нашей дивизии появился постоянный связной на мотоцикле из румынской части.

После того как мы заняли центр Трансильвании Клуж, дивизия получила относительно продолжительный отдых. Мы действительно отдохнули и привели себя в порядок в этом красивом небольшом городе. А румынский связной — им оказался чемпион Румынии по мотоспорту — даже дважды «сгонял» на своем мотоцикле (ездил он мастерски, но на бешеной скорости) за триста с лишним километров через горный перевал в Бухарест за ликером. Рано утром — старт, к обеду — бутылка на столе.

Но все хорошее, как известно, быстро кончается. И мы вошли в Венгрию. А воевали венгры умело и ожесточенно.

Вместе с немцами они дрались за каждую улицу в Будапеште. В этом европейском городе дома стоят плотно один к одному (как у нас, к примеру, на Мясницкой). Почти в каждом доме подвалы в 2 — 3 этажа, и бой шел и под землей. Мы продвигались, пробивая стенки между подвалами соседних домов. А под Эстергомом нас яростно контратаковали, заставив немного отступить. Когда мы отходили, откуда-то появился старик, говоривший по-русски. Он сказал: «Мы понимаем, вы скоро опять вернетесь. Не озлобляйтесь. Мы не румыны. Они вчера были с немцами, сегодня с вами, завтра с американцами. Мы воюем до конца. Но когда будем с вами — это будет надолго».

После взятия Будапешта, когда бой утих, я поехал по этому очень красивому городу на берегу Дуная. Вновь побывал я в Будапеште, где изданы две мои книги, через три десятилетия.

После Венгрии дивизия вошла в Австрию. Взятие Вены — очередной этап моей биографии. Бои были здесь серьезные, но, пожалуй, менее ожесточенные — весна 1945 года, приближался конец войны.

Как только несколько стихли бои в городе, мы с несколькими офицерами отправились осматривать Венский лес — срабатывало впечатление от чудесного фильма «Большой вальс». Лес этот, а вернее парк, действительно хорош, но все же заметно отличается от того, что было в кино.

В Вене после боев мы находились на отдыхе несколько недель. Вскоре начались спектакли в оперном театре, несмотря на то, что он был поврежден прямым попаданием авиабомбы.

На одном из первых спектаклей вместе с новым командиром дивизии полковником Маролем присутствовал и я.

В антракте по рядам пошли актеры с подносами — собирали деньги на ремонт поврежденных. Поскольку мы находились в директорской ложе, к нам с подносом вошла примадонна. Я, конечно, расчувствовался и положил на поднос несколько крупных купюр оккупационных шиллингов. Актриса подошла к барьеру ложи, взяла меня за руку и, помахав деньгами, прокричала в зал, что господа советские офицеры внесли на восстановление театра столько денег. Публика встала и зааплодировала, а я с трудом удержался, чтобы не убежать (мне ведь был всего 21 год!)

Закончил я войну в Праге, в которую наша дивизия вошла в составе 2-го Украинского фронта (несколькими часами позднее 1-го Украинского). Когда началось известное восстание в Праге, мы были довольно далеко от нее. У меня был с собой трофейный полевой радиоприемник «Филипс», и я каждый час мог слышать раздававшееся на русском и английском языках тревожное обращение: «Прага восстала. Прага восстала. Просим помощи. Просим помощи...» К нам тогда подошли 300 американских «студбеккеров», на них посадили всю дивизию, и ускоренным маршем мы «рванули» на Прагу. Встречали нас пражане с необычайной любовью, стаскивали с грузовиков, обнимали, целовали и все порывались отвести к себе домой. Прага поразила меня своей организованностью. Чехи во время войны страшно бедствовали, но везде был строжайший учет и порядок, не могло быть и речи о грабежах: в этом мы сами убедились, когда попали на склад, где хранился табак. С нами – освободителями они готовы были поделиться последним. И еще нас поразило, что буквально на следующий день после освобождения увидели колонны гражданских немцев с каким-то домашним скарбом, колясками, детьми, под охраной чехов из числа повстанцев, направлявшихся к границе с Германией. В считанные дни все немцы были депортированы из Чехословакии.

ДОЛЬСКИЙ
Виктор Дмитриевич
профессор МПИ

Родился 19 декабря 1927 г. на Украине, на руднике Сорокино Сорокинского района Луганского округа (ныне – город Краснодон Луганской области).

С 1943 по 1947 г. работал в выездной редакции газеты «Комсомольская правда» в должности гравера, потом художника. Выездная редакция – агитпоезд, который по решению ЦК ВЛКСМ направлялся в освобожденные от немцев районы на восстановление народного хозяйства. Награжден девятью государственными наградами.

Образование получил в средней школе города Воронежа – 7 классов (1935 – 1942), затем в Саратовском художественном училище (1947 – 1952). Высшее образование – в Московском полиграфическом институте, на факультете ХТОППа в 1958 г. и начал работу там же.

В 1977 – присвоено ученое звание доцента.

За время работы в МПИ, МГАПе и МГУПе восемнадцать лет проработал на кафедре «Рисунок, живопись и композиция» в качестве ассистента, старшего преподавателя, тридцать лет на кафедре ХТОППа в должности доцента и в течение трех лет и по настоящее время является доцентом кафедры «Компьютерный дизайн».

Является почетным работником МГУ Печати.

Учебу в училище и институте, а также педагогическую и общественную работу всегда совмещал с творческой работой в области рисунка, живописи, композиции, с издательской работой по оформлению и иллюстрированию книжных изданий. Художественные предпочтения отдает рисунку и живописи. А главным делом жизни считает педагогическую работу.

Важной частью педагогической работы считает хорошее методическое оснащение и эффективную организацию учебного процесса.

Им лично и в соавторстве с коллегами по кафедрам «Рисунок и живопись» и ХТОППа были написаны программы и методические указания по ряду специальных и профилирующих дисциплин учебного плана.

Им был разработан новый в практике обучения специальный учебный курс «Познавательные изображения», создан к нему методический фонд изобразительных материалов, было подготовлено и издано учебное пособие «Познавательные изображения».

В настоящее время студенты пользуются обновленным, дополненным и переработанным им учебным пособием «Прикладная графика».

В марте 2008 г. в музее МГУПа состоялась персональная выставка работ В. Дольского, приуроченная к его 80-летию и 50-летию работы в МПИ-МГУПе, на которой были представлены живопись, графика, книжное оформление.

Воспоминания В. Д. Дольского, 2010 год

[Архив Музея печати]

Я родился 19 декабря 1927 г. в городе Краснодоне Луганской области на Украине в семье учителя. Учебу в школе совмещал с занятиями в изостудии Дворца пионеров. С 1930 по 1942 г. семья проживала в городе Воронеже. Война разлучила меня с родителями. Детство кончилось. Мне было 14 лет, когда в школе в 1942 году меня с группой оставшихся без родителей детей, находившихся в одном из районов области на летних полевых работах, эвакуировали в глубокий тыл (г. Омск). Определили в ремесленное училище. В марте 1943 г. перевели в ремесленное училище города Саратова.

Старший брат мой служил в армии, родители оставались в Воронеже. При отступлении немцев они оказались на станции Касторная Курской области. И таким образом в течение 6 месяцев были на территории, оккупированной врагом. В январе 1943 года их освободила Красная Армия, и они вернулись в Воронеж. Я увиделся с родителями только в 1944 году, во время краткосрочного отпуска.

В мае 1943 г. в составе восстановительного отряда я прибыл в освобожденный Сталинград на восстановление Сталинградского тракторного завода (СТЗ). Немногом раньше на восстановление СТЗ был направлен агитпоезд «Комсомольская правда». Однажды я познакомился с художником выездной редакции Коноваловым Виктором Яковлевичем. Кончилось это знакомство тем, что когда агитпоезд в ноябре 1943 года должен был перемещаться на новое место работы, меня в качестве гравера зачислили в штат выездной редакции. Мне было тогда 15 лет.

В агитпоезд входили редакция, походная типография, радиоузел, кинопередвижка, небольшая библиотека.

В мои обязанности входила подготовка к печати изобразительного материала. Чаще всего это были гравюры на линолеуме. В.Я. Коновалов не только научил меня резать на линолеуме гравюры, но стал подлинным наставником молодого художника.

Работа выездной редакции продолжалась с 1943 по 1947 г. За это время агитпоезд побывал 2 раза в Сталинграде (в 1943 и 1944), в Запорожье (на Днепрогэсе и на металлургическом комбинате «Запорожсталь»), в Кривом Роге, в Донбассе (на Енакиевском металлургическом комбинате). Здесь, в Енакиеве, в апреле 1944 г. судьба свела меня с будущей женой Галиной Васиной. Дальше путь агитпоезда лежал в Западную Украину (г. Львов, Ужгород, Мукачево). Потом были г. Буденовск Ставропольского края и станция Курганная Краснодарского края.

В августе 1947 года агитпоезд был расформирован как выполнивший свою задачу. Я приехал в г. Саратов, поступил в художественное училище, в котором учился с 1947 по 1952 г.

Учебу в училище совмещал с внештатной работой художника в областной комсомольской газете и областном книжном издательстве.

В 1953 г. вместе с Галиной я поступил в МПИ. Это естественный выбор: практически довузовский опыт определил нашу дальнейшую профессиональную направленность.

Галина поступила на технологический факультет, а я на художественное отделение РИФа. Факультета ХТОПП тогда еще не было. Он образовался в 1960 году, когда МПИ и заочный полиграфический институт объединились.

В 1958 г. я с отличием окончил МПИ и был оставлен на факультете для педагогической работы. С тех пор вот уже 52 года обучаю и воспитываю будущих оформителей печатной продукции: из них 19 лет на кафедре рисунка в должности ассистента и ст. преподавателя; 28 лет на кафедре ХТОППа в должности доцента; и 5 лет на кафедре компьютерной графики и анимации.

За время работы на факультете в 70-е годы прошлого века исполнял обязанности декана факультета ХТОППа, а также 14 лет (с 1977 по 1991 г.) избирался секретарем партийной организации факультета.

Свою учебу в художественном училище и МПИ, а также педагогическую работу всегда совмещал с творческой работой в области рисунка, живописи и издательской работой по оформлению и иллюстрированию книжных изданий.

МЛАДОВ
Анатолий Григорьевич
канд. физ-мат. наук, доцент МИХМ

Из мрака к свету

*[Воспоминания, опубликованы
в журнале «Вестник», 2005 г. № 11, с. 59 – 62]*

О боях под Сталинградом меня часто спрашивают: как это было на самом деле – как у Шолохова или как у Некрасова? Я неизменно отвечаю: бывало по-всякому...

В июне 1941-го я окончил 3-й курс Московского института тонкой химической технологии. С началом войны мы, студенты-комсомольцы, сразу пошли в райвоенкомат и потребовали отправить на фронт добровольцами. Нам отвечали: «Химики? О вас разговор особый. Ждите. А пока отправляйтесь-ка на трудфронт». И вот мы на подмосковной станции Хотьково на прокладке железнодорожного полотна в сторону карьера по добыче гравия для Метростроя. Но уже 4 августа 1941-го нас призвали в военную Академию химзащиты для зачисления слушателями. Практическое обучение мы проходили на полигоне близ города Гороховца Горьковской (ныне – Нижегородской) области. В октябре 1941-го Академию эвакуировали в Самарканд. Там мы занимались на полигоне и в лабораториях. Уже в марте 1942-го состоялся наш выпуск в звании лейтенанта. В петлицах – по паре эмалевых квадратиков, называемых по-простому «кубиками». Погон со звездочками тогда еще не было, как не было и понятия «офицер». Мы были командирами Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА).

Меня распределили в Забайкальский военный округ начальником химслужбы стрелкового полка, стоявшего близ границы с оккупированной японской Квантунской армией Манчжурией. Угроза нападения японцев на наш Дальний Восток тогда была реальной.

К июлю 1942-го пал Севастополь, и немцы двинулись на восток – к Волге, к Сталинграду и на юго-восток, на Северный Кавказ, стремясь затем захватить бакинскую нефть. В среднем течении Дона Сталинградское направление прикрывал Донской фронт. Сюда-то и прибыл наш 138-й стрелковый полк 399-й стрелковой дивизии из Забайкалья.

Мы сразу включились в тяжелые оборонительные бои, несли большие потери. Немцы продвигались быстро, имея подавляющее преимущество в танках и самолетах. Мы отступали, но массового панического бегства наших войск не было. Целый день над самой головой висела «рама» – так мы называли двухфюзеляжный самолет-разведчик «Фоккевульф-190». С него вражеские наблюдатели высматривали наши позиции, вызывая на нас то минометный обстрел, то налеты легких бомбардировщиков. Мы же зарывались в землю. Обороне способствовала местность: ровную как стол степь пересекали пологие овраги – «балки», поросшие орешником, терновником, дикими яблонями. Нам даже удавалось замаскировать там нашу немногочисленную технику.

В полковом штабе была маленькая рация, но проку от нее было мало. Применялась в основном телефонная связь, но и она не всегда позволяла узнать, что творится у соседей, на флангах.

А между тем немцы то и дело местами вклинивались в нашу оборону, и линия передовой из ровной оказывалась волнистой, по рисунку образуя как бы воланы. При этом немцы «услужливо» развешивали вдоль передовой осветительные ракеты, словно давая нам понять, что соседи отошли и нам тоже пора отходить, если не хотим попасть в окружение. И действительно, к ночи мы получили приказ на отход. Линия передовой временно выравнивалась.

Днем нас особенно беспокоили минометные обстрелы. С расстояния порой свыше 10 км немцы клали свои смертоносные тяжелые мины удивительно точно по целям, словно шары в лузу. Танки они, видимо, держали в резерве для решительных сражений. Мы воевали в полном неведении об обстановке на фронтах: даже фронтовую газету и ту не получали.

Числа 18 июля нам объявили, что сражаемся за Сталинград. Как раз тогда вышел и известный приказ № 227 «Ни шагу назад!» В наших боевых порядках появились штрафные батальоны (они и мы воевали на равных, в одинаковых условиях), а позади нас — заградотряды из частей особого назначения. Солдаты заградотрядов были рослые, откормленные, ладно обмундированные. Их задача была не с немцами воевать, а стрелять по нам же, если побежим. Но на нашем участке такого не было. Хватали отдельных беглецов.

В конце концов 8 августа 1942-го нас прижали к Дону. Пришлось спускаться с крутого правого берега и переплывать широкую реку под обстрелом танков. Плавал я хорошо. Привязал к доске сапоги, другие вещи — и в воду. Но свои минометы и другую технику мы утопили: с трудом съехав с кручи по единственной лощине к воде и скопившись там, она подверглась сильной бомбежке. Чудом осталась одна машина с зенитно-пулеметной установкой. Секрет «чуда» простой: машину за сутки до общей переправы начальник техслужбы полка «предусмотрительно» перевел на тот берег, вместе с собой, разумеется.

Два моих химических взвода были упразднены, переведены в пехоту. Я остался сам по себе. Мне приходилось дежурить на полевом телефонном коммутаторе при командном пункте, обеспечивая связь между штабом, батальонами и наблюдательными пунктами. Приходилось также помогать неопытным новичкам комбатам, так как кадровые, обстрелянные к тому времени выбыли ранеными или убитыми.

На левом берегу Дона, под городом Калачом мы долго не задержались, продолжали отходить к Сталинграду. Карт местности у нас, младших командиров, не было: то ли их не успели изготовить, то ли опасались, что в случае нашей гибели или ранения они попадут в руки немцам.

Как выяснилось, с отходом с Дона наша часть чуть запоздала и мы попали под кинжальный пулеметный огонь с флангов: со стороны Калача и со стороны Песковатки. Немцы стреляли трассирующими очередями — это было для нас тяжелым психическим испытанием, но, с другой стороны, легче было понять, куда двигаться из-под огня. Кроме того, в небе висели очень яркие осветительные ракеты: видно было каждую былинку. Передвигаться можно было только в короткие промежутки, когда ракеты гасли. Между немецкими пулеметами и нашей единственной зенитно-пулеметной установкой состоялась отчаянная дуэль. Одни наши пулеметчики были убиты, другие ранены. Но именно благодаря их подвигу мы, уцелевшие, остались в живых.

В ту пору наше боевое снабжение было из рук вон. Правда, нам своевременно и в достаточном количестве подвозили патроны и ручные гранаты. Да и то сказать, не будь этого, чем бы мы тогда вообще воевали?!

Однажды из нашего расположения дала залп батарея «катюш». Зрелище было впечатляющее. По слухам, испытав на себе наше новое оружие, немцы будто бы объявили реактивные снаряды «химическим оружием» и грозились в ответ применить отравляющие газы, но не посмели.

Отступали мы к Сталинграду по трассе будущего Волго-Донского канала, только в направлении, обратном его строительству.

Как-то на ночь глядя направил меня комполка с пакетом в соседний полк 135-й гвардейской дивизии, но она уже отходила, и вместе с нею я очутился в самом городе Сталинграде. Он был порядком разрушен, валялись на боку разбитые трамваи...

Когда я через пару дней вернулся, стоя на подножке попутной машины, в свой полк, мне пришлось вместе с комполка и комбатами останавливать и собирать наших бойцов, которые под натиском врага дрогнули и побежали с позиций. Хотя мы не применяли иных средств, кроме окрика сорванным голосом, удалось остановить бегущих, и мы снова закрепились. Это был населенный пункт Городище, неподалеку от станции Гумрак. По численности от нашего «полка» оставалось чуть больше батальона.

Вскоре я стал свидетелем ужасного происшествия. Как-то к вечеру все руководство нашего полка собралось у командного блиндажа покурить. Тут были комполка, комиссар, секретарь партя-

чейки, начштаба и единственный не выбывший из строя кадровый комбат. Поскольку «рама» улетела, то, как обычно, ни артобстрела, ни бомбежки не ожидалось. Как вдруг — «внеплановый» минометный обстрел. Три тяжелые мины рванули одновременно: одна с недолетом, другая с перелетом, а третья — как раз рядом с группой наших командиров. Один был убит, остальные серьезно ранены. Их тотчас понесли в медсанбат. Комполка, майор Казанский, закаленный еще в боях на Халхин-Голе, кавалер ордена Красного Знамени, человек волевой и решительный, видя, что все руководство выведено из строя, поначалу не хотел оставлять полк. Согласился, лишь когда начал терять сознание. Пришлось возглавить то, что оставалось от полка, одному необстрелянному лейтенанту из батальона.

Вдобавок в эти дни за нами стали охотиться вражеские снайперы: то одного бойца подстрелят, то другого. Но наша разведка обнаружила их логово — на бугорке по-над Яблоневого балкой. Будь наш комполка в строю, он бы приказал обезвредить снайперскую позицию этой же ночью. Возможно, тогда и моя судьба сложилась бы по-иному. Хотя у ночного боя тоже есть свои минусы. А наш молодой командир отложил вылазку на утро.

С рассветом наши стали выдвигаться для атаки. А надо сказать, что мы уже несколько дней голодали: еду нам не подвозили из-за тех же снайперов. А тут вдруг — машина со свежее испеченным хлебом из фронтовой пекарни. Хотя мы были просто голодны, но никогда в жизни мне не приходилось есть такой вкусный хлеб — южный, пшеничный, но не белый, а сероватый. И никогда больше не пришлось мне видеть хлеб, который ел. Пока я обеспечивал организованную раздачу хлеба, наши ребята пошли в атаку на снайперскую высотку. С ходу занять ее не удалось. Смотрю, бегут ко мне бойцы: «Лейтенанта убило!» Несут мне его документы и оружие. Хороший парень был Володька Арташев, вечная ему память... Он был сражен снайперской пулей в голову. Лишь много позже я понял, что в нашей дивизии причиной возросших потерь младшего командного состава явились гимнастерки, совсем новенькие и притом необычного серого цвета. Откуда они взялись, ума не приложу. Снабженцы предложили их командирам, и те с удовольствием переоделись в чистое. Но при этом стали сильно выделяться среди красноармейцев, обмундированных в грязное, порядком засаленное «хаки». Немцы это, конечно, приметили.

Но делать нечего, последним из командиров оставался я, а вылазку против снайперов надо было довести до конца. Местность была открытая, и мы снова атаковали, приближаясь к врагу мелкими перебежками. Вдруг чувствую — хлоп! Удар в правый висок, ближе к надбровью. Пуля того же снайпера. Проклятая серая гимнастерка была и на мне! Словом, сантиметром выше — и поминай как звали. Пуля прошла поверх правого глаза, через переносицу и вышла в левую глазницу. Удар был несильный, я остался в сознании, даже не упал. Я еще не знал, что потерял оба глаза, а с ними и зрение. Поначалу показалось, что левый глаз просто произвольно зажмурился от боли и скоро откроется. Меня окружила темнота. Я прилег на землю — не стоять же под пулями. Правую сторону лица забинтовал сам. Ждать помощи от своих пришлось долго. Мысль была одна: не попасть бы к немцам в плен. Это было 7 сентября 1942 года.

Потом меня подобрала, я шел на своих ногах. Из разговоров слышу, что немцы снова зашевелились, и мы отступаем. Короче, фронтовое равновесие нарушилось, все смешалось, и на пути в медсанбат мы даже попали под бомбежку своих же самолетов. Моего провожатого ранило. К счастью, меня подхватил другой — меня спасла свойственная русскому солдату взаимовыручка. В медсанбат пришли ночью. Знакомый мне начальник медслужбы Володя Рачков мои надежды развеял: пробиты оба глаза. Организовал перевязку и отправил в тыл.

Нас, раненых, доставили в Сталинград и перевели через Волжскую переправу — она исправно работала. На машине отвезли в город Камышин на правом берегу. Потом оттуда в город Энгельс, что напротив Саратова. Там положили в госпиталь, где мне 13 сентября сделали операцию: во-первых, грозило опасное воспаление, а во-вторых, врачи поначалу надеялись сохранить мне хотя бы несколько процентов зрения правого глаза. Этой надежде не суждено было сбыться...

Я долго лежал в госпитале. 13 сентября 1942-го мне сделали глазную операцию. Но потом до конца октября никаких лечебных процедур не назначали. Дальнейшая моя судьба была неясна. 7 ноября по радио узнал: на фронте обстановка сложная, немцы на Северном Кавказе.

9 ноября 1942-го состоялась врачебная комиссия, меня признали инвалидом войны (I группа). Поскольку до войны я жил в Москве с матерью, туда меня и отправили с сопровождающим.

Наступил 1943 год. Как и все, я с радостью узнал о разгроме врага под Сталинградом.

Была у меня еще надежда на медицину, и я обратился в клинику института имени Гельмгольца, где светилом был академик Авербах, уже преклонных лет. Но последняя надежда как-то вос-

становить частично зрение развевалась. Меня пригласили на беседу в ВОС — Всесоюзное (теперь Всероссийское) общество слепых, приемная которого находилась в Харитоньевском переулке. Встретили меня там хорошо, сочувственно. Именно там я познакомился с Игорем Владимировичем Проскураковым и Алексеем Серапионовичем Пархоменко. Первый потерял зрение в детстве, а второй юношей, из-за чьей-то жестокой каверзы. Он, как и многие, гонял на велосипеде и не заметил натянутую поперек дороги на уровне глаз проволоку. Они мне рассказали, что еще до войны окончили физмат МГУ по математической специальности. Новые друзья, как могли, меня ободряли, мол, не мы первые, не мы последние. И я вспомнил прекрасного математика Ольгу Николаевну Цубербиллер. Она преподавала в Московском институте тонкой химической технологии, 3 курса которого я перед войной окончил, и успела привить мне вкус к настоящей математике. В свое время школьная математика меня не вдохновляла: уровень преподавания был не такой высокий, как сейчас, особенно в школах с математическим «уклоном». Меня с детства привлекала астрономия. Запомнился мне также преподаватель Анатолий Болеславович Млодзиевский, впоследствии академик. Физика и математика шли параллельно, лектор, настоящий «артист» своего дела, для лучшего закрепления материала прибежал к необычным, но очень наглядным образам и приемам.

Продолжить обучение в том же вузе я не мог: во-первых, таких, как я, туда просто не принимали, а во-вторых, потом нельзя было найти работу. И я выбрал математику, поступив на мехмат МГУ в 1943 году, когда университет вернулся в Москву из эвакуации.

Конечно, обучаться мне в университете было очень трудно. Для людей, лишенных зрения, печатается познавательная и художественная литература выпуклым шрифтом Брайля. Но для высокой науки эта технология громоздка и непригодна. Поэтому все приходилось усваивать на слух. Невозможно оценить, сколько сделала для меня мать: когда я вернулся с фронта, ей было всего 47. У нее не было высшего образования, только дореволюционная гимназия. Много работал я с секретарем. Помогали студенты-однокурсники. С одним, потерявшим зрение под Ленинградом, я особенно подружился.

Я окончил МГУ в 1948 году с отличием. Диплом мне вручал ректор университета Несмеянов, впоследствии президент Академии наук. Меня приняли в аспирантуру, и в 1952 году я защитил кандидатскую диссертацию «Об интерполяции целых функций и функций, аналитических в круге».

Распределению мы с моим другом не подлежали, работу предстояло найти самим, так как на мехмате мест не было. К счастью, через Минобраз мне предложили пойти в МИХМ. Здесь меня приняли, и я проработал 40 лет — до 1992 года. Работал доцентом кафедры Высшей математики на факультете Технической кибернетики и автоматизации химических производств. Подготовка по специальностям факультета отличалась высоким теоретическим уровнем. Чтобы быть «в форме», требовалось постоянно знакомиться со всем новым в своей области, не «переоткрывать» уже открытое. Хотя мне уже за 80, жизни без любимой работы, привычного дела себе не представляю. Поэтому связи с МГУИЭ не порываю. Так, в 2002 году мною издана книга «Задачник по теории вероятностей».

Особая благодарность за заботу обо мне — моей супруге Зинаиде Андреевне. Мы с нею были знакомы давно: она была младшей подругой моей матери, которая перед кончиной намекнула мне попытать счастья. Я все не решался, и тогда Зинаида Андреевна сама предложила создать семью. И, конечно, без ее помощи и поддержки моя преподавательская деятельность была бы невозможна. Я диктовал ей математические выкладки конспекта по памяти, а она воспроизводила их на доске. Трудно ли удерживать в памяти сложнейшую математическую проблематику? Помогала тренировка и прежде всего то, что математика строится на строжайшей логике. Кстати, известно, например, что великий математик XVIII века Эйлер в конце своей долгой жизни, утратив зрение, диктовал дочери последние математические труды, а их было немало.

Я не ощущаю себя оторванным от жизни. В свободное от научных занятий время люблю слушать музыку. Здесь у каждого свои пристрастия, но мне по душе классическая: Моцарт, Бетховен, Шопен, Чайковский, Рахманинов. Некоторых композиторов я воспринял не сразу, не с первого прослушивания. Должен сказать, что путь к наслаждению высоким искусством требует известных усилий. И оно стоит того.

О Ф Ф Е Н Г Е Н Д Е Н

Иосиф Моисеевич,

гвардии старшина, выпускник МПИ

Родился в 1925 г. в Киеве в семье инженера-строителя. В 1934 г. семья переехала в Москву, учился в школе, занимался в художественной студии при Государственном Центральном театре юного зрителя, но в 1941 г. эвакуировался на Урал – г. Асбест Свердловской обл., куда отец был назначен на спецстроительство. Там продолжил учебу в школе и одновременно работал на военном заводе. Осенью 1942 г. призван в армию (с 10-го класса).

В армии с 1942 по 1946 г. Осенью 1942 г. был призван в ряды Красной Армии, направлен в Камышловское пехотное училище, откуда добровольно в мае 1943 г., выехал в линейную часть и участвовал в наступлении армии в районе Курской дуги. Сражался в составе 13-й гвардейской Полтавской с.д. генерала Бакланова соединения гвардии лейтенанта Радимцева. Прошел путь от Курской дуги до Праги, воевал в Румынии (май – август 1944 г.), в Польше (август 1944 – январь 1945 г.), в Германии (январь – май 1945 г.), Чехословакии (май – октябрь 1945 г.). В составе Центральной группы войск маршала Конева в Австрии (октябрь 1945 – февраль 1946 г.). Был командиром стрелкового взвода полка, управления противотанкового дивизиона, командиром отделения разведки этого артдивизиона, комсоргом 4-го противотанкового истребительного дивизиона. Был трижды ранен и контужен. Демобилизован в 1946 г.

Награжден орденом Славы III степени, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

После окончания в 1947 г. ШРМа поступил в МПИ на РИФ (художественное отделение), который окончил в 1952 г. Активно работал в «Канонаде» (стенной газете института). Уже на последних курсах его фамилия появлялась в журнале «Юность», куда его по окончании института пригласили работать. И он работал там до конца жизни. Много работал в «Крокодиле». Стал признанным карикатуристом. Работал и в других центральных изданиях Ленинграда, Киева и других городов.

Воспоминания И. Оффенгендена

[Опубликованы в книге «Мы из МПИ», том I, с. 440]

Первую карикатуру «опубликовал» в 9 лет в школьной стенгазете.

Понравилось.

Но о профессии художника не думал. Мечтал стать строителем, как мой отец.

Во время войны не рисовал. Было некогда. Правда, под Кировоградом командир полка майор Половец спросил у нас, солдат, – кто может сделать схему переднего края обороны противника? Вызвался и я. Изобразил, правда, не схему, а просто пейзаж. Он посмотрел и сказал: похоже. Поправки в мой рисунок внесла наша артиллерия.

После демобилизации по пути в инженерно-строительный институт сломался троллейбус у Московского полиграфического института. Зашел. Поинтересовался и... остался на пять лет.

Окончил институт. Стал художником.

Из воспоминаний Виктора Елизаветского

[Там же, стр.443]

У него в комнате практически не было вещей, на столе лежало много всяких бумаг, среди них газета «Красная звезда» военного времени. Он показал мне в ней маленькую статейку под заголовком «Подвиг сержанта Оффенгендена». В ней рассказывалось о том, как во время боев в Сталинграде четыре солдата под его командованием освобождали уцелевший домик для наблюдательного пункта и корректировки артиллерийского огня. Четверо солдат были убиты. Иосиф успел добежать до окна домика и бросил в окно две гранаты. Немцев убил, а сам получил ранение в руку. Удерживал домик до прихода наших. За этот подвиг был награжден орденом Красной Звезды.

Р Я Б О В А**Екатерина Васильевна (1921 – 1974)***к.ф.-м.н., доцент МПИ, Герой Советского Союза*

Родилась в 1921 г. в селе Гусь-Завод Железный Касимовского района Рязанской области в семье крестьянина. Окончила школу в 1939 г. и поступила на механико-математический факультет Московского государственного университета. В октябре 1941 г. добровольно вступила в ряды Красной Армии.

В октябре 1941 г. добровольно вступила в ряды Красной Армии, была зачислена в 122-ю авиачасть, которой командовала Марина Раскова. Училась штурманскому мастерству в штурманской группе, занимавшейся по спецпрограмме. С мая 1942 по май 1945 г. — на фронте. Сначала штурман звена, затем — эскадрильи. В составе женского авиационного 46-го гвардейского полка ночных бомбардировщиков прошла боевой путь от Ворошиловграда и Ростова к Волге и Кавказу до Берлина. Совершила 890 боевых вылетов, из них 600 с ГСС Н.В. Поповой. В 1945 г. ей присвоено звание Героя Советского Союза.

В июне 1945 года демобилизовалась и вернулась на учебу в МГУ, закончила его в 1948 году, была принята в аспирантуру и успешно защитила диссертацию. Была оставлена на кафедре «Теория упругости» механико-математического факультета в должности младшего научного сотрудника, затем — в 1953 г. — старшего научного сотрудника.

В июне 1955 г. пришла на кафедру теоретической механики МПИ, стала доцентом. За время своей педагогической деятельности вела большую общественную работу: являлась депутатом Московского городского Совета депутатов трудящихся III и IV созывов. Как депутат выступила в защиту интересов МПИ при получении материально-технической базы Мосрыбвтуза перед руководством Моссовета после перевода втуза в Калининград. Вместе со своим мужем — дважды Героем Советского Союза Г.Ф. Сивковым выступала перед студентами МПИ. Несколько раз в составе делегаций страны выезжала во Францию, Италию, Северную Корею, Болгарию, ГДР, Финляндию и Польшу.

Е.В. Рябова кавалер пяти орденов и многих медалей. Вышла на пенсию в 1968 г.

Из воспоминаний Е. В. Рябовой

[Архив Музея печати]

Герой Советского Союза М.М. Раскова формировала женскую авиационную часть. Со всех концов Советского Союза собирались к ней летчики, штурманы, техники, вооруженцы. Но женщины в авиации служило еще мало. И по призыву ЦК ВЛКСМ сотни девушек, никогда в жизни не державших оружия, не касавшихся плоскости самолета, пришли в авиацию. Так попала и в часть к Расковой я и многие другие студентки.

О буднях штурманской учебы Екатерина писала домой своей матери: «Мамочка, дорогая, обо мне не беспокойся. Мне так интересно учиться, каждый день я узнаю немало нового. Скоро мы закончим учебу, и я буду настоящим штурманом. Даже в такое тяжелое время нас учат очень основательно. Хочется рассказать тебе о своем первом вылете. Когда я подошла к самолету, мне стало страшно: смогу ли выполнить задание? Я же никогда не поднималась в воздух! Теоретически я все представляла, а вот там, в самолете... Никогда так не волновалась. Мне предстояло провести самолет по заданному маршруту. Вдруг заблужусь? А когда вышли на курс, все мои волнения мгновенно исчезли. Откуда только взялась уверенность и четкость? Когда мы сели на своем аэродроме, летчик сказал: «Думаю, что Вы станете хорошим штурманом».

Победа над собой — самая трудная победа, и Катя одержала ее. За время войны она сделала восемьсот девяносто боевых, в большинстве своем ночных вылетов, составивших почти полторы тысячи часов боевого полета, из которых каждая секунда могла стать последней в жизни летчицы.

«На фронт мы попали в мае 1942 года. Это были трудные для нашей Родины дни, дни отступления наших войск из-под Ворошиловграда и Ростова к Волге и Кавказу. Сначала мы, молодые штурманы, не умели ни точно выйти на цель, ни вывести самолет из прожекторов и обстрела, ни тем более вести машину. Поэтому в первые дни наши опытные летчики начали тренировать своих штурманов, учить их неписанным законам летного мастерства. Летали мы на самолетах ПО-2. Устойчивый в полете, легкий в управлении наш фанерный ПО-2 не нуждался в специальных аэродромах и мог сесть на опушке леса, в поле, на дороге или просто на деревенской улице. Наш полк был женским. Пополнения нам в тылу не готовили, поэтому в полку была организована учебно-тренировочная эскадрилья, в которой готовили летный состав. Очень скоро эта эскадрилья стала учебно-боевой. Днем — учеба, ночью — полеты. Спали мало.

Летать на боевое задание с молодым летчиком очень опасно. Полетам в прожекторах не обучали. Это обучение проводилось непосредственно над целью, да еще где-нибудь над Керчью или Севастополем, где сразу включалось до 40 — 50 прожекторов, а зенитных орудий и крупнокалиберных пулеметов не счесть. Нередко молодой летчик не выдерживал и, оторвав взор от приборов, смотрел, где находятся прожекторы, откуда стреляют. Прожекторы молниеносно ослепляли его, и он терял пространственную ориентировку (не знал, где земля, где небо). Самолет входил сначала в спираль, а затем в штопор, и так мог лететь до земли. Вот где пригодилось умение штурмана выводить машину из сложнейших ситуаций. За три года полковой жизни много пришлось пережить каждой из нас: и вынужденные посадки на изрешеченной пулями машине у передовой, и полеты над морем при сплошной облачности высотой 50 — 100 метров, когда возили продовольствие и боеприпасы окруженной в Крыму у села Эльтиген группе отважных моряков, и выход из кабины на плоскость летящего самолета над территорией врага, чтобы сбросить руками зависшую бомбу, и многое другое — всего не перечислить».

ШУРГАЛЬСКИЙ

Эдуард Филиппович

канд. техн. наук, профессор МИХМ

С началом войны семья Эдуарда Филипповича эвакуировалась из Тирасполя в Ростовскую область. Там он поступил в железнодорожное ремесленное училище, а в 1942 г. в 14 лет стал работать слесарем-подручным в авиационных мастерских 8-й воздушной армии. В 1943 г., во время Сталинградской битвы, получив водительское удостоверение, работал на «полutorке». За спасение машины во время бомбежки, склада боеприпасов награжден медалью «За боевые заслуги». Обслуживал узлы связи. В результате ранения был демобилизован, но остался вольнонаемным и с воинской частью прошел путь от Сталинграда, через Крым, Львов, Белоруссию, Литву до Австрии. Закончил войну под Веной 1 сентября 1945 г.

После войны экстерном окончил школу, в 1948 г. поступил в МИХМ. Был оставлен на кафедре «Холодильные и компрессорные машины и установки». Защитил диссертацию. С 1972 по 1998 г. был проректором института по учебной работе. Избран в Международную академию холода.

Сын полка

[Воспоминания Э. Ф. Шургалевского опубликованы в газете «За кадры химического машиностроения», № 11 от 16 сентября 2018 г. и «Вестник МГУИЭ», № 11, 2005 г., с. 55 – 57]

Родился я 16 сентября 1928 года (Украинская ССР, Киевская обл., г. Тетиев). До войны жил с родителями в городе Тирасполе Молдавской ССР. Отец был политработник воинской части, мать – учительница. С началом войны (мне было 13 лет) эвакуировался с матерью на эшелонах, поэтапно, по маршруту Одесса – Запорожье – Донбасс. Помню, эвакуация проходила организованно. Хотя эвакуировалось много мирного населения, нас почти без задержек пересаживали с эшелона на эшелон, на каждой станции был эвакуопункт, где бесплатно давали кипяток, хлеб, кашу, а также справку – тем, кто не смог захватить документы. В этом была личная заслуга организатора эвакуации Алексея Николаевича Косыгина (в 60-х годах он выдвинул экономическую программу, предоставлявшую хозяйственную самостоятельность предприятиям и колхозам, но она не была поддержана политическим руководством страны).

Конечным (но, как оказалось, не последним) пунктом эвакуации стала станция Алмазная в Донбассе. Там был металлургический завод, и я поступил в заводское ремесленное училище – учеником помощника горнового, чтобы получить рабочую карточку на питание. Учеба шла 3 часа в день, и 3 часа – вспомогательные работы в горячем цехе. Но фронт приближался, и следующим пунктом эвакуации стала станция Морозовская Ростовской области. Там меня приняли в ремесленное железнодорожное училище по специальности «ремонтник подвижного состава».

Это было время, когда летнее наступление немцев на Сталинград было в самом разгаре. По моей настоятельной просьбе и по ходатайству ж/д училища меня приняли в 59-е авиационные мастерские 8-й воздушной армии. Они располагались в железнодорожных вагонах, там проводили ремонт двигателей самолетов, иного авиационного оборудования. Я там был как бы «слесарь-подручник». Железные дороги и подвижной состав все время подвергались яростным бомбежкам немцев, которым в конце концов удалось разбомбить и нашу мастерскую. Тогда я попросился в 124-й автобатальон той же авиационной части. То было тяжелое время нашего отступления к Сталинграду. Стояла жестокая жара, отступали по голой степи, фактически пустыне. От немецких бомбежек и артобстрелов укрывались в неглубоких пологих оврагах – «балках». В воздухе господствовали фашисты. Фильм «Они сражались за Родину» по Шолохову с В. Шукиным в главной роли правдиво показывает эти события. Как настоящий кошмар вспоминается переправа через Дон.

В автобатальоне мне впервые подогнали армейскую форму – нашлось обмундирование самого малого размера, но маленьких сапог не было, так что я щеголял в гражданских ботинках, а ноги были в обмотках (позже мне справили сапоги – из маленьких женских).

До самого Сталинграда батальон обслуживал военные полевые аэродромы. Мы подвозили туда боеприпасы, снаряжение. Я был стажером на «полторке» (грузовик ГАЗ-АА на полторы тонны груза – ред.) Это была опасная работа. Самым страшным были бомбежки, когда едешь по открытой дороге в колонне и с машиной никуда не спрячешься. Тогда я пережил несколько десятков бомбежек, всякого нашего брата – водителей – погибло много, но я чудом остался жив.

Из Сталинграда наш автобатальон переправили на левый берег Волги, в район г. Ленинска. Примерно в 100 км к востоку от Волги шла железнодорожная ветка Саратов – Палласовка. В Палласовке мы загружались снарядами, стрелковым вооружением, продуктами и везли этот груз к Волге, где груз на пароме переправлялся в героически оборонявшийся Сталинград, а когда возвращались обратно, везли раненых. Все эти рейсы шли под обстрелом.

Потом была победа в Сталинградской битве и наше наступление на Ростов. Шел 1943 год, я уже научился хорошо водить машину, и мне в 15 лет выдали мое первое водительское удостоверение. Водил я легендарную «полторку». Наши шоферы, гораздые на выдумку, придумали зимой и в сезон распутицы заменять ее задние колеса колесами от ЗИСа, большего размера. И странное дело, всепогодная проходимость машины резко возрастала. В моей кабине над ветровым стеклом был короткий, «кавалерийский» карабин. Оружие было не совсем лично мое, так как было приписано не ко мне, а к машине, входило в ее штатное оснащение. Возле населенного пункта Зимовники я попал в серьезную бомбежку – на территории склада боеприпасов. Солдаты по «катушкам» вкатывали 50-килограммовые бомбы в кузова грузовиков. И тут, откуда ни возьмись – немецкие бомбардировщики. Были прямые попадания – склад охватили гигантские факелы. Стоял оглушительный грохот – рвались бомбы, и немецкие, и наши. Лежа, как и другие, поодаль в неглубокой ямке, я вдруг вспомнил:

там, в машине, под сиденьем остался новехонький комбинезон, который я еще не надевал ни разу. Какая-то неведомая сила подхватила меня и бросила в самое пекло! Как добежал до своей машины, как оказался за рулем, не помню — руки-ноги действовали автоматически. Машина, которая у меня всегда была хорошо отлажена, завелась сразу, и я инстинктивно дал полный газ. Грузовик стремительно рванулся вперед и вынес меня из огненного ада. Я долго не мог прийти в себя. Ко мне подбежал начальник колонны старшина Хохлов и отругал меня последними словами, а потом... стиснул в объятиях и расцеловал. За этот «геройский» поступок, спасший тем не менее доверенную мне машину, я был награжден медалью «За боевые заслуги». Однополчане меня поздравляли. О, если бы они знали истинную причину моей отваги! Не раз на полевых аэродромах видел я наших знаменитых летчиков. Помню двух асов, братьев-близнецов по фамилии Глинка. Различались они тем, что Борис был Героем Советского Союза, а Дмитрий — дважды Героем. Это были подтянутые, щеголеватые красавцы. Фюзеляжи их самолетов Як-3 были сплошь разрисованы звездочками по числу сбитых вражеских самолетов. А в Нахичевани, пригороде Ростова, я видел летчиц расквартированного там женского авиаполка ночных бомбардировщиков ПО-2. Чтобы их фанерно-полотняные машины не унесло ветром, девушки привязывали их к рельсам. В конце лета 1943 года наши войска стремительно наступали на запад. Мне уже поручали работы по обслуживанию узла связи, и однажды, когда я там находился в блиндаже, совсем рядом рванула «сотка», 100-килограммовая авиабомба. Я был серьезно ранен, одна рука была сломана в нескольких местах, и вдобавок получил контузию. И пришлось мне в сентябре 1943 года демобилизоваться — по состоянию здоровья. Но находиться вне армии, вне привычной мне атмосферы фронтовых дорог и полевых аэродромов я уже не мог. Я обратился с рапортом, и через политуправление воздушной армии мне дали возможность с 10 сентября 1943 года определиться в воинскую часть вольнонаемным, обслуживать узел связи, где я стал дублером водителя радиостанции, и на моем попечении находился ее движок на прицепе.

На мне оставалась военная форма, только без погон, красную звездочку на пилотке я сохранил. После освобождения нашими войсками Крыма путь нашей части лежал через Львов, Белоруссию, Литву, Польшу. Поскольку я был при радиостанции, то одним из первых узнал, что Знамя Победы водружено на берлинском рейхстаге. Весть об этом молнией разнеслась по нашей части, ее воспринимали как полную и окончательную победу в войне. Все наши пели, плясали, стреляли в воздух. Это было в городе Бунцлау (ныне Болеславец, Польша — ред.), где похоронено сердце умершего здесь полководца М. И. Кутузова (тело Кутузова было забальзамировано, перевезено в Петербург и погребено в Казанском соборе — ред.). День 9 мая 1945 года наша часть встретила, продвигаясь в Германию, а далее ее передислоцировали в чехословацкий город Брно, а затем на участок в 70 км западнее австрийской Вены. Моя служба в армии завершилась 1 сентября 1945 года, и уже 1 ноября 1945-го вся наша семья воссоединилась в Харькове. Весной 1946-го мы переехали в Кишинев. Там я экстерном закончил школу рабочей молодежи: за два года я фактически прошел программу шести классов: с 5-го по 10-й (начальное образование я успел получить перед войной). Приехав в Москву в 1948 году, я поступил на 1-й курс МИХМа. На фотографии того времени я выгляжу франтом: меня подстригли и причесали по последней моде, волосок к волоску, а на время фотографирования одолжили пиджак и галстук, так как своих у меня тогда не было.

Как я уже говорил, во время войны я служил не в тыловой войсковой части, а в прифронтовой, приданной авиации, действующей против противника. Свою службу я начал в звании «воспитанника». Нас, таких подростков, было довольно много в разных воинских частях различных родов войск. Звание «сын полка» сначала закрепилось за нами неформально, когда вышла и получила широкую известность одноименная повесть В. Катаева. Потом это звание было узаконено как воинское звание несовершеннолетних участников войны. После войны нам дали скромный, неприметный значок, но позже звание «сына полка» было подтверждено крупным красивым знаком, похожим на орден, и выдали к нему. Все удостоенные такого знака образовали Общество, имеющее региональные отделения. На моем удостоверении можно видеть автограф Элины Быстрицкой, а на ее — мой автограф. Во время войны отец будущей кинозвезды Быстрицкой, которой всесоюзную славу и всенародное обожание принесла роль Аксиньи по шолоховскому «Тихому Дону», был начальником передвижного госпиталя — санитарного поезда. Малолетняя девочка не только сопровождала его, но и ухаживала за ранеными и вскоре официально была определена в эту военную медчасть санитаркой. Считаю, что подвиг нашего народа в Великой Отечественной войне еще недостаточно оценен.

МОРОЗОВ
Петр Михайлович

доцент, зав. кафедрой философии и научного коммунизма МВМИ

Родился 6 июля 1920 г. в городе Сухиничи Калужской области в рабочей семье. В августе 1939 г. направлен ЦК ВЛКСМ на Курсы высшего военно-морского Черноморского училища (Севастополь).

По окончании их, в звании младшего лейтенанта с ноября 1941 г. по август 1942 г. — командир артбатареи 68-й морской бригады, затем в 419 истребительно-противотанковой артиллерии Северо-Кавказского фронта. Дважды ранен.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями.

После последнего ранения в январе 1943 г. — госпиталь на более чем год, одна за другой операции. В апреле 1944 г. ЦК ВКП(б) направил его на партийную работу в Ставропольский край, а крайком партии ко-

мандировал в Нагутский РК ВКП(б) в ту самую станицу, в которую его батарея вошла первой при освобождении ее от фашистской оккупации. Район был зерноводческий, рабочих рук не хватало, работали и днем, и ночью, и летом, и зимой. Все для фронта.

Затем Партийная школа, одновременно окончил Ростовский-на -Дону Государственный педагогический институт (исторический факультет).

В 1948 г. вернулся в Москву. Работал в Первомайском районном комитете КПСС г. Москвы, избирался депутатом Калининского районного Совета депутатов трудящихся. По совместительству преподавал историю партии в МЭИ.

С 1952 года на кафедре марксизма-ленинизма, а с 1973 г. — заведующий кафедрой философии и научного коммунизма.

На фронте

[воспоминания П.М. Морозова, опубликованные в газете «Мартеновка» 13 мая 1984 г. № 54]

Еще до войны я стал кадровым военнослужащим. ЦК ВЛКСМ направил меня учиться в Черноморское высшее военно-морское училище, в Севастополь. Вполне естественно, что в начале войны оказался на фронте. В звании младшего лейтенанта командовал артвзводом противотанковой батареи в составе 68-ой морской стрелковой бригады. Ее боевой путь начался под Таганрогом, а далее Ростов-на-Дону — Краснодарский край — Туапсе, где меня ранило, и я потерял связь со своими товарищами и по училищу, и по фронту. Проучившись более четырех месяцев, в конце 1942 года получил назначение в 419-й истребительно-противотанковый артполк командиром батареи в звании старшего лейтенанта. Полк находился под Моздоком.

Под Новый, 1943 год на Кавказе началось общее наступление, фашисты стремительно отступали. Уже 11 января моя батарея, минуя Минеральные воды, заняла крупную станицу — Нагутскую. Ночью этого дня через станицу прорывались на Запад большие силы, оставшихся у нас в тылу немцев. В жестоком, неравном бою силы наши редели на глазах, тяжело ранило и меня. Плотью повисла правая рука, острая боль в шейном позвонке, кровь хлещет изо рта. Как стало известно, много дней спустя — это результат пулеметной очереди с разрывной пулей. А пока за-

тащили меня в окоп... На рассвете от холода и голода я или очнулся, или проснулся и слышу нарастающий танковый гул, а вблизи немецкий говор. Открыл с трудом глаза и вижу на бруствере немецкого солдата, кого-то зовущего к себе. Подошел офицер. И ему было мало того (фашист есть фашист), что и лицо, и одежда у меня были залиты кровью. Думаю, и вид мой был полуживого существа. Офицер — фашист, держа папироску в зубах, взял у солдата гранату, спокойно заложил взрыватель и бросил в меня. Я успел поднять левую руку к глазам... Наши отправили меня в районную больницу.

ВЕДЕРНИКОВ
Анатолий Александрович

канд. наук, доцент кафедры «Экономика и организация производства», МАМИ

Оккупация, освобождение Советской Армией – таковы первые годы войны, пережитые Анатолием Александровичем. Затем учеба и работа на заводе «Электросталь», учеба в Институте стали. РК партии, Совет профсоюзов Москвы – это следующие этапы жизненного пути. С 1992 г. – в МАМИ.

Интервью с Анатолием Александровичем

[Взято студентами и опубликовано в газете МАМИ «Автомеханик», № 5, май, 2019 г.]

- Расскажите про Ваши военные годы.

- Когда началась война, я был беженцем в оккупации. Отец был в концлагере, маленькая сестра умерла. Я был в Смоленской области, нас освободила Советская Армия. Поступил учиться на завод «Электросталь», окончил с отличием и был награжден. В боевых действиях я не принимал непосредственного участия, все время проработал на заводе. Был комсоргом цеха, готовил батальон, окончил курс комсомольского работника.

- Как Вы попали в МАМИ?

- Я приехал из Электростали и занимался в основном комсомольской работой. В 25 лет поступил в Институт стали, а после его окончания был направлен на работу в Институт черной металлургии. В 1962 году работал в райкоме партии, в Совете профсоюзов Москвы, а в 1974-м был утвержден в должности научного сотрудника. После защиты кандидатской диссертации с 1992 года работаю в МАМИ.

- Где Вы встретили Победу?

- Я услышал известие о Победе ночью по радио. Утром приехал на завод, и там уже проводились праздничные мероприятия. Отметили Победу, получили трудовые награды и, конечно, были очень рады.

- Общаетесь ли Вы сейчас с товарищами?

- Общаюсь со многими товарищами, с которыми работали вместе, например с автором работы «Холодное давление металлов». К сожалению, из-за тяжелой работы на заводе их осталось уже очень мало, а кто-то уже не встает с постели.

- Что помогало Вам сохранять боевой дух в столь тяжелые годы?

- Я много и усердно работал, получил 13 трудовых наград. Почти вся молодежь из беженцев попала в армию, а я попал на завод в Электросталь. Нам постоянно внушали, что мы должны внести свой вклад в Победу. Нас награждали, наказывали, учили. Я проработал четыре года, работа была очень тяжелой, но интересной. Это был стимул приближения окончания войны, ради этого и старались.

- Что Вы хотели бы пожелать в этот день читателям?

- Для меня это очень тяжелый день, ведь на войне я потерял своего отца. Нам нужно укреплять экономику и оборону страны, чтобы таких трагических событий больше никогда не повторилось. Вся надежда на внуков, нужно воспитывать патриотические чувства в современном поколении, нужно создавать спортивные организации. Сейчас, к сожалению, нет достаточной инфраструктуры для занятий спортом. В советское время этому уделялось гораздо больше внимания. Мы, в свою очередь, стараемся делать большой вклад в воспитание из студентов настоящих граждан своей страны.

МИРОНОВА

Алиса Никитична

канд. экон. наук, доцент МАМИ

Родилась 12 апреля 1929 г. в Москве в семье служащих.

Отец – Бузник Н.Х. был начальником ОТК Акционерного Московского общества, на базе которого был создан ЗИЛ, после войны – к.т.н., доцент МАМИ.

В 1941 – 1944 г. оказалась на оккупированной территории (г. Николаев, Украина). Помогала подпольщикам. В Москву вернулась 20.12.44 г. В марте 1944 г. пошла в 5-й класс и в 1949 г. окончила школу с серебряной медалью.

Поступила в МАМИ, окончила вуз с красным дипломом. Направлена во Всесоюзный Научно-исследовательский инструментальный институт в экономический отдел, работавший со всеми инструментальными заводами страны.

В 1962 г. ее пригласили на кафедру организации производства МАМИ. В 1974 г. защитила диссертацию. Стала доцентом. В 2006 – 2014 гг. – профессор Академии бизнеса и управления.

В 2015 г. вышла ее автобиографическая повесть «Война в моей судьбе».

Война в моей судьбе

[Сокращенный вариант автобиографической повести
А.Н. Мироновой «Война в моей судьбе», М., 2015]

Я родилась 12 апреля 1929 г. в Москве в семье служащего. Мои родители с Украины, из г. Николаева. Папа, Бузник Никита Христофорович, окончил Николаевский кораблестроительный институт. В 1925 г. был направлен в Москву начальником ОТК Акционерного Московского общества (АМО), на базе которого был создан завод ЗИЛ, где он продолжал работать начальником ОТК – отдела технического контроля. Мама, Бузник Мария Дмитриевна, в том же году окончила Николаевский педагогический институт, факультет дошкольного воспитания. В Москве проработала 38 лет заведующей детским садом текстильной фабрики, находящейся на Волочаевской улице.

Город Николаев оказался городом моего детства и юношества, где и застала меня война.

Ежегодно, после школы, с 20 мая по 27 августа меня отправляли в г. Николаев к бабушке на отдых. Так было и в 1941 г., но несколько позже, так как бабушка приехала за мной в апреле и немного задержалась. Я перешла в пятый класс. В качестве поощрения меня отправили в Артек на май-июнь, откуда я вернулась 15 июня, а 20 июня мы уехали в г. Николаев. До войны до Николаева можно было добраться за 2 дня с пересадкой в г. Харькове. Таким образом, в г. Николаев мы приехали 22 июня в 10:00 утра. Вокзал был близко от нашего дома, нас встретили на извозчике, потому что вещей было много: постели, продукты (рис, сахарный песок, конфеты и пр.). В 10:30 утра мы были уже дома, а в 12:00 объявили о войне с Германией.

28 – 29 июня 1941 г. в городе было пока тихо, и жизнь шла своим чередом. Я по характеру была смелая, отчаянная и заводная. Верховодила мальчишками нашего квартала. В 1939 г. вышла книга Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». По книге был снят фильм. Режиссера я не помню, а фильм был интересный, глубокий, патриотический, одним словом, блестящий. В Москве он шел во многих кинотеатрах. Мы, дети, смотрели его по нескольку раз, желая быть похожими на Тимура. В городе Николаеве на нашей улице я считалась «столичной штучкой». Все вместе (книга, кино, характер и др.) привело к тому, что я организовала ребят нашего квартала (6 чел.). Мы пошли в военкомат с предложением помощи в сложившейся «военной ситуации». Нам посоветовали помогать семьям военных и пожилым людям. Этим мы и занялись. Убирались, приносили продукты, дрова, воду и прочее. Это было своевременно и важно. Начались перебои с хлебом и некоторыми продуктами (соль, спички, мыло и пр.). Хлеб продавали в палатках для хлеба, стоящих на перекрестках улиц. Его привозили к 12 – 13 часам, а очередь занимали в 8:00 утра.

В такой очереди 5 июля нас застала первая бомбежка. С запада раздался гул, небо потемнело. Гул нарастал, стали раздаваться (правда, вдалеке) взрывы, для нас еще непонятные. Потом мы поняли, что это взрывы, и с криками разбежались (в очереди за хлебом стояли в основном дети и пожилые люди). Грохот стоял ужасный, все вздрагивало, закладывало уши. Особенно было гулко и страшно, когда самолеты пикировали. Взрывались бомбы на важных объектах: вокзал, трамвайный парк, крупные промышленные постройки (в Николаеве около гавани находился экспортный элеватор Украины. В гавани стояло несколько груженых зерном неотправленных пароходов). Земля тряслась от взрывов, шум стоял страшный. Город замирал и в страхе гадал, что будет дальше.

Впоследствии мы ушли в болгарское село Терновка, которое находится в 7 км от г. Николаева, откуда родом мой отец и где живет много его родственников. Мы поселились временно у папиной сестры. В селе была тишь и благодать, как будто ничего не произошло, как всегда, работал колхоз. Колхозники собирали урожай овощей и зерна. Урожай 1941 г. был обильным невероятно. Мы, дети, тоже принимали участие: сортировали овощи, раскладывали по ящикам, которые спускали в подземное овощехранилище.

Все шло тихо и мирно до того момента, когда над городом (особенно вечером и ночью) появилось зарево от огня. Бабушка засуетилась: остался дом и вещи какие-никакие, но они были нужны для дальнейшей жизни. Они с дедушкой ушли (он ее одну не пустил). Из бабушкиного рассказа мы узнали, что город горел, магазины были разграблены, двери раскрыты, стекла витрин разбиты. Некоторые мешки разорваны, ящики разбиты, много рассыпано, раздавлено. Кругом грязь и ни души. Тишина. Стоят трамваи, автобусы, машины. Много огня и дыма. Город был пуст и страшен своим разгромом. Боев не было, город просто ждал своей участи. А люди, затаившись, не представляли масштабов бедствий: что вообще произошло 22 июня 1941 г., что их ждет и сколько времени все продлится. Город замирал и в страхе гадал, что будет дальше.

В центре города (Потемкинская улица) находилось самое хорошее трехэтажное здание банка серого цвета. На нем висел большой фашистский флаг и стояла немецкая охрана. Позже мы узнали, что это было гестапо. В остальном в городе все было как до войны, но интуитивно чувствовалось, что все уже чужое, холодное, т.е. инородное.

Бабушка, чтобы жить (или выжить), продала на толкучке почти все наши хорошие вещи и купила двух коз, которые в моей жизни в оккупации сыграли главную роль. Я начала их пасти на пустыре за нашим кварталом, на пустырях за трамвайным парком и вокзалом. На этих пустырях была трава, (правда, сухая), маслиновые (оливковые) деревья. Приблизительно с 20 — 27 августа начались немецкие карательные операции. На электрических столбах, которые шли посередине улицы, были повешены объявления с угрозами серьезных акций и расправ. Награбленные продукты велели вынести на улицу к электрическим столбам. Если этого не произойдет, первую проверяемую семью за невыполнение ждет расстрел. Так и произошло на следующий день. После расстрела одной семьи на всех улицах около электрических столбов стояли кучи мешков и ящиков, грузовые немецкие машины дотемна возили все на склады.

Второй указ касался мужского населения города. Было указание мужчинам города выйти на работу. В городе было создано несколько бирж труда.

Было указание прийти на пункты переписи населения. На этих пунктах была произведена рассортированная перепись населения: дети, старики, мужчины, женщины. Бабушка меня нигде не зарегистрировала. Были выданы карточки на хлеб: рабочим — 700 г, иждивенцам и детям — 400 г, пожилым и старичкам — 300 г. Хлеб был сделан из присланной на пароходах пшеницы, с добавлением проса и кукурузы. Он был или полусырой, или крошился, а норма хлеба, с учетом указанных причин, была мизерная.

На базарной площади, где каждый день с утра собиралось много народу, была построена внушительная виселица на пять точек (на этой виселице примерно через месяц стали вешать людей по разным причинам). В основном за воровство, саботаж, ночные действия и др. В течение оккупации (с 13 августа 1941 г. по апрель 1944 г.) все прекратилось. Повешенные, как правило, висели 3 — 5 дней для устрашения. По ночам часто раздавались выстрелы и даже были слышны перестрелки.

Приблизительно 10 — 15 сентября был оглашен еще один указ: «Лица еврейской национальности должны собраться 20 сентября с 10:00 до 14:00 часов на еврейском кладбище. Иметь при себе 5 кг багажа и суточный провиант». Им сказали: «Вас будут переселять в дома немецких колоний Украины, а немцев из этих колоний переселят в ваши дома». 20 сентября потянулась вереница евреев. Ушлые мальчишки из провожающих сумели как-то зацепиться за борт и узнали, куда едут машины. Это был овраг (по-украински балка), находившийся в 8 км от города, между селами Терновкой и Калиновкой. Там людей без багажа выстраивали вдоль оврага и расстреливали. Люди падали в овраг или убитые, или потерявшие сознание от ужаса. Немцы потом добывали из пистолетов шевелящихся. Из евреев оставили в живых и отпустили домой всех медицинских работников: врачей, медсестер, фармацевтов (у немцев специалистов этих профессий не хватало). Позже, в апреле 1942 г., их тоже расстреляли.

После всех вышеназванных указов в городе наступило относительное спокойствие. Работал рынок, открылись магазины, аптеки, но только для немцев открылись рестораны, казино. Появилось много приезжих немцев, которые действительно жили в еврейских квартирах. Их молодежь вступила в фашистские юношеские организации, форма которых — черный низ, коричневый верх (рубашка или кофта), красный галстук с фашистской вставкой и коричневая пилотка с кисточкой. Чем они занимались, что делали — не знаю, но по улицам города их ходило много. Таким образом, город превратился в глубокий немецкий тыл. К этим условиям жизни нужно было приспосабливаться неизвестно на сколько времени. И, как всегда, житейские вопросы решала мой мудрая бабушка. Она нашла преподавателя немецкого языка, чтобы я изучила этот язык. Оказалось, что у меня способности к иностранным языкам: хорошая память, наблюдательность, произношение (кругом была практика). Скоро я стала понимать, что говорят, и запоминала. Просто так, было интересно. Одновременно бабушка учила меня всем домашним делам: убирать, готовить, шить, вязать, вышивать и т.д. Бабушка говорила, что она не вечна, а мне придется выживать в различных условиях одной.

Я часто курсировала пешком между городом и селом (Николаев — Терновка), где у меня было много родни моего возраста и старше. У тети было большое хозяйство: корова, куры, свинья, огород, сад. Так что в селе я освоила и другие виды работ. Возвращаясь в город, я приносила кое-что из еды. А самое главное, я пасла и дошла наших козочек, наблюдая и запоминая произвольно и машинально, что происходило, и это оказалось впоследствии очень нужным.

Жизнь в городе проходила под усиленным контролем полиции и городских частей немецких солдат. Порядок на улицах, конечно, был, но народ чувствовал себя напряженно и неуютно: чужие, а не свои кругом, что от них можно ждать.

Меня никуда не пускали. Когда шла в село, надевала рваное толстое платье и волосы завязывала темным платком. Шла босиком. Такая форма была необходима, чтобы не привлекать внима-

ние. Я была высокая, статная, с красивыми пышными волосами. Коса была до пояса, вьющаяся. На «замарашку» никто не обращал внимание. В селе Терновке, можно сказать, чужих не было. Тихо, спокойно, по-домашнему. Колхоз «Комарово» работал, как и до войны в советское время. Колхозники что делали, то и получали на «трудодни». Однажды я пришла к тете. Была теплая осень 1942 г., мне было 13 лет. Я увидела сидящих около тетиного дома на завалинке трех ребят. Я знала их в лицо. Поздоровалась, завязался разговор: из какой части города пришла, что видела по пути, как переходила Ингульский мост (он длинный, приблизительно 300 метров), какой кордон, много ли проходящих и т.п.

Я ответила на все вопросы довольно точно, что их удивило (наблюдательность и память). Далее пошли другие вопросы: часто ли прихожу к тете, где еще бываю, чем занималась? Заинтересовали мои козы и где я их пасу. Могла бы я пройти по определенным улицам в центре города? Определить: какие и где там организации, где расположены казармы и прочее, все в таком духе. Все это сделать незаметно и информацию принести им (назвали день). Я не только принесла информацию, но и начертила схему важных немецких объектов двух улиц в центре города. Они меня поблагодарили. А через неделю горела комендатура. Еще через неделю дом коменданта города. На базарной площади было повешено четыре человека, можно сказать, случайных. Усилился ночной патруль и работа полиции.

Так началась моя работа по сбору и доставке информации. Бабушка об этом ничего не знала. В Терновке были и партизаны, связанные с Одесскими катакомбами. Сколько их было — я не знаю до сих пор. Я была связана со своей четверкой: Ваня Деордиев, Гриша Черно, Федор Мисаренко, Фатей Тодоров. Главным был Гриша Черно. Он давал мне поручения и получал информацию. Остальных видела, только когда чертила схемы. Вопросы задавали разные, что требовало дополнительного сбора сведений. Где они жили, с кем общались, я не знаю до сих пор. Так со сбора простой информации, с простых схем началась моя работа с партизанами. Кто осуществлял в дальнейшем действия — я тоже не знала. Знала только одно: после получения моей информации через какое-то время происходили действия. Потом были облавы, а затем на некоторое время наступала тишина. Со слов своей четверки я понимала, что люди, совершившие расправу, исчезали в Одессе, пока все не успокоится. Диверсий было за этот период много, особенно на судостроительных заводах, которые были превращены в заводы по ремонту немецкой техники. После ремонта техника уходила в действующем состоянии, но до поля боя не доходила: по дороге, далеко от города, взрывалась. Немцы усилили охрану завода, некоторые были арестованы и повешены на базарной площади, но ничего не помогало. Техника так и не доходила до фронта. Немцы бесились, зверели, но сделать ничего не могли. Я опишу только четыре серьезных действия, совершенных по моей информации и схемам. Подготовка к ним занимала довольно длительное время — от двух недель до месяца.

1. Взрыв склада горючего. Город Николаев, как все южные города, небольшой: на его окраине находился сад — сквер им. Петровского (суть названия не знаю). В мирное время сад-сквер был местом отдыха и вечерних гуляний. Поскольку это была окраина, он был довольно большой и просторный, немцы сделали здесь центральный большой склад горючего. Мне было дано задание определить: объем склада, т. е. сколько помещений, где и как расположены, как охраняется, сколько охраны, когда и как склад пополняется. Нужно было много времени, чтобы учесть и мелочи (определить: как одеты, как вооружены, где и в каких местах стоят или ходят, как отпускают горючее и многое другое). Это было первое, но очень серьезное задание. На сбор информации ушел месяц. Нужно было менять одежду, позиции, людей. Я приходила в этот сквер один раз в три дня. Каждый раз по-другому одетая, приходила одна или с кем-нибудь из подруг и ребят с улицы, ничего им не говоря. В сквере были качели, детская площадка, танцплощадка, скамейки, но все было в плачевном состоянии. Мы, приходя в сквер, то прыгали через скакалку, то играли «в классики», то делали вид, что что-то ремонтируем. В общем, приучили немцев к нашему присутствию, так что они на нас не обращали внимания. Когда все было изучено, я встретилась со своей группой, все рассказала (по памяти, без записи), нарисовала схему расположения склада на территории парка, в его округе и приблизительно внутри: бочки, цистерны, шланги и пр. Некоторые вопросы требовали дополнительной информации. Подготовка к взрыву склада также потребовала времени.

Ночью склад хорошо освещался, а утром в 7 — 8 утра 1942 г. как бы затишье, но уже светло. Все произошло к 7 ноября (дату точно не помню). Паника была ужасная: стекла в домах соседних кварталов вылетели, многие дома загорелись. Весь сад-сквер был в огне, немцы метались, чтобы подключить воду, но все было тщетно. Немцев погибло много, я все узнала со слов ребят (сама на то место не ходила до освобождения города в 1944 г.).

2. Я получила задание проконтролировать вокзал. Как уходят поезда, чем загружены, сколько вагонов, какое вооруженное сопровождение и др. Это задание мне было сделать проще: я пасла двух

наших коз за вокзалом. Территория была не огорожена, и там поле зелено-желтого цвета, простиравшееся довольно далеко. Я пасла коз утром с 10:00 до 13:00 и вечером с 15:30 до комендантского часа, чтобы успеть домой. Вокзал от дома находился недалеко. Поезда уходили двух видов: груженые товаром, людьми — днем и солдатами, командирами — вечером. Утренние поезда шли в Германию. А вот на вечерних отправлялись в отпуск, но скорее всего на фронт, так как южные города были уже глубоким тылом, где военные отдыхали, поправлялись после боев, набирались сил. Поезда с продовольствием охранялись только товарными вагонами с пулеметчиками (через 3 — 4 вагона), а к поездам с солдатами и людьми, направляемыми в Германию, добавлялись теплушки с лошадьми. Длина поездов была разная, самый длинный состав (минимум 15 вагонов) был с людьми, отправляемыми в Германию, с солдатами — приблизительно 10 — 12 вагонов, с офицерами на отдых — около 5 — 7 вагонов.

Всю информацию необходимо было запомнить, несколько раз проверить и только потом сообщить. Это было сделать несложно, так как пасла коз на расстоянии, и на меня никто не обращал внимания: выглядело это очень правдиво на протяжении двух — трех недель, когда трава еще была зеленая, а не сухая и колючая. Поезда стали взрывать на расстоянии в 30 — 50 км от города, где были пустыри без жилых селений, недели через две после моих наблюдений. Причем поезда с людьми, отправленными в Германию, «останавливали» в разных местах, отцепляли вагоны, деля их на несколько частей: с людьми, лошадьми, немецким сопровождением. Иногда завязывалась перестрелка. Люди с поезда разбежались. В основном это были женщины или подростки 14 — 17 лет. Маленьких детей немцы использовали в госпитале для забора крови. Иногда женщин перенаправляли в Одессу в катакомбы. В определенном месте стояли повозки с одеждой. Женщин переодевали, и они или уходили пешком кто куда, или их увозили (до Одессы из Николаева всего 120 км вдоль моря). Немцы, конечно, свирепствовали, брали «случайных» заложников, но сделать ничего не могли, так как менялись позиции и способы диверсий.

3. В городе открыли кинотеатр летнего типа, погода это позволяла. В нем демонстрировали немецкие фильмы (после Победы в 1945 г. их показывали в Москве). Все фильмы были для нас интересны, отличались от наших советских. Люди постепенно заинтересовались, особенно молодежь, и стали ходить в кино. Билеты стоили недорого на введенные временные деньги — карбованцы.

Впоследствии открытие кинотеатра оказалось ловушкой. Сеансы были дневные в 12:00 и 14:00. В тот день, когда меня не пустили, была проведена «немецкая акция». Между сеансами к входам в кинотеатр (их было три) вплотную подогнали грузовые машины. Несколько машин с солдатами, которые встали в оцепление у входов. Всех зрителей погрузили на машины, а потом в теплушки поезда. Наши, оказывается, следили постоянно за вокзалом и в этот день, не «дремали», были начеку. Они сориентировались и передали быстро по цепочке, что произошло. Город гудел — крики, плач, люди бежали на вокзал, который был оцеплен вооруженными солдатами. Никого, конечно, к поезду не подпускали, двери теплушек были закрыты и оттуда раздавались плач и крики. Но увы, сделать было ничего невозможно. Поезд уходил в кордоне войск, машин с пулеметами и усиленной поезда охраной. Позже, по разговорам, я поняла, что за 100 — 150 км был бой, много погибло с двух сторон, но молодежь из поезда спасли. Они разбежались кто куда, а значит, в основном спаслись. Некоторые из раненых освободителей этой акции повесили на виселице базарной площади, где они долго висели для устрашения, но это немцам не помогло. Шел 1943 г. До нас чудом доходили сведения, что наши освобождают занятые немцами города и приближаются к югу. Битва под Москвой, Курская дуга, Сталинград и многое другое. Люди передавали эти сведения с радостью. А между тем еще был глубокий немецкий тыл.

4. Хочу описать еще одно крупное освобождение, к которому я имела непосредственное отношение. Мне было дано задание собрать информацию о лагере военнопленных, который находился в 1,5 км от города к югу, по дороге в Терновку. Информации требовалось много, и разносторонней: территория, охрана, смена караула, приблизительное количество военнопленных, вывод их на работу, характер работы, какие машины приезжают, когда и сколько, как часто открываются ворота (они были одни) и прочее. На все про все мне дали два месяца, и опять в ноябре. Было очень, очень сложно. Я была уже старше — 14 лет, а сведения нужно было собирать на виду у всех. Дорога шла от Ингульского моста в село Соляны, расположенное по дороге в село Терновку. По этой дороге сновало много людей из разных окрестных сел, ехали подводы, арбы, машины (легковые и грузовые), работали пленные (прокладывали дорогу), много солдат и охраны. За ангарами был пустырь с разнотравьем, а за ним — поля колхоза (помидоры, лук, перец, баклажаны). Мне сейчас сложно вспомнить, как я это сделала, но сделала в срок (переодевание, сбор трав, присутствие на огородах и многое другое). Эта часть лагеря охранялась только тремя вышками. Меня несколько раз проверя-

ли. Но непрезентабельный вид, корзины с травами, овощами и хороший немецкий язык сделали свое дело. Когда я шла на «работу», в корзинке несла кое-какую еду, которую, не останавливаясь, раздавала пленным. Я видела, как пленные, поднимая камни, падали, и если не вставали, их пристреливали. Смотреть на это было страшно: изможденные, голодные, грязные. Поскольку я шла быстро, не останавливаясь, на меня не обращали внимание. Я быстро раздавала еду и говорила: «Не подходите». Несколько человек примелькалось, и я могла им сказать, что их участь попытаются облегчить (как не сказать!). А когда возвращалась домой в Терновку или в город, плакала от бессилия (и сейчас пишу и плачу: как в таком тылу удавалось что-то сделать! Это давало силы жить и действовать.).

И я все годы (1941 — 1944) была уверена, что все это временно, случайно, я вернусь домой в Москву, буду учиться и стану ученым. Это была моя мечта. Как все произошло и когда, я уже помню смутно.

Много погибло, так как было много немецких войск. Тем не менее пленным дали оружие (привезли на подводках). Защищались даже врукопашную, умирали, погибали, но защищались неистово. Лагерь был освобожден. Немцев разбили вдрезг. Присоединились жители из соседних сел, кто-то развел мост. На берегах собралось много машин, а сделать ничего не могли. Слух об освобождении этого лагеря военнопленных прошел по всей Украине уже в следующие два дня. Во многих местах города были развешаны листовки: «Не верьте немцам, они терпят поражение, скоро придут наши и нас освободят».

Немцы пустили машины с громкоговорителями: «Будет провокация, кто ждет своих — расстреляют на месте». Полиция устраивала ночные облавы: стучали в калитки, ворота, и если хозяйка открывала, расстреливали в упор всю семью.

Это был декабрь 1943 — январь 1944 гг. Было как бы и зверство, и затишье перед бурей, и освобождение города, и бои за город. Мы же не знали наших «катюш», не видели наших солдат. Все нас повергло в шок. Мы поверили немцам в то, что это провокация. За несколько дней до освобождения в городе наступила мертвая тишина. Город как бы притаился перед бурей. Так и произошло, 27 марта 1944 г. на рассвете началась жуткая перестрелка. Все содрогалось от взрывов. Мы, как всегда, спасались под столом. Это продолжалось до 11 часов, можно сказать, без перерыва. В период небольшого затишья, в 11 часов, бабушка решила открыть калитку и выглянула: по углам жилых кварталов улиц (их было четыре) стояли пулеметы, а бойцы по 3 — 4 человека окапывались, готовя пулеметы к обстрелу в конце квартала. Наш квартал был предпоследний, за ним была «оливковая роща», которая вела ко второму мосту через Днепровско-Бугский лиман. Этот мост был на востоке и вел на Одессу. Через 30 минут затишья опять начался обстрел. Пулеметчики двигались к роще, а их занимали другие. Вдруг раздался жуткий взрыв, земля сильно содрогнулась, и все сразу стихло, как говорят «наступила мертвая тишина», но люди боялись выходить (ведь немцы говорили, что будут провокации, и кто выглянет, будет расстрелян).

Бабушка моя не унималась, выглянула и спросила, крикнув: «Вы наши?» Ответ был один: «Наши, наши, мы освобождаем город». Что тут началось! На улице высыпали люди, стали целовать и обнимать друг друга, обнимать солдат, приглашать в дом. К нам в кухню набилось четверо солдат. Бабушка стала давать им еду, что было. Солдаты сели на пол, возле печки, ели и засыпали. Одежда на них и пилотки были грязные, обувь непонятно какая. В это время к нашей открытой калитке подъехала военная машина, из которой вышел майор (я его запомнила на всю жизнь). Небольшого роста, с черными волосами и черными раскосыми глазами. Попросил чаю. Бабушка дала ему морковный чай и вернулась в кухню, в соседнее помещение, где сидя спали солдаты, не доев, что им дали. Затишье длилось примерно около часа, и вдруг начался опять жуткий грохот. Били по нашему и соседнему кварталам. Один снаряд попал к нам в крышу и на чердак. Все стекла из окон вылетели. Большой осколок ударил (с ноготь), вонзился мне в левое колено сбоку (я сидела на корточках). Я потеряла сознание, и один солдат понес меня в дом, где остановился майор. Оказывается, тот был врач-хирург. Меня положили на стол, без наркоза вытащили осколок и привели в чувство. Все долго потом заживало, осталась впадина до сих пор. Я много лет хромала. Но мое упорство победило этот недуг. В институте я бегала стометровку и даже побеждала.

Вскоре, после небольшого затишья, опять началась стрельба, но в другом направлении. Оказывается, немцы ждали русских со стороны дороги на Одессу: на берегу были сделаны мощные укрепления, блиндажи, военное оснащение и, конечно, солдатское оснащение немцев. Собирались биться до последнего и город не уступать. Но не получилось. Наши войска наступали со стороны запада, откуда их не ждали. Бои шли за каждый квартал, за каждую улицу. Немцы в это время успели погрузить и вывезти архивы, нужную документацию, ненужное жгли прямо на улицах. Им было ни

до чего, лишь бы спастись. 29 марта город был освобожден. Войска-освободители шли в трех направлениях: на Одессу, на Терновку и Калиновку и, конечно, со стороны элеватора, где ходили поезда и была железная дорога. Люди на улицах встречали наших криками «Ура!», плакали, обнимали, не веря, что это наши, а не провокация, что мы свободны от немецкого ига. Что будет дальше, никто не задумывался.

Своих ребят я больше не видела (Ваню Деордиева, Гришу Черно, Федора Мисаренко, Фатя Тодорова). По всей вероятности, они ушли в Одессу воевать дальше. Война же еще не кончилась. До Победы оставалось еще почти полтора года. Казалось, что впереди все будет хорошо. Но увы, еще много негатива было впереди. Почти три года оккупации — это не шутка.

Я написала о своей судьбе с позиций пройденной Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. Несмотря ни на что, я осуществила свои мечты — стала ученым, любила свою работу, в процессе чтения лекций давала студентам уроки воспитания. Им было интересно, что есть человек, который, испытав тяготы войны, не сломался, а закалился. Я видела, что было до войны и что стало после войны. Никогда не надо падать духом — бороться, найти, освоить и не сдаваться.

ЕРОХОВ
Виктор Иванович

д-р техн. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный работник, МАМИ

Родился 7 сентября 1940 г. в поселке Суземка Брянской области.

В 1959 г. окончил Трубчевский политехнический техникум по специальности «техник-механик». В 1966 г. — МАМИ. Защитил докторскую диссертацию по специальности «Тепловые двигатели». Создатель двух признанных научных школ МАМИ: «Технология освоения нетрадиционных возобновляемых источников энергии, а также вторичных ресурсов»; «Экологическая безопасность и эффективность транспортных средств».

Почетный работник высшего профессионального образования.

Опубликовано свыше 500 преимущественно авторских (без соавторов) печатных работ (учебники, монографии, учебные пособия, методические указания и патенты). Общий тираж печатной продукции составляет свыше 7,5 млн экземпляров. Итогом научной деятельности является авторская публикация подготовленного пятитомника «Альтернативные виды топлива наземных транспортных средств».

Награжден орденами и юбилейными медалями, в том числе «75 лет победы в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

Неизвестные страницы мужества

[Личные воспоминания бывшего малолетнего узника фашистских концлагерей Ерохова Виктора Ивановича]

[Выражаю благодарность моему внуку Ерохову Никите Сергеевичу, студенту исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, за оказанную помощь в систематизации и обобщении исторических событий Великой Отечественной войны]

Историческая Победа нашего народа в юбилейном году приобретает особую значимость. Уходят в историю победители ВОВ — славные ветераны Великой Отечественной войны. Идеология фашизма в скрытой форме представляет опасность для нынешнего человечества. Важными представляются воспоминания живых непосредственных участников планетарной трагедии прошлого столетия.

Малолетние узники являются последними живыми свидетелями преступлений фашистов и нацистов, совершенных в годы Великой Отечественной войны. Они представляют принципиально новую в мировой истории категорию участников и жертв войны. В период Великой Отечественной войны через 14 тысяч фашистских концлагерей, гетто, тюрем и мест принудительного содержания прошли 18 млн узников, из которых 11 млн погибли. Каждый шестой из погибших был малолетним. Судьбы людей этой категории по известным причинам до недавнего времени малоизвестны и базируются на отдельных воспоминаниях.

Наша семья (отец – Иван Федорович, государственный служащий и мама – Елена Федоровна) проживала в поселке Суземка Брянской области. Сегодня это передовой рубеж России и базовый передний центр пограничной службы.

В первые дни начала Великой Отечественной войны отец был призван на защиту Родины и погиб 29 апреля 1945 г. у стен Рейхстага. Он был награжден медалями и орденами, в том числе орденом Славы.

В начале сентября 1941 г. фашисты оккупировали поселок Суземка и Суземский район в целом. Вооруженные немцы въезжали шумно и традиционно, на мотоциклах.

Впереди у меня были большие и малые концлагеря, места принудительного содержания – лагеря физического уничтожения и морального нечеловеческого унижения. Методы и процедура уничтожения мирного населения во всех концлагерях фашистами были доведены до автоматизма и непреклонно исполнялись.

Только через 24 месяца (два года), в конце августа 1943 г., войска Брянского фронта (командующий генерал Батов П.И.) и войска 48-й армии (командующий Романенко П.Л.) в течение 8-дневной Черниговско-Припятской наступательной операции освободили поселок Суземка и Суземский район. А я в этот период еще находился в концлагере, далеко от родного дома. В 1944 г. вместе с мамой вернулся из мест принудительного содержания и фашистских концлагерей. Между этими датами была ежедневная напряженная борьба за трудное выживание.

Спустя несколько дней после начала ВОВ, 29 июня 1941 г., вышла директива Совнаркома о необходимости создания отрядов партизан и подпольщиков, а также подготовке диверсионных групп для борьбы с вражеской армией на оккупированной территории. Государственные и руководящие органы Суземского района предвидели неизбежную ситуацию борьбы и проживания мирного населения на временно оккупированной территории и провели организационные мероприятия для специфической жизни населения. Партизаны при участии мирного населения построили оборудованные землянки и легкие убежища, сообщающиеся между собой партизанскими тропами. Они проходили через чередующиеся трясины и непроходимые болота. Чужих они поглощали, засасывали. Немцы панически боялись приближаться к спасительной партизанской территории. Суземский район в годы войны стал колыбелью и центром борьбы с немецкими захватчиками на территории Брянского леса, протянувшегося на 150 км по длине и ширине около 100 км от границы с Украиной, до г. Брянска. Партизаны и мирное мобилизованное население под руководством легендарного командира партизанского отряда Сабурова А.Н., насчитывающего первоначально 1800 бойцов, в 1942 г. на его базе организовали в тылу врага мощное партизанское соединение. Построили военный аэродром для связи с Центром штаба партизанского движения Верховного Главнокомандующего в г. Москве. Специальные рейсы самолетов доставляли партизанам оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты, военных инструкторов, а обратно на «Большую землю» отправляли раненых и больных.

Военный аэродром находился в лесной деревне Смелиж (30 км от Суземки). С марта 1942 по май 1943 г. крупнейший аэродром в тылу врага принимал ежедневно от 12 до 24 самолетов с «Большой земли». Аэродром поддерживал связь с партизанами Белоруссии и Украины. В настоящее время в деревне Смелиж создан скромный мемориальный комплекс.

Партизаны успешно вели борьбу по уничтожению живой силы и разрушали транспортные коммуникации, препятствуя передвижению военной техники и вооружений немецкой армии. Численность отрядов организованных народных мстителей достигла 20 000 человек.

Перед приходом немцев в поселок Суземка я вместе с мамой прибыл в расположение партизанского отряда «За власть Советов». После упрощенной проверки личности нас зачислили в состав отряда. В повседневной жизни взрослые занимались хозяйственными работами партизанского отряда. Проживали в глубокой землянке. Отвыкли от дневного света. Малолетних детей содержали исключительно в землянках. При возбуждении их закрывали подушками для соблюдения тишины и поддержания конспирации. Многие дети, к сожалению, погибли на глазах родителей. Но большинство мирного населения освоило правила жизни в лесу. В годы войны суземские леса служили убежищем, домом для многих нуждающихся в этом жителей.

Немцы неудержимо быстро стремились к захвату столицы нашей Родины — Москвы. На временно оккупированной территории фашисты наводили свои порядки. Их расправы над мирным населением не знали предела. В период подготовки к войсковой операции в Орловско-Курском направлении они провели карательную операцию против партизан и мирного населения. В ходе карательной экспедиции в Суземском районе были сожжены практически все деревни, поселения и хутора. За помощь партизанам сожгли значимую для партизан деревню Березовку. В деревне Пустырь фашисты заживо сожгли и отравили химическим отравляющим газом свыше 80 жителей. Командиром партизанского движения Матвеевым А.П., комиссаром Паничевым Н.С. и врачом партизанского движения Акоюном Н.Г. засвидетельствованы и оформлены документы по факту применения химического оружия против мирного населения. Возможно, это единственный факт вандализма, примененный фашистами в годы ВОВ. Впоследствии эти обличительные документы были представлены на Нюрнбергском процессе.

Заслуживает особого внимания исторический патриотизм нашего народа. В 1942 г. под Москвой идут жесточайшие бои. В глубоком тылу врага в ночь с 6 на 7 ноября (памятная дата) 1942 г. впервые у костра перед партизанами и мирным населением в деревне Березовке прозвучала песня на стихи автора — поэта Сафронова А.В. в музыкальном сопровождении композитора С. Каца (в авторском исполнении) «Шумел сурово Брянский лес». Краткое содержание события приведено на барельефе в музее «Брянский лес». Это душевное стихотворение трансформировалось в патриотический гимн партизан, ставший в дальнейшем гимном партизанской Брянщины и страницей славной летописи борьбы с фашизмом. Гимн был создан по личному указанию Верховного Главнокомандующего страны творческим организациям (Союзу писателей и Союзу композиторов) на слете командиров партизанского движения отрядов в г. Москве. В настоящее время поселку Суземка присвоено почетное звание «Поселок партизанской славы».

Моя необычная история выживания в шести концлагерях обусловлена социальным и партизанским статусом, предопределившим роль заложника.

Успешные военные операции партизан и мужественные действия мирного населения росли с каждым днем и вынудили немецкое командование проводить жесткие карательные операции и экспедиции. Расправы фашистов над мирными жителями не знали предела. Проведена повторная масштабная операция при участии полицаяв. Многих родственников фашисты расстреляли за помощь партизанам. Мне, малолетнему ребенку, врезалась в память история расстрела дедушки за службу в партизанском отряде. Моего дедушку, Федора Ивановича Ерохова, фашисты демонстративно казнили за изготовление лыж и необходимого снаряжения для партизан. Эти факты (наравне с другими) являлись моей сопроводительной информацией в немецких документах.

Награбленное имущество, зерно, скот и плодородную землю фашисты эшелонами отправляли в Германию. Для защиты награбленных эшелонов от партизан немцы прицепляли несколько вагонов впереди и сзади состава поезда с мирным населением с крупной надписью «ПАРТИЗАНЫ». Партизаны такие эшелоны не пускали под откос.

Пленных лиц помещали в лагеря или везли их обратно в товарных вагонах с надписью «ПАРТИЗАНЫ» в составе немецких эшелонов с живой силой, техникой и вооружением.

В результате карательной операции я был схвачен немцами и полицией в труднопроходимых и топких болотах. Нас выдал полицай. К началу 1943 г. я оказался в плену. Мы были размещены под открытым небом. За колючей проволокой. Впереди были большие и малые концентрационные лагеря, реализующие физическое и моральное уничтожение людей. В товарном вагоне с надписью «ПАРТИЗАНЫ» меня вместе с мамой первый раз фашисты пытались отправить в Германию. Партизаны преградили движение немецкого эшелона. В данном эпизоде силы были неравны. Немцы получили серьезную поддержку.

Мое принудительное пребывание в ряде фашистских лагерей обусловлено моим особым статусом в немецкой среде — «ПАРТИЗАН». Меня (как и других узников) фашисты использовали в качестве живого щита для защиты немецких эшелонов от подрыва партизанами.

Пеший переход в концентрационный лагерь в поселок **Локоть** Брянской обл. составил около 50 км и продолжался несколько дней. Поселок Локоть представлял собой стратегический перевалочный пункт лагеря-спутника «Освенцим». На карте военных лет, составленной фашистами, на временно оккупированной территории Брянщины в этом поселке была создана «Локотская республика», представленная немцами как форма нового порядка в качестве протектората — прообраз политического устройства захваченных территорий. Новоявленная республика собрала многих полицаяв и предателей, насчитывающих около 20 000 человек. Продолжительность существования узников в лагере-спутнике поселка Локоть составляла не более 7 дней, а затем их расстреливали и пополняли другими. Об этом чудовищном лагере снят кинофильм, приведенные в нем факты легли в

основу обвинения фашистов в их жестокости по отношению к мирному населению. Приведенные сведения находятся в открытом доступе современных электронных средств информации.

При очередном массовом расстреле узников (для очистки лагеря) мы с мамой оказались закрытыми телами погибших. При захоронении погибших местная семья спасла и спрятала нас в подвале. Самое большое зло на оккупированной территории представляли полиция, имеющие всегда связь с отдельными жителями из местного населения.

Далее лежал путь на Запад — в Польшу и Германию. Очень длительный пеший переход в сопровождении полицаяв завершился в г. Борисове Белорусской ССР. Концлагерь «Профинтерн» в г. Борисове был предназначен для лиц, считающихся особо опасными для фашистов. В лагере над узниками проводили нечеловеческие медицинские опыты, выжившие пациенты оставались инвалидами и не могли в дальнейшем создавать полноценные семьи. Расстрелы. Голод и холод. В лагере «Профинтерн» фашисты уничтожили около 1500 узников местного населения и пополнение из других регионов.

28 июня 1944 г. в результате проведенной войсковой операции «Багратион» армия 3-го Белорусского фронта освободила г. Борисов и оставшихся в живых узников концлагеря «Профинтерн». Приведенные и другие факты моего пребывания в концлагерях подтверждены документально.

После очередной карательной экспедиции, проведенной в концлагере «Профинтерн» в г. Борисове (Белоруссия), — снова дорога взрослого населения и малолетних детей на Запад. В товарном поезде с традиционной надписью «ПАРТИЗАНЫ», что сдерживало белорусских партизан от активных действий.

Нас доставили в Германию и поместили в концлагерь, состоящий из временных бараков, обнесенных колючей проволокой, под **Бреслау** (ныне — польский г. Вроцлав). Дети оставались в лагере в качестве заложников. Взрослые ежедневно выходили на работу по сооружению оборонительных укреплений города или работали у местных земледельцев. По мнению немецкого командования, город Бреслау, капитулировавший 6 мая 1945 г. под ударами 1-го Украинского фронта (командующий маршал Конев И.С.), должен был стать неприступной крепостью. Продолжительность содержания узников, по идеологии немцев, должна быть краткосрочной. Сформулированная идеология фашистов: концлагерь — фабрика смерти, работающая по конвейерному принципу уничтожения мирного населения.

Для снабжения немецкой армии снаряжением непрерывно шли эшелоны на Восточный фронт. И снова трудный путь на Украину и Прибалтику в товарном вагоне специального эшелона с надписью «ПАРТИЗАНЫ», доставляющем военную технику и живую силу для подкрепления немецких воинских частей. В пути, как всегда, нас не кормили. Пить не давали. Туалета не было.

Прибыли в концлагерь, расположенный на территории кирпичного завода в г. **Нежине** Черниговской области. Распорядок и содержание узников концлагеря организованы по немецкому сценарию.

Символом Холокоста (массового уничтожения нацистами этнических групп) стала известная операция немцев и украинских националистов под названием «Бабий Яр», проведенная 29 — 30 сентября 1941 г. Начало акции было представлено торжественно. Женщины, старики и дети получили приглашение прибыть с документами, теплыми вещами, в хорошей одежде в расположенные железнодорожной станции к 8 час. 00 мин. на торжественное мероприятие. Однако после массового сбора их направили совершенно в ином направлении — на окраину г. Киева, в район «Бабьего Яра», представляющего огромный овраг протяженностью свыше 2,5 км и глубиной около 5 м. Немцами и националистами за два дня было уничтожено около 34 000 узников, преимущественно еврейской национальности. Трагедия «Бабьего Яра» — это была не единовременная нечеловеческая операция. Приведена в исполнение новая система массового уничтожения населения по этническому принципу. Помните и думайте.

В дальнейшем на протяжении 103 недель, каждый вторник и пятницу немцы и их приспешники осуществляли плановые расстрелы мирного населения. Достоверные сведения о масштабах уничтожения неизвестны. Овраг «Бабий Яр» пополнялся новыми жертвами периодически. По экспертным оценкам, погибло около 70 000 человек.

Для поддержания непрерывности работы конвейера смерти «Бабьего Яра» в 1943 г. нас из концлагеря доставили в окрестности г. Киева. Продержав несколько дней, по непонятным причинам снова вернули в лагерь г. Нежина, что подтверждено имеющимися моими документами по данному лагерю.

Через много лет в составе делегации Международного союза малолетних узников мне удалось посетить мемориал «Бабий Яр». В настоящее время это мемориальный комплекс, оборудованный протяженной лестницей для спуска в знаменитый овраг.

В октябре 1943 г. наши войска освободили г. Киев. Специфический концлагерь «Бабий Яр» как символ Холокоста прекратил физическое существование, но навсегда останется в памяти выживших и здравомыслящих.

Одним из самых жестоких концентрационных лагерей для меня был лагерь № 133 Алитус (близ г. Алитус Литовской ССР), созданный для советских военнопленных, содержащихся с июня 1941 по апрель 1943 г. В дальнейшем с мая 1943 по июль 1944 г. лагерь был дополнен перемещенными лицами из западных областей России. Взрослое население принуждали к трудовой деятельности, в том числе направляли на сельскохозяйственные работы в усадьбы местных крестьян. В концлагере Алитус в общей сложности погибло более 20 000 пленных.

История функционирования и содержания в концлагере заслуживает особого внимания, так как к 1943 г. немцы усовершенствовали технологии обращения с узниками. На территории Литовской ССР гитлеровцы и их приспешники избранно истребляли мирное население, и прежде всего сожженных из Брянской, Орловской, Смоленской, Витебской, Ленинградской и Калужской областей. Через концлагерь с 1943 по июнь 1944 г. прошли 200 тыс. человек.

Из концлагеря г. Нежина эшелон с узниками прибыл в Алитус ночью (так планировали немцы скрытые операции). Из вагонов долго не выпускали, затем прибыла команда сопровождения со злыми дрессированными и очень большими собаками, поступил приказ выходить из вагонов. Наступила типичная технология. Донага раздетых людей, обработав едкой жидкостью, долгое время держали в ожидании, когда вернут одежду. Узникам выдали полосатую лагерную форму. Разместили в нескольких наскоро сколоченных бараках. Вся территория была обнесена проволокой в два ряда, находившейся под током. Затем провели сортировку прибывших по категориям.

Для лагеря характерными были антисанитарные условия, невероятная скученность, отсутствие воды, постоянный голод и болезни. В условиях холода взрослые пытались создать теплоту своим телом. По природе и другим причинам немцы не любили грязных, больных, поэтому вынуждены были проводить санитарные мероприятия. Узники для выживания, по возможности индивидуально, старались быть чистыми и опрятными.

Взрослые принудительно трудились на различных объектах. Большинству это известно из истории, но так было на самом деле. Потерявшие надежду, многие были безучастными ко всему происходящему в лагере. Жизнь узников сопровождали непрерывные крики, ужасные непонятные команды гитлеровцев и их наемников, что психологически действовало на узников. Неподчинение грозило расстрелом. Смерть на месте. Многие взрослые и дети были физически надломлены, но морально не сломлены фашистами.

Чтобы обеспечить и облегчить жизнь раненым немецким солдатам в боевых условиях, фашисты проводили в лагере над заключенными принудительные медицинские операции без наркоза, максимально приближаясь к операциям немцев в полевых условиях. Результаты чудовищных медицинских опытов немцы использовали в практике лечения раненых немцев в полевых условиях. Многие не выдерживали и умирали. На территории лагеря находился крематорий (печи) для сжигания живых, замученных и больных узников.

На территории лагеря существовал особый объект — донорский барак (барак смертности). В донорском бараке узников готовили к различным медицинским экспериментам. Доноров перед акцией кормили сдержанно (голодание), так как (по их заключению) у голодного организма более «чистая и качественная» кровь.

Кровь отбирали для немецкой армии. Подробно освещать, вспоминать и описывать эти события может только человек с индифферентной психикой. Минуло много лет. Как в настоящее время можно и нужно относиться к потомкам немцев с позиции конкретного бывшего малолетнего узника? В жилах потомков немцев течет моя и других узников кровь. Можно понять нынешние поколения немцев, но простит ли их малолетний узник?.. Пусть решают другие.

В июне 1943 г. из этого лагеря оставшихся узников освободила Красная Армия (5-я танковая дивизия).

Через лагерь для эвакуированного населения близ Алитуса (лагерь № 133 для советских военнопленных) с мая 1943 по апрель 1944 г. прошли более 200 тыс. человек. В лагере за 1,5 года погибло мирного населения 80 тыс. человек. Освободили оставшихся узников этого концлагеря воины Красной Армии в апреле 1944 г.

Наступил переломный момент в характере ВОВ. Немецкое командование в растерянности мобилизовало свои ресурсы. В составе военного эшелона из концлагеря Алитус меня вернули снова в г. Нежин в начале апреля 1943 г., а 2 сентября 1943 г. войска Красной Армии освободили г. Нежин, а вместе с ним узников концлагеря. В многочисленных лагерях немногие малолетние и несовершеннолетние остались живыми и уцелели. К числу таких малолетних узников отношу себя.

Понадобилось еще полгода, чтобы вернуться на Родину. Украинские националисты, скрывавшие свое прошлое, препятствовали возвращению на Родину бывших узников. Сейчас я отчетливо понимаю — они распределяли взрослое славянское население в качестве рабочей силы по хуторам

Украины и насильственно его удерживали (с детьми). Раньше думать и произносить это вслух по идеологическим соображениям было негласно запрещено. Нынешняя наступившая ситуация и поведение националистов нового поколения все объясняет.

На освобожденной территории на Украине под негласным воздействием националистов формировалась новая идеология. Без документов перемещаться даже после освобождения территории во время войны было запрещено.

После двух лет оккупации мы вернулись в родные места лишь в начале 1944 года. Все разрушено и сожжено. Жизнь начиналась, как и для большинства мирных жителей, снова с землянки. Дальше наступили трудовые будни. В начале мая 1945 г. получили похоронное удостоверение о гибели отца. Началась новая жизнь. Взросление. Учеба. Это долгая и непростая история...

В г. Москве проживают 10 тыс. бывших малолетних узников фашистских лагерей. Бывшие малолетние узники, объединившись, создали общественную организацию — Московское отделение бывших малолетних узников фашизма, которую я возглавлял в течение 12 лет. Я помог многим бывшим узникам восстановить свои права на достойную жизнь. В стране около 100 тыс. бывших малолетних узников фашизма.

В июне 1988 г. в Киеве состоялся Всесоюзный слет бывших малолетних узников фашистских концлагерей, который внес новую струю в нашу жизнь. Мы получили льготы.

15 октября 1992 г. вышел Указ Президента РФ № 1235 «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами в период Великой Отечественной войны», по которому были предоставлены льготы, установленные для участников ВОВ. Эти льготы призваны частично компенсировать ущерб, нанесенный бывшим малолетним узникам.

ЖУРАВЛЕВ **Алексей Семенович** **выпускник МЗПИ**

Родился 13 февраля 1922 г. в селе Озерки Чернавского района Рязанской области. Семилетнюю школу окончил в городе Ногинске, учился в Московском техникуме паровозного хозяйства. В июне 1940 г. окончил авиационно-техническое Краснознаменное военное училище. Служил в армии в городе Бендеры в 102-й разведывательной эскадрилье.

Воевал на Южном фронте, был начальником службы ЗОС (наземное обеспечение самолетовождения) в семи километрах от линии фронта, 13 августа 1942 г. под Майкопом был взят в плен. Находился в Польше (лагерь «Deutsche Luftwaffe»), там была сформирована рабочая команда, отправленная в Германию в 1943 г. (г. Рубеланд, юго-западная Германия). Работал в каменоломне. Освобожден союзниками в середине апреля 1945 г. по обмену военнопленными (США — СССР), был передан советской стороне. В Дрездене в воздушной армии прошел проверку летно-технических пленных и отправлен на государственную проверку под Уфу. В декабре 1945 г. был уволен из армии в запас.

Приехав в Москву, стал работать на судостроительном заводе в Южном порту. В 1946 г. поступил учиться в Московский вечерний редакционно-издательский техникум. По окончании работал техническим редактором в издательстве ДОСААФ. В 1950 году поступил в Московский заочный полиграфический институт на оформительское отделение.

В 1954 г. перешел в журнал «Радио», где впоследствии стал заведующим отделом оформления. Член Союза журналистов.

Журавлев Алексей Семенович

[Интервью записано студентами в 2010 г.]

- Расскажите, пожалуйста, как для Вас началась война.

- После училища я попал в Одесский военный округ. В мае 41-го был направлен в 102-ю отдельную корпусную авиаэскадрилью. Она стояла в городе Бендеры. И вот там 21 июня я был дежурным по эскадрилье. В 4 часа утра раздалась тревога: «подъем» и «все на аэродром». Эскадрилья была разведывательная. Но не очень хорошо укомплектована. У нас было всего три машины СБ – скоростной бомбардировщик, который хорошо показал себя в Испании, но уже в 1941-ом году он не был ведущим самолетом. В первый день войны около восьми утра на наш аэродром налетел «Мессершмитт». Прилетел, свободно разгуливал, наверное, делал разведку. Сделал несколько заходов, подбил один из трех СБ, поджег бензоцистерну и ранил двоих техников. Они лежали под плоскостями самолетов. Один из них получил серьезное ранение, его отправили лечиться в Одессу, а второй – легкое.

Я сам по специальности военный, звание после окончания училища – воентехник второго ранга. Вместе с другими техниками мы готовили самолеты к фоторазведке. Необходимо было установить на самолет аэрофотоаппарат и отправить экипаж в разведку. Отсняв необходимые данные, он должен был вернуться. Однако в первые дни войны была неразбериха, и мы так и не могли заняться своей военной специальностью. То есть самолеты в фоторазведку не летали. В Бендерах мы простояли недели две, не более, и началось наше отступление. Уходила не только наша эскадрилья, уходили все.

- Как складывалась Ваша военная биография?

- Как и в жизни, так и на войне, существует элемент везения. Мне везло не очень, потому что меня без конца перебрасывали из одной части в другую: собирались где-то наладить фоторазведку. По специальности поработать не удалось. В основном было дежурство по аэродрому. За срок с июня 41-го по август 1942 года мне пришлось поменять много воинских частей. Это было не по моей воле, так распоряжалось командование. В феврале 1942 года я получил назначение в 55-й истребительный авиаполк. Вскоре за мужество и героизм личного состава этому полку было присвоено почетное звание гвардейский и присвоен новый номер, он стал 16-м гвардейским истребительным полком. Знаменитый летчик А.И. Покрышкин в то время был там командиром эскадрильи. Полк был укомплектован МИГ-3. Планировали оснастить их аэрофотоаппаратами: командованию необходимо было контролировать выполнение боевых заданий. Однако реализовать это не удалось. Аэрофотоаппарат – очень громоздкое устройство, предполагалось устанавливать его за спиной летчика. Но это оказалось трудноисполнимым, т.к. необходимо было снимать бронеспинку. Существовали и другие сложности. Поэтому от этой задачи отказались. Командиры других полков также не особенно приветствовали идею контроля: сложностей хватало и без того (1942 год, суровые условия...). Та же история произошла в 88-м истребительном полку, куда меня направили.

Зимой 42-го мы находились в районе Ровеньки (недалеко от Краснодона). Меня назначили начальником службы ЗОС – это наземное обеспечение самолетовождения. В этой службе было два прожектора: один стоял на аэродроме для подсветки взлетной полосы. Второй – в семи километрах от линии фронта. Задача команды (три человека), которая работала на этом прожекторе, была в том, чтобы подавать в определенное время условные сигналы для ведения нашего самолета в условиях очень плохой видимости. Прожектор направлял луч на линию фронта, куда должен был лететь отбомбиться наш ПО-2. После этого, также ориентируясь по условным сигналам луча прожектора, самолет возвращался на наш аэродром.

В мае 42-го меня направили в 782-й легкомобильный ночной авиаполк. Там вообще было не до съемки! Тем более в те времена. Самые обычные ПО-2 или У-2 («кукурузники») стояли от фронта километрах в тридцати, летать далеко не могли. Они не всегда возили бомбы, иногда разбрасывали листовки.

- Расскажите, пожалуйста, о том, как Вы попали в плен.

- Ситуация на Южном фронте складывалась тяжелая. Немцы рвались к Сталинграду, мы – отступали. Помню, наш последний завтрак был в местечке Хатажукай. Приближались немцы. После этого нас собрали и объявили о срочной эвакуации. Нам определили точку сбора на аэродроме города Майкопа. Мы, около пятнадцати человек, шли туда пешком. Машин не было, и мы пришли

только к вечеру. Как оказалось, Майкоп был уже занят немцами, там стояли танки Гудериана. Идти через город большой группой было невозможно, и мы разбились по два-три человека. Нам надо было преодолеть мост через реку, попасть на другую сторону, уйти в горы. Оружия у нас никакого не было. Еще в начале июня у техников, у всех, кто не летает, а только обслуживает полеты, его забрали (до этого у каждого из нас был пистолет ТТ). Оказалось, что летчики-новички поступают в полк без оружия, дать им нечего. Необходимо было их вооружать, ведь они летали за линию фронта...

В одну из ближайших ночей, под утро, это было 13 августа 1942 года, под Майкопом нас окружили. Нам даже нечем было стрельнуть-пульнуть. Нас взяли. И с августа 1942 года по апрель 45-го я был в плену. Вначале — в Польше, потом в — Германии.

- Алексей Семенович, расскажите, пожалуйста, о немецком плене.

- Находясь в плену, мы пытались устраивать побеги. Как штрафники работали в каменоломне. Под усиленной охраной мы дробили глыбы камня. К апрелю 1945 года я был уже обессиленный, практически не мог бить молотом эти глыбы. Мне приходилось сидеть в карцере за то, что не выполнил норму выработки. В это время к месту, где мы находились, приближались союзники. Нас, заключенных, срочно эвакуировали, и на одной из пересыльных дорог немцы разбежались. После того как нас освободили союзники, около двух недель нами никто не занимался. Мы сами добывали себе еду. Немцы русских уже боялись, хотя эта территория и была занята не русскими, а союзниками. В конце мая — начале июня 1945 года на Эльбе происходил обмен военнопленными. Когда мы попали на свою сторону, нас сформировали по группам. Были назначены старшие, дежурные. Нас начали приобщать к жизни, знакомить с политической обстановкой. По утрам читали лекции: мы мало знали, что происходит на Родине. Мы были недалеко от Дрездена, и прошел слух, что там расположен штаб воздушной армии.

Командование приняло решение всех авиаторов направлять на Родину, на госпроверку. Мы попали туда вчетвером. Нам выдали удостоверения, талоны на питание в пути и бумаги, по которым мы могли свободно двигаться в сторону России. Мы добрались до Бреста, там нам выдали билеты, и мы поехали на госпроверку на станцию Алкино под Уфой. Мы прибыли туда в конце июня.

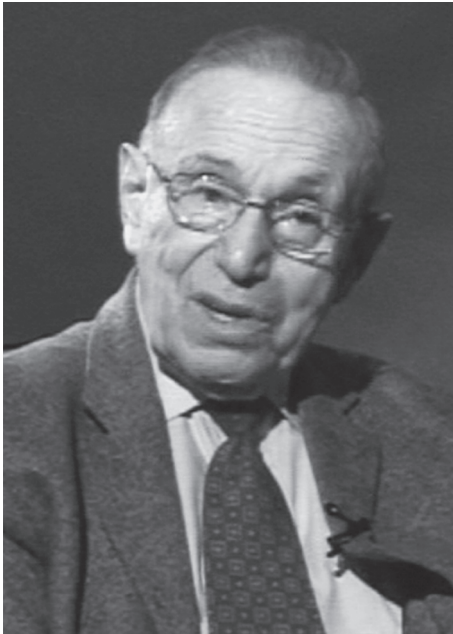
Во время поездки «Брест — Москва» случалось разное. Видимо, мы вызвали подозрения. У нас не было армейской формы, а по документам мы все числились офицерами. Помню, в пути после Смоленска была проверка. По вагонам ходит военный патруль. Когда они вошли к нам в купе (а нас было четверо — занимали его целиком), у нас отобрали вещмешки и сказали, чтобы в Москве на Белорусском вокзале мы обратились в определенную комнату, и там с нами решат окончательно. На Белорусском вокзале нам вернули вещи. После этого мы поехали на Казанский вокзал и добрались до станции Алкино. Я прошел проверку и в декабре 1945 года был уволен из армии в запас.

- Как сложилась Ваша жизнь после войны?

- Поехал в Москву, в 1946 году поступил учиться в Московский вечерний редакционно-издательский техникум, в 1950 году поступил в Московский заочный полиграфический институт на оформительское отделение. Работал техническим редактором в издательстве ДОСААФ, в 1954 году перешел в журнал «Радио», где впоследствии стал заведующим отделом оформления. Стал членом Союза журналистов России.

ТИЛЕВИЧ
Марк Григорьевич

выпускник МПИ

Родился 10 июля 1922 г. В 1940 г. окончил школу. 2 октября 1940 г. призван в погранвойска НКВД и служил в Молдавском военном округе (в Каменец-Подольске).

В феврале 1941 г. переведен в г. Каунас (Литва) на советско-германскую границу в артиллерийскую часть — зам. командира батальона по политической части. Начало войны застало его там. В первые же дни его часть оказалась в окружении. При одной из попыток выйти из окружения был ранен в ногу (26.06.41 г.) и схвачен литовскими националистами. В 1941 — 1945 гг. был в лагерях и тюрьмах для военнопленных, трижды бежал и был пойман. В 1945 г. за организацию отказа от работы и попытки побега заключен в концлагерь Заксенхаузен, где состоял в подпольной парторганизации. 2 мая 1945 г. освобожден Красной Армией и уже с 22 мая 1945 г. продолжил служить в армии в группе оккупационных войск Красной Армии. Демобилизован в 1946 г.

Награжден орденом Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета» и медалями.

В 1946 г. демобилизовался и поступил на редакционно-издательский факультет Московского полиграфического института, который окончил в 1951 г.

С 1955 по 1958 г. — старший редактор журнала «Строительные материалы». С 1959 г. — заместитель главного редактора журнала «За рулем». Член наблюдательного совета Российского фонда «Взаимопонимание и примирение», вице-президент Международного комитета бывших узников Заксенхаузена, член Международного фонда «Бранденбургские мемориалы».

Тилевич Марк Григорьевич

[Интервью, записано студентами в 2010 г.]

Война застала меня в тридцати километрах от советско-германской границы. В то время я был зам. политрука и служил под Каунасом. Весь гарнизон Каунаса был стянут в летние военные лагеря — там я и встретил первые минуты войны. Я прекрасно помню эти печальные мгновения. Накануне у нас был футбольный матч — я играл за сборную моего полка. Все мы ощущали приближение важных, роковых событий: мы ждали начала войны. Это было какое-то тягостное ожидание. Естественно, мы ни на минуту не сомневались, что война будет молниеносной, мы тут же победим. Но все оказалось иначе. В 4 часа утра раздался сигнал тревоги, и когда мы выскочили из наших палаток и глянули на небо, мне показалось, что это какой-то страшный сон: все небо было просто черным — столько было немецкой авиации. Мы сразу поняли, что это не наши, а вражеские летчики, потому что буквально через несколько минут началась бомбежка. В тот же день вечером мне пришлось возвращаться в наш лагерь, и я увидел страшные разрушения. Таково было начало войны, и наши надежды на ее молниеносность и на нашу блистательную победу растаяли в один миг. Я тогда служил в артиллерии, и в тот же день мы двинулись к границе. Но через несколько километров мы вынуждены были повернуть назад, потому что от границы волнами откатывались наши части, которые уже соприкоснулись с немецким вермахтом. Они отступали, вернее, вынуждены были спастись. Так началась для меня война.

При отступлении наших частей все смешалось: люди, кони, артиллерия, пехота, танки... Все беспорядочно отступали общими колоннами... Все было очень быстро и страшно... Мы попали

под тяжелый минометный обстрел. Я был контужен и ранен. Вспоминаю, что я пришел в себя на каменном полу, и вокруг меня были окровавленные бумаги. Я только потом понял, что это бумажные бинты — у немцев они тогда уже были. То место, где я очнулся, был, с позволения сказать, госпиталь. Я оказался в лагере военнопленных. Было это под небольшим городом Нинбургом. Приходя в себя, я обнаружил, что мне кто-то оборвал рукав. Я быстро понял, что это было сделано преднамеренно. Дело в том, что на моем рукаве была красная комиссарская звездочка, и ее могли обнаружить немцы — тогда расправа была бы мгновенной: комиссаров, евреев расстреливали. Кто-то незаметно, видя, что я без сознания, взял и оторвал мой рукав. Я могу представить состояние людей, которые только что оказались в этом кошмаре, и все-таки кто-то из них спас мне жизнь. Я вспоминаю об этом, потому что наши солидарность, сплоченность, единение — то, что потом было названо братством советских военнопленных, позволили нам каким-то образом сопротивляться, оставаться людьми. Это было самым главным, что нам сохранило жизнь, сохранило возможность дожить до такого возраста, до которого я дожил.

Потом начался кошмар — фашистский плен. Я не буду говорить о том, сколько сотен тысяч военнопленных погибло, сколько было уничтожено, сколько попало из лагерей военнопленных в концентрационные лагеря, — это общеизвестные факты. Повторю только, что взаимопомощь и взаимовыручка помогли нам выжить.

Одной из целей нашей страшной жизни там было сохранение лица, человеческого облика даже в этом кошмаре. Мы старались делать все возможное, чтобы каким-то образом вредить врагу, мешать ему. Пускай это были мелочи, какие-то незаметные вещи. Но при этом каждый, кто это делал, ощущал свою причастность к Родине, к той борьбе, которая шла тогда с врагом.

Я работал на лесоразработках. Мы находились под охраной не эсэсовцев, а просто немецких солдат, среди которых попадались нормальные люди, были даже те, которые когда-то состояли в компартии, социал-демократы. Иногда некоторые из них позволяли себе проявлять к нам какую-то симпатию — пусть это были единицы, но они были! Как бы то ни было, мы уже осваивались там. Самым страшным в лагере, помимо тяжелой работы, был голод, постоянное недоедание. Надо было хоть как-то поддерживать свои силы. Иногда, работая в лесу, немцам необходимо было объяснить нам, что делать. Там работали гражданские гражданские мастера, и тогда прибежали к помощи тех, кто немного говорил по-немецки. Я относился к их числу не только потому, что я в школе был отличником и хорошо успевал по немецкому языку. Но и еще и потому, что когда я был совсем маленьким, я посещал «немецкую группу» в детском саду, и уже тогда у меня сложился какой-то запас слов, умение построить фразу — это очень помогло мне в жизни, если не сказать, спасло жизнь.

Когда немцам нужно было что-то объяснить, в лесу раздавался громкий крик: «Студэнт!» Меня там звали студентом, хотя на самом деле я окончил школу и студентом только мечтал стать (потом это осуществилось: я стал студентом Московского полиграфического института и считаю, что это стало большим счастьем моей жизни). Я всегда радовался такому крику, потому что, во-первых, я мог потихоньку пройти — не бежать. Во-вторых, обычно там, куда меня звали, солдаты разжигали костер для того, чтобы согреться, и это означало, что я тоже мог немного постоять возле костра.

Со временем меня стали иногда оставлять в лагере на уборку. Был длинный барак. Его передняя часть, обращенная к дороге, предназначалась для охраны: они там спали, питались. А потом начиналась длинная часть, где размещались мы, военнопленные. Изредка меня оставляли в лагере на уборку — это были счастливые для меня дни, потому что не надо было мерзнуть в лесу. И вот однажды, когда я второй или третий раз получил этот «счастливый билет», я начал уборку с кабинета фельдфебеля. Когда я вошел туда, первое, на что я обратил внимание, был радиоприемник, который стоял на столе. Я вышел в коридор, никого не было, и я бросился к радиоприемнику! Мне не пришлось ничего ловить: я просто нажал кнопку и услышал то, от чего моя душа чуть не выпрыгнула. Приемник был включен на волне Би-Би-Си — английской радиостанции (наш лагерь находился недалеко от Англии). Это была передача для Германии, и я услышал на немецком языке сводку о разгроме генерала Паулюса и его армии под Сталинградом. Столько лет прошло, и вот сейчас я вспоминаю об этом и не могу говорить без волнения. Вы можете представить себе мои ощущения, когда совершенно неожиданно пришло то, что ты ждешь?.. То, что сулит тебе, твоим друзьям и твоим близким возможность жить... Сводка передавалась очень четко, и я понял каждое слово. Там говорилось о том, что генерал Паулюс захвачен в плен, и о том, сколько советские войска взяли в общем военнопленных. Самое трудное было удержаться в этот момент и не выдать, не показать себя. Каких усилий стоило мне дожидаться возвращения моих товарищей с работы! Я решил превратить это известие в наш общий праздник и сообщить сразу всем. Я дождался прихода моего самого

близкого друга. Это был Виктор Каменский — учитель литературы, он был намного старше меня, прекраснейший человек, чудесный, очень способный. Я уверен, если бы он остался жив, мы бы имели очень хорошего русского писателя. Но... он пал от пуль, правда, не эсэсовцев, а их «друзей» бандеровцев. Уже освободившись, уже снова став солдатом советской армии, он был убит бандеровцами. Так вот, я дождался его прихода (мы с ним спали на самом верху, на третьем этаже наших нар) и сказал ему: «Виктор, давай устроим так: когда будет отбой, мы ляжем спать, я попрошу всех спуститься вниз и объявлю им об этом. Люди должны это все прочувствовать». Договорились. Отбой. Все ложатся, выключается свет. Барак был деревянный, охрана рядом, все слышно. Через несколько минут я спустился и сказал: «Товарищи, я прошу вас всех спуститься вниз. Есть очень важное сообщение». Все беспрекословно спустились: поняли, что что-то произошло. И я им рассказал все, что я услышал. Я понимаю, что все испытали такой же подъем, как и я. Всех затронули такие же чувства!..

Сейчас я уже старый человек, почти все мои соратники ушли. Но иногда мы собираемся, и мне говорят: «Марк Григорьевич, у вас такой хороший голос. Почему вы не поете? Вам надо петь!» Я на это отвечаю, что мой певческий дебют я уже один раз исполнил. И я вспоминаю картину, о которой могу рассказать и сейчас. Когда в бараке я сказал товарищам о том, что я услышал, меня самого это так взволновало, что я начал петь: «Броня крепка, и танки наши быстры, И наши люди мужества полны: В строю стоят советские танкисты — Своей великой Родины сыны. Гремя огнем, сверкая блеском стали, Пойдут машины в яростный поход, Когда нас в бой пошлет товарищ...». Дальше по тексту полагалось петь: «...Сталин». И тут я поднял руку! Я понимал, что нас могут слышать, и нас действительно слышали. Я понимал, как будут реагировать немецкие солдаты, услышав слово «Сталин». Поэтому я поднял руку и пропел: «Когда нас в бой пошлет товарищ Пушкин...». И все следующие куплеты мы повторяли: «...Пушкин». Через несколько минут вся охрана влетела в наш лагерь. А мы были в нашей несчастной одежде: пальто, старые шинели, все, чем мы укрывались, — все это было наверху, на койках. Ну а дальше началось... Нас в том, в чем мы были, выгнали на улицу — а была зима, мороз. Откуда-то у солдат появились шомпола, и тогда они сказали: «Ну, теперь пойте!» И погнали нас по зимней дороге: там ближайшая деревня была километрах в двух — двух с половиной. Помню, как она называлась, — Линдорф. Погнали в Линдорф и обратно. Так вот, мы пели всю дорогу! Мы были голые, нас били по ногам... кровь, я видел, сочилась... Я был избит так, что потом не знал, как себя привести в какое-то двигательное состояние. Но это была наша реакция! И не только реакция — мы тем самым показали, что хоть мы и находились в нечеловеческих условиях, мы все равно остались солдатами Советской Армии. Мы приветствуем нашу Победу, мы вместе с нашими Победителями! Это был момент, который я запомнил на всю жизнь. Поэтому, когда мне предлагают певческий дебют, я думаю, что он уже состоялся. В другое время, в других условиях... И что никогда ничего подобного уже быть не может.

Еще о чем бы я хотел сказать — это то, что все мы жили мыслью о победе. Но пробыв в лагере уже какое-то время, год и более, человек понимал, что бежать из лагеря, из Германии невозможно. Потому что там была такая система... На каждом шагу висели предупреждающие плакаты: «Der Feind hört ein» — «Враг подслушивает». Наша одежда делала побег невозможным. Наши гимнастерки порвались, и нам выдали старые военные сюртуки времен первой мировой войны, причем они были даже не немецкие, а австрийские. Сзади был красный крест во всю спину, спереди тоже — чтоб не бежали.

Мы все понимали, что побег был совсем не простым делом, хотя и мысли об этом не оставляли ни на минуту. Даже не хотелось думать, что будет потом, но желание вырваться на свободу, желание снова оказаться вместе с товарищами с винтовками, с оружием в руках, участвовать в этой борьбе, уничтожить фашистов... Все это было, стояло рядом на одном уровне с желанием человека жить.

После моего «вокального дебюта» я понял, что нужно форсировать события, и стал готовиться к побегу. Мы обсудили все это с самыми близкими друзьями, но пришли к выводу, что пока мы находимся в таком виде, было бы безумием пытаться куда-то бежать. Буквально за один день ты был бы пойман, и все эти усилия, все бы пошло прахом. Поэтому мы использовали то обстоятельство, что недалеко находилась подземная военная фабрика, на которой работали в том числе и русские девушки, хотя, возможно, они были с Украины... Но все мы говорили по-русски. В воскресный день, а это был единственный день, когда мы работали полдня, они подходили к лагерю. Охрана лагеря, как я уже говорил, были не эсэсовцы, а солдаты, и они сквозь пальцы смотрели на то, что мы могли иногда перекинуться парой слов, поговорить, улыбнуться друг другу. Поэтому была возможность передать нашу просьбу. А просьба моя заключалась в том, чтобы они где-нибудь нашли рабо-

чую одежду, гражданские спецовки с буквой «П» на груди. Дело в том, что там было много поляков, и они были расконвоированы — они могли сами ходить, им разрешалось ходить в том поместье, в том поселке, где они жили, и это не привлекало внимание. И я подумал, что если мы облачимся в одеяние с буквой «П», то это нам в какой-то мере гарантирует возможность передвижения. Расчет был правильный, и наши девушки сделали все возможное, чтобы буквально через неделю — две перебросить нам через проволоку три «костюма», которые должны были помочь нам в нашем деле. Так началась подготовка к побегу. Меня по-прежнему иногда оставляли убираться в лагере (я сейчас уже не помню, была какая-то регулярность — раз или два раза в неделю). Я оставался один и мог уже подумать о том, как нам выбраться из лагеря. В лагере были большие задние ворота. Я решил, что нужно подготовить все таким образом, чтобы место, где находился замок, осталось в неизменном виде, а боковые опоры, на которых держались два больших бревна, можно было бы высвободить за несколько минут. Не буду вдаваться в детали... Все это удалось сделать. И в июле 1943 года я, прихватив еще двух товарищей, один из них был наш лейтенант Гриша, бежал. Гриша был топограф, поэтому я взял его в компанию. У нас был с собой старый топографический атлас. Этот атлас я сумел подобрать в тот момент, когда через лагерь в карцер вели военнопленного француза, и он по дороге выбросил вещи, которые были у него с собой: этот атлас, большой нож и компас. Я в это время нес дрова, сделал вид, что уронил их, и вместе с дровами подобрал и эти ценные для побега вещи. Таким образом, мы были готовы к побегу. В назначенный день и час мы вышли через заранее подготовленные ворота и бросились лесом бежать к тому месту, куда раз в неделю подбегжал небольшой состав специально для того, чтобы погрузить лес, который мы там пилили. Все удалось, и мы этим маленьким поездом добрались до ближайшей станции Лерте...

Совсем недавно, полтора-два месяца назад, в редакцию журнала «За рулем», туда, где мы сейчас находимся, пришло письмо из Германии, которое я даже не успел ещё отнести домой, — оно лежит здесь. Когда я его увидел, я не поверил своим глазам. Его прислали товарищи из Германии, которые, в частности, занимаются вопросами истории, связанными с пребыванием русских узников, военнопленных в Германии в годы войны. Они отыскали один документ и прислали его мне. Это обращение городского совета города Нинбурга: «Сообщение о победе пленных из рабочей команды Майкенсбург 8 июля 43 года. Городская управа Нинбурга просит оказать помощь в поимке шести бежавших русских военнопленных, среди которых Марк Тилевич. В плену он изменил имя на Михаил, поскольку в Советском Союзе многих евреев зовут Марк». Одним словом, это документ, в нем названы шесть человек: дело в том, что у нас была договоренность, что через какое-то время еще трое наших товарищей во главе с Виктором Каменским совершат побег. И они должны были пойти в другом направлении. Как бы то ни было, наш побег состоялся. Увы, он был неудачным. Нам сперва удалось добраться до Ганновера... Недавно я был в Ганновере, ходил по городу и вспоминал, как в 43-м я шел по городу от одного вокзала к другому, для того чтобы найти какие-нибудь поезда, которые шли на восток. Нам нужно было хоть куда-то продвинуться на восток! Пусть это была бы Украина, Белоруссия, Прибалтика... Но на поезде нам это сделать не удалось, и тогда мы решили идти пешим ходом. К несчастью, этот топографический атлас, на который мы возлагали такие надежды, оказался очень старым, 1926 года. И там, где, как мы рассчитывали, должны были быть какие-то зеленые посадки, теперь уже была хорошо охраняемая стратегическая дорога. Когда мы вышли на нее, мы наткнулись на штыки охраны...

Документ, который мне прислали из Германии, также содержит и такое сообщение: «Марк Тилевич, родился в 22-м году, бежал летом 43-го года из рабочей команды военнопленных Майкенсбург района Нинбурга, был схвачен и помещен в штрафной лагерь Кирдорф, район Дипхольц, после следующей попытки побега был снова пойман, и гестапо Нинбурга отправило его в концентрационный лагерь Заксенхаузен». Там я и окончил свое пребывание в фашистском плену. После этого я полтора года служил в группе советских войск.

То, что я говорю о плене, я говорю не о себе — я говорю о многих тысячах советских молодых и более старшего возраста людей, которые, несмотря ни на что, оставались гражданами, бойцами. Они делали все для того, чтобы в это страшно трудное для страны время быть вместе со всеми, быть со своей страной.

Вот маленькие странички моей военной биографии, увы, не героической, увы, не оставившей никаких приятных воспоминаний... Хотя тут я, наверное, немного лукавлю. Я начал с этого и хочу этим закончить: то, что нас объединяло в плену, то, что давало силы, — это, прежде всего, наша солидарность, антифашистская солидарность. Для нас, советских граждан, в ту пору это было само собой разумеющимся! Эта солидарность была нашим оружием. Но она была не только между

нами, гражданами СССР. В ту пору в концлагере содержались узники, наверное, двадцати стран, антифашисты всей Европы были заключены тут, и мы все жили вместе, работали вместе и помогали друг другу. Была огромная помощь от немецких антифашистов, которые занимали командные посты в лагерном управлении и которые делали очень многое для того, чтобы спасти нам жизнь. Это были наши норвежские друзья, датские друзья, французы, бельгийцы — все мы были одной семьей. Всех нас объединяла ненависть к фашизму, желание сделать что-то, чтобы укоротить жизнь этой страшной нацистской гидры.

И если снова вернуться к этой теме, я стал узником концлагеря Заксенхаузен. Это центральный концлагерь, там погибло около 100 тысяч человек. Последние дни этого лагеря были совсем ужасны. Они известны в истории как Марш смерти. Буквально в канун освобождения лагеря Советской Армией, когда уже наши войска подходили к Берлину, лагерь был эвакуирован. Эсэсовцы построили всех колоннами по 500 человек и погнали к морю, там уже находились баржи. В них должны были поместить людей — около 35 тысяч человек, целый город — столько узников находилось одновременно в концлагере. Их жизнь должна была кончиться на этих баржах, но союзники перерезали дорогу, и тогда командование лагеря, наверное, по согласованию с высшим эсэсовским командованием, повернуло колонны...

Это до сих пор у меня в голове не укладывается: оставались считанные дни до конца войны, но нацистская верхушка, нацистские преступники не могли отказаться от мысли уничтожить всех нас. Но это не удалось. Советская армия освободила Берлин, освободила Заксенхаузен, Равенсбрюк, другие лагеря. Но освобождение тоже произошло вот в таких трагических обстоятельствах, когда мы шли по дороге, переступая через трупы убитых товарищей. Каждого, кто не мог идти дальше, расстреливали. Видимо, такая же участь ждала и меня. Я был очень молодым человеком, держался до определенного момента, но в какой-то миг я надломился и уже не мог дальше идти. Мы шли семь дней, и нам не давали никакой пищи. Если мы останавливались по дороге, мы съедали всю кору, все зеленое употреблялось в пищу. Вот в таких условиях произошло наше освобождение. Но это уже было 2 мая 1945 года, и в последний день меня буквально несли на себе мои друзья. Я им говорил: «Ребята, оставьте меня». Это были Николай Мурашко и Петр Ермолаев — два советских офицера, два чудесных человека, которые готовы были пожертвовать собой ради товарищей.

После освобождения, госпиталя и проверки я продолжал службу в группе советских войск. В 1946 году я демобилизовался, и стало возможным реализовать мечту моей жизни стать студентом, окончить высшее учебное заведение. До войны я думал об ИФЛИ (Прим.: Московский институт философии, литературы и истории. Существовал с 1931 по 1941 год), но к тому времени, когда я мог поступать, он уже не существовал, и я остановил свой выбор на редакционно-издательском факультете Московского полиграфического института, о чем никогда в жизни не пожалел. Даже в ту пору, пору сталинского удушья всего светлого это был какой-то очаг света и свободы, это было замечательное учебное заведение, где были прекрасные люди, чудесные преподаватели. Я знаю, что очень-очень многие из тех, кому посчастливилось окончить МПИ (Прим.: Московский полиграфический институт, ныне — Высшая школа печати и медиаиндустрии Московского политехнического университета), пронесли с собой через всю жизнь самые лучшие воспоминания о нем.

Говоря о людях, с которыми судьба свела меня в Заксенхаузене, можно было назвать десятки имен самых достойных, самых прекрасных людей, которые заслужили, чтобы о них знали. Но сейчас я хотел бы назвать одно имя. Имя легендарного летчика — Михаил Девятаев. Я слышал даже, что в английской высшей школе военных летчиков, когда проходят курс истории, обязательно упоминают об этом факте, который действительно был уникален. Миша Девятаев тоже был узником Заксенхаузена. Не знаю, было это случайно или нет, но Миша очутился в рабочей команде, которая обслуживала самый секретный аэродром в Германии, где шли разработки нового секретного оружия — ракет ФАУ. Михаилу Девятаеву с девятью товарищами удалось похитить самолет с этого аэродрома и совершить на нем побег: перелететь линию фронта и приземлиться у нас, своих. Это единственный случай в истории авиации! Он может служить примером того, на что были способны наши летчики, наши Герои — НАШИ ЛЮДИ! Представьте себе этот риск: похитить, из-под носа угнать самолет из центрального концлагеря, над которым шефствовал сам Гиммлер! Голодные, полуживые люди! И все-таки они смогли совершить то, что никому не удавалось, и еще раз прославить имя наших русских, в ту пору советских, граждан! И мне очень хотелось, чтобы это имя — Михаил Девятаев — прозвучало здесь!

ФЕДОРОВ

Геннадий Георгиевич (1924 – 2005)

выпускник МПИ, факультет ХТОПП

Родился 7 мая 1924 г. в Москве.

В августе 1942 г. был призван в армию Краснопресненским райвоенкоматом.

23 октября 1943 г. в боях под Запорожьем был контужен и попал в плен. Был в лагерях: 23.10.1943 Вознесенск, Украина; 05.1944 Польша ШТА 367 Ченстохов; 05.1944 Германия ШТА X-C Нинбург (Везер с Фил. Герсе) Шталаг 338 № 76.

Освобожден из плена 5 апреля 1945 г.

Из последнего интервью на телевидении в программе «Городское собрание», май 2005 г.

Апрель 1944 года. Третий год Великой Отечественной войны. Наступление наших войск шло на всех фронтах. Захваченные фашисты отдавали в жестких боях. И уже навечно остались в истории и Сталинградская битва, и Курская дуга. В августе сорок третьего года в Москве прогремел первый салют в честь освобождения Белгорода и Орла...

А в октябре сорок третьего года в боях под Запорожьем я — девятнадцатилетний младший лейтенант, выпускник Тульского пулеметного училища в состоянии контузии попал в плен. Нас этапировали под Гамбург, в лагерь Остенбрюк: двести офицеров младшего и старшего состава, оказавшихся в плену при жестоких обстоятельствах.

Работа, которую мы выполняли на канале, была примитивно однообразна: копать тяжелую болотную землю. Глаза прикованы к черенку лопаты, руки с лопатой копают и перекапывают до 8 — 10 кубометров земли ежедневно. Глумливый лозунг фашизма «Каждому — свое» должен был сотворить из нас немудрящие земляные орудия с примитивными инстинктами... Кто бы мог тогда подумать, что этот лозунг придет в конце двадцатого века на нашу родную землю и сделается законом для родного многострадального народа...

Вот так каждый день: можешь — копай, не можешь — копай, падаешь совсем без сил — падай. Крест поставят с немецкой аккуратностью, по уставу немецкого порядка: «Das ist Ordnung».

Как определить эти годы длиною в век? Тяжелые, нечеловеческие? Каждый из нас прожил за время плена десятки жизней, прошел путь от попыток бегства и отчаянья к мужеству и воле. Только взаимоподдержка, товарищество, непреклонное чувство ответственности за каждый шаг, упорное неподчинение давлению со стороны врага помогли в таких-то условиях сохранить человеческое достоинство.

Оборванцы, полуголодные доходяги никогда не заискивали перед «сильными мира» — конвойнными, начальством, не предавали. Были по всем статьям высоконравственными и прямыми офицерами, трагически попавшими в страшную беду.

Мы все вернулись домой. В письмах, которые писали друг другу, узнавали о судьбах своих товарищей. Я получал письма из Донецка, Курска, Аишхабадской области, Новосибирска, Борисовки, Черкасс, Пятигорска, Калининна, Харькова, Ленинграда, Комсомольска-на-Амуре и других городов.

Но никогда из мест заключения или ссылки. Никто из тех, кто находился со мной в плену, не был репрессирован. Проверки были. Да. Но не репрессии.

Кто помоложе, как я, учились в дневных, вечерних, заочных техникумах, институтах, работали. Имевшие специальность вернулись к довоенным профессиям.

Я стал работать в школе, в которой учился до войны. Теперь преподавал военное дело, физкультуру, рисование, черчение. Одновременно учился в техникуме. Затем в Московском полиграфическом институте. Редактировал, оформлял книги, журналы. Работал в разных издательствах: «Правде», «Искусстве», «Известиях». Занимаясь художественным редактированием, двадцать лет, до августа 1991 года, был главным художником ведущего издательства России «Советская Россия». В год издавали 550 наименований книг: детских, поэзии, прозы, публицистики тиражом от тридцати до двухсот тысяч каждая. А некоторые подписные издания, например собрание сочинений Сергея Есенина, миллионными тиражами.

В 1972 году принят в Союз журналистов СССР, в 1986 году — в Союз художников. Я очень любил и люблю придумывать, оформлять книгу. На наших домашних книжных полках немало томов и томов, созданных мной или вдвоем с моей женой Сайдой Сахаровой, тоже выпускницей МПИ, не только дизайнером и редактором, но и журналистом и писателем. Вместе с ней мы могли и можем горы свернуть.

Я считаю, у нас получилась достойная жизнь. К такой жизни нас готовили семья, школа, государство: труд в радость, преодоление любых препятствий, доверие и вера, высокое ощущение себя как Гражданина Своего Государства. И впереди была Победа.

Работали мы очень много и с великим удовольствием. Отдыхали всегда замечательно. Путешествовали, объехав почти все наше огромное государство от Медвежьегорска до Иркутска, от Сыктывкара до Еревана. Лыжи — каждую субботу. Горы Чегета, Бакуриани — зимой. Крым; Онега и Ладога, Иссык-куль; Волга, Днепр... И сколько еще!

Вот я выложил на письменный стол из черной шкатулки мой жетон пленного лагеря Остен-брюк, а из красной — десять орденов и медалей, удостоверение участника парада на Красной площади в честь дня Победы 9 мая 2000 г., удостоверения издательств «Правда» и «Советская Россия», Союза художников СССР и международного Союза журналистов, ударника коммунистического труда, ветерана труда, удостоверения охотника и яхтсмана...

Участвовал в выставках, бывал в жюри в разных странах на конкурсах лучших книг. Дипломов за выдающиеся книги, наград, медалей — множество. Присуждено звание «Заслуженный работник культуры».

Книга — коллективное творчество. Я принимал участие в создании многих сотен книг. Например: «Герои наших дней» (1961), «Ленинской “Правде” 70 лет» (1982), обе — издательство «Правда».

Пять томов эпопеи «Великая Отечественная война в фотографиях и кинодокументах»: тысячи фотографий, карты и схемы сражений, обзоры военных действий собраны в уникальном издании (издательство «Планета», 1975 — 1980 гг.).

Юбилейное издание «Россия — время, люди, события» («Советская Россия», 1987 г.). Все эти книги большого формата, объемные, прекрасно напечатанные в наших отечественных типографиях.

А из книг последнего десятилетия назову свои, оформительские: «Суворов», «Кутузов», «Жуков» — миниатюрные книги, изданные Фондом им. И.Д. Сытина в серии «Великие полководцы». Такие книги, едва выйдя в свет, становятся настоящей библиографической редкостью.

Воспоминания Г. Федорова «Rus, singen»

[Опубликованы в книге «Строки, отлитые сердцем»,
ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2005 г.]

... Почти у деревни старший конвоя посмотрел на тяжелую тучу, собирающуюся у горизонта, выкатил в злобе глаза — мокнуть придется и ему — и рявкнул:

- Singen! (Петь!)

Движение не усилилось и не замедлилось, шелк деревянных подошв отозвался безразличием.

- Sin — gen — n — n! — взревел, раздувая ноздри, старший.

- Sin — gen! Ха — ха. Singen! Singen!! Ха — ха.

Конвоиры поддержали своего старшего и, придравшись к возможности повеселиться, пустились во все тяжкие. Один даже пытался петушиным голосом издать нечто музыкальное, как бы

напомнить этим Киз, что есть хорошая немецкая песня, но поперхнулся под взглядом старшего конвоира и заорал визгливо:

- Singen!

Колонна двигалась молча. Тонкие струйки начавшегося дождя сбегали за воротник.

- Laufen! (Бегом!)

Старший сдернул с плеча винтовку:

- Laufen! Laufen! Laufen!

Конвоиры подталкивали бредущих, понукая их к бегу. Так мы и вбежали в безлюдную, промо-ченную дождем деревню. В этой-то обуви по осклизлым булыжникам. А когда кто-то впереди упал, на него накинута сразу трое конвоиров.

Старший коротко приказал:

- Liegen! (Лежать!)

Вся колонна была уложена на дорогу. «Неужели, — думал я, — неужели “она” так и приходит. Это зверье сейчас прикажет встать, лечь, встать, лечь, а если не успеешь встать, то...». Я ока-зался прав.

- Aufstehen! — перемежалось с другой командой:

- Liegen!

Колонна уже не отряхивала грязь. Но все успевали вставать.

- Singen! Singen!

Старший пнул прикладом бредущего рядом с ним, добавил несколько непереводимых слов и взглянул на часы: времени на воспитание, вероятно, не осталось. Он плюнул в нашу сторону: *Russisesh Schurein* смотрели себе под ноги.

Как уже мы копали в этот день, как собирались с духом на возвратный путь. Но обо-шлось — настроение, видно, было не музыкальное. Содрав грязную, мокрую ветошь и опорки, попытались как-то соскрести налипшую землю, обсушить, чтобы завтра не выглядеть раз-давленными. Назавтра все повторилось. Каждый, как и я, ломал голову: что сделать, что совершить, как прекратить это унижение? Пойти самому под выстрел, чтобы снова смени-ли конвой? И не будет ли другой конвой еще хуже? Зло или добро принесет «твоя» пуля? Новое утро не принесло ничего нового, только больше обычного холодила непросохшая одежда, да у далекого горизонта место тяжелых туч заняло несмелое голубое пятно чистого неба. Пере-ставляя ноги, каждый думал: «Вот бы солнце. И умирать будет легче». Конвой тот же. Не-возможно представить, что старший отступится в своем ослином упрямстве, а подручные ему не помогут.

Проковыляли мимо хуторов, вошли, пытаясь приободриться, в деревню. И...

- Sin — gen — n — n!

Рот старшего конвоира растянулся до маленьких злых ушей. Не успело раскатистое н-н-н растаять в воздухе, как его перекрыл звонкий и сильный голос, взлетевший птицей:

...Броня крепка и танки наши быстры...

Миг — маленький такой миг, когда тут и там тихо пронеслось: «Это Ванюша, Иван Богда-нец, Молодец, Ваня». И каждый незаметно, чуть-чуть расправив плечи, приблизился к рядом иду-щему товарищу.

...И наши люди мужества полны...

Став почти плечом к плечу, кто-то попытался подхватить третью строку, подпеть запе-вале:

...В строю стоят советские танкисты...

Мы старались ставить разъезжающиеся ноги ровнее и тверже смотреть вперед. И со следу-ющей строки:

...Своей великой Родины сыны!..

Колонна взяла ногу. Из разрозненного деревянного щелканья стала складываться поступь. Мы шагали все тверже, прикладывая невероятные усилия, чтобы превратить поступь в строевой шаг. И у каждого перед глазами стоял наш танкист Петр Столяренко. И он был, и мы были сынами своей великой Родины. Несмотря ни на что!

Строй печатал шаг. А запевала выводил ясные слова, вел нашу замечательную родную, не забитую, не замурзанную никакими Ченстоховыми, никакой прелой соломой и орущими конвои-рами:

До свиданья, города и хаты!
Нас дорога дальняя зовет.
Молодые смелые ребята —
На заре уходим мы в поход.

Последнюю строку песни строй почти едино твердо и уверенно подхватил:

На заре уходим мы в поход.

Кто это там говорит о потерянной надежде?

Молодые смелые ребята уходят в поход и обязательно возвращаются:

На заре, девчата, выходите Комсомольский провожать отряд. Вы без нас, девчата, не грустите, Мы придем с победой назад.

И строй убежденно повторил:

Мы придем с победой назад.

Конвоиры, и особенно старший, были довольны. Ну вот, научили этих Киз порядку. Даже идут пошибче. И старший, показывая пример своему войску, зашагал рядом с нами тоже вроде бы в ногу, мурлыча впопад и невпопад нечто песенное. Конвоиры деланно маршировали тоже вроде бы в ногу, но пристук их ботинок с крагами или коротких сапог с широкими голенищами не был слышен за крепкой уверенной поступью нашей колонны.

Прошло два дня, и безлюдные прежде обочины дорог стали неузнаваемы. К нашему выходу на работу, к нашему проходу мимо ферм и особенно через деревню там стояли слушатели.

С каждым разом их становилось все больше. Невидимая почта-молва созывала соотечественников, угнанных в рабство из запорожских, полтавских, витебских, смоленских и всех-всех других деревень и городов, куда успела добраться паучья фашистская лапа.

Это были молодые парни и девчата с бледными лицами, натруженными руками, кое-как одетые, кое-как обутые. Видно было, путь их на великий праздник — слушать свои родные песни, видеть своих родных солдат — был не прост.

Как сияли глаза девчат! Какие улыбки они дарили нам, покачивая в такт поблекшими косами, шепча, подпевая про себя то, что выводил Ваня:

Помню, как в памятный вечер
Падал платочек твой с плеч.
Как провожала и обещала
Синий платочек сберечь...

Кто-то плакал, вспоминая свое, может быть, невозполнимое. Они — нежные, незащищенные — возвращали нам силу и уверенность, веру и надежду. Пристально всматривались девушки в наши лица, надеясь на невозможное: увидеть своего дорогого или брата, отца, хотя бы знакомого. Не видели, не встречали. Это не очень-то имело значение, потому что роднее, ближе, дорожее — мы для них и они для нас — никого никогда не было.

Лучше Вани запеваля не могло быть, зато строй от песни к песне все более слаженно ему подпевал. И даже не припевом, а простым повторением:

То не тучи, грозовые облака
По-над Тереком на кручах залегли,
Кличут трубы молодого казака,
Пыль седая стала облаком вдали.

И оттого, что двести голосов повторяли: «Кличут трубы...» — песня звучала настоящим набатом.

А Ваня продолжал:

Оседлаю я горячего коня,
Крепко сумы приторочу вперед.
Встань, казачка молодая, у плетня,
Проводи меня до солнышка в поход...

Кое-где попадались группки пожилых немцев с внуками. По их взглядам можно было предположить, что смысл лихо распеваемых песен они воспринимали через состояние певцов и слушателей.

Дед выставлял внука впереди себя, гордо поднимал увенчанную шляпой или теплым картузом голову, следя за твердой поступью, притоптывал уверенным словам. И может быть, они еще надеялись, что это их победа печатает шаг по их деревенским булыжникам и во славу их жизни так звонко выводит уверенные слова запевала и так ладно подпевает Russisch работная команда.

Они-то не знали, зато знали мы – это наша Победа чеканит вечные мужественные слова:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой.
Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна,
Идет война народная,
Священная война!..*

Прошло пятьдесят шесть лет. А в памяти моей звучат наши песни, вижу лица товарищей с ясными непреклонными глазами...

АДАМОВ
Ефим Борисович (1924 – 2004)
канд. исск-в, профессор МПИ

Родился 10 января 1924 г.

В апреле 1942 г. добровольцем вступил в ряды Красной Армии. Окончил Сорочинское зенитно-пулеметное училище и в звании лейтенанта с января 1943 г. воевал на Центральном, 3-м Белорусском и 1-м Прибалтийском фронтах. Служил командиром взвода крупнокалиберных пулеметов на Курской дуге, дошел до Лиенау, где был ранен в феврале 1945 г.

Демобилизовался в 1949 г. Награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны II степени, 12 медалями.

Выпускник МПИ 1955 г. В 1958 г. после окончания аспирантуры работает ассистентом, доцентом, профессором кафедры ХТОППа МПИ (МГУП). Воспитал более трехсот молодых художников. Педагогическая, научная и творческая деятельность Е.Б. Адамова связана с художественным оформлением, иллюстрированием печатных изданий, с искусством книги.

Е.Б. Адамов – автор 5 учебных книг («Искусство иллюстрирования художественной литературы», 1959; «Художественное конструирование и оформление книги», 1971; «Ритмическая структура книги», 1974; «Рукопись, художественный редактор, книга», 1985 и др.), 40 научных работ. С 1975 г. – в течение 20 лет Е.Б. Адамов осуществлял руководство выпускающей кафедрой Художественно-технического оформления печатной продукции одноименного факультета МПИ. Благодаря его усилиям компьютерная графика стала неотъемлемой частью учебного процесса. Студенческие работы на международных выставках неоднократно отмечались медалями и дипломами. Е.Б. Адамов был организатором юбилейной выставки работ студентов, преподавателей и выпускников факультета ХТОПП, развернутой в залах Центрального дома художников к 60-летию юбилею вуза (1991).

Им выполнено художественное оформление более 250 книг и альбомов по искусству, за которые автор многократно получал награды: серебряная медаль международной выставки «Искусство книги» (г. Лейпциг), дипломы всесоюзных конкурсов «Искусство книги», диплом ЮНЕСКО за издание «Мир географии» (1985).

На всю жизнь

*[Воспоминания Е.Б. Адамова, опубликованы
в газете «Советский полиграфист», № 20 – 21, 1983 г.]*

Никогда не думал, что стану преподавателем. Окончил школу в 1941 году. Мечтал, конечно, учиться дальше. Но началась война. Все мои однокашники ушли на фронт, меня же не взяли. Мне еще не исполнилось восемнадцать, так как я поступал в школу моложе на год, чем они. Только через полгода меня призвали в ряды Красной Армии. С апреля 1942 по январь 1943 года был курсантом Сорочинского зенитно-пулеметного училища, по окончании которого был направлен на Центральный фронт в должности командира пулеметного взвода 137-го зенитно-артиллерийского полка 28-го зенитно-артиллерийского дивизиона.

Конечно, все мы рвались в бой. Но на нашем участке фронта, а мы стояли неподалеку от города Орла, установилось затишье. Были отдельные стычки с фашистами, но и только. Мы, конечно, догадывались о том, что что-то назревает. Военные работы в нашем взводе производились только в ночное время, а когда над расположениями нашей части пролетал немецкий разведывательный самолет (мы его называли «рама» по внешнему виду), по нему огонь не открывали. Вреда он большого причинить не мог, а по вспышкам выстрелов мог рассекретить наши позиции. «Рама» эта пролетала туда и обратно, а мы делали свое дело. Устанавливали зенитные орудия, пулеметы, рыли землянки.

В нашем взводе было всего двенадцать человек. Ребята молодые. Только один пожилой, лет под пятьдесят. Сейчас мы бы называли его ветераном. И это не мешало нам, наоборот, во многом выручало. Мы надеялись на него больше, чем на самих себя. Никто лучше не мог разжечь костер, приготовить обед. Для нас, молодых, это было и чудно, и здорово. Жили мы дружно. В минуты затишья забивались в чью-нибудь землянку и разговаривали. Обо всем. Больше, конечно, о своей гражданской жизни. Так как большинство солдат было из деревень, то и вспоминали о своих домах, о родных и близких, о работе в колхозе. Обращались и ко мне и просили что-нибудь рассказать. Я рассказывал им о Москве, о театрах и театральных постановках и очень часто замечал, что ребята с интересом слушают. Такие беседы нередко превращались в нечто большее, чем просто разговоры. Так, мы читали вместе «Правду» и «Красную звезду». Особенно нравились статьи И. Эренбурга. Причем те номера газет, где они были напечатаны, на курево не шли. Их хранили в своих вещмешках, а при случае перечитывали. Читать таким слушателям мне нравилось. Ни тогда, ни после я этому не придавал никакого значения. Но, как видите, для меня это оказалось знаменательным. Я стал преподавателем.

У меня, как и у большинства наших преподавателей, юность пришлась на тяжелые годы войны. Юность и война.. Разве можно это забыть? Это осталось в памяти навсегда, на всю жизнь.

АРХАРОВ
Павел Михайлович

Герой Советского Союза. Заведующий центральным складом МИХМ

Призванный в армию, окончил авиационную школу и в 1934 г. стал летчиком. Принимал участие в боях на Халхин-Голе, в Монголии в 1939 г. С начала Великой Отечественной войны его полк сражался с врагом, вылетая в основном в ночное время. Осенью 1942 г. в составе дивизии, совершившей легендарный налет на Берлин, был и командир самолета ТБ-7 Архаров Павел Михайлович. После разгрома немцев на советской земле полк тяжелых бомбардировщиков дальнего действия, в котором служил П.М. Архаров, стал бомбить города рейха – Кенигсберг, Штеттин, Берлин.

Награжден орденом Отечественной войны 1 степени, двумя орденами Красного Знамени, медалями, в том числе «За отвагу». 31 марта 1944 г. ему присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1946 г. уволился в запас в чине майора и поступил на работу в гражданский воздушный флот, где работал до 1954 г. С 1969 г. работал в МИХМе.

Звезда Героя

[Для очерка использованы статьи «Звезда Героя» и «Рассказ о Герое», опубликованные в газете «За кадры химического машиностроения» 10 мая 1974 г. и 5 мая 1970 г.]

«Произошло это в мае 1939 года в Монголии. Я летел ночью из Читы с ценным грузом. Вдруг стекло кабины пробил ... гусь, кровью которого залило карты. Я потерял ориентацию, горючего оставалось мало, и мне пришлось вести самолет на посадку. Оказалось, что мы приземлились в 25 километрах от фронта на вражеской территории. Остаток ночи пришлось провести, не смыкая глаз у штурвала. А утром взлетели незамеченными и благополучно приземлились на своем аэродроме». За выполнение этого задания я был награжден медалью «За отвагу».

«Вскоре после бомбардировки немцев в 1942 году в районе Боровское-Шаталово мы были атакованы вражескими истребителями. Завязался бой не на жизнь, а на смерть. Во время боя у меня был поврежден один мотор, два вражеских снаряда пробили самолет, но экипаж продолжал стойко сражаться. Третий снаряд попал в бензобак и, как первые два, не взорвался. Вскоре нам удалось оторваться от немцев, но напряжение было огромным – с минуты на минуту снаряды могли взорваться. Поврежденный самолет плохо слушался руля, вести его было трудно.

Пришел в себя лишь на аэродроме в объятиях друзей, пораженных видом самолета. Четыре мои стрелка были ранены, один из них скончался в госпитале. Этот полет остался в памяти навсегда».

В марте 1944 года Архаров совершал обычный в то время ночной вылет. Командование поручило ему нанести удар по крупной авиабазе Алсуфьево.

Казалось, ничто не предвещало беды. Неожиданно на тяжелый «ПЕ-8» сверху свалились два юрких «мессершмитта», которых навела на цель радиолокационная установка фашистов. Завязался неравный бой. Неуклюжий «петляков» срывался в пике, делал развороты, но уйти от стремительно наседавших «мессеров» не удавалось.

Бой кончился внезапно. Но испытания советских летчиков на этом не прекратились. Надо было дотянуть до аэродрома... Садиться на взлетно-посадочную полосу Архаров не рискнул: самолет был почти неуправляем, истерзан снарядами. Приземлиться удалось невдалеке, на поле. В тот момент, когда самолет коснулся земли, от удара взорвался немецкий термитный снаряд, попавший в машину в бою. Он перебил тремера глубины, сохранявшие центр тяжести машины.

Архаров и второй пилот, отброшенные в дальний угол кабины, бросились к штурвалу и выровняли самолет.

За героизм, успешное выполнение боевых заданий, за спасение самолета летчики получили награды, а командир Павел Михайлович Архаров удостоен звания Героя Советского Союза.

БАЛАШОВ Михаил Михайлович

канд. техн. наук, доцент МИХМ

С началом войны на строительстве оборонительных сооружений под Брянском. В феврале 1942 г. призван в армию и после короткой подготовки был направлен командиром расчета минометной батареи, затем вычислителем метеовзвода 13-й армии. Прошел с боями Украину, Бреслау, Берлин, Дрезден и закончил войну в Праге.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

В звании старшего лейтенанта демобилизован в 1947 г. и поступил в МИХМ. Закончил аспирантуру, защитил диссертацию, стал доцентом кафедры «Оборудование заводов пластмасс и резины».

В 1945-м в Праге нас встречала весна

[Воспоминания М. М. Балашова опубликованы в журнале «Вестник», 2005 г., №11]

Когда началась Великая Отечественная война, я с родителями жил в городе Ливны Орловской области. Мне было тогда полных 16 лет (я родился 30 ноября 1924 года), и я успел окончить 8 классов средней школы.

В конце июня или в начале июля я и другие ученики нашей школы поехали на работы по строительству оборонительных сооружений, сначала поездом через Орел, Брянск до станции Починок, затем пешком (40 км) до Монастырчина. Здесь была масса народа — копали противотанковые рвы. Недалеко был полевой аэродром, который то и дело бомбили немцы.

Был конец июля, когда немцы подошли к этим местам. Нам сказали идти до станции Починок для дальнейшей эвакуации поездом. Однако оказалось, что Брянск уже занят немцами, и нам предложили отправиться пешком до станции Ельня (70 км). Здесь нас погрузили на последний эшелон. Именно «на», а не «в»: открытые платформы были набиты битком, люди стояли. Состав тронулся, мы ехали на восток.

На какой-то станции прилетел немецкий бомбардировщик и сбросил бомбы, разрушив путь впереди и повредив здание вокзала. По счастью, на эшелон ни одна бомба не упала. А тут и наш истребитель появился, отогнал фашиста.

После того, как путь отремонтировали, мы двинулись дальше. Где-то перегрузились в пассажирские вагоны и приехали в Орел, затем в Ливны.

Я продолжил учиться в школе до ноября 1941 г., когда город был захвачен немцами, которые продвинулись и далее — до города Ельца. Но вскоре они были отброшены к Ливнам, который стал прифронтовым городом, часто подвергался артобстрелам и авиабомбардировкам. В конце декабря 1941 г. наши войска выбили немцев из города.

В феврале 1942 г., когда мне было 17 лет и 3 месяца, меня призвали в армию и направили в 161-й армейский запасной полк на минометную батарею курсантом, где после краткой подготовки мне присвоили звание младшего сержанта. После этого я был направлен в 107-й стрелковый полк в минометную батарею командиром расчета, а через некоторое время — в 62-ю батарею управления командующего артиллерией 13-й армии в метеовзвод вычислителем.

Здесь я служил до конца войны. Мы продвигались со штабом 13-й армии в направлениях Касторное, Ливны, Поньри, Чернигов, Коростень, Ровно, Сандомир, Бреслау, Берлин, Торгау, Дрезден, Прага. В день окончания войны мы находились под Прагой. После войны штаб 13-й армии переместился в город Ровно, и наша батарея управления была преобразована во взвод управления, где я продолжал служить до демобилизации в феврале 1947 г.

После демобилизации поступил на работу, уже как вольнонаемный, в штаб той же воинской части, где и служил, — в городе Ровно.

В это же время учился в ровенской вечерней средней школе (начал учиться там еще во время службы в армии).

В сентябре 1947 г. поступил в МИХМ и окончил его в 1952 г.

По окончании института работал на заводе «Карболит» в городе Орехово-Зуево механиком прессового цеха. В 1955 г. поступил в аспирантуру на кафедре «Оборудование заводов пластмасс и резины», сейчас это кафедра «Полимерсервис». По окончании аспирантуры работал на той же кафедре в должности ассистента.

В 1962 г. защитил диссертацию, с 1963 г. работал в должности старшего преподавателя, а с февраля 1965 г. — доцента.

Имею научные труды, авторские свидетельства и патенты в области производства и переработки полимерных материалов.

К Е Т О В

Георгий Иванович

сержант, затем лейтенант, выпускник МПИ

Прошел дорогами Брянщины, Белоруссии, Прибалтики, брал Кенигсберг, был ранен. Родился в деревне Вороново Курганской области в 1922 г. Детство и юность прошли среди репрессированных в барачных поселках Северного Урала.

Учился в Исовском горном техникуме (1939 — 1940).

С перерывом на фронтовые годы учился в Саратовском художественном училище. Прошел дорогами Брянщины, Белоруссии, Прибалтики, брал Кенигсберг, был ранен.

В 1961 г. окончил МПИ, факультет оформления печатной продукции.

С 1962 г. живет в Екатеринбурге, по 1985 г. возглавлял отдел оформления Средне-уральского книжного издательства.

Член Союза художников России. Заслуженный работник культуры РСФСР.

Военные будни

*[Фрагменты из книги Г.И. Кетова
«Путешествие из Екатеринбурга в Москву»,
г. Екатеринбург, 2006 г.]*

Война! Около военкомата в толпах мобилизованных ходят старенькие бабушки и всем подают по маленькой чарке водки, крестят им лоб и провозжают на германскую войну.

Метет февральская вьюга.

Тащит паровозик через всю Россию товарные вагоны. Мы на нарах, на золотистой соломе у печки-буржуйки. Маршевая рота едет на Северо-Западный фронт. Выгрузились ночью на станции Черный Дор. А дальше — пешком. Миновали озеро Селигер. Вскоре получили боевое крещение. Кто-то крикнул:

- Воздух!!!

Солдаты и черные воронки от взрывов бомб пятнами рассыпались по белоснежному полю. Так началась фронтовая жизнь.

Ясная звездная ночь. Стою на посту. Тихо. Мороз потрескивает по вершинам пихтового леса. Ледяными иголками скользит по спине, сыплет их сквозь ватные брюки. Они оседают в большом пальце левой ноги. Палец деревенеет, я подпрыгиваю, стучу ногой о ногу серыми задубелыми валенками.

Рядом по ледяной, укатанной канаве везут в ржавом железном корыте раненого. Струной натянулась веревка. Вместо лиц куржак, а горячее белое дыхание сгустками пара летит в ночное небо. Скрипит снег под тяжелыми шагами солдат. Белые маскхалаты, обрызганные синими тенями, ломко топорчатся.

Вдруг эта ночная картина наполняется резкими звуками, вспыхивает строчками трассирующих пуль. Пули прошивают ночной лес, раскаленными пчелами жалят деревья. С треском падают сучья, снежным бусом застилают глаза. И опять тихо. Лишь слышно, как железное корыто скрежещет на поворотах. В траншеях, сделанных из снега, мерзнет пехота. Под снегом болото. На деревьях «кукушки» стерегут зазевавшихся днем и ночью.

- Стой, кто идет?

- Свои!

Та-Та... Та-Та... Та-Та... Та-Та... Та-Та... Та-Та... Поезд спешит в Москву.

На Курской дуге. Впереди траншеи — там противник. Позади — наша траншея. Нас трое. Мы в глубокой узкой щели на «ничьей земле».

Пахнет сыростью. Душно и томно от неподвижности. Через пожухлую, опаленную солнцем траву просматриваем в перископ оборону противника. На дне щели рация. В аппаратный журнал записываем все замеченное. Проводим бесконечно долгие дни.

Ночью выползаем из щели. Ночью же, низко припав к земле, нам приносят пищу. От жары, от нервного напряжения она не лезет в рот. Хочется растянуться на земле, расправить скрюченное, обожженное за день солнцем тело... Долг свой перед родиной мы выполнили и вернулись в свою траншею, на свой наблюдательный пункт.

Воздух качнулся от взрыва — лягушку сдуло в траншею. Как красиво зеленое на мокрой глине...

По увалам медленно плывет горячее бесцветное марево. Замерзли траншеи, палит солнце. Дремлет пехота. На другой день перед рассветом началась артподготовка. По всему обозримому пространству заговорили орудия. Земля надсадно задергалась. Зарычали реактивные установки. Небо смешалось с землей. Нас подбрасывает, трясет, осыпает горячей гарью. Земля вместе с самолетами падает к ногам. Взлетел разнесенный прямым попаданием блиндаж ротного командира. Лечу в глубокий черный земляной колодец, выбираюсь из него. За бруствером слышен скрежет гусениц.

И вот мы вместе с пехотой вошли в первую траншею немецкой обороны. Здесь по нам впечатляюще сыграла наша «катюша». Я вбежал в большой глубокий блиндаж. Темно. Пахнуло холодом. Посредине стол, сделанный из мелких кругляшей, на нем труп немецкого офицера. Он лежит прямо, картинно, подбородок вверх. На полу пустые темные бутылки.

Выскочив из блиндажа, вижу наши танки. На большой скорости идут они вкось по хлебным полям, на танках пехота. Когда снаряд попадает в танк, солдаты, легкие-легкие, как игрушечные солдатики, разлетаются во все стороны. Совсем близко у кустарников мечутся под огнем немецкие солдаты. Все смешалось, все непонятно! Вскоре появились наши «студбеккеры» с орудиями. Мы соединились с огневицами.

Едем вперед по ровным, засеянным полям, слева и справа рвутся снаряды. Лежу на крыле «студебеккера» и вижу, как маленький шофер с голубыми обезумевшими глазами, в сплющенной на голове пилотке, отчаянно крутит баранку, объезжает дымящиеся воронки. Вдруг машина энергично разворачивается, орудие встает на одно колесо, и мы на большой скорости выскакиваем из-под обстрела. «А дорога дальше мчится, пылится, клубится, а вокруг земля дымитесь...»

Мечется между траншеями черный конь с черной полевой солдатской кухней. Скачет туда — скачет сюда. И никто не знает, где он потерял хозяина. Неуправляемый, резко меняет свой бег. Близко разорвался снаряд. Конь пугливо вздыбился, изогнул шею в сторону, разломатилась грива, из трубы вылетел сноп искр: черно-белая гравюра на фоне бурного неба! Вот он почти исчез на чужой стороне. Издалека, черным дьяволом совсем близко к нашим позициям. В этот момент стремительно выскочил из траншеи небольшой солдатик, колом взлетел к котлу. Нагреб рукой каши в подол гимнастерки и так же стремительно юркнул обратно. Го...Го...Го... — послышалось из траншеи. Театр!!! Трагическая комедия, где есть все: сцена, музыка, актеры, зрители. Такое масштабное представление мог создать только ужасный режиссер. Имя ему — война.

Было это не то на Брянщине, не то в Белоруссии. Время к вечеру. С неба падал белый пушистый снег. Входим в оставленную противником деревеньку.

- Они уси убегли, — сказала бабуля.

На отшибе стоит большая изба. Вокруг нее поле, запорошенное снегом, ветхия изгороди. В ней и решили ночь провести. Пути-дороги... «Пыль да туман, холода, тревоги, да степной бурьян». Вперед! Вперед! Каждый день. Тут у нас «бекасы» завелись. В этой избе накорезили большую русскую печь. Каждый снял свое обмундирование, белье и связал ремнем. Угли выгребли, связки положили в печь на доски, на прожарку, плотно закрыли ее заслонкой.

Ходим по избе голые, но в сапогах и шапках. Оружие под руками держим. В окна поглядываем. Сыплются шутки, цветет ядерный солдатский юмор. Слышим... в небе снаряды запели и стали падать на белоснежное поле перед избой. Полетела вверх черная пахота. Изба содрогается, мрачнеет. Юмор окреп до кладбищенского, заслоняя реальную опасность. Но мы не дрогнули! Решили: если дойдет до дела, то выскочим голые с криком: «Ура!» — а вперед выпустим Ваню Броднева. Он большой, его испугаются (где-то он сейчас, Ванюша Броднев? Жив ли? Я не раз согревался в лютую непогоду, прижимаясь к его широкой, горячей спине).

Но подвигу сбыться было не суждено. Вскоре все успокоилось, и тихая ночь обволокла печальную деревеньку.

В валенках и ватных брюках мы стоим по пояс в реке Горынь. Льдины царапают мой карабин.

От бывалых солдат мне не приходилось слышать о «кочующем орудии». Река Горынь в Ровенской области весной и осенью сильно разливается, а в зимнее время на многие километры покрывается гладким ровным льдом.

Ночь. В небе луна. Едем. Цокают копыта лошадей... Легко катится по льду орудие. Скользят длинные холодные тени в ледяной пустыне. Приглушенно звучит «... Темная ночь, только пули свистят по степи...» Над нами витает неосознанная, щемящая романтика войны.

В конце пути круто свернули в гору. На лесной поляне в предрассветный час по карте привязали орудие. Цели нам известны. Два выстрела и станины на передок! Только отскочили, как то место, где мы стояли, превратилось в страшное месиво: скальный камень, исковерканные деревья смешались в огромных воронках с запахом гари, пороха, смерти — мы знали, что нас запеленгуют.

Утром противник сообщает в свой штаб.

- Уничтожена русская батарея.

Нам весело! Катимся по льду обратно. Заря занимается.

В траншеях отвоеванного плацдарма на Соже лежали под песком солдаты. Наши или ихние? Надо было знать, куда ступить, чтобы нога не попала в мягкое...

Идем с пехотой! С полковой разведкой! Размывая ночную тьму, сыплет мелкий осенний дождик. Тянет конь по корявой, изуродованной войной дороге короткостволую пушку. Тихо. В тишине изредка слабо звякнет металл, вырвется приглушенный кашель, глухо упадут гневные слова в спину курильщику, воровато добывающего искру кресалом. И опять тихо, лишь слышно тяжелое чавканье солдатских сапог да дыхание разгоряченного коня.

Из-за поворота, из кустов взрывами гранат, автоматными очередями полыхнула мокрая ночная тьма. Падаем на дорогу, в канавы. Рассыпаемся... В ту же секунду наш плотный ответный огонь. И уже плюет снарядами полковая пушка. Еще десять минут — и все стихло. Посветили фонариком. За кустами на обочине дороги валяются исковерканные мотоциклы, рядом мотоциклисты-автоматчики. Вновь идем вперед, в тяжелую коварную темень.

Полузасыпанную немецкую траншею я миновал. Он стоял за траншеей в ровике. Поднял руки и повторял: — Гитлер капут! Ихь францосе, их францосе!

Я подбежал и прилег на бруствер — мы встретились лицом к лицу. Это был пожилой человек, типичный европеец с большими темно-синими глазами, прямым носом. Подбородок раздвоенный, щеки обросли седой щетиной.

Используя свои скудные познания в немецком языке, я стал задавать ему простенькие вопросы.

Был еще не вечер, но уже и не день. Впереди неровными всплесками горел какой-то пакгауз. Два танка ползали вдоль пустых немецких траншей, и никого поблизости из наших солдат не было. Я не увидел, а скорее почувствовал: слева легким снопом упал к нам офицер. Скользнули желто-оранжевые блики по брустверу.

У моего левого уха раздался выстрел — упала ваза из богемского стекла на камень, зазвенели осколки. Артмастер выстрелил из пистолета в висок моего пленного. На секунду я увидел его хищное лицо, красно-оранжевую полоску света на прямом носу, тонко сжатые губы. И он сразу исчез.

Сейчас, лежа на нижней полке вагона, под стук колес выплывают и исчезают варианты неслучившегося, и нет в них завершения... Сразу я не сказал пленному «Хинауф!» и не отвел его в штаб. А если бы мой палец в ту секунду в ответ на оскорбление нажал на спусковой крючок...

И что скажут наши блуждающие души друг другу, когда встретятся через тысячу лет в неведомом пространстве...

Батарея стоит на прямой наводке. С ходу, с колес мы сбиваем противника, не даем ему закрепиться. Командир орудия, сержант Бурлаков, сибиряк с пшеничными усами, кричит: «Ствол разогрелся, снаряды клинит!»

Запойно, экстазно ведет свою командирскую арию сержант Стовбун. Управленцы подносят ящики со снарядами. Льет пот с возбужденных лиц.

- Огурчиков подкиньте, — кричит в телефонную трубку командир батареи, вятский мужик капитан Шаранов. Но от грохота орудий никто никого не слышит. Все оглохли. Верно: птицы не поют, звери разбегаются, когда говорит бог войны.

Одна сторона реки была завалена трупами в тепло-зеленых мундирах — они лежали между изжесаванных пулеметными очередями деревьев головой к реке, другая — трупами в холодно-зеленых мундирах, они валялись кучками и вразброс. Когда все это свершилось, ночью, в гнетущей тишине протяжно, жутко выла волчица. Так плачут матери, когда теряют своих сыновей.

Мы шли на Запад.

Идем вторым эшелонем. Широкой полосой тянется перемешанная гусеницами танков и колесами орудий весенняя дорога. Слева от дороги на кудрявых русских берегах висят русские мужики в немецких мундирах. На рукавах знак РОА (русская освободительная армия). На одном из них косо болтается фанерная дощечка с неровными краями. По ней размашисто черным написано: «Предатель».

Война катилась по литовской земле. После тяжелого перехода наш дивизион душным летним вечером остановился на привал в полузаброшенном, ранее, как видно, богатом имении. Над нами, закрывая небо, глыбились кроны деревьев старого парка. В глубине его стоял большой двухэтажный дом. После ужина в сумерках все успокоилось, затихло, заснуло — не стало войны. Я смотрел на дом, на высокие деревья с могучими стволами, и эта странная, неожиданно нахлынувшая тишина перенесла меня в «Дворянское гнездо» Тургенева.

Спустя немного в одном из окон верхнего этажа пробился слабый огонек — кто-то зажег керосиновую лампу. Огонек поплыл из одного окна в другое и остановился. На фоне этого теплого света в окне на минуту появилась стройная дама в темном вечернем платье. Вначале слабо, неуверенно, но вскоре стройно и нежно зазвучал рояль — полилась музыка. Она играла ноктюрны Шопена. Воображение дорисовало прямую фигуру на стуле с низкой спинкой, волосы волнами стекают на плечи. Большие, широко открытые глаза сосредоточенно смотрят в темноту.

Потные и загорелые, за спиной вещмешок, автомат, плащ-палатка, вошли мы в каком-то маленьком польском селении в костел. Из холодной глубины, из темени, метнулись к нам тревожные глаза прихожан. Сняв пилотки, мы постояли немного в стороне от входа и вышли. В костеле играл орган, журчали слова проповедника, темнели смиренно склоненные спины.

Над селением полыхало весеннее солнце, розовели вишневые сады. За садами по пыльной дороге шли усталые солдаты войны.

Вошли в разрушенный Кенигсберг. Обгоревшие здания смотрели на нас черными глазницами окон. Время от времени самое ненадежное начинало медленно оседать, рушиться, поднимая клубы пыли и дыма. Полчища крыс бесстрашно хозяйничали всюду, нападали на спящих. На центральной узкой улице, в темном проеме подвала, я увидел белокурого ангела — молоденькую красивую девушку.

Показав рукой на конную статую, спросил: «Кто это?» Ангел четко ответил:

- Кайзер Фридрих Великий.

- Данке, шенхайт!

... У Ореста Георгиевича Верейского есть рисунок «Кенигсберг, 1945». На одном из всесоюзных конкурсов искусства книги, где он был председателем жюри, я искал случая, чтобы поговорить с ним о том далеком времени нашей молодости.

Идет жестокая артиллерийская дуэль. Прижатые к земле, лежим мы под крышей раскаленного металла. Место ровное, укрыться негде. Лязгают гусеницы, рвутся снаряды. И как-то само собой получается, что тело тихонько зарывается в землю. Рядом со мной разведчик Вася, он из Рязани. Головы поднять невозможно, а он повернулся на бок и достает из карманов фотографии. Показывает их мне. На фото его родные в традиционных позах, а на одной из них девушка, его сестра. Вася говорит: «Георгий, если меня убьют, перешли их домой по этому адресу. У меня предчувствие».

Завечерело. Грохот стих. Он лежал недвижный, длинный, красивый. Рот как у сестры на фото.

Усталые, невыспавшиеся, голодные и злые встретили мы предрассветное осеннее утро. Танки и самоходки после вчерашнего устало опустили хоботы. Видим, в серой водяной жиже в чахло-ельнике идет фриц в полном боевом, несет термос, ссутулится, смотрит в землю. Увидел нас, открыл рот, остановился. Танкисты: — Ха...Ха...Ха!!!

Подвели его к танку, а он:

- Гитлер капут! Гитлер капут!

Танкист постучал рукой по его каске, термос снял.

Мы весело позавтракали горошницей с мясом.

- Гут,- говорили фрицу. Он был старый, тотальный.

Вскоре мы пошли вперед: в ад, в грохот. К полудню мое тело было пробито осколками снаряда. Уже в госпитале, с большим опозданием, выполнил просьбу Васи.

На кроватях под простынями лежат забинтованные куклы-матрешки. Лица темные, желтые. Удодной была рука, у другой — нога. Приходят сестрички, нянечки, разжимают им ложечкой рот, толкают пищу. Когда все уходят, наступает мертвая тишина.

За трое суток вырезанная из белой бумаги темная голова сказала:

- Не хочу, поставьте укол.

- Доктор, миленькая! Переведите меня отсюда. Я здоровый, руки, ноги есть!- закричал я. Меня перевели на эту сторону от черты. Здесь была жизнь.

Душно. Жарко. Резаные тела ворочаются на скрипучих кроватях. Время застыло. Бесконечно длинная ночь обволакивает невидимой паутиной бескровные тела.

Рядом со мной лежит летчик без ноги. Его культя судорожно двигается: нырнула под одеяло — вынырнула и уставилась в мое лицо.

- Ты что не спишь?— сказала она.

- Мы гудим колокольным звоном, — отозвались мои ноги. По ночам они жили в снегах Северо-Западного фронта.

- Бледная рухлядь, что вы знаете о Мамаевом кургане?— вмешалась тазовая кость.

- Тише! Разбудите толстяка!— сказала тень сиреневой руки.

- Рама... А...А...А...! — тихим стоном пронеслось в коридоре, и призраки метельным вихрем унеслись в желтую, давно не стиранную стену. Вошла сестра. Включила свет. Выключила. Вышла.

Вновь жидким резиновым клеем потянулось время. Невидимое стало реальным. Вошла сестра...Было это в городе Даугавпилсе, в крепости.

«Младая память моя железом погибает, и тонкое тело мое увядает».

Плач Василька, князя Ростовского.

...Та-Та...Та-Та...Та-Та...Та-Та...Поезд спешит в Екатеринбург.

КОЛОДИЙ

Юрий Константинович

профессор МАМИ

Родился в 1922 г.

1940 — 1941 г. — курсант Вольского авиационного училища.

1941 — 1945 гг. — действующая армия, ВВС РККА.

Боевой путь: 1941 г. — Минск — Березина — Брянск; 1942 г. — Подмоскowie — Смоленск; 1943 г. — Курская дуга; 1944 г. — Минск — Гродно; 1945 г. — Польша, Восточная Пруссия — Кенигсберг — Эльба.

С 1948 г. — МАМИ, студент, ассистент; 1962 г. — доцент; 1988 г. — профессор кафедры «Детали машин и ПТУ», МАМИ.

Мой первый орден — орден Красного Знамени

[Печатается по сборнику «МАМИ в годы войны»,
М., 1995, с. 54 — 57]

Я окончил Вольское авиационное училище. Вольск — старинный русский город на Волге между Сызранью и Саратовом. Обучались мы по ускоренной программе. Война уж была на «носу», и требовалось много специалистов, поэтому и ввели ускоренное обучение по упрощенной программе. После окончания обучения присваивали воинское звание сержанта, а не лейтенанта, как было раньше. Количество вместо качества...

Последний экзамен сдавали 21 июня 1941 года. А завтра была война. Вот как будто все точно было рассчитано.

Назначение я получил в распоряжение Западного Особого военного округа в город Минск. До Минска мы не доехали. Рядом были германские танкисты. Через несколько дней Минск пал. Куда же нам деваться?

И тут повстречался пехотный капитан, видно, человек уже бывалый, участвовавший в боях. «Ребята, я формирую пехотный полк из отступающих окруженцев. Мне нужны командиры рот и взводов. Идите ко мне». Как сейчас помню, что я ему ответил: «А револьвер дашь? С патронами?» — «Дам, дам, даже автомат, и с патронами!» Вот такая психология мальчишек.

Побывали мы в пехоте на формировании неделю. Но вот беда. Попались на глаза полковнику, который командовал вновь создаваемой дивизией. Впоследствии его имя стало известно всем — Лизюков. Под Москвой в период оборонительных боев и нашего наступления он в чине генерал-майора командовал танковой дивизией. Дивизия его была одной из лучших.

А тогда только что вышел строжайший приказ И.В. Сталина, чтобы специалистов использовали строго по назначению. Вот и направили нас в военную комендатуру, а из нее в Курск на комплектование авиационной дивизии. Может быть, это и к лучшему, так как почти вся эта пехотная дивизия погибла в оборонительных боях в районе реки Березины. И при выходе из окружения.

Моя новая, теперь уж авиационная часть, находилась на переформировании в глубоком тылу, в Курске. Эта дивизия перед войной стояла в Могилеве, где очень сильно пострадала в первые дни войны в результате первых бомбежек и воздушных боев с германской авиацией. Мой полк был в основном укомплектован истребителями И-16, но были еще И-15, И-15-бис, И-153.

Поскольку в полку было много «безлошадных» летчиков, потерявших машины, то нам, молодым, перспектива не улыбалась. Когда еще получим самолеты, когда еще поднимемся в воздух...

Пока пришлось нам — «зеленым» специалистам работать в батальоне аэродромного обслуживания. Но вскоре мне повезло. Командование части узнало, что я в училище имел большие успехи в освоении пулемета ШКАС, стрелял точно, грамотно обслуживал технику. Командование рекомендовало меня в экипаж бомбардировщика ТБ-3 на должность стрелка. Так началась моя авиационная карьера, но пока не в качестве летчика, а только в экипаже. Но все же не на земле, а в воздухе, и не в тылу, а на фронте.

К тому времени самолеты ТБ-3 уже значительно устарели. Прежде всего, им не хватало скорости. Наибольшая скорость полета у них была 150 — 170 километров в час, ну, максимум 200, а ведь истребители тех времен, например МИГ-3, имели максимальную скорость до 700 км/час. Так что ТБ-3 в это время не представлял собой грозной боевой силы. Эти самолеты использовались для ночных рейсов, так как днем они были отличными летающими мишенями для истребителей противника. В ночных рейсах они использовались как транспортная авиация, ведь грузоподъемность у них была велика. Вот на такой самолет я и попал. Возили различные военные грузы как в тылу, так и через линию фронта.

Помнится такой случай. Один из экипажей нашего бомбардировщика, возвращаясь с боевого задания, дал командованию сведения, что в районе теперь хорошо всем известного Чернобыля обнаружена большая колонна танков врага, числом около тысячи машин. Ну, там тысячи не было. У страха глаза велики, но было их много, несколько сот. Это были танкисты Г. Гудериана, получившие задание пробиться в тыл и с тыла окружить Киев. Было где-то в середине августа. Приказано всем экипажам, находящимся в квадрате, вести наблюдения. И вдруг эти танки пропали, как сквозь землю провалились. Ищем — найти не можем. Посылали туда много экипажей, в том числе и наш ТБ-3, да еще днем. Что же делать? Так и не нашли немцев. Обнаружили их позже, когда они, пройдя севернее Киева, оказались в нашем тылу.

Поле войны из мемуарной литературы мы определили, куда делись эти танки. Г. Гудериан пишет, что его танкисты шли так быстро по нашим тылам, не встречая сопротивления, что

оторвались от баз снабжения и остались без горючего. А тыловые части немцев были потом отсечены нашими войсками. Ну и пришлось Гудериану несколько дней «куковать». Но чтобы их не обнаружили с воздуха, приняли они все возможные меры маскировки. Как пишут немцы в мемуарах, танки они ставили только в селах, только под большими деревьями, и не как попало, а вплотную, борт к борту. Да еще искусственная маскировка! Вот и весь наш полк, в том числе и наш экипаж, так и не могли их найти. Так и прошли они в тыл к нам на стыке Резервного и Брянского фронтов. А Киев был окружен где-то 10 сентября. Второй удар немцы нанесли южнее Киева и соединились в районе г.Ромны.

Но вдруг нам несказанно повезло, в том числе и мне. Мы получили партию новых самолетов — истребителей, штук 30 — 40. Опытные летчики сели на современные грозные МИГи, а мы, молодежь, — на более скромные машины, например, мне досталась «Чайка» И-153. Это был уже значительно устаревший, тихоходный истребитель, слабо вооруженный, но еще весьма распространенный в ВВС РКК. Но главное его преимущество, равно как и у И-15, И-15 бис и И-16, состояло в исключительной маневренности.

Вот на этом самолете мне пришлось летать. Тут и произошел со мной случай, о котором я хочу рассказать.

Итак, получив самолеты, мы вылетели к фронту. Аэродромами базирования у нас были Карачаево и Жуковка под Брянском. Это было в конце августа 1941 года. Какие задания мы тогда выполняли? Сопровождали наши бомбардировщики, охраняли с воздуха объекты, летали на разведку за линию фронта, ходили на штурмовку к линии фронта и за нее, т.е. совершали налеты на коммуникации врага. Вылетов в день было много, часто доходило до 4 — 6 боевых с утра до вечера.

Так вот, возвращаясь я поздно вечером. Уже темно. Вижу: какой-то бомбардировщик штурмует наши позиции. Ошибиться, где линия фронта, где свои и где чужие, я не мог, так как мы, истребители, свой участок знали наизусть. 4 — 5 вылетов в день! Столько раз летишь туда и столько же раз обратно. Знаешь все наизусть. Можешь летать с закрытыми глазами. Бомбардировщики летают далеко. Они летают по карте. В экипаже есть специалист-штурман. Карта и ориентиры. Или, как тогда говорили летчики, летаем по компасу Кагановича, т.е. по ориентирам: железные дороги, реки, шоссе и т.п. У истребителя путь не далек. Вся жизнь рядом с аэродромом. Взлетел, полетал — и обратно. Тут знаешь все наизусть — не заблудишься.

Так вот, какой-то бомбардировщик штурмует позиции нашей пехоты. Темно. На моей стороне преимущество — внезапность. Он меня не видит и не ждет. Я выше его. Я пока тоже его не вижу. Нашел его по разрывам бомб. Когда спустился ниже, увидел выхлопной огонь из глушителей. По этому ориентиру подхожу к нему поближе и в левый мотор всаживаю весь оставшийся боекомплект. Первые моменты после стрельбы тревожные. Вроде бы, промазал. Результатов не видно. Но вдруг бомбардировщик стал заваливаться влево, а затем из-под моторного капота стало выбиваться пламя. Ага, попал!

Бомбардировщик пошел к земле, а я на последних каплях горючего спланировал на дорожку своего аэродрома. Он был почти рядом. Докладываю командиру, что задание выполнено, что сбил самолет врага. На радостях бегу в столовую ужинать. Только закончил, как подъезжает «эмочка» из Особого отдела. Выходит майор и старший лейтенант. Говорят: «Только что ваш летчик сбил наш самолет». Как так? Всеобщая тревога. Поехали с командиром на место разбираться. Подходим. У самолета уже стоит часовой-красноармеец с винтовкой. Обошли самолет. На «пузе» лежит наш ДБ-3Ф с красными звездами. Сколько мыслей и чувств пронеслось в голове и сердце. Как же сбил своего? Как я ошибся? Теперь что же — военный суд? Но он ведь бомбардировал наши позиции! Я же не мог ошибиться!

Особенно активно вел себя старший лейтенант. Подошел к кабине: «А летчики мне не нравятся». Открыл дверь. Позвал нас на помощь. Вытаскиваем труп летчика. Расстегнул он комбинезон летчика, а под ним немецкая форма. Полковник уже в годах. На шее — стальной крест. Вынули еще троих летчиков — все немцы. Майор прямо расчувствовался. Пожал мне руку, поздравил с победой. Достает из планшета коробочку и протягивает мне: «На, пацан, заслужил, носи!» Открываю, а там настоящий орден Красной Звезды!

Прибыл в часть, а меня встречают как героя. Не потому что одержал победу и сбил немца. Нет, это уже бывало много раз. Дело в другом. Снято в части неприятное пятно. Самолет мог бы быть в самом деле нашим!

В тот же вечер я получил другую награду, но совсем другого рода. Взял на память стальной крест полковника. На кресте дата — 1918 год. Опытный был летчик. Храню как реликвию до сих пор. Так и походил я в героях. Многие опытные летчики тогда не имели даже таких наград. А тут еще мальчишка!

Вот вы спрашиваете, бывали такие случаи, когда жизнь висела на волоске? Сколько угодно! Так на фронте всегда, а в авиации тем более. Вот случай. Я тогда летал на бомбардировщике, был парторгом эскадрильи. Пришел к нам в полк опытный летчик подполковник Серенко, а командиром полка был тогда у нас майор Серенко — летчик заслуженный: орден Ленина и Красного Знамени за Испанию, много других наград.

Прислали его к нам за какую-то провинность на исправление. Летал он отлично, воевал прекрасно. Но командир полка его берет. Часто давал ему дела, не связанные с полетами: учить молодых летчиков, вести с экипажами радиосвязь, давать практические советы экипажам по радио. А самолет его и мы, его экипаж, находились при этом на земле. И никто другой кроме «бати» не мог взять наш самолет. Но вот прибегают из другой эскадрильи капитан и буквально кричит: «У меня отказал один мотор, надо лететь, давай самолет, комполка разрешил!» Решение командира полка не оспаривается. Да и время горячее, полеты очень важные. Пришлось дать ему самолет. Жди теперь от «бати» разноса! «Но с каким экипажем полетите, товарищ капитан? Со своим или с нашим?» — «Со своим, а вы помогите механикам сменить мотор». Так и полетели. И не вернулись. Сказал бы: «Полечу с вами» — не пришлось бы писать эти строки. А так еще прожил 50 лет. Вот что такое война, что такое авиация...

Прошло много времени. Было много боев, побед, награды, много горьких утрат. Были выходы пешком из окружения. В мае 1945 года была радостная Победа.

А потом учеба в МАМИ, диссертация. Время пролетело быстро, полвека — и незаметно. Оно бежит все быстрее. Вот и подкрадывается старость... А вообще, можно было бы написать целую повесть о войне, об авиации. О людях, о победах в воздухе и обо всем, что встретилось на жизненном пути, что дорого сердцу.

КЛИМОВ

Дмитрий Юрьевич (1916 — 1995)

канд. техн. наук, доцент МПИ

Родился 28 ноября 1916 года во Владимире. В 1931 г. поступил учиться в ФЗУ, по окончании работал десятником на кирпичном заводе и одновременно учился на вечернем отделении рабфака. В 1934 г. поступил на технологический факультет МПИ. В 1939 г. по распределению уехал в Алма-Ату, работал начальником литоофсетного цеха Алма-Атинского полиграфкомбината.

Выпускник МПИ 1939 г. В ноябре 1939 г. призван в ряды Красной Армии. Служил в Бессарабии, там и застала его война.

В суровые годы войны находился на фронтах в составе Южного, Западного, Брянского, Центрального, 1, 2, 3-го Белорусских фронтов. Участник битвы на Курской дуге. Начал войну на р. Прут, окончил в Восточной Пруссии под Кенигсбергом (1945). Награжден орденом и медалями.

После войны работал в Госстройиздате начальником полиграфического отдела, проектировал и запускал Владимирскую типографию (1948).

С 1949 г. — на педагогической работе в МПИ. Защитил в 1954 г. кандидатскую диссертацию «Типографские печатные формы с высокоэластичными покрытиями». В 1958 г. ему присвоено ученое звание доцента кафедры полиграфических материалов. С 1955 г. работал заместителем декана, затем деканом факультета полиграфической технологии, с 1957 по 1967 г. — проректором по науке, с 1967 по 1974 г. — доцентом кафедры «Полиграфические материалы и органическая химия». С 1974 по 1980 г. — заместитель директора ВНИ-Иполиграфии, с 1980 по 1986 г. — заведующий кафедрой «Технологии печатных процессов».

Получил приоритетную справку на авторское свидетельство при выполнении темы «Печатная форма с резиновой печатающей поверхностью». Провел работу «Исследование возможностей получения гладких каучуковых пленок -покрытий методом электрофореза» и др. Одновременно разработал и осуществил организацию поточных линий по производству беловых товаров на производстве. Принимал участие в проектировании новых типографий в Москве (Машгиз), Волгограде и др. городах. Автор более 20 авторских свидетельств, совместно с профессором И.И. Балогом разработал метод бесконтактной электрографической печати.

Награжден медалью «За трудовое отличие» и знаком «Отличник печати».

В сорок третьем под Курском

[Воспоминания Д.Ю. Климова опубликованы в газете «Советский полиграфист» 29 декабря 1983 г.]

В мае 1943 года начальник штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии фельдмаршал Кейтель заявил: «Мы должны наступать из политических соображений». В этих целях была разработана наступательная операция большого масштаба, получившая название «Цитадель». Операцию планировалось осуществить летом 1943 г. в районе так называемого Курского выступа (Курской дуги).

- В ночь на 5 июля 1943 года, — рассказывает участник Великой Отечественной войны, заведующий кафедрой технологии печатных процессов доцент Д.Ю. Климов, — на нашем участке фронта, расположенном в районе станции Поныри, что между Курском и Орлом, разведка 47-го стрелкового полка 15-й Сивашской дивизии захватила в плен делавшего проходы в минных полях немецкого сапера и доставила его в штаб. На допросе пленный показал, что в 3 часа утра ожидается сокрушительное наступление немецких войск на Орловско-Курском направлении.

Дальше произошло то, что многим известно по учебникам истории, книгам и фильмам.

Вначале заговорили наши орудия. На вражеские войска, изготовившиеся к наступлению, на его батареи обрушился огонь пушек и минометов. Он продолжался около получаса. Затем наступило затишье.

С рассветом немцы начали свою артподготовку. Отвлекающий удар противник обрушил на наших соседей, расположенных в Малоархангельской и Ольховатке. А уж после этого огонь вражеских батарей переместился на Поныри. Артподготовка была очень сильной и продолжалась минут сорок. После этого, как обычно, появились самолеты. Позже стало известно, что на нашем участке фронта было около трех тысяч самолетов. Потом пошли танки. Одни делали проходы в минных полях, другие вели огонь по артиллерии. Но артиллеристы храбро защищались. Настоящее мужество показал в бою командир батареи старший лейтенант Крапивка. Когда погиб весь расчет, он сам встал к орудию и уничтожил пять танков противника. Но танки все-таки прошли и нужно было отходить. Я вспомнил, что на КП находился начальник полка майор Б.Б. Селиверстов, и побежал к блиндажу. Командира я застал сидящим у телефона. «Танки!» — сообщил я ему». — «Где?» — «В стапятидесяти метрах отсюда». Он выругался, бросил трубку, и мы вышли наружу. Командир собралцелевых бойцов и мы, чтобы не оказаться отрезанными от своих частей, отошли вглубь обороны. Не успели закрепиться, как опять на нас пошли танки. И тогда только мы сумели разглядеть, что представляет собой новейшая техника гитлеровцев в действии. Мы увидели «тигры». В панику они нас не повергли, но впечатление произвели. Именно эти танки, обладавшие большой броней, штурмовали наши позиции, прокладывая путь пехоте и бронетранспортерам.

К вечеру наш полк и учебный батальон оказались отрезанными от основных сил. Нужно было восстановить с ними связь. Сделать это поручили мне, и это удалось. В ту ночь мне дважды пришлось проходить мимо вражеских позиций, но связь была налажена. А было и так, что не возвращались. Вражеский снайпер смертельно ранил моего друга и командира Бориса Селиверстова. Он умер на моих руках. Потери были большие. Потом к нам подошли «сталинградцы» и стало легче.

«Почти двухмесячная Курская битва завершилась убедительной победой Советских Вооруженных Сил, — писал в своей книге “Дело всей жизни” Маршал Советского Союза А.М. Василевский. — Москва, Сталинград, Курск стали тремя важными этапами в борьбе с врагом, тремя историческими рубежами на пути к победе над фашистской Германией».

В 1943 г. сержант Д.Ю. Климов был награжден медалью «За отвагу». Это была его первая награда. Потом были другие: орден Красной Звезды, «За штурм Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» Есть у Дмитрия Юрьевича и мирные награды: медали «За трудовое отличие» и «Ветеран труда».

— Сорок лет назад, — говорит в заключение Д.Ю. Климов, — мы воевали за то, чтобы никогда не было войны. Мы верили в нашу победу и нисколько не сомневались, что она придет. Участники войны хорошо знают, что принес гитлеровский «новый порядок» народам Европы, мы видели смерть и разрушения, слезы женщин и плач детей. Поэтому сегодня мы, ветераны, как и все советские люди, едины в желании сохранить мир на Земле, не допустить новой ядерной катастрофы.

ЛАЗАРЕВ Александр Васильевич

канд. истор. наук, доцент МПИ

Родился в трудный для страны 1921 год в многодетной семье рабочего-железнодорожника в поселке Вязники Владимирской области. Окончил педагогическое училище. До 1942 г. преподавал историю в средней школе.

Призван в армию в начале 1942 г., направлен на курсы контрразведки «Смерш», откуда в июне 1943 г. — на Брянский фронт. Участвовал в Курской битве в составе 380 с.д. 1-го Белорусского фронта, в переправе через Днепр в 1944 г., затем — освобождение Польши, бои в Германии. Победу встретил в районе Штеттин на Балтике.

После войны преподавал в МПИ (политэкономии и научный коммунизм). До 2009 г. — в Московском государственном социально-гуманитарном институте.

Воспоминания А.В. Лазарева

[Воспоминания, опубликованные в газете «Нонпарель»]

Это произошло в курьезный день 1 апреля, примечательный еще и потому, что подвыпившие отец и крестный потеряли младенца, возвращаясь на санях с процедуры крещения. Ребенок «позагорал» на снегу под апрельским солнышком. Кто знает, может быть, это помогло позднее в годы ВОВ без особых последствий спать прямо в снежных сугробах.

Надо заметить, что 1 апреля помимо курьеза имеет и положительный смысл, особенно для тех, кто имеет намерение поздравить человека с днем рождения. Трудно не заметить эту дату.

Трудные годы определили и трудное детство. Однако, как и все, учился. Вначале в местной школе 7-летке (тогда еще не было 10-леток, но существовали техникумы и училища), а затем в педагогическом училище. К слову, родители, несмотря на скудость существования, не препятствовали стремлению к образованию.

После окончания педучилища началась моя педагогическая деятельность, которая прерывалась лишь в годы ВОВ. И в армию меня призвали в начале 1942 года, когда я преподавал историю в средней школе.

В армии, будучи в учебном полку, был направлен в Свердловск (ныне — Екатеринбург) на курсы контрразведки «Смерш», а оттуда в июне 1943 года на Брянский фронт. С этого времени и до окончания войны находился на фронтах.

Мое прибытие на фронт совпало с грандиозной Курской битвой, в которой и принимал участие в составе 380-й стрелковой дивизии. За освобождение города Орла от немецко-фашистских захватчиков 380-й дивизии было присвоено почетное звание «Орловской». Освобождение городов Орла и Белгорода 5 августа 1943 года было отмечено первым в истории ВОВ вдохновляющим салютом.

Наша часть входила в город Орел со стороны вокзала, и в памяти возникает тягостное зрелище хаоса, нагромождение изуродованных металлических конструкций. Кругом все было разрушено, безлюдно и производило впечатление какого-то лунного пейзажа. Глядя на эти разрушения, невольно подумалось о том, сколько же надо усилий, чтобы восстановить разрушенное и вернуть снова к жизни.

После освобождения города Орла наша часть продолжала наступление, а затем наступила длительная пауза обороны. Мой стрелковый батальон в районе небольшого города Быхова на Днепре держал оборону всю зиму с сорок третьего на сорок четвертый год. Активная жизнь в обороне в основном протекала ночью, когда можно было относительно безопасно общаться с тылами и когда приходила кухня. Днем позиции батальона простреливались артиллерией и снайперами, приходилось поэтому передвигаться по глубоким траншеям. Ночью выбирались из траншей и ходили по брустверу, не обращая особого внимания на трассирующие очереди вражеских пулеметов.

Всякого рода опасности не покидали нас и в это время. Достаточно вспомнить артподготовки, которые противник неоднократно предпринимал. Кто их пережил, знает, какие чувства испытываешь, а другим можно пожелать никогда их не испытывать. К этому времени относятся воспоминания о тревожных операциях по захвату «языка» и многое другое. Всего не перескажешь...

Новый 1944 год запомнился наступлением наших войск по всему фронту. Для меня это наступление началось ночью, переправой через Днепр. На противоположном берегу горела подожженная немцами деревня, а сами они только что отходили с другого ее конца.

Боевая ситуация на нашем 2-м Белорусском фронте сложилась довольно неоднозначная. Противник после ожесточенного сопротивления стал быстро отходить, оставляя разрозненные подразделения для прикрытия. Объяснялось это тем, что войска наших 1-го и 3-го Белорусских фронтов, стремительно развивая наступление, угрожали противнику полным окружением. Для нас это выразилось в необходимости с полным снаряжением совершать марш-броски по 60 километров день за днем.

В качестве итога наступательных операций «наши» пленные многотысячной колонной промаршировали по Москве, свидетельствуя о победах Советской Армии.

В последнем военном году новое наступление для моей части начиналось уже за пределами нашей страны, с территории Польши. Следует отметить, что наступление войск 2-го Белорусского фронта развивалось при подавляющем превосходстве над противником, особенно в танках и авиации. Предчувствие близкой победы вдохновляло, жаль только, что не удалось побывать в Берлине. Продвигались с боями на запад, севернее Берлина, на реке Одер — через Штеттин и выходом к Балтийскому морю в районе Лигнитц.

Радость победы была всеобщей, а мне еще нужно было подумать об устройстве своей жизни в мирных условиях. Тогда мне всего-то было 24 года от роду.

Я выбрал путь учебы и продолжения преподавательской деятельности: окончил институт и аспирантуру, защитил диссертацию на ученую степень кандидата наук и до окончания профессиональной деятельности преподавал в вузах города Москвы.

Если ЗАЩИТНИК — настоящий

*[Интервью Екатерины Ярославцевой с А.В.Лазаревым
опубликованное в газете «Нонпарель», 2010, № 4]*

«Однажды немцы открыли массированный огонь по нашим траншеям, и один снаряд попал в мой блиндаж. Меня контузило. На умственных способностях это не сказалось, а вот на памяти....

И двигательная функция рук: писать я, например, не могу нормально — вынужден набирать», — взглядом показывает на зачехленный компьютерный монитор.

В армию призвали, когда ему был двадцать один. Как мне сейчас. В 42-м молодой учитель истории оказался в учебном танковом полку — учиться на стрелка-радиста. Потом направили в Чебаркуль — там собиралась пехота запасного стрелкового полка. «Вдруг Особый отдел предложил перейти к ним на службу, — рассказывает Александр Васильевич. — Меня направили в Свердловск на шифровальные курсы и оттуда летом 43-го — на фронт, на Орловско-Курскую дугу».

Молодой парень не хотел отсиживаться в штабе — и попросился в действующую часть. Так Александр Васильевич оказался в 380-й стрелковой дивизии, участвовавшей в освобождении Орла. Дивизии было присвоено почетное звание «Орловской».

Закончил войну Александр Васильевич в батальоне фронтового подчинения контрразведки.

«В конце 43-го мы долго стояли в обороне на Днепре, в районе Быхова. Самое нудное, паршивое дело — оборона! — рассказывает Александр Васильевич. — Целый день сидишь в траншее. Даже головы не высунешь — снайпер “снимет”. Только ночью, когда подходила кухня и снабжение, выползали. Но я однажды вылез днем. Между концом траншеи и лесом, где можно укрыться, около четырехсот “простреливаемых” метров. Бежишь — слышишь свист снарядов — падаешь — снаряды взрываются — пока немцы перезаряжают орудия, ты вскакиваешь и бежишь дальше — снова слышишь выстрелы — падаешь... Могли убить, конечно, но огонь не прицельный — сложно попасть. К тому же у опытного солдата чувство опасности притупляется».

И все же сердце задыхается под прессом страха. Когда с воздуха атакует истребитель и ты — как на ладони. Когда мимо свистят трассирующие пули. Когда складываешь брустверы — защитные «стены» — из трупов немцев. Когда не можешь поднять головы — а вдруг под ногами мина?

«Был случай: ночью прошел по полю, а утром увидел надпись: “Минное поле. Не ходить”. Миновало. Ко мне судьба благосклонна: я попадал и под артиллерийские обстрелы, и под авиационные бомбардировки...».

Бывало, спали на снегу, спали на ходу, спали стоя. В 44-м Александр Васильевич воевал на Втором Белорусском фронте. Первый и Третий фронты начали замыкать кольцо вокруг немецких частей, стоявших перед Вторым фронтом. Сначала немцы отчаянно сопротивлялись, а потом стали отступать. «Мы были вынуждены их догонять, — рассказывает Александр Васильевич. — В сутки проходили по 60 — 70 км, и так — почти неделю. Я шел налегке, но некоторые несли плиты от минометов, пулеметы “Максим”. Многие не выдерживали — отставали. На привалах, пока солдаты спали, медики обрабатывали их стертые ноги. Трудно поверить, что люди способны на такие переходы! И ведь не болели — нельзя было. А немцы все-таки попали в окружение и капитулировали. “Наших” пленных потом провели по Москве...»

«Случись война сейчас, смогли бы мы вот так же сплотиться? Страшный вопрос для моего поколения» — «Во-первых, существенно изменился сам характер ведения войны. Большой армии сегодня и не нужно — она должна быть профессиональной и современной. Во-вторых, изменилась психология. Каждый гонится за материальными благами, и ему не важно, в какой стране делать деньги. Этот “космополитизм”, всеобщая коммерциализация развращают. И все же говорить, что “патриотизм — прибежище для негодяев”, нельзя. Мы же болеем за страну на Олимпиаде! Не все еще потеряно. И Девятое мая — праздник, который нас объединяет, хотя и были после 90-х попытки принизить его значение. Правда, сейчас на первый план выходит Новый год...».

ШИЛКИН
Петр Павлович

канд. истор. наук, доцент МИХМ

Родился в 1915 г. Комсомолец 30-х годов. Участвовал в строительстве Комсомольска-на-Амуре.

С началом войны окончил краткосрочные курсы подготовки командного состава. В звании капитана командовал минометной ротой с 1941 по 1943 г., когда был ранен и демобилизован. Участвовал в Орловско-Курской битве, в форсировании Днепра, взятии Киева, Коростеня и других городов. Был начальником штаба минометного армейского полка.

Награжден двумя орденами Отечественной войны II степени.

В МИХМе с 1950 г. — после окончания высшей партийной школы при ЦК КПСС и работы в Бауманском райкоме партии. Был доцентом кафедры «История КПСС и философия».

В жизни всегда есть место подвигу

[Фрагмент статьи о П.П. Шилкине, опубликован в газете «За кадры химического машиностроения» 21 марта 1975 г.]

Петр Павлович попал на фронт в 1941 году после кратковременного обучения на курсах подготовки командного состава.

Минометной ротой капитан командовал до 13 февраля 1943 года, когда в одном из боев, корректируя огонь ротных минометов, он встал во весь рост на снежном сугробе открытой местности, обстреливаемой со всех сторон противником, и был ранен. За этот подвиг был представлен к награде орденом Отечественной войны II степени. По возвращении из госпиталя Шилкин П.П. попадает в другую часть. В ее составе он участвует в Орловско-Курской битве, форсировании Днепра, взятии Киева, Коростеня и других городов. Будучи уже начальником штаба минометного армейского полка, П.П. Шилкин совершает новый подвиг, за который вторично награждается орденом Отечественной войны II степени: он выводит из-под удара противника минометную батарею, оказавшуюся по угрозой захвата, и налаживает ее действия на новых позициях.

Последние боевые действия Петра Павловича Шилкина были связаны с освобождением города Коростеня на Украине. При попытке перехода линии немецкой обороны, попав под пулеметный огонь 24 ноября 1943 года он был вновь тяжело ранен и отправлен в госпиталь.

ДОБРОГАЕВ
Ростислав Павлович (1916 – 2008),

*д-р техн. наук, профессор МАМИ, заслуженный деятель науки техники РСФСР,
академик Академии Транспорта*

Родился 27 марта 1916 года в Киеве. Видный ученый – книга «Двигатель внутреннего сгорания», имевшая много переизданий, изобретатель.

В годы Великой Отечественной войны был призван в армию Ташкентским РВК. Служил с июня 1942 г. по май 1945 г. В ПТРБ 210 31 танкового корпуса. Командир взвода спецработ Подвижного танково-ремонтной базы 210.

Старший техник-лейтенант, затем инженер – полковник.

За войну получил 12 Грамот-Благодарностей от Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945» и медалью Чехословацкой социалистической республики.

После войны 22 года работал преподавателем на кафедре танков и двигателей Бронетанковой Академии. За это время он создал расчет и внедрил на тяжелых танках пучковотореную подвеску, принимал участие в конструировании и испытаниях короткоходного танкового двигателя, в испытаниях бронетанковой техники на действие ударной волны тротилового эквивалента ядерного взрыва и при преодолении вертикальных препятствий, присутствовал при пуске космического корабля на Венеру.

В 1967 году после защиты докторской диссертации 4 года работал начальником кафедры двигателей и базовых машин в Военно-Инженерной Академии им. В.В. Куйбышева.

С 1971 года работал в МАМИ на кафедре автомобильных и тракторных двигателей. В течение пяти лет заведовал этой кафедрой. Был членом Советов ВАК и председателем Госкомиссий при приеме новых двигателей.

Он автор и соавтор 6 учебников, 6 учебных пособий и около 200 научных трудов.

За заслуги в деле изобретательства награжден серебряной медалью Международной Академией авторов научных открытий и изобретений.

[Статья написана по материалам интернет-издания и книги «Московский Государственный Технологический университет МАМИ» (К 145-летию) М., 2010]

ШЛУГЕР

Михаил Александрович (1924 – 1997),

*д-р техн. наук, профессор МАМИ, заслуженный деятель науки техники РСФСР,
заведующий кафедрой неорганической химии МВМИ,
создатель отечественной гальванотехники*

Родился в Москве (10) 24 января 1924 года. Трудовую деятельность начал рабочим на одном из оборонных заводов.

Когда началась война

*[Воспоминание М.А.Шлугера, опубликованные
в газете «Мартеновка» 19 мая 1980 г.]*

21 июня 1941 года в школе, которую я закончил, был выпускной вечер. Мне и еще двум моим друзьям было по семнадцать лет, а большинству — по восемнадцать. В тот вечер было очень весело. Уже поздно ночью мы вышли из школы, которая находилась на улице Осипенко, и пошли в центр Москвы на Красную площадь, к Большому театру. После долгой прогулки в эту спокойную, как мне казалось, в теплую ночь спалось очень хорошо.

Уже после одиннадцати часов дня я проснулся, и первое, что услышал, — по радио будет выступать нарком иностранных дел В.М. Молотов. Все соседи с тревогой смотрели на черный диск радиорепродуктора и ждали, что же будет сказано. С первых же слов мы поняли — война.

Международная обстановка была такова, что войну, конечно, ждали, но мало кто верил, что реальность опередит наши ожидания. Первое, что я решил, — это идти в школу, узнать, что надо делать. Так вот, оказывается, в то время, когда мы гуляли по Москве и думали, что жизнь прекрасна и удивительна, уже шла война, уже лилась кровь. Как оказалось, не только я, но и все ребята пришли в школу. Директор попросил нас освободить подвал школы от старой мебели и превратить этот подвал в бомбоубежище. Мы с энтузиазмом начали выполнять это первое военное задание.

Работа в подвале напомнила нам об одном дне зимы прошлого года. Тогда к нам в гости приехали испанские дети, которые жили где-то в Подмосковье. Мы их водили по Москве, устроили им концерт, а потом повели в подвал, где был устроен тир для стрельбы из мелкокалиберного оружия. В те времена была такая мишень «Фашист». На ней была изображена голова зеленого человека в каске. Так вот, испанские дети, пережившие ужасы гражданской войны и знавшие, что такое «фашист», буквально менялись, прицеливаясь в зеленую голову, изображенную на мишени. Ненависть к врагу мы читали на их лицах. Тогда мы это не полностью осознавали. 22 июня для нас война была уже страшной реальностью.

Хотя было воскресенье, но мы все пошли в райком комсомола на площадь Ленина. Инструктор, молодая девушка, сказала нам, что те, кому уже есть 18 лет, должны идти в военкомат, а тем, кому еще 17 лет, нужно заменить на заводе более старших, уходящих на фронт. Так на следующий день после начала войны, с направлением райкома и с двумя своими друзьями пришел на бывший Московский завод «Металлолампа». Здесь, на Озерковской набережной, и началась моя трудовая деятельность в слесарном отделении гальванического цеха.

В семнадцать лет было очень трудно работать по двенадцать часов, особенно в ночную смену. Еще более трудными были те дни, когда осуществлялся переход из дневной смены в ночную и наоборот. Работать при этом приходилось 18 часов. Когда мы работали в дневную смену то ночью во время воздушных тревог приходилось дежурить на крыше дома, тушить зажигательные бомбы, которые, особенно в первые бомбежки, в большом количестве и беспорядочно сбрасывались на Москву. Было очень страшно, когда близко рвались фугасные бомбы. Первое время очень страшно было слушать свист бомб. Он начинался где-то очень высоко и еле слышно. Потом начинал разрастаться и, казалось, заполнять все вокруг, подавляя своей неотвратимостью. И уже, прижавшись к стене или лежа на полу, я слышал оглушительный грохот разрыва. Потом я и все вокруг привыкли к этому. Работа на заводе не прекращалась во время воздушных тревог.

Когда мы работали в ночную смену, то, придя с завода домой, спали несколько часов и бежали в центр. В два часа дня начинались спектакли в нескольких, оставшихся в Москве театрах. Не очень нам тогда верилось, что война будет такой долгой и трудной. Не всегда в семнадцать лет все воспринимается вполне реально. Еще учась в школе, все мы полюбили Большой театр и стремились часто бывать там. Хотя основная труппа Большого театра эвакуировалась в Куйбышев, жизнь этого театра продолжалась и в Москве. Правда, спектакли шли не в основном здании, куда летом попала бомба, сброшенная со случайно залетевшего днем самолета, а в здании филиала театра на Пушкинской улице, где сейчас помещается театр Оперетты. После «Лебединого озера» или «Евгения Онегина» мы опять бежали на завод к своим верстакам.

Спустя год после начала Великой Отечественной войны, в июне 1942 года, я добровольно вступил в ряды Красной Армии и прослужил в Вооруженных Силах почти двадцать восемь лет вплоть до весны 1970 года.

В 1940 г. становится слушателем Военной академии химической защиты, откуда ушел на фронт в 1942 г. Командир отделения химического взвода 594 с.п. 207 с.д. 10 гвардейской армии Западного фронта.

***Из рукописного донесения:** «18 ноября 1943 года старший сержант Шлугер во время несения службы поста Химического наблюдения в районе 2-го стрелкового батальона 534 с.п. был ранен. Несмотря на ранение в области черепа, преодолевая боль, отказался идти в медицинский пункт. Оказав самопомощь, продолжал нести службу химического наблюдения до прихода сменного наблюдателя. С подробной информацией работы и расположения пятиствольных летательных аппаратов и шестиствольных минометов. После оказания медпомощи ст.сержант Шлугер вновь встал на пост Химического наблюдения». За этот подвиг награжден медалью «За боевые заслуги».*

После тяжелого и длительного ранения был направлен для продолжения учебы в названную академию. После войны: с 1948 г. — начальник отдела в/ч 75360, затем направлен в один из научно-исследовательских институтов Министерства обороны, где прошел путь от инженера — лейтенанта до полковника — начальника отдела. Там же защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Под руководством М.А.Шлугера впервые в стране создана научно-техническая и нормативная база для ремонта и восстановления авиационной и другой техники, разработаны теоретические и технологические принципы широкого применения хромирования в атомной промышленности, созданы теоретические основы наиболее сложного в гальванотехнике процессе хромирования. Многие эти и другие исследования отражены в его монографии «Ускорение и усовершенствование хромирования деталей машин».

В 1970 г. уволился из армии в запас и переходит на работу в Московский Вечерний металлургический институт (МВМИ). Заведующий кафедры неорганической химии он в 1971 г. создает новую в институте кафедру «Коррозии и защиты металлов», которую возглавлял более 20 лет (до 1992 г.).

Здесь он разрабатывал ряд новых направлений, которые нашли применение в промышленности и признаны в России и в других странах. Среди его учеников 42 кандидата и доктора наук, более 100 инженеров.

Он автор более 250 научных работ, в том числе 40 авторских свидетельств и патентов, монографии, учебники, справочники.

Награжден пятью медалями ВДНХ СССР, в т. Ч. «Золотой». Имеет 12 правительственных наград, в том числе «Отечественной войны» I степени, две медали «За боевые заслуги».

М.А.Шлугер участник Парада Победы 1945 года в Москве.

[для написания статьи использованы материалы «Ученые МВМИ», подготовленные д-р. техн. наук, проф. Еланским Г.Н., и интернет издания]

З Д Р О К

Александр Григорьевич

*д-р. техн. наук, профессор, заведующий кафедрой электротехники
и электрооборудования МВМИ*

Родился 29 мая 1922 г. в г. Торопец Калининской обл. В 1939 г. после окончания школы направлен в Борисовское танковое училище. Будучи пулеметчиком, встретил врага на р. Березина.

В октябре 1941 г. направлен в Саратовское училище бронетранспортеров и бронемашин, по окончании которого с июня 1942 г. по март 1943 г. – в составе 21-го разведывательного батальона 25-го танкового корпуса участвовал в боях на Юго-западном фронте по освобождению украинских городов: Славянск, Барвенково, Павлоград и др.

В 1944 – 1949 гг. учился в Академии бронетанковых войск им. Малиновского, оставлен в Академии, где прослужил 25 лет. Там закончил адъюнктуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Научные интересы лежат в области электротехники, автор 180 работ и 29 изобретений по устройствам для зарядки аккумуляторных батарей. «Заслуженный работник Высшей школы».

Награжден орденом Красной Звезды и многими медалями. Подполковник. В 1974 – 1988 гг. в МВМИ заведующий кафедрой.

[справка составлена Морозовой С.В. по материалам интернет-издания и архива (Подольск)]

Начало пути

[воспоминания А.Г. Здрок, опубликованные в газете «Мартеновка» 19 мая 1980 г.]

Вторжением немецко-фашистских войск на территорию Польши 1 сентября 1939 г. началась вторая мировая война, длившаяся шесть лет. Война угрожала тогда Советскому Союзу с двух сторон – с Запада и Востока.

Коммунистической партией и Советским правительством в то время осуществлялись широкие мероприятия по укреплению обороноспособности Советского государства.

Для нас, юношей в возрасте 16 – 18 лет, тот период характеризовался большим патриотическим долгом – участвовать в укреплении обороноспособности Красной Армии. Многие из нас, учеников 8 – 9-х классов, мечтали стать курсантами военных училищ.

В сентябре 1939 года, будучи учеником 9-го класса, я подал заявление в Комаричский райвоенкомат Брянской области с просьбой зачислить меня курсантом Грозненского пехотного училища. С этого момента я всецело и на многие десятилетия посвятил себя военному делу.

Ритмы жизни курсанта военного училища и ученика средней школы совершенно различны. Военная закалка требовала отдачи больших физических и моральных сил. И очень приятно сейчас отметить, что все мои сверстники с этими трудностями справились успешно.

После вероломного нападения фашистской Германии на Советский Союз кадровые части прифронтовой полосы и военные училища тех районов приняли на себя первые удары немецко-фашистских полчищ. В этот период в составе Борисовского танкового училища (в апреле 1941 г. меня в составе взвода перевели в БТУ) я участвовал в обороне г. Борисова, Орши и др.

Отдельные эпизоды боевых действий с течением времени, и тем более, почти за сорокалетний период, сглаживаются. Но зато в такой длительный период с момента начала Великой Отечественной войны созревали более общие взгляды на события того времени.

На нашу страну обрушилась лавина разнообразной военной техники, управляемая человеконенавистнической армией, о чем многие из нас, будущих офицеров, готовящихся оборонять свою страну, даже и не предполагали. Думаю, что следствием этого явилось весьма наглое действие солдат противника, уверовавших в незыблемость своих побед. Если мы были приучены стрелять только по целям, то немецкие солдаты, вооруженные автоматами, устраивали скорострельную пальбу по опушкам, где даже не было наших войск. Такая тактика создавала определенный психологический эффект.

Шли боевые действия, и приобретался опыт наших войск. С каждым днем мы становились все обстреляннее и проворнее в военном деле, а стойкость и храбрость советского человека известна всему миру. Оборонительные действия наших войск все больше и больше изматывали противника. Уже в скором времени в районе Смоленска мы дали немцам хороший и весьма внушительный отпор.

И совсем неизвестными стали фашистские войска в 1943 году, когда мне пришлось участвовать в зимне-весенней наступательной операции в составе 25-го танкового корпуса в направлении городов Красный лиман, Славянск, Барвенково, Лозовая, Павлоград, Синельниково и др. Обилие наших первоклассных танков КВ и Т-34, сильные противотанковые средства, наличие у пехоты современных автоматов и противотанковых ружей — все это определило высокую огневую мощь и мобильность войсковых частей. Будучи командиром взвода отдельного разведывательного батальона, мне часто приходилось совершать рейды в стан врага впереди наших главных сил. Действуя в отрыве от войск на 40 — 60 км, мы, в основном, врасплох заставали немцев. Захват «языков» и штабных документов противника для нас не представлял больших трудностей.

Минувшая война убедительно показала всему миру необычайную силу социалистической идеологии, нашего духовного оружия в борьбе против фашизма.

К числу таких же мужественных и стойких следует отнести и нашу рабочую молодежь — студенчество Московского вечернего металлургического института. Ведь для того, чтобы работать и успешно учиться, тоже нужно обладать мужеством, необходимым отдать себя практически без остатка повышению своих знаний, своей квалификации. Великая Отечественная война закончилась полной победой советского народа и его Вооруженных Сил.

**КОВАЛЕВА (КАЦМАН)
Людмила Борисовна (1922 – 2008)**

доцент кафедры иностранных языков МВМИ

Родилась 6 марта 1922 г. в Москве в семье служащих. В 1940 г., окончив школу, поступила на факультет иностранных языков (немецкий язык) I Московского Государственного педагогического института.

По путевке ЦК ВЛКСМ была направлена переводчицей (немецкий язык) в 6-ой танковый корпус — отдел контрразведка (ОКР) "Смерш" 40 армии 2-го Украинского фронта. Служила в звании младшего лейтенанта с июня 1942 г. по апрель 1946 г. С боями прошла путь от Подмосковья до Чехословакии, была тяжело ранена.

После войны преподавала немецкий язык в школе. В 1958г. закончила Тульский педагогический институт. Работала в воинской части, в Московском медицинском институте имени Сеченова. С 1961 г. —

старший преподаватель английского языка, затем доцент кафедры иностранных языков МВМИ. Являлась руководителем музея института.

[справка написана Морозовой С.В. с использованием архива (Подольск) и интернет-издания]

От Москвы до Праги

*[воспоминания Л.Б.Ковалевой, опубликованные
в газете «Мартеповка» 4 марта 1983г. № 27]*

В 8 ЧАСОВ утра я со своими новыми товарищами прибыла в расположение части, а уже ночью 6-й танковый корпус выступил на боевой марш на передовую линию фронта, чтобы утром внезапно для врага вступить в бой.

На рассвете комиссар Романов читал приказ о наступлении. До сих пор помню напряженность его взгляда, голоса, умножавших волю бойцов к победе. Начался бой. Через 10 минут тело погибшего комиссара Романа вынесли из боя на плац-палатке. Первое горе. Первое осознание необратимости случившегося.

6-й танковый корпус входил в состав войск Западного направления. Наши войска отбросили врага на 30 км. Первое продвижения вперед и первый военнопленный. Отступая, фашисты оставили охранять его склад боеприпасов. Они в ту пору еще не понимали, что их выбивают с нашей землей навсегда. Пленный, обманутый пропагандой Геббельса, дрожал от страха. С готовностью давал показания и не сразу поверил, что его отправляют в тыл строить разрушенные города, что он спасен.

Второй военнопленный — из дивизии СС, вел себя вызывающе. С презрением смотрел на наших солдат и командиров, с ненавистью говорил о мирных жителях. Но когда ему предложили выбор — давать нужные нашему командованию показания или расстаться с жизнью, он предпочел давать показания. Много самолетов со свастиками не поднялись с аэродромов в результате его показаний, много было зажжено «факелов» (горели склады с горючим).

Знаменитые бои на Курской дуге начались в 5 часов утра нашей артподготовкой. В семь часов утра советские войска пошли в наступление, а уже минут через сорок стали приводить на КП военнопленных. Необходимо было сверять их показания с имеющимися у команды данным о частях, численности, вооружении врагов, которые были перед нами, а также следить за тем, не появляются ли на данном участке фронта новые вражеские части.

Пленных было множество. И характерной чертой для всех, взятых в плен на Курской дуге, была подавленность, страх и растерянность. Всем им стало ясно, что их армия понесла неисчислимые потери и война для них проиграна. Разговор с пленными коснулся артподготовки, и у них в глазах появился ужас. У них не было слов, чтобы передать силу наших орудий. А мы с благодарностью и нежностью называли их «катюшами». «Катюши» помогли выигрывать сражения, и спасли многим солдатам жизнь.

Битва за Киев была очень тяжелой. Наши саперы наводили понтонные мосты. Гитлеровцы уничтожали их с воздуха. Саперы снова наводили мосты, и первые наши соединения достигли берега Днепра, на котором расположен Киев. Была ночь, моросил холодный ноябрьский дождь. Город горел, был минирован в самых неожиданных местах. Вооруженные группы гитлеровцев засели в подвалах, стреляли в спину нашим бойцам. Бои были тяжелые, но город был освобожден от захватчиков.

Все это называется «фронтовые будни». Но слово «будни» предполагает нечто обыденное, ничего чрезвычайного. Однако ни одного такого дня во время войны не было. Каждый день, каждая минута — героизм и подвиг, это ежемесячная, ежесекундная смерть молодых, сильных, смелых и благородных в своем стремлении сынов Родины освободить свою землю от нашествия врагов ...

... Тот, кто не был на войне не может понять, какое страшное значение содержит в себе это слово.

... Для спасения мира надо бороться за мир, за жизнь, это повседневный труд каждого, укрепляющего страну.

ПОПОВ
Николай Иванович
доцент МВМИ

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Родился в 1922 г. в г. Новороссийске Краснодарского края в семье инженера-геолога. В 1940 г. окончил школу с отличием в Москве и поступил в Николаевский кораблестроительный институт. В связи с эвакуацией института вернулся в Москву и поступил на 2 курс МВТУ. Вместе с МВТУ эвакуировался в Ижевск, где учился и одновременно работал токарем на заводе.

В июле 1942 г. был призван в армию. Военную службу проходил сначала курсантом 2-го Томского арт. училища, затем командиром огневого взвода в 22-ой ОСБр на Волховском фронте. 21 марта 1944 г. в бою под г. Нара тяжело ранен, контужен и обморожен. В результате на ступнях ног были проведены ампутации.

В звании лейтенанта, после демобилизации по ранению поступил в Московский механический институт, который закончил в 1949 г. и оставлен в институте. Работал инженером НИСа, затем ассистентом кафедры сопротивления материалов. В 1958 г. перешел в Московский инженерно-строительный институт. С 1960 года в МВМИ – ассистент, старший преподаватель, доцент кафедры «Металловедения и термической обработки».

С 1991 г. на пенсии по инвалидности.

Труд на фронте

[воспоминания Н.И. Попова, опубликованные в газете «Мартеновка» 21 января 1985 года]

И бой, и подготовка к бою были тяжелым физическим трудом. Опишу десять трудовых фронтовых дней, за которые не сделано ни одного выстрела.

Место – лесисто-болотистый Волховский Фронт. Время – ранняя осень 1943 года. Погода – непрерывный морозящий дождь. Подразделение – батарея – 76-мм дивизионных пушек ЗИС-3 (вес в походном положении 1,1 т.) Я – командир первого огневого взвода, который является старшим (после комбата) офицером на батарее.

В то время наши войска, после исторической победы под Курском и Белгородом, вели тяжелые бои за освобождение Украины. Волховский фронт был «спокойным». Однако и на нем малыми силами проводились местные наступательные операции с целью сковать немцев, не позволить им перебросить ни одного солдата на Украину.

Батарее был дан приказ переместиться на новую позицию. Расстояние 40 километров. В нормальных условиях это не очень трудный суточный марш. Но! Гати на болотах разьежжены. Дороги на болотистых участках размокли. В обоих огневых взводах вместо 30 человек – только 21 (со мной). Вместо 24 лошадей – четырнадцать. Поэтому марш будет трудным. До назначенного времени прибытия осталось 54 часа. Медлить нельзя. Не прошло и получаса, как имеющиеся снаряды сданы представителю бое питания, и лошади вытаскивают орудия из окопов. Два орудия четверками, а два только тройками (вместо положенного шестером). Лошади перегружены. Поэтому приказываю все имущество нести на себе. И сам навьючиваю вещмешок, и автомат, два запасных диска, противогаз, полевую сумку и надеваю маску (по крайней мере голова будет сухой). Вначале орудия тянут лошади. Постепенно лошади устают, и людям все чаще приходится им помогать. Потом приходится двигаться повзводно перекатами, поочередно подпрягая к орудиям по шесть лошадей. Наконец и это не помогает. Вижу, что орудия двигают не столько лошадиные силы, сколько людские. До места привала оставалось еще три километра, когда лошади окончательно выдохлись. При-

казываю выпрячь лошадей и тащить орудия на руках. Люди устали. Но у людей-бойцов и командиров Красной Армии — есть чувство долга и сознание, что приказ на марш должен быть выполнен в срок. Никакие, даже самые объективные причины не могут служить оправданием для опоздания. И вот уже не на втором, а на десятом дыхании пройден еще километр. Появляются старшина и повар с термосами. Обеспокоенные опозданием батареи, они вышли нам навстречу. Командую привал. Но такую команду подавать было нельзя. Усталость столь велика, что все валятся с ног в том месте, где застала их эта команда. Кто на станину орудия, кто в дорожную грязь, кто даже в наполненную водой колею. Ни у кого нет сил достать котелок и получить пищу. Еле стою на ногах и сам. И я вместе в ними тащил пушки. Но я старший на батарее. На мне ответственность за выполнение приказа и за жизнь людей. Мне неизвестно, что ждет нас впереди: отдых или бой с марша. Всем надо поесть, иначе привал не восстановит наши силы. Решаю. Раз приказ лишил людей последних сил, то приказ должен им их и вернуть.

Отвожу левую руку в сторону и произношу:

- Батарея, в одну шеренгу становись!

Происходит чудо. Лежащие в грязи люди, у которых не нашлось сил сделать два-три шага в сторону от дороги и опуститься на относительно сухое место, находят силы подняться и встать в строй. Это не парадный строй. Но люди стоят! И это самое главное. Вопреки всем уставам приказываю снять оружие и вещмешки, и, выходя из строя, получить пищу и есть в строю (опасаясь, что, выйдя из строя, люди снова потеряют силы и есть не станут). И сам ем, стоя перед ними.

После четырехчасового привала подходят лошади и снова тянем пушки. Учтываю свою ошибку, делаю привалы чаще, но короче. В назначенное время намученные маршем выходим «на колышки». Сразу отдыхать нельзя. Есть суровый закон войны: стал на место — приготовь батарею к бою. Необходимо расставить орудия, построить веером, выложить снаряды из передков и, только сделав все это, можно дать людям отдохнуть. Но всем отдыхать нельзя. Двое должны охранять батарею. Кого поставить на пост? Все бесконечно устали.

Опять нужно опираться на чувство долга и ответственность. Значит, первым на пост должен стать я. В напарники беру старшего сержанта Кузнецова — командира первого орудия. Час ходим вдоль батареи, встречаясь на середине и проверяя друг друга — не спим ли на ходу! Через час бужу командира второго огневого взвода и старшину. Дальше можно будет доверить пост и остальным. Но отдых недолог. Хотя белые ночи и кончились, но ранние осенние ночи на севере недолги. С рассветом бужу всех, и начинаем укреплять батарею: рыть окопы для пушек, снарядные ровики и землянки, валить деревья для накатов, подвозить снаряды. Для окопов и землянок надо вынуть свыше ста кубометров земли. Земля — морена. Прежде чем подцепить лопатой, ее необходимо взрыхлить киркомотыгой. Деревья рубили тупыми топорами (точить нечем), в стороне от батареи, чтобы вырубкой ее не демаскировать. Разделанные бревна носим за сотни метров на плечах — лошади подвозят снаряды. Кроме основной позиции, оборудуем и запасную, и площадки для стрельбы прямой наводкой, расчищаем подъезды к ним.

Так в напряженном труде прошла неделя. Вчерне все готово.

Орудия в глубоких окопах. Снарядные ровики и блиндажи накрыты бревнами в два наката и засыпаны землей. На каждое орудие подвезено по сто снарядов. Много ли это? Судите сами. Можно 4 — 5 минут стрелять беглым огнем; можно десять раз поставить НЗО (неподвижный заградительный огонь перед наступающим врагом); можно надежно поддержать наступление стрелковой роты.

Три дня с переменным успехом длилось наше вступление. Мы не смогли прорвать фронт — слишком малы были наши силы. Ведь в это время основные силы Красной Армии гнали немцев с Украины. Но своим наступлением мы дали немцам понять, что с нашего фронта им нельзя взять ни одного человека в помощь своим войскам, отступающим на юге под натиском наших Украинских фронтов...

Пот, пролитый за предшествующие девять дней, оправдан. Были потери у разведчиков и телефонистов батарей, ранен комбат. Но огневики стреляли и с закрытых позиций, и еще большие прямой наводкой, не потеряли ни одного человека, ни одного орудия.

Наше наступление, которое в сводках Совинформбюро относилось к боям местного значения, окончено. Нам приказано вернуться на старые позиции. Опять марш. На этот раз он будет еще труднее. Убиты две лошади. Теперь во все четыре орудия мы сможем запрягать только тройки.

УКРАИНА

АЛЕКСЕЕВ Спартак Петрович

сержант, журналист-международник, выпускник МПИ

Родился в Москве 26 мая 1925 г.

В 17 лет добровольцем уходит служить в армию. Служил в ВНОС (Воздушное наблюдение оповещения, связь). Окончил школу младших командиров. На фронте с 1944 г. (4-я танковая армия Украинского фронта стояла под Львовом), затем — Польша, Германия, прошел всю войну.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, орденом Дружбы народов, тринадцатью медалями.

Демобилизовавшись, в 1948 — 1952 гг. учится на литературно-редакторском отделении РИФ Московского полиграфического института. После перевода факультета окончил с отличием факультет журналистики МГУ в 1953 году.

1954 — 1955 гг. — учится в аспирантуре при факультете журналистики МГУ.

С 1955 г. работает на Гостелерадио СССР, в российской государственной радиокompании «РГРК» («Голос России»).

1955 — 1965 гг. — комментатор отдела радиовещания на Грецию и Кипр на греческом языке.

1965 — 1971 гг. — главный редактор по радиoproграммам на страны Запада; главный директор Дирекции программ Центрального радиовещания на зарубежные страны.

1972 — 1977 гг. — заведующий корпунктом советского телевидения и радио в Великобритании (Лондон).

1977 — 1981 гг. — главный директор Дирекции программ Центрального радиовещания на зарубежные страны.

1982 — 1984 гг. — заведующий корпунктом советского телевидения и радио в Нью-Йорке с аккредитацией при ООН и Госдепартаменте США.

1985 – 1989 гг. – главный редактор Всемирной службы на английском языке радиовещания на США и Англию.

С 1990 г. – обозреватель Дирекции радиопрограмм на страны Европы РГРК («Голос России»).
Заслуженный работник культуры РФ.

Выбор пути

*[Из статьи С. Алексеева, опубликованной в книге
«Мы из МПИ», т. II, стр. 17 – 18]*

Моя школьная биография завершилась на восьмом классе. Это произошло в трагический для всей нашей страны день, 22 июня 1941 г. На месяц раньше оборвались наши летние каникулы. Мои одноклассники и я вернулись в тревожную Москву. И скоро мы встретились в длинной очереди у дверей старинного особняка на Рождественском бульваре, где помещался Дзержинский райком комсомола. Мы пришли записываться в районный добровольческий комсомольско-молодежный батальон. Меня приняли в отряд содействия ПВО.

Так в 16 лет закончилось мое отрочество, началась взрослая военная жизнь. С воздушными тревогами. Ночными дежурствами в наскоро сооруженных на крышах постах воздушного наблюдения и оповещения. Бомбежками. Погоней по железным крышам за извергающимися липкое жидкое пламя немецкими зажигалками... Памятью об этих первых месяцах войны осталась дорогая для меня награда – медаль «За оборону Москвы».

Потом была работа электриком на военно-химическом заводе, где производились компоненты начинки для снарядов «Катюш»; эвакуация завода в Новосибирск и его восстановление там. В 17 лет – доброволец в армии.

Полковая школа младших командиров в городе Боготле под Красноярском. И с тремя сержантскими лычками на погонах в составе одной из сибирских дивизий – в длинный путь на Запад, к подножью Карпат. Походы, окопы, бои, контузия...

Много было всего. Но один случай расскажу, поскольку он перекликается с моим прологом. В одном из боев в гуцульской деревне, в стодоле, разделенном легкой стенкой на два помещения, мы обнаружили под стогом сена лаз в сгон или блиндаж. Сбросили туда гранату. Загорелось, сильно-сильно задымив село. Вскоре сквозь дым из стодола послышались выстрелы. Солдаты отошли, залегли и открыли ответный огонь, не заметив, что я перебежал во второе помещение. У меня была тогда снайперская винтовка, малопригодная к ближнему бою. Меня отделяло тогда от другой половины сарая не более трех метров. Все же я высунулся из косяка, направив винтовку на соседний вход.

Из клубов дыма выскочил человек в зеленой немецкой шинели с револьвером. Я нажал на спусковой крючок. Щелкнул затвор, но выстрела не было. Револьвер врага мгновенно повернулся в мою сторону, но тоже издал только слабый щелчок. В это мгновение пуля из залегшей цепи попала в руку моего противника. Он выронил револьвер и побежал к недалекому лесу.

Я открыл затвор своей винтовки и обнаружил, что впопыхах не загнал патрон в патронник. Успел я подобрать и трофей – парабеллум. Там, напротив, патрон был целехоньким в стволе, а спасло меня, как я разглядел, то, что боек парабеллума (редчайший случай!) попал в паз между пистолетом и гильзой. Пистон не взорвался, порох не воспламенился, и пуля, которая могла поставить последнюю точку в моей биографии 58 лет назад, осталась на месте.

Но это еще не все. Мое любопытство заняло секунды. Я быстро и надежно перезарядил винтовку, выскочил за стодол, увидел удаляющуюся к лесу фигуру, по всем правилам навел оптический прицел между лопаток и еще раз нажал на спуск. И снова щелчок – и только!!

И тут, несмотря на то, что кругом шел бой, я подумал: не судьба ли ему оборвать мою жизнь, ни мне – его. И я решил тут же проверить самым простым способом. Не открывая затвор и не шевеля патрон, я отвел курок и направил винтовку в небо. Нажал на спуск – выстрел!! Я не стал фаталистом. Я бы не согласился играть в «русскую рулетку». Но в судьбу поверил крепко. И в то, что, как и пути Господни, свершения судьбы неисповедимы.

...Наконец, восьмого мая 1945 года, поздно вечером – весть о капитуляции Германии. Последняя длинная очередь из моего ППШа в ночное небо сливается с общим грохотом стихийного солдатского салюта нашей общей Победы. Еще год службы. И снова за парту – в экстернат. Получаю аттестат.

И вот первый, не вынужденный, а свободно избираемый экзамен, который должен определить твое призвание, профессию, всю твою дальнейшую жизнь. Разрываюсь между двумя своими

страстями — математикой и литературой. Однако запойное чтение в школьные годы, литературные традиции, жившие во многих семьях моих друзей, гуманитарная атмосфера, царившая в моей школе благодаря изумительному учителю литературы Александру Емельяновичу Лозовому, решили проблему. Литература взяла верх. В военной форме, только без погон, я отправился с заявлением на Садовую-Спаскую...

БАБУРИН
Евгений Сергеевич

заведующий лабораторией физики МИХМ

До войны — слушатель Военно-инженерной академии.

Участвовал в финской кампании. Проходил практику на Карельском перешейке, где принял первый бой в Великой Отечественной войне.

Начальником боепитания 139-го стрелкового полка 41-й дивизии принял участие в боях под Москвой. Был в составе 28-го стрелкового корпуса 62-й армии, оборонявшей Сталинград. Участвовал в форсировании Днепра в 1943 г. Трижды ранен. После войны — в МИХМе.

Награжден пятью правительственными наградами.

На боевом посту

*[Из статьи, опубликованной
в газете «За кадры химического машиностроения»
25 апреля 1975 г.]*

Война для меня началась еще в 40-м году, когда, будучи слушателем Военно-инженерной академии, записался в лыжный батальон и принял участие в белофинской агрессии в районе Медвежьегорска.

Когда финская кампания закончилась, мы вернулись к занятиям. А летом 1941 года разъехались на практику. Я её проходил на Карельском перешейке, где принял свой первый бой в Великой Отечественной войне, но на второй день был ранен и отправлен в госпиталь.

В связи с тяжелым положением под Москвой лечение полностью провести не удалось. Меня направляют начальником боепитания во вновь сформированную армию под Москву. Мы перешли в наступление, но на Изюм-Барвенковском направлении наша 6-я армия с двумя другими попали в окружение. Целый месяц, с 1 по 30 июня, мы пробивались из окружения, форсировали Донец и прорвали кольцо блокады.

После реформирования я получил направление в 28-й стрелковый корпус 62-й армии, оборонявший Сталинград. Мы вели бои в районе тракторного завода «Красный Октябрь». Был вторично ранен после Сталинграда, но вновь вернулся в свою часть.

В ноябре 1943 года в боях за форсирование Днепра вновь получил тяжелое ранение. Блиндаж, где я находился, завалило прямым попаданием снаряда, и он загорелся. Контуженного, с сильными ожогами меня успели откопать товарищи. Снова госпиталь, и снова старший лейтенант — вернулся в строй.

БУРМИСТРОВ

Василий Георгиевич

д-р экон. наук, профессор, МПИ

Родился 27 сентября 1923 г. в деревне Бибиково Данковского района Липецкой области в семье крестьян. Вскоре семья переехала в Московскую область. Окончил школу в 1941 г.

Участвовал в сооружении оборонительных рубежей с июня до осени 1941 г. со своим классом. Попал в окружение, потом в партизанский отряд. Призван в армию, три месяца обучался в Московском пулеметном училище (Лобня). По тревоге отправлен на фронт в пехоту, пулеметчиком. Сражался на Украинском и Белорусском фронтах, форсировал Днепр, участвовал в освобождении городов Белгорода, Николаева, Кривой Рог, Бендеры, в освобождении Болгарии. Дважды ранен. Демобилизован в 1947 г.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и др.

В 1951 г. окончил Институт народного хозяйства имени Плеханова. С 1954 г. работал в Институте советской торговли. В МПИ работал на кафедре менеджмента и маркетинга в 1991 – 2003 гг. и некоторое время был заведующим кафедрой. Потом возвратился в Плехановский институт, где продолжает работать и сегодня.

Бурмистров Василий Георгиевич

[Интервью записано студентами в 2019 г.]

- Василий Георгиевич, расскажите, пожалуйста, с чего для Вас началась Великая Отечественная война?

- Начало войны для меня совпало с окончанием десятого класса. Мы закончили в июне, десятого, а двадцать второго началась Великая Отечественная война. Все знали, что война будет. Мы еще в восьмом классе, за два года до ее начала, выпускали газету, и была какая-то заметка, в которой было написано, что английская подлодка потопила два немецких траулера. Мы говорили тогда: «Хорошо! Нам будет меньше доставаться». То есть мы уже тогда знали, что будет война с немцами, знали, что этого не избежать.

В стране был невероятный патриотизм. Люди заводов, фабрик, учреждений, помимо регулярной армии, шли добровольно записываться в военные отряды, создавались такие дивизии, которые основаны на добровольном участии солдат, гражданских лиц. Наш класс спустя три недели после начала войны целиком пришел в военкомат с просьбой отправить на фронт. Нам было по семнадцать-восемнадцать лет. Так же, как и герой фильма «Летят журавли», который пришел и сказал: «Я записался», я тоже пришел и сказал родителям: «Я ухожу». И все молчали, видя обстановку, видя, что страна в беде... жизнь и смерть рядом. Немцы идут, идут тысячи дивизий... И не только немцы: и французские войска были — они к себе их взяли, и литовские, и латвийские, и румынские... То есть полмира на нас шло!

Высшее начальство нашего района (город Павловский Посад) решило по согласованию с Москвой направить нас на оборонительные работы на дальних подступах к Москве — в город Ельню, Ельнинский плацдарм — чтобы не допустить немцев к Москве. И мы там были... Это был конец июня, июль... до ноября. Глубокой осенью мы вернулись с этого трудового фронта, и часть наших ребят сразу пошла в военкомат и на фронт, а часть — поступили в училища. Многие девушки пошли учиться на медсестер. Я и некоторые мои коллеги поступили в Московское пулеметно-минометное училище, которое располагалось в городе Лобне, под Москвой. Мы учились там пять месяцев, и нам

уже приготовили лейтенантские погоны, однако в это время немцы совершили прорыв по направлению к Москве со стороны Ельни. Нас по тревоге ночью посадили в «теплушки» — товарные вагоны, и мы поехали на фронт. Поскольку наш отъезд был спешным, по распоряжению училища нам должны были вручить наши лейтенантские погоны по приезду на место, и мы должны были воевать в звании офицеров. Однако еще не доехав до фронта, на станции Валуйки, где скопилось одновременно двенадцать — пятнадцать составов с оружием, продовольствием, материально-техническими средствами — всем, что требовалось для войны, — мы попали под бомбежку немцев: их разведка тоже работала. Тридцать самолетов! Бомбили минут двадцать. Кто-то из нас сумел отбежать на какое-то расстояние, лично я тоже сумел укрыться от разрыва бомб в каком-то блиндаже. Прошло полчаса, мы ждали, потом прозвучал гонг — объявили сбор, и когда все пришли обратно, опять налетели немецкие самолеты! Из всего училища в живых осталась одна треть, остальные погибли. Погибли офицеры, которые везли приказ о присвоении нам званий лейтенантов. Для меня это было первое боевое крещение и великое потрясение. Я увидел под паровозом шесть человек сгоревших солдат, увидел на крышах горящие тела, слышал стоны... кто-то без ног, кто-то без головы... ужасно... Впервые мы, молодые ребята, столкнулись с этим. На меня это произвело очень серьезное, угнетающее впечатление. Учитывая то, что нас осталось очень мало, мы никуда дальше не поехали. Мимо проходила военная часть, которая до этого воевала еще под Сталинградом, и по приказу мы были зачислены в ее состав. Таким образом, в бой мы пошли, по сути дела, солдатами. Это было мое первое крещение — не воевали, но потеряли много товарищей.

После этой встречи с настоящей войной мы все скинули, лично я считал, что все, пропадем... А потом постепенно в кругу боевых товарищей, тех, кто уже воевал, мы начали приходить в себя, стали с них пример брать. Политсостав к нам приезжал, поддерживал. Меня назначили комсоргом батальона, и я уже сам в своей части, роте проводил беседы с солдатами.

Следующее мое памятное событие — уже боевые действия. Степной фронт. Я попал в период подготовки к битве на Курской дуге. Наша дивизия защищала город Белгород. Курское сражение — это две с половиной тысячи танков с обеих сторон и пятьсот тысяч солдат. Курская битва — переломный момент войны — имела очень большое значение. Куда движется победа: в ту или иную сторону — было неясно. Поэтому очень важно было победить. На наш город Белгород двигались танки. Сзади была артиллерия — полковая, дивизионная. Но она не могла ничего: связи не было. Не было координат, показателей: куда стрелять, в каком направлении, чтобы эти танки уничтожить. Звонит командир дивизии в наш полк и говорит: "Что ваши связисты — спят? Почему нет связи? Мы вас расстреляем, если через пятнадцать минут не будет связи! Танки идут!". А связь — это провод, и где-то он был порван. Командир взвода посылает одного связиста. Прошло десять минут, пятнадцать, двадцать... А танки идут. Связиста нет и связи нет — как оказалось, он погиб при минометном обстреле. Посылают другого связиста. Прошло пятнадцать, двадцать минут. Он не вернулся, тоже погиб — попал на минное поле. Дошла очередь до меня. Я побежал... километр, полтора... нашел обрыв, связал его! В результате артиллерия получила необходимые данные для прицельной стрельбы по танкам. И ни один танк не прошел через наши позиции!

Был выпущен «Боевой листок», где описан подвиг гвардии старшего сержанта Василия Георгиевича Бурмистрова. Позже наша часть и я получили Благодарность Верховного Главнокомандующего Сталина «За отличные боевые действия при разгроме группировки немцев под Белгородом в июле 1943 года...». Потом я получил медаль «За отвагу» за этот бой. Вот это первое мое настоящее боевое крещение. Однако я был тяжело ранен. Дней двадцать лежал сначала в медсанбате, потом — в госпитале. Многие ошибочно думают, что после ранения человека отправляют домой. Это не так: подлечился — и снова в строй. Считалось, что лица, которые уже прошли войну, более опытные; эффективно воюют и их надо поддерживать.

Следующий этап моей военной биографии — форсирование Днепра. Что меня поразило? Мы пилили бревна, делали мосты, тащили какие-то понтоны, лодки, бочки — все, что можно переправить на тот берег. И летали немецкие самолеты — они все это видели. Меня это удивляло: как же так, почему? Они же видят, что мы готовимся. И наступил этот день... Ракета... И сколько нас было — три тысячи человек (наш и соседний полк) — мы ринулись на тот берег и начался ад! Только мы отъехали от берега, стали взлетать человеческие тела, лодки, понтоны! Но народ плыл и плыл дальше. Одни тонули, их место занимали другие... Мы шли...шли... Мы — наш плот, на котором собралось девять человек, — добрались до середины, установили миномет (я уже в то время был минометчиком), ящики с минами... И вдруг рядом разорвался снаряд, плот перевернулся, люди были ранены. Выплыли двое — я и старшина Мичурин. Были контужены. И мы решили плыть не обратно, а вперед — поддержать наших. И мы доплыли, сразу оружие взяли... А немцы хотели тех, кто уже

занял позиции, сбросить назад, в воду. Отбили одну атаку, другую... Наступила тишина. Немцы ушли. Оказалось, что первое наше форсирование было ложным, отвлекающим. Основная операция была километрах в двенадцати вверх по течению Днестра, и там было успешное форсирование. А немцы побоялись окружения, бросили нас и ушли. Так мы остались живы — четыреста шестнадцать человек примерно из трех тысяч! Таким образом, после этого боя я получил вторую Благодарность от Иосифа Виссарионовича, от командования и медаль «За боевые заслуги».

Дальше идут Бендеры — очень серьезный участок, который мы с боем брали. Холмистая местность, вся усеянная немецкими ДОТами, ДЗОТами. Никак нельзя было их преодолеть. И только тогда, когда наши войска прошли вперед, мы обходным путем сумели вырваться в Бендеры. Освободили, таким образом, Молдавию, Румынию, форсировали Днестр, и пошли освобождать Болгарию. Я был комсоргом батальона. Среди наших командующих и среди нашего состава многие были коммунистами. Хочу сказать в защиту коммунистов, что единственная привилегия коммунистов на фронте — это первыми подняться в атаку, повести за собой. Первыми пойти в разведку и погибнуть, первыми выполнить самые ответственные, смертельные задания. Есть прекрасный, живой пример из практики — фильм «Офицеры». Там есть эпизод — танки идут на госпиталь. Войска наши отсутствуют. Приходит один из младших военачальников в госпиталь и говорит: «Есть ли среди вас коммунисты? Надо спасти госпиталь, в котором сотни больных, раненых солдат, офицеров». И в первую очередь коммунисты срывали бинты, бросали костыли. За ними другие пошли и заняли оборону в снегу. Сами — больные, раненые — заняли оборону. По сути дела, шли на смерть... Но, к счастью, немецкие танки не дошли до госпиталя, их перехватили наши легкие танки Т-34, вступили с ними в бой. Вот пример того, как шла работа патриотов, и в частности, как проявили себя коммунисты.

После того как мы освободили Молдавию, Румынию, мы пошли на Болгарию. В Болгарии наша дивизия вела бои местного значения. Ожесточенный бой был при городе Бургас — крупный порт на Черном море. Там я получил легкое ранение. Победу встретил в Болгарии. Мы готовились идти дальше, на Берлин. Получили новое оборудование, новую технику. Но в это время в практике отечественной войны случились отклонения от договоренностей с союзниками. Черчилль выступил с «поджигательной» речью, зачем, мол, пустили русских на Балканы, зачем коммунистическая идея идет по миру... И на всякий случай нашу дивизию в Болгарии стали готовить к войне не с немцами, а с союзниками...

В период наступления наши войска освобождали различные страны — мы были в Приднестровье, в Молдавии, в Румынии и Болгарии, и везде мы всегда чувствовали большую признательность местного населения. Молдаване нас встречали с цветами. Но особенное впечатление на меня произвела встреча с населением Болгарии — они встретили нас не только как освободителей, но и как давних друзей, родственников. Это связано еще и с тем, что в 1878 году мы освободили Болгарию от турецкого ига, — и с тех пор там еще стояли монументы, посвященные этому событию. Что касается освобождения в Великой Отечественной войне, то именно болгары первыми установили монумент, посвященный войне, — памятник назвали «Алеша». И болгары много лет чтили и чтят это событие.

Вот так и получается, что в 41-м году я пошел в училище, в 42-м я воевал, в 43-м — Воронежский фронт, потом — Степной, потом — 2-й Украинский, потом — 3-й Украинский. Четыре фронта я прошел — потом начался 1945 год. Победу встретил в Болгарии. На Берлин не пошли. Но прошел 1945 год — я и многие мои коллеги служим. Прошел 1946-й — нас на всякий случай держат. И только в 1947 году, в апреле месяце я был демобилизован.

- Василий Георгиевич, могли бы Вы дать напутствие молодежи XXI века?

- От имени ветеранов Великой Отечественной войны, нашего Совета ветеранов Плехановки и от себя лично хотел бы передать молодежи эстафету любви к нашей Родине, патриотизма и готовности в любой момент встать на защиту нашего Отечества. Прошу вас от меня принять эту эстафету!

ВЕЙХМАН
Григорий Абрамович

д-р филол. наук, профессор МАМИ

По окончании школы направлен на строительство оборонительных сооружений.

После окончания курсов военных переводчиков — в марте 1943 г. — на фронте в разведотделе дивизии. Войну закончил в Прибалтике.

В 1951 г. с отличием окончил английское отделение педагогического факультета Военного института иностранных языков (ВИИЯ). Оставлен преподавателем, затем перешел в МИФИ, в 1960 г. — приглашен в Академию им. Фрунзе.

С 1970 по 1988 г. работал в МАМИ. Защитил диссертацию, стал профессором. В 1988 — 2004 гг. работал в Московском институте иностранных языков. Автор многих исследований в области английского языка. Воспитал не одно поколение специалистов.

Вейхман Григорий Абрамович

[Интервью записано студентами в 2019 г.]

- Григорий Абрамович, мы хотели бы поговорить с Вами о Великой Отечественной войне.

- Я написал книгу (Прим.: Г.А. Вейхман. Память сердца. О разведке и не только... — М., 2018.).

В ней я рассказал о войне, о своем участии. Вторая часть этой книги посвящена борьбе за мир.

- Где вы встретили первый день войны?

- В первый день войны я сдавал последний экзамен на курсах немецкого языка при Московском Инязе.

Весной 1942 года в военкомате я попросил, чтобы меня направили на флот. Очень люблю море, корабли, плавать, грести. Однако врачи, осмотрев меня, сказали: «Здоровый бугай, в артиллерию его — пушки таскать». Но в жизни нередко случается так, что ты хочешь одного, тебе говорят другое, а получается что-то третье. Так вышло и со мной. В составе комиссии была женщина с двумя «кубарями» (так мы тогда называли кубики) — лейтенант. Она спросила:

- Какой язык ты учил в школе?

- Немецкий.

Вопрос по-немецки. Ответ. Еще вопрос. Ответ. Еще один вопрос. Ответ.

- Где ты еще учил немецкий помимо школы?

- Я окончил курсы немецкого при Инязе в Москве.

- А теперь поедешь на другие курсы: военных переводчиков в Ставрополь-на-Волге.

Не буду перечислять предметы, которые преподавали на курсах. Достаточно сказать, что наша учебная программа была утверждена Главным разведывательным управлением. Поэтому не правы те, кто считает, что военный переводчик всего лишь посредник при допросе военнопленных и изучении трофейных документов. Хорошо подготовленный военный переводчик допросы проводит самостоятельно, сам оценивает важность трофейных документов и решает, какие из них необходимо перевести. Помимо этого он выполняет и другие обязанности. Фактически, военный переводчик — офицер разведки со знанием языка противника.

- Помните ли вы свой первый день на фронте?

- Первый день на фронте был связан для меня с отрицательными эмоциями. Я попал в разведотдел дивизии и обнаружил, что я абсолютно не нужен. Фронт стоит, пленных нет, трофейных документов нет, делать нечего. Тогда мне дали работу информатора — я должен был, как писарь,

собрать разведанные полков нашей дивизии, добавить к ним наши собственные, все это суммировать и отослать в штаб корпуса. Я сердился, что меня учили на курсах военных переводчиков, и все это впустую. Это продолжалось до тех пор, пока меня вдруг не вызвали в политотдел. И там началось то, что в книге описано под названием «Ладо».

Вызывают. Прихожу, докладываюсь. Начальник политотдела представил мне капитана (забыл фамилию) из политуправления Северо-Кавказского фронта. «А с младшим лейтенантом Мегрелишвили вы знакомы». С Ладо Мегрелишвили мы окончили одни и те же курсы военных переводчиков. Учебная программа этих курсов была утверждена Главным разведывательным управлением Красной Армии — этим все сказано. Так что мы были фактически офицерами разведки со знанием языка противника дополнительно. Теперь Ладо работал в штабе одного из полков нашей дивизии, а меня прислал разведотдел дивизии — и вот мы оба оказались там.

И вот начальник политотдела предоставляет слово этому капитану. Капитан говорит:

- Товарищи, видите эту бумагу? Это листовка, которую завтра утром надо прочитать немцам.

Я спросил:

- О чем там?

Капитан отвечает:

- В этом обращении приводятся слова товарища Сталина о том, что гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается. Далее говорится, что если немецкие солдаты хотят вернуться домой живыми и здоровыми, они должны переходить на сторону Красной Армии. Хорошее отношение гарантируется.

- В общем, пойдите сейчас почитайте, потренируйте этот текст. Рупор возьмете в политотделе, каски вам дадут в батальоне, перед позицией которого вы будете читать.

Вечером с командиром батальона выходим выбирать место, с которого будем читать. Я ему говорю:

- Товарищ капитан, нам бы вон в те кусты забраться, и порядок.

- Да, но их прежде нужно отбить у противника. Они же за его передним краем.

Наконец, соглашаемся на воронку от снаряда. Там будем сидеть и читать. С вечера залезаем туда, и как только брезжит рассвет, я беру рупор и кричу: «Дойче зольдатен!» Стрельба с обеих сторон сразу прекращается. Наши не стреляют, потому что получили приказ. А немцы — потому что им любопытно: кто там что-то говорит по-немецки? Но стоило Ладо произнести последнюю фразу и замолчать, как с немецкой стороны начинается шквал огня, которого мы никогда не видели. Вроде как собираются наверстать упущенное.

Нам надо осторожно сидеть, тихо-тихо, не показываться. Настильный огонь из автоматов нас не достает. И немцы, кажется, тоже сообразили это и решили пустить в ход миномет. Первая мина шлепнулась шагах в двадцати от нашей ямы. Я говорю:

- Ладо, нам надо мотать отсюда. Одно прямое попадание мины в нашу воронку, и нам хана.

Ладо меня удивил. Он взял рупор и вместе с ним начал выбираться из воронки. Я говорю:

- Ты что делаешь? У вас в Кутаиси все такие психи или ты один? Сейчас же оставь этот рупор, вечером стемнеет — заберешь.

- Нет, я взял в политотделе, я должен вернуть.

Наконец, вылезаем. То ползем по-пластунски, то бежим пригнувшись. Если мы лежим, немцы не стреляют: берегут боеприпасы — очень экономная нация. А как только начинаем шевелиться, опять вокруг нас подсакивают из земли фонтанчики грунта. Наконец, добираемся до пригорка, за которым мы уже в безопасности, там наш передний край.

Я говорю:

- Ладо, я сейчас скомандую «три-четыре», и мы одним прыжком перемахнем через этот пригорок.

Ладо не отвечает. Я скашиваю глаза и вижу, что у него из-под каски сзади на гимнастерке расплывается коричневое пятно. Видимо, пуля попала ему в шею. Я одним броском перемахиваю через пригорок и скатываюсь вниз.

Вечером мы похоронили Ладо на том же пригорке. Я вбил в землю дощечку, на которой написал чернильным карандашом: «Мл. л-т Мегрелишвили (1924 — 1943)».

Но Ладо отдал свою жизнь не зря, потому что через ночь у нас появился перебежчик. Он нам дал очень важную информацию. Это был первый пленный, которого мне удалось допросить. Он сказал, что на нашем участке фронта немцы производят смену частей. В таких случаях в разведке полагается проверить, проконтролировать (или, как у нас иногда говорят, «перекрыть» эту информацию). Для этого нужно было взять контрольного пленного, или, проще говоря, «языка».

Для захвата «языка» была выделена группа, которая постоянно этим занималась в разведотделе: всего три человека. Командовал ими старшина Навальный. До войны он был тракторис-

том. Говорил на смеси русского и украинского языков. Два других члена нашей группы были сержантами — их фамилии я не запомнил.

Я говорю:

- Навальный, с твоей фамилией только «языков» и брать. Навалишься, и порядок.

А он отвечает:

- Ну и у Вас, товарищ младший лейтенант, комплекция ничего: таскать взятых мною «языков» будете. Нам это дело пригодится.

Но потом он, посерьезнев, добавил на солдатско-фронтовом сленге¹:

У нас тут условия неплохие, младшой, мы посуху пойдем. А вот у соседа справа, в 9-й армии, солдаты сидят по поясу, а то и по грудь в воде. Они чирьяками (фурункулами) покрывались. Как они там «языков» берут? На удочку ловят?

Я спросил:

- Ты, Навальный, поди, все способы захвата «языков» испробовал?

- Та не-е (это его украинско-кубанское), я ещу «языка» не брал «на пороса».

- Как это, «на пороса»?

- А вот в одном разведывательном подразделении завели пороса и стали его кормить в первой траншее. Он и привык прибегать туда. Вот как-то раз оставили его поблизости от немецких позиций, а сами ушли в укрытие. И вдруг два немецких солдата стали за ним гоняться: кто же откажется от хорошей свининки? А молодая свининка — прямоком к первой траншее. Немцы увлеклись погоней и не заметили, что попали в засаду. Вот так и взяли двух «языков».

Опять став серьезным, Навальный говорит:

- Я беру с собой тряпку для кляпа и ножницы — резать проволоку. Все берем веревку, по автомату с одним диском, и по гранате.

Это меня заинтересовало, и я спросил:

- Навальный, а часто приходится вступать в бой?

- Не-е, для боя другие есть: пехота, артиллерия, танки, самоходки. А мы — разведка, если мы будем вести бой, мы свою задачу не выполним.

- **Расскажите, пожалуйста, о Вашей работе с военнопленными.**

- Пленные были разные. Были подонки, которые доносили на своих друзей. Были порядочные люди. Однажды начальник армейской разведки поручил мне вскрыть немецкий код. Это было начало 1944 года, и немцы ввели новый очень сложный код для воинского радиообмена. Он назывался «ключ-решетка-44». Во всех армейских и фронтовых разведках шла такая же работа. Я поехал по всем лагерям и сборным пунктам военнопленных. Стал искать радистов, потому что они должны были знать этот код. Это было не просто. Большинство радистов скрывали, что они радисты. Притворялись, что они рядовые пехотинцы. Но и те, кто сознался, старались уйти от прямого ответа. Одни говорили: «А мы еще не получили новый код». Другие давали путаные показания, из которых трудно было понять основные принципы, на которых построен ключ. Я допросил человек двадцать немецких радистов. И только в двух случаях получил достоверную информацию. И этот код раскрыл.

- **Возникали ли ситуации, когда Вашей жизни угрожала прямая опасность?**

- Да. Одну из таких ситуаций я описываю в своей книге в рассказе «26 дней после детства». Мы, школьники девятого класса, отходили к Вязьме. Нашу колонну обнаружила немецкая воздушная разведка. «Юнкерсы» пикировали на нас с воем сирен. Сыпались бомбы. А когда они кончились, перешли на пулеметный обстрел с бреющего полета. Лежу под кустом, сверху на меня падают листья, сучья, ветки. Меня засыпает. Я думаю: «Вот поближе, еще... и все!» И действительно, следующая очередь была очень близко над головой. Зарыться бы в землю! Но у меня нет лопаты... И вдруг тишина. Улетели. Видно, патроны кончились. И вот так я уцелел. Но это было тяжелым впечатлением. Это было впервые, до этого я с такими вещами не встречался. Я лежал под пулями и ждал, что следующая может быть моей. Да... вот это было неприятно.

- **А под конец войны?**

- Там совсем другое дело. 9 мая 1944 года был освобожден Севастополь. В 1941 — 1942 годах для овладения Севастополем противнику потребовалось 250 суток. А наши войска освободили его за

¹ Я не уверен, знают ли лингвисты, что на фронте был свой фронтовой сленг. Например, «младшой» — младший лейтенант, «старшой» — старший лейтенант, «передок» — передний край, «нейтралка» — нейтральная полоса. Были и сокращения: так, тыловики, снабжавших фронт продовольствием, обмундированием и боеприпасами, называли «ЧМО НКШ», что означало (заменяю два нецензурных слова цензурными) «чудят, мудрят, обманывают на каждом шагу».

пять дней! Немцы отошли, бросив многочисленные трупы своих солдат, трупы лошадей, даже целый продовольственный склад.

Тем временем немцы ушли к мысу Херсонес, к северу от Севастополя, и оттуда обстреливали город дальноточной артиллерией. Меня артобстрел застал в порту. Откуда-то появились санитары с носилками — понесли первых раненых. Пришлось, как всегда при обстреле, лечь. Место выбирал было некогда. И вот моя новенькая гимнастерка вся в нефтяных пятнах. Интересная все-таки вещь — психология человека. Если бы меня зацепило осколком — это была бы норма. А новенькая гимнастерка в нефтяных пятнах — это уже ЧП.

Вскоре немцы прекратили сопротивление, и через город потянулись колонны военнопленных и трофейной боевой техники. Мы включили рацию. Москва передавала приказ Верховного Главнокомандующего: «В ознаменование освобождения Севастополя сегодня, 9 мая 1944 года, в столице нашей Родины Москве произвести артиллерийский салют 24 залпами из 324 орудий». И как только из Москвы донесся грохот первого залпа, в самом Севастополе началось нечто невообразимое: беспорядочная пальба в воздух из стрелкового оружия. Стреляли все, у кого было из чего стрелять. И я дал очередь из автомата. Длинная... Никогда не забуду. 74 года прошло, а все равно буду помнить: длинная розовая линия на фоне догорающей зари. Да здравствует наш Севастополь, наш!

- Григорий Абрамович, что Вы можете пожелать современной молодежи?

- Родина у вас одна, ребята. Защищайте ее, держитесь ее, не изменяйте ей! Все ваши силы бросьте на то, чтобы Родина была в порядке. Все!

ГОРБАЧЕВ Михаил Васильевич

солдат, старший лейтенант, преподаватель МПИ

Родился 1921 г. в деревне Бествино Сенненского района Витебской области. В 1938 г. окончил десятилетку и до июля 1939 г. работал корректором газеты «Заводская Правда» г. Люберцы. Переехал в Ленинград и поступил на 1-й курс Коммунистического института журналистики. Однако вскоре был призван в армию.

В 1940 г. участвовал в освобождении Бессарабии. С первого дня начала войны до ее конца — на фронтах Великой Отечественной войны. Прошел путь от наводчика орудия до начальника штаба артдивизиона 32-го артподразделения 31-й с.д. 2-го Украинского фронта. Брал Бухарест. С июля 1943 г. — член ВКП(б). В конце 1944 г. был вторично тяжело ранен. За успехи в боевой и политической подготовке имел свыше 20 благодарностей.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

В 1944 — 1946 гг. — пропагандист Копайгородского РК Компартии Украины Винницкой области.

В 1946 г. продолжил учебу в МПИ. Был председателем профкома института (около 3 лет). А с 1 октября 1950 г. был зам. декана редакционно-издательского факультета. Позже — литератор, один из переводчиков писателя Василя Быкова на русский язык. Секретарь Союза писателей.

Боевой день

[Воспоминания М.В. Горбачева опубликованы в газете «Сталинский печатник» 7 ноября 1946 г.]

На мою долю выпала честь защищать нашу славную Родину с первых дней Великой Отечественной войны. Сигнал боевой тревоги утром 22 июня 1941 года застал меня в пограничной части на берегу Прута.

Воды мирной реки стали в тот день свидетелями невиданного в мире героизма, стойкости и мужества солдат и офицеров Красной Армии.

Вспоминается первый боевой приказ командира части майора Зелинского с бессмертными горьковскими словами: «Если враг не сдается — его уничтожают!»

... Через два года, когда я был уже командиром артиллерийского подразделения, части Красной Армии перешли в решительное наступление.

На нашем участке фронта, в районе станции Тарановка, на Харьковщине, противник оказывал нам упорное сопротивление. Нужно было обеспечить продвижение стрелковых подразделений на линии главного удара. Вместе со связистами и радистами своей батареи под ураганным огнем противника мы преодолели нейтральную полосу, вышли в район переднего края обороны противника и вызвали огонь батареи на вражеские огневые средства. Четкая и слаженная работа огневиков, правильная и быстрая корректировка огня помогли нам в течение часа парализовать оборону противника, и поддержанное нами пехотное подразделение продвинулось вперед на несколько километров.

ЖЕЖЕРОВ

Михаил Игнатьевич

канд. физ-мат. наук, доцент МИХМ

Родился 18 декабря 1924 г. в станице Отрадная, Тихорецкого района Краснодарского края.

В день начала Великой Отечественной войны 22 июня 1941 г. окончил 8 классов. В совхозе «Дженетэ» Анапского района Краснодарского края работал токарем в мастерских, точил детали для минометов, протачивал и шлифовал коленчатые валы. Школьников привлекали к работе по уборке винограда для винзавода.

Летом 1942 г. был призван в армию. Окончил пулеметно-минометное училище в мае 1943 г. Командиром взвода начал боевой путь на Северном Кавказе, участвовал в освобождении Таманского полуострова. Старшим лейтенантом, командиром роты участвовал в освобождении Житомира, Чуднова и других городов. Затем — Карпаты, Ротибор (на Одере).

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны I степени и многими медалями.

В 1946 г. демобилизовался. Окончил авиационно-техническое училище, работал авиамехаником. Окончив в 1952 г. вечернюю школу, поступил в МГПИ им. Потемкина. Работал в школе. С 1962 г. — в МГУИЭ. Защитил диссертацию, стал доцентом кафедры физики.

Моя военная география

[Воспоминания М.И. Жежерова опубликованы в журнале «Вестник», 2005 г., №11, с. 69]

29 июля был призван в армию и направлен в Краснодарское пулеметно-минометное училище. Когда к Краснодару стала приближаться линия фронта, училище должны были перебазировать восточнее. Нас отправили пешком в Сухуми, через станцию Лазаревская. Путь лежал через горы, мы шли более 5 суток, голодные, в основном на «подножном корме» — ягоды, орехи и тому подобное. От города Киласури нас довезли на поезде до Еревана, недалеко от которого, в городе Канакире, и располо-

жились пулеметно-минометное училище. Училище окончил 9 мая 1943 года и получил звание младшего лейтенанта. Уже 7 июня 1943 года нас привезли в Краснодар в расположение Северо-Кавказского фронта, откуда направили пешим порядком на передовую, в район Прикубанских хуторов, в 276-ю стрелковую дивизию, 11-й корпус 9-й армии — командиром взвода.

Как раз в это время началось активное контрнаступление наших войск на северокавказском направлении. Участвовал в освобождении Таманского острова и города Темрюк (с июня 1943-го по сентябрь 1943-го). Затем нас перебросили на 1-й Украинский фронт в 1-ю гвардейскую армию, где я воевал с сентября 1943-го по сентябрь 1944-го старшим лейтенантом, командовал ротой, участвовал в освобождении Житомира, Чуднова и других городов. В этих боях был дважды ранен, лежал в госпитале в Житомире. После госпиталя опять на передовую в бой — через Карпаты в Мукачев. Здесь меня ранило в третий раз. Далее уже с 38-й армией дошел до Котовиц, а затем до Ротибора, что на Одере (сентябрь 1944-го по май 1945-го). После третьего ранения я воевал уже в составе 2-го Украинского фронта. С мая 1945 года по февраль 1946-го служил дежурным офицером лагеря № 90 НКВД в Тушине. В 1946 году демобилизовался и работал на московской фабрике наглядных пособий. В 1947 году поступил в Егорьевское авиационно-техническое училище ГВФ, а в 1948 году окончил его. С 1949 года работал авиамехаником во Внуковском аэропорту Москвы. После болезни, ушел оттуда, работал автомехаником в эксплуатационной конторе водосливов в Москве и учился в вечерней школе до 1952 года. Затем окончил МГПИ и десять лет проработал учителем математики и физики в школе. С 1962 года — в МГУИЭ, защитил диссертацию в 1969 году.

КРУКОВЕЦ Евсей Вольфович

выпускник МПИ

Родился 18 декабря 1924 г.

Летом 1942 г. был призван в армию.

Киевскому комсомольцу было тогда 17 лет. Его направили в Гомельское пехотное училище. Окончив организованные там курсы разведчиков, был направлен на Северо-Кавказский фронт. После разгрома группировки немцев дивизию перебросили на 1-й Украинский фронт. Командир взвода Евсей Круковец за умелое проведение операции под городом Тернополем в 1944 г. и доставку важных сведений был награжден орденом «Красной Звезды». Второй орден был получен летом того же года на Ленинградском фронте. Его считали погибшим, а он, раненный в ногу, под обстрелом финнов переплыл озеро и доставил в срок ценные документы.

В 1947 г. после демобилизации осенью сдал экзамены и стал студентом редакционно-издательского факультета МПИ.

Был секретарем комсомольского бюро РИФ. По семейным обстоятельствам перевелся во Львовский университет, после окончания которого работал в местном «Крокодиле».

Путь война

[Статья о Круковце Е. опубликована в газете «Сталинский печатник» № 11 за 1948 г.]

Летом 1942 года был призван в армию 17-летний киевский комсомолец Евсей Круковец. Юношу послали в Гомельское пехотное училище. Незадолго до выпуска при училище были организованы курсы разведчиков. Отбирали лучших курсантов, и в апреле 1943 г. туда был направлен Евсей Круковец. Деятельность разведчика требует наблюдательности и находчивости, храбрости и предельной осторожности.

Е. Круковец обладал этими качествами. Тотчас по окончании курсов был направлен на Северо-Кавказский фронт. После разгрома группировки немцев дивизию перебросили на 1-й Украинский

фронт. В ходе победоносного наступления Советская Армия окружила в конце марта 1944 г. город Тернополь. Дивизия, где Е. Круковец командовал взводом разведки, прикрывала важную магистраль, по которой немцы стремились прорваться к городу. Командованию стало известно, что в районе населенного пункта, отстоящего на 20 км от передовой, сосредоточены соединения противника. Сведения необходимо было проверить. Эту операцию поручили Круковцу.

Разведка требует тщательной подготовительной работы, без нее нельзя рассчитывать на успех. Е. Круковец знал это, и потому в течение двух дней изучал карты, разрабатывал маршрут, выбирал участок перехода.

Ночью разведчики перешли линию фронта и углубились в немецкий тыл, рискуя каждую минуту натолкнуться на противника. Какое сопротивление могла оказать группа в 7 человек? Но они верили в успех операции и настойчиво шли вперед, настораживаясь при каждом подозрительном шуме. Е. Круковец внешне был все так же спокоен и при коротких остановках ухитрялся даже шепотом шутить. День переждали, зарывшись в стогах сена. Солдаты спали, карауля по очереди, а Круковец не мог заснуть: мешало нервное напряжение — ведь на нем лежала ответственность за выполнение задания и за жизнь солдат.

На следующую ночь продолжали продвигаться, держась недалеко от шоссе. Установили, что идет интенсивная переброска войск к передовой: шурша шинами, проносились грузовики с пехотой, грохотали орудия, танки. Днем, отсиживаясь в одиноком заброшенном сарае, связались с дивизией, передали первые сведения.

Наконец, вот он, назначенный пункт. Ночью подробно разведали численность и точное расположение группировки. Задание выполнено — можно возвращаться. За умелое проведение операции и доставку важных сведений командование наградило Е. Круковца орденом Красной Звезды. Вторым орденом он получил летом того же года на Ленинградском фронте. Его считали погибшим, а он, раненый в ногу, под обстрелом финнов переплыл озеро и доставил в срок ценные документы.

Собрание, на котором Круковец стал кандидатом в члены ВКП(б), проходило в необычной обстановке. В тот день, когда оно должно было состояться, Круковец, выполняя боевое задание, получил ранение. От эвакуации в тыл он отказался наотрез, лежал в медсанбате. Туда и пришла партийная группа роты во главе с партгором. Много говорить не надо было — они воевали вместе, а где, как не на фронте, проверяется человек! Он оправдал доверие товарищей, доказал, что будет настоящим коммунистом. В 1946 году, уже в мирные дни, Круковец стал членом ВКП(б).

В 1947 году он демобилизовался, осенью сдал экзамены и стал студентом редакционно-издательского факультета МПИ. И сразу же проявилась одна из основных его черт — неутомимый интерес к жизни коллектива. Он с первых дней стал «своим», сразу активно включился в работу.

КРУТОВ

Николай Николаевич

д-р филос. наук, профессор, МИХМ

Родился в 1925 г.

В январе 1943 г. призван в армию и направлен в батальон связи ПВО Воронежского, а затем 1-го Украинского фронтов. Участвовал в тяжелых боях при форсировании Днепра, освобождении Воронежа и Киева. В ноябре 1945 г. демобилизован в звании старшего лейтенанта.

Награжден медалями, в том числе «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

Работал на заводе, окончил вечернюю школу, поступил в институт, потом в аспирантуру. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. С 1978 по 1991 г. заведовал кафедрой «История КПСС и философия».

Наша армия – тогда и теперь

[Воспоминания Н.Н. Крутова опубликованы в журнале «Вестник», 2005 г., № 11.

Печатается в сокращении]

Я был призван в армию в январе 1943 г. В то время мне было 17 лет. Меня и других ребят моего возраста из подмосковных городов Электросталь и Ступино со сборного пункта направили в батальон связи, который входил в состав корпуса противовоздушной обороны (ПВО). Он прикрывал военные объекты сначала Воронежского, а затем 1-го Украинского фронтов от налетов вражеской авиации. Задачей нашего батальона связи было наведение проводных линий связи между штабом корпуса, зенитными батареями и наблюдательными пунктами, а также обеспечение надежной работы этих линий. Работа связистов на линиях связи была достаточно опасной, и эта опасность усиливалась во время налетов немецких бомбардировщиков, которые стремились продавить наши батареи и прорваться к охраняемым объектам. Связисты, обеспечивающие исправность линии во время бомбежек, зачастую погибали или были ранены. Ко мне судьба в этом отношении была благосклонна. Лишь однажды смерть прошла рядом со мной.

Это произошло в октябре 1943 г. Передовые части фронта вышли к Днепру и стали переправляться на другой берег. Зенитные батареи нашего корпуса располагались в нескольких десятках километров от Днепра – там, где сосредотачивались пехотные и танковые дивизии, готовившиеся к переправе через Днепр. Расположение этих дивизий, а следовательно, наших зенитных батарей и линий связи стало основной целью немецкой авиации. Немцы налетали по нескольку раз в сутки.

Во время одного из таких налетов я был в дежурном наряде линейных связистов. Одна батарея на вызовы не отвечала, и меня вместе с еще одним связистом послали проверить эту линию связи. Дело было ночью. Не успели мы отойти и на сто метров, как очень быстро раздался гул самолета, и в небе над нашими головами скрестились лучи прожекторов. Мы бросились на землю, и тут же раздался свист падающей бомбы и грохнул оглушительный взрыв. Мне повезло: между мной и местом, где упала бомба, оказался небольшой пригорок. Осколки бомбы частью впились в этот пригорок, частью пронеслись надо мной. Оглушенный взрывной волной и осыпанный комьями земли, я испытал сильнейший шок. Немного придя в себя, стал искать товарища. Я нашел его в нескольких шагах сидящим на земле с прижатыми к голове руками. Из раны на голове сочилась кровь. Поняв, что мой товарищ, возможно, серьезно ранен, я побежал за помощью. Медсестра, которую я привел, перевязала раненого, и нас обоих сразу отвезли в медсанчасть. Меня вскоре отпустили, не найдя видимых повреждений, а раненого товарища отправили в полевой госпиталь. Больше встретиться нам не довелось.

Из других ярких военных впечатлений я помню зрелища разрушенных городов и сел. Особенно запомнился Воронеж – первый город, который я увидел в таком состоянии. Многие каменные здания лежали в руинах. Стены других стояли, но не было крыши, причем часто стен было всего три. Дымились остатки деревянных строений... Подобные страшные, удручающие картины я много раз видел и в дальнейшем, по мере того как наш фронт двигался на Запад.

Я, как и многие другие участники Великой Отечественной войны, вспоминаю военные годы с двойственным чувством. С одной стороны, это были страшные годы – теми потерями, которые понес наш народ, теми лишениями, что пришлось перенести и тем, кто находился в армии, и тем, кто был в тылу, на трудовом фронте. Но с другой стороны, в эти годы было и хорошее. Например, отношения, которые складывались между солдатами, между солдатами и их командирами. Не было драк, рукоприкладства, издевательств над людьми. Хотя в нашей части были солдаты разного возраста: старослужащие и молодежь. Не было и в помине «дедовщины» и неуставных отношений.

Офицеры и сержанты были строги, порой придирчивы, но в основном справедливы. В общении с солдатами они редко срывались на крик, мат при этом вообще не употреблялся. Матерщина была редкой и в солдатской среде. Мне довелось служить под руководством толковых командиров, учитывающих индивидуальные особенности подчиненных.

МИРЗАЯН
Сергей Николаевич (1923 – 1987)

канд. экон. наук, доцент МПИ

Родился 22 июня 1923 г. в городе Андижане УзССР в семье служащих. В 1942 г., окончив 10 классов, получил направление в Харьковское пехотное училище (г. Наманган УзССР).

С февраля 1943 по май 1944 г. участвовал в боях на Сталинградском, Степном и 2-м Украинском фронтах. Являлся командиром стрелкового взвода.

Первый бой – под Батайском в 1943 г., на подступах к Днепру.

Трижды был ранен. Военное звание – старший лейтенант.

Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и др.

В 1945 – 1950 гг. поступил учиться в Московский технологический институт пищевой промышленности, получил специальность «инженер-экономист». А также в 1946 – 1949 гг. поступил в ФХТОПП МПИ (вечернее отделение, факультет художественного редактирования). После окончания института с 1950 по 1952 г. работал зам. главного бухгалтера, нормировщиком и начальником технологического отдела в Советске и в Сталинграде. С 1952 по 1960 г. работал старшим экономистом издательства и типографии газеты «Правда».

В МПИ с 1960 г. – преподаватель, старший преподаватель, доцент кафедры «Организация и планирование полиграфических предприятий» (ИЭФ). С 1964 по 1967 г. был заместителем декана инженерно-экономического факультета (ИЭФ). В 1974 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Вопросы изучения и совершенствования труда ИТР и служащих на полиграфических предприятиях» в МПИ. За годы работы им опубликовано около 100 научных и учебно-методических работ. Важнейшие из опубликованных работ учебные пособия: «Вопросы изучения труда, личных и деловых качеств ИТР и служащих полиграфических предприятий», «Изучение структуры затрат рабочего времени ИТР и служащих», «Научные основы управления производством». Он также принимал участие в общественной жизни института, 17 лет руководил семинаром пропагандистов Тимирязевского РК КПСС. Награжден знаком «За отличные успехи в работе» Минвуза СССР.

На войне как на войне

*[Статья, опубликована в газете
«Советский полиграфист» 30 апреля 1984 г.]*

То, что было на войне с доцентом кафедры организации и планирования полиграфических предприятий Сергеем Николаевичем Мирзаяном, он подвигом не считает. Для него, как и для всех фронтовиков, это лишь один из многих эпизодов Великой Отечественной войны.

С.Н. Мирзаян родился в Андижане. Рос, как все: играл в «казаки-разбойники», лазил по чужим садам и огородам, за что иногда получал взбучку от родителей. Когда пошел в школу, интересы стали другими. В школе много занимался спортом, гимнастикой (имеет 1-й разряд), общественной работой. В комсомол вступил в 1938 году и несколько лет избирался в бюро ВЛКСМ школы. Интересовался техни-

кой, много читал технических журналов и книг. Читал и художественную литературу. В классе был один-единственный экземпляр книги Н. Островского «Как закалялась сталь». Читали все, причем книга выдавалась только на 2–3 дня. Сергей Мирзаян «проглотил» ее за две ночи. Герои и события настолько взволновали, что книга Н. Островского стала одной из любимейших для него на долгие годы.

Грянула война. Вместе со всеми С. Мирзаян пришел в военкомат. Хотел стать летчиком, но его не взяли не только по молодости, но и из-за маленького роста. В 1942 г., окончив десятилетку, он получает направление в Харьковское пехотное училище, которое в то время находилось в Намангане. Месяцы учебы и младший лейтенант С. Мирзаян получает назначение в Астрахань, где формируется один из полков 62-й армии. Пеший переход от Астрахани до Ростова, длившийся более 20 дней, суровое испытание не только для бойцов, но и для молодого командира взвода.

Первый бой под Батайском и первое ранение. Госпиталь. Залечив рану, спешит за своей частью. Снова бой, снова ранение, снова госпиталь. Похоже, С. Мирзаяну не везет с самого начала.

1943 год. Бои на подступах к Днепру. Двадцатилетний командир роты старший лейтенант С. Мирзаян принимает пополнение. В строю стоят солдаты вдвое, а то и втрое старше его, нередко с трудной судьбой. «Будем воевать», — говорит С. Мирзаян, а сам думает: «Первый же бой покажет, кто на что способен».

Бой. Рота получает задание: штурмом взять высоту. Залегли в цепь. Головы не поднять, пули, кажется, свистят рядом. Земля — как горелая каша.

И тогда во весь рост встает командир роты, что-то кричит, но слов не разобрать, да и так понятно. За ним поднимаются остальные, бегут за командиром. Командир чувствует боль в левой ноге, но продолжает бежать, стреляя на ходу. Только бы добежать до вражеских окопов, там видно будет. Рота первая занимает окопы. Бойцы окружают командира. «Что с тобой, командир? Ранен?» — «Вроде, нет». Трогает ногу, болит немного. Лезет рукой в валенок, ладонь вся в крови.

Не ампутировать ногу врачи в госпитале уговорили соседи С. Мирзаяна по палате. «Зачем калечить молодого, ему еще жить». — «А гангрена?» — «Лечи, на то ты и доктор». Пила отложена в сторону, стали лечить. Нogu вылечили, выписали из госпиталя, но дали «белый билет»: инвалид 2-й группы.

С.Н. Мирзаян возвращается в свой родной Андижан и становится военруком в средней школе № 31. Мальчишки беспрекословно повинуются: ведь на груди молодого учителя — орден Красной Звезды.

Год Победы — это год поступления в институт, после окончания которого работа по специальности в типографии издательства «Правда». В 1960 г. С.Н. Мирзаян приходит в МПИ, где работает уже четверть века. За это время воспитаны тысячи специалистов народного хозяйства.

РАДАЕВ

Анатолий Сергеевич

канд. экон. наук, доцент МПИ

Родился 7 сентября 1923 г. в городе Алатырь Чувашской АССР в семье рабочих. В Москву переехал в 1930 г. С 1932 по 1939 г. учился в школе (окончил семь классов). В 1939 г. поступил учиться в 4-ю артиллерийскую школу.

В начале 1942 г. был направлен во 2-е Томское артиллерийское училище. Получил звание лейтенанта. С декабря 1942 г. — в действующей армии. Командир батареи, начальник разведки артиллерийского дивизиона. Сражался на Волховском, Степном, Воронежском и 1-м Украинском фронтах. С 5 июля по 23 августа 1943 г. принимал участие в битве на Курской дуге в составе 379-го артиллерийского полка 147-й ордена Богдана Хмельницкого стрелковой дивизии 27-й общевойсковой армии. В сентябре 1943 г. в районе г. Переяслава-Хмельницкого — в боях по форсированию реки Днепр, на западном берегу которого войсками Воронежского фронта (командующий — генерал армии Н.Ф. Ватутин) был захвачен Букринский плацдарм

с целью организации наступления наших войск для освобождения Киева. 6 ноября 1943 г. город Киев был освобожден от немецко-фашистских оккупантов. Принимал участие в боях за освобождение Польши. Войну завершил под Берлином. С 12 января по 2 февраля 1945 г. в составе 13-й армии участвовал в боях Висло-Одерской стратегической наступательной операции. В результате стремительного преследования противника 25 января подошли к берегам реки Одер, важнейшей преграде на пути к жизненным центрам Германии, и 26 января с ходу форсировали ее севернее и южнее крепости Штейнау. Немцы не выдержали натиска наших войск и вынуждены были отступить вглубь Германии. Был дважды ранен, в марте 1944 г. на Украине и в 1945 г. при форсировании реки Нейсе (в 60 км от Берлина), в результате чего была ампутирована нога.

Награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны I степени и медалями.

[Записано С.В. Морозовой по воспоминаниям А.С. Радаева]

В сентябре 1945 г. поступил в Московский государственный университет (МГУ) на юридический факультет, который окончил в 1950 г.

В 1950 – 1951 гг. работал преподавателем в офицерской школе МВД СССР.

В 1954 г. окончил курсы подготовки преподавателей общественных наук (отделение политэкономии) при МГУ.

В 1954 – 1955 учебном году преподавал в Московском инженерно-физическом институте на кафедре политэкономии.

С 1956 г. по совместительству стал работать старшим преподавателем в Московском заочном полиграфическом институте на кафедре политэкономии.

С 1959 по 1986 г. работал в МПИ.

В 1965 г. Радаев А.С. защитил кандидатскую диссертацию и ему была присуждена ученая степень кандидата экономических наук. В 1968 г. присвоено звание доцента кафедры политэкономии.

Принимал участие в методической работе. Имеет 16 печатных работ (на 1981 г.). Вел большую воспитательную работу среди студентов. Общественная работа – профорг, член профбюро факультета, консультант по экономическим вопросам в кабинете политпросвещения Ждановского РК КПСС, выступал с лекциями и докладами на предприятиях Тимирязевского района.

СОЛОМАХА Геннадий Петрович,

д-р техн. наук, профессор МИХМ

В октябре 1941 г. призван в армию. Направлен в 29-ю стрелковую дивизию в г. Акмолинск (Целиноград), в дивизионную школу радиотелеграфистов НКВД в Карлаге. В марте 1942 г. – в резерве Главного командования (Тульская обл.), летом 1942 г. – на сталинградском направлении. Принимал участие в Сталинградской битве, в боях на Курской дуге, в освобождении Харькова, в форсировании Днепра. Прошел с боями Румынию, Венгрию, Чехословакию. Четырежды ранен.

Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны, Славы и медалями «За оборону Сталинграда», «За боевые заслуги».

В 1943 г. поступил в МИХМ, окончил аспирантуру, защитил кандидатскую, затем докторскую диссертации, стал профессором кафедры «Процессы и аппараты химической технологии».

От Сталинграда до Будапешта

[Воспоминания Г.П. Соломахи, опубликованы
в газете «За кадры химического машиностроения»
от 18 февраля 1985 г.]

От Сталинграда до Парижа

[Воспоминания Г.П. Соломаха, опубликованные
в журнале «Вестник МГУИЭ», № 11, 2005 г., с. 37 – 38]

Родился в Харькове, детские годы провел в очень красивом городе Изюме — древнем форпосте Южной России на границе с Диким полем. С 1935 г. жил в городе Рубежное в Донбассе: здесь меня и застала война. Аттестаты об окончании средней школы нам вручили 18 июня 1941 года, а через 4 дня началась война. О войне мы знали очень мало и только по книгам и кинофильмам и поэтому восприняли трагическую весть по меньшей мере без достаточной серьезности. Ее воздействие на себе мы испытали через взрослых. А вскоре, спустя примерно месяц, когда появились эшелоны эвакуированных из западных областей, мы воочию увидели, что такое война... В это время мы вместе со школьниками находились на сельскохозяйственных работах — помогли убирать хлеб, а также подготавливали площадки под аэродром.

В октябре 1941-го меня призвали в армию. Фронт был уже рядом, примерно в 100 км от города. Нас, призывников, сформировали в колонну, и мы без командиров, далеко растянувшись, прошли пешком 280 км до станции Чертково, где нас поместили в эшелон и отправили в г. Куйбышев. Здесь я был определен в запасной полк, который вскоре был переброшен в Северный Казахстан, в город Акмолинск, где начала формироваться 29-я стрелковая дивизия. А поскольку я был радиолобителем, то и определили меня в радиовзвод батальона связи.

Примерно за полтора месяца мы освоили радиодело, и нас направили в резерв Главного Командования в Тульскую область. Ожидалось, что немцы в конце 1941 года — начале 1942-го начнут обширное наступление в этом направлении. Однако основной удар немцев пришелся в южном направлении, и когда здесь начала складываться тревожная обстановка, нас направили в район Сталинграда. И вот летом 1942 г. недалеко от станции Морозовская, западнее Сталинграда, произошла наша первая встреча с немцами. Враг усиленно прижимал нас к Дону. Вскоре ему удалось переправиться через реку южнее и севернее нас, и нам пришлось отступить к Сталинграду с тяжелыми боями. Летом 1942 г. примерно в 70 км от Сталинграда один из наших полков попал в окружение и был уничтожен. Остальные наши части также были практически окружены, но немцы не успели организовать сплошной линии фронта, и нам удалось выйти из окружения, обходя районы сосредоточения неприятельских войск. В этих боях я и получил свое первое легкое ранение.

Линии фронта практически не существовало. Однажды случилось так, что немецкие танки вышли прямо в расположение штаба дивизии и полностью парализовали его деятельность. С помощью противотанковых гранат удалось подорвать два танка, другим же, не поддержанным пехотой, пришлось спешно отступить. В этих боях мы встретили первых пленных немцев, державшихся очень браво и даже щеголевато.

С конца лета 1942 г. мы вели тяжелые оборонительные бои в Сталинграде и его окрестностях, в районе Бекетовки. В начале ноября наступило некоторое затишье. Чувствовалось, что немецкие войска выдохлись и наступать не могут. Все ждали перелома в ходе военных действий.

19 ноября 1942 года началось наше контр наступление. Теперь уже немецкие войска были в окружении, и мы наступали в непривычном направлении: с запада на восток. В конце Сталинградской кампании наша дивизия тоже вошла в город. Штаб находился в двухэтажном доме возле мельницы, тогда как остальной город лежал в развалинах. Лет 20 назад я побывал в Сталинграде и снова увидел этот дом. Сразу нахлынули воспоминания о суровых буднях войны, пленении фельдмаршала Паулюса.

Во время боев я был радистом в звании сержанта и обеспечивал связь, находясь в боевых порядках полка. Там, под Сталинградом, меня впервые ранило — осколком касетной бомбы в бедро. По завершении Сталинградской битвы нам дали месяц на отдых и переформирование. В составе 72-й Гвардейской дивизии — нашей дивизии было присвоено звание Гвардейской — перебросили в район Белгорода, где предстояло организовать оборону по реке Северский Донец. Один из полков занял плацдарм на западном берегу Донца на излучине, обращенной вершиной к западу. Обстановка на плацдарме была крайне тяжелая: он непрерывно обстреливался с трех сторон пулеметно-артиллерийским огнем, и полк нес огромные потери. Комполка, его зам и комбаты выбыли из строя убитыми или ранеными. Однажды во время артналета, когда снаряды рвались на ветвях деревьев, при мне ранило в грудь незнакомого лейтенанта. Я разорвал свою рубаху и перевязал его. При первой возможности его отправили в тыл. Позже на Днепре, где я тоже был ранен и после госпиталя пробыл в своей части, нашелся попутчик в звании капитана. Разговорились: кто из нас, когда и где получал ране-

ния. Капитан рассказал, что на Донце остался жив благодаря «какому-то связисту», который, разорвав рубаху, вовремя перевязал его. И тут я его вспомнил, узнал в нем того самого лейтенанта. Каких только удивительных встреч не было на войне!

В боях за этот плацдарм я получил еще одно ранение. В июле 1943 г. немцы попытались предпринять новое летнее наступление на Курской дуге, но вскоре выдохлись и стали отступать. И в августе наши войска начали бои за Харьков, и свое 20-летие со дня рождения 23 августа 1943 г. я встретил в освобожденном Харькове, в городе, где я родился.

После Харькова было еще очень много тяжелых боев. Конечно, все бои по-своему тяжелы — легких нет, но бывают бои особенно напряженные, кровопролитные. Вот именно такие ожидали нас в районе Мереха и в районе Краснограда, за освобождение которого наша дивизия была удостоена звания Красноградской.

После Краснограда до самого Днепра мы наступали, практически не встречая сопротивления: дело в том, что немцы решили сосредоточить свои войска и организовать мощный оборонительный вал на Днестре. Тем не менее нашей дивизии, преследовавшей по пятам отступающие немецкие части, одной из первых удалось завладеть небольшим плацдармом на западном берегу Днестра. «На плечах» у отступающих немцев на западный берег переправилось не более взвода наших солдат. Мы получили приказ переправиться на плацдарм и организовать радиосвязь. Днем под прицельным огнем немцев об этом нечего было и думать. Ожидали темноты. Ночью на плацдарм — кусок пляжа под обрывистым берегом — незаметно для противника мы переправились вместе с частью одного полка. Попытались окопаться — нельзя: на глубине 20 — 30 см под песком — вода. С рассветом, часа в три начали разведку боем.

Авангард нашего полка, переплыв реку, полез на отвесную стену крутого правого берега, а остальные подразделения вели ураганный огонь из всех видов оружия по верхней кромке обрыва, не давая немцам поднять голову и глянуть на его подножие. В итоге у них сдали нервы, и они сбежали. Мы освободили Бородаевские хутора, и около взвода наших ребят, которые зацепились было за плацдарм накануне, попали в плен. Днем к нам переправилась вся дивизия без особых потерь. Настоящее же сопротивление немцев было позже, когда они оправились от растерянности и организовали оборону. В этих боях меня ранило в третий раз. Сутки я находился в расположении дивизии, а затем меня отправили в тыл, и я в течение месяца проходил лечение в госпитале.

После выписки вернулся в свою часть, которая уже ушла далеко вперед и начала тяжелые зимние бои 1943 — 1944 гг. в районе Кировограда. За штурм и освобождение этого города наша дивизия была награждена орденом Красного Знамени. Продолжая развивать зимнее наступление, отдельные части Украинского фронта одними из первых вышли на Государственную границу СССР. Далее наше наступление развивалось по северной Румынии, где мы столкнулись с сильно укрепленной обороной противника. В этом районе Румынии еще со времени первой мировой войны сохранилась линия дотов. На ней противник и организовал оборону.

Наше наступление захлебнулось — линия фронта стабилизировалась, и начались затяжные бои. Для прорыва линии фронта надо было разорвать линию дотов, т.е. разбить 2 — 3 дота, прикрывающих друг друга перекрестным огнем. Здесь мне пришлось проводить корректировку артогня 203-миллиметровых пушек, которые под прикрытием темноты были выдвинуты на прямую наводку непосредственно перед дотами. На рассвете артиллеристы начали расстреливать доты, стараясь попасть в амбразуру. Вскоре два дота были разбиты, и в эту брешь пошли в атаку наши войска. Немецких войск здесь было немного, и после прорыва этой оборонительной линии армия противника побежала. Преследуя ее части, мы постепенно углублялись в Карпаты в районе Трансильвании. Здесь нам пришлось столкнуться со специфической горной войной, когда нет сплошной линии фронта и трудно осуществить взаимодействие соседних частей. В этой обстановке мне пришлось участвовать в операции, проводимой в тылу немцев. Нас провели по тропинкам через боевые порядки немецких войск на вершину горы, господствующей над долиной. Отсюда мы вели корректировку артиллерийского огня. Вскоре враг, опасаясь окружения, оставил свои позиции, и мы спустились в долину, где встретились с нашими частями.

Далее в Румынии серьезного сопротивления практически не было. Румынские войска сдавались в плен целыми подразделениями, и наши части, успешно развивая наступление, вступили на территорию Венгрии. Здесь мне пришлось принимать участие в серьезных боях в районе города Сольнок. Наши войска пытались переправиться через реку Тису, но противник оборонялся отчаянно, и длительное время мы вели затяжные бои. Тогда наше командование изменило направление наступления наших частей, и наша дивизия начала продвижение на северо-запад и перешла границу Чехословакии.

В феврале 1945 года крупная немецкая группировка попала в наше окружение под Будапештом, а другая попыталась деблокировать ее. 23 февраля 1945 года, в день Красной Армии, под городком со звучным названием Париж (Словакия) контратакующие немецкие танки сбросили нас в затянутую тонким льдом реку Грон. Кроме автомата и прочего воинского снаряжения, на мне была

рация весом 23 кг. Вообще-то мне как старшему по расчету полагался напарник, но к этому моменту его убило. Самое трудное было — вскарабкаться на кромку льда на «своем» берегу. Танки перескочить реку не могли, но стреляли по нам из орудий. Снаряд рванул прямо передо мной. Я получил 20 осколочных ранений в обе ноги, но сгоряча этого не почувствовал. Ступил в лужицу, а это оказалась глубокая канава. Из нее я уже выбраться не мог. Помогли свои: вытащили под огнем. Потом — госпитали в Чехословакии, Венгрии, в Мукачево. Об окончании войны я узнал в санитарном поезде по дороге в Тбилисский госпиталь. У меня был жар, начиналась гангрена. Я воспринимал все как в тумане. Спасибо искусным врачам, которые, проведя сложнейшие операции, сохранили мне ноги.

Несколько позже после улучшения самочувствия я вместе со всеми, наконец, ощутил огромное облегчение и радость — завершился непередаваемо тяжелый, полный тревог и опасностей военный период в нашей жизни.

Вернувшись в Рубежное, я 1 сентября 1945 года поступил в местный химико-технологический институт на механический факультет. В 1949 году, когда я перешел на 4-й курс, институт ликвидировали. Я перевелся в Москву, в МИХМ. С тех пор с МИХМом была связана вся моя дальнейшая жизнь. По окончании института поехал на Урал, в город Березники, куда годом раньше выехала моя жена. Женился я в 1946-м, будучи студентом. А дружили мы с моей будущей супругой еще до войны. Мое детство прошло в городке Изюме Харьковской области. Прекраснейшее место на Земле, которое считаю своей малой Родиной. Теперь это за границей...

Я работал механиком на азотно-туковом комбинате. Потом доцент МИХМа Валерий Вениаминович Румянцев, которого считаю великим человеком, прислал мне приглашение в аспирантуру. Через некоторое время он же пригласил и О.С. Чехова, с которым мы подружились, вместе прошли большой путь, даже докторскую диссертацию защитили в одном году. Фактическим моим учителем был Александр Николаевич Плановский.

СУМАРОКОВА

Татьяна Николаевна

выпускница МПИ

По призыву ЦК ВЛКСМ в октябре 1941 г. пошла в авиацию. Так она попала в часть Расковой М.М., где окончила трехлетние курсы за 5 месяцев.

С мая 1942 г. на самолете ПО-2 (фанерный) 840 раз летала в тыл врага штурманом звена, а затем штурманом эскадрильи. В полку была бессменным редактором газеты и веселого «Крокодила». Награждена орденами и медалями.

После победы поступила и с отличием закончила редакторско-издательский факультет МПИ.

В годы войны

[Статья Героя Советского Союза Е.В. Рябовой о Сумароковой Т.Н. опубликована в газете «Советский полиграфист» 6 марта 1970 г.]

Когда меня попросили выступить в газете «Советский полиграфист» с воспоминаниями, то я как-то сразу решила рассказать о Татьяне Николаевне Сумароковой — выпускнице нашего института, о нашем женском авиационном полке.

Когда началась война, Таня была студенткой первого курса медицинского института. Она мечтала о фронте, ей виделось, как она выносит из огня раненых воинов.

Но случилось не так. В октябре 1941 года Герой Советского Союза М.М. Раскова формировала женскую авиационную часть. Со всех концов Советского Союза собирались к ней летчики, штурманы, техники, вооруженцы. Но женщин в авиации служило еще мало. И по призыву ЦК ВЛКСМ сотни девушек, никогда в жизни не державших оружия, не касавшихся плоскости самолета, пришли в авиацию. Так попали в часть Расковой Татьяна Сумарокова, я и многие другие студенты.

Началась упорная учеба по 12 – 14 часов в сутки. Ведь программу трехлетнего курса нужно было пройти за 5 – 6 месяцев. Учились упорно, настойчиво, мечтая своими руками бить фашистов, напавших на нашу Родину.

На фронт мы попали в мае 1942 года. Это были трудные для нашей Родины дни, дни отступления наших войск из-под Ворошиловграда и Ростова к Волге и Кавказу.

Сначала мы, молодые штурманы, не умели ни точно выйти на цель, ни вывести самолет из прожекторов и обстрела, ни тем более вести машину. Поэтому в первые дни наши опытные летчики начали тренировать своих штурманов, учить их неписаным законам летного мастерства.

Первые свои вылеты Татьяна совершила с опытным летчиком Машей Смирновой. Она быстро овладела штурманским мастерством, умением заменить летчика в трудных условиях.

Летали мы на самолетах ПО-2. Устойчивый в полете, легкий в управлении, наш фанерный ПО-2 не нуждался в специальных аэродромах и мог сесть на опушке леса, в поле, на дороге или просто на деревенской улице.

Наш полк был женским. Пополнения нам в тылу не готовили, поэтому в полку была организована учебно-тренировочная эскадрилья, в которой готовили летный состав. Очень скоро эта эскадрилья стала учебно-боевой.

Татьяна Сумарокова сначала была в ней штурманом звена, а затем штурманом эскадрильи. Днем – учеба, ночью – полеты. Спали мало. Лететь на боевое задание с молодым летчиком очень опасно. Полетам в прожекторах не обучали. Это обучение проводилось непосредственно над целью, да еще где-нибудь над Керчью или Севастополем, где сразу включалось до 40 – 50 прожекторов, а зенитных орудий и крупнокалиберных пулеметов не счесть. Нередко молодой летчик не выдерживал и, оторвав взор от приборов, смотрел, где находятся прожекторы, откуда стреляют. Прожекторы молниеносно ослепляли его, и он терял пространственную ориентировку (не знал, где земля, где небо). Самолет входил сначала в спираль, а затем в штопор, и так мог лететь до земли. Вот где пригодилось умение штурмана выводить машину из сложнейших ситуаций. Так было у Сумароковой с молодыми летчиками Рыльской и Перепечей. Сидел бы сзади не умеющий водить машину штурман – погибли бы оба.

А было с Татьяной и другое. Ее летчик потерял сознание в полете у самой цели. Тут уж все пришлось делать одной: и самолет вести, и ориентироваться, и бомбы сбрасывать – не везти же их домой, когда находишься у цели. И со всем справилась она отлично. За три года полковой жизни много пришлось пережить Татьяне: и вынужденные посадки на изрешеченной пулями машине у передовой, на воду (к счастью, у самого берега), и полеты над морем при сплошной облачности высотой 50 – 100 метров, когда возили продовольствие и боеприпасы окруженной в Крыму у села Эльтиген группе отважных моряков, и выход из кабины на плоскость летящего самолета над территорией врага, чтобы сбросить руками зависшую бомбу, и аварию при взлете, когда ее выбросило из самолета на несколько метров и она упала вниз головой в снег, получив сотрясение мозга, и многое другое – всего не перечислишь.

840 раз летала Татьяна Сумарокова в тыл врага, и каждый такой полет таил смертельную опасность. Сколько раз на ее глазах горели самолеты подруг, а ее самолет встречал сплошную стену зенитного обстрела, но ни разу она не дрогнула, не спасовала, а еще злее, точнее разила врага и с нетерпением ждала победы. В полку проявился ее литературный талант. Таня была у нас бессменным редактором полковой газеты и редактором нашего веселого «Крокодила». Поэтому после победы она не вернулась в медицинский институт, а окончила редакционно-издательский факультет нашего института. Диплом она защитила на «отлично».

Сейчас она работает зав. редакционным отделом Заочной высшей партийной школы при ЦК КПСС.

ФИРСОВ

Владимир Михайлович (1904 – 1941)

интендант 3-го ранга – военком 82-й батареи минометного дивизиона
7 бригады морской пехоты, выпускник МПИ

Родился в городе Баку в 1904 г. Художник.

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Фирсов Владимир Михайлович сражался далеко от Москвы и погиб, обороняя Севастополь. В нем билось пламенное сердце гражданина, взволнованного художника, любившего жизнь и искусство. Большевистским словом и личным примером он поднимал людей в бой, всегда, даже в бою, оставаясь и художником.

На Черноморском флоте, одновременно с Фирсовым, почти с самого начала боевых действий находились и художники Л. Соифертис, Ф. Решетников и К. Дорохов. В письме к жене Фирсова (Е. Бодановой) с флотской базы (Сочи) Дорохов писал: «Что касается Володи, то до нас доходят печальные слухи, которым и верить не хочется... Как только узнаю что-либо достоверное, тотчас сообщу. Еще в октябре месяце (1941 г. – Л.Г.) Володя заявил о своем твердом желании быть... в отряде морской пехоты. Командование просьбу удовлетворило. Его аттестовали политруком и направили в часть. Когда я уезжал (видимо, еще из Севастополя или Феодосии, где позднее Дорохов находился вместе с Решетниковым. – Л.Г.), мы виделись с ним. Володя был очень доволен назначением, находя что и как художник он многое получит (будучи политруком)... Знаю, что он в действующей части много работал и как художник. Не раз ходил в атаки. О нем командование и бойцы дают исключительные отзывы. Рассказывают, что даже во время шквального огня, минометного и орудийного обстрела, в свободные от своей политической работы минуты он рисовал и даже писал. Эта бригада, в которой он был политруком, попала будто в тяжелейший буран... и погибла! Как только узнаю, напишу...».

Письмо пришло, видимо, после того, как обеспокоенная отсутствием каких-либо вестей с фронта Евдокия Ивановна Боданова получила конверт, в котором лежало ее собственное письмо; на четвертой чистой страничке незнакомой рукой было написано: «6.III.42 г. Тов. Фирсов убит. За подробностями обратитесь через фронт ВМ ПС 1007 нач. ОРСУ ЧФ кап. II ранга тов. Давыдову или к писателям, знающим и находящимся здесь».

В ответ на посланный запрос пришло короткое сообщение за подписью начальника IV части штаба бригады интенданта 3-го ранга Шелеста и формальное извещение о том, что «Ваш муж, интендант 3-го ранга – военком минометной батареи Фирсов Владимир Михайлович при защите города Севастополя пал смертью храбрых 19 декабря 1941 года в районе Итальянского кладбища Балаклавского района Крымск. АССР, где и похоронен. Сообщить о смерти Вашего мужа ранее мне не представлялось возможности ввиду отсутствия у нас адреса его семьи; поэтому ограничился только сообщением в отдел кадров ПУ ЧФ о его смерти...».

Прошло еще некоторое время, и на московский адрес семьи погибшего пришло машинописное письмо (без даты) за подписью писателя П. Гаврилова:

«Что я знаю про Фирсова.

...Фирсов оказался на труднейшем месте советского человека в Отечественной войне, труднейшем, благородном и передовом, на месте политработника — и остался достойным этого места до конца.

Но, будучи художником, он оставался им во все минуты боевой жизни — москвич и севастополец. Его любили. За ним шли.

Погиб Фирсов при следующих обстоятельствах. Залп минометной батареи (фашистской. — Л.Г.) пришелся близко от блиндажа, где Фирсов находился с бойцами. Фирсов вышел, чтобы зарисовать разрывы мин, и был убит на месте вторым накрытием. Художника похоронили со всеми почестями и суровыми традициями моряка.

Самым лучшим памятником для Фирсова — художника-коммуниста — является то, что сейчас над его могилой идут бои за голубой город нашей Отчизны, за Севастополь.

Гордая могила!

П. Гаврилов».

Так закончилась жизнь политрука, московского художника Владимира Михайловича Фирсова.

Еще в студенческие годы, учась во ВХУТЕИНе (1930 — 1934) и занимаясь рисунком и плакатом у Г. Горощенко, А. Дейнеки и Д. Моора, а живописью у К. Истомина, он поставил перед собой почетную творческую задачу работать в области массовой настенной картины, несущей искусство народу, в быт. С крымскими пейзажами впервые он выступил на выставке молодых художников ко X Всесоюзному съезду ВЛКСМ в 1936 году.

На крымском берегу, в Балаклавском районе, на Итальянском кладбище возвысился скромный холмик — могила бойца и художника-гражданина. Гордая могила! И когда в апреле 1944 года над ней снова раздались залпы советских орудий, восемнадцатого числа освободивших город Балаклаву, когда начались упорные бои за освобождение Крыма, — на могиле политрука зацвели первые весенние цветы...

[Журнал «Искусство», 1965 г., № 5, с. 33 — 34]

ШАХБАЗЬЯН

Лев Юрьевич

канд. филос. наук, доцент МИХМ

Родился в 1921 г. Незадолго до войны окончил школу.

Был призван в Красную Армию. Проходил службу в Забайкальском военном округе. Летом 1942 г. был направлен в механизированный корпус 12-й армии Юго-Западного фронта, под Сталинград. Освобождал юг Украины — Старобельск, Ворошиловград (Луганск), Никополь, Одессу. Форсировал Северский Донец, Днепр, Буг, Днестр. Освобождал Тирасполь, Молдавию.

После реформирования в составе 6-й армии 1-го Украинского фронта участвовал в освобождении Польши.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

По окончании войны служил в Центральной группе наших войск в Германии, Чехословакии, Венгрии в звании старшего лейтенанта запаса.

В августе 1946 г. поступил в МГУ, по окончании которого работал доцентом кафедры «История и философия» МИХМа.

Из воспоминаний Льва Юрьевича Шахбазьяна

[Использована статья, опубликованная в книге Н.М. Коноваловой и Л.М. Парсадановой «МИХМ в годы Великой Отечественной войны», М., 2001 г., с. 193 – 194]

Задачей нашей армии осенью 1942 года было остановить часть Майнштейна, пытавшегося деблокировать группировку Паулюса, окруженного нашими войсками под Сталинградом. Здесь в жестоких боях на стыке Сталинградской и Воронежской областей получил боевое крещение. Я служил сержантом и командовал огневыми расчетами, которые имели на вооружении орудия и крупнокалиберные пулеметы....

Поздней осенью 1943 года при форсировании Днепра в районе ДнепроГЭСа наш взвод закрепился на узкой полоске берега, вклинившись в боевые порядки немцев. Несмотря на постоянные бомбежки, взвод продержался около двух недель, по заданию командования сдерживая значительные силы немцев, отвлекая их от места главного удара наших войск выше по течению Днепра. Задача была выполнена, а я был награжден орденом Красной Звезды.

Продвигаясь по немецкой Силезии, наша армия осадила город-крепость Бреслау (Вроцлав). Здесь укрепились немецкая группировка численностью до 40 тысяч человек, хорошо вооруженных, в том числе очень эффективными в условиях уличных боев фаустпатронами.

6-я армия штурмовала средневековую крепость с марта 1945 года. Почти два месяца шли тяжелые бои за каждую улицу, каждый дом.

Потери наши были очень большие. Здесь нас застала весть о падении Берлина. За участие в последних боях войны я был награжден медалью «За отвагу».

Г Е Л Ю Т А

Евгений Захарович,

профессор, заведующий кафедрой ВЗПИ

Родился 29 сентября 1915 г. в д. Татьянавка Спасского района Приморского края.

В 1941 г. призван в армию Фрунзенским РВК г. Владивостока. Сражался на Юго-Западном, 4-м Украинском, 1-м и 2-м Прибалтийском фронтах. Командир дивизиона, войну закончил в звании майора, в апреле 2000 г. присвоено звание подполковника.

После войны поступил в Горный институт (1964 г.), окончил аспирантуру ВУГИ им. Скочинского, с 1956 г. — в ВЗПИ.

Великая Отечественная война застала горного инженера Гелюту Е.З. в городе Владивостоке в должности младшего лейтенанта береговой обороны тихоокеанского флота, проходившего военные сборы в июне 1941 г. Затем краткая военная служба в составе 1-го Запасного Артиллерийского морского полка в должности командира артиллерийской батареи. Летом 1942 г. по тревоге весь артиллерийский полк моряков погружается в эшелоны по маршруту Владивосток — Москва — Серпухов пос.

Городенки. Здесь проходило 2-е формирование в сентябре—ноябре 1942 г. 267-й стрелковой дивизии. Морской артиллерийский полк в полном составе, по решению Наркомвоенмора Кузнецова Н. Г. вошел в состав этой дивизии. Имена на рукавах шинелей и гимнастеров защитного цвета, нашитые якоря, вместо белья — тельняшка, бескозырки и морские майки, чем очень гордились моряки-тихоокеанцы, сражаясь не на море, а на суше. Дивизия была полностью укомплектована стрелковыми полками 844, 845, 846, 848, 740-м батальоном связи, 560 осб.

12—14 ноября 1942 г. дивизия выехала на фронт в район среднего Дона. Первые бои на Дону дивизия приняла в операции «Малый Сатурн» 16 декабря 1942 г. в составе 15 с.к., 6-й Армии Воронежского фронта. В тот период Гелюта Е. З. командовал артиллерийской батареей.

В ходе успешной операции «Малый Сатурн» оборона противника была прорвана, и внешний фронт Сталинградской группы был углублен, это имело важное значение для разгрома окруженной Сталинградской группировки немцев.

Тяжелые оборонительные бои на северном Донце в 1943 г., где в то время Гелюта Е.З. командовал дивизионом, который участвовал в боях на Барвенковском направлении. Враг оказывал упорное сопротивление, стремясь не допустить прорыва наших войск в Донбасс.

Понеся большие потери в живой силе и технике, дивизия, получив пополнение, была переброшена на Никопольский плацдарм. Бои носили позиционный изнурительный характер. Конец 1943 — начало 1944 г. характерны подготовкой к форсированию Сиваша и освобождению Крыма. Условия были тяжелейшие: грязь, распутица, бездорожье.

Солдаты, взгромоздив на себя ящики с боеприпасами, вброд через Гнилое море переправлялись на Крымскую землю. Это был поистине героический труд. Северная часть полуострова Крым — равнина.

267-я стрелковая дивизия с боями продвигалась к Севастополю, освобождая многие населенные пункты, пока не достигла знаменитой Сапун-горы, прикрывающей Севастополь.

Сапун-гора — огромное горное плато, прикрывающее с суши город, представляла собой сильно укрепленный район, опоясанный многими рядами по склонам глубокими траншеями, дотами, дзотами, бронеколпаками, рядами колючей проволоки и сплошными участками минных полей. Поэтому командование фронта, армии и других подразделений начало тщательно готовиться к штурму. Подвозились артиллерийская техника, тяжелые фугасы, готовились спецгруппы для разминирования проходов, тренировались и готовились в тылу специальные штурмовые группы, на прямую наводку вкапывались орудия крупных калибров и т.п.

В 1941 — 1942 гг. город Севастополь 250 долгих дней и ночей отражал атаки гитлеровских захватчиков, земля была обгажена кровью мужественных защитников и это вдохновляло на подвиги весной 1944 г.

Наступило утро 7 мая 1944 г. Тысячи орудий и минометов разных калибров после условного сигнала — залпа знаменитых катюш нанесли в течение полутора часов колоссальный огневой удар по позициям врага. Наземную артподготовку дополнила наша авиация. Невозможно передать словами тот массовый героизм, который проявили советские воины-моряки, танкисты, артиллеристы, пехотинцы, саперы, связисты при штурме Сапун-горы.

Легендарный Севастополь был полностью освобожден от фашистских захватчиков. На Обелиске, что высится на Сапун-горе, золотыми буквами высечены слова:

«Слава вам, храбрые, слава, бесстрашные,
Вечную славу поет вам народ.
Доблестно жилище, смерть сокрушившие,
Память о вас никогда не умрет!»

1944 год. Успешно завершив боевую операцию по освобождению Крыма и Севастополя, в июне 1944 г. 267-я стрелковая дивизия передислоцировалась в с. Грабовка Пакалова Белорусской ССР.

Получив молодое пополнение, технику, вошла в состав 1-го Прибалтийского фронта (командующий Баграмян И.Х.) и с 15 июля 1944 г. уже действовала в первом эшелоне в составе 63-го стрелкового корпуса 51-й армии, с боями заняла ряд населенных пунктов и к исходу 22 июля 1944 г. овладела городом Паневежис (Прибалтика).

Последние месяцы 1944 г. и до конца мая 1945 г. дивизия вела тяжелые и изнурительные бои по уничтожению фашистских войск в Курляндском котле. Началась капитуляция войск Курляндской группировки. А вечером, 8 мая, истосковавшиеся по мирной жизни воины устроили стихийный победный фейерверк из всех вдов оружия. Обнимали друг друга, целовались, плакали и смеялись. Мы победили!!!

Е.З. Гелюта награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степени, Александра Невского и медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и др.

[При подготовке данного материала использована статья-воспоминание Е.З. Гелюта, опубликованная в книге «Московский государственный открытый университет» (к 75-летию МГОУ). Москва, 2007 г., с. 552 – 554, а также материалы интернет-изданий]

ГОРОДИНСКИЙ
Семен Михайлович (1923 – 1981),

***Доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой охраны труда ВЗПИ.
Лауреат Ленинской премии (1966)***

Родился 1 мая 1923 г. в Житомире в семье врача. В 1940 г. окончил школу в Ставрополе, куда переехала семья.

Затем в эвакуации, в Самарканде окончил два курса медицинского института и Военно-медицинское училище (в 1942 г.)

В 1942 – 1944 гг. на 1,2, и 3 Украинских фронтах – лейтенант интендантской службы - занимался противоэпидемическими мероприятиями.

Награжден Орденом Красной звезды, медалями: «За боевые заслуги» и «За победу в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

В 1946 г. окончил 1-ый Медицинский институт и с 1948 года работал в Институте гигиены труда и профессиональных заболеваний. В 1953 г. защитил кандидатскую, в 1964 г. – докторскую диссертации. В 1966 стал профессором. Его научные работы связаны с проблемами «защитные мероприятия при работе с радиоактивными веществами».

Награжден двумя орденами «Знак Почета» и медалями.

В 1973 г. избирается зав. кафедрой охраны труда ВЗПИ.

[Статья подготовлена по материалам интернет-издания]

НИКИФОРОВСКИЙ

Виктор Арсентьевич (1917 – 2007)

канд. физ-мат. наук, профессор МВМИ

Родился в многодетной семье в уездном городке Варнавино (ныне – Нижегородская область). Учился в лесотехническом техникуме, работал на химзаводе в Архангельской области, окончил Кировский учительский институт, преподавал математику в средней школе и был призван в армию в 1940 г.

С началом войны вместе с воздушно-десантной бригадой, в которой проходил службу, был переброшен с Дальнего Востока на запад. Воевал в 10 гвардейской воздушно-десантной с.д. на Северо-Западном, 2-м и 3-м Украинских фронтах. Был назначен начальником штаба 24-го гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка, форсировал Днепр, освобождал Румынию, Болгарию, Югославию, Венгрию, Австрию. Сам Виктор Арсентьевич вспоминал, что прошел трудный путь к Победе, начавшийся от Москвы через Калинин, Ржевск, Старую Руссу, суровые бои у берегов озера Ильмень, на украинских просторах, на Днепре.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, многими медалями.

Из армии уволился в 1946 г., в 1948 г. поступил на механико-математический факультет МГУ, по окончании которого стал работать в академическом институте, где в 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию. Автор пяти книг по истории математики. С 1963 г. семь лет заведовал кафедрой высшей математики МВМИ.

[справка о В.А. Никифоровском написана по статье Г. Еланского, опубликованной в газете «Мартеновка» 15 февраля 1985 г.]

Память сердца

[публикуем воспоминания В.А. Никифоровского, связанные с форсированием Днепра, опубликованные в газете «Мартеновка» 16 и 18 ноября 1983 г, печатаются в сокращении. Героями очерка являются его боевые друзья и командир батальона капитан Лагунов]

Промозглой сентябрьской ночью батальон капитана Лагунова форсировал впасть Днепр. Холодные были волны великой реки, с такой любовью воспетой Гоголем, и многим они несли гибель тогда.

Перед Днепром поступила команда: готовить подручные средства для переправы. Солдаты собирали по деревьям доски, мелкий деревянный скарб, главную же надежду возлагали на сплетенные из высохших кукурузных стеблей маты. Все это скреплялось чем попало и тянулось за боевыми подразделениями на повозках транспортных рот. И, похоже было, что идут не овечьи славой гвардейские полки, а огромный кочующий цыганский табор.

Капитан Лагунов, сам отличный пловец, с недоверием относился к идее форсировать Днепр "кукурузной флотилией". За день до выхода полка к реке он выслал вперед лейтенанта Сивашева с взводом обшарить овраг, собрать лодки или мостики для сооружения плотов. Однако ничего этого не нашел лейтенант.

Полк перед форсированием расположился в прибрежной деревне. Батальону Лагунова отвели несколько хат. Деревня, чудом уцелевшая от сожжения, была пуста: жители либо разбежались,

либо были угнаны немцами в неволю. И все же здесь была не та опустошенная зона, которую довелось видеть на новгородской, калининской или смоленской земле: было из чего пополнить запасы фуража, чем разнообразить рацион солдат. На дворах попадались ошалевшие от страха и голода свиньи, надрывно мычали давно недоенные коровы, на покатых крышах пристроек — сушеные фрукты, из которых можно готовить прекрасный компот. Но особо не радовала еда: все заботы были направлены на предстоящее форсирование Днепра. Взгляды солдат и офицеров — на тот, вражеский берег. Что — то сулит наступающая ночь...

Чтобы воин поверил в себя, ему была нужна, пусть небольшая, но победа. Он ее кует взмах за взмахом, удар за ударом. Ради этого вышел он на военную тропу и исполняет свой ратный труд, несет «свой крест».

...И вот приказано форсировать Днепр. Полки прибывали сюда переформированные, пополненные боеприпасами, вооружением. Сам командующий армией прибыл. Он так сказал бойцам и командирам, которым предстояла переправа через Днепр:

- Велика и сложна стоит перед вами задача, а выбора нет: подождем, пока саперы наведут переправу — а враг укрепитя. Большой кровью обойдется нам Днепр. Жаль мне вас, но иначе поступить не могу. Все вы опытные воины — вон, сколько боевых наград имеете, так, что надеюсь на вашу смекалку. Удачи вам.

Батальону Лагунова все же перепало с десяток лодок. Вместе с другими плавсредствами это кое-что уже значило. И вот в полночь комбат дал приказ о форсировании Днепра. На лодки посадили гребцов, погрузили пулеметы, боеприпасы, обмундирование тех, кто будет переплываться вплавь. Те, кто не умел плавать, держались поближе к лодкам и цеплялись за их борта. А были и такие смельчаки, кто надевал оружие за плечо, засовывал за пояс боеприпасы и плыл самостоятельно.

Итак, вражеский самолет-разведчик зажег над Днепром «фонарь». Правый берег, на котором закрепились фашисты, ожил, начался пулеметный обстрел, из-за деревьев по реке и левобережью ударили гитлеровские пушки и минометы. Вода вокруг плывущих кипела, лодки опрокидывались, кругом раздавались стоны раненых. И наш берег не молчал: над Днепром разгорелась артиллерийская дуэль.

Спасение было в одном: как можно быстрее достичь вражеского берега, пойти в атаку и закрепиться на новых рубежах до подхода основных частей. Вражеские пушки и минометы постепенно замолкали. Лагунов не раз в душе сказал спасибо нашим артиллеристам, сумевшим подавить шквальный огонь противника.

Более часа длилась переправа батальона. Лагунов вышел на правый берег одним из первых. Рядом с ним находились Степан и Шарафутдинов — в обмундировании, но босиком.

- Вот, ребята, — обратился к ним Лагунов. — К этому месту мы шли всю войну. И только смерть может заставить нас бросить его.

- погоди, комбат, говорить о смерти, — сказал Шарафутдинов, — надо сначала фрицев побить.

Течением бойцов батальона снесло далеко от предполагаемого места высадки. Лагунов определил, что находятся они в излучине Днепра, километра в полтора ниже от деревни. Надо было немедленно собирать батальон и двигать к этому населенному пункту, пока немцы не очухались.

Жалкое зрелище являл собой батальон: усталые, полураздетые, озябшие выходили воины на берег. Взгляни, живущий сейчас на земле, из окна теплой комнаты на улицы глубокой осенью, когда хлопьями несет снег с дождем. И от одной мысли, что доведется в такую минуту побыть в открытом поле, охватывает дрожь. Взгляни и представь себе, что приходилось испытывать солдату, когда он оказывался в непогоду в плохоньком блиндаже или в окопе, когда он, стиснув зубы, плывет в ледяной воде, чтобы тут же вступить в бой с жестоким и сильным врагом. И тогда ты, человек, почувствуешь всю силу духу советского солдата, величие его беспримерного подвига.

Лагунов отправил Шарафутдинова с десятком бойцов в охранение, собрал офицеров и приказал пересчитать людей. От батальона остались не более ста человек, многие оказались без оружия. Приближался рассвет, он мог испортить все дело, поэтому нужно было спешить.

Утром батальон выполнил поставленную командованием задачу: в быстротечном бою уничтожил гарнизон немцев в деревне и занял оборону на возвышенности. Очень пригодились трофеи — автоматы и два пулемета с патронами. К комбату подошли двое крестьян — Петр Максименко и Семен Чугай, хоронившиеся где-то во время боя. Они помогли разыскать в хатах теплую одежду, продукты. Крестьяне сообщили, что постоянного гарнизона в деревне не было. Какие-то пришедшие немцы в количестве сорока человек во главе с нестроевым лейтенантом появились недавно и собирались через несколько дней уходить. В соседней деревне, откуда по переправе была артиллерия, немцев больше, но, похоже, и они не намерены задержаться. Когда батальон переправлялся и самолет-разведчик обнаружил переправу, здешние немцы позвонили соседям и вызвали огонь. А пулеметы у них стояли в кустах, потом пулеметчики отошли в деревню: не ожидали наших воинов, думали, что их всех потопила артиллерия.

- Не удержаться тебе, комбат, — сказал Чугай, — ведь ты тут как на ладони. А немцы, поди, и подмогу пришлют. Гутарили они меж собой, что за Днепр русским хода нет.

- Поживем — увидим, — А Днепр и нам, ой, как нужен. Вы, мужики, помогите бы нам. Нужна лодка переправить раненых да укромное место для них на тот случай, если нас выбьют отсюда.

- Лодчонка найдется, и переправу организуем. Ты только дай команду — что и когда.

- Командовать будет вами санинструктор, сержант Кожин. Его распоряжения и выполняйте.

- Добре, авось и мы повоюем. Лихо нам при немце-то пришлось.

Комбат отправил связного с донесением к командиру полка и двух связных в соседние батальоны — он надеялся, что форсирование Днепра им тоже удалось. Командиру полка Лагунов сообщил, что оружия, боеприпасов им не хватает и что нужно немедленно бросать на плацдарм пехоту с артиллерией и гнать врага, пока он не закрепился.

Около десяти утра немцы предприняли первую атаку на батальон. Короткий артобстрел, потом из-за посадки высыпала цепь автоматчиков, застрочили вражеские пулеметы. Когда атаку немцев отбили, Лагунов понял, что это была проба сил. Но и на отражение такой слабой атаки ушла значительная доля боеприпасов. Было ясно, что своими силами батальон позицию не удержит.

Комбат собрал офицеров (их осталось пятеро) и приказал:

- Бойцам зарыться в землю, она здесь плотная, укроет. Подпускать фрицев как можно ближе и бить прицельным огнем наверняка. Вся наша жизнь теперь в патронах. Не будет их — конец.

Шесть атак отбил батальон, израсходовал весь боезапас. День кончился, а подмоги с левого берега все не было. Артиллерия вела оттуда обстрел дальних высот противника, за большим курганом. Новую атаку немцев отбивать было нечем. Началась рукопашная. Рядом с щелью разорвался снаряд. Лагунова оглушило и засыпало. Степан разбросал землю, вытащил комбата и приволок в деревню. Чугай и Максименко помогли отнести Лагунова в балку, спадающую левее деревни к Днепру. Там была яма, в которой укрылись комбат со Степаном. Батальон был уничтожен, совсем рядом немцы прочесывали кусты. Наступила ночь. Комбат, наконец, пришел в себя:

- Где мы, Степан? Что с батальоном?

- Батальона нет, все погибли. А раненые разбрелись по кустам. Нужно нам выбираться к своим.

- Ты, вот что, Степан, плыви, а я останусь. Приведи мне хоть роту, и мы вышвырнем немчуру. Только до рассвета приведи, ночью. А я в случае чего живым не дамся.

Нет, не мог Степан бросить своего командира одного:

- Какой же вы сейчас вояка? На ногах еле держитесь. Самое дело, пока ночь, плыть на тот берег. А я уж вас как-нибудь переправлю.

Степан вылез из ямы первым. Внезапно в балке показался Чугай. Степан схватился за автомат.

- Свои, свои.

Вылез из ямы и Лагунов.

- Немцы, капитан, всю деревню заполонили. Ваших побили всех. И сюда могут добраться, вам надо подаваться к своим.

- Вот и я тоже говорю, — вмешался Степан, — а он упрямится.

- Не в упряместве дело, Степа, а в долге. Пока нога хоть одного нашего солдата здесь, считай, плацдарм на Днепре наш.

- Не медли, комбат, — зашептал Чугай, когда ночной воздух разрезали автоматные очереди, немцы шли к реке, — а то и я тебя уберечь не смогу. Нужна подмога. Соберете там силенки, и айда опять в гости к нам. Да плывите так, чтобы попасть в эту балку. Потом обойдете по ней деревню и ударите немца с тыла. Такая вот хитрость пришла мне в голову.

Лагунов со Степаном спустились к воде, простились с Чугаем и поплыли. Тяжело было на душе Лагунова: в первый раз потерпел он такой разгром, потерял всех людей и, спасая себя, возвращается с позором к своим.

С берега по ним ударил пулемет. Степана ранило в левую руку. Лагунов сбросил с себя гимнастерку, чтобы легче было плыть и поддерживать Степана, держась за его брючный ремень. Так и плыли они, иногда ложились на спину, чтобы немного отдохнуть, и вновь продолжали путь. Достигнув отмели, вышел Лагунов на берег, вынес товарища, да и рухнул как подкошенный. Холодный морозящий дождь поливал его полубогаженное тело.

Командир полка встретил Лагунова неприветливо. Но вот приехал командующий, расспросил, что и как, и сказал:

- Ну, что ж, капитан, если сегодня наскребем тебе батальон, еще раз поплывешь?

- Почему бы и нет? Я готов. Видел там все, знаю, куда лучше ударить.

- Вот именно. Это-то и нужно.

Ночью Лагунов вторично форсировал Днепр. На этот раз на пароме. Еще днем прибыл саперный батальон — и начал налаживать переправу, Лагунов воспользовался советом Чугая. Переправившись, он не стал дожидаться, пока соберется весь батальон, с одной ротой обошел по балке деревню и атаковал немцев. Другая рота овладела позицией на возвышенности.

На этот раз Лагунов решил продвинуться значительно дальше и занял оборону на кукурузном поле, за большим курганом. Он дал приказ окопаться, а командный пункт оборудовать на восточном склоне кургана. Теперь у батальона в достатке были пулеметы, автоматы, противотанковые ружья. Была и телефонная связь. А утром к комбату прибыл связной штаба и сообщил, что командир полка со службами расположился в деревне. Вскоре туда была проведена телефонная связь.

Днем батальон отражал первую атаку противника. Немцы шли при поддержке танков. Переправа работала непрерывно, плацдарм расширялся, но глубина его по-прежнему оставалась небольшой — всего несколько километров. Бои приобретали новое качество. На правом берегу уже появились советские танки. Они по три-четыре машины выползали из-за холмов, на восточных склонах которых окопались немцы, врывались в оборону противника и уничтожали пехоту. Курган, на котором обосновался Лагунов, стал местом многолюдным: тут были наблюдательные пункты командира полка, командующего артиллерией дивизии. Курган как бы разрезали ходами сообщения: установили две стереотрубы, оборудовали блиндажи. Накануне, 16 октября, вечером, Лагунову позвонил по телефону начальник штаба полка капитан Витковский:

- Комбат, в полосе нашего хозяйства у немцев большое скопление танков. Смотри, чтобы полная готовность была. Можно ожидать «сабантуй»...

Днем батальон получил противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Ночь Лагунов провел на переднем рубеже, проверяя готовность батальона. А утром следующего дня, когда только собрался завтракать, в нишу спустился солдат и взволнованно доложил:

- Товарищ капитан, танки.

Из-за холмов выходили вражеские танки и веером рассыпались по фронту. Вскоре пространство перед курганом наполнилось огнем. Земля содрогалась от разрывов. Непрерывно была наша артиллерия, уничтожая немецкие танки. Не дрогнула и пехота. Тут и там солдаты вступали в противоборство со стальными чудовищами, забрасывали их гранатами и бутылками с горючей жидкостью. Из-за Днепра, на большой высоте появились наши пикирующие бомбардировщики и штурмовики. Сражение набирало силу.

Время, как туго заведенная пружина, раскручивалось быстро. Лагунов заметил, как три фашистских танка вырвались вперед. Один из них, головной, шел в направлении закопанной на левом фланге батальона гаубицы. Вот он выстрелил, и земля у орудия вздыбилась. Но гаубица молчала. Лагунов, захватив противотанковое ружье и связку гранат, выбрался из блиндажа и занял позицию в щели. Танк был близко. Его форма и размеры отличались от тех, которые приходилось видеть раньше. «Тигр», — мелькнула догадка. Капитан выстрелил из противотанкового ружья раз — другой. На помощь поспешил верный Степан. В фашистский танк летели гранаты. Послышались взрывы, потом еще один — это наши артиллеристы метким попаданием довершили дело. Танк завертелся на месте и затих. Из его щелей повалил густой дым.

День шел к концу, сражение — на убыль. Радость победы Лагунову омрачала гибель Степана. Солдат героически погиб, укрощая чудовище, еще совсем недавно наводившее страх на людей.

На следующий день все на наших позициях пришло в движение. Подтянулись свежие части, обозы с боеприпасами и продовольствием. Враг повсюду отступал. А мы гнали и гнали его до самого Кривого Рога.

...Прошли десятилетия с той поры. А панорама боев на Днепре до сих пор стоит перед нашими глазами. Мы сражались и побеждали, чтобы принести поработенным народам долгожданную свободу. И дожили до того дня, когда над поверженным Берлином взметнулось ввысь Красное знамя Великой Победы.

Пусть же помнят агрессоры: кто с мечом придет на нашу землю, тот от меча и погибнет.

РУВИНСКИЙ
Вениамин Абрамович,
Герой Советского Союза,
к.т.н., доцент ВТУЗа при автозаводе имени Лихачёва

Родился 1 мая 1919 года в городе Черкассы (Украина) в семье служащего. Окончил среднюю школу. Занимался спортом, имел 1-е разряды по боксу и стрельбе.

В Красной Армии с 1937 года – поступил на фортификационно-строительный факультет Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева.

На фронте в Великую Отечественную войну с июня 1941 года. Воевал на Северо-Западном, Карельском, Юго-Западном, 2-м и 3-м Украинских фронтах. Командовал группой сапёров в отряде заграждения, ротой разведки, отдельным сапёрным батальоном, исполнял обязанности корпусного инженера. Участвовал в обороне Пскова, Новгорода, разведывательных рейдах в Карелии, освобождении Харькова, Правобережной Украины. Форсировал Северский Донец, Днепр, Южный Буг, Днестр. Особо отличился в боях на Днепре.

Командир 228-го отдельного сапёрного батальона 152-й стрелковой дивизии капитан В.А. Рувинский 19 октября 1943 года при форсировании Днепра в районе Днепропетровска в короткий срок обеспечил переправу на подручных средствах артиллерии, частей и подразделений дивизии, что способствовало захвату и удержанию плацдарма на правом берегу реки и освобождению Днепропетровска.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 ноября 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом мужество и героизм капитану Рувинскому Вениамину Абрамовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После войны в 1946 году окончил Военно-инженерную академию. Был преподавателем в Военной академии имени М.В.Фрунзе. С 1974 года полковник В.А. Рувинский – в запасе.

Жил в Москве. Кандидат технических наук, доцент ВТУЗа при автозаводе имени Лихачёва. Защитил две диссертации. Автор учебника. Умер 24 июня 2001 года. Похоронен на Ваганьковском кладбище в Москве.

Награждён орденами Ленина, Отечественной войны 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», другими медалями.

Вениамин Рувинский не закончил академию... За несколько месяцев до начала войны пришлось уйти с 3-го курса Военно-инженерной академии имени В.В. Куйбышева и строить на западной границе укрепления. До 3 часов утра 22 июня 1941 года младший воентехник Рувинский руководил бетонированием долговременной огневой точки. А проснулся от разрывов фашистских бомб, когда от планов командования не осталось ничего. В первые дни войны Рувинский совершил и первый подвиг: собрав, как говорилось в рапорте, до сотни отступавших бойцов, наладил починку моста через реку Оболь и удерживал мост, давая возможность переправиться войскам и населению.

В первые дни войны всё смешалось в огненной круговерти. После 20-километрового марша Рувинский с товарищами вступил в бой с фашистами. Потом выводили из окружения колонну тракторов, вытаскивали застрявшие танки. Ходили ночью в разведку. Только в начале июля 1941 года молодые командиры получили звания лейтенантов и назначение по специальности — как сапёры. Возглавив группы в отрядах заграждения, они минировали мосты и дороги под Островом и Порховом, Псковом и Новгородом.

В конце ноября 1941 года отряд заграждения Северо-Западного фронта расформировали. Рувинского направили в сапёрный батальон на Карельский фронт. Там его назначили командиром лыжной разведывательной роты. Разведчики под командованием старшего лейтенанта Рувинского вместе с партизанами отряда Евдокимова стали ходить по тылам врага, устанавливать там мины. Однажды в небольшой деревушке разгромили вражеский гарнизон. Как-то почти дошли до оккупированного Петрозаводска...

В 1942 году капитан Рувинский был назначен командиром сапёрного батальона. Очень нужными оказались знания, полученные в академии, когда ему пришлось проектировать и строить подвесную канатную дорогу, которая существенно облегчила снабжение наших войск на одном из участков Карельского фронта.

В январе 1943 года сапёрный батальон Рувинского вместе с дивизией был переброшен на Украину. Здесь сапёры обеспечивали форсирование рек, наводили переправы, снимали вражеские мины. Северский Донец пришлось форсировать дважды, как и освободить Харьков — в феврале и августе 1943 года.

Полученный опыт пригодился при форсировании Днепра и освобождении Днепропетровска. Командир дивизии поставил перед батальоном Рувинского задачу: 19 октября 1943 года обеспечить форсирование Днепра частями дивизии. Сапёры в течение 2-х суток до назначенного срока без сна и отдыха сооружали переправочные средства из подручных материалов. В дело шло всё: брёвна, доски, старые рыбацкие лодки. Рувинский сам неоднократно брался за топор и рубанок...

Перед началом переправы сапёрами Рувинского был построен мост на островок, где стали накапливаться войска для броска через основное русло на берег, занятый противником. Форсирование Днепра главными силами началось в срок — 19 октября 1943 года. На вёслах лодок сидели сапёры. В первой из них находился капитан Рувинский. Переправлялись под миномётным и артиллерийским огнём врага, при ослепительных вспышках ракет. Переброшенный стрелковый батальон закрепился на плацдарме. А когда сапёры переправили ещё и несколько орудий, наши подразделения перешли в атаку.

В середине дня Рувинский получил новый приказ — переправить на плацдарм танки. В его распоряжение были переданы 2 парома из понтонного парка с катерами. Первая попытка отчалить от берега не увенчалась успехом. Паромы под тяжестью танков осели на дно, и катера не могли стронуть их с места. С противоположного берега немцы усилили пулемётный и артиллерийский огонь. Решали минуты. Тогда Рувинский первым вошёл в холодную воду и упёрся плечом в металлический борт понтона. Сапёры, как один, бросились в воду и дружно навалились на паромы. Они вздрогнули, поползли и, наконец, закачались на воде. Заработали двигатели катеров, и паромы медленно поплыли к противоположному берегу. На первом из них переправлялся комбат Рувинский. Приказ был выполнен в срок. Танкисты вместе с пехотинцами сумели расширить плацдарм.

Капитан Рувинский кроме руководства работами лично совершил 12 рейсов через Днепр. Родина высоко оценила ратные дела сапёрного батальона и его командира. Вениамину Абрамовичу Рувинскому было присвоено звание Героя Советского Союза.

Опыт, полученный на Днепре, помог сапёрам быстро и с небольшими потерями обеспечить форсирование советскими войсками реки Южный Буг. Участвуя в освобождении Одесской области, капитан Рувинский на станции Раздельная взял часть трофейного переправочного парка. В батальоне появилась «сверхштатная» техника: 2 трактора. Они тянули целый поезд из тележек с имуществом трофейного парка. Он очень пригодился при форсировании Днестра под посёлком Слободзея на территории Молдавии. Всего лишь 6 часов потребовалось сапёрам, чтобы перебросить на противоположный берег артиллерию корпуса — около 100 орудий. За Днестр Рувинский был награждён орденом Красной Звезды.

Капитану Рувинскому не довелось громить врага на его территории. 28 июля 1944 года недалеко от румынской границы осколок вражеского снаряда тяжело ранил исполняющего обязанности корпусного инженера Рувинского. Потянулись долгие госпитальные дни и недели. После выздоровле-

ния он вернулся к учёбе в академии.

После окончания военно-инженерной академии В.А. Рувинский много лет преподавал в Академии имени М.В.Фрунзе, а затем во ВТУЗе при заводе им. Лихачёва до 2001 г.

[Данный материал предоставлен интернет-изданиями]

ШВЕЦ

Василий Васильевич,

Герой Советского Союза,

возглавлял военную кафедру ВТУЗа при автозаводе имени Лихачёва

Родился 22 ноября 1923 года в поселке Томаровка Яковлевского района в крестьянской семье. Окончил до войны 10 классов.

В Красной Армии с августа 1941 года. В 1942 году окончил Мичуринское военно-инженерное училище. В действующей армии с июля 1943 года.

В совершенстве овладев саперным делом, принимал активное участие в инженерно-саперных работах на передовой, учил солдат своей опасной профессии. Только во время боев на Курской дуге взвод Швеца заложил 2 тысячи противотанковых мин, 10 фугасов, заминировал четыре моста.

Командир взвода 170-го отдельного инженерно-сапёрного батальона (14-я инженерно-сапёрная бригада, 65-я армия, Центральный фронт) кандидат в члены ВКП(б) лейтенант Василий Швец при форсировании реки Днепр в районе села Каменка Лоевского района Гомельской области Белоруссии 15 октября 1943 года с бойцами

вверенного ему взвода переправлял подразделения на правый берег реки. Здесь очень пригодились опыт и полученные знания. Как всегда тщательно подготовившись к операции, саперный взвод сосредоточился на берегу реки. Но скрытно переправиться не удалось. Обнаружив десант, враг открыл по нему бешеный огонь. Многие лодки получили повреждения, взвод нес большие потери. За 20 – 25 метров от берега лейтенант Швец приказал покинуть лодки и добираться до берега вплавь. И вот берег. Солдаты с ходу стремительно пошли в атаку. Ворвались в траншеи. В ход пошли гранаты, штыки. Дошло до рукопашной. Враг не выдержал, побежал. Плацдарм был взят.

Для обеспечения переправы основных сил взводу Швеца было поручено протянуть трос через Днепр, организовать переправу. Враг открыл ожесточенный огонь. Несколько раз трос повреждался и прерывался. Несмотря на бешеное сопротивление, трос удалось натянуть.

За этот подвиг командиру взвода 170-го отдельного инженерно-саперного батальона 14-й инженерно-саперной бригады 65-й армии Швецу Василию Васильевичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 октября 1943 года было присвоено звание Героя Советского Союза с

вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Так же награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, двумя орденами Красной Звезды, медалями. Начав войну в звании лейтенанта, в запас ушел в звании генерал-майора.

В 1954 году окончил Военно-инженерную академию. Жил в Москве. Возглавлял военную кафедру ВТУ-За при автозаводе им. Лихачева.

Умер 28 сентября 2003 года. Похоронен в Москве на Николо-Архангельском кладбище.

[Данный материал предоставлен интернет-изданиями]

ЛЕНИНГРАД

БОРТНИК Софья Евсеевна

старший преподаватель кафедры иностранных языков, МГВМИ

Родилась 21 сентября 1934 г. в городе Ленинграде. Пережила блокаду города, эвакуацию в Омск. Окончила факультет иностранных языков.

Работала в школах, техникумах.

В 1965 — 1990 гг. работала в Московском вечернем металлургическом институте (МГВМИ). Была научным секретарем кафедры, работала в профсоюзной организации.

Бортник Софья Евсеевна

*[Воспоминания записаны Морозовой С.В.
по телефону в 2020 г.]*

Перед войной мои родители часто меняли жилье в надежде получить лишний метр. Поэтому точно не помню, но последней была комната в коммунальной квартире напротив Невы, кажется, на канале Грибоедова. В квартире проживало семь семей. Жили дружно, ссор не было. Отец — коммунист, работал мастером на обувной фабрике «Скороход», мама — бухгалтер в другой организации.

Я в последний год перед школой ходила в старшую группу детского сада, а братику не было еще и года.

Война застала нас в Ленинграде. Отца мы не видели со дня объявления войны. Оказалось, что на фронт его не взяли по состоянию здоровья, оставили как коммуниста заведующим отделом «Обувь для фронта» на фабрике.

Больше всего мне запомнились голод, холод и бомбежки этого периода. Все вещи, которые у нас были, пошли на утепление огромного, во всю стену, окна с выбитыми стеклами, а вся мебель — на отопление общей кухни, в которой мы хоть чуточку обогревались ежедневно. В комнате был дикий холод, и стояла одна пустая железная кровать. На нее ложилась мама, если у нее не было сил добраться с третьего на первый этаж в бомбоубежище во время объявления тревоги. И так мы с ней лежали вместе до отбоя тревоги.

У меня был братик, которому исполнился один год, но он не ходил, а только ползал по ледяному полу и выискивал в щелях деревянного пола какие-нибудь грязные крохотные кусочки, которые запихивал в рот, и продолжал денно и ночью истошно кричать и плакать.

У мамы не было сил брать его с собой в бомбоубежище, поэтому она оставляла его в комнате одного, кричащего от холода и голода. Другого выхода не было. Однажды в бомбоубежище я увидела девочку, которая облизывала банку из-под варенья, и спросила маму, а где баночка из-под рыбьего жира? А ведь раньше я его ненавидела.

Принесенные нами с мамой кусок хлеба она делила на части и старалась выделить братишке кусочек, чтобы он хоть мог пососать его, но он запихивал его в рот, моментально проглатывал и снова истошно кричал.

Помнятся мне некоторые эпизоды из этого периода жизни, их я никогда не забуду, и которые я здесь постаралась записать.

Я часто вспоминаю, как ходила с мамой на Невку за водой, чтобы набрать воды для питья в наше маленькое ведерочко из ледяной скважины. Другой воды не было. Кругом валялись трупы умерших, которым так и не удалось набрать воды. Но у нас не было сил, и никто не мог им помочь. У скважины всегда можно было увидеть истощенных, едва передвигающихся людей, которые пытались наполнить свои сосуды водой.

Я никогда не забуду рассказ мамы о кошке, которая была у одних из наших соседей в Ленинграде. Две пожилые женщины обожали это существо и относились к ней как к своему ребенку. Это была большая черная кошка или кот, которого они выводили ежедневно гулять на поводке как собаку, кормили его отборной едой и баловали как свое дитя. Во время голода кот отощал и умирал. Тогда его зарезали, сварили и тушу поделили так, чтобы съест самим и по кусочку дать соседям, у кого были дети. Кусочек дали и моей маме, она отдала его мне. Мама мне ничего не рассказывала, она закрыла дверь, оставила меня с этим кусочком, а сама стояла за дверью в коридоре, обливаясь слезами.

Да, был случай когда умер сосед по квартире, то его (по решению жильцов) положили в туалет, чтобы семья — многодетная — могла пользоваться его продовольственной карточкой. Нужно было выжить.

Память об испытанном голоде осталась от другого эпизода. Однажды в промежутке между сиренами, возвещавшими о начале бомбежки, мы с мамой отправились за хлебом, стояли в длинной очереди. Мама надела свой меховой жилет с глубокими карманами в подкладке, куда обычно засовывала кусок хлеба, чтобы его не вытащили по дороге домой.

Выстояв эту очередь, мы наконец зашли в магазин. В магазине было теплее. Как всегда выбрали дежурного контролера, который наблюдал за продавицей, чтобы ни один грамм хлеба не упал или не был присвоен ею. По пути домой мама дала мне «довесок», чтобы я его съела. Когда я хотела поднести этот кусочек ко рту, мальчик, идущий навстречу, схватил мою руку с этим кусочком и прокусил мне палец. Наверно, было очень больно и обидно, потому что, как мама рассказывала потом, я не закричала, а стала бледной, как полотно. Замолчала и молча продолжила идти, не произнося ни звука. А из пальца текла какая-то красная жидкость. Память об этом эпизоде — зарубки на пальце, сохранившиеся до сих пор.

В феврале 1942 года нам — маме, мне и братику, было предписано эвакуироваться из Ленинграда в г. Омск в товарном вагоне поезда. За нами прислали грузовик и объявили, что с собой можно взять не более 2 кг веса вещей на каждого. Но у нас и того не было. На сборы дали не более 20 минут. Когда мы вышли из дома, чтобы сесть в грузовик, вдруг увидели: на полу грузовика, на клочке соломы, лежал мой отец — опухший и без сознания. И все-таки нас с мамой охватила какая-то надежда и радость. Ведь мы не видели его долгое время, ничего не знали о его существовании.

Грузовик тронулся, и мы поехали. Ехали под взрывами снарядов и бомбежками. И опять нам пришлось увидеть и пережить одну страшную трагедию. Такой же грузовик, как и наш, полностью нагруженный ленинградцами, при переправе через Ладогу полностью пошел под лед. Началась бомбежка, и наш шофер начал искать другое место для переправы. Мы были спасены.

Первое время в товарном вагоне еще омрачалось бесконечными бомбардировками. Приходилось часто выскакивать из вагона с мамой и бежать в какое-нибудь укрытие, если оно было. Но все же с перерывами мы продолжали ехать в нашем, уже расстрелянном, товарном вагоне.

Отец не приходил в себя на всем протяжении следования, его хотели вынести из вагона санитары, которые выносили на носилках мертвецов, но каждый раз мама подносила ко рту папы зеркальце и слезно кричала, доказывала, что он еще жив и дышит.

Но все-таки по дороге, хоть длинной и тяжелой, стало немного легче, и потом на всех останках знали, что в поезде везут голодающих ленинградцев, и приносили какую-нибудь еду.

И мы, благодаря неустанной заботе и выдержке моей мамы, остались живы, хотя многие погибли в дороге от вспышек дизентерии и других болезней.

В Омске нас высадили и сразу отправили в баню вымыться и освободиться от насекомых. Затем всех остригли наголо, сделали прививки, отвезли в татарскую мечеть и временно оставили там на кафельном полу до окончания выздоровления под присмотром медицинского персонала.

Отец постепенно начал приходить в себя, но все еще никак не ходил. Мама слегла. Из ходячих была только я. Мне приходилось немного помогать на кухне, я разносила тарелки с едой, а также лежачим больным.

Спустя месяц начались заботы по трудоустройству, заботы по поиску жилья и работы. Всем приехавшим предлагали варианты. Нас с семьей отправили в Омскую область. Там в райкоме я пошла учиться в школу. Брата устроили в ясли, отца сделали заведующим так называемой тракторной станцией, в которой было всего два трактора. Маме предложили работу счетоводом.

Спустя пару лет отца перевели на солидную работу в г. Омск — заведовать отделом обуви и обеспечили жильем. Брата определили в ясли, а я пошла в среднюю школу. Мама работала бухгалтером.

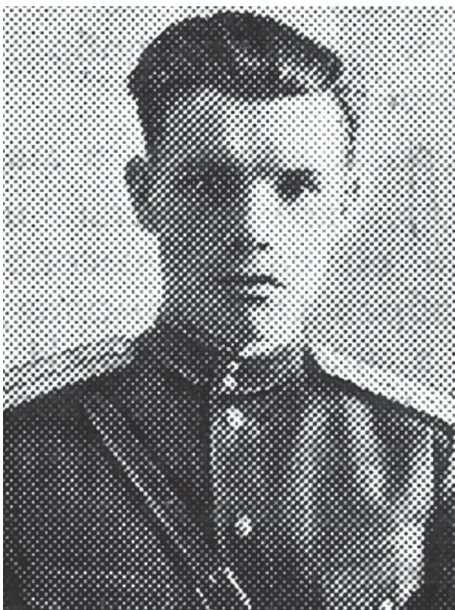
Сначала отец получил двухкомнатную квартиру на окраине Омска с небольшим земельным участком. Он был на хорошем счету в ОК партии, получил много наград и даже имел личного шофера.

Потом он стал управляющим обувной базы ГЛАЗОБЛТОРГа. Мама в Омске была кассиром филармонии. Я поступила в Педагогический институт на факультет иностранных языков. Брат стал военным и даже получил звание подполковника.

Е Ф И М О В

Михаил Васильевич (1923 – 2007)

д-р техн. наук, профессор МПИ, лауреат Государственной премии СССР

Родился 28 ноября 1923 г. в деревне Черенково Ефремовского района Тульской области в крестьянской семье.

С 1942 по 1945 г. участвовал в Великой Отечественной войне на Западном, Южном, Северо-Кавказском, Северо-Западном, Ленинградском, Белорусском и 2-м Дальневосточном фронтах.

Был курсантом 1-го Московского артиллерийского училища, командиром взвода, батареи, заместителем командира дивизиона, начальником разведки дивизиона, старшим помощником начальника отдела штаба артиллерии 2-го Дальневосточного фронта. Принимал участие в освобождении Ленинградской области, Эстонии, Польши. Победу встретил в Германии.

Награжден орденом Отечественной войны и двумя орденами Красной Звезды, медалью «За боевые заслуги», российской медалью к ордену «За заслуги перед Отечеством» и 22 другими медалями. В отставку вышел в звании полковника-инженера.

В 1940 г. окончил Турдейскую среднюю школу Сафоновского района Тульской области.

С 1940 по 1941 г. учился в Московском механико-машиностроительном институте им. Баумана, а затем с 1949 по 1955 г. в Военной артиллерийской инженерной академии им. Дзержинского (ныне — Военная академия Ракетных войск стратегического назначения им. Петра Великого). Учился на баллистическом факультете и кафедре баллистики.

В послевоенное время проходил службу на Дальнем Востоке командиром дивизиона, затем в Москве был слушателем Академии, адъютантом, старшим научным сотрудником, старшим преподавателем Военной артиллерийской академии имени Дзержинского.

В 1958 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Обоснование тактико-технических требований к системе самонаведения противотанковой ракеты» в Военной артиллерийс-

кой инженерной академии им. Дзержинского (научный руководитель темы кандидат технических наук доцент Изнар Андрей Николаевич).

Докторская диссертация на тему: «Основы теории точности, помехозащищенности и надежности одного из классов систем управления» защищена в 1972 г. в Военной академии Ракетных войск стратегического назначения.

Общее количество опубликованных работ свыше 120. Проблематика опубликованных работ: теория управления, теория надежности систем, автоматизация технологических процессов, теория информации.

Число учеников, защитивших кандидатские диссертации, — 7, из них 6 — в Военной артиллерийской академии им. Дзержинского и 1 — в Московском государственном университете печати.

В период с 1965 по 1974 г. неоднократно участвовал в испытаниях баллистических ракет и ядерного оружия на полигоне в Байконуре и на Семипалатинском полигоне. В связи с этим является ветераном подразделений особого риска.

В период с 1961 по 1974 г. участвовал в создании одного из классов систем управления ракет. За создание новой отрасли ракетного приборостроения в 1970 г. была присуждена Государственная премия СССР в составе авторского коллектива от нескольких конструкторских организаций.

После увольнения из Советской Армии в 1976 — 2007 гг. — заведующий кафедрой, а затем профессор кафедры автоматизации полиграфического производства Московского полиграфического института (ныне — Московский государственный университет печати).

Во время работы в Московском полиграфическом институте был научным руководителем свыше 30 хоздоговорных научных работ по договорам с предприятиями электронной, полиграфической и оборонной промышленности. В 1980 г. коллектив кафедры автоматизации полиграфического производства в составе В.В. Казакевича, М.В. Ефимова, А.А. Хайкевича, Ю.Н. Ткачука, Б.А. Протасевича и др. был отмечен премией Минвуза СССР за разработку лазерного автомата для изготовления полиграфических форм.

В 1980 г. был заместителем начальника олимпийского штаба института. В обеспечении олимпиады принимали участие 100 преподавателей и 600 студентов института.

В 2004 г. опубликовал книгу «Наша альма-матер» (МГУП) об истории артиллерийской академии, где учился и работал.

Оказывал неоднократную помощь в создании музея МГУП и написал ряд очерков о преподавателях для книги к 80-летию университета.

Победные залпы артиллерии

[Статья М.В. Ефимова, опубликована в газете «Советский полиграфист» 30 апреля 1985 г.]

Зарождение гвардейских минометных частей, вооруженных боевыми ракетами, совпадает с началом Великой Отечественной войны. Уже первый боевой опыт показал высокую эффективность действий боевых ракет по целям при массированном и внезапном их использовании.

В битве под Москвой значительную роль сыграли и гвардейские минометные части. Из 14 сформированных к этому времени гвардейских минометных полков 11 входили в состав Западного фронта, который под командованием генерала армии Г.К. Жукова успешно отразил наступление фашистских войск и нанес им первое сокрушительное поражение.

В Сталинградской битве принимали участие уже 30 гвардейских минометных полков и 26 отдельных дивизионов.

Коренной перелом в ходе войны, связанный с переходом советских войск к широким наступательным действиям, потребовал разработки боевых ракет увеличенной мощности, способных разрушать долговременные оборонительные сооружения противника. В конце 1942 года началось формирование гвардейских минометных бригад и дивизий, вооруженных тяжелыми ракетами. Залп бригады составляет 1152 ракеты весом свыше 100 кг каждая, а залп дивизии — 3456 ракет. Всего к концу войны была сформирована 41 бригада, из которых 21 бригада объединялась в 7 дивизий.

Одной из первых была сформирована 2-я Гвардейская минометная бригада, в которой мне пришлось служить с конца 1942 года по 1944 год. Ее боевой путь начался на Северо-Западном фронте, которым командовал маршал Советского Союза С.К. Тимошенко. В конце 1942 года бригада приняла участие в ликвидации Демянской группировки противника.

В середине 1943 года бригада была переброшена на Ленинградский фронт, где она участвовала в упорных боях на Синявинских высотах и где с обеих сторон принимало участие до 25 дивизий.

В январе 1944 года бригада в боях на Пулковских высотах участвовала в полной ликвидации многомесячной осады Ленинграда. Гвардейцы бригады принимали участие в освобождении Ленинградской области и Эстонии.

В 1944 году бригада была включена в состав войск 1-го Белорусского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. В упорных боях бригада прошла боевой путь по территории Польши и Германии и завершила его в Берлине.

Боевые заслуги воинов 2-й Гвардейской минометной бригады получили высокую оценку Верховного Главнокомандующего. Ей было присвоено почетное наименование Ленинградско-Берлинской, она награждена тремя орденами. Многими боевыми наградами были отмечены и воины-гвардейцы бригады.

В послевоенные годы ракетная техника получила еще более широкое развитие. Без нее невозможно было бы овладеть Космосом. Боевые управляемые ракеты предназначены для поражения воздушных, морских и наземных целей, они находятся на вооружении Советской Армии и Флота. На страже мира и безопасности страны и всего лагеря мира и демократии стоят ракетные войска стратегического назначения.

КРУМБОЛЬДТ

Лель Николаевич

профессор кафедры «Колесные и гусеничные машины», МАМИ

20 сентября 1942 г. призван на Балтийский Краснознаменный флот. По окончании школы молодого матроса получил специальность «матрос-сигнальщик». С января 1943 г. направлен в распоряжение Ленинградского фронта. Был командиром разведки батареи. Участвовал в боях за снятие блокады Ленинграда, в освобождении Красного села, Кингисеппа, Нарвы и Таллина.

В январе 1945 г. направлен во Второе Казанское танковое училище, где встретил День Победы.

Окончив Академию бронетанковых войск, затем адъюнктуру, стал ее преподавателем, а после поступил в МАМИ на кафедру «Тракторы».

Интервью с Лелем Николаевичем

[Взятое студентами и опубликовано в газете МАМИ «Автомеханик», № 5, май 2021 г.]

- Как вы попали на фронт, как прошли Ваши военные годы?

- 20 сентября 1942 года я был призван на Балтийский Краснознаменный флот, где по окончании школы молодого матроса получил специальность «матрос-сигнальщик». С января 1943 года был направлен в распоряжение Ленинградского фронта. Был командиром разведки батареи. Участвовал в боях за снятие блокады Ленинграда, в освобождении Красного села, Кингисеппа, Нарвы

и Таллина. В январе 1945 года направлен во Второе Казанское танковое училище, где встретил День Победы.

Окончив Академию бронетанковых войск, затем адъюнктуру, стал ее преподавателем, а после увольнения в 1981 году поступил в МАМИ на кафедру «Тракторы».

В январе 1943 года после принятия присяги в составе 50 тысяч моряков и матросов по приказу командующего Ленинградским фронтом генерал-полковника Говорова поступил в распоряжение Ленинградского фронта. Наши три роты были направлены в 125-ю стрелковую дивизию, которая защищала полосу обороны Киевское шоссе – Лиговское. Служил во взводе разведки 406 Ленинского полка. В сентябре 1943-го стал командиром разведки батареи 76-миллиметровых пушек и участвовал в наступательной операции по снятию блокады Ленинграда. Участвовал в боях за освобождение Красного села, Кингисеппа, Нарвы и Таллина. Перед Висла-Одерской наступательной операцией в январе 1945 года я с тремя однополчанами был направлен во Второе Казанское танковое училище в город Дзауджикау (ныне – Владикавказ), которое окончил в 1947 году. По окончании училища я стал командиром взвода тяжелых танков, позже руководил танковой ротой в 27-м гвардейском танкосамоходном полку.

- Как Вы встретили Победу?

- В День Победы я был курсантом Второго Казанского училища. Утром на построение пришел начальник училища и поздравил нас с Великой Победой. Всех отпустили, и мы пошли в центр города, где провели время до следующего утра. В парадах я не участвовал, но, безусловно, этот день был самым великим, и я буду помнить его всегда

- Как Вы оказались в МАМИ?

- В 1950 году я поступил в Академию бронетанковых войск им. И.В. Сталина. Окончив ее в 1956 году, был назначен командующим танковым батальоном в должности заместителя по технической части в 105-м гвардейском танковом полку. В 1960 году выдержал конкурсный экзамен и поступил в адъюнктуру на кафедру танков. Окончил обучение защитой кандидатской диссертации на специальную тему и остался работать преподавателем на кафедре танков в Военной академии бронетанковых войск. Читал курсы лекций «Конструкция и расчет танков», «Танки и боевая эффективность» и т.д. Работал совместно по теме подвижности танков со знаменитыми конструкторами, такими как Морозов А.А., Карцев Л.Н., Попов Н.С. После увольнения из Вооруженных Сил в 1981 году поступил на работу в МАМИ на кафедру «Тракторы», где и работаю по сей день в должности профессора. Правда, теперь она называется «Колесные и гусеничные машины». Также я возглавляю Совет ветеранов нашего университета.

- Что помогло Вам сохранять боевой дух в тяжелые военные годы?

- Я много занимался спортом и регулярно участвовал во всевозможных соревнованиях, неоднократно принимал участие в чемпионатах Москвы по спортивной гимнастике, занимая призовые места. Благодаря спорту удавалось сохранить не только боевой дух, но и физическую форму. Благодаря этому я до сих пор работоспособен.

- Расскажите о деятельности Совета ветеранов нашего университета, который Вы возглавляете.

- Совет ветеранов в своей деятельности рассматривает операции всех самых значимых военных событий, таких как битва под Москвой, Ленинградская битва, Курская дуга, операция «Багратион» и операции по освобождению Белоруссии. Мы постоянно общаемся с нашими товарищами в Белоруссии. Валерий Александров, в прошлом студент нашего университета, является национальным героем республики. Совет ветеранов регулярно проводит торжественные собрания в День Победы и День защитника Отечества, но главной датой для нас является битва под Москвой, которая всегда вспоминается с особым трепетом. Наши встречи высокопатриотичны вопреки всем современным измышлениям, навязываемым ультралибералами, которые пытаются очернить Советскую Армию, чьи подвиги и заслуги неоспоримы. Молодое поколение должно помнить о боевых заслугах воинов и воспитываться подобающим образом. Самое главное – это любовь к спорту и отказ от вредных привычек, тогда за наше будущее можно быть спокойным.

- Что Вы пожелаете ветеранам и молодому поколению?

- От своего лица и от лица Совета ветеранов поздравляю всех участников Великой Отечественной войны с 65-й годовщиной Великой Победы и желаю крепкого здоровья, благополучия и хорошего, праздничного настроения. Студентов и все молодое поколение также поздравляю с Днем Победы. И хочу пожелать в наши непростые дни для могущества России сохранить традиции старших поколений, которые победили фашизм и восстановили народное хозяйство. Беречь наши славные традиции.

**НИКРЕНЦ
Ольга Васильевна**

д-р истор. наук, профессор МИХМ

Родилась в 1922 г.

Добровольцем в 1942 г. ушла на фронт. Была связисткой-линейщицей на Волховском фронте (ликвидировала обрывы на линиях). Прошла воинский путь с тяжелыми боями от Ленинграда, далее – Новгород, Псков – здесь была ранена (март 1944 г.).

Награждена медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и другими.

После госпиталя поступила на юридический факультет МГУ, затем окончила аспирантуру, в 1954 г., после защиты кандидатской диссертации стала доцентом кафедры марксизма-ленинизма МИХМа. Позже стала доктором исторических наук и профессором кафедры «История и философия».

Гордость солдата

[Из статьи-воспоминаний, опубликованной в газете «За кадры химического машиностроения», 1974 г., 22 ноября, № 32]

В 1942 году я, пионервожатая детского дома, добровольно ушла на фронт. Стала связисткой-линейщицей и боевое крещение получила под Ленинградом на Волховском фронте. Под бомбежкой и артобстрелом тянула провода к пунктам связи, ликвидировала обрывы на линиях.

В 43-м позади остались Ленинград и древний Новгород. Пройдены тысячи километров по обожженной войной земле.

До конца войны оставалось всего несколько месяцев, когда тяжелое ранение заставило меня оставить фронт... Шли бои за Псков. В дни наступления Красной Армии связистам пришлось работать на самых передовых позициях – провода связи обстреливались из артиллерийских орудий. Во время короткого затишья я уже в шестой раз ликвидировала обрыв связи. Но не успела закончить работу, как вновь начался артобстрел. Осколки первого разорвавшегося снаряда меня тяжело ранили. Товарищи меня спасли, вынесли с поля боя.

Кончилась война. Было трудно восстанавливать знания после лишений и тягот окопной жизни. Едва оправившись от ранения, я стала студенткой. Мы тогда не думали о себе. Хотелось как можно больше сделать для Родины, о том, чтобы пожить в свое удовольствие, наверстать упущенное на войне, не было и мысли.

С отличием окончив юридический факультет МГУ, я поступила в аспирантуру и после защиты диссертации пришла работать на кафедру марксизма-ленинизма в МИХМ. Затем защитила и докторскую диссертацию.

ПОПРЯДУХИН Петр Александрович (1905 – 1975)

канд. техн. наук, профессор МПИ

Родился 21 июня 1905 г. в Свяжске Казанской губернии. В 1921 г. добровольцем вступил в Красную Армию. Боевую подготовку совмещал с учебой и в 1925 г. после демобилизации, экстерном окончив среднюю школу, окончательно выбирает полиграфическую профессию. В течение полутора лет работает учеником, затем печатником-литографом в литографии г. Казани. В 1927 г. поступает во ВХУТЕИИ – единственное в стране учебное заведение с полиграфическим факультетом. Одновременно с учебой работает офсетчиком-печатником, позже – мастером в типографии «Рабочая газета».

В 1931 г. после окончания Полиграфического института, основанного на базе ВХУТЕИИ, назначен начальником офсетного цеха типографии «Красный пролетарий». В 1933 г. поступает в аспирантуру Полиграфического института, ведет преподавательскую работу. После защиты диссертации «Динамика и пнев-

матика самонакладов» на звание кандидата технических наук в 1936 г. назначается заместителем директора института по учебной и научной работе, разрабатывает основы курса технологии печатных процессов. В начале 1941 г. утвержден главным инженером треста «Полиграфкнига».

Добровольцем уходит на фронт. Уже с 7 июля 1941 г. он на передовой. Командир отдельного артиллерийского дивизиона. С 1944 г. и до конца войны – заместитель командующего артиллерией армии. Воевал на Ленинградском, Волховском фронтах. Закончил войну в звании подполковника. Награжден тремя орденами и многими медалями СССР.

С 1945 г. заведует в институте кафедрой технологии полиграфического производства и в то же время работает заместителем управляющего ОГИЗа. После ликвидации ОГИЗа был назначен директором издательства литературы на иностранных языках при ЦК Партии, а затем – начальником управления Гознака. В 1953 г. возвращается к заведованию кафедрой ТПП. К этому времени им подготовлено новое издание учебного пособия по курсу печатных процессов. В последующие годы создает основы инженерного расчета технологического процесса печатания. Автор более 60 научных работ, в том числе вузовских учебников и учебных пособий. Среди них выделяются исследования по давлениям и деформационным свойствам декелей. В частности, общепризнана установленная им зависимость между давлением и количеством краски, переходящей с формы на бумагу. За многогранную научную и педагогическую деятельность принято решение присвоить П.А. Попрядухину звание профессора.

В боях за Ленинград

*[Воспоминания опубликованы
в газете «Советский полиграфист», № 11, 1965 г.]*

В начале войны меня направили на Ленинградский фронт. Пришлось пережить тяжесть отступления. В самое трудное время блокады я был под Ленинградом, видел, как ленинградцы под артиллерийским обстрелом и бомбежками с воздуха, истощенные до последней степени, работали на заводах, строили укрепления. Где было тяжелее: на переднем крае обороны или в городе? Сказать трудно. Мы жили в землянках, которые кое-как отапливались, а ленинградцы – в неотапливаемых домах. Мы голодали, а ленинградцы, сами голодные, отдавали свои скудные запасы фронту. Нас обстреливали,

обстреливали и Ленинград. Не раз бывало так, что приезжавших в город с передовых позиций немецкие снаряды убивали на его улицах.

Ленинград боролся, его защищала не только армия, а все ленинградцы. Они умирали от голода, но не сдавались.

Зимой начала действовать ледовая трасса, как называли ее — Дорога жизни. Продовольствие стали подвозить по льду Ладожского озера. Положение Ленинграда немного улучшилось. В феврале 1942 г. часть войск с Ленинградского была переброшена на Волховский фронт, и я оказался на Волховском фронте, который вел непрерывные тяжёлые бои.

Мне пришлось участвовать во многих боях, в освобождении Новгорода, Пскова и других городов. Я видел немало горя и радости, обычных для фронтовой жизни. Можно вспомнить о многом, но самым ярким воспоминанием остается начало 1943 года.

В марте командиров соединений и отдельных частей вызвали в штаб армии для получения боевого задания. Общая задача: прорвать блокаду Ленинграда и соединиться с войсками Ленинградского фронта.

Я артиллерист, и вполне понятно, что буду говорить об артиллерии. Началась большая, кропотливая работа: артиллерия должна обеспечить продвижение пехоты, а это значит, что нужно выявить систему обороны немцев, которые хорошо укрепились. Перед наступлением артиллерия должна уничтожить ДОТы, ДЗОТы, узлы сопротивления и, как принято говорить, огневые средства противника, расположенные на переднем крае его обороны. После прорыва первой оборонительной линии артиллерия должна перенести огонь, чтобы разрушить оборону в глубине ее, сопровождать пехоту огневым валом, чтобы «прижать» немцев к земле и лишить их возможности активно действовать, при продвижении пехоты артиллерия должна сопровождать ее «огнем и колесами», т. е. тоже двигаться вперед, не прекращая огня.

Подготовка окончена. Наступление должно начаться завтра. Честно говоря, мы не спали в эту ночь — волновались. Ведь от работы артиллерии во многом зависит результат боя.

Наступило утро, хмурое, туманное. Ждем. Над нами пролетает наш истребитель, покачиваясь с крыла на крыло, он описывает дугу. Это сигнал. Команда подана, и сотни орудий и минометов одновременно открывают огонь. Грохот такой, что разговаривать нельзя — ничего не слышно. Небо прочерчивают огненные трассы «катушек». Огонь и тысячи тонн металла обрушились на врага. Судя по тому, что местами видно, как около наших позиций взлетают столбы дыма и земли, можно понять, что и немцы стреляют в нас, разрывов из снарядов не слышно. Их артиллерия бьет беспорядочно. Обстрел наших позиций длится всего несколько минут.

Артиллерия немецких захватчиков или уничтожена, или подавлена, она уже бездействует. Артиллерийская стрельба разогнала тучи, и выглянуло солнце, земля дрожит мелкой дрожью. Над позициями немцев сплошное облако дыма и пыли от разрывов наших снарядов и мин. Пятьдесят минут без перерывов бьет наша артиллерия, и вот наступает решающий момент — пошла пехота. Артиллерия переносит огонь в глубь обороны немцев. Без остановки проходит пехота один рубеж за другим. Оборона немцев взломана, бой идет в глубине обороны противника. Артиллерия тоже идет вперед.

Блокада была прорвана. Войска Волховского и Ленинградского фронтов соединились.

Этот день я никогда не забуду, потому что это был день первой большой победы, в которой мне пришлось участвовать. Не все увидели ее и не все дожили до окончательной победы над фашизмом, но мы, оставшиеся в живых, старые боевые друзья, каждый год собираемся вместе.

БЕЛОРУССИЯ

БОБРИК

Николай Петрович

гвардии капитан, выпускник МПИ

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Родился в 1920 г. в деревне Островчицы Бобруйского района БССР в семье крестьян. В связи с арестом отца и высылкой его в Коми АССР в 1930 г. воспитывался у родственников. Окончил 7-летнюю школу, потом в 1936 г. — ФЗУ и работал электромонтером, затем чертежником. Одновременно учился в Павло-Пассадской средней школе, окончив ее с отличием.

В сентябре 1941г. призван в армию, направлен на учебу в Новоград-Волыньское (г. Ярославль) пехотное училище, по окончании которого служил командиром взвода 1-го Московского пулеметного училища. В январе 1943 г. был направлен на Волховский фронт, где за отличное выполнение боевых заданий в октябре 1943 г. был принят в ряды ВКП(б). На фронтах: 2-го Прибалтийского фронта — командир роты, 3-го Прибалтийского фронта — старший адъютант батальона 23-й гв. дивизии 1-го Белорусского фронта. С боями прошел Польшу и Германию, участвовал в боях за Берлин. Трижды ранен.

Награжден 3 орденами: Красной Звезды, Александра Невского, Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

В МПИ на редакционно-издательский факультет поступил в 1946 г. Принимал активное участие в общественной жизни института: был партгрупоргом учебной группы и членом ревизионной комиссии профкома института, старостой учебной группы. Окончил МПИ по специальности «редактирование политической и художественной литературы» в 1951 г.

Работал на Центральном телевидении.

Зимой 1944 года

[Воспоминания Н.Бобрика опубликованы в газете «Сталинский печатник» 7 ноября 1946 г.]

Дым и гарь еще клубятся над землей. У опушки леса догорают «королевские тигры». На взрытой снарядами земле валяются трупы фрицев. Торжественные крики «Ура!!!» несут весть о взятии Старой Руссы (Новгородская область).

Это было зимой 1944 года. Я со своим батальоном преследовал отступающего противника. Разбитые машины, повозки, обледенелые трупы немецких солдат валялись в придорожных канавах.

А далеко впереди багровый небосклон освещался ярким заревом пожарами. Это горели наши советские города, наши колхозные деревни.

После двухчасового сражения деревня Люрино была взята.

Радостные приветствия освобожденных жителей смешивались с треском пожарами. В воздухе висел какой-то странный гул. А рядом, около собравшихся бойцов, слышался жалобный стон лежавшей неподвижно семилетней девочки. Оторванные ноги, бледное лицо, застывший взгляд остекленевших глаз говорили о ее скорой кончине. «Мама!» — чуть слышно прошептала она и потом замолкла. Слишком тяжело было смотреть на нее. Сердца всех бойцов наполнились жгучей злобой. Каждый хотел отомстить за гибель жителей, за сожженные дома, за умершую девочку.

И мы пошли глухими лесными тропами, непроходимыми зарослями, чтобы обогнать противника и отрезать ему путь к отступлению.

Мы знали, что сможем отплатить гитлеровским убийцам, мы ждали их ...

Это был жаркий бой за наше будущее, за наше счастье, за умершую девочку.

МОХОНЬКО Валентина Дмитриевна

сотрудник, МИХМ

Родилась 23 ноября 1922 г. В 1940 г. окончила Московское педагогическое училище № 5, работала учителем младших классов в школе.

В 1941 г. поступила в Институт иностранных языков, но в марте 1942 г. была мобилизована и направлена в Военный институт иностранных языков в Ставрополь. В июне 1943 г. — на Западный фронт и в составе 17 гвардейского стрелкового полка 15-й армии в звании младшего лейтенанта и должности переводчика немецкого языка воевала на Смоленщине, в Белоруссии. Зимой 1944 г. в составе 2-го Прибалтийского фронта, 10-й гвардейской армии освобождала Эстонию.

Демобилизована в 1945 г. в звании лейтенанта.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За службу в Вооруженных Силах», награждена знаком «Гвардия» и другими.

В МИХМе с 1946 по 1982 г. прошла путь от лаборанта до старшего инспектора отдела аспирантуры.

Воспоминания Валентины Дмитриевны

*[Записаны и предоставлены дочерью —
Тронева О.А. в 2018 г.]*

Я родилась 23 ноября 1922 г. До войны мне удалось окончить педагогическое училище и год поработать учителем младших классов.

Как только началась война, пошла работать в Райком комсомола, потом на «трудовом фронте» строила оборонительные сооружения. Мы вставали затемно, добирались, как могли, до Кунцева и копали заградительные рвы в мерзлой земле. Одновременно училась в Инязе. Однажды к нам пришел военный, майор. Он объяснил, как нужны фронту военные переводчики, какую важную роль они играют на фронте. Ведь переводчик на фронте первым узнавал о силах и планах противника, о том, с кем предстоит воевать.

Я прошла отбор на курсы военных переводчиков. Обучали нас по ускоренной программе в небольшом городке Ставрополе-на-Волге. Занимались по 12 часов в день, по вечерам при свете копилки. Сами рубили дрова, топили печь, носили мерзлую воду. Да еще военная служба: построения в мороз в одних гимнастерках, ночные дежурства в огромных тулупах, в которых можно было поджать ноги, а он оставался стоять. Страшно было, когда совы ухали в темноте.

После окончания курсов меня направили в 15-ю армию, в 17-й гвардейский стрелковый полк. Я сразу попала на фронт в разведотдел. Только грузовик остановился, подбежал солдат: «Переводчика привезли? А то наши разведчики “языка” взяли». Так состоялось мое боевое крещение.

Нужно было сразу на месте провести допрос, чтобы выиграть время, иногда от этого зависел весь ход боя.

При допросе пленных нужно было «развязать им языки» или вызвать на откровенный разговор. Помогало то, что переводчик был первым человеком, с кем пленный вступал в разговор на немецком.

Мне повезло: находясь на линии фронта, я вернулась домой без ранений. Имею боевые награды.

Сейчас мне 96 лет, но до сих пор люблю вспоминать свою военную молодость, иногда с грустью, иногда с юмором.

РАБИЧЕВ

Леонид Николаевич (1923 – 2017)

выпускник МПИ

Родился 30 июня 1923 г. в Красково Раменского района Московской области в семье служащих.

Окончил среднюю школу в 1940 г., поступил в Московский юридический институт, но в декабре 1941 г. был мобилизован в Красную Армию.

В Красной Армии с декабря 1941 г., был направлен в военное училище ВИОС КА в город Бирск. Через год в звании лейтенанта направлен в действующую 31-ю армию на должность командира взвода. С 1942 по 1945 г. принимал участие в боях на Центральном, 3-м Белорусском, 1-м Украинском фронтах. Войну закончил под Прагой. В 1945 – 1946 гг. находился в Германии, Австрии, Венгрии, Чехословакии в составе войск Красной Армии.

Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

В 1946 г. был демобилизован и поступил в Московский полиграфический институт на художественное отделение редакционно-издательского факультета. В 1949 г. в связи с материальными трудностями перевелся на 4-й курс Московского заочного полиграфического института, который окончил в 1951 г. Одновременно с учебой работал художественным редактором «Гостоптехиздата». С января 1952 г. работал художником в издательствах: «Углетехиздат», «Госкультпросветиздат», «Советский писатель». С 1960 г. член Союза художников СССР, с 1993 г. член Союза писателей Москвы.

Автор книги «Война все спишет. Воспоминания офицера-связиста 31-й армии. 1941 – 1945».

Рабичев Леонид Николаевич

[Интервью записано студентами в 2010 г.]

- Леонид Николаевич, расскажите, пожалуйста, про свои школьные годы.

- Я родился в Москве в 1923 году в Лялином переулке. В 14 лет я попал в кружок античной истории Дома пионеров. Руководила исторической секцией Нина Осиповна Рунова. Нам преподавали античную историю, учили работать с источниками и писать доклады. Биографии всех членов кружка потрясающие. В дальнейшем почти все стали учеными, кроме меня, — я стал художником. Занятия в кружке определили наши жизни. Мы все собирались стать историками. В 1940 году был конкурс в МГУ на лучшее школьное сочинение по истории. Все члены нашего кружка заняли первые восемь мест. Нас взяли без экзаменов. Но судьба распорядилась иначе. Я спешил в МГУ и случайно увидел объявление о начале работы литературной студии в Юридическом институте под руковод-

ством О.М. Брика — а я с пятнадцати лет писал стихи. И тогда я «изменил направление» и подал документы в Юридический. Стал посещать литературную студию. На первом же занятии мои стихи очень понравились Брику, и он пригласил меня домой. Я начал бывать там и к концу первого курса решил, что должен стать не юристом, а поэтом. О.М. Брик меня поддержал.

- Расскажите, пожалуйста, о том, как началась война.

- Летом 1941 года мы жили с родителями на даче в Быкове. Я как раз окончил первый курс. Я помню, что ехал на велосипеде по просекам и услышал из репродуктора речь Молотова о начале войны. Заволновался, вернулся на дачу. Мы все были уверены, что не пройдет и двух недель, как Гитлер будет разбит. Однако уже в июле месяце начались бомбежки Москвы. Но немецкие самолеты не могли прорваться в Москву, так как было очень плотное кольцо обороны. Мы вырыли на участке глубокую яму и поставили в нее стулья. Помню, как самолеты кружили над нами, сбрасывали бомбы. Многие москвичи, спасаясь от бомбежек, разъехались по Подмоскovie. У нас на участке тоже размещались целые семьи.

В сентябре мы переехали в Москву, и начались занятия в институте. Все спрашивали: «Почему прорвались немцы? Что будет?». Через некоторое время занятия прекратились. Всех студентов нашего института отправили в Московский речной порт. Мы там выпускали агитационные плакаты, помогали на погрузочных работах. Это продолжалось до октября 1941 года. 16 октября Юридический институт должен был эвакуироваться в Алма-Ату. Но к этому времени я уже решил, что не хочу быть юристом, с институтом не поеду, а добровольно пойду в армию. Вернувшись в этот день домой, я узнал, что моему отцу (он был начальником планового отдела Наркомата нефтяной промышленности) было предписано эвакуироваться в Уфу. Мои родители, узнав, что я хочу пойти в армию, попросили помочь им переехать в Уфу, а уже там подать заявление в военкомат.

Мы собрали вещи. Когда мы ехали на трамвае от Покровских ворот, я видел из окна разбитые витрины магазинов. Настроение было ужасное. С большими трудностями доехали до Казанского вокзала. Поезда были переполнены, и мы с величайшим трудом нашли вагон электрички, который потом был подцеплен к паровозу. В нашем вагоне были работники Наркомата нефтяной промышленности и члены Коминтерна. У них были приемники, и мы слушали сообщения о приближающемся враге. Восемь дней мы ехали до Уфы. В течение этих дней крепла мысль, что немцы будут разбиты. Мы видели, что навстречу нам с Дальнего Востока перебрасывается армия, бесконечное количество платформ с пушками и танками. Мы были уверены, что такую огромную, сильную страну, как наша, победить совершенно невозможно.

До Уфы я доехал вместе с родителями. Но отца сразу же оправили в командировку в Москву. Немцы в 42-м году наступали на Грозный. И отцу вместе с тремя специалистами был выдан мандат: требовалось оценить ситуацию и в случае крайней необходимости принять решение о взрыве грозненских и бакинских нефтепромыслов. Отец с товарищами приняли стратегически важное решение: ни в коем случае не взрывать. Если бы наши войска остались без горючего, мы могли проиграть войну. Позже отец был награжден орденом «Знак Почета».

- Что было дальше?

- Мы приехали в Уфу, там я подал заявление в Летное училище. Но не прошел по состоянию здоровья, и меня направили в училище Связи. Проучился я там ровно год: с ноября 1941-го до ноября 1942 года. Учиться в военном училище мне было чрезвычайно трудно: я был неуклюжий, никак не мог научиться строевой подготовке. Но окончил я училище уже с «пятерками».

В ноябре 1942 года я попал на Центральный фронт под Зубцов — городок на реке Вазузе. Сейчас там водохранилище. Чунегово, Коськово — мои первые узлы связи. Сейчас их уже нет, они затоплены. Со времен войны у меня осталась карта «двухкилометровка». Я был командиром взвода, у меня было восемь постов. Научился ездить верхом. Служил в армейской роте связи.

До 1944 года у меня во взводе были все мужчины из запасного полка. Это были раненые пехотинцы, танкисты. Другая часть взвода — молодые ребята-уголовники, у которых были небольшие сроки (до трех лет) за мелкие хулиганства. Они оказались отличными солдатами, были ловкими и храбрыми. У меня было к ним чувство уважения.

Я всю жизнь хотел описать сложности войны. Патриотизм во время войны был всеобщий. За Родину, за Сталина готов был умереть каждый.

Война — страшное дело. Вспоминаю один эпизод. В мае 1944 года готовилось наступление на врага под Оршей. Меня вызвали и приказали оборудовать коммутатор при наблюдательном пункте командующего артиллерии. Там был устроен мощный блиндаж, и в подзорную трубу даже можно было видеть, как немцы сидят в окопах. Для меня вырыли глубокую яму, загнали туда полуторку с брезентовым верхом. Для маскировки сверху забросали ветками до уровня земли. Но немцы непрерывно бомбили эту высоту с обеих сторон. Коммутатор был связан со всеми артиллерийскими частями, и я был в курсе всего, что происходило.

Началась мощнейшая артподготовка. Картина была страшная. Летели шесть наших самолетов-штурмовиков ИЛ-2. Когда они долетали до переднего края немецкого фланга, они пикировали и бомбили. Но в момент, когда они разворачивались, их сбивали! И вот это мы своими глазами наблюдали. Каждый раз из шестерки возвращались только один-два самолета, а остальные были сбиты. Это наблюдалось постоянно. Позже самолеты улучшили, но все равно работа на штурмовиках была опасная.

После такой артподготовки в середине мая началось наше мощное наступление. Немцы отошли, оставив первую, вторую и третью линии укреплений. Но когда наша пехота подошла к их третьей линии, немцы стали выползать совсем не из тех мест, которые бомбили наши штурмовики. Наша разведка оказалась неинформированной: не смогла понять, где у немцев оказалась артиллерия. Там погибли десятки тысяч людей. Это первое наступление было неудачным. Об этом никогда нигде не писали. В это время шло наступление наших частей по многим направлениям. Например, 1-й Украинский фронт уже перешел границу Советского Союза, вошел в Венгрию, Польшу... А мы все стояли под Оршей.

Второе наступление также закончилось неудачей. Только третье оказалось успешным. Оно началось 24 июня сразу по двум флангам. Всю пехоту посадили на «студебеккеры». Наши части тут же прорвали немецкую оборону, окружили немцев. И вот тогда впервые 56 тысяч пленных немцев провели по Москве! Они были из-под Орши. Это первое поражение немецкой армии! После этого началось непрерывное наступление нашего 3-го Белорусского фронта. Сразу прорвались на 200 км вперед. Вся немецкая техника, артиллерия осталась. Они не смогли отступить, их окружили. Постепенно они сдавались и сдались все. Мы продолжали наступать. Мой взвод был конный, не моторизованный. Я сумел обзавестись топографическими картами на триста километров вперед. Мы шли по тридцать – сорок километров в день, уже не воюя. Это был глубокий тыл. На третий день двигаться мы уже не могли: у людей были стертые ноги, у лошадей – сбиты все подковы. Мы стали просить местное население обменять наших лошадей. Поскольку никто не соглашался, мы вынуждены были насильно отбирать их. Оставляли взамен своих лошадей со стертymi подковами и расписки, хотя понимали, что они ничего не значат. Это было нехорошее дело...

- Леонид Николаевич, расскажите, пожалуйста, о том, как закончилась война?

- 8 мая мы перешли через Карпаты. И на вершине Карпат мы узнаем, что война кончилась. Подошли к Праге, но она уже была взята нашей армией. Мы отставали, потому что двигались на лошадях. Моя война на этом закончилась. Год я был в составе 1-го Украинского фронта. Находился в Австрии, в Венгрии.

- Как Вы поступили в Московский полиграфический институт?

- Единственная моя мечта была поступить в Литературный институт. К этому времени я переписывался с Лилей Брик. В 1944 году мои стихи публиковались в журнале «Смена». Я мечтал быть только поэтом. Были случаи, когда я рисовал. Я мог рисовать, но не профессионально. 30 июня 1946 года я демобилизовался и узнал, что в Полиграфическом институте есть редакционный факультет. В тот же день в пять часов вечера я прибежал в Полиграфический институт. Приемная комиссия уже окончила работу, но еще не разошлась. Я был в обмундировании лейтенанта с орденами, и председатель приемной комиссии меня пожалел. «В порядке исключения мы можем Вас принять на художественное отделение. На литературное отделение мест нет», – говорит председатель. Я ему говорю: «Как же на художественное? Я никогда в жизни не рисовал, я не умею». А он: «Вы не беспокойтесь, Вы воевали, у Вас медали, у Вас ордена. Мы Вас примем». Действительно, я пятерку получил только за сочинение. Правда, я забыл, что проходил в школе, и просто описал «свой» кусочек войны. За литературное изложение мне поставили пятерку. Через две недели мне предложили перевестись на литературное отделение. Но к этому моменту я уже рисовал, и у меня вдруг начало все получаться. Я отказался от перевода. И вот я окончил художественное отделение Полиграфического института. У нас преподавал Андрей Дмитриевич Гончаров, хороший художник. Я стал художником книги.

- Где Вы работали?

- Два года я был редактором в нефтяном издательстве, потом работал художником в издательстве «Искусство», в «Гослитиздате». Работал над рекламой. А потом, где-то в 1954 году образовался Комбинат графических искусств «Промграфика». Я поступил туда вместе с женой. Дело в том, что я женился на девочке из моей группы – Виктории Шумиловой. Она окончила школу, а я пришел с войны. У нас все мальчики в нашей группе пришли с войны, а все девочки – из школы. И внутри студенческой группы было четыре брака. Вот такое дело!..

Конечно, жизнь трудна, но я ею удовлетворен. Я продолжаю работать. Тридцать лет я не писал стихов. В 1980 году у меня было воспаление легких в тяжелой форме. В больнице, спустя тридцать лет, я начал писать стихи. В 1993 г. меня по первой же книжке стихов принимают в Союз писателей. Вместе с этим тридцать девять лет я работал в цехе промышленной графики. Мы с женой были ведущими художниками. У нас были персональные выставки. Мы участвовали в зарубежных, в международных выставках.

С Ы Ч

Елена Григорьевна

канд. истор. наук, профессор МПИ

Родилась 20 апреля 1924 г. на Украине, в селе Стетковцы Житомирской области в семье агронома.

В 1941 г. окончила среднюю школу и была принята на исторический факультет Киевского госуниверситета.

После окончания курсов радистов при ОСОАВИАХИ-Ме в Челябинске 3 января 1943 г. была призвана в армию, в 25-й Отдельный запасной радиополк особого назначения, базировавшийся в г. Горьком, для обучения радиоразведке. С мая 1943 г. — на Центральном фронте, в 394-м Отдельном Краснознаменном радиодивизионе особого назначения, в 1944 — 1945 гг., в разведуправлении штаба 1-го, а затем 3-го Белорусского фронтов.

Принимала участие в Курской битве, в освобождении Белоруссии, Польши и Восточной Пруссии.

Награждена орденом Отечественной войны и медалями «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и другими.

После демобилизации в сентябре 1945 г. поступила на исторический факультет Черновицкого государственного университета (Украина), в 1950 г. окончила его с отличием и была направлена во Львовский политехнический институт, где работала в течение 8 лет преподавателем и старшим преподавателем истории КПСС. С 1959 по 1961 г. возглавляла кафедру марксизма-ленинизма Львовского института физической культуры. С 1961 по 1965 г. работала в Московском институте стали и сплавов старшим преподавателем кафедры истории КПСС. С сентября 1965 по сентябрь 1991 г. — в Московском полиграфическом институте на должностях старшего преподавателя, доцента и профессора кафедры истории КПСС.

За время работы получила более 15 благодарностей, 7 почетных грамот, в том числе грамоту от Министерства высшего образования РСФСР. Награждена медалью «Ветеран труда» и знаком «Отличник печати».

Юность, опаленная войной

[Воспоминания Сыч Е.Г. опубликованы в газете «Советский полиграфист» 20 октября 1982 г.]

Восемнадцатый год работает в нашем институте кандидат исторических наук, доцент кафедры истории КПСС, коммунист Елена Григорьевна Сыч. За свою многолетнюю и плодотворную общественную и педагогическую деятельность она награждена медалями и грамотами. Среди них — юбилейная медаль «За доблестный труд», «В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» и знак «Отличник печати», грамоты ректората, партийной и профсоюзной организаций МПИ, РК КПСС, Всесоюзного общества «Знание». Есть и боевые награды, среди которых медаль «За боевые заслуги», «За взятие Кенигсберга» и другие. Вместе с этими наградами бережно хранит Елена Григорьевна и свой комсомольский билет.

«Меня приняли в комсомол, — рассказывает Елена Григорьевна, — в порядке исключения в 14 лет (тогда принимали в 15). Я жила на маленькой железнодорожной станции Устиновка, что в 70 км от Киева, и училась в 8-м классе Ковалевской средней школы. Очень хорошо помню холодный осенний день, когда мы, десять человек, ехали на колхозных лошадях все 12 километров в Гребенковскнй РК ЛКСМУ на утверждение. Помню заседание бюро райкома и то, как мы остались и заночевали, т. к. возвращаться домой было уже поздно. Сколько же радости было у нас, когда мы стали комсомоль-

цами! Прием в комсомол дал нам новый прилив сил, и мы, вновь принятые, сразу же включились в работу комсомольской организации школы.

А дел тогда хватало: весной мы помогали колхозу проводить посевную, а летом работали пионервожатыми. В 9-м классе мне оказали доверие: избрали комсоргом и членом комитета комсомола школы. Работала я в комсомоле и в селе Гребенки, куда переехала жить наша семья. Была секретарем комитета комсомола школы. Трудно было учиться и заниматься общественной работой, но я окончила школу с отличием.

18 июня 1941 года был выпускной вечер, радостный и веселый. Я, как и все мои друзья, была полна надежд и мечтаний о будущем: хотела поступать на исторический факультет Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко.

В Киев я приехала 20 июня и подала документы в приемную комиссию университета. Там мне сказали, что я могу считать себя уже зачисленной на 1-й курс. Беспредельно счастливая, я ходила по улицам города. Но это продолжалось недолго: 22 июня в 4 часа утра раздалась взрывы бомб. Началась Великая Отечественная война...

За студенческую парту я села только через четыре долгих и тяжелых года — 1 сентября 1945 года. А до этого — эвакуация на Урал, работа на Челябинском заводе и фронт.

На фронт я попала потому, что усиленно занималась на курсах по подготовке радистов-коротковолнников при областном Совете ОСОАВИАХИМа. Потом — учеба в 25 отдельном запасном радиополку, откуда я в начале 1943 года была направлена на Центральный фронт, в 394-й Отдельный Краснознаменный радиодивизион особого назначения. Как радистка участвовала в боевых операциях в составе частей Красной Армии на Центральном и 1-м Белорусском фронтах. Закончила же войну в Кенигсберге в рядах спецопергруппы 50-й Армии.

И все это время комсомольский билет находился при мне: в левом кармане гимнастерки. У меня никогда и в мыслях не было, чтобы положить его куда-нибудь в другое место. В вещмешок, например. Он мятый и с подтеками потому, что и в холод, и в летний зной — всегда находился со мной.

И сегодня, когда я смотрю на свой комсомольский билет, вспоминаю не только собственную молодость, но и своих друзей, чья юность было опалена войной. Почти все ребята и девушки, мои одноклассники, домой не вернулись. Это Люба Головатая, погибшая в момент побега из эшелона, увозившего ее на работу в Германию. Герой Советского Союза Вася Устименко, погибший на последнем этапе войны в городе Будапеште. Помню и тех, кто вернулся: это Августа Попкова, Иван Волошин, Роза Серебова, Нина Миронова.

Моя комсомольская жизнь была похожа на жизнь миллионов моих сверстников-комсомольцев теперь уже далеких 30 — 40-х годов. Она встает в моей памяти всякий раз, когда я смотрю на свой постаревший от времени комсомольский билет».

ЧИСТЯКОВ Виктор Иванович

ефрейтор, выпускник МПИ

Родился в 1925 г. в г. Михайлове Московской области в семье служащих. В Москве окончил 7-летнюю школу и поступил в Архитектурно-строительный техникум.

В декабре 1942 г. с 3-го курса призван в армию. В декабре 1942 г. был призван в Красную Армию. В феврале 1943 г. направлен на курсы младших командиров, а в мае переведен на курсы лейтенантов инженерных войск. С ноября 1943 по июль 1944 г. служил в отдельном батальоне миноискателей, был командиром отделения и минером-подрывником, минером-вожатым. Участвовал в военных действиях 4-го Украинского фронта в составе Отдельной Приморской армии в освобождении Крыма, сплошном разминировании Белоруссии и Литвы. После Победы продолжал служить. В результате взрыва мины был контужен. В сентябре 1945 г. демобилизован. Награжден орденом Отечественной войны и медалями.

После демобилизации работал в ж/д техникуме чертежником и художником, одновременно учился. Окончил ШРМ в 1947 г. В 1947 – 1952 гг. учился на художественном отделении РИФа МПИ, был партторгом факультета и членом партбюро института.

С 1952 г. начинает работать художественным редактором в издательстве литературы на иностранных языках (затем в «Прогрессе»). С 1955 по 1983 г. – главный художник издательства «Прогресс». С 1983 г. – внештатный художник. Член МОСХа и Союза журналистов. Заслуженный работник культуры РСФСР. Золотая медаль Международной книжной ярмарки «Книга-1975» (Москва) присуждена за оформление книги В.И. Ленина «Что такое Советская власть» (М. : «Прогресс», 1975).

[В книге «Мы из МПИ» (том I, с. 473 – 476) опубликованы его воспоминания и иллюстрации – обложки, выполненные им]

Книги ... книги ... книги

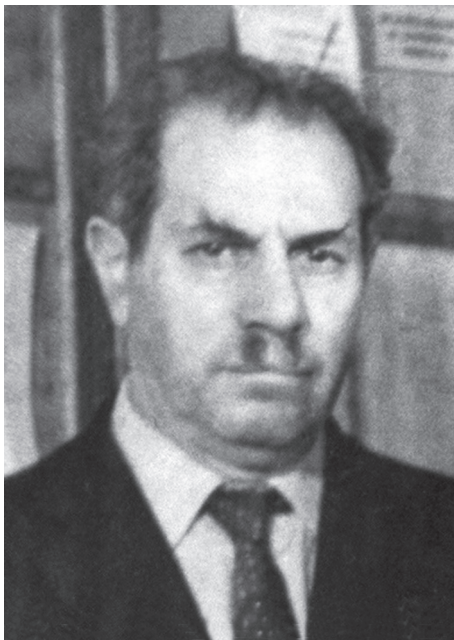
[«Мы из МПИ», том I. стр. 474]

Война. Осень 1944 года. Я солдат. Нынче у нас передышка. Я сижу у костра и читаю маленькую книжку «Библиотеки красноармейца», в которой помещены очередные главы «Теркина». Твардовский, еще по горячим следам, пишет книгу про бойца. Солдаты, заметив, что я то хмурюсь, то смеюсь, заинтересовались и просят читать вслух. Через какое-то время и они вздыхают, печалются, смеются. Здорово описана солдатская жизнь. Это они испытали на собственной шкуре. Уважительно одобряют форму ... «Вот стихи, а все понятно. Все на русском языке ...»

Э П Ш Т Е Й Н

Иосиф Михайлович

канд. философ. наук, доцент МПИ

Родился 22 сентября 1918 г. в Москве в семье рабочих. В 1936 г. поступил в Московский историко-архивный институт, который с отличием окончил в 1940 г.

В августе 1940 г. по спецнабору был призван в ряды Красной Армии.

С 15 сентября 1941 г. по 3 сентября 1945 г. – в действующей армии: курсант учебной батареи артполка, запасного мостового железнодорожного полка. После боевого крещения в 1941 г. направлен в военно-политическое училище. Затем – ротный политрук, комиссар батареи стрелковой бригады, заместитель командира дивизиона минометного полка Западного, II Прибалтийского фронта. Ранен. В 1945 г. участвовал в боях против Квантунской армии. Демобилизован в 1960 г. в звании гвардии подполковника.

Награжден четырьмя орденами и девятью медалями.

В 1958 г. заочно окончил адъюнктуру Военно-политической академии им. В.И. Ленина, в 1966 г. присуждена степень кандидата философских наук, в 1967 г. утвержден в звании доцента.

После демобилизации преподавал философию в Московском историко-архивном и Заочном педагогическом институтах. В МПИ с 1963 по 1994 г. старший преподаватель и доцент кафедры философии. Эпштейн И.М. – один из авторов комплексной научной работы, посвященной проблемам современной научно-технической революции. Является автором 48 работ объемом 77, 25 п.л.

Принимал активное участие в общественной работе — член группы народного контроля, партбюро института, редколлегии «Советский полиграфист», декан ФОПа, руководитель теоретического семинара в РК КПСС. Награждался почетными грамотами РК КПСС, Минвуза РСФСР, знаком «Победитель социалистического соревнования 1975 г.».

Страшно было на войне

[Воспоминания И.М. Эпштейна опубликованы в газете «Советский полиграфист» от 28 апреля 1983 г.]

Я был бы неискренен, если бы дал отрицательный ответ на этот вопрос. Было страшно. В начале солдатской службы на фронте казалось, что каждая вражеская пуля, летящий снаряд, падающая авиабомба нацелены именно в тебя. Особенно страшно было в первом бою, когда пришлось непосредственно столкнуться с фашистскими автоматчиками. Потом обстрелялся, чувство страха прошло, стал определять, когда перелет, когда недолет, а когда реальная опасность. В отдельные моменты фронтовой жизни страх проявлялся по-разному. Помню, в июне 1942 года на нашем направлении без всякой артподготовки пошли в атаку фашистские танки. Завязался бой. Нам никак не удавалось подбить танки врага. Выходили из строя, как тогда говорили командиры, орудийные номера, а танки шли. Я был тогда комиссаром противотанковой батареи 45-миллиметровых пушек. Появился страх не столько за себя, сколько за судьбу личного состава батареи, за наших пехотинцев, которых мы обязаны были прикрывать.

Вряд ли прав тот, кто утверждает, что ему на войне вообще страх был неведом. Но нельзя допускать, чтобы он взял верх над долгом защитника Родины, породил растерянность или, того хуже, панику. Храбр не тот, кто лишен страха, а тот, кто в нужный момент находит в себе силы преодолеть его, собраться, действует решительно и умело. Нам тогда удалось это, мы подбили три танка. Один из них загорелся, другие повернули назад. Боевую задачу мы выполнили, многие были награждены.

Нашу Победу встречал дважды. Первый раз — в Прибалтике на берегу Балтийского моря, куда вышла наша гвардейская артиллерийская дивизия прорыва, участвовавшая в разгроме курляндской группировки немецко-фашистских войск. Второй — около Желтого моря, после разгрома Квантунской армии японских милитаристов.

СЕВЕРНЫЙ И БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТЫ

МИХАЙЛОВ
Петр Евгеньевич,

канд. техн. наук, доцент МИХМ

Родился в 1919 г.

В начале июня 1941 г. был курсантом Высшего военно-морского училища имени М.В. Фрунзе. Служил на Северном флоте всю войну. Старший лейтенант.

Награжден орденом Отечественной войны, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

После войны защитил диссертацию. С 1955 г. до ухода на пенсию работал доцентом на кафедре физики МИХМа. Научные исследования лежат в области ультразвуковой техники.

На Северном флоте

[Воспоминания П.Е. Михайлова опубликованы в газете «За кадры химического машиностроения» 14 февраля 1975 г.]

В начале июня 1941 года я был курсантом Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе и плавал на канонерской лодке «Красное знамя» в Балтийском море. Уже тогда обстановка была очень напряженной.

20 июня мы стояли у причала в Ораниенбауме. Утром 22 июня отпуска на берег были отменены, а в середине дня на наших глазах зенитчики линкора «Марат» сбили появившийся в небе «фокке-вульф»...

Курсантов сняли с боевых кораблей и отправили на формирование Первой особой морской бригады. К концу первой недели войны, в звании главного старшины, я уже командовал взводом подвижного истребительного батальона этой бригады. Батальон нес полевую службу, он должен был бороться с парашютистами и диверсантами.

В августе нас, курсантов-старшекурсников, отозвали из бригады и отправили в Астрахань для завершения учебы. Поэтому только в апреле 1942 года я в звании лейтенанта корабельной службы вступил в должность командира боевой части наблюдения и связи эскадренного миноносца «Громкий» Северного флота и принял участие в апрельско-майских боевых операциях по высадке морского десанта в Мотовском заливе.

«Громкий» прикрывал артиллерийским огнем высадку десанта, который высаживался на скалистый высокий берег, хорошо укрепленный фашистами. Доты, сделанные в гранитных скалах, могла заставить замолчать только артиллерия. Нужно было использовать большую скорострельность и подвижность корабельных пушек и обстреливать всю площадь перед десантниками. С этой задачей наш корабль справился успешно. В последнюю ночь операции наш корабль стал на якорь в губе Вичаны и уничтожил большое скопление готовившихся к операции отборных фашистских войск. Я пережил тогда трудные минуты. Линия радиосвязи с берегом была перебита, и мне с группой матросов пришлось высаживаться со шлюпки в ледяную воду, искать и исправлять повреждения. Я успел вернуться на корабль как раз вовремя и сам передал целеуказания артиллеристу...

Потом, служба в холодном и беспокойном Баренцевом море, проводка наших и союзных караванов, поиск караванов противника, рейды к северным берегам Норвегии. Как командир противолодочной обороны корабля я атаковал вражеские подлодки, встречи с которыми в Баренцевом море не были редкостью.

На счету «Грозного» более десятка уничтоженных вражеских подлодок. Но, пожалуй, самым примечательным было уничтожение охранением известного Золотого конвоя — «волчьей стаи», отборных фашистских подводников. «Волчьей стаей» фашисты называли группу в шесть-семь подлодок, которые одновременно атаковали цель, не показывая перескопа, пользуясь довольно совершенной гидроакустической аппаратурой. «Волчи стаи» безнаказанно торпедировали и уничтожили корабли и транспортные суда союзников в Атлантике. Одна из таких «стай», уверенная в успешной охоте, встретила и наш конвой. Ледоколы с ценным грузом шли из Карского моря в Баренцево. Среди кораблей был и «Грозный».

Северо-восточнее мыса Канин Нос вахтенный гидроакустик обнаружил подлодку, которая занимала позицию между берегом и нами. Определив расстояние и курс лодки, я начал атаку. Взыли котельные вентиляторы, и корабль быстро пошел на лодку. Нарастает частота следования отраженных импульсов, лодка маневрирует, мы тоже. Быстро сближаемся, счет расстояния идет уже на метры... Корабль вздрогнул, качнулся, и мы явственно ощутили скрежет металла о металл. Из-под корабля с левого борта вынырнул нос вражеской лодки и поднялся так высоко, что показалась рубка с огромным бортовым знаком «В-234». Но не успела еще рубка погрузиться в воду, как ее с грохотом смял форштевень «Грозного». Десятки тысяч лошадиных сил турбин позволили «Грозному» сберечь винты и не выскочить на мель. В это время другие корабли охранения начали бомбометание по своим целям. В результате — за несколько минут мы уничтожили всю «волчью стаю», не позволив ей выпустить ни одной торпеды. Еще один миф фашистов, миф о неуязвимости «волчьих стай» разбился.

Когда корабль становился в док на ремонт, мы, связисты, совершенствовали свою технику. Я со своими матросами реконструировал радиопеленгатор, так что точность определения места по радиопеленгам стала не хуже классического визуального. Мы усовершенствовали блоки радиоаппаратуры, радиолокатор, технические средства связи с авиацией поддержки. Несколько наших усовершенствований решено было повторить на других кораблях. За отличное выполнение боевых заданий в мае 1944 года меня наградили орденом Отечественной войны II степени.

В одном из трудных походов в августе того же года я был контужен. Меня перевели в гидроакустический отдел флота и поручили сконструировать гидролокатор для сторожевого корабля «Смерч». С помощью этого гидролокатора впоследствии «Смерч» потопил подлодку противника. Потом до конца войны я работал в разведотделе штаба Северного флота офицером-оператором радиоотряда, добывал ценную информацию о действиях и намерениях противника.

После окончания войны медкомиссия отправила меня в госпиталь, а в октябре меня демобилизовали как инвалида Отечественной войны II группы. После демобилизации я сделал все возможное и даже казавшееся невозможным для восстановления своей трудоспособности. Думаю, что эта послевоенная победа над последствиями войны в целом мне удалось.

РАДУГИН
Евгений Александрович

уч. мастер техлаборатории, МПИ

31 декабря 1937 г. вступил на палубу сторожевого пограничного корабля «Рубин», который входил в состав Первого Северного морского погранотряда. С ним прошел Финскую кампанию и Отечественную войну сигнальщиком в звании старшины первой статьи до 15 мая 1945 г.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Советского Заполярья» и многими другими.

После демобилизации два года (с 1946 г.) работал в типографии газеты «Правда», с 1948 г. — в типографии Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского, где прошел путь от линотиписта до начальника типографии. За этот труд награжден медалью «За трудовое отличие». С 1975 г. работал учебным мастером в техлаборатории МПИ. Многие студенты ХТОППа под его руководством проходили практику и готовили дипломные проекты.

Такое не забывается

[Воспоминания Радугина Е.А. опубликованы в газете «Советский полиграфист» 6 января 1985 г.]

15 октября 1937 года нас, группу москвичей-призывников, посадили в пассажирский состав на Ленинградском вокзале и отправили в Мурманский морской пограничный отряд. К тому времени под Мурманском был организован учебный отряд, занятия в котором предстояло вести офицерам и старшинам пограничных кораблей, базирующихся в Мурманске. Вот они-то и должны были сделать из нас моряков. После двух месяцев подготовки мы уже довольно сносно махали флажками (семафор), знали расцветку флагов, азбуку Морзе; умели плести маты, кранцы и морские узлы. А в это время решалась наша судьба.

Мы уже знали, что в отряде несколько кораблей, в основном старых, переоборудованных из рыболовных тральщиков и буксиров. И только два новых: «Жемчуг» и «Рубин». Быстроходных по тем временам, с хорошим вооружением. Попасть на них было мечтой каждого из нас. И мне повезло: 31 декабря 1937 г. я и четверо моих товарищей вступили на палубу сторожевого пограничного корабля «Рубин», чтобы сойти с него только 15 мая 1945 г., через семь с половиной лет.

В те времена ни о какой радиолокации и гидроакустике на кораблях и понятия не имели. Поэтому сигнальщиков считали, и вполне обоснованно, глазами и ушами корабля. В походе и на стоянке вахтенный сигнальщик находится на верхнем мостике, рядом с вахтенным офицером или командиром корабля. Ведет непрерывное наблюдение за морем и воздухом в своем секторе, четко и быстро докладывает о появлении кораблей, самолетов, плавающих мин, перископе подводной лодки, замеченном следе торпеды. Короче, ничто не должно пройти мимо внимания сигнальщика. Помимо этого он осуществляет визуальную связь с кораблями и берегом с помощью флажной сигнализации или прожектора (ночью с помощью специального фонаря — ратьера). Хороший сигнальщик — это, прежде всего, хороший моряк, так как даже в шторм он должен непрерывно вести наблюдение и связь; он должен обладать отличным зрением, внимательностью и быстрой реакцией. Хороший сигнальщик — это спокойная и уверенная работа на своих постах остального экипажа. Особенно в войну.

Настоящая школа для нас началась в походах на границу, в отрядных учениях в море, совместных маневрах с флотом. Когда началась война с белофиннами, на корабле не было неопытных но-

вичков, были отличные специалисты и закаленные моряки. За участие в боях с белофиннами личный состав нашего корабля был отмечен советским правительством.

Сейчас широко известно, что именно в первые дни Великой Отечественной войны наши сухопутные части и авиация понесли очень большие потери из-за внезапности нападения. На севере этот фактор не сработал. Его, просто говоря, не было.

За два дня до начала войны, находясь в дозоре в Варангерфиорде, где проходила морская граница с Финляндией и Норвегией, мы наблюдали, как пять крупнотоннажных транспортов с войсками вошли в финский порт Петсамо (Печенгу). Как потом выяснилось, это были горные егеря под командованием генерала Дитла — отборные части гитлеровской армии, имевшие большой опыт войны в Западной Европе. Фашистские самолеты-разведчики каждый день на большой высоте появлялись над Кольским заливом. И если в случае с транспортом мы оставались только наблюдателями (хотя и было огромное желание их потопить), то самолеты встречались огнем зенитных батарей, и в воздух поднимались истребители, вопреки официальному приказу. Обстановка становилась все тревожнее, и многие из нас понимали, что долгожданная демобилизация этой осенью может и не состояться (до войны на кораблях служили по 4 и 5 лет, в зависимости от специальности). В ночь на 22 июня 1941 г. все корабли находились в готовности № 1 («Боевая тревога»). И стоило (около 5 часов утра) появиться в районе нашей базы фашистскому бомбардировщику «Хейнкель-III» (он летел со стороны моря на главную базу флота), как тут же был подбит. Сделал вынужденную посадку, а весь экипаж взят в плен. Вот так для нас началась Великая Отечественная война.

Через месяц дивизион в полном составе (с 1938 г. у нас уже было 4 корабля: пришли «Бриллиант» и «Сапфир») на всю войну покинул родную базу, чтобы вернуться уже только двоим — «Рубину» и «Сапфиру».

За войну «Рубин» прошел многие тысячи миль в Баренцевом и Карском морях. Отконвоировал сотни транспортов, в том числе и наших союзников. Сбил три самолета и потопил подводную лодку противника. Поддерживал своим огнем высадку морского десанта в Мотовском заливе, огневым налетом нанес большой урон фрицам, занявшим окопы в Западной Лице; спасал экипаж американского транспорта, потопленного фашистской лодкой. Первым пришел на помощь английскому крейсеру «Эдинбург», торпедированному в Баренцевом море. За все эти боевые действия личный состав корабля «Рубин» был награжден орденами и медалями.

Боевые походы

С началом боевых действий на Севере сразу выявилось превосходство фашистов в воздухе. Частым налетам стали подвергаться Мурманск, Полярное, корабли в Кольском заливе и в открытом море. Наша истребительная авиация была малочисленна и к тому же имела на вооружении самолеты И-16, к тому времени устаревшие. В этих условиях при конвоировании транспортов в море приходилось рассчитывать только на себя. Вскоре мы смогли убедиться в том, что нападение вражеских самолетов в море, где кораблю есть место для маневра, не так страшно, как об этом говорилось и писалось. Наши комендоры огнем из пушек и крупнокалиберных пулеметов ставили такую плотную завесу огня, что фашисты не отваживались бомбить с малых высот. Как всегда, главная ответственность на переходах ложилась на сигнальщиков: вовремя заметить самолеты противника, не дать застать корабль врасплох. В результате немцам пришлось менять тактику: теперь они решили подкарауливать конвои на промежуточных стоянках, в «узкостях», где маневр и скорость кораблей ограничены. Насколько это стало опаснее, мы почувствовали сразу же.

Лето 1942 года

В тот день погода была на редкость ясная. После перехода корабль отдыхал. Было тихо и, казалось, ничего не говорило об опасности. Но такая тишина на войне всегда бывает обманчива, и потому команда «Рубина», как и всегда, исправно несла вахту.

Первым заметил приближение вражеских бомбардировщиков Ю-88 вахтенный сигнальщик Корнеев Г. Колокола громкого боя заставили каждого матроса пулей вылететь из кубрика и занять свое место по боевой тревоге. Через минуту корабль был готов к бою. Командир корабля, капитан 3-го ранга А.А. Жуков отдал команду выбрать якорь, а сам встал у машинного телеграфа.

Впереди послышались взрывы: вражеские самолеты бомбили суда, стоящие на рейде впереди нашего корабля. Замечаю: один из бомбардировщиков отделяется от остальных и идет на нас. Докладываю командиру о его приближении. В этот момент боцман кричит: «Якорь чист!». Командир дает ход. Корабль сотрясает от шума машин и выстрелов — это комендоры (старшины 2-й статьи М. Вялько) ведут прицельный огонь по самолету. Но его, кажется, ничто не останавливает. Вижу: он входит в пике, и для меня наступает самый ответственный момент — не прозевать, когда бом-

бы оторвутся от самолета. До рези напрягаю глаза, боюсь даже моргнуть. И вижу: четыре «гостинца» пошли на корабль — «Бомбы!».

Командир лишь на секунду поднял глаза к небу (бомбы точно летели на корабль) и тотчасскомандовал рулевому: «Лево руля!», а сам резко перевел левую ручку машинного телеграфа на «полный назад». Слышно было, как левая машина на мгновение остановилась, а потом мощно заработала. За кормой вскипел бурун, корабль задрожал, корма быстро пошла вправо.

Раздался свист, а затем взрыв за бортом — бомбы легли рядом с кормой, сбив с ног и окатив водой комендоров. Немного пострадал и корабль: вышло из строя рулевое управление и лопнула водяная магистраль в кубрике. Но все это вскоре было быстро восстановлено. Лишь хладнокровие и мастерство командира и всего экипажа корабля позволили избежать больших жертв.

В этом эпизоде особенно отличились командир отделения рулевых В. Флегонтов, который после выхода из строя электрического рулевого управления быстро перебежал с ходового мостика в румпельное отделение на корме и встал к штурвалу ручного управления, команды на руль подавал с палубы помощник командира корабля старший лейтенант Махоньков М.В. (будущий командир «Бриллианта»), ведь корабль продолжал идти полным ходом в узкой части рейда, в носовом кубрике вел борьбу с водой штурманский электрик К. Полушкин, хотя сам был контужен.

Не всегда, к сожалению, такие налеты заканчивались благополучно для «Рубина» и для других кораблей. Тяжело было наблюдать, когда рядом гибли твои товарищи, а ты ничем не мог им помочь. Но у войны свои законы, с которыми приходилось считаться. Подтверждением этому может служить история с «Бриллиантом».

Было это тоже на рейде, где наш «Рубин» стоял вместе с «Бриллиантом» и еще двумя катерами МО в полной готовности к выходу в море, чтобы сопроводить крупный теплоход в Мурманск. Сигнал должен был прозвучать в 12.15. Стрелки часов приближались к двенадцати. Ровно в 12.00 по заведенному порядку зазвучала дудка дежурного по низам: «Обедать!». Только сели за столы, как в 12.05. сигнальщик А. Сажин докладывает вахтенному офицеру о появлении вражеских самолетов. Боевая тревога! Боцман включает шпиль на полные обороты, чтобы побыстрее vybrать якорь. Догадываемся, что то же самое происходит и у наших соседей.

Бой разыгрывается по знакомому сценарию: стрельба и взрывы начинаются в дальнем конце рейда и постепенно приближаются к нам. И опять один из бомбардировщиков отделяется и летит в нашу сторону. Чуть впереди нас стоит «Бриллиант». Гадаем: «Какой корабль он выберет для атаки?». Ведь летчику все равно, кого бомбить. «Бриллиант» ближе, но не это, видимо, сыграло главную роль в выборе цели. К тому моменту, когда самолет подлетал к кораблям, «Рубин» выбрал якорь и дал ход. «Бриллиант» же, у которого шпиль мог работать только на малых оборотах, все стоял неподвижно, служба отличной мишенью. Это и использовал немец. Он сбросил «груз» на «Бриллиант». Бомбы взорвались у левого борта корабля, буквально изрешетив борт и надстройку. Появился дым. Докладываю командиру о пожаре на «Бриллианте». И тут же передаю семафор: «Приготовиться к буксировке, подхожу к борту». Принимаю ответ с «Бриллианта»: «Не подходите! Горят погреба!» (т. е. погреба артиллерийские). Однако рейдовые катера уже подошли к «Бриллианту» и начали снимать с него людей. Через пять минут корабль затонул. Это была его первая гибель. Мы же через час снялись с якоря и, выполняя приказ, вышли в море, чтобы довести транспорт до Мурманска.

Походы, походы, походы... 42-й, 43-й, 44-й годы.

В конце 1944 года

И вновь встреча с «Бриллиантом», самая последняя, самая драматичная.

Было это осенью 1944 года. Караван судов, среди которых были транспорты «Революция», «Кингисепп» и др., охранялись семью боевыми кораблями, в том числе сторожевыми — «Рубином», «Бриллиантом» и тральщиком «Сатурн». Конвой шел от пролива Вилькицкого на Диксон.

Для «Бриллианта» это был первый большой поход, после того как его подняли со дна и отремонтировали. Командиром был назначен капитан-лейтенант М.В. Махоньков, начинавший службу еще на «Рубине» в 1939 г. штурманом. В 1942 г. он уже был помощником командира. Многие его хорошо знали. Михаил Васильевич был моряк по призванию, глубоко чтивший «морской кодекс», и пользовался большим уважением у матросов.

А сколько ходовых вахт отстояли мы с ним за три года совместной службы! Одним словом, у команды «Бриллианта» был достойный командир.

...Был уже второй час ночи, когда акустик «Бриллианта» доложил на ходовой мостик, что слышит шум винтов немецкой подводной лодки. Командир связался с конвоем и доложил о появлении

фашистской субмарины. Последовала команда: атаковать и потопить. Корабль лег на боевой курс. Но предпринять что-либо против противника не успел. Тот первым выпустил торпеду. Хорошо было видно, как по воде, оставляя фосфоресцирующий след, торпеда приближается к каравану. Вот-вот она ударит в борт флагманского корабля. Но ломая траекторию, на пути ее встает «Бриллиант». Подставив борт, он принимает на себя удар торпеды. Раздается взрыв. Ночь озарилась багровым пламенем, корабль раскололся надвое и затонул. Спасти никого не удалось.

Так ценой собственной жизни экипаж корабля спас многие сотни жизней пассажиров, штаб конвоя, сотни ценных военных грузов, находившихся на флагманском транспорте.

Мы навсегда запомнили место, где погиб «Бриллиант»: Карское море, 76 градусов северной широты и 87 градусов восточной долготы. Всякий раз, когда корабли проходят над местом гибели «Бриллианта», на них приспускаются флаги и звучат гудки: так моряки-североморцы чтят память героического экипажа корабля и его командира капитан-лейтенанта М.В. Махонькова.

Сентябрь 1944-го останется в памяти еще и потому, что в этом походе наш «Рубин» также получил тяжелые повреждения. На базе он был поставлен в док на ремонт и только к концу войны вошел в строй.

Кроме «Рубина» мне пришлось служить и на других кораблях. Не скажу, что они в чем-то уступали «Рубину», нет. Все там было как положено: и вахта, и экипаж, и камбуз. Но память всегда почему-то возвращает меня на «Рубин» — самый лучший корабль в мире.

ТРЕТЬЯКОВ

Александр Алексеевич

учебный мастер военной кафедры МИХМ

Родился в 1921 г.

В 1940 г. призван в армию. Служил на Балтийском флоте. Дозорная служба в районе Кронштадтского укрепленного сектора, затем в районе Нарвы. В 1945 г. — в боях с японцами. Войну закончил старшим сержантом.

Среди боевых наград — орден Отечественной войны, две медали «За отвагу», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», «За победу над Японией», «За оборону Ленинграда». После войны много лет проработал учебным мастером в гараже военной кафедры МИХМа.

На море и на суше

[Воспоминания опубликованы в книге Н.М. Коноваловой и Л.М. Парсадановой «МИХМ в годы Великой Отечественной войны», М., 2011, с. 188 — 189]

В 1940 году я был призван в армию и служил на Балтийском флоте. Уже за две недели до начала войны нам была объявлена готовность номер один: всем выдали оружие и противогазы. С помощью дальномеров можно было увидеть, что по ту сторону границы стоят войска. А когда началась война, мы, моряки, сразу оказались на передовой: в шести километрах — немецкие войска, в 28 километрах — финские.

В течение двух первых военных зим мы несли дозорную службу на льду Кронштадтского укрепленного сектора в районе Голбухина маяка. В дозор выходили с наступлением темноты, снабженные оружием и мешком деревянных чурок, которые мы жгли, чтобы не замерзнуть. Особенно трудно было весной, когда лед уже начал таять и приходилось проводить всю ночь по колено в ледяной воде.

В 1943 году, когда была объявлена тотальная мобилизация на прорыв блокады Ленинграда, меня, как и других, списали в морскую пехоту. Окончил школу младших командиров, потом средних командиров и был направлен на стык Ленинградского и Волховского фронтов. Наши войска уже начали наступление. Месяц и девять дней мы шли до Нарвы практически без остановок, чтобы не дать закрепиться отступающим немцам. Я попал в танковый десант, в 46-ю танковую бригаду.

Под Нарвой я был ранен в бедро. Нам было дано задание подорвать немецкий танк «тигр» на рассвете. Наиболее безопасно было сделать это ночью, но приказ есть приказ. Чтобы подобраться к «тигру» незаметно, повалили сосну, но это как раз и привлекло внимание немцев. За 10 минут два взвода полегли в этом месте. Я, раненый, лежал на земле трое суток. Март, холодно, ночью мороз, вокруг бомбы рвутся. На третий день в бинокль я увидел связного своего взвода, стал кричать. Он услышал, подполз, узнал меня. Этой же ночью меня вытащили из воронки, перенесли в землянку, отогрели, накормили, отправили в медсанбат на станцию Сланцы, а затем в госпиталь в Ленинград. А потом, когда вылечился, снова был направлен на фронт, под Выборг. Не раз ходил в разведку, изучал подробно маршрут, чтобы потом ночью завести роту в тыл врага. Эти операции проходили удачно, паника у немцев была невообразимая...

В 1945 году меня перебросили на Восток, где шли бои с японцами. Неделю шли с боями. Техники у нас было много, а Япония оказалась довольно-таки слабым противником.

А потом вышел Указ Президиума Верховного Совета о демобилизации тех, кто имеет три ранения. У меня их было четыре, и я вернулся домой.

ТЮРИН

Михаил Сергеевич

начальник отдела эксплуатации, МИХМ

Родился в 1919 г. В 1939 г. окончил военное Ейское летное училище, был военным летчиком-испытателем и инструктором летного состава, проводя стажировки в бою летчиков ВВС на Северном и Черноморском флотах.

С апреля 1944 г. со своей группой из училища — на фронте. Воевал в ВВС Балтийского флота. Войну закончил командиром эскадрильи.

Награжден тремя орденами Красного Знамени.

В 1955 г. окончил Ленинградскую военно-морскую академию имени К.Е. Ворошилова. Был командиром полка. Летал на самолетах всех типов: ЯК-7, ЛА-15, МИГ-17, МИГ-19, ТУ-16. После демобилизации работал сменным начальником аэродрома Домодедово, затем в МИХМ.

Боевая молодость

[Из статьи-воспоминания опубликованной в газете «За кадры» 26 апреля 1975 г., №13]

1939 год. Я — выпускник Ейского летного училища. В связи с расширением набора в училище 1000 его выпускников оставили работать инструкторами. В число лучших попал и я. В канун трагических событий, когда фашистские солдаты уже топтали коваными сапогами землю Европы, работа была особенно трудной и ответственной: инструкторам училища требовалось с наибольшей полнотой передать свои знания и мастерство молодым летчикам.

А в 41-м и в последующие два года войны на родной земле я вместе с товарищами и воевал, и обучал одновременно. Требовалось лучше знать технику боя, оснащать их новейшим оборудованием,

вводить новые устройства. Требовалось испытывать усовершенствованный самолет в бою. Так проходили стажировки в ВВС на Северном и Черноморском флотах. Именно тогда-то я как военный летчик-испытатель и получил первый орден Красной Звезды.

Новый опыт и новые знания передавал своим ученикам, когда снова возвращался в училище.

В апреле 1944 года я со своей группой ушел из училища на фронт. Воевал в ВВС Балтийского флота.

На фронте бывало всякое. Однажды, возвращаясь на аэродром, наша «восьмерка» заметила, что вражеские истребители атакуют советские самолеты. «Восьмерка» поспешила на выручку. Немцы, не выдержав натиска, улетели. А на следующий день в нашу часть приехал командир полка с благодарностью от имени командования женского летного полка. Как оказалось, мы выручили девушек, «рыцарский», так сказать, совершили поступок.

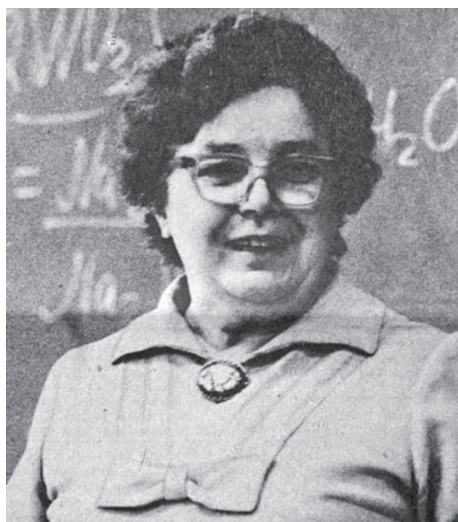
Как-то в октябре 1944 года флот ВВС делал налет на оккупированный немцами порт Любаву. Обнаружив нас, немцы открыли ураганный огонь, затем истребители противника пошли в атаку на наши самолеты, и пришлось вступить с ними в жестокий бой. Силы были слишком неравные — один против шестнадцати. Потребовались огромная выдержка, осторожность, весь опыт, злость и хитрость... Лавируя, идя на лобовые атаки, мне наконец удалось выскочить из плотного кольца фашистских истребителей и уйти к своим «Якам».

И все-таки даже в таких особо трудных условиях боя на высоте 15 — 20 метров над уровнем моря мне удалось сбить вражеский самолет.

Великую Отечественную войну я окончил командиром эскадрильи, был награжден орденами и медалями.

ГРАБОВА Елена Ивановна

канд. химич. наук, доцент МВМИ

Родилась 20 мая 1924 года в деревне Мартыновка, Тарасовского района Ростовской области.

В 1941 году, окончив среднюю школу, добровольно ушла на фронт санинструктором стрелкового батальона в составе действующей 51 армии прошла всю войну. Сержант медслужбы.

Награждена орденом Красной звезды, Отечественной войны 2 степени, медалями «За победу над Германией», «За отвагу» — за то, что 31 июля 1944 года в бою за г. Митава Латвийской ССР, пренебрегая опасностью для жизни, бросилась в горящий танки спасла тяжело раненого танкиста. За три дня боев вынесла с поля боя 16 тяжело раненых бойцов и командиров с их оружием.

После окончания войны училась в МХТИ, по окончании которого была направлена на машиностроительный завод, где была мастером гальванического цеха, затем начальником цеха.

Работала секретарем парткома завода, инструктором РК КПСС. В 1953 году поступила в аспирантуру. Защитив диссертацию, преподавала физическую химию в Казахском технологическом институте г. Чимкента.

Заведовала кафедрами в Калининградском институте рыбной промышленности, Волгоградского политехнического института.

С 1968 года — на кафедре неорганической химии МВМИ. Ею опубликовано более 50 работ в области кинетики диффузных и электродных процессов при электроосаждении металлов. Она — первый редактор страниц «Инженер-металлург» в газете «Мартеновка».

*[статья написана по публикации в газете «Мартеновка»
18 марта 1984 г. и интернет-издания]*

БОГАТЫРЕВА
Надежда Павловна

старший лаборант кафедры «Холодильные установки» МИХМ

Труд – как фронт

[Воспоминания Н.П. Богатыревой опубликованы в «Вестнике Московского государственного университета инженерной экологии», 2005, выпуск 11]

Я – Богатырева Надежда Павловна, 1921 года рождения (в девичестве – Мамылина Надя). Училась в Тархановской средней школе по месту жительства, которую окончила в 1941 году. После окончания школы я хотела уехать в Москву и поступить в педагогический институт, чтобы стать учительницей, но началась война, навязанная нам фашистской Германией. В столицу я не поехала, а поступила работать воспитателем в детский дом, эвакуированный из Мурманска. Работала там до декабря 1942 года.

Работа оказалась трудной. Нам, воспитателям, пришлось заменить детям их родителей. Работали днем и ночью. По расписанию дежурили ночью в общих спальнях, а потом все группы выходили в поле помогать колхозу убирать урожай, копали картошку, осенью дергали лен, ездили в лес собирать желуди на корм скоту, срезать молодые побеги с черной смородины в колхозный сад. Для девочек организовали кружки по шитью, вышиванию, а ребята учились слесарному и столярному делу. Питание было плохое – только то, что мог выделить колхоз. Мы приносили детям со своего огорода овощи, фрукты.

В декабре 1942 года меня, в числе других трудоспособных людей, послали на трудовой фронт в поселок Сурское (на реке Суре) строить доты, дзоты, валить лес для обороны Ульяновска.

На трудовом фронте мы выполняли очень тяжелую работу: валили лес, копали промерзшую землю для дотов и дзотов, ходили из поселка до работы километров пять пешком по непроезженной заснеженной дороге. Одеты были очень легко, надевали на ноги лапти, так как валенок не было. Кормили нас два раза в день, утром и вечером тем, что мог выделить колхоз. Колхоз привозил продукты на подводе один раз в неделю, часто нам привезенного не хватало, и мы сутки голодали. Мы были очень рады, что наши войска в Сталинграде повернули и стали наступать.

Весной 1943 года нас отпустили домой. В сентябре 1943 года я поступила в Козловское педучилище сразу на 3-й курс и в 1944 году окончила техникум. После окончания техникума, я уехала в Москву. С конца 1944 по 1948 год я работала в Басманной больнице (в войну она была госпиталем) лаборантом. Брала у раненых кровь на анализы.

В 1951 году поступила работать в лабораторию №1 на кафедру «Холодильные установки» к профессору Усюкину И.П. Работала в МИХМе без перерыва 25 лет до 1976 года, затем вышла на пенсию.

ГУТЕР (ХОТЕНКО)

Галина Федоровна

старший преподаватель МИХМ

С началом войны студентка 3 курса механико-математического факультета МГУ поступила на курсы медсестер при МГУ, по окончании которых в сентябре 1941 г. добровольцем вступила в Красную Армию. По направлению служила в Центральном военно-морском госпитале г. Кирова. Медсестра. Рентгенотехник. Старшина флота 2-й статьи. 1 ноября 1943 г. уволилась в запас и продолжила обучение на мехмате МГУ. Работала старшим преподавателем МИХМа. Награждена медалью «За оборону Москвы».

Рентген времени

[Воспоминания Г.Ф. Гутер (Хотенко) опубликованы в журнале «Вестник», 2005 г., № 11, с. 50 — 51]

Когда в 1941 г. началась война, я была студенткой 3-го курса механико-математического факультета МГУ. С первых дней войны поступила на курсы медсестер при МГУ.

В сентябре 1941-го, по окончании курсов, большая группа девушек Московского университета пошла добровольно в Красную Армию. Некоторых направили в город Киров (Вятку), в Центральный военно-морской госпиталь. Среди них наших, с механико-математического, было четверо: третьекурсницы Ася Гутерман, Нина Юрген и я, Галя Хотенко, а также Эмма Янkelович с 1-го курса.

Когда ехали в город Киров, нам было не по себе: мы пошли добровольно в Красную Армию, чтобы быть на фронте, рядом с нашими братьями и товарищами, а теперь ехали в глубокий тыл. Но, приехав на место, мы поняли, как здесь были нужны наши силы и знания. По сути дела, госпиталь еще не был развернут, его только предстояло организовать в здании городской гостиницы.

Непривычная организационная работа целиком легла на плечи наших медсестер — бывших студенток разных факультетов МГУ. Руководили нашей работой врачи, тоже приехавшие из Москвы.

С первых дней все медицинские сестры получили направления: кто в перевязочную, кто в операционную, в глазной кабинет, в аптеку и так далее. Из девушек с мехмата Нину и Эмму назначили палатными сестрами, Асю и меня — сестрами в рентгеновский кабинет.

В общем, в создании госпиталя принимали участие все. Трудились много, дружно и очень спешили, так как уже было получено извещение: на днях прибывает первая партия раненых. Мы все кругом до блеска мыли, носили кровати, обустраивали палаты, приемный покой, перевязочные, операционную, рентгеновский кабинет.

Ася и я, под руководством врача и техника-монтажиста, устанавливали рентгеновскую аппаратуру, оборудовали лабораторию для проявления рентгеновских пленок.

Прибыли первые раненые, и наступили дни нашей каждодневной настоящей работы. Все раненые без исключения обязательно должны были пройти просвечивание в нашем кабинете. Многие из них не могли ходить. Санитаров и санитарок не хватало, и мы, рентгенотехники, вместе с палатными сестрами сами носили таких раненых в рентгеновский кабинет.

Раненых было много, вначале часто даже не хватало чистого белья для них; тогда вся команда сестер выходила в ночь на стирку белья, и на другой день все раненые были обеспечены чистым бельем.

Через некоторое время в город Киров была эвакуирована Ленинградская военно-морская медицинская академия. Коллектив госпиталя был пополнен большой группой врачей и младшего медицинского персонала, а само наше учреждение было преобразовано в Клинический госпиталь со многими медицинскими отделениями. В госпитале был организован и второй рентгеновский кабинет. Работа рентгенотехников стала сложнее. Теперь к нам поступали не только бойцы с ранениями в руки и ноги, но и с тяжелыми ранами в грудной клетке и брюшной полости. Требовалось много умения для рентгеновского обследования таких пациентов. В госпитале было также много человек с ранениями в голову. Для исследования таких раненых мне и Асе нужны были специальные знания. И вот мы с ней, не прекращая работать в госпитале, начали учиться на курсах рентгенотехников при Военно-морской медицинской академии и стали специалистами. Вскоре эти же курсы окончила и еще одна наша сокурсница — Нина Юрген. Потом в нашем госпитале стало несколько рентгеновских кабинетов. Среди коллектива рентгенотехников меня поставили за старшую.

Наша работа была очень разнообразной. Мы старались сделать все, чтобы вернуть здоровье раненым бойцам. Наряду с лечебной работой в госпитале велась и научная. Например, нас интересовал вопрос, как закрыть свищи у раненных в челюсти и направить эти свищи через слонную железу внутрь. Для этого проводились специальные обследования раненных в челюсти, делались сложные рентгеновские снимки. Кроме этого, приходилось работать и над телами умерших. Тут я помогала врачам, хотя нам, сестрам, не бывшим профессиональными медиками, это было нелегко. Но побеждало осознание того, что это необходимо для живых — наших раненых бойцов, которые нас уважали и верили в нас.

Вся наша рентгеновская группа работала и жила очень дружно. Весь коллектив рентгенотехников получил ряд благодарностей за свою работу. Сама я получала неоднократно личные благодарности за работу — по рентгеновскому отделению, по Военно-морскому клиническому госпиталю и по Санитарному управлению Военно-морского флота. Всем коллективом сестер мы вели также большую комсомольскую работу. В ноябре 1943 года меня приняли в Партию. Осенью 1943 г. часть сестер вернулись в Москву для продолжения учебы. 1 ноября этого года уволилась в запас и я в морском воинском звании старшины 2-й статьи. Мои однокурсницы и я продолжили учебу на мехмате. В феврале 1945-го большая группа девушек (и я тоже) была награждена медалью «За оборону Москвы». По окончании мехмата МГУ все участники нашей рентгеновской группы работали преподавателями высшей математики в вузах Москвы.

ЕВСТАФЬЕВ
Александр Георгиевич

канд. техн. наук, и.о. профессор МИХМ

Родился в 1927 г.

Во время войны работал на заводе авиационного приборостроения, прошел путь от ученика до мастера, начальника радиотелефонного узла.

Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Имеет 9 государственных наград, знак почетного работника высшей школы, персональные благодарности министров разных ведомств.

В 1946 г. поступил в МИХМ, в 1954 г. защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в МИХМе. В 1960 годах работал директором регионального отдела ЮНЕСКО в Индии, Париже, Вене. В 1982 г. вернулся в МИХМ, участвовал в создании кафедры ЮНЕСКО «Техника экологически чистых химических производств», которую возглавил.

Александр Георгиевич – отец-основатель михмовской династии Евстафьевых: жена – Алла Ивановна – выпускница МИХМа 1952 г., сын – Евстафьев Владимир Александрович – выпускник МИХМа 1976 г., зав. кафедрой, профессор; внук – Козлов Александр Николаевич – выпускник МИХМа (МГУИЭ) 2012 г.

Жизнь в движении

[Воспоминания А. Г. Евстафьева опубликованы в газете «За кадры химического машиностроения» № 4 от 6 марта 2017 г. и «Вестник» № 11, 2005 г., с. 43 – 46]

Я коренной москвич, родился 6 марта 1927 года в семье служащего. Детство прошло на Арбате – на Никитском, ныне Суворовском, бульваре. На моих глазах Москва преобразалась из булыжной в современный город с метрополитеном и автомобилями. Появились широкие магистрали с многоэтажными домами, шла реконструкция Тверской. В 1939 году мы переехали на Бауманскую улицу. Но безмятежному детству неожиданно наступил конец – началась Великая Отечественная война. К этому времени я успел окончить только 6 классов, и было мне в тот памятный год всего 14.

Когда грянула война, пошел работать на завод авиационного приборостроения учеником на электрика-«слаботочника». Хорошо помню настроение тревожной неопределенности, охватившее Москву в ноябре 1941-го, когда враг подошел к столице. Многим казалось, что она падет. Продуктовые магазины и склады срочно освобождались – всем, кто оставался в Москве (и мне тоже) выдали по небольшому мешку провианта, завод прекратил работу: предприятия готовили к взрыву. Момент критический, но правительство проявляло решимость: по радио даже объявили, что паникеров будут расстреливать на месте. И все это на фоне частых бомбежек. Но потом и завод вновь заработал, напряжение разрядилось: в битве под Москвой мы одержали первую победу. Все это время мы, мальчишки, наравне с взрослыми дежурили на крышах, чтобы гасить или сбрасывать вниз зажигательные бомбы, если они попадут на чердак.

Чем занимался на заводе? Осиливал все: тянул проводку, пробивал в стенах дыры под кабели, лазил на столбы. Все, что взрослым было «несподручно», делали мы, мальцы. Приходилось понемногу слесарить и столярничать. Но фронт был еще слишком близко, поэтому наш завод был эвакуирован на Урал, в поселок под городом Красноуфимском. Я с двумя одноклассниками работал на телефонном узле. До нас в поселке ни радио, ни телефона не было, все это мы, подростки, налаживали. Помещение телефонного узла было маленькое, а рядом совсем уж крохотная каморка, где жил наш началь-

ник. Однажды прихожу на работу чуть свет, а он там на полу лежит и не дышит уже. И приняли мы, бывшие ученики, а теперь пусть не по годам настоящие рабочие, всю работу на свои плечи. Жить было трудно.

В 1943-м я уже имел 7-й рабочий разряд, довольно высокий для 16-летнего, был уже профессионалом в своем деле. Так что когда в 1944-м завод вернули в Москву, я в 17 лет был назначен мастером, начальником радиотелефонного узла, правда, уже на другом заводе, куда я перешел (завод № 118, тоже по профилю авиационных приборов). 18 лет, в год Победы, вступил в Партию.

Работал на производстве до 1946 года, когда, решив учиться на инженера, поступил в МИХМ. Читатель спросит: как мне это удалось? Ведь среднего образования у меня не было. А вот так — взял отпуск и без всякого репетитора одолел школьную программу за 7 — 9-й классы десятилетки, экстерном сдал экзамены в школе рабочей молодежи, а там уже 10-й класс проходил со всеми, конечно, без отрыва от производства. Считаю, что молодой человек 18 — 20 лет и сейчас должен быть волевым, целеустремленным, работоспособным, не пасовать перед трудностями, быть готовым поставить перед собой главную задачу жизни. Позже, когда я вел организационную и руководящую работу в международном масштабе в отделе инженерного образования в системе ЮНЕСКО, вспыхнула дискуссия: какая система лучше — «материковая» (европейская), островная (английская) или заокеанская (в США). Пришли к выводу: никакой разницы в уровне профессиональной подготовки (взять хотя бы самолетостроение) нет. А потому не имеет значения, какие конкретные методы применяются в обучении, лишь бы молодой человек сам стремился получить знания, стать профессионалом, и чтобы в вузе были соответствующего уровня преподаватели и хорошая материальная база.

В МИХМе меня выдвинули руководителем комсомольской организации факультета оборудования органических производств. Потом стал замом вузовского секретаря комитета комсомола Николая Ивановича Басова, впоследствии ректора МИХМа. Тогда не только мне, но и многим комсомольская деятельность давала ценнейший опыт в плане организованности, собранности, целенаправленности в работе, особенно что касалось навыков руководства большим коллективом из самых разных людей.

Я окончил вуз по специальности «инженер-механик» и вместе с двумя другими выпускниками (один из которых Виктор Павлович Майков, потом профессор, доктор наук) был оставлен в аспирантуре, которую нам посчастливилось пройти под руководством видного ученого Николая Михайловича Караваева. Через 3 года, точно в срок защитился. Был 1954 год.

Занимаясь преподавательской работой в МИХМе, в 1960 году стал доцентом. К этому времени у меня была практически готова и «докторская», но защитить ее не довелось из-за крутого изменения направления моей деятельности, о чем расскажу ниже.

Все-таки удалось опубликовать монографию по ректификации. И по сей день ею пользуются как студенты, так и производственники. В ней впервые было изложено применение термодинамики необратимых процессов в связи с практическим расчетом ректификационных колонн.

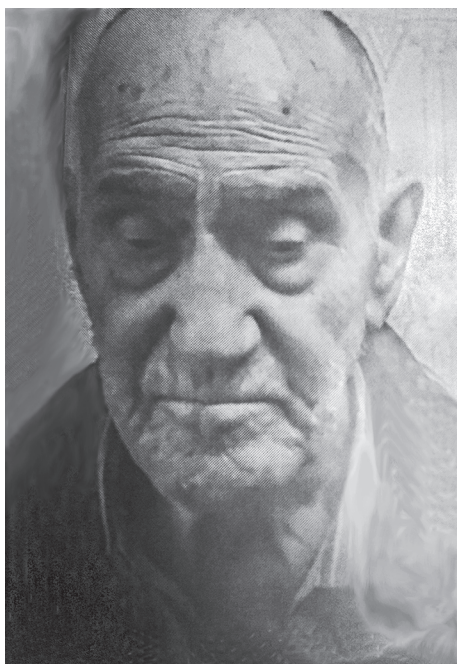
Тут моя жизнь переменялась: через Минобразование меня откомандировали в Министерство иностранных дел (МИД), которое представило мою кандидатуру на международный конкурс, где на ответственный пост претендовали 40(!) специалистов из разных стран мира. Трудно поверить, но я, бывший заводской паренек с ожогами на руках от паяльника, выиграл этот конкурс(!), и меня направили ни много ни мало — заместителем директора регионального отделения ЮНЕСКО по науке. А регион был очень интересный: работал я преимущественно в Дели, столице Индии, но с систематическими выездами в Пакистан, Цейлон (ныне — Шри-Ланка), Бирму, Непал, Монголию. И вот без всякой специальной дипломатической подготовки (необходимость которой руководители нашей страны осознали много позже) я прибыл на место в 1962 году. Спросил в нашем посольстве: чем конкретно придется заниматься? Мне отвечали, мол, знаем не больше вашего, поработаете — сами все поймете, да и нам расскажете.

Дали мне кабинет и сотрудников, из которых ни один по-русски ни слова. А английским я тогда владел неважно — со школы учил немецкий. Директором отделения в Дели был Джеймс Свобрик, англичанин, а я был вначале назначен ему в качестве зама (через год меня повысили: я занял его место, став директором регионального отделения ЮНЕСКО по науке — главой миссии ЮНЕСКО в Индии в ранге посланника). И вот он говорит мне (если перевести на русский), мол, Саша, как же мы с тобой общаться-то будем? Ведь ты же по-английски ни в зуб ногой. Давай-ка так: я буду принимать посетителей, а ты сядь в уголке да повторяй про себя, что мы тут говорим. Смысла не уловишь — все равно повторяй как попугай, пока не запомнишь. Я так и сделал. Через год говорил уже свободно. А чем заниматься пришлось? В основном шло становление профес-

сионального образования в Индии и сопредельных странах, шла реформа среднего и высшего образования, строился инженерный институт в Бомбее, и все это при поддержке ЮНЕСКО. Крупные международные мероприятия проводились. Первая международная конференция по проблемам трения в Лондоне — всего лишь один тому пример. Когда вызывали в Москву, докладывал на высоком уровне о состоянии высшего специального образования за рубежом министру образования Елютину, на Коллегии Министерства. Я подружился с Индирой Ганди, тогда она была членом исполкома ЮНЕСКО. Когда приглашала домой, 16-летний Раджив Ганди заваривал нам чай. Неоднократно мне приходилось общаться с премьером Джавахарлалом Неру, другими руководителями страны. Естественно, приходилось встречаться и с тогдашним руководителем ЮНЕСКО Рене Майо. За работу в Индии (5 с лишним лет) награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С 1968 года я некоторое время работал в МИХМе, а потом меня направили в Париж на должность директора отдела инженерных наук и инженерного образования ЮНЕСКО. Тогда по всему миру при содействии ЮНЕСКО одновременно строились и создавались 30 университетов и инженерных факультетов. В моем подчинении было уже 40 человек: специалистов и секретарей поровну. Кроме того, приходилось заочно работать примерно с пятьюстами экспертами, находившимися в разных странах мира. По иронии судьбы одним из моих сотрудников теперь работал мой бывший начальник Дж. Свобрик. Бюджет отдела составлял 22 млн. долл. США — сумма по тем временам огромная. Моя проблема была все та же — пришлось опять осваивать новый язык, на сей раз французский. Ничего, за 8 лет в Париже освоил и этот. А в 1979-м я был уже в австрийской Вене директором аналогичного подразделения ЮНИДО под названием «Отдел инженерных инфраструктур». Речь шла о создании и налаживании работы институтов по технической нормализации (по-нашему — стандартизации) и сертификации производств. Заодно припомнил школьный немецкий. К слову сказать, мне самому ранее довелось участвовать в создании ЮНИДО, Организации ООН по промышленному развитию (United Nations Industrial Development Organization).

Когда я работал в ЮНЕСКО, а затем в ЮНИДО, мне пришлось, по долгу службы, побывать более чем в 90 странах мира, объехать все континенты, кроме Австралии и Антарктиды. В 1982 году я снова в родном МИХМе. В 1992 году при моем участии здесь была создана кафедра ЮНЕСКО — «Экологически чистые производства», а затем на протяжении 10 лет мне было поручено возглавлять эту кафедру. Сейчас я больше интересуюсь теорией механики и смежными вопросами. Назначен руководителем вновь создаваемого Международного бюро по актуальным проблемам механики. Занимаясь наукой, часто выступаю с докладами по проблемам механики на различных международных конференциях. Избран членом Ученого совета международного центра по наукам о механике (штаб-квартира центра — в городе Удино, Италия). По-прежнему работаю над своей собственной теорией, пишу книгу. И вот какая научная проблема занимает меня — движение как таковое.

И Л Ь И Н **Сергей Николаевич**

**д-р техн. наук, профессор МАМИ,
заслуженный деятель науки и техники**

Родился 13 сентября 1929 г.

Во время войны работал на трудовом фронте — на стройке, на селе, учился в школе, которую окончил в 1947 г. Затем — техникум и МИНХ им. Г. В. Плеханова. Защитил кандидатскую и докторскую диссертации. Был замдиректора по научной работе в Институте полимерных материалов, ректором Института текстильной и легкой промышленности. Долгие годы работал в МАМИ. Имеет много изобретений.

Награжден многими медалями, в том числе «За доблестный труд в ВОВ 1941 — 1945 гг.» и орденом Трудового Красного Знамени.

Ильин Сергей Николаевич

[Интервью записано студентами в 2018 г.]

- Сергей Николаевич, как Вы узнали о начале войны?

- Мы услышали шум на улице, мама вышла и прибежала заплаканная — началась война. Мне было 11 лет. Через некоторое время пришли люди и принесли отцу повестку в армию. Он был чернорабочий, окопы копал. А мама работала в больнице, и она повела меня к себе — устраивать на работу.

- Вас взяли на войну?

- Взяли, но вначале я только помогал — мне ведь было 11 лет. Отец ушел на фронт, я — на работу, но отца вскоре отпустили — он был больной. Он приказал мне идти в школу, и я опять пошел учиться. В учебное время я учился, а летом на каникулах мы работали на почте: в соседнюю деревню проводили телефон, и мы разносили провод по столбам. Так я работал два лета, а потом меня перевели в Самару (бывший г. Куйбышев). Мы копали бункер для Сталина — 37 метров в глубину! Сталин собирался уезжать из Москвы в связи с тем, что немец подошел совсем близко. Строили бункер. Очень тяжелая работа. Мы копали землю... Глина... Меня опускали на глубину тридцать метров. Только деревенская закалка спасала. Плохо кормили. Люди не выдерживали, падали и умирали. Идешь — валяется человек. Во время работы старались не смотреть по сторонам: мимо нас выносили тех, кто уже умер. Непосильный труд множества людей... Я там поработал, но потом у меня случилась беда — палец мне отрезало, и меня вернули. Вот так самое раннее детство прошло...

- Сергей Николаевич, расскажите, пожалуйста, как во время войны жила Ваша деревня Алексеевка?

- Все мужское население было на фронте. Утром крик раздавался: «Матрена, на работу!» — и всех женщин выгоняли: картошку сажать, разные посадки делать. Косили женщины косами... ой, как это тяжело! Потом уже стали на лошадях косить, но сначала было очень тяжело. В основном выращивали для фронта, себе мало что оставляли. Во многих дворах были коровы, коров выгоняли на пастбище, а потом пригоняли поить, женщины в это время их доили. С дойки женщины опять шли на работу, а ребяташки несли молоко домой.

Запомнилось еще вот что: деревня наша располагалась в низине. А рядом — возвышенность. Помню, люди, которые работали на трудовом фронте — рыли окопы, строили укрепления, — шли, падали и умирали, — это хорошо было видно из низины. Умирали от изнеможения и голода — их особенно не кормили: только то, что подадут в деревне. Потом трупы собирали и увозили...

- Каким Вам запомнился День Победы?

- Я тогда еще жил в своей деревне, в Алексеевке. Помню, люди плакали. Радость была необыкновенная...

- Много ли мужчин из Вашего села вернулись после войны домой?

- Мало, очень мало. Наше село Алексеевка — районное село, длинное. Мы на середине жили. Мужчины в каждом доме были, а осталось мало, в нашей части — человек семь, не больше. Брат мой во время войны работал, строил мосты. Он застудил ноги и рано умер. Сестра мало прожила, 65 лет всего, работала в магазине, очень способная и трудолюбивая.

- Сергей Николаевич, расскажите, пожалуйста, о своей учебе.

- В 47-м я окончил десятилетку. Ребята в классе все были очень целеустремленные. После окончания десятилетки кто-то поступил в институт, кто-то на военную службу. Некоторые женились на девчонках из нашего класса. Из бывших выпускников — три полковника, один генерал, председатель колхоза, директор зерносовхоза... Все трудились, работали очень хорошо.

Потом я сдавал экзамены в вуз, но не прошел по конкурсу: дело в том, что учителей-то не было — нас учили школьники старших классов. Но я поступил в техникум пищевой промышленности и окончил его четырехгодичный курс за два года с отличием. После этого меня направили в Москву, в Московский институт народного хозяйства (МИНХ) им. Г.В. Плеханова. Дали стипендию и общежитие. Так я попал в Москву. Женился. Жена моя, Лидия Михайловна, с отличием окончила Московский институт народного хозяйства им. Г. В. Плеханова. Сын после десятилетки окончил Военную академию также с отличием. Сын у меня дипломат. Все трудились, работали. Внук окончил МАМИ.

- Расскажите, пожалуйста, про годы работы.

- Я 54-м году окончил МИНХ им. Г. В. Плеханова и пришел работать в Институт полимерных материалов на должность младшего научного сотрудника, служил там, затем стал старшим научным сотрудником и защитил кандидатскую диссертацию. Пятнадцать лет проработал заместителем директора по научной работе. Далее пять лет был ректором Института текстильной и легкой промышленности. После этого пришел в МАМИ и долго там работал. Защитил докторскую

диссертацию, стал профессором, получил звание «Заслуженный деятель науки и техники». У меня много изобретений. Имею много медалей. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. Этим орденом награждали за выполнение очень важных государственных задач, таких как пуск Волжского автомобильного завода. Работая в Институте полимерных материалов, несмотря на мою молодость, я был ответственным за выполнение очень важной работы. Приходилось очень непросто. Но задание было выполнено успешно, и я был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В годы работы я много раз ездил за границу. В странах социалистического лагеря я побывал по три-четыре раза в каждой стране. Был во Франции, Германии, Англии. У меня есть диплом Университета Англии (С.Н. показывает корреспондентам фотографию, на которой министр иностранных дел вручает ему диплом. На других фото — С.Н. в Болгарии, Венгрии и других странах).

- Сергей Николаевич, что бы Вы могли пожелать сегодняшней молодежи?

- К сожалению, сейчас, как мне кажется, люди стали как-то жестче, расчетливее, прагматичнее. В нашей сегодняшней жизни мало примеров для подражания, мало заботы и уважения друг к другу и к старшему поколению. Как мне представляется, во многом виноваты средства массовой информации, телевидение. Слишком много развлекательных программ и мало глубоких интересных передач. Иногда с удовольствием посмотрел бы какой-нибудь хороший фильм, но не так-то часто их показывают. Бывает так, что какую-нибудь информацию дают, но не показывают ее в развитии, не показывают, как добились результата. Изготовили изделие, прибор. А как? Не показывают трудности процесса производства. Сколько он или она ночей не спали, чтобы это сделать? Вот это надо показывать! Заботу, труд... А не только эффектный результат! Вот этого телевидение не делает, оно какое-то поверхностное стало...

С другой стороны, очень хорошо, что люди стали лучше жить, многое стало проще и удобнее. Пусть тяготы и лишения, которые пережили мы, не коснутся сегодняшней молодежи! Пусть будет больше уважения к труду и больше заботы друг о друге!

КОНОВАЛОВА

Нина Михайловна,

канд. техн. наук, доцент МИХМ

В начале войны — школа, затем — техникум: учеба и работа на военном заводе.

В 1943 г. поступила в МИХМ, будучи студенткой, трудилась на лесозаготовках.

Окончила аспирантуру, в 1952 г. защитила диссертацию, работала доцентом кафедры «Конструирование аппаратов и установок химии высоких энергий и температур».

С 1984 г. в течение трех лет — начальник учебно-методического управления МИХМа. Затем — в отделе технических средств обучения.

Являлась председателем Совета ветеранов Великой Отечественной войны университета. Избиралась депутатом Бауманского районного совета депутатов трудящихся, в течение 7 лет избиралась членом парткома института, членом бюро Бауманского райкома профсоюз, партбюро и профбюро факультета.

За работу во время Великой Отечественной войны награждена в 1946 г. медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.» и многими медалями военного и мирного времени. Награждена на-

грудным знаком «Почетный работник высшего образования России», нагрудным знаком высшей школы «За отличные успехи в работе», медалями «Ветеран труда» и «Ветеран войны — труженик тыла».

Трудные годы

[Воспоминания Н.М. Коноваловой опубликованы в «Вестнике Московского государственного университета инженерной экологии», 2005 г., № 11, с. 52 – 54]

Когда 22 июня 1941 года началась война, я только что окончила 7 классов в московской средней школе № 405. Аттестат нам выдать не успели. Нашу школу готовили под госпиталь. И свой аттестат за 7 классов я нашла в куче бумаг в котельной школы — все документы должны были сжечь.

Уже в июле 1941 года начались регулярные налеты немецких самолетов на Москву. Вначале они сбрасывали в основном зажигательные бомбы, причем массированно, стараясь вызвать пожары и запугать население. А позже стали бомбить Москву крупными бомбами от 500 до 1000 кг и более, разрушая промышленные предприятия и дома.

Жителей направляли в бомбоубежища. В нашем доме в подвале еще перед войной было устроено бомбоубежище. Но нам, детям, было интересно посмотреть, что происходит на крыше дома, где дежурили некоторые взрослые для борьбы с бомбами и пожарами. И мы тоже появлялись на крыше. «Зажигалка» — это небольшая, около 1 кг, раскаленная докрасна бомба, она падала на крышу, на чердак и поджигала все, что горит. Нужно было схватить ее щипцами и опустить в бочку с водой или в ящик с песком. Мне удалось это сделать только один раз.

Моего отца мобилизовали в июне 1941 года сначала в войска противовоздушной обороны, а потом в действующую армию. Он закончил войну в августе 1945 года, прошел с 3-м Украинским фронтом, освобождая города России, Венгрии, Болгарии, Албании и Югославии. Мы остались в семье одни женщины — мама, бабушка, сестра и я.

В июле 1941 года было распоряжение Правительства вывезти детей из Москвы либо централизованно в лагеря где-то в районе Луховиц, либо собственными силами. Меня отправили вместе с родственниками из Москвы в район между Каширой и Серпуховом. Там работала в колхозе — на молотилке, вейлке и т.д. Немцы подошли к Кашире в августе — сентябре 1941 года. В августе сумела самостоятельно добраться до Москвы — надеялась продолжить учебу. С 1 сентября 1941 года начали работать некоторые школы, вузы и другие учебные заведения. В 8-м классе нас было 4 ученика. Но Москву постоянно бомбили, город горел, и проучились мы всего один месяц. Сестра поступила в МИХМ, где училась до отъезда института в Чарджоу (вместе с институтом туда эвакуировались около 200 студентов). Моя сестра в числе тех студентов, которые остались в Москве, всю осень и зиму работала в лесу в Подмосковье, где они строили противотанковые заграждения (лесные засеки наподобие надолб) вокруг Москвы. В феврале 1942 года возобновились занятия в институте, и она продолжила учебу. Мама в эти страшные месяцы работала на разгрузке дров для Москвы.

Можно было заниматься в студии изобразительных искусств («своей», еще до войны) при Городском доме пионеров — до конца 1942 года. Мы готовили и посылали посылки на фронт — шили и вышивали кисеты для табака, клеили конверты, вязали теплые вещи: шерстяные жилеты, подшлемники, варежки с двумя отдельными пальцами, чтобы можно было стрелять. Шерсть и все необходимое нам выдавали в студии. Помню, как мне поручили вязать и отправить посылку (жилет, подшлемник, варежки) для генерала Р.Я. Малиновского (с 1944 года Маршал Советского Союза — Ред.), Выдали очень хорошую белую шерсть, срок 1 — 2 дня. Вязала день и ночь, помогли домашние, и посылка была отправлена в срок.

В то время в Москве было очень холодно в домах и голодно. Продукты выдавали по карточкам: 400 — 600 граммов хлеба и очень немного некоторых других продуктов. Поэтому мы ездили на поля в ближнее Подмосковье и собирали картошку, часто мерзлую, которую не успели убрать колхозники. В домах не топили, даже суп на столе замерзал. Ставили самодельные печки-«буржуйки» и выводили трубы в форточки. Потребление электричества централизованно ограничили, можно было использовать только электрические лампы небольшой мощности.

Уже в начале 1942 года, когда немцы отошли от Москвы, начали работать некоторые учебные заведения: вузы, техникумы, ремесленные училища в основном при заводах, чтобы занять детей, оставшихся в Москве. Тогда же я поступила в электротехнический техникум им. Л.Б. Красина при заводе «Москабель». Учились мы в Красном уголке, где было очень тепло, не то что дома, выдавали нам по кусочку хлеба и желтую кабельную бумагу, на которой мы писали. Нам очень нравилось там. Преподаватели приезжали из основного здания техникума и тоже были довольны — могли отогреться. На заводе нам приходилось кроме учебы работать на производстве в цехах завода. Это была и помощь фронту, и производственная практика.

В сентябре 1942 года нас перевели в основное здание техникума (это была церковь на Большой Грузинской улице) и почти сразу направили на Военный завод № 632 (бывший Электроламповый), где я работала с сентября по декабрь 1942 года браковщицей по проверке точности изготовленных деталей для мин. Работали подчас день и ночь, на «казарменном положении», спали сидя, склонив голову на верстак, по 3 – 4 часа. В техникуме проучилась полтора года. Во время учебы мы работали еще и в мехмастерских, точили разные детали для вооружения. Получила квалификацию слесаря и токаря 4-го разряда.

В мае 1943 года поступила на подготовительные курсы в МИХМ для подготовки и сдачи экстерном экзаменов за среднюю школу. Преподаватели были из МИХМа и Химического политехникума, в помещении которого размещался МИХМ. Экзамены мы сдавали в школе № 29 Фрунзенского района Москвы. Нас было 18 человек, и все успешно сдали экзамены и поступили в институт.

В сентябре 1943 года стала студенткой 1-го курса Московского института химического машиностроения, механического факультета. В 1944 году открылся энергетический факультет, куда нас и перевели.

Шла война. Заводы Москвы работали, выпускали военную продукцию для фронта. Топлива (угля и другого) не хватало – угольные бассейны были либо захвачены немцами, либо отрезаны от Москвы. Заводы были вынуждены работать на дровах. Студенток и сотрудниц института, всего 250 человек, направили в леса Куровского района на заготовку дров. Студентов-юношей (их было мало) оставили в институте для ремонта помещений института и вспомогательных работ в мехмастерских, работавших для нужд фронта.

Нам выдали спецодежду – белые хлопчатобумажные комбинезоны и лапти. Работа в лесу заключалась в трелевке бревен, то есть мы должны были вручную выносить из леса из штабелей лесорубов 2-метровые бревна и комли деревьев на расстояние от 500 м до 2 километров к железнодорожной узкоколейке и укладывать их ленточным штабелем высотой до 3 метров вдоль полотна. В нашей бригаде было шестеро девочек 16 – 17 лет. Вначале мы не могли поднять эти бревна, плакали, сейчас это трудно представить, потом начали катать бревна по болотистой земле. Это очень тяжело. Жили мы в деревне в домах и сараях колхозников. До леса ходили пешком по 12 км. Выходили в 6 часов утра и приходили с работы затемно. Еда, которую нам выдавали с утра на весь день, состояла в основном из темной картошки и небольшого количества хлеба, который мы брали с собой. Привозить еду в лес было не на чем, не было лошадей. После того как в лес приехал секретарь парткома института, немного наладилась организация работы: нам привезли чугунные колеса и сделали небольшие (на кубометр дров) платформы в виде рам и дорогу из жердей. К этой импровизированной дороге выносить бревна из штабелей было ближе. Кроме того, нам разрешили один выходной через 10 дней и больным разрешили дежурить в столовой. За перевыполнение плана давали буханку хлеба и брикет каши. Так мы работали два с половиной месяца, а с 1 октября приступили к занятиям на 2-м курсе. Мы все здорово простудились, сорвались, и некоторые просто не смогли учиться.

МИХМ окончила в 1948 году с отличием и была оставлена в аспирантуре, в которой проучилась до 1952 года. Защитила кандидатскую диссертацию. С 1952 года работала на кафедре «Тепловые двигатели и теплоэнергетические установки», а с 1968 года – на кафедре «Конструирование аппаратов высоких энергий и температур» (сейчас это кафедра «Энергоресурсосбережение») ассистентом, старшим преподавателем, доцентом. С 1983 по 1986 год работала начальником Учебно-методического управления института на общественных началах, совмещая эту работу с работой доцента на кафедре.

МАСЛОВСКИЙ

Михаил Федорович

канд. техн. наук, доцент МИХМ

Во время войны студентом работал на спецпроизводстве в механических мастерских МИХМа. Доцент кафедры «Конструирование машин химического производства», затем кафедры «Промэкология».

Награжден медалью «За оборону Москвы».

В труде, как в бою

*[Воспоминания М.Ф. Масловского
опубликованы в газете «За кадры химического
машиностроения» 3 декабря 1971 г.]*

До сих пор, когда я захожу в механическую мастерскую института, вспоминаются военные годы. Нужды фронта требовали — каждый станок должен служить интересам защиты Родины. В бывших учебных мастерских в августе 1941 года было начато изготовление корпусов реактивных снарядов — «катюш». Для работы токарями, сверловщиками, контролерами были привлечены студенты, сотрудники и преподаватели института. Станочный парк мастерских был мало мощный, технология не отработана. Помню первый день моей работы на расточке внутренней поверхности «трубы» (так мы называли детали), когда за смену (8 часов) успевали расточить только одну трубу.

В середине октября 1941 года, в период обострения обстановки на фронте под Москвой институт эвакуировался. Остановилась на несколько дней и работа в мастерской. 19 — 20 октября, когда стало ясно, что мастерская не будет эвакуироваться, вновь заработали станки.

Выпуск деталей в день стал исчисляться десятками и сотнями. Работали без выходных с 8 до 20 часов. Руководил работой мастерской бывший заведующий кафедрой «Технология металлов» Н.А. Чолобов. В МИХМе и сейчас продолжают трудиться работники этой мастерской: бывшие начальник смены В.А. Веселов, начальник «гидропробы» С.Н. Кириллов, контролеры И. Лебединцева (Мозгина), А.С. Борисова, А.А. Щеглов, А.И. Ломов; токари Е.И. Захарова, В.П. Овчинников, А.М. Кучкина (Бирюлина).

МЕРКУЛОВ
Рэм Всеволодович

*канд. техн. наук, профессор кафедры «Электротехника и компьютеризирование.
Электромеханические системы», МАМИ*

В 1942 г., окончив школу, поступил на работу в научно-исследовательскую организацию МВД, где создавалась специальная аппаратура для работы советских разведчиков за рубежом (для передачи информации и дистанционного взрыва поездов и т.д.).

После войны окончил Академию им. Жуковского, защитил диссертацию и преподавал в военных вузах и училищах.

В звании полковника демобилизовался и с 1975 г. стал работать в МАМИ (на кафедре Петрова).

[Интервью с Рэмом Всеволодовичем взято студентами и опубликовано в газете МАМИ «Автомеханик», № 5, май 2010 г.]

- Когда и как Вы попали на фронт?

- В 1941-м, в момент непосредственного начала войны, окончил как раз 9-й класс. В 1942 году, после 10-го класса начал работать в научно-исследовательской организации МВД над созданием специальной аппаратуры для советских разведчиков для работы за рубежом. Работал с интересными, образованными людьми, настоящими профессионалами, которые очень многое мне дали, многому научили. Участвовал в отправке наших разведчиков за рубеж, объяснял, как работать с оборудованием, принципы действия и др. Меня как-то пригласил директор музея ФСБ в Москве на Лубянской площади. Он мне показал радиостанцию «Белка», которую использовали разведчики для передачи информации во время войны, в создании которой я принимал участие. Приятно было встретиться и спустя 50 лет увидеть это изобретение уже на выставочном стенде.

- Ваши мысли и чувства в тот момент, когда по всей стране объявили о нападении фашистской Германии на СССР?

- Все это ожидалось. Мой отец работал в аппарате управления СССР и уже за неделю докладывал Сталину, что по данным разведки немцы планируют начать военные действия. Но Сталин не поверил и назвал информатора «дезинформатором». А если бы поверил, мы смогли бы сделать намного больше для подготовки к войне.

- Какими для Вас были первые месяцы войны?

- Всегда казалось, что наше государство достаточно сильное и сможет дать мощный отпор противнику. Была уверенность в том, что война скоро закончится, и мы быстро одолеем врага. В первые месяцы войны этого мнения придерживались практически все.

- С какими трудностями Вы столкнулись во время войны?

- Трудности были у всех. Мы просто работали на благо Отечества. Например, мы разрабатывали системы дистанционного взрыва поездов, перевозивших фашистов, подкладывали бомбы на наши территории, занятые немцами.

- Как удавалось поддерживать боевой дух?

- Нам, как и всем советским гражданам, помогали патриотические песни. Не было времени для духовного упадка.

Какими для Вас были первые послевоенные годы?

Сразу после войны я начал учиться в академии Жуковского, окончил ее, потом защитил кандидатскую диссертацию и практически сразу после защиты начал работать в высших учебных заведениях. Преподавал в академии Жуковского, затем в летном училище Оренбурга. Среди моих курсантов был Юрий Алексеевич Гагарин. После своего триумфа он приезжал, рассказывал о полете в Космос. Потом я работал начальником кафедры в Рижском Высшем авиационном училище.

- А как Вы оказались в МАМИ?

- Я пришел в МАМИ после демобилизации в звании полковника, и начальник кафедры Петров принял меня на работу. И вот уже 35 лет работаю в МАМИ. Мне работа нравится и я очень рад, что студентам нравится работать со мной. Много ребят записывается ко мне для работы над магистерскими диссертациями. Я с утра до вечера на работе. Во-первых, нужно делать различные административные дела, во-вторых – преподавательская деятельность.

- Расскажите о себе и об интересных моментах из жизни.

- Жизнь, она сама по себе очень увлекательна. У меня около 150 разных работ, книг, изобретений. Обо мне шла пьеса в театре на Таганке. Дело в том, что со мной учился парнишка Юрка Трифонов, потом он стал писателем. Написал повесть «Дом на набережной» и изобразил там меня, соответственно, изменив мою фамилию, но показал все события, происходившие со мной. А потом меня пригласили на премьеру. После спектакля подошел актер и спросил: «Похож ли я на Вас?» Я согласился, но отметил, что «не был таким раздолбаем», был более серьезным молодым человеком. Недавно в интернете прочел статью одного моего ученика, который занимает сейчас крупный пост, по-моему, руководит энергосетями южного Урала. Он написал так много приятных слов обо мне, о моем преподавании, знаниях, которые я ему дал. Я был знаком со Сталиным, учился вместе с его дочкой, знал Жукова, знал многих актеров, артистов. Отец в свободное от работы время любил писать пьесы, и у нас часто бывали творческие люди – Любовь Орлова и другие. Я себя отлично чувствую, всегда в прекрасном настроении, никогда ни на кого не кричу, не ругаюсь, возможно, спокойствие и есть секрет моего долголетия. Мой дедушка только в 96 лет ушел на пенсию.

- Где Вы встретили Победу?

- На тот момент я был в Москве и учился в Академии. 9 мая, когда еще не объявили по радио, утром позвонил отец с работы и сообщил радостную весть.

- Общаетесь ли со своими боевыми товарищами?

- Сейчас мало, почти все уже ушли. А пока была возможность – общались, встречались, виделись.

- В честь такой знаменательной даты – Великой Победы, что бы Вы хотели пожелать ветеранам?

- О нас заботится государство, повышаются пенсии, расширяются льготы. Хотелось бы уважения, чтобы все люди помнили о подвиге нашего народа. Всех благ, благополучия, крепкого здоровья, чтобы государство не останавливалось на достигнутом и продолжало помогать своим ветеранам.

**ОДИНОКОВА
Маргарита Николаевна**

техник кафедры «Техническая кибернетика и автоматика» МИХМ

Жизнь продолжается

*[Воспоминания М.Н. Одиноквой опубликованы
в журнале «Вестник МГУИЭ», 2005 г., № 11, с. 39 – 42]*

Родилась я в 1916 году. Моя мама, Любовь Ивановна Одиноква, была врач (вообще в нашей семье было 5 поколений медработников). Папа, Николай Евлампиевич Одинокв, еще до моего рождения – когда началась первая мировая война – был призван на фронт. В каком чине – не знаю, больше о нем ничего не известно. Пропал без вести.

Мы жили в подмосковном Егорьевске несколько лет, а потом переехали в Касимов Рязанской губернии (области – прим. ред.). Мама работала, а меня оставляла одну, без присмотра, и мне было очень страшно. Помнится, особенно я боялась грозы. Мама тоже страдала, глядя на меня. И скрепя сердце, она решилась отправить меня одну, а было мне всего 5 лет, к своей сестре, Елизавете Ивановне Первовой, которая жила в 25 км от Касимова, в селе Гиблицы. Она была земским врачом, держала собственное хозяйство. При прощании с мамой у меня было тяжелое предчувствие, я не хотела отпускать ее от себя. Теперь-то я знаю, что и ее сердце тоже разрывалось от горя. Ей пришлось пойти на обман: сказав, что отлучится на минутку, принесет мою любимую серебряную чашечку, она ушла, оставив меня на пароходе. Больше я ее не видела...

Поплыла я со слезами по Оке в Гиблицы, где ждал меня новый дом, хоть и родственный, но все же не родной. Вскоре туда пришло известие, что мама заболела тифом и умерла. Ей было всего 28. В 7 лет я пошла учиться в местную школу. Моими первыми учителями были Вера Федоровна Аксенова и ее муж.

Опережая события, скажу: много лет спустя на их плечи легло воспитание внука, будущего летчика-космонавта В. В. Аксенова – он родом из Гиблиц.

В 1928 году тетя моя, Елизавета Ивановна, переехала, забрав и меня, в Касимов, где стала работать врачом медпункта на фабрике «Красный текстильщик». На фабрике были машины, которые вязали большие сети для рыболовных судов (сетевязальное производство существует в Касимове и сейчас – прим. ред.).

В школе я училась до 7-го класса, как вдруг посреди учебного года объявили: продолжения учебы не будет, старшие классы закрываются, а для тех, кто желает учиться дальше, есть два пути – либо в педагогическое училище, либо в фабрично-заводское училище (ФЗУ) при той же сетевязальной фабрике.

Делать нечего, я поступила в ФЗУ, а было мне 13 лет. Учебу приходилось совмещать с работой на фабрике. Условия тяжелые, вспомнить страшно: четыре часа в цехе, потом небольшой пе-

перыв — и снова четыре часа, — уже за партой. Преподаватели старались донести до учеников профессиональные знания о том, как устроены машины и как они работают, но я мало что понимала. Видимо, моей школьной подготовки было недостаточно. Работа была трехсменная, но никаких поблажек нам, 13-летним подросткам, не давалось. Приходилось вставать ни свет ни заря, долго идти затемно через лес (а зимой из-за снега и тропинку-то не было видно), чтобы в 4 часа утра быть на проходной, опаздывать было нельзя.

Машины для вязания сетей были громадные — несколько метров в длину. Прочные фильдеко-совы нитки (фильдекос, франц. *fil'd'Ecosse* — «шотландская нитка», туго скрученная хлопчатобумажная нить из лучших сортов хлопчатника) мчались в разных направлениях так быстро, что, несмотря на свою крепость, иногда обрывались. Связывать их нужно было вручную. По технике безопасности машину для этого следовало бы останавливать. Но мы, девочки-несмышлениши, этого не делали просто от незнания. А там, в машине, был гребень такой, с острейшими крючками, они-то и делали из ниток ячейки сети. Так что, если связывать нитки на ходу машины, то надо было быстро убирать руки: не успеешь — крючки так и норовят вонзиться в них. Это и случалось со многими девочками. На отчаянный крик прибежал мастер, останавливал машину и отвинчивал крючки вместе с руками (!). Пострадавшую так и отправляли вместе с ними в медпункт. Да, так случилось со многими. Только не со мной. А дело в том, что мои руки уже были очень ловкие — ведь я обучалась музыке, игре на фортепиано с 7 лет.

Так прошли несколько месяцев, и, по счастью, осенью в школе снова открылись 7-е классы. После 7-летки я в 1932 году уехала из Касимова учиться в Москву: поступила в Московский политехникум связи имени Подбельского. Мне было уже 16. Учиться было трудно, вместо прежних пятерок и четверок пошли тройки. По окончании техникума направили на работу в Особое техническое бюро на должность радиотехника. Называлось это «телемеханика» — беспроводная передача сигналов на расстояние. Я знала хорошо и радио, и телефонию. При поступлении на работу была строгая проверка.

В 1940 году я поступила работать в Центральный научно-исследовательский институт связи на должность техника телефонной лаборатории. К этому времени я вышла замуж за инженера по радиотехнике, уже ждала ребенка, но 22 июня 1941 года началась война. Мой сын Анатолий родился 1 июля 1941 года.

В конце июля, с 3-недельным ребенком на руках, мне пришлось отправиться в эвакуацию, в телящем вагоне. Ехали в район города Куйбышева (теперь — Самара), но в городе Горьком (теперь это снова Нижний Новгород) решила изменить маршрут и поехать в хорошо знакомый мне Касимов, где, как я уже говорила, жила моя тетя Елизавета Ивановна. Она была, что называется, врач от Бога, в городе ее ценили, назначали на ответственные медицинские посты. За свой труд она имела высшую награду страны — орден Ленина, в СССР это была большая честь, которой удостоивали очень редко. Ценою отказа от надежды создать свою собственную семью, она посвятила себя спасению жизни других людей и воспитанию пятерых (!) детей из семей своих братьев и сестры, моей мамы. Когда мы пятеро выросли, трое ушли на фронт, в том числе моя двоюродная сестра Нина Первова, ставшая военфельдшером. Последнее письмо от нее было от 30 сентября 1942 года.

В 1942 году я поступила на знаменитый Касимовский овчинно-шубный завод плановиком. Там шили шубы, полушубки. Работали, главным образом, женщины. Поэтому во время авралов доводилось выходить и на тяжелые работы. Подходили по Оке баржи, полные овечьих шкур, полусырых, просоленных. Мы их разгружали вручную: принимали на руки у воды, а дальше передавали по цепочке наверх. Потом приходилось переносить, тоже вручную, в цех отмачивания. Во время войны на фабрике шили всем хорошо известные белые полушубки. Это была наилучшая зимняя одежда для наших командиров и бойцов — и теплая, и маскировочная одновременно. Такой у фашистов не было. Для фронта это была стратегическая продукция: о ее выработке и отгрузке (поштучно!) мы были обязаны ежедневно сообщать руководству нашего ведомства особой телеграммой. (Ныне завод, преобразованный в Касимовское ЗАО «Руно», шьет из овчины меховую спецодежду для многих профессий Сибири и Дальнего Востока, а также модные изделия для мужчин, женщин и детей — прим. ред.).

В 1943 году мне разрешили вернуться из эвакуации в Москву. Сыну исполнилось два с половиной года, ему нужен был уход, и я стала работать швейей-надомницей при Экспериментальных художественных мастерских. Это название осталось с довоенной поры, а в 1943 году — война войной, но народ нуждался в простейшей одежде начиная с носков, в том числе сшитой и связанной на руках. Особо требовалась одежда детская — страна заботилась о своем будущем. Тем временем война закончилась. Я в 1947 году поступила работать в Московский институт химического машиностроения (МИХМ) на кафедру «Детали машин».

Мои награды — медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», другие медали и почетные знаки.

Несколько слов о моей семье. Мой сын, Анатолий Владимирович Заев, по окончании института защитился, стал кандидатом технических наук, доцентом, работал в МИХМе, затем в фирме, связанной с компьютерными технологиями. У одной его дочери, моей внучки Елены, талант и тяга к искусству с детства. Она окончила Строгановское училище (ныне — университет — прим. ред.), потом там же аспирантуру, получила звание доцента. Видимо, передались ей художественные способности прадеда, моего отца, о чем мне поведала в детстве моя тетья, Маргарита. Моя вторая внучка окончила МИФИ, затем там же аспирантуру. Трудится в этом вузе. Внук Саша учится в МИРЭА и одновременно работает — по вычислительным сетям. В общем, все складывается благополучно: внучки и внук устроены, у меня есть и правнуки. Жизнь продолжается.

СМИРНОВ **Леонид Алексеевич**

д-р техн. наук, профессор МИХМ, заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1984), лауреат Сталинской (1951) и Государственной (1967) премий

Родился 23 марта 1914 г. в Москве в семье служащих. По окончании семилетки поступил на последний курс третьего химического техникума Всехимпрома, который окончил в 1931 г.

Работая мастером, начальником смены, затем начальником цеха на заводе № 93, в 1937 г. получил диплом с отличием Ленинградского заочного индустриального института (на базе МИХМа) и перешел в ГИПРОХИМ, в сектор технической помощи заводам. Это позволило ему ознакомиться со многими заводами и расширить кругозор в области химических производств. В это же время пишет ряд статей по совершенствованию химического оборудования в журнале «Химическое машиностроение».

1938 г. знаменуется началом трудовой деятельности Л.А. Смирнова в оборонной промышленности: в этом году он переходит на работу в организацию «Лесхимпроект», где занимается разработкой и конструированием аппаратов для производства углеводородного

топлива на основе цимола для тяжелых бомбардировщиков дальнего действия. Одновременно он принимает участие в создании передовых образцов оборудования для заводов лесохимического профиля.

В октябре 1941 г. Л.А. Смирнова направляют на работу в КБ оборонного завода № 562, созданного на базе НИИ-6, — в то время головного института по порохам и взрывчатым веществам. Уже имея опыт конструкторской работы и знания в области производства энергонасыщенных продуктов, Леонид Алексеевич активно включается в разработку производств новых видов боеприпасов и ракет. Благодаря этим работам создаются новые образцы минометных зарядов, автоматизируется оборудование для их изготовления. В 1942 — 1945 гг. им опубликовано двенадцать научных работ, обобщающих результаты теоретических и практических исследований по совершенствованию снаряжательных производств. На заводе Л.А. Смирнов работает в должностях ведущего конструктора; начальника КБ; начальника цеха, выпускающего минометные заряды; главным механиком завода.

По окончании войны и после закрытия завода в конце 1945 года Л.А. Смирнов переведен на работу в НИИ-6, в лабораторию, возглавляемую Б.П. Жуковым. Работая в должности

научного сотрудника, Леонид Алексеевич занимался вопросами горения, внутренней баллистики, технологией производства ракетных порохов и снарядов из них. В 1950 г. Л.А. Смирнов назначается на должность главного инженера НИИ-6, а в 1953 г. — директором НИИ-125, впоследствии ставшего головным в отрасли.

В 1956 г. Л.А. Смирнов переведен на должность зам. директора этого же института по научной работе, где под его руководством были созданы технология и оборудование получения сверхкрупных пороховых зарядов для ракеты стратегического назначения РТ-1 конструкции С.П. Королева, производство корпусов баллистических ракет из стеклопластиков. Он был научным руководителем комплекса работ по получению смесового твердого ракетного топлива для первой межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2, на базе которой впоследствии был создан ракетный комплекс «Тополь».

На основе этих важных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в 1964 г. Л.А. Смирновым защищена докторская диссертация. В 1965 г. ему присвоено звание профессора по специальности «Процессы и аппараты порохового производства».

В 1966 году Л.А. Смирнов назначен директором — главным конструктором Центрального научно-конструкторского бюро (ЦНКБ), впервые созданного в отрасли пороховой промышленности. Задачей КБ являлась разработка автоматизированного оборудования смесевых твердых ракетных топлив и всех классов зарядов к твердотопливным ракетам («Град», «Стрела-1», «Стрела-2», «Ураган», «Оса», «Шмель», «Малютка» и др.).

За десять лет работы в ЦНКБ под непосредственным руководством Л.А. Смирнова было разработано 15 автоматических линий; создано и внедрено более 50 видов нового оборудования, на которое получено 68 авторских свидетельств. Ряд разработок отмечен медалями Выставки достижений народного хозяйства (ВДНХ).

В 1976 г. Л.А. Смирнов перешел на педагогическую работу в Московский институт химического машиностроения (МИХМ) на должность заведующего кафедрой № 50, где читал спецкурс по новому направлению оборонной техники. Он организовал при кафедре отдельное Конструкторское бюро и лабораторию по разработке оборудования для производства твердого ракетного топлива. В дальнейшем кафедра № 50 была переименована в кафедру гибких автоматизированных производств (ГАП). В 1987 г. Л.А. Смирнов перешел на должность в качестве профессора этой кафедры, до 1999 г. читал лекции по смесевым твердым топливам. С 2000 г. Леонид Алексеевич — профессор-советник кафедры.

Под руководством Л.А. Смирнова кандидатские диссертации выполнили и защитили 75 аспирантов, работающих в различных организациях оборонной промышленности и на кафедре ГАП, подготовлены 8 докторов технических наук.

Результаты научной и практической деятельности Л.А. Смирнова послужили основой для создания научной школы в области разработки нового специализированного оборудования для производства порохов, смесевых твердых топлив и зарядов из них.

Смирновым Л.А. опубликовано более 400 работ, среди них 35 книг и учебных пособий, 180 статей и более 190 отчетов. Несмотря на преклонный возраст, Л.А. Смирнов продолжал активно заниматься издательской деятельностью. В период 1992 — 1998 гг. в соавторстве со своими учениками он выпустил серию книг по основным направлениям конверсии ВПК, им также опубликованы воспоминания «Это не должно быть забыто» (2002 г.), в которых нашли отражение исторические этапы развития отечественного пороходелия.

За выдающиеся заслуги в научной, организаторской и практической деятельности Л.А. Смирнов награжден орденами Трудового Красного Знамени и Красной Звезды, шестью медалями, в том числе «За оборону Москвы», является лауреатом Сталинской и Государственной премий, заслуженным деятелем науки и техники РСФСР.

[Очерк о Л.А. Смирнове подготовлен Морозовой С.В. с использованием материалов: статья коллектива кафедры «Гибкие автоматизированные производства», опубликованная в «Вестнике МГУИЭ», 2005 г., № 11; статья В.А. Любартовича (Московская Энциклопедия, том 1. Лица Москвы. Кн. 4. Р — Т. М., 2012, с 331 — 332)]

Воспоминания Леонида Алексеевича

На заводе № 562 я начал работать с 19 октября 1941 г. Это фактически и дата начала моей работы в пороховой промышленности. Привело меня в эту отрасль следующее. 16 октября 1941 г. в самый тяжелый день истории Москвы, когда немцы уже заняли ее окраины, а мотоциклисты их передовых отрядов вышли к мосту через канал Москва—Волга в районе Химок, Москву охватила паника.

Все заводы и учреждения в этот день закрылись. Я получил на руки трудовую книжку и зарплату за месяц вперед. Работал я тогда в Лесхимпроекте, где проектировал оборудование для начавших строиться заводов по производству цимола — нового топлива для тяжелых бомбардировщиков, готовившихся к налетам на Берлин. Эвакуироваться, да еще с больной матерью, теткой и малолетней сестрой, оказалось практически невозможно. Билетов на поезда не продавали. Кто посильнее, уходил пешком по шоссе Энтузиастов в сторону Горького.

Вечером раздался телефонный звонок. Звонил мой бывший сокурсник по институту Н.С. Жидких и сообщил: «Будь завтра дома, тебе будут звонить. Срочно организуется новый завод и при нем конструкторское бюро. Профиль работы — твой».

18 октября утром раздался звонок с завода, сообщили адрес. После обеда я был уже в отделе кадров, и поскольку допуск к закрытым работам я имел, все оформление прошел в считанные часы.

Утром 19 октября я получил пропуск. Читаю: «Завод № 562. Конструкторское бюро. Ведущий конструктор». Через полчаса меня уже ввел в комнату конструкторского бюро его начальник С.М. Голубков — крупный специалист-пороховик. Познакомил меня с моим непосредственным начальником А.А. Ивановым и, показывая на стоящий у окна кульман, сказал: «Вот твое рабочее место». А напротив было что-то похожее на остаток дивана. — «С этого дня тебя переводят на казарменное положение. Привези что надо из белья, посуды и продуктов». Поскольку у тебя производственный опыт достаточно большой (до этого времени я проработал 9 лет: 5 — на заводе, 4 — в проектных организациях) и я о тебе уже все знаю, поручаю тебе и возлагаю на тебя всю ответственность за разработку всей технической документации и чертежей на оборудование для организации производства пороха и пороховых зарядов из него для «катюш». Сроки — «вчера». Мой кабинет открыт для тебя и днем, и ночью. Уходить домой только с моего личного разрешения. А сегодня надо начать с разработки чертежей нового нитратора и сепаратора для производства нитроглицерина и варочного котла для «варки» пороховой массы. Все чертежи, что не успели еще сжечь, попробуй найти».

Я был поражен таким доверием и всегда старался его оправдать. Только много позднее я понял, что такой стиль работы и развивает творческую активность конструктора. С этого времени я стал пороховиком и так прирос к этой отрасли, что служу ей до настоящего времени.

Я поблагодарил Сергея Михайловича за доверие и сказал, что в институте я не слушал курс по порохам, не дать ли мне задание попроще. Тогда Сергей Михайлович подвел меня к стоящим в коридоре трем шкафам, забитым книгами и журналами, и сказал, что здесь собрана и осталась вся литература и документация по порохам, которую не смогли погрузить при эвакуации в вагон, и что тут мой институт. Даже больше.

Читать я любил и месяца через три-четыре (время оставалось — ведь мы были на казарменном положении) вошел во все тонкости пороходелия и изготовления зарядов к «катюшам», артиллерийским выстрелам. Очень помогло то, что я окончил институт заочно и нас научили, как надо работать самостоятельно с технической литературой. А в смежных областях техники Московский институт химического машиностроения, который я окончил, давал очень серьезные знания.

20 октября Москва была объявлена на осадном положении и порядок везде был восстановлен.

С первого дня работы надо мной взял шефство наш непосредственный руководитель А.А. Иванов — талантливый конструктор-профессионал, который следил почти за каждым движением моего карандаша и, когда надо, корректно подправлял тот или иной узел. Я ему благодарен за переданный опыт и по сегодняшнему дню. Ему понравилось, что я пользуюсь собственным набором крайне удобных и дефицитных карандашей фирмы «Кох и Нор», набором резинок, чешской готовальной, машинкой для заточки карандашей и другими чертежными принадлежностями. Все это тогда было редкостью. Как хороший мастер не будет пользоваться чужим инструментом, так и уважающий свою профессию конструктор.

Опыт прежней работы сказался. Через несколько дней я принес Сергею Михайловичу чертежи общих видов и узлов новых аппаратов и монтажные чертежи цеха, и, на мой взгляд, он был даже удивлен таким коротким сроком.

Просмотрев чертежи, через 2 часа он собрал совещание всех смежников: технологов-пороховиков, работников цеха, работников механического цеха, отдела техники безопасности. На совещании было принято решение: немедленно передать все чертежи на изготовление оборудования в механический цех, всем составом конструкторского бюро приступить к детализовке чертежей. Я

даже немного испугался. Кое-что еще сам не успел проверить. Утром — новое осложнение. Оказалось, что на складе нет требуемого материала — листового свинца, и заявки на него не давали.

Уже через час я на грузовой машине с офицером и несколькими солдатами начал объезжать опустевшие заводы и предприятия Москвы. Во второй половине дня в одном из институтов нам показали комнату, обитую свинцом. Очень быстро мы его ободрали, и вечером в механическом цехе свинцовщики уже вырезали контуры будущих обечаек и крышек. На другой день меня послали доставать горизонтальные вальцы. Это редчайший агрегат массой около 10 тонн, применяется для превращения пороховой массы в пороховое полотно. Нашли его на одном уже эвакуированном заводе, расположенном в районе Подольска, вблизи от реки. Но на том берегу реки уже немцы. Вывезти нельзя — прямой обстрел. Только глубокой ночью взвод саперов пробрался на завод и в темноте сняли их с фундамента, разобрали на части и, как бурлаки на канатах, вытащили из цеха, зацепили за трактор и к рассвету дотащили до дороги. До этого рейда командир саперов, захватив меня с собой, пробрался ползком в здание цеха, и я ему показал, что надо брать. Аналогичным образом были вывезены и вертикальные валки. В таких условиях сверхсрочности шло комплектование оборудованием создаваемого завода.

Через несколько дней после этого мы узнали, что с сентября 1941 г. (и такое положение сохранилось по январь 1942 г.) завод № 562 оставался единственным в стране, выпускающим заряды для «катюш», так как в этот период два других завода аналогичного назначения (№ 59 и 6) были эвакуированы на восток и находились там в стадии становления. И «катюши» частей, обороняющих Москву, молчали: не было пороховых зарядов. Работа на заводе и институте особо сильно усложнилась усилившимися воздушными налетами немецкой авиации на Москву.

Воспоминания бывшего директора НИИ-6 А.П. Закощикова

22 июля 1941 г. был совершен первый крупный налет фашистской авиации на Москву, бомбардировке подверглась и территория НИИ-6. По-видимому, немцы хорошо знали о расположении института и хотели в первый же налет вывести его из строя.

Начиная с 5 часов вечера, когда была объявлена воздушная тревога, и до 5 — 6 часов утра следующего дня продолжался налет. На территорию института упало более 20 бомб, в том числе несколько крупных. Одна из них полностью разрушила 57-й корпус, в котором размещалась единственная в стране и мире фабрика нитрошелка, где до войны работала группа немецких специалистов, которых, по-видимому, интересовал не столько нитрошелк, сколько институт и его деятельность. В этом было нетрудно убедиться, когда в числе трофейных материалов к нам попал ряд немецких документов, являвшихся копиями институтской документации.

Немцы не потрудились даже убрать с них подписи на русском языке оформлявших и утверждавших документацию лиц. В числе таких документов была документация на ракетный выстрел М-8. С немецкой пунктуальностью в течение более месяца, начиная с 5 часов вечера и до 5 часов утра, институт ежедневно был объектом бомбардировок немецкой авиации. Персонал института и завода быстро освоился с условиями воздушных тревог, и работа его в ночное время не прекращалась. Команды МПВО умело справлялись со своими обязанностями, ежедневно они тушили или подбирали большое количество зажигательных бомб, сброшенных на территорию института и завода.

Уже после нескольких дней налетов ни на заводе, ни в институте, ни в жилом поселке в домах не осталось ни одного целого оконного стекла. Это привело к тому, что зимой все системы отопления вышли из строя. Особо следует отметить, что благодаря твердой дисциплине работников завода и института, команд ПВО и населения поселка за время активных налетов ни одной человеческой жертвы не было.

Ежедневные боевые тревоги утомили всех, так как на сон оставалось по 2 — 3 часа в сутки. И это при огромной круглосуточной нагрузке. С усилением обороны Москвы, когда в большом количестве появились крупнокалиберные зенитные установки, полеты немецкой авиации на высоте, удобной для ночного прицельного бомбометания, прекратились. Вражеским самолетам пришлось сбрасывать свой смертоносный груз с большой высоты, чаще всего на дальних подступах к Москве. Это очень резко изменило отношение к воздушным тревогам. На многие из них просто перестали обращать внимание, спокойно продолжая работать. Прорываться к городу авиации немцев удавалось все реже и реже.

Но один раз, казалось бы, неминуемая, беда прошла стороной. В одну из ночей недалеко от КБ, в котором оставались около 15 человек, в том числе и я, упала 500-килограммовая бомба, но, к счастью, не взорвалась. Утром ее обезвредили саперы.

Трудно передать теперь словами чувство, которое возникает, когда загудит сигнал воздушной тревоги — упадет ли бомба на тебя или где-нибудь вдали.

Пусть его больше никому и никогда не придется ощущать!

Теперь трудно поверить в то, что в период битвы за Москву правительство готовилось к худшему и в НИИ-6 и на заводе существовала специальная группа, задача которой была в случае захвата немцами Москвы взорвать все важнейшие объекты института. И подготовка к этому была проведена.

Воспоминания Леонида Алексеевича

Работы по скорейшему созданию производства зарядов для «катюш» контролировались очень жестко.

Вспоминается случай, который чуть не стал для меня роковым. В 3 часа ночи меня срочно вызвали в цех нитрации. Это небольшое здание, обнесенное высоким земляным валом. Вижу, в окнах здания уже сняты все рамы, а мой нитратор по габаритам оказался больше оконных проемов, следовательно, нужно ломать часть стены здания. Скандал. Естественно, виноват Смирнов. Как выйти из создавшегося положения? А рядом уже решался вопрос, когда отправлять меня в штрафной батальон — сейчас или чуть-чуть позже. В это время подошедший технолог цеха Сазонов сказал: «Чего здесь думать и трепать нервы? Я сейчас срежу два свинцовых штуцера змеевика и аппарат пройдет, а днем я их снова приварю». Обстановка разрядилась. И только уходя утром, Голубков погрозил мне пальцем.

Я быстро познакомился с начальником цеха № 1 В.С. Дерновым и многому у него научился. Это был опытнейший пороховик, не успевший эвакуироваться и возглавивший в этот трудный момент цех по выпуску пороховых зарядов для «катюш». Исключительная скромность, эрудиция, профессионализм, умение экспериментировать, находить правильные решения и подсказывать их конструкторам характеризовали его как высококлассного специалиста. Это был первый человек, который учил меня, как делать порох.

Условия работы цеха были тяжелейшие: на вальцах не прекращались вспышки, пресс Крупна работал с большими перегрузками. Впервые мы почувствовали особую ответственность нашей работы, когда нам зачитали в феврале 1942 г. телеграмму И.В. Сталина с обращением к коллективу завода № 98, который в то время только начал осваивать выпуск зарядов для «катюш». В телеграмме говорилось, что невыполнение заводом задания (по выпуску зарядов для «катюш») будет рассматриваться КАК ИЗМЕНА РОДИНЕ. Позже мы узнали, что в то время Сталин лично контролировал выпуск пороховых зарядов для «катюш».

Цех был пущен в срок. На фронте и под Москвой снова заговорили «катюши» на зарядах, изготовленных в цехе, начальником которого был В.С. Дерновой, на сконструированном мною оборудовании.

Не успел завод наладить плановое производство зарядов для «катюш», как поступил новый приказ: увеличить выпуск зарядов в четыре раза. Снова бессонные ночи в КБ и творческие поиски. Мне вместе с С.М. Голубковым и Н.С. Родиным удалось создать малогабаритную аппаратуру. Она заработала, и это задание было выполнено.

И, наконец, долгожданное сообщение. 5 декабря 1942 г. наши войска начали контрнаступление и погнали немцев от Москвы. А началось это наступление с залпов «катюш». Вот зачем потребовалось срочно увеличивать изготовление зарядов. Надо было как можно быстрее создать их запас, чтобы обеспечить ракетными снарядами начавшееся генеральное наступление.

Битва за Москву была выиграна. В стране появился небывалый энтузиазм и вера в победу.

Помимо работ по профилю порохов мне и нашей группе пришлось выполнять массу самых разнообразных заданий по созданию как новых видов зарядов, так и оборудования для их изготовления. Это и гидротранспорт нитроглицерина, новые виды пресс-инструмента, прессы, вальцов, различных автоматов для изготовления артиллерийских и минометных зарядов и многие другие изделия. Наибольшее удовлетворение мне дали работы по созданию автоматов для изготовления минометных зарядов. Интересными были и работы по выполнению заданий оставшейся в Москве группы академиков, базой которых стал НИИ-6. К каждому из академиков были прикреплены конструкторы из КБ. Я работал с Ю.Б. Харитоном и Я.Б. Зельдовичем.

В 1942 г. в НИИ-6 начали возвращаться из эвакуации некоторые сотрудники. В конце 1942 г. вернулся директор НИИ-6 А.П. Закощиков, которого одновременно назначили и директором завода № 562.

Через некоторое время он предложил мне возглавить цех № 6 по производству минометных зарядов, потребность в которых стала быстро расти, так как минометы завоевывали на фронте все большую популярность. Хотя мне и тяжело было расставаться с коллективом КБ, но опыт работы на производстве с людьми у меня был. И я принял цех.

Изготавливались минометные заряды в цехе в основном вручную. А.П. Закощиков сделал мне заманчивое предложение, сказав как конструктору, что он хотел бы, чтобы в цехе трудились не сотни рабочих, а несколько десятков автоматов, и что в этом он окажет мне самую большую поддержку.

Цех размещался в четырех малогабаритных зданиях и выпускал основные и дополнительные заряды к 50-миллиметровому ротному и 82-миллиметровому батальонному минометам. Основные заряды снаряжались зерненым порохом или планшетом, а дополнительные — сыпучим порохом П-45 в нитропленочные футляры — «лодочки». Производство в основном было налажено с применением множества средств малой механизации, и я быстро с ним освоился. В цехе трудились около 900 рабочих, в основном женщины самых разных возрастов. Работали в две смены без выходных. Рабочий день продолжался 12 часов с одночасовым перерывом на обед. Каждый рабочий получал ежедневно талон на дополнительное питание — обед и бутылка молока. Все тяжелые физические работы выполняли женщины вручную. В обеденный перерыв в ночных сменах электрическое освещение отключалось, и большинство работниц сразу же засыпали на своих рабочих местах. Характерно, что всем этим коллективом руководили всего восемь инженерно-технических работников: начальник цеха Л.А. Смирнов, заместитель начальника А.П. Сергеева, технолог И.Ф. Нестеров, начальник ОТК А.Г. Кириллова, три начальника смен — М.И. Чубасова, Т.И. Мусатова и И.И. Прокофьева и механик Д.П. Ладынин.

В цехе сложился хороший коллектив рационализаторов, и за несколько месяцев благодаря освоенным новым приемам и сконструированным мною совместно с коллективом рационализаторов средствам малой механизации производительность цеха была доведена до 1 млн зарядов в месяц.

Но цеху и мне пришлось выдержать неожиданный серьезный экзамен. На вооружение армии была принята взамен существующей новая мина с конструкцией заряда, разработанного И.Г. Лопуком и В.В. Хожевым, значительно улучшающей эффективность минометного огня. Но выяснилось, что трудоемкость изготовления заряда в шесть-семь раз превышает старую. 70 % оборудования, имеющегося в цехе, оказалось непригодным. Следовательно, нужно было на тех же площадях и при той же численности рабочих организовать новое производство, разработать новый технологический процесс и сконструировать оборудование, изготовить и освоить его. На такую перестройку по обычным нормам требовалось шесть — восемь месяцев. Но ведь была война. На завод прибыли представители Государственного комитета обороны и взяли эту работу под контроль. Срок был дан один месяц и без остановки производства, так как готовилось новое крупное наступление наших войск. За срыв такого задания — известно что. Для нового заряда был использован новейший в то время мощный баллиститный порох марки НБ. Для основного заряда из него надо было готовить пластинчатый порох НБПЛ-14-10, а для дополнительного — кольцевой порох.

Цех сразу же был переведен на казарменное положение, и большинство рабочих после 12-часовой смены оставались и выполняли работы по реконструкции. Для форсирования работ по механизации снаряжения минометных зарядов помимо КБ завода было привлечено и специально созданное в НИИ-6 особое техническое бюро, которым руководил И.М. Найман.

Задание было выполнено, цех начал выпускать новую продукцию, но производительность значительно снизилась. Требовалось найти принципиально новое техническое решение. Я перенес в кабинет кульман и сел за разработку чертежей. Мной совместно с И.Ф. Нестеровым и И.Н. Кузнецовым были предложены и с привлечением конструкторов разработаны и впервые в стране внедрены три поточно-механизированные линии с использованием и доработкой отдельных автоматов, ранее созданных в НИИ-6. Линия для изготовления дополнительных зарядов, на ней производились развеска кольцевого пороха, вставка его в кольцевой картуз, зашивка, маркировка, укупорка. Пущена в октябре 1943 г.

Линия для изготовления основных зарядов, на которой проводились все технологические операции, начиная с вставки капсулей, развески и вставки порохового заряда, пыжей, завальцовки краев гильзы, нанесение лакового покрытия и укупорка. Пущена в феврале 1944 г.

Линия для битумирования дополнительных зарядов, их укупорки и комплектации для отправки в воинские части. Пущена в апреле 1944 г.

Внедрение этих линий, использующих транспортные ленты со свободным ритмом, стоило больших трудов. Освоение их в короткие сроки — заслуга всего коллектива. В цеху стал строгий порядок. Рабочим ходить никуда не надо. Все материалы подаются на рабочие места транспортерами. Качество проведения каждой операции проверяется прямо на рабочем месте.

Внедрение этих линий явилось революционным этапом в совершенствовании производства минометных зарядов, позволив поднять производительность труда на 70 — 80 %. Завод снова стал выпускать по 1 млн зарядов в месяц при сокращении численности рабочих в 2,5 раза.

В заключение хочу назвать небольшой коллектив конструкторов, состоявший в основном из выпускников спецфака Московского института химического машиностроения 1939 – 1941 гг., вынесших на своих плечах всю тяжесть сверхсрочных конструкторских разработок, позволивших создать на разработанном ими оборудовании завод, внесший неоценимый вклад как в разгром немцев под Москвой, так и в общую Победу. Это Н.С. Жидких, Н.С. Родин, С.И. Бутыркина, М.М. Збарский, А.Д. Ганин, Г.В. Хрусталева, Т.И. Козлова, Л.Б. Иоффе, Козак и их руководители А.А. Иванов, А.Ф. Митин. Особо хочется отметить выпускника МИХМа, получившего диплом МИХМа № 1, В.А. Зубкова, работавшего начальником отдела в ГСПИ-1, являвшегося постоянным консультантом многих наиболее сложных разработок, проводимых в КБ завода. Следует отметить высокий уровень профессиональной подготовки специалистов на спецфаке МИХМа, а затем кафедре № 50, которая позволяла им творчески решать сложные задачи порохового производства на заводах и в различных НИИ и КБ.

За время войны завод № 562 произвел для фронта: порохов – нитроглицериновых, кордитных, вискозных – более 2000 т; пороховых зарядов к реактивным снарядам («катюшам») М-13 – 189,5 тыс. штук, М-8 – 25,8 тыс. штук; зарядов к 82-миллиметровому батальонному миномету – 45,3 млн штук и зарядов к 50-миллиметровому ротному миномету – 16,9 млн штук.

Быстрое продвижение наших войск на запад изменило обстановку. Лаборатории НИИ-6 стали возвращаться из эвакуации. Надо было быстро устанавливать оборудование и возрождать опытное производство института. Я получил от А.П. Закощикова новое предложение. Он назначил меня главным механиком института и ответственным за восстановление всего опытного производства, а также и за освоение прибывающего из Германии с пороховых заводов трофейного оборудования. Началась новая трудная, но очень интересная работа. За время войны я прошел отличную школу, работая с лучшими учеными-пороховиками страны, которые привили мне любовь к науке и пороху. За этот период я опубликовал ряд работ в журнале «Боеприпасы», первая – «От ультрапули к ультраснаряду», а в 1945 г. вышла моя книга «Снаряжение минометных зарядов», подытоживающая производственный опыт военных лет.

За разработку оборудования для производства ракетных и минометных зарядов и создание их поточно-механизированного производства в 1944 г. я был награжден орденом Красной Звезды и медалью «За оборону Москвы».

Роль «катюш» (ракетные системы залпового огня) во время войны была так велика, что обеспечение ими войсковых частей контролировал лично Верховный Главнокомандующий – Сталин. Контролировал он и производство порохов, без которых не могло действовать ни стрелковое, ни артиллерийское оружие. Было выпущено специальное постановление Правительства за подписью Сталина, где указывалось: «Срыв производства и поставок “катюш” в армию будет рассматриваться как измена Родине».

После того как нам зачитали постановление, в кабинете директора долго была абсолютная тишина. Эмоций никто не проявил. Все знали, что «катюши» это надежда военных, но такой строгости не ожидали. В НИИ-6 сходились все данные с пороховых заводов, но это постановление к кому-либо из пороховиков применено не было. Пороховые заводы работали четко. Для контроля их работы на каждый пороховой завод были назначены специальные уполномоченные Ставки, которые обладали неограниченными правами и подчинялись непосредственно Кремлю.

Мне однажды пришлось быть свидетелем стиля их работы. Зимой 1942 г. для получения и приемки новых станков для сборки минометных зарядов и отбора пригодных для их изготовления порохов я был срочно командирован на Кемеровский пороховой завод. Это был один из немногих оставшихся в действии пороховых заводов, на который выпала тяжелейшая задача – восполнить возникшие потери в выпуске порохов, связанные с тем, что ряд пороховых заводов прекратили работу и были эвакуированы, так как их территория оказалась оккупированной немцами. Это заводы в Петровеньках и Шостке на Украине, в Ленинградской, Тульской и Московской областях. Эту труднейшую задачу он с честью выполнил. Работа его и выпуск порохов контролировались ежедневно.

Пурга. Вся территория завода занесена снегом. Мороз минус 30 °С. 11 часов вечера. В кабинете директора собрались директор и все руководство завода. Тишина. Директорский стол пустой, сам директор З.М. Галицкий сидит у окна. Ровно в 23 часа открывается дверь и входит высокого роста мужчина в белых бурках, папахе, кожаном полушубке на меху, медленно раздевается, снимает полушубок и вешает на стену. Расстегивает ремень на френче, снимает с него кобурку с пистолетом и кладет на стол перед собой (фамилию вспомнить не удалось). Коротко произносит: «Все в сборе. Начнем». Начальник планового отдела докладывает о выполнении цехами дневного задания, главный инженер о трудностях и причинах тех или иных задержек и в чем нужна помощь извне.

Дневное задание не выполнили два цеха. Уполномоченный встает. Он хорошо знает все о всех, помнит фамилии, имена, отчества всех начальников цехов и все их трудности. «Винц, это уже третий раз за месяц твой цех срывает план. А знаешь, мне кажется, что по тебе уже начали скучать в штрафном батальоне на фронте». Винц встает, докладывает о возникшей трудности — замерзли трубы на вымочке пороха, завтра все исправят. Уполномоченный: «Ну вот не завтра, а к утру чтобы всю недостачу ликвидировать. Ты свободен. Иди и работай». Вот в таком стиле проходили эти «планерки», которые проводились ежедневно.

Владимир Исакович Винц — это крупнейший специалист по производству порохов, опытнейший технолог, впоследствии перешедший на работу начальником технологической лаборатории по производству смесевых твердых топлив в НИИ-125. На этом комбинате в конце пятидесятых годов был построен первый завод по производству смесевых твердых топлив, и Винц был моим помощником в бригаде, которой было поручено осуществить пуск завода. Руководство бригадой по пуску было возложено на меня. Год провел на этом заводе Винц, вложив в его освоение свой прежний опыт. Надо прямо сказать, что в быстром освоении этого первого в стране завода огромная заслуга Винца.

Мой вопрос был решен сразу же этим представителем. Порох и станки я получил немедленно и был вместе с ними отправлен на военном самолете обратно в Москву.

На меня такой стиль «планерок» сильно подействовал и я на другой день спросил директора: «Как же в таких условиях можно работать?» И ответ: «Прекрасно. Во-первых, на заводе стала строжайшая дисциплина, а во-вторых, он же так оперативно решает все труднейшие вопросы, как я и даже Наркомат не смогли их решать. Он каждый день связывается с Москвой, с аппаратом Сталина, докладывает о трудностях, о которых узнает на этих «планерках», которые тут же решаются. Мы бесперебойно получаем все: сырье, уголь — зима, а мы не мерзнем, электростанция ни разу не останавливалась. Все рабочие получают талоны на дополнительное питание. Продуктовые карточки отоваривают. А тон “планерок” — идет война, какой же может быть иной. Спасибо, что такие представители есть на каждом пороховом заводе». Это меня удивило, но, подумав, решил, что он прав. За всю войну армия не испытывала недостатка в порохах.

Чтобы повысить ответственность и поднять авторитет руководящих работников пороховых заводов, приказом Сталина в 1942 г. им были присвоены воинские звания. Директорам заводов — звание генерала, их помощникам и начальникам ведущих цехов — полковника, подполковника, майора, капитана. Они начали носить соответствующую форму, которую им выдали. На пороховой институт — НИИ-6 этот приказ не распространялся.

Это, конечно, сыграло свою роль и укрепило дисциплину на пороховых заводах. Следует вспомнить, что еще и в царской России положение пороховых заводов было весьма высоким, в частное владение их не передавали и ими ведало государство. Директора всех пороховых заводов имели чин генерала.

Также стали присваиваться воинские звания конструкторам-ракетчикам и ученым-пороховикам, выезжавшим после окончания войны в Германию для изучения немецких средств вооружения. Так, например, выехали в чине полковника С.П. Королев и Г.К. Клименко, научный руководитель НИИ-6.

Авторитет пороховиков был высоким. Работа на пороховом заводе считалась престижной, хотя и была весьма опасной. Порох есть порох, и какие от него могут быть последствия (особенно во время войны), предполагали многие, а некоторые готовились заранее.

Вспоминается случай. Я как-то днем сидел в кабинете главного инженера завода № 562, с которым у меня сложились очень хорошие отношения. Вдруг воздух потряс звук взрыва. Мгновенно звонок с телефонной станции — взлетело здание «варки». В нем готовилась пороховая масса, идущая для изготовления зарядов для «катюш». Сразу же вспомнился приказ Сталина. Голубков побледнел, с трудом встал, открыл сейф и вынул сумку, в которой лежали теплое белье, шерстяные носки, пачки с махоркой и другие необходимые вещи. Вынул два конверта с письмами и сказал: «Леня, убери и передай, если меня посадят, одно сестре, а другое с деньгами — матери, и молчи».

Мы пошли к зданию «варки», вместо которого была куча кирпичей, но оно уже было оцеплено.

К счастью, все закончилось благополучно. Причина — неосторожное обращение с нитроглицерином. Голубкову был объявлен строгий выговор. На другой день приехали военные-строители и за месяц круглосуточной работы было построено новое здание и смонтировано оборудование. Знаю, что во время войны такие «сумки» были и у некоторых других руководителей-пороховиков. Но такая атмосфера считалась в то время нормальной — ведь шла война и все думали об одном — помочь фронту.

Качество

За качеством продукции, идущей на фронт, особенно порохов и зарядов из них, был установлен строжайший контроль, который осуществлялся представителями военной приемки — военпредами. Они вели контроль не только готовой продукции, но даже на многих промежуточных операциях в процессе ее изготовления: дозировки, приклейки, нанесения бронепокрытия и других.

Нарушителей за выпуск некачественной продукции для фронта наказывали очень строго, ведь это могло привести к крупным потерям.

Вспомнилось трагическое событие, происшедшее летом 1943 года, когда шла подготовка к битве на Курской дуге. Обнаружилось, что у истребителей Як, которые должны были прикрывать наши войска от налетов вражеской авиации, вдруг в полете с крыльев стала отклеиваться и отрываться ткань, которой они были обклеены, что привело к авариям самолетов. Следовательно, в самый разгар боев, когда потребуется прикрытие, истребители не смогут подняться в воздух. Доложили Сталину. Он срочно создал специальную комиссию. В нее вошли Молотов, Ворошилов, Берия. Оказалось, что на одном химическом заводе, выпускающем нитроокраску и клей, применяемые при сборке этих самолетов, изменили технологию их изготовления.

Не хватало одного из компонентов и сроки поставки срывались. Рационализаторы и химики завода срочно нашли ему замену и начали поставку изготовленного на нем клея самолетостроительному заводу. Комиссия установила следующее: с течением времени под действием дождя и снега клей теряет свои адгезионные свойства, что и привело к отклейке ткани с крыльев самолетов. Итог таков. В Москву были срочно вызваны директора, главные инженеры и начальники отделов технического контроля всех родственных химических заводов, работающих на оборону и выпускающих аналогичную продукцию. Их поселили в одной гостинице «Москва». Под вечер всех собрали и на автобусах отвезли на летное поле аэродрома на Ходынке (там теперь здание Аэровокзала). Приехали Молотов, Ворошилов, Берия. Молотов объявил результаты работы комиссии, назвал причину и виновных. Директора завода, главного инженера и начальника отдела технического контроля вызвали из строя, под конвоем отвели в сторону, где уже стоял взвод красноармейцев с винтовками. Прозвучал залп, и расстрелянные упали на землю. Берия скомандовал: «Все свободны, идите и работайте». Всех посадили в автобусы и увезли в гостиницу. Об этом происшествии нигде не сообщалось, только шепотом в коридорах. В числе многих директоров присутствовал и директор НИИ-6 А.П. Закощиков.

После этого на заводе был заменен начальник ОТК, резко увеличилось число контролеров.

Немного позже я узнал от него об этом при следующих чрезвычайных обстоятельствах, где в аналогичном положении могли оказаться я как начальник цеха и он как директор.

Вдруг уже отстреленные и подготовленные к отправке на фронт две партии минометных зарядов, а их около 60 000 штук, были забракованы. При испытании на термостатирование у дополнительных зарядов, а это изготовленные из нитропленки футляры — «лодочки», которые после засыпки в них пороха заклеиваются нитропленочными крышками, крышки стали отклеиваться. Военпреды сказали, что бракуют не только эти партии, но и потребуют, чтобы отгруженные ранее несколько партий зарядов были возвращены и перепроверены. А они-то уже в воинских частях у солдат.

Чрезвычайное происшествие. Закощиков был вне себя. Он-то знал, чем это может кончиться. Три ночи он не выходил с завода. Как говорят, «лица на нем не было», так волновался. Примерно такое же состояние было и у меня, хотя я всего вышесказанного и не знал. Он собрал всех лучших химиков института, которые начали проверять все возможные и невозможные причины. А она одна. Что-то случилось с клеем. А его готовили у нас же, в моем цеху. Стали проверять все исходные компоненты, технологию изготовления клея и другие варианты. Выяснили, что нитроклей может потерять свои свойства, если его изготовить на сильно разведенном спирте. Срочно в расследование включились органы. Взялись за лаборантов. Оказалось, что два слесаря, демобилизованные из армии после тяжелого ранения, ночью вскрыли дверь в лабораторию и из большой бутылки со спиртом отлили себе в бидон половину, а чтобы не было заметно, долили до имеющейся на бутылке отметки воды. Лаборантка, ничего не подозревая, и изготовила на этом спирту очередную партию клея. Счастье, что он так быстро потерял свои свойства. А если бы это случилось на фронте в бою? Только некоторое время спустя Закощиков «отошел» и сказал мне: «Ты знаешь, чем это могло кончиться?» И рассказал о случае с клеем для самолетов-истребителей.

С тех пор уже позже мне не раз приходилось участвовать в работе комиссий по расследованию взрывов на пороховых заводах, и в первую очередь я шел в БРИЗ — бюро рационализации и изобретений и по их книгам проверял, какие рационализаторские предложения за последний год были внедрены в цехе, где произошла авария.

Недостаточно проверенные рационализаторские предложения, внедряемые при серийном производстве боеприпасов, иногда приводили к чрезвычайным ситуациям. Вспоминается история с противотанковыми гранатометами. На заводе при изготовлении воспламенителя к пороховому заряду внесли упрощение. При зашивке перкалевого картуза, имеющего круглую форму, который заполнялся черным порохом, внутри делали три прошивки. На заводе решили, что они ничего не дадут, а только усложняют производство, и перестали их наносить. Все сдаточные баллистические испытания проходили нормально. Заряды поступили в воинские части, расположенные по всей территории СССР. И вдруг при выстрелах из гранатометов появились случаи их разрыва с гибелью стрелка. Что делать? Созданная правительственная комиссия установила, что причиной взрывов являются аномалии, возникающие при воспламенении заряда. Они происходили только на тех зарядах, которые начали производиться после реализации на заводе вышеуказанного «рационализаторского» предложения. Теперь такие заряды надо срочно разыскивать по всей стране и заменять. Переполюх в «верхах» был крайне велик. Руководство завода, военпреды, работники министерства были строго наказаны, а маршал артиллерии Яковлев снят с работы. Вторым случаем уже много позже. Только что сдали на вооружение новую зенитную ракету, созданную главным конструктором Грушиным, у которой впервые в стране заряд был изготовлен из смесового топлива, содержащего в качестве связующего тиокольный каучук. И вдруг на одном из показательных запусков в воинской части зимой при морозе ракета на стартовой позиции взорвалась и несколько солдат из стартовой команды погибли. При повторном запуске взрыв повторился. Положение становилось крайне напряженным, так как уже началось серийное производство зарядов под индексом 262 из этого топлива. Вопрос рассматривался уже на правительственном уровне.

По распоряжению Хрущева из ведущих ученых страны была назначена правительственная комиссия, в состав которой вошел и я, возглавил ее крупнейший ученый страны, главный конструктор нашей первой атомной бомбы трижды Герой Социалистического Труда академик Ю.Б. Харитон.

Мое знакомство с ним произошло еще в 1941 г., когда он и его будущий помощник по атомным делам Я.Б. Зельдович в составе бригады Академии наук, включающей в основном сотрудников Института химической физики, оставленных в Москве и работавших на территории НИИ-6, занимались вопросами горения и кумуляции, а также выполнением заданий опергруппы НИИ-6 от Комитета обороны. Я был прикреплен к ним в качестве конструктора и в течение почти двух лет выполнял их задания: конструировал кумулятивные выемки, приборы для гашения пороховых зарядов и т.д. Вспоминаю, что одно из них, а именно просьбу Я.Б. Зельдовича сконструировать установку, позволяющую гасить — прекращать горение порохового заряда в ракетном двигателе (он тогда занимался теорией горения порохов), мне удалось выполнить только через... 10 лет. Она позволила разгадать причину аномального горения ракетных пороховых зарядов «катюш» при низких температурах. Когда в один из приездов в Москву, а он жил и работал в Арзамасе-16, он ее посмотрел, то поздравил меня и с сожалением сказал: «Жалко, что у нас ее не было в 1941 году».

Интересно вспомнить один из примеров заданий Комитета обороны, выполняемых этой оперативной группой НИИ-6.

Осенью 1941 г. в НИИ-6 приехал представитель Ставки Верховного Главнокомандующего (а им тогда был И.В. Сталин) заместитель Наркома боеприпасов К.С. Гамов и привез с собой образец захваченного у немцев 76-миллиметрового кумулятивного снаряда — это их новинка, которым они стали пробивать броню наших знаменитых танков Т-34, и сказал: «Я от И.В. Сталина. Он только что осмотрел этот снаряд и просит Вас быстро создать такой же к нашим пушкам». И повторил: «Быстро». Мы тогда уже слышали, что означали слова «просил» и «быстро». В НИИ-6 объявили аврал. Собрали срочно бригаду из оставшихся специалистов (все основные были эвакуированы из Москвы) в ее состав вошел и Ю.Б. Харитон с сотрудниками. Руководство взял на себя Полевиков, его помощником стал выпускник МИХМа Н.С. Жидких.

Но что делать? С чего начинать? Множество неизвестных. Например, порученную мне работу сделать чертеж на кумулятивную выемку я быстро сделал, пропустив в ней одну позицию — материал. Надо делать длительные анализы. И так по многим элементам снаряда. К нашим снарядам она не подошла. Стали согласовывать с военными. Под какие пушки делать снаряды? Все в замешательстве. Становилось ясным, что в такие сроки работы не выполнишь. А задание дал сам Сталин.

И вдруг приходит молодой сотрудник НИИ-6, тогда еще просто Миша Васильев, смотрит и говорит: «Что вы думаете и гадаете? Мы — называет номер лаборатории — такие снаряды отработали еще в 1938 г. Сделал все это профессор А.В. Сапожников (крупнейший специалист в области

взрывчатых веществ), а я тогда работал в его лаборатории. Но после того как его арестовали, работу закрыли».

Пошли в 1-й отдел. Никаких следов. Одна из старых сотрудниц отдела вспомнила, что все его рабочие тетради, чертежи, отчеты при обыске у них изъяли. А где они? Никто не знает. Обратились в органы, тот же ответ. Срочно приехал Гамов. Полевиков доложил и, набравшись храбрости, твердо сказал: «Пока не найдутся тетради и документы Сапожникова, задание быстро выполнить не сможем».

Гамов уехал. Доложили Сталину. И что же? На четвертый день привозят туго завязанную шпагатом пачку со всеми тетрадями, чертежами и документами, на верхнем листе надпись: «выдаче не подлежит». Специалисты смотрят все документы и удивляются. Там все расчеты, результаты стрельб, эскизы кумулятивных выемок, выбор для них материала и другие. Мне передали эскизы кумулятивных выемок и я в течение двух суток сделал из них рабочие чертежи. Жаль, что вместе с документами не смогли привести и самого А.В. Сапожникова. Санкцию на его освобождение, как рассказал Гамов, Сталин дал, сказав: «Зачем тетрадки, привезите самого Сапожникова». Но он к тому времени уже скончался в одном из лагерей.

Четыре месяца прошло, и заводы по разработанным чертежам начали изготавливать кумулятивные противотанковые снаряды к пушкам, калибр которых я уже не помню. Много немецких «тигров» стали их жертвами.

Но вернемся к работе комиссии. Она работала непосредственно на Уральском заводе, где и изготавливались пороховые заряды к этим ракетам.

На завод Харитон прибыл в отдельном вагоне, который все эти дни стоял в тупике завода, там он и жил, и питался отдельно от всех членов комиссии, так как и находился под особой охраной. На завод он приезжал всегда в сопровождении двух охранников, которые его целый день и опекали. Дня нас это было крайне необычно. Королев ездил и летал без охраны. Ясно, что такой человек был очень нужен стране и она его оберегала.

Вспоминаю прошлое. Когда меня назначили в 1942 г. начальником цеха № 6 завода № 562, расположенного на территории НИИ-6, оказалось, что члены бригады АН СССР во главе с Ю.Б. Харитоновым, работавшей в НИИ-6, были прикреплены к моему цеху, где получали рабочие карточки и талоны на дополнительное питание, а это 200 граммов хлеба, 50 граммов сливочного масла, бутылка молока и первое, и второе блюда мясные. В то военное время это была не мелочь. Так поддерживали в то время работников Академии наук, работавших на оборону.

Много позже, когда Харитон достиг всех вершин, при встрече со мной, которые были крайне редкими, он вспоминал этот военный период его работы по тематике НИИ-6.

Целую неделю комиссия работала на заводе и установила, что причиной взрыва ракет оказалось никому не известное ранее свойство тиокола при низких температурах менять строение и переходить из аморфного состояния в кристаллическое с резким ухудшением механических свойств и появлением хрупкости. Это и послужило разрушению заряда при ударе по нему газов воспламенителя. Производство зарядов было приостановлено, и в течение полугода разработчики этого каучука создали состав тиокола, не меняющего структуру при низких температурах. На Казанском химическом заводе был организован его выпуск, и производство зарядов возобновилось. При докладе Хрущеву Харитон, по натуре человек мягкий, попросил не делать оргвыводов, и все кончилось относительно спокойно. Гроза прошла. Интересно отметить, что американские ученые столкнулись при отработке топлива с такими свойствами тиокола несколько лет назад. В американском научном журнале была опубликована статья по этому вопросу, перевод которой нашли в столе сотрудника НИИ-130 А.М. Огреля, с указанием заместителя директора Д.И. Гальперина: «Обратить внимание и учесть». Но этого сделано не было. А.М. Огрель понес строгое наказание.

Особо большое внимание как во время войны, так и после обращалось на качество испытаний отработывавшихся особо важных рецептур порохов и ракет. Разрешалась даже выплата денежных вознаграждений испытателям отработываемых образцов. Например, в период испытаний особо важных, но очень опасных при производстве порохов рецептур РСИ-12 и РСТ-4К, которые давали постоянные вспышки при их вальцевании, что угрожало жизни рабочих-вальцовщиков, за то, что они отработали смену без единой вспышки, им выдавали денежную премию.

Для особо важных объектов сумма была достаточно высокой и устанавливалась Правительством.

Так, при отработке после войны объекта особой важности и секретности — управляемого самолета-снаряда «Комета» (теперь они называются крылатыми ракетами), который предназ-

начался для поражения крупных кораблей противника, условия по его испытаниям оказались крайне рискованными. Эта работа поручалась только лучшим летчикам-испытателям, и в их числе были Анохин, который летал бомбить Берлин, Ахмет Хан Султан, единственный татарин, оставленный в Крыму при их выселении, и некоторые другие. Этим летчикам за каждое проведенное испытание платили по тем временам неплохие деньги. Но затем чувство к опасностям полетов притупилось, и руководство министерства подготовило распоряжение о сокращении на порядок величин этого вознаграждения. Но оказалось, что первоначальный документ, определяющий сумму вознаграждения, был подписан Сталиным, поэтому корректировка требовала его же подписи. Перед передачей документа на подпись решили взять визы основных испытателей. Анохин от визы отказался, а Ахмет Хан выразил свое отношение так: «Моя вдова не согласна». Все же документ решили дать на подпись. Сталин его не подписал, но сверху наложил резолюцию: «Согласен с вдовой Ахмет Хана. И. Сталин». Так была оценена рискованная работа летчиков-испытателей и пресечено крохоборство их руководителей. Всего же на «Комете» было сделано 150 испытательных полетов.

[Фрагменты из книги «Это не должно быть забыто. Шестьдесят лет работы с пороховыми ракетами». Воспоминания. — М., МГУИЭ, 2002, 260 с.]

ФРОЛОВА Антонина Филипповна

фельдшер здравпункта МАМИ

Родилась в многодетной семье, жившей в селе. Отец ушел добровольцем на фронт (пропал без вести), старший брат погиб, второй, к счастью вернулся.

Тяжелейший труд на селе — нужно было прокормить страну, армию, семью, с 1941 г. — работа в полеводческих бригадах с весны до октября. А это были дети 13 — 14 лет.

В 1947 г. уехала из села, заведовала здравпунктом на предприятии, а затем до 1991 г. — в МАМИ.

[Интервью с Антониной Филипповной
взятое студентами и опубликовано в газете МАМИ
«Автомеханик», № 5, май 2010 г.]

- Ваши мысли и чувства в тот момент, когда по всей стране объявили о нападении фашистской Германии на СССР?

- Наше село было районным центром, и из него каждый день отправляли на фронт. Мы в силу возраста сначала не все до конца понимали, пока не увидели, как падают в обморок жены, сестры, матери, провожая мужчин в армию. Был летний день, по-моему, выходной, люди безмятежно отдыхали.

- Вы участвовали в боевых действиях?

- Я труженица тыла, работала в селе. 22 июня 1941 года, как и во всей стране, из нашего села стали уходить на фронт мужья, отцы, братья — все взрослое мужское население. Отец

мой тоже ушел на фронт, несмотря на то, что наша семья была многодетная, — семеро детей, и он имел возможность взять бронь. В августе ушел на фронт старший брат. Когда его провожали, все стояли с печальными лицами, рыдали, будто предчувствовали что-то. Так и случилось, он погиб. А когда провожали второго брата на фронт, он сказал нам: «Не плачьте, я иду на фронт, и я вернусь!» И ему повезло, как оказалось, «в рубашке родился». Так наше село опустело. Ничего не смогли убрать с полей, рожь лежала необмолоченная в снопах и скирдах. И так практически во всех семьях. Отец не смог заготовить ни корма для скота, ни дров, ни топлива на зиму. Мама в основном сидела с детьми, постоянно ходила в колхоз на работу, так как должна была обязательно отработать 150 трудодней. У меня было еще две сестры. Старшей — 14, средней — 12, а мне — 10 лет. В то нелегкое время взрослеть приходилось быстро. Мы поняли, что должны работать, чтобы выжить. В 1941 году нас официально зачислили в полеводческую бригаду от школы. С мая по октябрь мы не учились, собирали, сажали, работали на полях. Лошадей не было, пахали на быках. Это крайне упрямые и мудрые животные, а мы, две подруги, работали на них. Нам тогда исполнилось только 13 — 14 лет. В колхозе работали с утра до вечера с небольшими перерывами. Во время перерывов и после работы приходили домой и обрабатывали свой огород. Более того, мы «для фронта и для Победы» должны были отдавать со своих участков по шесть мешков картошки, молоко, и еще выращивать табак для махорки бойцам. За работу нам не платили. С апреля у нас наступал голод. Полугодная корова еле давала молоко, получалось в лучшем случае по 300 мл на человека. Ели один картофель и 100 граммов хлеба по карточке. В октябре, когда немцы приближались к Москве, наше село было границей линии обороны, и в каждой избе жили бойцы. На 18 квадратных метрах мы жили восьмером и еще 19 бойцов. Они рыли окопы между нашим селом и селом Городецким. Помогали нам рыть на огороде траншеи, чтобы в случае бомбежки была возможность укрыться, а мы их кормили. Солдаты спали на полу, на соломе. Спустя полтора месяца, счастливые, они сообщили, что войска фашистской Германии отброшены от Москвы.

- Как удавалось поддерживать боевой дух?

- Как только появлялась свободная минутка во время работы, мы сразу же пели коллективом, в основном патриотические песни. Так как жили в районном центре, практически каждый день, особенно зимой, ходили в кино. Мы совершенно не унывали.

- Где и как Вы встретили Победу?

- В своем селе. Помню как сейчас. Была среда, весна, солнечный яркий день, тепло. Все плакали. Стояли, как в песне, «со слезами на глазах», большая красивая демонстрация проходила недалеко от нашего дома, звонко и радостно играла гармонь.

- Какими для Вас были первые послевоенные годы?

- В 1946 году, когда объявили в розыск брата и отца, нам прислали ответ, что брат умер в плену, а отец пропал без вести. Мама только в 1947 году получила медаль «За доблестный труд» и звание «Мать-героиня». Она ни копейки не получала за работу в колхозе. Только в 1961 году ей дали 12 рублей пенсии. Мы жили в глиняном амбаре. Одна из сестер не выдержала голода и непосильного труда — заболела туберкулезом и умерла. Младший брат с такой же болезнью выжил, после войны его отправили в Рязань и поставили на ноги. В 1947 году я навсегда уехала из своего села.

- Как Вы попали в МАМИ?

- Я работала на крупном предприятии, заведовала здравпунктом, но после многочисленного сокращения пришлось уйти. В МАМИ пришла, будучи на пенсии, с расчетом на то, что поработаю лишь несколько лет. Но после событий 1991 года пенсия уменьшилась, и нужно было продолжать трудовую деятельность. 23 года в МАМИ — трудовой фронт. Семь лет работала здесь одна, без врачей.

- Как современной молодежи объяснить значимость подвига советского народа, ветеранов во время Великой Отечественной войны?

- Современные молодые люди не виноваты в том, что не до конца понимают и оценивают значимость подвига советского народа. Это один из недостатков существующей демократической

системы. На наших глазах меняют литературу и историю, а делать подобные вещи, тем более пока живы свидетели этих событий, в корне неправильно. Нужно больше читать о войне, проникнуться духом русского патриотизма, знать, учить нашу историю, ведь без знаний о достойном прошлом не будет такого же достойного будущего.

- В честь такой знаменательной даты, 65 лет Великой Победы, что бы Вы хотели пожелать ветеранам?

- Главное — здоровья.

ЧУГУНОВА
Татьяна Федоровна

работник охраны МИХМа, на спецпроизводстве в механических мастерских

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Изделие в бумажной обертке

[Воспоминание Т.Ф. Чугуновой
опубликовано в ж. «Вестник МГУИЭ», 2005 г., № 11]

Я родилась 26 ноября 1926 года в селе Знаменском Смоленской области. Мои родители — крестьяне, со мною вместе у них было шестеро детей. По рассказам родителей, семья попала под «раскулачивание», хотя никаким наемным трудом батраков не пользовалась — жили исключительно личным трудом, имели «справное» хозяйство и дом — полную чашу, так как детей было много. Правда, коров было две и лошадей тоже, но это было необходимо, чтобы прокормиться такой многодетной семье. Но, видно, кто-то позавидовал, коров и лошадей забрали. В семье я была самой младшей. Когда стало ясно, что в селе не прожить, разъехались кто куда: две сестры и брат уехали в Ленинград, а мама в подмосковное Крекшино, и я с нею. Здесь я окончила школу-семилетку.

Когда началась Великая Отечественная война, мне было неполных 15 лет. Оставаясь в Подмосковье, мы переехали поближе к Москве — в Перловку. Я поступила на работу в одну организацию курьером. Приходилось каждый день ездить из дома на работу и обратно на пригородном поезде. Хорошо помню трудную осень 1941-го, особенно тревожный день 16 октября: шла массовая эвакуация учреждений, сильный ветер подхватывал и разносил по московским улицам желтые листья и белые листы каких-то документов. В это время я перешла на работу на знаменитую кондитерскую фабрику «Большевик», в механический цех, ставший военным производством. Мы работали по 12 часов в сутки. А занимались мы сборкой устройств в виде стальных трубок, в торец которых вставлялось какое-то приспособление. Эти трубки мы закатывали вручную во много слоев тонкой, блестящей и очень прочной бумаги. Мы слышали, что наша продукция, которую мы делали строго по размерам, отправляется в артиллерийские войска.

В 1943 году я поступила учиться в техникум. В летние каникулы нас посылали трудиться под Шатуру, на торфоразработки. Выдавали лопату и телогрейку — вот и весь инструментарий. Работали с раннего утра и до позднего вечера, а жили в деревне, в 5 км от места работы, туда и обратно добирались по болотам пешком. После 1945 года, по окончании вечернего техникума работала в разных закрытых организациях. Мой брат погиб под Ленинградом, а его жена умерла в самом городе во время блокады. Мои две сестры блокаду пережили, но их здоровье было подорвано. Наверное, нет семьи, которую не затронула бы та война с фашизмом.

ШЕПЕЛЯКОВСКИЙ

Константин Захарович

д-р. техн. наук, профессор МВМИ

Родился в 1913 году. Окончив школу в Армавире, работал в сельском Совете одной из станций Краснодарского края. Закончил рабфак, затем Ленинградский Электротехнический институт. Здесь он выбрал то направление, которому посвятил свою жизнь — высокочастотная электротермия. С самого возникновения советская электротермия встала на уровень мировых достижений, и К.З. Шепеляковский стал одним из пионеров этого направления. Направленный на Московский автозавод после окончания в 1939 году института, он вскоре возглавил первое в стране бюро высокочастотной закалки ряда автомобильных деталей.

В годы войны вместе с большой группой работников Московского автозавода осваивал производство грузовиков на Урале, где в течение короткого времени в г. Миассе Челябинской области был создан автозавод, выпускавший трехтонки. В труднейших условиях военного времени ему и его сотрудникам удалось освоить и внедрить высокочастотную закалку свыше двадцати автомобильных деталей.

В 1967 г. он возвращается на ЗИЛ, где впервые были освоены разработанные им технологии, в том числе метод закалки при индукционном нагреве и другие.

Работал главным конструктором по электротермическому оборудованию, заместителем главного металлурга завода. С 1966 года в течение десятилетий возглавлял кафедру металловедения и термической обработки металла МВМИ, затем — профессор кафедры.

Им подготовлен большой отряд молодых инженеров и ученых. Среди его учеников 12 кандидатов технических наук. К.З. Шепеляковским опубликовано свыше 150 научных работ, в том числе 6 монографий. Он автор более 90 изобретений, на которые получил свыше 30 патентов в промышленно развитых странах.

Удостоен звания «Заслуженный изобретатель РСФСР», награжден орденом Трудового Красного Знамени, двумя орденами, «Знак Почета», медалями.

[статья написана Морозовой С.В. по материалам газеты «Мартеновка», 21 ноября 1983 г., № 134]

БОЛЬШАКОВ

Михаил Варлаамович

доцент МПИ

Родился в 1923 г. в селе Дмитровском Московской области. Окончил 10 классов с отличием в 1940 г. Тогда же поступил в Московский институт инженеров коммунального строительства и окончил 1-й курс, когда в июле 1941 г. был призван в армию.

В 1941 г. окончил полковую школу радистов на Урале и всю войну, с 1941 до 1945 г., прослужил в 18-м Гвардейском минометном Минско-Померанском Краснознаменном орденов Кутузова и Александра Невского полку. Со своим дивизионом знаменитых «катюш» воевал на Крымском, на Северо-Кавказском, на Сталинградском и Донском фронтах, на Волховском, Ленинградском фронтах, на 2-м Белорусском. Участвовал в освобождении Польши и закончил войну в Ростоке (Германия). Начал войну рядовым, закончил младшим сержантом. Был комсоргом дивизиона.

Награжден орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда» и другими.

В декабре 1945 г. был демобилизован как студент 2-го курса вуза для продолжения образования. Работал внештатным графиком «Госстройиздата» и состоял вольнослушателем в Московском Центральном художественно-промышленном училище.

В 1946 г. поступил на художественно-оформительское отделение РИФа, которое окончил в 1951 г.

Основное направление творческой работы — художник шрифта.

Преподавал дисциплину «Шрифт» (включая ручной набор в лаборатории МПИ) на кафедре ХТОППа. Доцент.

Выступал как оформитель книг художественной литературы. Был членом художественного совета «Медгиза». Работал внештатным художником в «Медгизе», «Детгизе» и других издательствах.

Автор изданий (учебных пособий для студентов):

«Книжный шрифт» М.В. Большаков, Г.В. Гречихо, А.Г. Шицгал. — М.: Книга, 1964.

«Орнамент и декор в книге» М.В. Большаков. — М.: Книга, 1991.

От Волги до Одера

[Воспоминания М.В. Большакова опубликованы
в газете «Советский полиграфист», № 10 – 11, 1984 г.]

За день до начала Великой Отечественной войны, 21 июня 1941 года, Совет Народных Комиссаров СССР принял постановление о серийном производстве реактивных снарядов и пусковых установок, впоследствии прозванных «катюшами». Вскоре было принято решение о создании гвардейских минометных частей Ставки Верховного Главнокомандования. В один из формируемых полков – 18-й гвардейский минометный полк – я был зачислен после окончания полковой школы радистов на Урале. С этим полком я прошел нелегкий и славный боевой путь от боевого крещения 27 февраля 1942 года в Крыму до Дня Победы, который мы встретили в Германии, в городе Росток, что на берегу Балтийского моря.

Родина вручила нам поистине грозное оружие, мы им гордились, старались умело использовать его неслыханную огневую мощь: за 12 – 15 секунд 24 боевые машины полка производили залп из 384 снарядов общим весом в 16 320 килограммов.

Наше оружие было секретным, и мы пуще своих жизней берегли от врага этот секрет. Нам, например, не разрешалось вести дневников, других записей, ни тем более фотографировать. На каждой боевой машине постоянно находился увесистый ящик с взрывчаткой на случай критической ситуации. Такая предосторожность была оправданной. При отходе из Крыма через Керченский пролив в мае 1942 года нам пришлось этим воспользоваться и уничтожить две боевые установки. Во время наступления в Польше наш дивизион попал в засаду; враг из пушек расстрелял голову нашей колонны, подбив две боевые машины с расчетами, но и тогда они не достались врагу: гвардейцы не дали себя окружить и заставили вражеский батальон отойти.

Будучи в непосредственном подчинении Ставки Верховного Главнокомандования, полк находился в постоянном движении, появлялся на огневых рубежах в самом нужном месте и в самые критические моменты боя. В этом смысле красноречив перечень фронтов, на которых сражался полк: Крымский, Северо-Кавказский, Юго-Восточный, Сталинградский, Донской, Волховский, Ленинградский, 3-й и 2-й Прибалтийские, 2-й Белорусский. Сколько раз, спасая положение, наши «катюши» внезапно обрушивали на головы врага шквал огня или выходили на открытые позиции и прямой наводкой расстреливали наступающие фашистские танки, атакующие вражеские батальоны. Из полных драматизма боев за Сталинград, в которых полк участвовал от первых отчаянных дней до последних, победных, особенно памятен день 1 октября 1942 года, когда полк отразил внезапную атаку противника, поддержанную 80 танками. Об этом в свое время писала газета «Красная Звезда». Тогда в условиях открытой степной местности наши батареи подкатывались к противнику на предельно близкое расстояние и били, били прямой наводкой. Дивизионы в этом бою понесли ощутимые потери личного состава, но путь фашистам к Волге южнее Сталинграда был прегражден.

Я, наверное, много говорю о полке вообще и ничего о себе лично. Я ведь был молодым бойцом, без оглядки выполнявшим приказы и волю командиров во имя освобождения погранной Родины. Наши ракетные установки – оружие коллективного боя. Умение и боевой настрой бойцов и командиров были у нас необычайно высоки, самоотверженность при выполнении боевых приказов была нашей повседневностью: ведь более половины личного состава полка составляли коммунисты и комсомольцы.

И я – радист, и все мои товарищи-связисты старались всеми силами способствовать общему успеху. Сейчас смешно вспомнить, но в первые год-два мы, радисты, не были в чести, на телефонистов командиры полагались больше. Бывало, выдвинешь антенну радиции на наблюдательном пункте, в первой линии окопов, как солдаты-пехотинцы начинают браниться, что, дескать, демаскируем их, навлекаем на них огонь противника, и вообще старались так или иначе спроводить нас подальше от себя. Не то было во второй период войны, в период наступательных боев, во время стремительных продвижений на запад. Здесь мы, радисты, были всегда при командире, с разведчиками в пехоте, на огневых позициях батарей и обеспечивали надежную связь. Мы любили такую беспокойную работу, хотя таскать на спине помимо оружия радиостанцию и электропитание к ней было нелегко, и при быстрой ходьбе капли пота собирались на спине в ручейки. Зато какое удовлетворение испытываешь, когда по переданным тобой разведанным «катюши» пели врагу зауспокойную песню.

Фронтная жизнь многотрудная. Помимо своих прямых обязанностей мы, бойцы взвода управления, перетаскивали несчетное число 90-килограммовых ящиков с ракетами при их погрузке и выгрузке. А сколько земли перекидали, зарывая боевые и транспортные машины на огневых пози-

циях, делая землянки и окопы для себя, — мы ведь постоянно перебрасывались из одной армии в другую.

После войны, в день 35-летия нашей Победы, ветераны полка собрались вместе, чтобы по-видать друг друга, вспомнить свою боевую юность и погибших однополчан, преклонить колени перед своим боевым гвардейским знаменем, доставленным по этому случаю из музея Советской Армии. В московской школе № 135, где мы собирались, теперь открыт музей Боевой славы полка, имя которого присвоено пионерской дружине этой школы. Ветераны полка и по сей день регулярно ведут военно-патриотическую работу с учащимися указанной подшефной школы, поддерживают дружеские связи со школами поселка Светлый Яр под Волгоградом и школами поселка Мга Ленинградской области, имя которого носит наш полк. В праздник Победы ветераны полка не раз встречались с трудящимися и школьниками этих поселков, где 40 лет назад шли особенно ожесточенные бои. Нас принимали как родных. Было до слез радостно сознавать, что новые поколения советских людей помнят наш подвиг и чтят память однополчан, погибших при освобождении родных мест.

БОРОДУЛИН (БЛЮМШТЕЙН)

Лев Абрамович

гвардии старший сержант, выпускник МПИ

Родился 25 января 1925 г. в Москве в семье служащего. В 1940 г. окончил московскую школу и поступил на художественное отделение РИФа МПИ. Учебу прервала война.

На I курсе мобилизован в июне — сентябре 1945 г. на строительство оборонительных сооружений, а с декабря 1941 по март 1942 г. — МПВО г. Иваново.

В 1942 г. призван в армию, где служил до декабря 1945 г. Окончил 1-е Московское пулеметное училище. С ноября 1942 г. до конца войны участвовал в боях в Белоруссии, на Украине, в Румынии, Польше и Германии в составе подразделений Западного, 1-го и 2-го Украинских фронтов, 1-го Белорусского фронта командиром минометного расчета, радиоотделения артдивизиона, связистом танковой бригады. Трижды ранен. Во время службы в армии работал и в армейской печати.

Награжден медалями «За боевые заслуги», «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

После демобилизации в 1945 г. восстановлен на 2-м курсе МПИ, который окончил в 1950 г. Будучи студентом, как фотограф работал в газете «Сталинский печатник». Стал известным спортивным фотокорреспондентом журнала «Огонек».

Из интервью Л.А.Бородулина

[Корреспонденту газеты «Окна» Шели Шрайману
(приложение к газете «Вести», Израиль, 20 марта 2003 г.)]

Как Вы встретили День Победы?

— К тому времени я был уже связистом в танковой бригаде, которая вела бои в Берлине. Я проснулся на чердаке дома, куда устроился на ночлег, от жуткой канонады и подумал, что, очевидно, нас накрыла одна из отступающих немецких группировок. Было ужасно обидно погибнуть в самом конце войны... Заняв удобную позицию с автоматом наизготове, я решил продать свою жизнь подороже. И тут я разглядел через щель, что это наши солдаты палят из всех стволов в воздух.

До какого звания Вы дослужились?

- Я остался в том же звании младшего сержанта. Военная карьера меня не интересовала, я свою задачу выполнил — Берлин взял и хотел поскорее расстаться с военной формой.

... Он мечтал поскорее снять военную форму, однако другой одежды у него тогда не было. И на занятия в институте демобилизованный Л.А. Бородулин еще долгое время ходил в гимнастерке. Кстати, фотоаппарат он взял в руки из нужды — стипендия была мизерная. Лев ходил после занятий на вокзалы и делал групповые снимки возвращающихся с фронта солдат. За свою работу он получал немного сахара и буханку, а то и две хлеба, которые затем обменивал на что-нибудь и приносил их домой родителям, жившим в ту пору крайне бедно.

[См. в нашей книге «Мы из МПИ», с. 186 — 189]

БРАТЧИКОВ

И. Ф.

проректор по административно-хозяйственной части (АХЧ), МПИ

Как офицер Советской Армии принимал участие в боевых действиях на многих фронтах, в том числе и на 1-м Белорусском — в штурме Берлина.

Задание Военного Совета было выполнено

[Воспоминания И. Братчикова опубликованы в газете «Советский полиграфист», № 11, 1965 г.]

Штурм Рейхстага начался в 18 часов 30 апреля 1945 г. Атака настолько была массовой и стремительной, что враг не смог сдержать этого натиска и уже через несколько минут части 150-й стрелковой дивизии были у Рейхстага. Мгновенно, как маки, заалели на здании Рейхстага различные по форме и величине красные флаги.

Утром 1 мая сержант Егоров и рядовой Кантария из 756-го стрелкового полка водрузили на куполе здания Рейхстага знамя Победы.

Утром 2 мая гарнизон Рейхстага капитулировал.

Мне как офицеру Советской Армии выпала большая честь принимать активное участие в боевых действиях на многих фронтах, в том числе и на 1-м Белорусском — в штурме Берлина.

В последние дни войны Военным Советом армии мне было дано задание на самолете У-2 пробыться в тыл наших войск и найти на марше нашу танковую бригаду, поставить ей боевую задачу по уничтожению большой группировки противника, которая прорвалась из Берлина.

Несмотря на сильный обстрел, задание Военного Совета было выполнено. Танковую бригаду я быстро обнаружил, благополучно приземлился в ее расположении. Вместе с бригадой принимал участие в выполнении боевой задачи.

Подразделения танковой бригады своевременно разгромили остатки войск противника, провавшегося в тыл наших войск, много гитлеровских офицеров и солдат было взято в плен.

Военный Совет армии наградил за эту операцию многих бойцов и командиров орденами и медалями. В числе награжденных был и я.

БУЛОЧНИКОВ
Михаил Васильевич

канд. техн. наук, доцент МИХМ

После окончания курсов при Институте иностранных языков младший лейтенант М.В. Булочников был направлен на Калининский фронт, во 2-ю гвардейскую Таманскую дивизию, в политотдел по работе среди войск и населения противника. С этой дивизией он прошел Западную Белоруссию, Прибалтику, Восточную Пруссию, завершив войну в звании гвардии капитана.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалями. Имел четыре благодарности в приказах Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина.

С 1963 г.а работал в МИХМе, на кафедре «Общая химическая технология», в 1977 – 1978 гг. заведовал кафедрой.

Гвардии капитан

[Воспоминания М.В. Булочникова опубликованы в газете «За кадры химического машиностроения» от 28 апреля 1975, № 11]

В 1942 году по решению МК ВКП(б) я был рекомендован на курсы при Институте иностранных языков, после окончания которых меня направили в 4-ю ударную армию на Калининский фронт. В составе 154-й, а затем 2-й гвардейской Таманской дивизии в должности старшего инструктора политотдела по работе среди войск и населения противника младший лейтенант, а затем гвардии капитан, я участвовал в боях по освобождению города Невеля, районов Западной Белоруссии, Прибалтики, в боях за Восточную Пруссию. Войну я закончил под Кенигсбергом.

Успех военных действий нашей армии зависел не только от надежной военной техники и умелого использования ее, но в значительной степени определялся моральным духом и боеспособностью советских частей и подразделений войск. В процессе наступательных операций боеспособность наших частей, несмотря на потери, повышалась.

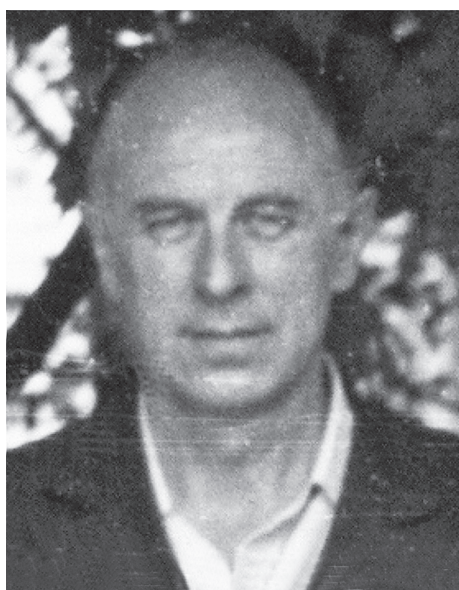
23 июня 1944 года в районе Сиротино, юго-западнее Невеля, где оборонялась 154-я стрелковая дивизия, после мощной артподготовки была прорвана оборона противника, и началось летнее наступление наших войск, результатом которого явилось освобождение районов Западной Белоруссии и Прибалтики. Наступление было настолько стремительным, что пехота проходила с боями за день 30 – 40 километров. Однако на подступах к Даугавпилсу мы встретили жесткое сопротивление противника. Бои длились непрерывно несколько дней с участием всех подразделений дивизии вплоть до разведроты и химроты. В этих боях разведчики захватили и привели двоих пленных немецких солдат. Они сообщили, что многие немецкие солдаты готовы сдаться в плен. Той же ночью оба пленных были отправлены обратно в расположение немецких частей с листовками на немецком языке и с пропусками, гарантирующими хорошее обращение в плену и сохранение всех личных вещей. А через два дня пленные вернулись и привели с собой 20 немецких солдат. В дальнейшем такие операции повторялись неоднократно и заканчивались успешно.

По окончании боевых действий в Прибалтике дивизия была переброшена в Восточную Пруссию — в район Мазурских озер. Более трех месяцев мы вели наступательные бои, преодолевая мощные оборонительные сооружения противника. Боевое настроение немецких солдат заметно изменилось. Призванная в армию молодежь фольксштурма — 17-летние солдаты — не спасла немецкие части от полного разгрома в Восточной Пруссии.

В последние дни боев под Пиллау, юго-западнее Кенигсберга, наступая с подразделениями 15-го гвардейского полка 2-й гвардейской Таманской стрелковой дивизии, в которую меня перевели в марте, я обнаружил на опушке леса землянку. В ней находились 32 немецких солдата и ефрейтора, попытавшиеся оказать сопротивление. Пользуясь знанием немецкого языка, я предложил им сдаться. Предложение было принято быстро. Немецкий шофер на своем грузовике доставил пленных в штаб 2-й гвардейской Таманской дивизии.

БУШУЕВ Петр Афанасьевич

канд. истор. наук, старший преподаватель МПИ

Родился 16 июня 1925 г. в селе Вышегород Верейского района Московской области в семье рабочих. После окончания в 1941 г. восьми классов учился и работал автоэлектриком на Первой автобазе УАГТ Московского полка.

В декабре 1942 г. был мобилизован в армию. Участвовал в боевых операциях в составе 1-й Гвардейской, 60, 38 и 18 армий 1-го и 4-го Украинских фронтов. Участвовал в освобождении Польши и Чехословакии. Был ранен. Демобилизован в 1945 г. Награжден медалями.

Учился в Московском техникуме Советской торговли, с 1947 по 1951 г. — в Московском юридическом институте. Работал юристом. В 1970 г. окончил заочную аспирантуру Московского историко-архивного института. В 1972 г. защитил диссертацию. С 1975 по 1991 г. — старший преподаватель кафедры истории КПСС МПИ. Научные интересы связаны с историей Великой Отечественной войны — «Книга о Великой Отечественной войне в политическом и интернациональном воспитании», участвовал в комплексной теме института «Книга и социальный прогресс».

На протяжении многих лет был пропагандистом, лектором общества «Знание», руководителем лекторской группы райкома комсомола, народным заседателем нарсудов Московского и Бауманского районов Москвы. Избирался заместителем секретаря партбюро и председателя профкома МПИ. Награждался РК КПСС, Минвузом РСФСР.

Суровая, но необходимая школа

[Статья П.А. Бушуева опубликована в газете «Советский полиграфист», № 17 — 18, 1987 г.]

...Служба в армии — священный долг каждого мужчины. От поколения к поколению переходит эта почетная обязанность, и каждый выполняет ее достойно.

Помню, какой гордостью светились глаза у моих ровесников, да и у меня тоже, когда мы впервые надели военную форму. Было это в конце далекого 1942 года. Как старались выполнять воинские уставы, обращаться с оружием. Учеба длилась недолго. Затем фронт, окопы, первый бой с немецкими захватчиками, первое ранение.

Не скажу, что у каждого из нас было одинаковое отношение к воинской службе, многие готовили себя к мирной «гражданской» жизни. Но когда весь советский народ поднялся на борьбу с нена-

вистным врагом, разве мы, тогда молодые, могли оставаться в стороне? Дрались умело, порой – насмерть, героически. Говорю так уверенно, ибо для меня это уже не только история, но и, как говорится, факт собственной биографии. То же самое могут сказать и все фронтовики...

ВОРОНЦОВ

Алексей Григорьевич

канд. истор. наук, доцент МИХМ

Родился в 1925 г. в Тамбовской области, отец его брал Зимний, участвовал в Гражданской войне и в 1930 г. стал сельским жителем.

В 1941 г. в 16 лет с отличием окончил школу, стремился на фронт, но местное начальство направило его учительствовать взамен ушедших на фронт школьных учителей. Одновременно поступил на заочное отделение Мичуринского сельскохозяйственного института. В 1943 г., достигнув призывного возраста, поступил в Орджоникидзевское военно-пехотное училище, а вскоре стал бойцом воздушно-десантных войск. Участвовал в боях за пределами нашей страны, а также в течение 10 дней после капитуляции Германии, добывая остатки дивизии СС, гестаповцев и прочих квислинговских режимов.

Награжден двумя орденами Славы III степени и Красной Звезды, двумя медалями «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг».

Демобилизовался в декабре 1945 г., а в сентябре 1946 г. стал студентом исторического факультета МГУ. С отличием окончил его, рекомендован в аспирантуру. Защитил кандидатскую диссертацию.

Работал в Министерстве высшего и среднего образования СССР. С 1960 г. – в МИХМе на кафедре «Научного коммунизма».

Слово о моем друге

[Статья Л.Ю. Шахбазьяна – ветерана войны опубликована в газете «За кадры химического машиностроения» 30 мая 1975 г., № 18 – печатается в сокращении]

Пришел третий год великой битвы ради жизни на Земле. Теперь Алексей Воронцов – комсомолец призывного возраста, и нет больше доводов, которые могли бы удержать его от стремления занять свое место в строю борцов за честь и свободу Отчизны. Его направляют в Орджоникидзевское военно-пехотное училище.

Победа была уже не за горами. Но для ее достижения требовались титанические усилия и многие тысячи хорошо подготовленных бойцов. Воронцову не пришлось окончить курс училища – вчерашний курсант стал бойцом воздушно-десантных войск.

Воздушным десантником мог быть не всякий. Война предъявляла особые требования к физической, боевой и нравственной подготовке этой категории советских бойцов, и Алексей оказался на высоте этих требований.

Быть на фронте пришлось недолго. Он вступил в бой уже на завершающем этапе войны. Но за короткий отрезок времени сделал столько, как если бы прошел не один год войны.

Гитлеровская Германия капитулировала 9 мая. Но реальность войны не везде совпадала с документами о ее окончании. Отчаяние беспомощности, помноженное на злобу и ненависть к той армии, которая повергла в прах «завоевателей Европы», уже не могло изменить хода войны и пре-

дотвернуть окончательный разгром уже капитулировавшего противника. Но оно могло еще бессмысленно лишить жизни тысячи сынов советской Отчизны. В Австрии, Венгрии и Чехословакии враг сражался более 10 дней после общей капитуляции. В междугорьях Центральной Европы скопилась вся нечисть войны: дивизии СС и гестаповцы, остатки салашистов и прочих квислинговских режимов вкупе с власовским отребьем. Располагая немалой техникой, они оказались способными удерживать хорошо укрепленный район, созданный в гористой местности на базе системы городов крепостного типа.

Против этой последней цитадели гитлеровского милитаризма были направлены силы резерва Верховного главнокомандования четырех фронтов, действовавших в этой части Европы. Основная тяжесть кровопролитных боев пала на подразделения воздушно-десантных войск. И в этих боях, не прекращавшихся ни днем, ни ночью, Алексей Воронцов проявил недюжинную физическую выносливость, смелость и боевую сметку. Он умел выстоять против танковых атак, массированных налетов авиации, вражеских огнеметов, стремившихся выжечь наступающие цепи наших войск, против последней надежды гитлеровцев в боях на улицах Герценбурга — фаустпатронов. И он бесстрашно шел в атаку на укрепленные позиции врага и был беспощаден в рукопашной схватке. А когда враг был повергнут и уничтожен, Алексей Григорьевич стал кавалером сразу двух орденов Славы 3-й степени и Красной Звезды и двух медалей «За взятие Вены» и «За взятие Будапешта». Немногие могут гордиться получением столько наград за участие в одной операции.

ГАЦУК

Николай Иванович (1923 – 2002)

гвардии младший лейтенант

участник Парада Победы 24 июня 1945 г., выпускник МПИ

Родился 14 августа 1923 г. в селе Синятивка Гродненской области (Западная Белоруссия) в семье учителей. Среднюю школу окончил на станции Филонове Сталинградской ж/д в 1940 г. В этом же году поступил в Московский полиграфический институт на механико-машиностроительный факультет, но заболел и прервал учебу.

В 1941 г. 17-летний студент Н.И. Гацук стал работать слесарем на Дорогомиловском химическом заводе.

Призванный в армию 6 октября 1941 г., пулеметчик Гацук воевал на Воронежском, Сталинградском, Юго-Западном фронтах. После окончания курсов младших лейтенантов назначен командиром взвода в отдельный гвардейский мотоциклетный полк 3-го Украинского фронта. В его составе участвовал в боях по освобождению Болгарии, Румынии, Венгрии. Трижды ранен.

Прошел всю войну от начала до победного конца. В начале мая 1945 г. приказом командующего 3-м Украинским фронтом Маршалом Советского Союза Ф. И. Толбухина младший лейтенант Гацук Николай Иванович, как

один из наиболее отличившихся в боях офицеров, был включен в состав Сводного полка 3-го Украинского фронта для участия в Параде Победы.

За боевые заслуги награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны I степени, медалями «За отвагу», «За оборону Сталинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг».

В 1947 г. демобилизован и поступил в МПИ. Был членом партбюро факультета, старостой группы, сталинским стипендиатом.

После окончания в 1952 г. Московского полиграфического института Гацук Н. И. работал во Всесоюзном научно-исследовательском институте старшим научным сотрудником, зав. сектором в отделе брошюровочно-переплетных машин.

За заслуги в области полиграфии Николай Иванович был награжден орденом «Знак Почета» в 1967 г.

С 1992 г. на пенсии.

Воспоминания Н.И. Гацука

[из архива Музея печати]

Несколько слов о подготовке Парада Победы и его проведении. Приказом Верховного Главнокомандующего И.В.Сталина № 369 по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту от 9 мая 1945 года объявлялось всему советскому народу, что Великая Отечественная война, которую вел Советский Союз в течение 4 лет, победоносно завершена и 9 мая объявлялось ДНЕМ ПОБЕДЫ.

24 мая 1945 г. командующим войсками фронтов была направлена директива начальника Генерального штаба, в которой предлагалось для участия в Параде в Москве в честь победы над Германией выделить от фронта сводный полк и 36 знаменщиков. В полку иметь 1059 человек и 10 запасных участников Парада. «В сводном полку, — говорилось в директиве, — иметь шесть рот пехоты, одну роту артиллеристов, одну роту танкистов, одну роту летчиков и роту сводную — кавалеристы, саперы, связисты... Личный состав для участия в Параде отобрать из числа бойцов и офицеров, наиболее отличившихся в боях и имеющих боевые ордена... Сводному полку прибыть в Москву 10 июня с.г., имея при себе 36 боевых знамен наиболее отличившихся в боях соединений и частей фронта и все захваченные в боях войсками боевые знамена соединений и частей противника, независимо от их количества... Парадное обмундирование для всего состава полка будет выдано в Москве.» Приказом И.В. Сталина № 370 от 22 июня 1945 г. Парад Победы был назначен на 24 июня 1945 г. Принимать Парад Победы И.В. Сталин приказал своему заместителю Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову, а командовать Парадом Победы — Маршалу Советского Союза Рокоссовскому К.К.

Парад Победы начался в 10 ч. утра на Красной площади. После речи Г.К. Жукова с трибуны Мавзолея В.И. Ленина и исполнения Гимна Советского Союза начался торжественный марш. Впереди реяло Знамя Победы, водруженное над Рейхстагом. За ним шли сводные полки фронтов в порядке их положения на конец войны — с севера на юг. Вслед за полками фронтов и Военно-Морского Флота на Красную площадь вступила сводная колонна советских воинов, которые несли опущенные до земли 200 знамен немецко-фашистских войск, разгромленных на полях сражений. Эти знамена под барабанную дробь были брошены к подножью Мавзолея В.И. Ленина. Затем торжественным маршем прошли сводный полк Наркомата обороны, слушатели военных академий, курсанты военных училищ и воспитанники суворовских училищ. После этого на площадь вступила сводная кавалерийская бригада, а за ней военная техника различных видов войск.

Майскими короткими ночами,
Отгремев закончились бои...

И пришли фронтовики учиться в МПИ, среди них был Н.И. Гацук.

ЗАЙЧИКОВ

Геннадий Иванович

д-р истор. наук, профессор МПИ

Родился в декабре 1925 г. в г. Угличе Ярославской области.

В 1942 г. из 10-го класса был призван в Красную Армию и направлен в Калининское военное училище, в 1944 г. в звании мл. лейтенанта участвовал в боях на Волховском, 2-м Прибалтийском, 1-м Белорусском фронтах, освобождал Варшаву, брал Берлин. Служил сначала в пехотных, затем в танковых войсках.

С мая 1945 по июль 1946 г. был комендантом в Нордгермерслебен в Саксонии.

Награжден двумя орденами Красной Звезды, «Отечественной войны II степени и девятнадцатью медалями.

В 1947 г. поступил в Московский государственный университет на юридический факультет. После окончания учебы в МГУ направлен по распределению в г. Углич Ярославской области помощником прокурора Угличского района. С 1957 г. работал в Московском полиграфическом институте зав. отделом кадров, зам. декана, деканом редакторского факультета, доцентом, профессором, более 15 лет был заведующим кафедрой истории КПСС. Защитил в МГУПе кандидатскую и докторскую диссертации по проблемам работы Государственной Думы (1906 – 1917), награжден орденом Трудового Красного Знамени, почетными грамотами, знаками Минвуза СССР, Комитета по делам печати СССР и др.

Проработав в МГУПе свыше 40 лет, в 2000 г. вышел на пенсию.

Мы брали Берлин

[Воспоминания Г.И. Зайчикова опубликованы в ряде номеров газет «Советский полиграфист» и «Мир печати»]

Прошло уже 55 лет с тех пор, как «майскими короткими ночами, отгремев, закончились бои...». Нашей славной Победой закончилась тяжелая и кровопролитная война с германским фашизмом. Все меньше и меньше остается в живых участников тех огненных лет...

Когда началась Великая Отечественная война, мне не было еще 16 лет. Я учился в 8-м классе средней школы г. Углича. 13 декабря 1942 года мне исполнилось 17, а 24 декабря я получил повестку о призыве в армию. Так, со школьной скамьи 9 ребят из 10-го класса попали в военные училища. После его окончания я был направлен в 851-й стрелковый полк 265-й стрелковой Выборгской дивизии 3-й ударной армии. Началась трудная фронтовая жизнь командира взвода. В то время шли бои по освобождению Прибалтики. Позднее нашу, 3-ю ударную армию, перебросили на 1-й Белорусский фронт. Мы освобождали от фашистских захватчиков Польшу и ее столицу – г. Варшаву.

Но самыми памятными днями войны были бои за взятие г. Берлина. Бои в городе были тяжелые: фашисты превратили город в неприступную крепость. Из окон домов стреляли снайперы, из подвалов наши танки подбивали «фаустпатронами», на перекрестках улиц в землю были врыты танки и т. д. Наша дивизия была введена в бой в ночь с 28 на 29 апреля. За 3 дня боев в дивизии осталось от 4 тысяч солдат и офицеров лишь около 400 человек. Остальные были убиты или ранены.

В период боев за Берлин я вместе со своим взводом был в составе штурмовой группы полка. Штурмовая группа состояла из нескольких танков, тяжелых гусеничных орудий, нескольких огнеметчиков и моего стрелкового взвода. Мы должны были действовать впереди пехоты. Наша задача состояла в том, чтобы подавить огневые точки врага, выбить «фаустников», обеспечив этим движение вперед наших танков и пехоты. За один день боев 29 апреля мы разрушили и сожгли 7 домов (вместе с сопротивляющимися фашистами), уничтожили в подвалах более десятка «фаустников». Последующие два дня бои продолжались с тем же успехом.

Наша дивизия с непрерывными боями пробилась к центру города и вышла к Александрплацу. Немного мы не дошли до самого Рейхстага – его брала соседняя дивизия. 2 мая 1945 года берлинский гарнизон полностью капитулировал. Для нас война была закончена.

За бои в Берлине я был награжден орденом Красной Звезды, многие солдаты, сержанты взвода получили ордена Славы или медали «За отвагу».

После капитуляции Берлина в городе оставалось более 2 млн женщин, стариков, инвалидов, раненых и детей. Город горел, уцелевшие от бомбежек хлебпекарни, продсклады, водопроводные станции были взорваны эсэсовцами. В тот период прекратилась подача воды, света, начались болезни – тиф, дизентерия, начался голод. Но уже 3 мая 1945 года, на следующий день после капитуляции берлинского гарнизона, во всех районах города были созданы и приступили к работе наши военные комендантуры. Открыты были продпункты, введено нормированное снабжение населения продовольствием по нормам, которые превышали нормы военного времени. Государственный комитет обороны дал указание выделить для населения Германии пятимесячный запас продовольствия, то есть обеспечить питанием население до нового урожая. Всего при освобождении народам Европы мы передали около 1 млн тонн различного продовольствия.

Да, это было наше великодушие, учитывая, что в то время у нас в стране не было никаких излишков, население получало продовольствие по довольно жестким нормам военного времени, да и снабжение в армии было довольно скромным.

Советские солдаты и офицеры разминировали населенные пункты, восстанавливали и строили мосты, помогли в восстановлении других объектов для налаживания нормальной жизни. В Берлине уже в мае 1945 года начали работать электростанции, водопроводы, телефонные станции, пошли трамваи, открылись бани и даже ... театры. В. Ульбрихт отмечал: «Если бы не самоотверженная деятельность трудящихся и не систематическая помощь и указания советских офицеров и солдат, немецкие антифашисты не смогли бы в то время справиться с огромными задачами по восстановлению хозяйства».

С июня 1945 года мне, уже как военному коменданту немецкого района, пришлось непосредственно участвовать в этой работе. Мы помогли немецким антифашистам организовать их демократические органы самоуправления, очистить управленческий аппарат от оставшихся фашистов, наладить нормальную работу промышленных предприятий, сельского хозяйства, различных учреждений, школ, больниц, церквей, провести национализацию промышленности, земельную реформу и многое другое. Работа была сложной, но интересной. В общей работе сложились тесные и дружественные отношения с немецкими товарищами. Но уже весной 1946 года были упразднены районные комендатуры, а позднее — городские и окружные. Вся полнота власти была передана немецким демократическим органам. Работа была большая и сложная, в процессе которой у нас сложились неплохие отношения с немцами.

В 1975 году мне пришлось побывать в том районе, где 28 лет назад я был военным комендантом. Встреча прошла тепло и интересно, вспомнили те незабываемые дни.

ЗАРУДНЫЙ Леонид Борисович

канд. техн. наук, доцент МИХМ. Лауреат Государственной премии СССР

Родился в 1918 г. Окончил МИХМ 16 июня 1941 г.

С началом войны направлен на краткосрочные курсы при Военно-транспортной академии в Ленинград, которые вскоре были эвакуированы через Ладожское озеро, под бомбежками, в Кострому. В конце декабря в звании лейтенанта назначен командиром взвода отдельной части инженерных войск в 43-ю армию Западного фронта.

Летом 1942 г. его часть переброшена в район наступления 31-й армии 3-го Белорусского фронта.

В начале 1943 г. осколком снаряда ранен в голову. После выздоровления был назначен командиром роты, с которой прошел до конца войны через Вязьму, Смоленск, Днепр, Минск, Оршу, Лиду, Борисов, Вильнюс, Каунас. Затем — Восточная Пруссия, Германия. День Победы — в г. Буницау в составе 1-го Украинского фронта.

Демобилизовавшись в октябре 1945 г. в звании капитана, возвращается в МИХМ. Защищает кандидатскую диссертацию, работает доцентом кафедр «Котельные установки», затем «Конструирование аппаратов и

установок химических высоких энергий и температур», позже «Энергоресурсосбережение». Лауреат Государственной премии СССР. Был начальником конструкторского бюро на одном из заводов.

Награжден орденом Красной Звезды, медалью «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945гг.».

О своем командире

[При подготовке публикации использованы: статья-письмо однополчан Н. Можяева и И. Боровского опубликованная в газете «За кадры химического машиностроения» 2 мая 1975 г. № 15, и статья В. Логинова «Дороги войны», опубликованная там же 10 мая 1974 г. № 14 – 15]

Декабрь 1941 года. Начался перелом в ходе войны. Разгромленные под Москвой немецкие армии отступали. Для успешного продвижения наших войск требовались специальные инженерные части. Одним из пунктов формирования таких частей было Подмосковье. Здесь взвод, в котором мы служили, и перешел под командование старшего лейтенанта Зарудного.

Это был совсем еще молодой офицер, несколько месяцев назад защитивший диплом инженера МИХМа и прибывший на фронт после окончания краткосрочных курсов при Военно-транспортной академии. Но несмотря на молодость, командир быстро завоевал авторитет бойцов. Мы оценили в нем трудолюбие и отзывчивость.

В конце декабря 41-го наша часть была переброшена к самой линии фронта. Начались наступления наших войск за освобождение Медыни, Рославля, Боровска, Мятлева. Мы видели, как трудно приходилось нашему командиру.

Из воспоминаний самого Зарудного: «Подольск, Павлово-Посад, а затем Варшавское шоссе, 43-я армия Западного фронта. Наступление наших войск под Москвой продолжается. Мосты взорваны, на узких местах дороги пробки из автомашин и подвод. Наша задача — обеспечить продвижение транспорта, подвоз боеприпасов, продовольствия, эвакуацию раненых. У нас нет пока никакой техники. Наспех оборудуем объезды, организуем дежурства на дорогах. Работаем днем и ночью. Изнурительный труд по колено в ледяной воде».

Все тонкости военно-инженерных работ (строительство мостов, переправ, объездов дорог в труднопроходимых местах) Зарудному практически приходилось осваивать в условиях боя. В боях он приобрел и командирский опыт.

Первым мостом Леонида Борисовича Зарудного был мост через реку Угру. С этим заданием старший лейтенант справился успешно. Через несколько месяцев Л.Б. Зарудного назначили заместителем командира роты. А уже в начале 43-го он командовал ротой в звании капитана. С этой ротой капитан Зарудный и прошел весь боевой путь.

1942 год. Особенно запомнилось строительство 5-километровой дороги через болото. Это были десятки небольших мостов, сооружение которых требовало больших знаний, ведь по ним должны были пойти тяжелые орудия. Частые бомбежки, ураганные артобстрелы. Зарудный получил свое первое ранение.

1943 год. Наступления наших войск на Западном фронте. Наша часть участвовала в боях за освобождение Ярцева, Вязьмы, Смоленска... Здесь требовались очень крупные сооружения. Переправы через Днепр возводились под непрерывной бомбардировкой врага с воздуха. Работа требовала особой быстроты, особой смекалки даже от рядового бойца, не говоря уже о командире.

1944 год. Наступление наших войск на Западном фронте. Освобождены Минск, Орша, Лида, Борисов, Вильнюс, Каунас. За успешное обеспечение переправы через реку Березину при освобождении города Борисова наша часть была награждена орденом Александра Невского, ей присвоили почетное звание Борисовской. За участие в этих боевых операциях капитан Зарудный был награжден орденом Красной Звезды.

Наконец, наша часть вышла к границе Восточной Пруссии — цитадели фашизма. Роте Зарудного, как и другим подразделениям части, был дан приказ до начала генерального наступления за короткий срок соорудить большую рокадную дорогу-мост на ряжах вдоль фронта через болото, а также переправы через большие и малые реки и несколько мостов, причем часть из них секретно. Строить их приходилось ночью под уровнем воды. Об опасностях и трудностях такой работы рассказывать пришлось бы много.

Из воспоминаний самого Зарудного: «Охраняем дорожные сооружения: немцы рассеяны в лесах, устраивают налеты, диверсии. Первый немецкий городок. Настроение у всех приподнятое, наконец-то мы на вражеской земле».

Январь — март 1945 года. Наши войска шли на бой за каждый хутор, за каждый «пяточок» земли. Мы продвигались вперед — на Запад. Через Мазурские болота вышли к Балтийскому морю, к заливу Фриссеш-Хафф, расположенному в 50 км от немецкого города Кенигсберга. И новый приказ: передислоцироваться в наискратчайший срок в Южную Германию, влиться в состав 1-го Украинс-

кого фронта. Командир роты Зарудный сумел буквально за несколько дней сформировать из трофейных автомашин колонну, подобрать шоферов и укомплектовать состав, и сам же вел одну из машин. Передислокация была проведена успешно.

Май 1945 года. День Победы. Радостная весть застала нас на границе Германии и Чехословакии (в г. Бунцлау).

С того памятного дня прошло 30 лет, и за это время наше уважение солдат к своему командиру переросло в крепкую дружбу людей, знающих ее настоящую цену.

Поздравляем Вас, Леонид Борисович, с Днем Победы, желаем вам всего наилучшего. Дружья-однополчане.

КОЛОСОВ

Е.

фронтовик

ПОБЕДА!

1945 – 2020

На польской земле. Фронтовые записки

[Воспоминания Е. Колосова опубликованы
в газете «Сталинский печатник» 1 ноября 1946 г.]

Наступил новый, 1945 год. Зима в Польше стояла плаксивая: снег сменялся дождем, фронтовые дороги раскисли.

Как отличалась эта зима от зимних дней предыдущего года! Советская земля была уже очищена от немцев. В тех местах, где еще в прошлом году проходила линия фронта и шли ожесточенные бои, восстанавливалось хозяйство, возрождалась мирная жизнь.

Теперь Красная Армия прогоняет гитлеровские полчища с польской земли.

...По ту сторону извилистой реки Нарев – немцы. Они зарылись в землю, построили блиндажи и доты, заминировали каждый метр земли. С ожесточением смертников укрепили они свои позиции.

Нужно было прорвать оборону противника и, зайдя в тыл, отрезать гитлеровские войска от Восточной Пруссии.

Наши части готовились к боям. К фронту подходили свежие войска, эшелоны, груженные танками, пушками, боеприпасами. На снежных полях оборудовались аэродромы.

Нашему соединению предстояло действовать на Наревском плацдарме.

Вместе с частями двигалась и наша редакция красноармейской газеты «В решающий бой». Газета всегда участвовала в походах. Она звала к победам. На ее страницах описывались подвиги отважных воинов, на примерах лучших бойцов газета учила боевому мастерству; она рассказывала о международном положении, печатала вести с Родины. Газета вела большую политико-воспитательную и агитационную работу.

Редакционный коллектив был небольшим: редактор, ответственный секретарь, литературный сотрудник, специальный корреспондент, корректор и радист. Я работал корректором. Техни-

ческий процесс — набор, верстка и печатание — выполнялся двумя наборщиками и печатником. Две грузовые машины «студебеккер» были покрыты фанерой и оборудованы под наборный и печатный цехи.

В одном «доме» (так мы называли машины) стояла «американка», в другом — наборные кассы со шрифтами. Наша охрана состояла из 5 автоматчиков, и каждый из нас имел личное оружие.

Мы делили с воинами невзгоды войны и радости побед, мы вместе с ними переживали неудачи и радовались успешным операциям. И ежедневно, независимо ни от каких обстоятельств и условий, бойцы корпуса получали свежий номер газеты.

...С особым нетерпением ждал я дня наступления. Этот день должен был быть моим боевым крещением. Хватит ли у меня выдержки, нервов, чтобы не струсить, чтобы мужественно перенести все трудности войны?

И вот он наступил, этот долгожданный день. Это было 14 января.

Вечером в редакции стало известно, что оборона противника прорвана на всю глубину. Наши войска устремились к Пруссии. Они шли все вперед, на Запад!

Идя в боевых порядках частей, редакции приходилось по 2 — 3 раза в день менять свое местоположение. Это очень осложняло выпуск газеты. Приходилось набирать материал на одном месте, делать оттиски и править — на другом, а печатать — на третьем. Но в эти дни мы не чувствовали усталости, мы были охвачены общим наступательным порывом.

- Шире победоносный шаг, крепче удары по врагу! Вперед, на Берлин! — призывала газета.

Газета рассказывала о героях боев, мужественных, беспредельно преданных Родине воинах.

...Шли бои на подступах к городу Цеханув. Враг нес большие потери, но все еще сопротивлялся. К полудню танковые подразделения ворвались в город. Они захватили железнодорожную станцию, на которую только что прибыл эшелон с немецкими танками и боеприпасами. Все это попало в наши руки.

Вечером мы уже разместились в городе для выпуска очередного номера газеты.

Не забыть мне этого вечера 17 января. Часов в девять в комнату вбежал наш радист Ильюша и с волнением сообщил, что он только что принял приказ Верховного Главнокомандующего войскам нашего фронта. Великий Сталин объявил благодарность воинам нашего соединения! От радости мы бросились обнимать друг друга. Даже наш всегда серьезный ответственный секретарь редакции майор Разумовский запрыгал, как ребенок.

Столица нашей Родины — Москва салютовала нам в этот замечательный вечер за овладение опорными пунктами обороны немцев — городами Цеханув, Нове Място и множеством населенных пунктов.

- Новыми подвигами ответим на благодарность вождя!

Под такой шапкой мы выпускали в этот день газету.

МЕЛЮШЕВ
Юрий Константинович
доцент МИХМ

Родился в 1920 г.

В июне 1940 г. был призван на действующую службу в армию. Окончил школу младших командиров по специальности связиста и был направлен в авиационную школу на Северном Кавказе, где и встретил начало войны. Сражался на Северном Кавказе, затем в Сталинградской битве. С 1943 г. в бомбардировочной авиации был стрелком-радистом. Воевал в Крыму, Украине, Румынии, Болгарии, Венгрии в составе штурмового авиаполка. Победу встретил в Югославии в звании старшего лейтенанта.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Кавказа», «За оборону Сталинграда», «За Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.».

В 1946 г. поступил в МИХМ. После окончания института — на инженерных должностях в Минхимпроме. В 1954 г. поступил в аспирантуру, с 1957 г. работал ассистентом, преподавателем на кафедре «Технология, кибернетика и автоматизация», был проректором по вечернему и заочному образованию, заведовал подготовительным отделением. Был председателем Совета ветеранов института.

Грозное небо

*[Из статьи, опубликованной в газете
«За кадры химического машиностроения» 10 мая 1974 г. №14 — 15]*

Война ... Для меня она началась сразу, с первого дня. В то время я служил в одной из частей на Северном Кавказе. Фронт приближался стремительно и неотвратимо. Уже в июле часть приняла первое воздушное сражение.

А потом бои, бои, бои. Их было много, тяжелых, изнуряющих. Горели самолеты, гибли боевые товарищи. Ну и враг не оставался безнаказанным. Летела в воздух фашистская техника под бомбовыми ударами советских самолетов. Небо Кавказа оставалось нашим, советские летчики были сильнее, мы защищали свое небо, свою землю и это придавало силы и мужества. За участие в этих боях я был награжден своей первой медалью «За оборону Кавказа».

А затем Сталинград — непокоренный волжский город. Желанию немцев во что бы то ни стало взять его противостояла несокрушимая стойкость наших бойцов «Не пить немцам воды из Волги. Не бывать этому». И город выстоял. И в этом немалая заслуга наших летчиков. Авиачасть, в которой я служил, летала на боевые задания каждый день. Закаленные в боях на Кавказе, мы здесь продолжали громить врага на земле и в воздухе. Здесь я получил вторую медаль — «За оборону Сталинграда».

Враг отступал. Все дальше на запад уходила война. В 1944 году я попал в бомбардировочную авиацию. В качестве стрелка-радиста совершал боевые вылеты на пикирующем бомбардировщике ПЕ-2. Громил немецкие переправы, железнодорожные узлы, военную технику. В конце 1944 года был переведен в штурмовой авиаполк на должность комсорга полка. Самолет ИЛ-2 стал моим боевым оружием. Эти самолеты называли летающими танками. Хорошая боевая оснащенность их сочеталась с мастерством, мужеством советских летчиков. Я громил врага, освобождая от него небо Румынии, Болгарии, Венгрии, Югославии. Здесь, в Югославии, я и закончил свой боевой путь. Здесь я встретил День Победы. Радостным был этот день. Радостным для миллионов людей планеты. Война кончилась.

Мне, как участнику боев на югославской земле выпала честь войти в состав делегации Советского Комитета ветеранов войны, посетившей Югославию (в связи с юбилеем освобождения Белграда от немецко-фашистских захватчиков) в октябре 1976 г.

Необыкновенно теплыми и запоминающимися были встречи с ветеранами, рабочими, служащими, крестьянами и молодежью в Белграде, Загребе, Любляне, Пожареваце и других местах, где мы побывали. Но, пожалуй, особенно сильное впечатление на меня и моих товарищей произвел Большой школьный урок, о котором я и хочу рассказать.

В восьмидесяти километрах южнее Белграда находится город Крагуевац — ныне крупный промышленный центр со стотысячным населением, известный своим заводом по производству легковых автомашин «Застава». В 1976 году город готовится отметить свое пятидесятилетие ...

А тогда, в начале второй мировой войны, это был небольшой населенный пункт с единственной школой. 21 октября 1941 года, как только в школе начались занятия, туда прибыло большое подразделение фашистских солдат, и они начали спешно, чтобы не успели родители, выводить школьников из помещения и вместе с учителями под охраной отправили за город. Дети, да и сами учителя не знали о намерениях фашистов. А лишь когда заговорили автоматы и пулеметы, поняли: это конец. Октябрьским утром были расстреляны ... триста школьников и шестнадцать учителей, расстреляны лишь затем, чтобы устрашить народы Югославии, чтобы утвердить свой «новый порядок», чтобы задушить в самом начале всякую попытку к сопротивлению ...

Теперь на месте казни большое мемориальное кладбище, где похоронено 7000 мучеников из гитлеровских лагерей смерти. А над братской могилой детей — обелиск в виде птицы с опущенными крыльями. Каждый год 21 октября со всей страны сюда приезжают автобусы со школьниками, приходят местные жители и звучит над могилами вечно молодых траурная музыка, звучат стихи поэтов и клятвы верности благородным идеалам дела мира.

Идет Большой школьный урок, где учат ненависти к фашизму и любви к своей Родине!

МИРОНОВ Василий Лаврентьевич

д-р экон. наук, профессор МПИ

Родился 12 июля 1919 г. в г. Ельне Смоленской области в семье рабочих. В 1939 г. окончил среднюю школу Москвы поступил на 1-й курс литературного института.

В 1939 г. призван в ряды Красной Армии, где прослужил 7 лет. Воевал на Воронежском и 1-м Украинском фронтах – рядовым, сержантом. Участвовал в боях под Курском, освобождал Украину и Польшу. Окончание войны встретил в Берлине, расписавшись на стене Рейхстага. Был корреспондентом фронтовой газеты ж/д войск «За разгром врага!».

Имеет несколько правительственных наград.

В 1946 г. был демобилизован из армии и поступил во Львовский государственный педагогический институт, который окончил с отличием в 1950 г., и ему присвоено звание учителя средней школы. Был рекомендован для продолжения учебы в Киевский университет им. Т.Т. Шевченко на годичные курсы по подготовке преподавателей общественных наук для высших учебных заведений. С августа 1951 г. работал в Украинском полиграфическом институте старшим преподавателем на кафедре политэкономии. В 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Экономические взгляды И.Я. Франко». В 1957 г. Миронову В.Л. было присвоено звание доцента. С 1968 г. он возглавил кафедру марксизма-ленинизма Украинского полиграфического института.

В 1970 г. в МГУ им. Ломоносова В.Л. Миронов защитил докторскую диссертацию на тему «Экономические взгляды западно-украинских революционных демократов и их связь с русской экономической мыслью в конце XIX – начале XX века». В 1972 г. утвержден Высшей Аттестационной комиссией в ученой степени доктора экономических наук. С 1973 по 1989 г. – заведующий кафедрой политэкономии Московского полиграфического института.

Мироновым В.Л. подготовлено и опубликовано более 40 научных работ.

Награжден семью медалями, нагрудным знаком «За отличные успехи в работе».

В 1989 г. уволился в связи с выходом на пенсию.

Встреча на войне

[Рассказ В.Л. Миронова на одной из встреч со студентами в общежитии МПИ. Опубликовано в газете «Советский полиграфист» 30 апреля 1986 г.]

Во время боев на Курской дуге я оказался в госпитале. Долго лечился, а когда выздоровел, узнал, что моя часть стоит уже где-то под Харьковом.

По прибытии в часть меня вызвали в штаб и спросили: «Хотите работать в газете?». Я даже испугался: откуда узнали мою заветную мечту? До войны я страстно увлекался литературой, пытался даже поступать в литературный институт, но мне посоветовали годик подождать, а потом прийти еще раз. Я собирался воспользоваться этим советом, но мечте не удалось осуществиться.

Так я стал военным корреспондентом фронтовой газеты «За разгром врага!» железнодорожных войск 1-го Украинского фронта.

У бойцов железнодорожных войск не было слова «невозможно». Под бомбежками, а иногда и артобстрелом приходилось наводить мосты, восстанавливать пути. Так было и на Украине, когда наши войска заняли Киев, а затем Коростень. Связь между войсками оказалась растянутой, необходимо было проложить коммуникации для подхода тыловых частей. Все внимание было обращено на саперов и железнодорожников, которые были заняты возведением переправ, так как все мосты через Днепр были разрушены. И железнодорожный мост удалось заново возвести за 14 дней. Вот что такое железнодорожные войска!

В этой войне у каждого был свой личный счет к врагу, потому никто не жалел ни сил, ни жизни. Но ненависть не ослепляла, наоборот, обостряла все лучшее, что было в человеке.

Однажды по роду своей службы я узнал об одном бойце, минере-санинструкторе, разминировавшем около 200 мин и спасшем раненого командира. Самое удивительное, что бойцом этим оказалась девушка — Вера Белоконь. Я написал о ней очерк. Трудность заключалась в том, что я ее никогда не видел и никогда не встречался с ней. Тема была такой «горячей», что заметку пришлось писать со слов замполита. Вскоре мой материал о Vere Белоконь появился в газете. Потом ее перепечатали в центральной печати. Так о В. Белоконь узнала вся страна.

Но меньше всего этого хотела сама Вера. Уже потом я узнал, что она, увидев нашу фронтовую газету с рассказом о ней, так испугалась, что спрятала весь тираж газеты, предназначенный для части. И только требование командира возымело силу. Чуть не плача, Вера отдала газеты. В ее душе говорило большое чувство скромности. И командир ее понял.

Начались бои за Украину. Наши войска под непрерывными бомбежками возводили мосты и переправы. Работа была тяжелой. Писал я и об этом, и о многом другом, что бывает только на войне, о том, что приближало нас к победе.

Как-то раз, уже в Польше, когда я готовил очередной материал в номер, меня позвали: «Там тебя какая-то девушка спрашивает». Я вышел на улицу: смотрю, стоит незнакомая девушка-боец и улыбается. «Вот вы какой», — говорит. Я смотрю на нее и ничего не понимаю. Она протягивает мне руку: «Я — Вера Белоконь». Я жму ее руку, говорю «здравствуйте» и ничего не могу припомнить. Тогда она достает газету, и все становится ясно. Она благодарит меня за заметку и говорит, что по этой заметке ее вместе с другими отличившимися на фронте девушками пригласили в Москву.

Расстались мы друзьями. Уже после возвращения из Москвы она опять приезжала в редакцию. Я помог ей подготовить выступление, в котором она рассказала о подвигах девушек-воинов на фронтах Великой Отечественной войны. Позже я получил от нее из Праги приглашение на свадьбу, но приехать не смог.

Думаю, у каждого фронтовика были разные встречи на войне, от которых остались памятные впечатления. Одной из таких встреч было для меня знакомство с Верой Белоконь — героиней в жизни и очерка.

МИХЕЕВ

Алексей Иванович (1923 — 2010)

нач. штаба ГО МГУП, полковник

Начал войну в 1941 г. восемнадцатилетним парнем, а закончил в Берлине в мае 1945 г. В качестве переводчика участвовал в переговорах с военными, был в группе опознававших трупы Гитлера, Геббельса и др., присутствовал при подписании Акта о безоговорочной капитуляции фашистской Германии, был в Нюрнберге во время заседания Военного трибунала.

Участник парада Победы на Красной площади в Москве.

Награжден орденом Красной звезды, медалью «За освобождение Варшавы» и многими другими.

Слово участнику парада Победы

[Воспоминания А. Михеева опубликованы в мае 2000 г.
в газете «Мир печати»]

Июнь 1941 года. Жаркое лето. Выпускной вечер студентов педагогического училища, дипломы, путевки в новую самостоятельную жизнь. Радость, веселье, а также горечь расставания с теми, с кем три года учились вместе. Обещания встречаться в день выпуска через каждые пять лет!

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Фашистская Германия напала на нашу Родину. Мы, выпускники, всей группой направились в райвоенкомат и попросили, чтобы нас направили на фронт. В райвоенкомате заявили, что Красная Армия и без нас справится с фашистской нечистью.

11 декабря 1941 года я был призван в армию и направлен в одну из сибирских дивизий в полковую школу, и через 2 месяца дивизия в полном составе отбыла на Северо-Западный фронт. По прибытии сразу вступила в бой.

Вспоминается наш первый... Рота вышла на исходные позиции, залегла и начала окопываться, ожидая сигнал для атаки — залп «катюши»... После того как заиграла «катюша» — это был первый залп на нашем участке, все дружно поднялись и с криком «Ура! За Родину! За Сталина!» пошли в атаку. Немец начал отступать, мы заняли передний край, продвинулись еще немного и встретили упорное сопротивление противника. А затем перешли к обороне. В этом бою мы потеряли многих своих товарищей. Но я уцелел и уже не так боялся, как перед первым боем.

В обороне мы стояли до апреля 1942 г. и, нанося ощутимые потери, не позволили немцам ни на шаг продвинуться вперед.

В одном из боев — разведка боем — я был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Лечение шло быстро, в конце июня вместе с маршевой ротой я был снова направлен на передовую и зачислен в роту ПТР (противотанковых ружей).

В ходе боев летом 1942 года в нашу задачу входило уничтожение танков и огневых точек. Много пришлось пережить: горечь поражений и боль за погибших товарищей. В одном из боев, во время минометного налета, на моих глазах погибло 2 расчета противотанковых ружей, и мне пришлось вести огонь одному.

В сентябре 1942 года я был направлен в военное училище, а по окончании — в Военный институт иностранных языков, который окончил в декабре 1944 г., и стал военным переводчиком немецкого языка, после чего был направлен в разведотдел штаба Белорусского фронта, где служил до конца войны.

Как военный переводчик я много видел интересного, мне приходилось допрашивать пленных офицеров и генералов, готовить разведчиков из числа антифашистов, вербовать их в лагерях военнопленных, забрасывать в тыл противника и встречать их по возвращении, обрабатывать их разведданные.

Я никогда не забуду тот день весны 1945 г., когда проводилось опознание в имперской канцелярии трупов Гитлера, Евы Браун, Геббельса, его жены и детей.

Трупы Гитлера и его жены Евы Браун, с которой он обвенчался в конце апреля 1945 года, а затем заставил принять яд, были обнаружены во дворе имперской канцелярии — обгоревшие, завернутые в ковер. Их опознали по внешнему виду и по золотым значкам членов национал-социалистической партии (НСДАП).

Труп Геббельса опознали по росту, колченогости и своеобразному лицу. Все это записано в протоколе опознания.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 г. присутствовал при подписании капитуляции в Карехорсте. Запомнились слова маршала Г.К. Жукова: «Введите фельдмаршала Кейтеля!» Кейтель вошел с понурой головой, подписал акт и был выведен из зала. Г.К. Жуков поздравил всех присутствующих с Победой.

Неизгладимое зрелище осталось в памяти, когда шла капитуляция гарнизона Берлина. Военнопленные шли толпами, без конвоя, на сборные пункты. Как победители мы расписывались на стенах Рейхстага.

Я счастлив и тем, что мне удалось пережить эту страшную войну, внеся свою небольшую частичку в Победу, которую весь народ ждал четыре с лишним года.

В качестве гостя вместе с начальником разведотдела группы войск в Германии я несколько дней был на Нюрнбергском процессе и видел всех главарей Рейха.

Наступил мир, но моя работа в разведуправлении ГСВГ продолжалась. Объектом разведки стала Западная Германия и войска наших бывших союзников.

Военную службу закончил в сентябре 1970 года в звании полковника.

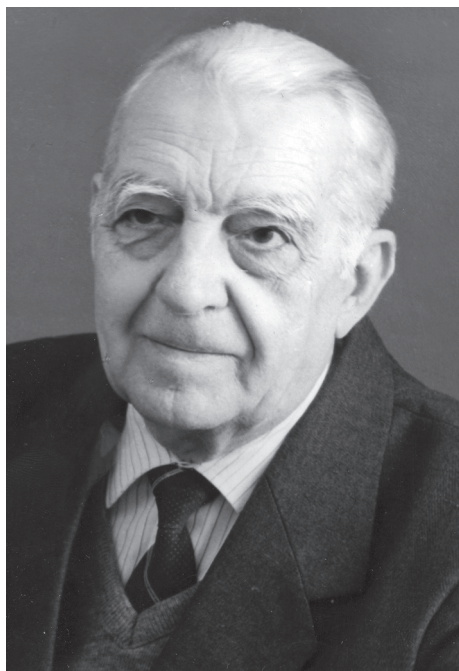
С декабря 1970 года работаю начальником штаба ГО Университета печати.

НИКОЛАЕВ

Петр Иванович

д-р техн. наук, профессор МИХМ. Заслуженный деятель науки и техники.

Лауреат Государственной премии СССР

Родился в 1913 г. в Одессе. Окончив 7-летнюю школу, поступил в профшколу (преобразована в химический техникум), после ее окончания направили в Москву, ОРГХИМ. Стал техником, потом и.о. инженера.

В 1934 г. направили в танковые войска. Поступил в МИХМ. В 1939 г. вновь мобилизован в армию. Участвовал в «Польской кампании», затем в Финской войне.

В июне 1941 г. демобилизовался, а 22 июня вернулся в армию — командиром взвода батальона связи. Прошел всю войну, закончив ее 10 апреля 1945 г. взятием Кенигсберга в звании капитана.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, двумя медалями «За отвагу», медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.»

После войны окончил МИХМ. Окончив аспирантуру, защитил кандидатскую диссертацию. За цикл работ по выращиванию кормовых дрожжей на углеводородах нефти ему присвоили степень д.т.н. и почетное звание Лауреата Государственной премии СССР. Под его руководством защищено более 20 кандидатских диссертаций.

С 1967 по 1981 г. — проректор МИХМа по научной работе. Под его руководством решались научно-технические проблемы развивающейся микробиологической промышленности.

Более 100 научных работ и несколько десятков авторских свидетельств частично отражают его интересы. С 1968 по 1985 г. — зав. кафедрой «Машины и аппараты микробиологических производств», позже — профессор кафедры «Биотехника».

В армии с 1934-го... до Победы

[Воспоминания опубликованы в газете «За кадры химического машиностроения», 1988 г., № 3, 13 января]

Я родился и вырос в Одессе. Это прекрасный город, к которому я на всю жизнь сохранил самое теплое чувство. Вообще одесситы — очень тонкий народ. Что вы хотите, совсем еще недавно, в конце прошлого века, Одесса — свободный город, Порто-франко.

Нас в семье было четверо детей. Отец был крестьянином, потом работал в городе грузчиком, но это пришлось оставить по состоянию здоровья. Стал конторским служащим. Мама сначала не работала — она обшивала нас, обстирывала, готовила... Когда старшие подросли, маме тоже пришлось подрабатывать, что позволило дать всем детям образование. Кстати сказать,

мой отец образование имел — четыре класса церковно-приходской школы, но писал абсолютно грамотно. Я мечтаю, чтобы некоторые мои дипломники хотя бы приблизились к такому уровню грамотности...

Школы в Одессе были в те годы только семилетние, дальше при желании можно было учиться в так называемых профшколах. Я поступил в профшколу, которая вскоре была преобразована в химтехникум. Преподаватели у нас были блестящие, и я смог серьезно постичь химию в технологическом плане.

На работу меня, несмотря на отчаянное сопротивление, определили в Москву, в ОРГХИМ — была такая организация по реконструкции и пуску химических заводов. Я был очень недоволен. Ну представьте: Одесса, море, первая любовь, а тут ехать в грязную, пыльную Москву, где и девушек-то таких нет...

В ОРГХИМе, где я стал работать, были бригады, каждая из которых возглавлялась старорежимным инженером. Вы знаете, кто такой старорежимный инженер? Я не сравню с ним вместе взятых четырех современных докторов наук по уровню развития, тому доверию и авторитету, какие он внушал.

Работа наша состояла из сплошных командировок на 6, а то и 8 — 10 месяцев в основном на заводы по производству серной кислоты. Требования ко мне были очень высокими. Как-то раз я сказал что-то, а мне спокойно так говорят: «Это известно в восьмом классе средней школы». Мое одесское самолюбие страшно задевало, что меня тычут, как слепого котенка. Но за полтора года я научился сопротивляться. Все ночи напролет учился. Работать приходилось очень много и руками, и головой — работа была нестандартной. Вообще этот период жизни был для меня чрезвычайно плодотворным. За четыре с половиной года работы в ОРГХИМе я достиг многого, неплохо узнал производство. Сначала был техником, потом и. о. инженера.

Вот еще что. В ОРГХИМе в одной бригаде со мной работали девушки. И страшно потешались над моим украинским акцентом. Дело в том, что когда я учился в Одессе, началась так называемая украинизация: чуть не каленым железом русский язык выжигали. И вот я приезжаю в Москву со своим украинским выговором, а тут надо мной смеются. Я не мог допустить, чтобы моя речь не нравилась девушкам. Тогда я взял Пушкина и выучил наизусть всего «Евгения Онегина». Так я поставил свою речь.

Однажды в 1934 году, когда я вернулся в Москву из очередной командировки, меня вызвали в военкомат: «Завтра к 8 утра с вещами. Направляетесь в танковые войска». Так началась для меня служба.

Когда пришло разрешение лицам рядового и сержантского состава выезжать в отпуск из расположения части для сдачи вступительных экзаменов в институт, я тут же накатал заявление, сел в поезд и поехал в Москву. Я чувствовал, что мне не хватает образования, хотелось получить знания по изготовлению химической аппаратуры. Поэтому я и выбрал МИХМ. Я успешно сдал экзамены и стал студентом.

Вы знаете, какие у нас были тогда преподаватели? Считалось, что лицо вуза в первую очередь определяет преподавательский состав. Это уже позже началось: раз секретарь ВЛКСМ факультета, то надо оставить в институте. Оставляем. Потом они «врастают» в кафедры, но хорошими преподавателями так и не становятся. Помню, член-корр. Ефремов читал нам лекции по химии, так студенты дрались, чтобы сидеть в первом ряду.

Математика. Доцент Лопатто. Ей-богу, это была поэма, а не лекция. Детали машин — Абрамович, крупнейший специалист, главный инженер стройки. ТММ — Артоболевский...

Мне было легко заниматься. Хотя и развлечения были нам не чужды: например, в общежитии в Лефортове залезть на крышу и облить водой прохожих... В то время в МИХМе были шахматно-шашечные команды. Наше общество «Азот» перед войной занимало II место по Москве. Я был капитаном этой команды.

В 39-м я вновь получаю повестку из военкомата. Это была так называемая Польская кампания, потом была Финская война. Едва демобилизовавшись в июне 41-го для продолжения учебы в МИХМе, 22 июня я вновь вернулся в армию. И был назначен командиром взвода в батальон связи. Мне повезло — в первый год войны я не получил ни одной царапины, хотя в шинели пробоин хватало. 10 апреля 1945 года (взятие Кенингсберга) было для меня последним боевым днем.

В МИХМ я вернулся только в сорок шестом. После окончания — сразу в аспирантуру. Защитился, стал доцентом кафедры ПАХТа. Работая по созданию установки для жидкофазного окисления бутана до уксусной кислоты, в один прекрасный день понял: процесс, который мы разрабатыва-

ли, провести проще, если поручить это микробам. Так я увлекся технической микробиологией. И впервые в СССР на Тавдинском заводе получили из углеводов нефти белок. Потом были другие работы — по пищевой уксусной кислоте. И это тоже наше достижение.

Когда я защитил докторскую и мне предложили работать проректором по науке, я согласился: хотел побыстрее организовать кафедру. И это было моей большой ошибкой. Кафедру то я организовал быстро, но на проректорстве сильно задержался, что мешало мне работать как ученому.

Конечно, я не замыкался только в науке. Когда был студентом, увлекался шахматами, любил музыку, часто ходил в театр.

Кроме того, мы собирались прекрасными компаниями в общезжитии. Дебошей не устраивали, девушек уважали. Вообще-то мы были джентльменами, прошу это отметить. А теперь уж совсем не до хобби — мы завели участок, и он съедает все свободное время.

Оптимист я или пессимист? А что такое, собственно, пессимист, вы знаете? Это информированный оптимист. Поскольку я с философской точки зрения материалист, то не могу и не желаю быть оптимистом с закрытыми глазами.

Так что я — информированный оптимист.

ПЕТРОКАС

Леонид Венедиктович,

д-р техн. наук, профессор МПИ и МИХМ

Родился в Петрограде. После смерти отца (с трех лет) воспитывался сестрой — учительницей начальной школы. В 1928 г. (окончив подготовительные курсы и одновременно работая дворником) поступил в Ленинградский Высший художественно-технический институт — ВХУТЕИИ. В 1930 г. перешел на 3-й курс Московского полиграфического института, который окончил в 1932 г. и был оставлен в аспирантуре при кафедре теории механизмов и машин. С 1934 г. начал вести педагогическую работу в качестве ассистента кафедры ТММ, а с 1935 г. читал разработанный им курс наборных машин и одновременно в течение года заведовал лабораторией теории механизмов и машин. В 1937 г. одним из первых в МПИ защитил кандидатскую диссертацию — на тему «Теоретическое и экспериментальное исследование механизмов отливных аппаратов наборных машин». В 1939 г. был утвержден в звании доцента. В том же году вышел в свет фундаментальный труд «Конструкции и расчет полиграфических машин», в

котором Л.В. Петрокас был автором одной из книг — «Полиграфические машины». В ее основу положен курс лекций, прочитанный автором в Московском полиграфическом институте и построенный на материалах исследований и проектирования механизмов и машин, проведенных на кафедрах полиграфических машин и теории механизмов и машин МПИ.

В июле 1941 г. Л.В. Петрокас вместе с другими преподавателями МПИ (Л.К. Белозерским, М.Е. Готманом и Л.П. Сафоновым) записался добровольцем в истребительный батальон Ростокинского района г. Москвы для борьбы с вражескими диверсантами и парашютистами. Затем из этих батальонов были сформированы три дивизии. В составе одной из них, 158-й, сражался в декабре 1941 г. под Москвой, затем до июня 1943 г. на Калининском фронте под Ржевом. Позже был переведен в парашютные войска 11-й гвардейской воздушно-десантной бригады, участвовавшей в боях на 2-м и 3-м Украинских фронтах в составе 9-й гвардейской армии. В 1945 г. участвовал в составе 104-й с.д. в разгроме танковой группы немцев под Буда-

пештом, освобождал Вену, несколько городов Австрии и Чехословакии. Был начальником арт-снабжения в частях Красной Армии. Окончил войну в звании гвардии капитана.

Награжден орденом Красной Звезды и тремя медалями: «За оборону Москвы», «За взятие Вены», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», после войны – орденом Знак Почета.

После войны заведовал лабораторией в НИИполиграфмаше, кафедрой полиграфических машин в МЗПИ, кафедрой ТММ в Московском институте химического машиностроения. В 1953 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Основы теории и расчета наборных строкоотливных машин типа Н» и в 1955 г. утвержден в ученой степени доктора технических наук.

Весна 45-го...

[Воспоминания Л.В. Петрокаса опубликованы в газете «За кадры химического машиностроения» 6 мая 1977 г. № 18]

В начале войны, летом 1941 года, я как один из бойцов истребительного батальона добровольцев-москвичей – рабочих, служащих, преподавателей, студентов – пошел защищать Родину. Тогда я и не предполагал, что впереди меня ждет огромный путь – от Москвы до Будапешта, Вены, Праги. Бои за освобождение народов Венгрии, Австрии, Чехословакии от фашистских захватчиков запомнились на всю жизнь.

В 1941 – 1942 гг. я, гвардии капитан-инженер, воевал на Калининском фронте, с 1943 года служил в воздушно-десантных войсках. Вместе со мной сражались молодые бойцы, обученные действовать в любой обстановке и владевшие различными видами оружия.

Вспоминается март 1945 года. В ту долгожданную весну мы находились юго-западнее Будапешта в составе 3-го Украинского фронта. Именно на этом направлении Советская Армия под командованием маршала Толбухина за 10 дней продвинулась с боями на 120 километров, освободив 350 населенных пунктов. В тех боях участвовала и наша 104-я гвардейская дивизия.

Победы давались нелегко. Фашисты сжигали атакующих бойцов струями огнеметов, обстреливали из артиллерии и пулеметов. Но под неудержимым натиском наших войск вражеские силы вынуждены были отступить. Они отошли к столице Австрии – Вене, собираясь превратить ее в «узел» сопротивления.

В эти дни наша дивизия, совершив обходной маневр, вышла к городу Санкт-Пельтен. А 13 апреля Вена была освобождена от гитлеровских захватчиков. В праздник 1 Мая 1945 года мы приняли участие в торжественном параде, проходившем на центральной площади австрийской столицы.

Этот парад смогли увидеть и вы, юноши и девушки, наше молодое поколение мирного сегодня: документальные кадры, снятые в тот день, были показаны в телефильме «17 мгновений весны». В честь освобождения Австрии наш 38-й гвардейский корпус получил наименование – Венский, а весь личный состав был награжден медалями «За взятие Вены».

8 мая Советская Армия пересекла границу Чехословакии, ее население встретило нас ликованием. Следующий день, 9 мая, вошел в историю как День Победы.

А мы двигались дальше, преследуя гитлеровцев, стремившихся сдаться американской армии. 11 – 12 мая фашисты были окружены и полностью разоружены.

Так закончилась последняя операция наших войск в Европе.

ФЕДОРОВ

Леонид Леонидович

канд. юрид. наук, профессор МПИ

Родился 31 августа 1924 г. в Уфе.

В армию призван в феврале 1942 г. После окончания военного училища в звании лейтенанта начал свой боевой путь в должности командира пулеметного взвода, затем роты. Участвовал в боях на территории Румынии, Польши, Германии, Чехословакии. Дважды ранен, дважды контужен.

Награжден тремя орденами и более двадцатью медалями ВОВ. Имеет звание полковника юстиции.

В 1952 г. окончил военно-морской факультет Военно-юридической академии. Служил на военно-прокурорских должностях во Владивостоке, Севастополе, Выборге, Хабаровске, дважды — в Главной военной прокуратуре. Закончил военную службу в 1974 г. в Международно-правовом отделе Главного штаба ВМФ СССР. С 1974 г. преподает в государственных вузах, в том числе с 1975 по 2003 г. работал на инженерно-экономическом факультете МПИ — МГУПа. В настоящее время — профессор юридического факультета Московского государственного социально-гуманитарного института.

В МПИ — МГУПе около 30 лет избирался и работал в профкоме, Совете ветеранов вуза. В последние годы издано 20 книг, в том числе «Записки пулеметчика и юриста». Имеет более сотни печатных трудов, в том числе о правовых проблемах печати.

Федоров Леонид Леонидович

[Интервью записано студентами в 2019 г.]

- Леонид Леонидович, я вас прошу вспомнить предвоенные годы.

- Я сам из Уфы, мама моя учитель. Учился я хорошо, интересовался литературой, немецким языком, занимался спортом, ходил на лыжах, участвовал в соревнованиях. Комсомольцем не был. Интересное было время. Непростое в материальном плане, хотя перед войной стало немножко лучше. И вот я сдал экзамены за 9-й класс — был июнь месяц, 22 число. У нас в Уфе был свой большой дом, садик... Я сижу в саду, солнце светит. И тут около 14 часов экстренное сообщение о том, что началась война. Я мальчишка совсем, 16 лет. И первая моя мальчишеская мысль, когда я услышал сообщение о начале войны: «Раз началась война, будет не скучно»... Все мы были воспитаны на патриотических песнях, например: «На вражьей земле мы врага разгромим // Малой кровью, могучим ударом». Потому вторая мысль мелькнула: «Ну, две недели — и мы победим». Но все оказалось далеко не так... И в 17 лет — повестка в военкомат и направление в Краснохолмское пехотное училище. Там я получил звание лейтенанта-пулеметчика, мне не было еще 18 лет.

- Советские солдаты проявляли массовый героизм на войне. Можете ли Вы вспомнить подобные случаи?

- Конечно, я пишу об этом в своей книге. У нас были герои, кавалеры орденов Славы. У нас один солдат подбил шесть танков! Гранатами! Причем необученный, простой солдат! Он спас, по сути

дела, весь полк батальона. Не все стали героями и кавалерами орденов, но все, не щадя крови и жизни, защищали Отечество! Мальчишки... по 17 лет, раненные... А нас немцы окружают, я гоню мальчишек своих: «Уходите, пока есть возможность!» Но нет, никто не уходит, продолжают вести бой!

- Расскажите, пожалуйста, о командирах.

- Разные были командиры на войне, разные... Об этом я тоже пишу в своей книге. Менялись они часто и на фронте, и в тылу... Ну вот, например, Яско-Кишиневская наступательная операция. Она началась 20 августа 44-го года. Северная Румыния. Поскольку стояла жара, нам приказали снять и оставить в окопах шинели, чтобы лишнего веса не было, а повозок с лошадьми, хоть они и положены были, нет. И вот десятки километров пулеметчики тянут пулеметы на себе — станок тянут на катках, а тело пулемета (а оно двадцать килограммов весит) — на себе. Кроме того, еще и другое снаряжение — автомат, винтовка или карабин, боеприпасы... Надо все нести, все на себе. И так несколько дней по страшной жаре. Мои пулеметчики, солдатики, выдыхались, отставали. Я помогал ребятам как мог... У нас был ротный Пилиев — я его очень запомнил — осетин, лет на десять старше меня, служил в кадровой армии еще до войны, то есть имеет опыт (я-то еще мальчишкой был). Я его официальный заместитель — командир первого взвода. И вот входим в румынское село, а там уже обед. Но я вижу, что мы даже пообедать не успеем, только-только подтягиваемся. Я пулеметы помогаю нести... Физическая, психологическая усталость — уже есть не хочется, лишь бы выпить воды и хоть бы пять минут посидеть. Тут уже команда: «Строиться!» И в этот момент, не успев я еще пулемет снять с плеча, ротный Пилиев орет: «Федоров, почему люди отстают?» Как будто он не видит, что они не могут десятки километров тащить пулемет на себе! А у меня до этого была тяжелая контузия... нервы напряжены... Вдруг он меня спрашивает: «Федоров, где Ведерников?» (Ведерников — командир второго взвода, из Казахстана, на год меня моложе, здоровый мужик — отошел в тот момент). И тут я не сдержался и отвечаю: «Я должен быть нянькой и сторожем еще и у Ведерникова?» Пилиев растерялся, он такого не ожидал. Потом он немножко опомнился и говорит: «Что ты так отвечаешь? Я тебя под суд отдам!» И начал доставать пистолет... руки трясутся. А я развернулся, и мой автомат уперся ему в грудь. Я, конечно, не собирался стрелять, просто так получилось. Тут подбежали артиллеристы и растащили нас. Чем бы это кончилось — неизвестно. Я прекрасно понимаю всю военную структуру, всю военную систему — и не только по тому времени, а и по последующему... Вот я и подумал: а чем бы это кончилось, если бы в этом конфликте — а конфликт был при солдатах — стал бы разбираться мой командир полка. Наверное, он бы меня обвинил: идешь против начальника. Но тут еще вмешался замполит Макиевский — он, видно, где-то недалеко был и слышал все это. Он подошел и говорит: «Федоров, в чем дело?» У меня губы дрожат — напряжение такое... Я ему отвечаю: «Пулеметчики выбиваются из сил, а ротный только орет вместо того, чтобы подумать о лошадях». Все! Большие никаких объяснений мне не пришлось давать. И вечером в этот же день решил вопрос с лошадьми — мы уже верхом с ротным едем на оседланных лошадях, я к нему не подъезжаю. У меня обида еще не прошла: так на фронте орать на людей нельзя. Он сам рисковал получить пулю в затылок или в спину от кого-нибудь — не от меня, конечно... Но ведь солдаты-то все это слышали! Короче говоря, он сам ко мне подъехал и спрашивает: «Что, Федоров, лучше стало?» Я говорю: «Лучше, потому что Вы не орете». После этого конфликта его из полка убрали: так с бойцами на фронте нельзя...

Я потом долгое время оставался замкомандира роты, пока не приехал с Ленинградского фронта Константин Сергеевич Пронин: он был тяжело ранен; родом из-под Казани, кадровый военный... Вот с ним мы воевали до конца войны как родные братья. Вот вам командир!.. Так что командиры были разные.

- Как Вы относились к религии? Изменилось ли у Вас отношение к ней после войны?

- В детстве я был крещен, конечно, но крестика не носил, все же было тайно. Конечно, отношение к религии было непростое. Но я видел, что многие на войне и с крестом были, и молились. А после войны я же учился в Военной академии, там столько было таких специальных дисциплин, что все мы были атеистами. Нет, не очень я верил, я все время думал и сейчас так думаю, что если бы был Бог, то такой войны не было бы. Вот так.

- Где и как Вы встретили День Победы?

- 7 мая мы начали последнее наступление на юге Германии, стояли в обороне недели две. В этой же обороне узнали, что взят Берлин. Освободили несколько городов. Но война продолжа-

лась. Мы перешли на территорию Чехословакии, но еще не получали никаких команд двигаться к Праге. Просто вели бои. 8 мая мы остановились в одном чешском селе на обед. Я сидел где-то в стороне от дороги, солдаты мои рядом, офицеры... Вдруг вижу, как вдоль села скачет офицер связи на коне и кричит: «Где штаб полка?» Думаю, обычные дела фронтовые, может, приказ или изменение приказа. Мы ему: «Иди туда». Он поскакал к центру, и оттуда уже была команда командиру роты, командиру полка. Мой ротный Пронин пошел туда, через какое-то время вернулся. А после обеда мы должны были брать одно село. Его брал до этого наш 49-й полк. И мы только видели, как оттуда шли раненые, не смогли они взять село, а мы должны были этот полк сменить. Мы с Прониным идем к передовой, впереди наши солдаты. И вдруг Пронин мне говорит: «Леша, побереги себя сегодня». А я призадумался и ответил: «Ну а что сегодня? А завтра?.. Завтра будет то же самое». Понимаете, он не имел право сказать, что завтра кончится война. Хотя он об этом знал, его предупредил командир полка. Пронин отвечает: «А завтра все это кончится». Но до меня это даже не дошло, и вокруг уже начали взрываться мины...

Село мы это, кстати, так и не взяли. Ночь переночевали в лесу. И меня поразило, что часа в 23 вдруг все стихло. Фронтной гул, очереди, орудийные залпы в отдалении, даже свет ракет уже не светит. Все затихло, и спали мы совершенно спокойно. А утром мы уже услышали стрельбу, залпы, «Ура, ура!». Так и поняли, что кончилась война.

- Что бы Вы пожелали, посоветовали молодежи?

- Прежде всего, молодежи нужно пожелать, чтобы она помнила и знала, на какой земле она живет, как непроста наша история — не только Отечественной войны, но и предыдущих лет. Нужно пожелать здоровья, счастья, быть хорошими гражданами страны, воспитывать как нужно детей своих, внуков.

ЦИШЕВСКИЙ Юрий Александрович (1910 – 1992)

капитан, выпускник МПИ

Родился в 1910 году в городе Пошехонье Ярославской области.

Добровольцем ушел в народное ополчение. С октября 1941 г служил художником в армейской газете «За честь Родины» 20-й армии Западного фронта, затем в газете «За Родину!» 3-го Прибалтийского фронта, а с 1944 г. в газете «За Победу!» 146-й стрелковой дивизии Белорусского фронта.

С 1945 по 1949 г. Юрий Цишевский служил в армейской газете в группе оккупационных войск в Германии. Демобилизовался в чине капитана.

Награжден орденом Красной Звезды и медалями.

Еще в детские годы, воспитываясь в подмосковном детском доме, встретился с интересным внимательным педагогом, преподавателем рисования, бывшим участником товарищества передвижных выставок, художником Я.А. Башиловым, давшим ему самые первые наставления по рисунку и живописи. В 1928 – 1932 гг. последовала учеба во ВХУТЕИНе и Московском полиграфическом институте, овладение профессиональными навыками у та-

ких учителей как В.А. Фаворский, П.Я. Павлинов, Л.А. Бруни, С.В. Герасимов. С первого курса наряду с учебной выполнял творческую работу в ряде центральных московских издательств (ОГИЗ, «Учпедгиз» и др.). После окончания МПИ в 1932 г. в журналах «Огонек» и «Смена», в книгах издательств «Молодая Гвардия», «Детгиза» появились первые иллюстрации Ю. Цишевского. Тогда же он становится художественным редактором в «УралОГИЗе», «Историческом журнале».

С 1949 г. — художественный редактор журнала «Работница», с 1957 г. — «Юности». Проиллюстрировал более 50 книг. Участвовал в 14 крупных выставках, награжден пятью дипломами как победитель конкурсов на лучшее оформление книги. Работы Ю.А. Цишевского хранятся в музеях Москвы, Казани, Тарту, Острова, Берлина. Ряд работ, личные вещи, награды экспонируются в музее истории МПИ-МГУПа.

Цишевский Ю.А. член Союза журналистов СССР и Союза художников СССР. Заслуженный деятель искусств РСФСР.

Работая в газетах, не расставался с карандашом и блокнотом, а когда требовал воинский долг, брал в руки автомат.

Прошел путь от Подмосковья до Берлина и запечатлел его в рисунках.

Народный художник РСФСР Виталий Горяев оставил об этих работах такую запись: «Фронтные рисунки Юрия Цишевского ценны тем, что они не успели обрасти мастеровитой артистичностью выполнения — холодной, отмеренной обработкой деталей. Удивительно, что масса этих деталей все-таки изображена, но словно мимоходом, как и воспринимались они в то время. В этом глубокая правдивость, непреходящая ценность рисунков. Во всем ощущаешь суровое начало, жестокое единоборство и торжество победы».

Деревни, окопы, воинские эшелоны на полустанках в Псковщине, сражения за города и села Литвы, Латвии, Польши, освобождение Тарту, Риги и, наконец, битва у стен Берлина. Все этапы «большого пути» — в рисунках Цишевского. Рожденные в период наиболее драматических событий в жизни народа, они несут в себе дыхание того времени. И теперь, спустя годы, старые солдаты, останавливаясь у пожелтевших листов ватмана, вновь переживают незабываемое.

В кровопролитных сражениях дивизия потеряла многих своих бойцов. Но немало их осталось жить в карандашных набросках Цишевского. Они глядят на нас сегодня с рисунков фронтного художника.

Апрель-май. 1945-й

[Воспоминания Цишевского Ю.А. опубликованы в журнале «Советский художник» № 8 от 28 февраля 1978 г.]

В последний год войны мне довелось служить художником в газете 146-й Острожской Краснознаменной ордена Суворова II степени стрелковой дивизии. Служба в «дивизионке» (так мы называли нашу дивизионную газету), систематическое знакомство с полками и батальонами позволили мне часто бывать на передовой в боевых порядках, делать карандашные наброски с натуры в своем походном альбоме и иногда восстанавливать по памяти наиболее интересные эпизоды.

Просматривая сегодня свои пожелтевшие фронтные рисунки и вспоминая военные годы, я задавал себе вопрос: какие же эпизоды произвели на меня наибольшее впечатление? И должен был ответить: «Ну, конечно же, битва за Берлин!»

В начале апреля 1945 года дивизия получила приказ готовиться к наступлению на Берлин. Трудно описать радостное возбуждение, охватившее всех наших бойцов. Думали только о том, чтобы не изменили маршрут, чтобы не лишили счастья быть участником величайшего исторического события, свидетелями падения фашистской твердыни.

Но перед этим нашей дивизии предстояло форсировать Одер и закрепиться на Одерском плацдарме. Ох уж эта переправа, она никогда не сотрется из памяти наших ветеранов. Под непрерывным обстрелом и бомбежками, по хрупкому настилу, неустанно ремонтируемому измотанными, усталыми саперами. Сначала только по ночам, а потом и в дневное время нескончаемым потоком шли машины. С пушками, минометами, боеприпасами. Урчали танки, двигалась пехота, конные

повозки, верхом мчались связные, брели раненые. В то время Одер разлился как море, западный берег его был еле заметен, т.к. немцы где-то в верховьях разрушили плотину. Берег реки был усеян разбитой техникой и конскими трупами. По своим беглым наброскам я восстановил общую картину понтонной переправы и она сохранилась во фронтовом альбоме.

22 – 24 апреля наша дивизия вступила в Берлин и завязала уличные бои. Вскоре и наша редакция поселилась в одном из домов на северной окраине города. В подвале этого дома сидели немецкие жители – женщины, старики, дети. Они были напуганы геббельсовской пропагандой о «зверствах большевиков» и боялись высунуть нос во двор. Долго пришлось их убеждать, что убивать мы их не собираемся, а хотим поделиться с ними хлебом и консервами.

Захватив альбом, я отправился бродить по только что освобожденным улицам. Где-то я наткнулся на какие-то заводские склады, услышав чьи-то голоса. Говорили как будто на польском языке. Заглянул в подвал. Вижу – нары. На них лежат и сидят исхудалые, изможденные люди, в большинстве молодежь, парни и девушки. Они встретили меня приветственными возгласами, вставляя русские слова в польскую речь. Так польские подростки, угнанные на фашистскую каторгу, выражали свою радость при встрече с советским офицером.

Дивизионная газета сообщила о том, что бойцы дивизии, ведя тяжелые бои, приближаются к центру Берлина. 30 апреля наши подразделения вышли к Александерплац. Пробираюсь туда, поближе к артиллерийскому грохоту. Потом сижу на КП батальона. Парторг знакомит с молодым сержантом. Всмотриваюсь в его смелое, почти мальчишеское лицо со вздернутым веснушчатым носом и лихо заломленной набок пилоткой. Набрасываю его портрет для своей газеты. Этот юноша представлен к ордену Красной Звезды за проявленный героизм и находчивость при захвате Александерплац. Будучи командиром пулеметного расчета и потеряв убитыми своих бойцов, он нашел в себе мужество один на один встретиться с двумя фашистскими «фердинандами» и поразил их трофейными фаустпатронами.

Через завалы и баррикады, через уцелевший мост Мольтке вместе со связными пробираюсь ближе к самому центру города. На одной из улиц увидел артиллеристов нашего 280-го артполка, втаскивавших 76-миллиметровую пушку на второй этаж «Дома Гимmlера» (так называли бойцы здание гитлеровского министерства внутренних дел) для стрельбы прямой наводкой – по фашистам, окопавшимся на Королевской площади. Мой альбом тут пополнился еще одним документальным наброском.

- Через день-два будем праздновать падение Берлина, – сказал мне редактор газеты майор П. Костылев. – Надо тебе нарезать на линолеуме большой плакатный рисунок для первой полосы газеты, выразить в нем нашу победу, поверженный Рейхстаг и победный парад наших войск, который должен состояться. Придется тебе не ходить сейчас в батальоны и засесть за эту работу.

Задание было почетным, но оно озадачило меня тем, что я к тому времени еще не видел своими глазами Рейхстага, а поскольку фашистский гарнизон пока не сложил оружия, попасть в этот район я не мог. Рейхстаг я представлял только по лакированным открыткам, которые валялись почти в каждом немецком доме, а по открыткам он выглядел блистательным дворцом в стиле ампира, окруженным подстриженными газонами и аллеями версальского типа. Но задание важное, и я сел набрасывать композицию. Резал линогравюру всю ночь. На следующее утро газета «За Победу!» вышла с моим плакатом. Это был день 2 мая – день падения Берлина. В этот же день, преодолевая заторы и помехи из-за шестивия несметных полчищ сдавшихся в плен гитлеровцев, полуторка нашей редакции подошла к Рейхстагу. Вот тут-то я увидел, что эта закопченная, исковерканная глыба своим внешним обликом никак не похожа на то, что я изобразил в газете. Но никто из наших газетчиков не огорчился этим обстоятельством, так как то, что мы увидели 2 мая 1945 года, не забудется никогда. Это была закопченная громадина, под куполом ее развевалось Красное знамя – знамя Победы, знамя расплаты и возмездия. Здесь творилось что-то невообразимое. Здесь встречались бойцы и офицеры из всех частей и подразделений, штурмовавших Берлин. Они пришли сегодня. Они пришли, чтобы увидеть своими глазами эту мрачную глыбу, чтобы поздравить друзей с победой, чтобы прокричать громкое «Ура!!!». Многие встретили здесь своих однополчан, земляков, родных, знакомых, с которыми разминулись на фронтовых дорогах. Всюду в толпе шинелей, ватников, бушлатов – объятия, радостные возгласы. На закопченных стенах появляются надписи, свидетельствующие о том, что в центр Берлина с победой пришли советские люди из разных уголков необъят-

ной Родины. Потoki необычных экскурсантов, почерневшие, некогда роскошные залы фашистской твердыни. Люди заполнили все переходы и по разбитым ступеням лестницы взбирались до самой крыши.

Я тоже забрался на самый верх, на одну из боковых башен, откуда открывалась широкая панорама на искалеченный боями Берлин, на изрешеченные снарядами купола и развевающееся на ветру наше алое победное Знамя. Здесь я сделал свой последний набросок — в поверженном Берлине.

[В музее истории МПИ – МГУПа находится архив Ю.А.Цишевского]

БАРЫКОВ

Геннадий Иванович

**Герой Советского Союза, к.ф.-м.н., доцент кафедры высшей математики
Всесоюзного заочного политехнического института
(Открытый университет)**

Родился 3 сентября 1921 года в селе Базарный Сызган (по разным данным — в селе Папузы Базарносызганского района Ульяновской области или в посёлке Гурьевка Барышского района той же области) в семье крестьянина. Окончил среднюю школу в посёлке Барыш (с 1954 года — город). Учился в Рыбинском авиационном институте.

В марте 1940 года был призван в Красную армию Ждановским райвоенкоматом города Москвы. Служил в железнодорожных войсках, участвовал в строительстве моста через Днепр. Участник похода советских войск в Бессарабию в июне—июле 1940 года.

В Великой Отечественной войне воевал с первых дней, сначала на Южном фронте, с июля 1941 года — в стрелковой части на Центральном фронте, стал броневой бойщиком. В ноябре того же года в боях под городом Ельцом старший сержант Барыков из противотанкового ружья поджёг танк противника. С мая 1943 года воевал на Западном и 3-м Белорусском фронтах. Имел три ранения. Член ВКП(б) с 1943 года.

Фронтовые дороги привели сержанта Барыкова в артиллерию. В боях за Восточную Пруссию — командир орудия батареи 76-мм пушек 753-го стрелкового Минского Краснознамённого, ордена Суворова 3-й степени и Кутузова 3-й степени полка 192-й стрелковой Оршанской Краснознамённой дивизии 113-го стрелкового Тильзитского Краснознамённого корпуса 39-й армии 3-го Белорусского фронта, старший сержант. Особо отличился при штурме города-крепости Кёнигсберга (ныне — Калининград) весной 1945 года.

6 апреля 1945 года во время атаки обороны гитлеровцев в районе Варгена (ныне — посёлок Котельниково Зеленоградского района) расчёт старшего сержанта Барыкова, действуя в цепи наступающих пехотинцев, выкатил орудие на прямую наводку и прицельными выстрелами уничтожил три зенитные пушки, пять пулемётов и двадцать человек живой силы противника.

На следующий день, 6 (по другим данным — 7) апреля 1945 года, оружейный расчёт старшего сержанта Г. И. Барыкова одним из первых в полку переправился через канал Ланд-Грабен (ныне — канал Мостовой). А чуть позже, заменив в бою с группой контратакующих танков противника выбывших по ранению наводчика и заряжающего, в одиночку меткими выстрелами уничтожил два тяжёлых танка и четыре орудия. После того, как боекомплект был израсходован до последнего снаряда, пошёл в атаку вместе с пехотинцами. Часть фашистов была перебита, другие отступили и некоторые остановились в нерешительности. К ним-то и бросился Барыков с ав-

томатом и противотанковой гранатой. Дерзость сержанта ошеломила немцев, и на его приказание «Хенде хох!» девятнадцать фашистов подняли руки. Пленных Барыков доставил на командный пункт.

За этот подвиг старшему сержанту Геннадию Ивановичу Барыкову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза: «За образцовое выполнение заданий командования и проявленные мужество и героизм в боях с немецкими захватчиками» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После разгрома гитлеровской Германии в составе своей стрелковой дивизии принимал участие в войне с Японией на Дальнем Востоке. С октября 1945 года, после реформирования дивизии в дивизию конвойных войск НКВД, стал военнослужащим конвойных войск. Охранял расположенные в Забайкалье лагеря с японскими военнопленными. Демобилизовался в 1947 году в звании лейтенанта.

В 1951 году окончил механико-математический факультет Московского государственного университета. Защитил диссертацию с присвоением ученой степени кандидата физико-математических наук (1954). Преподавал в МАТИ (1965 – 1974 гг.), доцент (с 1966 г.) на кафедре высшей математики Всесоюзного заочного политехнического института (Москва), в Военном институте связи (город Мытищи Московской области).

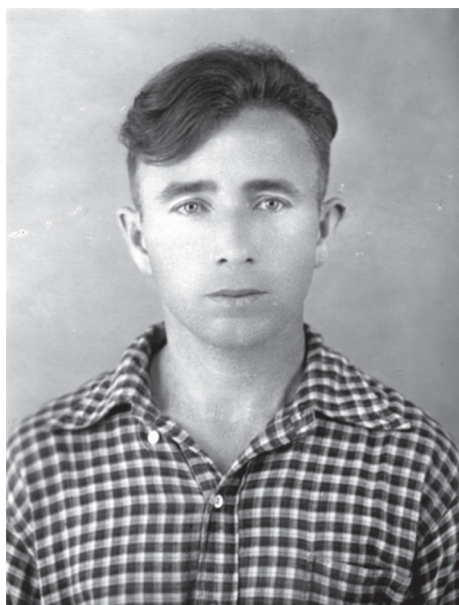
Кавалер большого числа государственных наград, в том числе семи орденов Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени, Красной Звезды, Славы 2-й и 3-й степени, а также многочисленных медалей, включая две медали «За отвагу».

[Данный материал предоставлен интернет-изданиями]

МЕДВЕДЕВ
Михаил Николаевич (1921 – 2009)

д-р физ-мат. наук, профессор, зав.кафедрой физики МВМИ (1978 – 1990)

Родился 12 ноября 1921 г. в с. Кузьмино-Гать, Тамбовской области. С отличием закончив школу, поступил в Ленинградский железнодорожный институт. В ноябре 1939 года был призван в армию и прослужил до мая 1946 года.

Участник Великой Отечественной войны. В первый период воинской службы с боями прошел путь от Прибалтики до Новгорода, где был контужен и отправлен в госпиталь г. Самарканда. Уже в 1942 г. получил направление в ополченческую дивизию Киевского района г. Москвы. С этой дивизией в составе 221 гвардейского с.п. 77 с. Черниговской Краснознаменной дивизии прошел путь от Сталинграда до Берлина, участвовал в Курской битве, форсировал Днепр, далее – Висла-Одерская операция. Закончил войну в звании «гвардии старшина».

В июле 1946 г. вернулся в Ленинград, поступил в Ленинградский политехнический институт, на физико-механический факультет. Во время преддипломной практики в Радиовом институте имени В.Г. Хлопина М.Н.Медведев познакомился с работами о взаимодействии ионизирующего излучения с веществом, и это направление в науке стало главным для него на всю жизнь. В 1962 году защитил кандидатскую, а в 1975 г. докторскую диссертацию.

Работал в Дубне, в НИИ импульсной техники Москвы.

В 1978 г. становится заведующим кафедрой физики МВМИ, которая в течение 10 лет под его руководством успешно разрабатывала методы неразрушающего контроля в металлургии. В 2007 г. была издана его монография «Лазерная локация радиоактивных аэрозолей в окружающей среде».

[Для написания статьи использованы материалы «Ученые МГВМИ», подготовленные д.т.н. проф. Еланским Г.Н. и интернет-издания]

От Волги до Эльбы

[воспоминания М.Н.Медведева, опубликованные в газете «Мартиновка» 24 и 27 мая 1985. Печатается в сокращении]

В РОТЕ связи 221-го гвардейского полка я был начальником радиостанции и должен заметить, что к радиосвязи, т.е. связи без проводов, в армии относились в годы войны по-разному. Авиаторы и танкисты, к примеру, считали беспроводную связь наиболее эффективной и с удовольствием пользовались радиопередатчиками. Артиллеристы и пехотинцы отдавали предпочтение проводам. Телефон — это прибор, пользоваться которым могли лишь два человека на разных концах связи. В трубку можно было передавать такие слова, такие сообщения, которые вовсе не предназначались для посторонних. Радиосвязь — дело другое: сказал слово, и пошло гулять оно по эфиру, слушай, кто хочет.

Но как бы там ни было, и радиосвязь, и телефон играли важную роль в системе взаимодействия разного рода войск, помогали им четко проводить совместные операции по уничтожению живой силы и техники противника.

... «Курган, Курган, я — Приток, я — Приток ... Как слышите? Немцы атакуют нас численностью до батальона. Помогите огоньком. Как поняли? Я — Приток, прием ...» — разносилось в эфире. Наши батальоны только что заняли хутор Алексеевский и вели атаки на две высоты южнее хутора. Вскоре пехота овладела и этими высотками. Немцы, однако, не хотели мириться с таким положением: собрав отступающие подразделения, пополнив их из резерва, они пошли в контратаку.

Моя радиостанция находилась на наблюдательном пункте (НП) командира полка, который располагался на восточном склоне балки. В боях по ликвидации гитлеровцев под Сталинградом наш полк поддерживала батарея реактивных минометов, знаменитых «катюш», и командир батареи, как правило, всегда находился рядом с комполка, чтобы координировать действия своих батарейцев. И вот мы получили по радио сообщение от Притока. Это были позывные командира 2-го стрелкового батальона. Комполка тут же отдает распоряжение помочь «огоньком» нашим пехотинцам, героически сражающимся на высотах. Прошло несколько минут, и вот четыре грозные «катюши» уже встали наизготовку для ведения своего всеокрушительного огня. Раздается команда «Огонь!», и мощные залпы разрывают воздух. С наблюдательного пункта командира полка даже невооруженным глазом было видно, какой ад творился на позициях гитлеровцев. А еще через несколько минут вновь вышел на связь Приток: «Спасибо за огонек. Теперь высоты обязательно удержим ...».

Так и произошло. Наши прочно закрепились на отвоеванных у врага позициях. Командир полка дал распоряжение о переносе своего «НП» на одну из высоток. Поле перед хутором Алексеевским было покрыто воронками от взрывов мин и снарядов. Идти с радиостанцией за плечами и автоматом на груди было по нему непросто: то и дело приходилось проваливаться в рытвины. Когда добрались до высоток, январский день уже сменился сумерками.

Вскоре состоялся сеанс радиосвязи с командиром дивизии. Комполка получил новое указание: двигаться на хутор Гончары. Пока колонна выстраивалась для похода, стало совсем темно. И тут произошел интересный эпизод, который, впрочем, мог обернуться для нас бедой, если бы не предосторожность командира полка. Сквозь ночную мглу вдруг пробились лучи света, донесли звуки работающих моторов. По лучам определили: идут пять автомашин. Командир полка подал команду: «Ложись!», а взвод разведчиков отправился навстречу машинам. Разведчики остановили их. В машинах оказались ... немцы. Все произошло так неожиданно, что они и не думали сопротивляться. С помощью переводчика установили, что колонна гитлеровцев следовала в хутор Гончары. Упленных немцев отобрали оружие, выгрузили их с автомашин и отправили под командой наших автоматчиков на сборный пункт.

А Приток в это время сообщал, что их наступление из-за сильного сопротивления гитлеровцев приостановилось. Немцы усилили автоматный огонь. Эти данные я передал командиру полка и продолжал поддерживать радиосвязь с наступающими подразделениями. Работать с передатчиком при морозе в 30 градусов было не так уж просто, руки не слушались, да и к тому же микрофон нужно было постоянно согревать, чтобы не отсырел порошок в приборе. Но, ничего, выдержал. Связь работала безотказно.

... Мы подходили к хутору Гончары. Как и Алексеевский, этот хутор сохранил лишь одно название. Ни одного жилого дома, ни одного жителя. А в балке, что почти у самого хутора, горят грузовые машины. На ее склонах вился дымок. Вскоре разведчики определили, что на склоне балки немцы оборудовали землянки и греются у печей, спасаясь от лютого русского мороза. Часовые у землянок были уже сняты нашими разведчиками, и ничто не мешало «выкурить» противника из насиженных мест. Позакрывали трубы, и гитлеровцы выскочили на мороз ... Теперь землянки наши, можно хотя бы часок погреться и отдохнуть. С удовольствием снял с плеч тяжелую рацию и забылся в сладком солдатском сне. А вскоре началось новое наступление, теперь уже на станцию Гумрак. К утру станция была полностью освобождена от немцев. А днем мы уже находились у завода «Красный октябрь». Затем были бои на Мамаевом кургане, за освобождение вокзала. И, наконец, встреча с воинами, которые наступали со стороны Волги. Радости нашей не было конца. 31 января 1943 года бои на нашем участке закончились ...

В конце апреля 1943 г. — бои в районе г. Белева, на Оке. После освобождения Чернигова и форсирования Днепра вышли к границе Белоруссии. Ожесточенные сражения за г. Калинковичи и в Мозырских болотах. Потом были бои под Ковелем, форсирование рек Буг и Вислы, захват плацдарма в 100 км от Варшавы. (Печатается в сокращении — от редакции).

Больше недели полк находился на передовой. Хмурым январским утром 1945 г. по радио был передан условный сигнал. По этому сигналу началась артподготовка. Пока она продолжалась, было получено указание о связи с танковым корпусом прорыва. К полудню захватили у немцев третью линию обороны. Последовало указание: «Закрепиться, пропустить танки». Вперед пошли мощные бронированные машины корпуса прорыва. Больше часа двигались они мимо нас. За это время старшины рот успели накормить солдат. Вскоре вслед за танками пошли и батальоны нашего полка.

Дорога, по которой пошли танки, во многих местах оказалась заминированной. Об этом свидетельствовали две подбитые машины. А в одном из населенных пунктов нас встретили автомат-

ным и пулеметным огнем немцы. Только ночью смогли мы ворваться в поселок. Немцы отступили, но недалеко. Утром после минометного огня мы приступили к ликвидации остатков врага. Последнюю группу, примерно сотню солдат, уничтожили в районе кладбища.

Пока шел бой, я связался по радио с танкистами. Они сообщили, что находятся на подступах к городу Лодзь и просили поскорее обеспечить поддержку пехотой. И вот из дивизии в полк поступает приказ: «Вперед, на Лодзь!». Марш-бросок был очень тяжелым. По дороге пришлось не раз вступить в бой с отдельными немецкими подразделениями. Освобождали небольшие города и населённые пункты. И вот город Лодзь. Но пройти его пришлось без остановки, потому что танкисты уже продвинулись далеко вперед. А мы получили новый приказ: «На Познань!». После освобождения этого польского города двинулись дальше, на Одер.

... 2 февраля 1945 года стояла пасмурная погода, шел снег. Мы шли походным маршем к Франкфурту-на-Одере. Каждый из нас хорошо знал поставленную задачу: захватить мост через Одер и войти в город. Однако с ходу это сделать не удалось. И вот почему.

Несмотря на плохие погодные условия, перед Одером нас встретила вражеская авиация. А из района, прилегающего к мосту через реку, немецкая артиллерия открыла по нашей пехоте массированный обстрел. Пришлось сойти с дороги и по глубокому снегу выходить на берег Одера. Франкфурт жил своей жизнью. По левому берегу реки из города и в город двигались автомашины, а по железной дороге — пассажирские поезда.

В ночь на 3 февраля батальоны полка переправились на левый берег Одера и заняли оборону на насыпи железнодорожного полотна. Переправили также полковую артиллерию и миномёты. Днём завязался бой. Немецкие части при поддержке авиации пытались столкнуть нас обратно в Одер. Не получилось! Следующей ночью гитлеровцы открыли шлюзы канала Шпрее-Одер и затопили наш плацдарм. Но советские воины выдержали и это лихо. А через несколько дней к нам на помощь подошли свежие части ...

В конце февраля 1945 года полк сосредоточился севернее города Франкфурта-на-Одере. Перед нами была поставлена задача расширить захваченный плацдарм. С правого фланга полка просматривался старинный замок. Солдаты поговаривали, что он принадлежит генералу, который лично руководит его обороной. Подразделения полка окружили замок, подтянули артиллерию и миномёты.

Наша радиостанция находилась на «НП» командира полка и работала только на прием: мы следили за работой станции окруженного гарнизона замка. Оттуда по рации немцы просили своих помощи, потому что продукты и питьевая вода были на исходе. Перехватили мы сигнал о том, что на помощь окруженным направлен танковый десант. Об этом я доложил командиру полка. Он тут же дал приказ комбатам: встретить немецкие танки огнем и не пропустить в замок ни одной бронированной машины.

При движении от Вислы к Одери наш полк захватил немецкий склад с фаустпатронами. Солдаты быстро освоили этот вид оружия. И когда фашистский танковый десант подходил к нашему переднему рубежу, солдаты полка сразу же подбили этими фаустпатронами четыре вражеских танка. Остальные повернули назад. Окруженный гарнизон замка помощи так и не получил. Наше командование предложило немцам сложить оружие и сдаться. Они отвергли это разумное предложение. И тогда заговорили наши орудия и миномёты. После часового массированного обстрела оставшиеся в живых гитлеровцы стали выходить из замка с поднятыми руками и возгласами «Гитлер капут!».

Наступил апрель. Советские воины готовились к последней схватке с фашизмом. В ночь перед наступлением немецкий тяжёлый снаряд разорвался вблизи наблюдательного пункта командира полка. Радиостанция была выведена из строя, а запасная в тот момент отсутствовала. Вместе с радистом всю ночь ремонтировали приемник и передатчик. К рассвету, наконец, починили.

Я вышел из блиндажа на воздух. На севере, в районе Зееловских высот, уже просматривались сполохи артиллерийских взрывов, доносились звуки канонады. Вскоре и в нашем районе заговорили орудия и миномёты. В первый день наступления полк только вклинился в оборону немцев, у соседей дело обстояло лучше: им удалось прорвать вражеский заслон. В образовавшуюся брешь ворвался и наш полк. Наступление развивалось стремительно, и вскоре мы встретились с передовыми танковыми частями 1-го Украинского фронта.

1 мая 1945 года. Полк выстроился для похода. Командир поздравил нас с Днём международной солидарности трудящихся. После этого походной колонной мы направились к Берлину. А в ночь на 3 мая полк вступил в свой последний бой с группой фашистских войск, прорывавшихся на запад. В коротком бою гитлеровцы были разбиты и восемьдесят солдат и офицеров сдались в плен. 4 мая головной отряд полка сообщил по рации, что повстречался с американцами. Вечером этого дня мы вышли на берег Эльбы. Здесь я встретил долгожданный День Победы ...

**АГЕЙКИН
Яков Семенович**

д-р. техн. наук, профессор МГИУ

Родился 03 ноября 1924 г. в с. Озерки, Тамалинского р-на, Пензенской области.

В 1942 г. призван в армию. В августе 1943 г. — рядовой роты автоматчиков на Западном фронте. Окончил курсы младших лейтенантов и в феврале 1944 г. — командир стрелкового взвода на 2 Прибалтийском фронте. Был ранен. Затем командир взвода бронетранспортеров 46 гвардейской танковой бригады 9 механизированного корпуса 6 армии 2 Украинского фронта (1944 — 1945 гг.), участник сражений: Смоленской, Будапештской, Венской, Пражской операций.

В августе-сентябре 1945 г. на Забайкальском фронте в Монголии, в войне с Японией.

Награжден двумя орденами Отечественной войны, За боевые заслуги, За службу Родине, медалями «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение

Праги», «За победу над Германией», «За победу над Японией».

После войны: в 1947 — 1980 гг. — слушатель Академии бронетанковых войск, адъютант, преподаватель. Здесь защитил кандидатскую и докторскую диссертации. С 1964 г. — профессор. Звание — полковник. Научные интересы в области изучения проходимости автомобилей. Автор более ста работ, в т. ч., двух монографий, изданных за рубежом. В 1980-2014 гг. работал в МГИУ, десять лет — заведующий кафедрой «Автомобили и двигатели», а с 1990 г. — профессор. «Заслуженный деятель науки РФ».

Воспоминания о войне

[данный материал записан и обработан Морозовой С.В. и Грицаевой Ю.А. на основе аудио-интервью, опубликованного в интернет-ресурсах: программа «Народный архив»]

В начале войны, в 1941 г. мне было 17 лет, я закончил девятый класс. Часто спрашивают: «Готовились ли мы к войне?». Да, готовились. В средней школе было много военизированных кружков, мы сдавали нормы ГТО, на готовность к санитарной обороне, на готовность к противоздушной химической обороне, «Ворошиловский стрелок» — нас активно готовили к войне. Лозунг был такой: «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!». Но как показала жизнь, к войне мы оказались неподготовленными. Она началась совершенно неожиданно для всех — начиная со Сталина и кончая нами, школьниками. Спустя десять дней после начала войны нас школьников, старшеклассников, вызвали в школу и объявили, что мы мобилизованы на трудовой фронт. Мы оказались около Ельни, где копали противотанковый ров. Противотанковые рвы обычно имели семь метров в ширину и три с половиной метра в глубину. В длину — километры. Тогда всех, кого можно было — школьников и неработающих женщин, — мобилизовали на то, чтобы копать эти рвы.

Когда ров был практически готов, около нас начали рваться снаряды. Оказывается, немцы выбросили десант, и мы оказались в полуокружении. Километров семьдесят нам пришлось бегом пробираться по узкому оставшемуся проходу до железнодорожной станции, где стоял состав с открытыми платформами. Мы сели на эти платформы и доехали до узловой станции, а потом до Сталиногорска, откуда нас призвали на Трудовой фронт. Что запомнилось в этот первый эпизод? Когда мы уходили из-под Ельни, появились наши отступающие солдаты. Они были так измождены, истощены, что не могли нормально нести винтовки — они несли их волоком. Держали за дуло и волоком по земле тащили. Вот в таком положении оказались солдаты — те, которые приняли на

себя удар немцев. Примерно спустя месяц нас опять вызвали и снова мобилизовали на трудовой фронт уже под Тулу, где мы выкопали противотанковый ров. И вот под Тулой эти противотанковые рвы, очевидно, сыграли свою роль, потому что Тулу немцы так взять и не смогли. Сыграли ли роль противотанковые рвы под Ельней — трудно сказать. Можно сказать, что Ельня стала очень и очень заметной, потому что под Ельней Красная армия нанесла первый контрудар по немцам.

Затем я оказался в Тамбовском пулеметном училище. Оно было развернуто на базе кавалерийского училища. Там готовили офицеров в течение шести месяцев. Но уже через три месяца половина училища была поднята по тревоге и отправлена на фронт. Прошло пять с половиной месяцев, и мы, оставшиеся, начали уже готовиться к выпускному вечеру, но нас неожиданно подняли по тревоге, выдали теплое обмундирование и отправили на фронт — не присвоив нам офицерского звания. Мы думали, что окажемся под Сталинградом, потому что к тому моменту только что закончилась Сталинградская битва в феврале 43-го, но оказались под Вязьмой.

Вначале мы попали в гвардейский запасной полк, и в этом полку нас ожидали первые испытания. Через какое-то время совершенно прекратились доставки продовольствия, нас вообще перестали снабжать. В какой ситуации мы оказались можно понять по такому примеру: где-то у населения ребята украли мешок картофельных очисток, и мы какое-то время мы питались ими. Состояние наше было такое: поднимаешься с нар, и... начинает покачивать — трудно было удержаться. Затем снег начал таять, и из-под него появились лошади. На этих лошадях мы набросились, кто, с чем мог — перочинные ножи и даже лезвия... Эти лошади были убитые или дохлые, но, как мне представляется, они-то нас и спасли...

Затем, перед тем как отправить нас на передовую, нам выдали по полтора килограмма зерна. Я не помню, это была рожь или пшеница, но вот с этим запасом продовольствия мы прошли километров пятьдесят — семьдесят до передовой. В сутки мы не могли пройти больше десяти километров.

Когда мы прибыли на передовую, по-моему, в 80-ю дивизию, появились, так называемые, «покупатели», которые выбирали себе специалистов. Первым появился какой-то капитан-пулеметчик. Вопрос: «Пулеметчики есть?» Мы все стоим: мы все пулеметчики, все из пулеметного училища. Ни один не поднял руку. Один пытался, но его так дернули, что чуть не оторвали руку. Спрашивается: почему мы не захотели быть пулеметчиками? Потому что в училище на тактических занятиях нам приходилось очень много на себе таскать этот пулемет «Максим». Станок весит 32 килограмма, ствол — 20 килограмм, да еще патроны. Поэтому мы так устали от пулемета, что наше поведение, очевидно, было оправдано.

Затем появился старший лейтенант. Вопрос: «Автоматчики есть?» Мы все автоматчики. Так мы все оказались в полковой роте автоматчиков. И не только мы, но еще и курсанты Томского (тоже) пулеметного училища. В этой роте автоматчиков оказалось семьдесят семь курсантов двух пулеметных училищ. Все ребята с 24-го года рождения.

И вот первый бой. Это была Смоленская операция на Западном фронте в самом начале августа. Только что закончилась Курская битва. Задача была освободить Смоленскую область и выйти на границы Белоруссии. Что я хорошо помню? Когда нас выдвигали на передовые окопы ночью, поразила масса артиллерии. Было очень много артиллерийских орудий и реактивных снарядов. Их называли «Андрюша». Это такой снаряд в ящике. Этот ящик со снарядом соответствующим образом устанавливали, поджигали, и снаряд за счет реактивной силы летел (иногда вместе с ящиками). Немцы даже говорили: «Русь фанерой бросается». Вот такие были эти снаряды. В пять часов утра началась артподготовка. Длилась она часа полтора. Взошло солнце, но ничего не было видно: дым пыль, мгла — сплошная темнота. Вот так выглядела первая артподготовка, которую я увидел. Перед нами была поставлена задача — как только артиллерия начнет переносить огонь вглубь, мы сразу по сигналу ракеты должны будем выскакивать из окопов и с криком «Ура!» и со стрельбой двигаться — вперед, вперед... Наша рота должна была занять примерно километрах в полутора рожицу, где, как думали, находится командный пункт немцев. Но нас ждал один сюрприз. Как только появилась ракета, мы выскочили из окопов и побежали. Нейтральная полоса была около километра, поэтому, естественно, близко немцев мы не ожидали. Однако уже метров через двести наткнулись на них. В нас полетели гранаты, началась стрельба из автоматов, уже появились убитые, раненые. Но, естественно, немцев смяли, потому что уж слишком много нас было. И дальше — вперед, вперед и вперед!

Я хочу обратить внимание вот на что: нам всюду, и в училище тоже, говорили о том, что немцы склонны к шаблонному мышлению. Что они не очень гибкие и не приспосабливаются к изменяющейся ситуации. Но после этого эпизода я убедился, что это совсем не так. Потому что как только началась артподготовка, они сразу же броском из своих окопов максимально приблизились к нашим окопам и остались живы. Хотя там, на передовой все было разбито, и никто не уцелел. А выбросившись вперед, они уцелели и встретили нас совсем рядом.

В конце дня мы прошли километра три — четыре, и командир роты отправил меня с письменным донесением в штаб полка. В этом донесении были указаны результаты боя в течение дня. Даль-

ше роту свою я уже не видел. Оказалось, что через три дня от нее осталось всего трое. Из семидесяти семи человек в живых осталось только трое невредимых! Одиннадцать человек были убиты, остальные — ранены. Вот так выглядел этот бой. Насколько он оказался кровавым — очевидно. В это время все наступательные операции, видимо, выглядели так.

Я не попал большие в роту, потому что в штаб полка прибыла заявка с курсов младших лейтенантов. Надо было отправить на армейские курсы младших лейтенантов двух человек. В это время в штабе полка был я и еще один товарищ с донесением. Мы попали к начальнику штаба, и он спросил у нас, не знаем ли мы кого со средним образованием. Мы сказали, что у нас среднее образование. Начальник штаба обрадовался, и так мы оказались на курсах младших лейтенантов.

Учеба на этих курсах была необычной. Армию перебрасывали с одного участка на другой. Вместе с армией перебрасывали и эти курсы. Обычно ночью проходили марши, днем отдыхали, проходили километров сто — сто пятьдесят. Далее в лесу разворачивались, копали землянки для себя и для преподавателей. Затем учились недели две, потом опять по тревоге — подъем, снова марш километров пятьдесят — семьдесят, снова лес, опять копаем землянки, и т. д. Таким образом, на этих курсах младших лейтенантов готовили офицеров, и примерно через пять месяцев нас выпустили командирами взводов.

В этот же день утром, как только рассвело, нас посадили по машинам и развезли по дивизиям. Многие из выпускников сразу были ранены или убиты. Я попал в полк, затем в батальон, который был на передовой и занимал оборону. Предлагалось прийти в этот батальон и доложить замкомбату о том, что я прибыл в его распоряжение. Никакого оружия у меня не было — ни пистолета, ни автомата. Но как найти эту деревню, в которой располагался батальон? Вот кабель — по нему можно и найти эту деревню. Добрался я до этой деревни по-пластунски и перебежками. Деревня обстреливалась. От нее остались одни трубы. И вот около этих труб было несколько пулеметчиков. Замкомбат и весь штаб батальона находились в погребе. Я свалился туда и доложил, что младший лейтенант Агейкин прибыл в распоряжение замкомбата. Замкомбат окрестил матом тех, кто меня послал, потому что ночью их должны были сменить, потому что в батальоне почти никого не осталось. Ночью, действительно, прибыло пополнение. Заменяли этот батальон и, таким образом, нас отвели на несколько километров в тыл. Прибыло пополнение, и я получил свой первый стрелковый взвод — тридцать человек, почти все из госпиталей. Человек пять было русских, в основном, пожилых. Остальные — таджики, узбеки, азербайджанцы — в общем, весь Советский Союз. Неделю — на формирование, подготовку, и опять наступление, бой — уже в роли командира взвода.

Бой был интересный, поучительный. Утром началось наступление. Мой взвод оставили в резерве батальона. Утром появился командир роты и приказал мне с взводом выйти на опушку леса и сосредоточиться в окопах, где собрались все остатки батальона. От него оставалось человек двадцать — тридцать, не больше. Плюс мой взвод — тридцать человек. Перед нами поставили задачу: ночной атакой взять маленькую высотку, за высоткой — деревню. И за ней окопаться. И опять команда была такая: по сигналу ракеты все выбираются из окопов, громко кричат «Ура!», стреляют из всех видов оружия — у кого, что есть, — и вперед, вперед, вперед! Появилась ракета, мы все выскочили. Стрельба со стороны немцев была небольшая. Они, действительно, не выдержали этой атаки. Было несколько брошенных пулеметов. В деревне оставалось два дома, и мы быстро пробежали эту деревню и окопались за ней. Половина состава осталась за деревней в окопах, вторая половина отдыхала в этих домах. Прошло часа три-четыре, и мы поменялись местами. А теперь, что самое интересное: как только рассвело, кто-то прибежал и кричит: «Немцы!» Мы выскакиваем из домов за околицу, где лежат наши солдаты, и действительно, метров в 150 — 200 перебегают немцы за приличную высотку справа. И почти никто не стреляет. Я кричу: «Огонь!» — никто не стреляет. Я пытаюсь стрелять из своего автомата ПППШ, нажимаю на курок — он не стреляет. Заменял магазин — ничего не понимаю...

Немцы забрались на эту высотку, установили там пулеметы и фланговым огнем начали нас буквально косить. Откуда-то появился наш командир роты, ему тут же прошило обе ноги из крупнокалиберных пулеметов. Солдаты его подхватили и унесли. Я был в трансе, не знал, что делать — уже появились раненые и убитые. И тут я споткнулся и упал в воронку. В воронке я оторвал клочок от маскхалата, открыл автомат и начал протирать. Попробовал — стреляет. Оказывается, смазка так загустела на холоде, что силы пружины не хватало, чтобы патрон полностью вогнать в патронник! Из-за этого мы не смогли удержать немцев, не пустить их на эту высотку. Нас осталось совсем мало, и мы вынуждены были оставить эту деревню и вернуться на свои исходные позиции. Собственно, те, кто остались в живых, бежали.

Прошло немного времени, как мы оказались на этой опушке леса, и тут подбегает старшина роты: «Товарищ младший лейтенант, куда подавать кухню?» Не помню, что я ему ответил — состояние у меня было страшное. И в это время разрывается мина совсем недалеко от нас — старшина повалился — убит... Мне так сильно стукнуло по ноге, что я решил, что мне тоже ее оторвало.

Лежу и начинаю изучать, что нога как будто жива. Начинаю смотреть: маскхалат пробит, ватные брюки пробиты, под ними брюки х/б — тоже пробиты. А дальше кальсоны — не пробиты! Видимо, на взлете этот осколок так меня задел. Я остался цел и невредим.

На следующее утро собрали остатки полка — человек семнадцать — восемнадцать, по-моему... Из младших офицеров никого не осталось. Меня назначили командиром этих остатков и поставили задачу: взять ту же деревню. Но мы ее как-то легко взяли, потому что сосед справа продвинулся вперед, и немцы вынуждены были оставить эту высотку. С их стороны было относительно небольшое сопротивление, и мы легко взяли эту деревню, затем следующую. И даже взяли в плен двух французов. Они подняли руки и кричали: «Францы, Францы!» Мы отправили их в тыл. За этой второй деревней мы заняли оборону, пробыли там не больше суток. Опять никого не осталось. Нас отвели и заменили свежими частями. Мы получили пополнение.

Какой вывод из этого моего первого боя в роли командира стрелкового взвода? Насколько важно знать свое оружие и свою технику! Если бы немножко раньше пришла мысль, что виновата смазка, наверное, не получилось бы так, как получилось в этом бою с нами. Этот эпизод я постоянно приводил слушателям Академии, где мне потом пришлось преподавать, чтобы убедить их, что необходимо очень глубоко знать технику, свое оружие.

Как-то в беседе с журналистами мне задали вопрос: можно ли было в войне избежать столь великих потерь? Наверное, можно. Потому что к концу войны уже научились воевать. Дело в том, в войне решающую роль имеет практический опыт. Недаром, во всех наших мемуарах все наши военачальники писали: «Гладко по бумаге, да забыли про овраги». А по ним ходить. Вот в самом начале войны про эти «овраги», действительно, забыли. Не было опыта. А этот опыт приобретался ценой большой крови. После того случая с нестреляющим автоматом, я уже знал его слабые стороны. Это уже был опыт.

Другой опыт заключался в том, что нельзя выделяться. Например, идет группа. И стоит одному оказаться где-то в стороне, как он становится мишенью. Более заметной мишенью, чем в группе.

Забегая вперед, расскажу еще один интересный эпизод. Когда мы оказались в Венгрии (я уже был в 6-ой танковой армии, на бронетранспортере), у нас были бронетранспортеры, но никакого личного оружия не было, а охрану выставлять надо. И вот выставили мы охрану, стояли часовые, и я ночью пошел проверять посты. Иду. Раздается возглас: «Стой! Кто идет?» Я то ли плохо сообразил, но продолжаю идти с мыслью: «А что же он будет делать?» Прошел несколько шагов и тут поверх головы у меня — «Бах!» Я закричал: «Стой! Я свой!». Оказалось, что на посту стоял опытный человек, бывший пограничник. Говорит мне: "Повезло тебе, младший (ред.: лейтенант), что я пограничник. Если бы был кто-то другой, то он бы вверх не стрельнул, а стрельнул бы прямо в тебя". Вот — опыт...

...После того, как мы получили пополнение, я был назначен командиром пулеметного взвода. Почему пулеметного? Потому что, пулеметчики были самыми — самыми дефицитными. И мы, и немцы всегда, в первую очередь старались подавить пулемет. Пулемет — это основная огневая точка, и, прежде всего, огонь ведется по пулеметам, поэтому пулеметчики быстрее всего выходят из строя...

Опять переход — это уже на 2-м Прибалтийском фронте. Опять наступление — где-то в Псковской области, у реки Великой. Я уже в роли командира пулеметного взвода. Мой взвод передает стрелковой роте. Я по взводам распределил своих пулеметчиков. И вот атака. Артподготовка, после нее — вперед, вперед, вперед! За передовой линией, метрах в пятидесяти, разрывается мина, и осколки попадают в ноги мне, командиру роты и санинструктору. Все мы ранены. Кричим: «Санинструктор, помоги!» Он отвечает: «Я сам ранен, перевязывайтесь сами». Там мы лежали, пока не прекратился интенсивный артобстрел, затем поползли в тыл. Проползли мы метров пятьсот, и я увидел второго командира пулеметного взвода с оторванными ногами и посиневшего. Он пытался отползти, как только был ранен, но попал под снаряд. Вот, по-видимому, к чему приводит торопливость. Дальше я потерял сознание. Помню, когда я открыл глаза, лежу на столе, и из колена хирург вытаскивает большой, как мне тогда показалось, шприц. Оказывается, мне в ногу попали пять осколков, два — в бедро (мягкая ткань) и три осколка — в коленный сустав. Меня по поясу упаковали в гипс, и в санитарном поезде отправили в госпиталь.

Помню, что в поезде вначале мое колено начало греться. Поднялась температура. Собрался консилиум из врачей, шепчутся: «Надо срочно высаживать». А мне почему-то не хотелось, чтобы срочно высаживали. Потом услышал голоса, что, мол, надо немножко подождать, может быть все пройдет... И действительно, примерно через час температура начала спадать. Я оказался в госпитале в Уфе, где лечился примерно три месяца.

Вот таким был мой первый этап в войне, в пехоте. Никакой романтики. Очень большие физические и психические нагрузки. Особенно тяжело оказалось, когда я был командиром пулеметного взвода. Были постоянные марши. Солдаты, истощенные до предела (повозок нет, лошадей давно съели), должны были тащить на себе станок пулемета (32 кг), ствол, патроны, вещи. Это было страшное мучение. Надо было двигаться, а двигаться было почти невозможно. Но все-таки марши совершали и задачи

выполняли. Это первое, что осталось в памяти от всего этого. И второе, что любое наступление, любая атака была связана с очень большими потерями. Здесь, на Западном, на 2-м Прибалтийском фронтах потери были очень большие. Тем не менее, у нас, у молодых постоянно сохранялась уверенность, что мы победим. Я не помню, чтобы у меня или у моих товарищей появлялись упаднические мысли о том, что мы проиграем. Мы, молодые, так были воспитаны. У пожилых, очевидно, возникали другие мысли.

Те эпизоды, о которых я поведал, у меня в памяти остались как бы в полутьме. Не сохранились ни имена, ни фамилии. А вот уже после госпиталя другое дело. Помню отчетливо все.

Я оказался в 6 танковой армии. В Наро-Фоминск прибыло 20 американских бронетранспортеров М-17. На каждом 4 крупнокалиберных пулемета с зенитной установкой. Сформировали две роты. Я был назначен командиром взвода такого бронетранспортера. Наша рота входила в состав 46 гвардейской танковой бригады 9 механизированного корпуса.

Две недели мы были в Наро-Фоминске, потом нас загрузили на платформы и через Украину, Молдавию, Румынию прибыли в Венгрию.

Наши транспортеры использовались для прикрытия танков с воздуха — это была главная задача. Затем, когда появились фаустпатроны, для нас нашли другое применение. Танки стали уязвимы от пехотинцев. Поэтому стали использовать бронетранспортеры для того, чтобы прочесать впереди них пространство, подавить противника, чтобы танки могли свободно идти вперед.

В Венгрии война была, в основном, маневренной (сплошное движение с использованием возможностей танковых маневров). Мне с моим взводом из трех транспортеров приходилось при движении колонны двигаться, замыкая колонну с тыла. Вот эпизод. Колонна танков двигалась севернее Будапешта в густом тумане. По радио командир последнего транспортера спрашивает: «Слышу звук танков. Могут ли за нами быть наши танки?» Я докладываю начальнику штаба. В ответ: «Наши не должны быть. Будьте внимательны и готовы к встрече с немцами». Мы приготовили все 12 пулеметов. Увидели — развилка дороги и примерно в 100 метрах от нас справа две немецкие самоходки и три бронетранспортера, которые стремились нас обогнать. Мы открыли по ним огонь из 12 пулеметов. Один транспортер загорелся, из него стали выскакивать немцы, а самоходка и бронетранспортер скрылись в тумане. Наша танковая колонна продолжала двигаться вперед. Это пример молниеносных боев при маневренной войне.

Второй раз ситуация сложилась так, что я чуть не оказался в штрафбатальоне. Дело было так. Двигалась колонна, на этот раз мы отступали. Были и такие моменты во время боев. За нами — немцы. В начале ночи, в темноте водитель промахнулся проезжая через небольшой мостик, и наш бронетранспортер перевернулся. Что делать? Немцы на хвосте. Оставив транспортер, пересели на другой, догнали своих и доложили о случившемся. Командир: «Бросили боевую машину?! Ревтрибунал!»

Тогда мы на трех бронетранспортерах на малом газу двинулись к этому мостику. Нам повезло, когда подъехали к тому месту, увидел, что немцы до мостика не дошли. Мы перевернули свой транспортер лебедками и доставили в часть.

Теперь о танках. 9 механизированный корпус воевал на американской технике. У танка узкое поле зрения, это его недостаток. Водитель наблюдает через перископ. Поэтому при столкновении пулемета с танком, он — слепой. Американские танки отличались от наших Т-34. Они были выше и возможность подбить их, была большая. Кроме того, у них был бензиновый двигатель, и отсюда большая пожароопасность. Гусеницы их были уже, а значит, меньшая проходимость. Но внутри они шире, что удобнее для экипажа. Броня была вязкая, т.е. снаряд попадает в броню, но внутри осколки не отлетают. А у Т-34 — твердая, снаряд пробивает броню, снаряд проходит внутрь и поражает осколками.

Потом, в войне с Японией, у нас появились усовершенствованные американские танки, они учли многие недостатки. Свою технику мы оставили в Чехословакии, на Востоке получили новую. Безусловно, американская техника нам помогла. Особенно, надо отметить, автомобильная техника: студебеккер — лучшие автомобили военного времени, на которых подвозили все — от боеприпасов, горячего до продовольствия. Американская техника помогла, но и, конечно, американская тушенка.

Вернемся к военным операциям и будням. Был у нас комбриг Михно — интересный человек и большой юморист. Вот интересный эпизод. Танковая бригада встретила сопротивление у одной из деревушек на границе между Венгрией и Чехословакией. Там, перед деревней за высоткой оказалось много немецких противотанковых пушек и самоходок. Как только мы высунемся — по нам огонь. Вызывает меня по радиации комбриг и говорит: «Сынок, видишь деревню? Вечером мы с тобой должны быть там и пить чай. Но, чтобы пить чай, надо ее взять. Поэтому ты со своими “коробочками” двигай вперед и сразу из всех пулеметов прочеши».

Как только первый бронетранспортер двинулся вперед, немцы сразу открыли огонь. Первый откатился, четвертый загорелся, а там сидел Иван Еремин. Оказывается, немецкая самоходка обошла нас с фланга и ударила по этому бронетранспортеру, пробил бензобак и он загорелся.

ся.. Еремин (командир взвода) и водитель выскочили, объятые пламенем. Была зима, огонь быстро затушили.

Тогда Михно сам навел пушку и подбил самоходку. Деревню взяли, правда, чай мы там так и не попили. Вот пример его общения с подчиненными.

Бои были не такими тяжелыми: мы — все же не пехота. Но в окружении наши танки иногда оказывались. Немцы были не просто жестокие, но озверевшие по отношению к пленным. Так, два танка оказались у немцев, и они жестоко расправились с нашими танкистами: двоих раздавили, двоих взорвали гранатами, а двоим выкололи глаза и разбили череп.

Таких эпизодов, к сожалению, было много, но и героических подвигов с нашей стороны было много. Один разведчик оказался у их транспортера, они его обнаружили, хотели взять живым. Чтобы не попасть в плен, он подорвал себя и немецкие транспортеры бронетанковым снарядом.

Я не видел жестокости со стороны наших бойцов по отношению к немецким пленным. Хотя Венгрия воевала против нас, но был приказ командующего Западным Украинским фронтом к нашим войскам — мирное население не трогать, не мародерствовать. Будапешт был сильно разрушен. Перед взятием Вены командующий Толбухин Ф.И. отдал приказ к войскам попытаться взять Вену так, чтобы сохранить памятники культуры. Он обратился и к жителям — помочь сохранить город. Какие-то жертвы были, но город не был разрушен.

Еще небольшой эпизод. Немцы сосредоточили большую группировку, прорывались к Будапешту. Нашу бригаду направили туда. Командовал Лоза — командир первого танкового батальона. Разведка доложила — навстречу движется колонна немецких танков. Лоза принял решение — танки спрятать в окопах. Как только немцы появятся ближе — открыть огонь. Немцев подпустили ближе и прямой наводкой подбили два первых танка, остальные стали разворачиваться, подставляя свои бока под огонь. Мы уничтожили 21 танк и 12 бронетранспортеров. Сами потеряли один танк. Вот что значит упредить врага во время боя.

Лоза отличился и при взятии Вены, вначале был приказ — наступать с юга. Там оказался канал, танки пройти не могут, решили обойти с северо-востока — наткнулись на немецкие баррикады, а за ними противотанковые пушки и самоходки. С Запада оказалась старая крепостная стена. Тогда один из наших танков пробил стену и через эту арку мы вошли, не встретив сопротивления. Произошел такой забавный случай — за стеной оказались регулировщики — полицейские. Завидев танки, они приостановили движение, чтобы пропустить танки. Но, когда обнаружили, что это советские танки, разбежались. Мы стали продвигаться к центру города.

Захватили дворец Франца Иосифа и удерживали около суток, пока не подошли основные силы. Лоза, комбриг Михно и командир второго танкового батальона получили звание Героя Советского Союза.

Бои в Европе отличались по сравнению с теми, что мы вели на своей территории в 1941 — 1942 гг. Теперь преимущество в воздухе, в технике, их качестве было на нашей стороне.

После Вены по приказу двинулись на Прагу. Она оказалась в тяжелом положении. Берлин пал, а в Праге шли ожесточенные бои немцев с восставшей Прагой (5 мая), стремясь его подавить. Там оставалась большая группировка (около 1 млн.), которая пыталась прорваться на Запад, чтобы сдать америкам. Нам дали приказ — не дать им уйти на Запад, а главное, не дать разгромить им восстание. Нанести удар по Праге.

Мы совершили триумфальный марш (по 100 и более км в день) из Вены. В Праге население встретило нас с восторгом, улыбками, цветами. И странно сейчас слышать, что мы были оккупантами.

Перед Прагой мы взяли Брно. А на пути к Праге в ночь с 8 на 9 мая оказались в деревне. Ночью началась стрельба. Выскакивали с тревогой — первый раз появилось смутное желание — не погибнуть (до этого такой мысли не было, а здесь — конец войны и можно погибнуть).

Увидели, стреляли вверх, трассирующими пулями. Конец войне!? Начали стрелять и мы. Так и кончилась война!

После Праги отдыхали в предгорьях Карпат, в небольшой деревушке. Что Поразило, что у каждого столба был «ветряк» — генератор, который снабжал этот дом электроэнергией — и это в 1945 году!

В августе 1945 года через всю страну нас перебросили на Восток. На каждой остановке встречали с любовью, радостью. Наша 6 танковая армия сыграла решающую роль в войне с Японией. Надо отметить — снабжение армии было организовано отлично. Мы шли через пустыню, воды нет. Воду поставляли постоянно. Транспортная авиация снабжала горючим для танков.

Мы смогли с танками перевалить через горный хребет Хинган. Японцы этого не ожидали. Считали, что танки через перевал пройти не смогут. Затем начались дожди — опять препятствие, вынуждены идти по ж/д насыпи до Мукдена. Наши организовывали десанты. Выбросили их в Мукден и Порт-Артур. Япония капитулировала.

БАКИН
Юрий Николаевич

канд. техн. наук, доцент МИХМ

Родился в 1927 г.

Принимал участие в войне с Японией с августа по 3 сентября 1945 г.

Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

После войны окончил институт, защитил кандидатскую диссертацию, стал доцентом кафедры «Детали машин и основы конструирования оборудования» МИХМа.

Бросок через Большой Хинган

[Воспоминания Ю.Н.Бакина опубликованы в ж. «Вестник», 2005 г., № 11, с. 47]

С начала августа и по 3 сентября 1945 года я принимал участие в войне с Японией в составе 197-го отдельного автомобильного батальона, входившего в группу войск Забайкальского фронта, которым командовал Маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский.

В задачу нашего батальона входило обеспечение танковых войск и авиации 12-й Воздушной армии горючим. Я принимал участие в боевых действиях нашего батальона в должности шофера и звании рядового. За мной был закреплен грузовой автомобиль «ЗИС-5» (ЗИС – Московский автозавод имени Сталина, ныне ЗИЛ – завод им. Лихачева – Ред.), в кузове которого была установлена цистерна для горючего. На этом автомобиле я и выполнял свою воинскую работу.

Хорошо известно, что войска Забайкальского фронта шли в Маньчжурию через Монголию, форсируя реку Халхин-Гол, а затем преодолевая горы Большого Хингана, с тем чтобы ударить по войскам Квантунской армии там, где они нас не ожидали, уповая на непроходимость гор Большого Хингана.

Из всего виденного и пережитого во время боевых действий мне особенно запомнилось преодоление этих гор нашими войсками, в составе которых находился и наш автобатальон. Войска буквально карабкались по склонам гор, часто порой выталкивая технику при подъеме «ручным способом».

Наиболее сильные бои на нашем направлении были при разгроме Холунь-Орианского укрепленного района. Характерной особенностью протекания боевых действий наших войск в этом направлении была стремительность наступления.

В результате этих боевых действий в конце войны наш батальон оказался в окрестностях города Ванмяо, который расположен между городами Таонань и Мунтден.

Вспоминая минувшее, хочется отметить то, как тепло и доброжелательно мирное местное население (китайцы) встречало наши войска. При движении колонн они выстраивались вдоль дорог с криками: «Шанго!» («Хорошо!» по-китайски означает) вздымали руки с поднятым кверху большим пальцем — так они приветствовали нас.

В заключение хочу сказать, что свой день рождения (восемнадцатилетие) я отметил на сопках Маньчжурии.

[От редакции. Автор скромно говорит о своем ратном труде как о простой, повседневной работе, но читатели, конечно, понимают, какой опасности ежесекундно подвергался, даже следуя во втором эшелоне войск, водитель грузовика, везущего боеприпасы или цистерну с горючим]

ПАВЛОВ

Л.

фронтовик, выпускник МПИ

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Штурм Линькоу. Из фронтовых впечатлений

[Воспоминания Павлова Л. опубликованы в газете «Сталинский печатник» 7 ноября 1946 г.]

Когда мы летом 1945 года готовились к операциям в Маньчжурии, офицеры разведки говорили нам, что Линькоу — это центр угольных копей, узел дорог и важный опорный пункт второго рубежа обороны японцев, проходящего по реке Мулинхе. Но когда лавина наших серых громадин — могучих танков «КВ» перевалила Пограничный хребет и мы, десантники, далеко внизу увидели этот «центр», он показался нам захудалым и ничтожнейшим городишком, вернее, скоплением грязно-бурых сараев, затерявшихся среди высоких горных отрогов.

Японцы, видимо, были иного мнения о нем, но защищать город они уже не могли. Тщательно подготовленный и нанесенный с молниеносной быстротой удар советских армий застал их врасплох. «Самурайские» полки и дивизии металась в предсмертной агонии туда и сюда, везде получая от нас жестокие удары, многие бежали, как стадо. Любопытно, например, было видеть на границе громадные минные поля... аккуратно огороженные колючей проволокой с предупреждающими об опасности японскими иероглифами. В другом месте глубокий противотанковый ров многокилометровой длины, проходивший через сопки и овраги, прерывался у самой дороги, по которой громыхали

наши танки. Разгородить минные поля и взорвать оставленные для себя проходы японцы в панике так и не успели. Первый пограничный рубеж мы прошли, почти не встречая сопротивления.

На втором ожидалась бой. Все чаще стали попадаться солдаты-смертники. Из-за какого-нибудь поворота вдруг появлялся чумазый голый «самурай», перевязанный через грудь белым полотнищем флага, и с гранатами в руках, дико крича, бросался под танк. Разумеется, десантники не зевали; автоматной очередью сбивали этого «живого мертвеца» задолго до того, как он успевал кинуться под гусеницы.

Но при въезде в город Линькоу нас обстреляли — и очень крепко. Большой шестиамбразурный ДОТ был врыт на такой круче, куда не мог влезть танк, и простреливал дорогу, зажатую между двумя горными массивами.

Японцы надеялись продержаться нас здесь хоть день, пока их главные силы укрепятся за рекой.

Многие бойцы впервые были в бою, но настроение у всех было хорошее. Понадобилось собрать группу «охотников» (добровольцев), чтобы выкурить «смертников» из ДОТа, и все наперебой предлагали себя. Во главе группы пошел начальник разведки Саша Мочалов, его помощником — сержант Бахарев. В зеленых пятнистых маскхалатах, с автоматами, ножами и пачками тола «охотники» рассыпались в цепочку и исчезли в траве.

С замиранием сердца следили мы за смельчаками, спрятавшись в канавы и за танки. Надо сказать, в этот момент мы явно нарушали все требования устава о том, как надо вести себя под огнем: двигались, шумели и высовывали вверх всякие предметы. Танки не глушили моторов и ерзали на месте: мы отвлекали внимание на себя. Струи пулеметного огня стучали по броне танков и по земле.

Вот «охотники» подобралась к ДОТу, и в бинокль было ясно видно, как сержант Бахарев полез к амбразуре. Он долго карабкался по отвесной каменной стене и почти добрался, но пуля, видимо, ужалила его, и он сорвался вниз. Вот он снова полез вверх, но снова сорвался, и мы поняли, что он ранен второй раз. Третий раз полез сержант Бахарев, наш славный товарищ, подбираясь к амбразуре, — и опять упал и, цепляясь за камни, покотился вниз. Я хорошо знал этого скромного, тихого паренька, парторга 5-й роты, я не мог больше смотреть, туман застилал глаза, и ничего не было видно в бинокль... Когда я снова взглянул туда, сержант Бахарев был опять наверху, но лежал неподвижно, лицом вниз. Он был убит.

В этот миг страшный взрыв раздался над нами, посыпались камни. Мочалов с бойцами подобрался к ДОТу сзади и взорвал его. Путь в Линькоу был свободен.

Мы проскочили город, вырвались к мосту, промчались по нему и рассыпались по японским окопам на другой стороне реки. Конечно, «самурай», надеясь на свой ДОТ, так и не успели укрепиться здесь и взорвать мост. Дело было кончено за полтора часа, а как оно шло, сейчас не вспомнишь: после рукопашной схватки мало что остается в памяти. Потом мы умылись и пошли осматривать город.

В городке жизнь текла своим чередом, лишь везде, где только можно было, жители вывесили красные флаги. Прямо на мостовой стояли большие жестяные кипятильники, сверху к ним были пристроены свистки, и они громко свистели паром, показывая, что вода кипит и желающие могут напиться чаю. Вот, цокая как на копытцах, прошагала высокая пожилая китайка, ее ноги были так малы (видно, их с детства по старинному обычаю забивали в колодки), что казалось: задень ее пальцем — и она не устоит, упадет.

Интересно было в китайской школе. Первый этаж ее был совсем обыкновенный, стояли маленькие парты, и мне сразу вспомнилось: «Павлов, ты опять не приготовил урока?» Зато в большом зале второго этажа на деревянных лавках в три ряда вдоль стен стояли большие фигуры богов. Они были страшные и злые, ярко раскрашенные лица скалили зубы или зловеще улыбались. Их волосы с косичками и длинные, тонкие висячие усы были сделаны из конского волоса. Тоненькие серые свечи, скрученные из какой-то трухи, не горели, а дымились, и пахло чем-то очень древним. Казалось, тысячелетиями пахло в этом большом полутемном зале. Из уважения к нам худошавый служака, подойдя к пузатому золоченому Будде, трижды ударил по металлической чашке, сложил руки на груди и стал бормотать, поминутно с улыбкой оглядываясь на нас: показывал, как он молится. С его разрешения и я трижды ударил по чашке, но больше не знал что делать и ушел.

Побродив часа три по городу, на обратном пути я увидел у дверей одного из домов невероятной величины китайский флаг: красный, с синим углом и белой звездой. Заинтересовавшись, зашел. Встретили меня очень любезно: усадили, угостили сигаретами и поднесли, чтобы прикурить, серую бумажную змейку, которая тлеет целый день, экономя китайцам спички. Я узнал, что это — новое правительство города, его самоуправление. Все входящие и сидящие имели большие красные повязки на обоих рукавах, большинство болтали и смеялись, а один, самый старший, седой и ученый на вид,

писал. Все обращались к нему очень почтительно. «Это — учитель, — объяснили мне, — он самый умный, знает много-много букв!» Другой оказался хозяином лавки. Я спросил: «А рабочие у вас есть?» Рабочих не было. «А крестьяне?» Крестьян тоже не было. Я опять спросил: «А какая это партия?» Мне сказали: «Гоминдан»...

На улице ко мне подошел худой китаец в засаленном халате и, смущенно улыбаясь, заговорил на ломаном русском языке. Оказывается, он когда-то был в России — «тама шибко шанго» (хорошо), и теперь очень интересуется, какая будет власть, может быть — русская, советская.

Я сказал: «Власть будет ваша, какую захотите и какую сможете устроить». Он был явно недоволен, горячо схватил меня за руку и просил, чтобы власть была советская: «Иха шибко плохой люди, — доверительно шептал он мне на ухо, указывая головой на дом с флагом, — иха японца любви, иха всегда-всегда с ними дружи...». На минуту и я забыл все международные условности и зашептал ему в ухо: «А вы возьмите соберитесь все, кто бедные, да под шумок: их того... выставьте из дома...» Мы посмотрели друг другу в глаза и понимающе улыбнулись.

СЕРГЕЕВ

Сергей Иванович (1923 — 1983)

старшина, выпускник МПИ

Родился в 1923 г. в г. Ржеве Калининской области, в семье рабочего. В 1929 г. семья переехала в Калинин.

В 1941 г. был призван в ряды Советской Армии, где служил рядовым сапером в 65-м саперном батальоне 26-го стрелкового корпуса (Приморский край). В 1942 г. был переведен в штаб 1-й Краснознаменной армии ЗАВО на должность чертежника. Младший сержант, старшина. Участвовал в боях с Японией (разведчик). Служил до мая 1947 г.

Награжден медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

В 1947 г. после демобилизации поступил в МПИ на РИФ, который окончил в 1952 г. Участвовал в оформлении здания института, был художником факультетской газеты «Редактор».

С августа 1952 г. работал в «Госполитиздате», исполняющим обязанности главного художника. Оформил много исторических и политических книг, в том числе из серий «Великая Отечественная война», супербложку книги «Хатынь. Боль и гнев» А. Беляевича (1974 г.), которая считается одной из самых интересных по графике. Работал и в других издательствах: «Наука», «Машиностроение». Заслуги в работе «Госполитиздата» были отмечены орденом «Знак Почета».

Из очерка О.Кравченко о С.Сергееве

[«Мы из МПИ», том 1, с. 453]

Когда Советский Союз вступил в войну с Японией, его подразделению было поручено разведывательное задание: найти дорогу, по которой можно было бы пройти нашим танкам.

Серезжа первым обнаружил шоссе, на полметра засыпанное песком. Это была замаскированная линия японцев, по которой они перевозили боеприпасы. По этой дороге двинулись наши танки. Была проведена крупная боевая операция, успешно завершившаяся на этом участке фронта.

Во время самой операции Сережа ехал на танке. Взрывом его сбросило с машины, последствия были: ранение в ногу, сотрясение мозга, контузия и долгое лечение в госпитале. После госпиталя Сережу перевели в штаб, где он работал чертежником, картографом. Картографы должны были быстро вычерчивать огромные (4 × 4 м) карты боевых операций.

Картографы ползали по ним, качаясь от недосыпания. За оперативность и точность Сережа был поощрен командованием.

СМОЛЕНЦЕВ Юрий Алексеевич

канд. техн. наук, доцент МИХМ

Родился в 1926 г.

В 1943 г. призван в армию, направлен на Дальний Восток в артиллерийскую топографическую разведку. В 1945 г. прошел дорогами войны с Японией по Маньчжурии и Северной Корее.

Демобилизовавшись, окончил школу рабочей молодежи и поступил в МИХМ. Работал в лаборатории Института атомной энергии (у И.В. Курчатова). В 1962 г. окончил аспирантуру, защитил диссертацию и работал доцентом на кафедре теоретической механики.

Какая красота кругом была...

[Воспоминания Ю. А. Смоленцева опубликованы в журнале «Вестник МГУИЭ», 2005 г., № 11]

В 1943 году, в неполных 17 лет, я ушел в армию. Получил направление на Дальний Восток, на самую границу с Маньчжурией. Но хотя линия фронта была на Западе, вооруженное противостояние в Маньчжурии уж никак не могло закончиться миром. Японцы регулярно проводили учения с боевыми стрельбами — шла «война нервов». Стоило большой группе солдат с нашей стороны начать перемещение на виду японцев (например, послушать приезжих артистов в соседнюю часть), как японцы играли тревогу. Соответственно, и наши подразделения по тревоге занимали боевые порядки. В таких условиях протекали будни артиллерийской топографической разведки, где я служил старшим вычислителем.

После победы над Германией началась переброска войск с Запада на Дальний Восток. У топографов наступила горячая пора. Надо было определять координаты огневых позиций, наблюдательных пунктов и целей для прибывающих артиллерийских частей.

Условия были нелегкими: сопки, дальневосточная тайга, туманы, но все работы были выполнены в срок. Все это было прологом к войне, в которую вступила наша армия на Дальнем Востоке в августе 1945 года, выполняя свою освободительную миссию и союзнический долг.

И потянулись мои — топографа-разведчика, старшего сержанта — военные версты. Сначала по Маньчжурии, потом — в Северной Корее... Было многое, о чем теперь говорится просто: «Прорыв Дуннинского укрепрайона».

Война с японцами осенью закончилась, но служба продолжалась, теперь уже в учебном артиллерийском дивизионе командиром отделения вычислителей.

Только в октябре 1950 года я вернулся к мирной жизни. И снова сел за парту, на сей раз в вечерней школе рабочей молодежи.

То ли хлебнувшему военного лиха человеку учеба в радость, то ли очень хотелось наверстать время (скорее, и то и другое!), только за неполный 1950/51 учебный год я осилил программу девятого и десятого классов. И не просто осилил — окончил школу с серебряной медалью. И пришел учиться в МИХМ.

Вспоминая те далекие годы, я мечтаю: «Побывать бы теперь в тех местах, на границе. Какая красота кругом была...».

СТЕПИН
Анатолий Андреевич
выпускник МИХМ

Поступил в институт в 1938 году.

С июля 1941 года участвовал в строительстве оборонительных сооружений на западном направлении. 16 октября 1941 года ушел с IV курса добровольцем в Бауманской коммунистический батальон 3-й Московской коммунистической стрелковой дивизии. В составе Бауманского батальона начал путь от второго заградительного рубежа около станции Левобережная и далее воевал во взводе батальонной разведки на Северо-Западном фронте до июля 1942 года. 21 июля 1942 года Степин получил серьезное ранение при блокировании дзота. После госпиталя направлен на Западный фронт, где был помощником командира стрелкового взвода. Войну закончил в мае 1945 года близ города Штецин в составе группировки войск 2-го Белорусского фронта. На фронте получил пять ранений. Демобилизовался в октябре 1945 года и восстановился на 4-м курсе МИХМа.

Имеет несколько медалей и орденов.

После окончания института работал в НИИпластмасс. Затем окончил Академию внешней торговли. Был советником по экономическим вопросам в Сирии, заместителем председателя объединения Техэкспорт, советником по экономическим вопросам в Ираке.

БОРИСОВ
Сергей Иванович

канд. техн. наук, доцент, МАМИ

Родился в 1922 г.

С 1940 по 1948 г. — служба в РККА. Воевал в Польше и ЧССР.

Награжден двумя орденами: Красной Звезды и Отечественной войны; орденом ЧССР — Боевой крест 1-й степени, а также пятью медалями СССР и тремя медалями ЧССР.

С 1957 по 1960 г. — студент МАМИ. С 1948 г. в МАМИ — старший лаборант, зав. практикой, зав. учебной частью, проректор по вечернему и заочному обучению, старший преподаватель, доцент кафедры «Технология машиностроения». С 1972 г. работал в МАМИ до дня смерти 16.02.1982 г.

Хотелось бы опубликовать в книге воспоминаний о Великой Отечественной войне стихотворение Сергея Ивановича Борисова, скончавшегося в 1982 г. Он был активным участником войны. 23 февраля 1978 г. на торжественном заседании, посвященном Дню Советской Армии, написал для меня это стихотворение:

*Вспомни, мой друг, наши годы военные,
Вспомни дороги в метелях свинца,
Вспомни друзей, что лежат незабвенные,
Так не сумевших дойти до конца.*

*Память — коварная штука, дружнице.
Вспомнишь, и вмиг навернется слеза.
Тонны влила в неокрепшие души
Горечи в нас та шальная пора.*

*Но и забыть не имеем мы права,
Хоть перед ними нет нашей вины,
Тех, что остались и влево и вправо
Вечно лежать на дорогах войны!*

До конца жизни Сергей Иванович Борисов сохранил свои прекрасные человеческие качества и пользовался всеобщим уважением и любовью.

И.А. Левин

БУРМИСТРОВ
Василий Георгиевич
старший сержант

Родился 27 сентября 1923 г. в деревне Бибиково Данковского района Липецкой области в семье крестьян. Вскоре семья переехала в Московскую область. Закончил школу в 1941 г.

Участвовал в сооружении оборонительных рубежей с июня до осени 1941 г. со своим классом. Попал в окружение, потом в партизанский отряд. Призван в армию, три месяца обучался в Московском пулеметном училище (Лобня). По тревоге отправлен на фронт в пехоту, пулеметчиком. Сражался на Украинском и Белорусском фронтах, форсировал Днепр, участвовал в освобождении городов Белгорода, Николаева, Кривой Рог, Бендеры, в освобождении Болгарии. Дважды ранен. Демобилизован в 1947 г.

Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За боевые заслуги», «За отвагу» и др.

В 1951 г. окончил Институт народного хозяйства имени Плеханова. С 1954 г. работал в Институте советской торговли. В МПИ работал на кафедре менеджмента и маркетинга в 1991 — 2003 гг. и некоторое время был заведующим кафедрой. Потом возвратился в Плехановский институт, где продолжает работать и сегодня доктор экономических наук, профессор.

В.Г. Бурмистров

Солдату в День Победы

*Прими, победитель, сердечный привет,
Сегодня твой праздник большой,
Твой праздник успешных сражений, побед —
Слава тебе, герой.*

*Ты грудью столицу свою защищал,
В боях отстоял Сталинград,
Где в битвах кровавых ты смерть презирал —
Слава тебе, солдат.*

*Ты много военных дорог исходил,
Форсировал множество рек.
Тобой повержен фашистский Берлин —
Слава тебе вовек.*

*О подвигах ратных сегодня поют,
Спасибо тебе говорят.
Родная Москва посылает салют —
Слава тебе, солдат!*

В битве за Днепр погибли 417 323 человека, 1 миллион 269 841 – были ранены.
За форсирование Днепра, за самоотверженность и героизм в боях на плацдармах 2 438
воинов всех войск (47 генералов, 1 123 офицера и 1 268 солдат и сержантов) были удостоены
звания Героя Советского Союза.

Памяти генерал-лейтенанта медицинской службы
Юрова Ивана Александровича

Нам памятен прекрасный человек,
И мы, служители военной медицины,
Без генерала Юрова вступаем в новый век,
Век инноваций в хирургии и вакцины.
Нет генерала Юрова, но есть
Его труды, прогнозы, наставленья,
Его правдивость, требовательность, честь
И орден Ленина, награда за свершенья.
Он зорко видел даль времен
Военной медицины в жизни.
Был творческой идеей окрылен,
Основанной на здоровом оптимизме.
Служил ревниво, не щадил себя,
Преуспевал во многих медицинских сферах,
С отвагой прошел войну, день ото дня
Спасая жизнь солдат и офицеров.
Не с нами Юров в этой бурной жизни,
Но жил он в памяти соратников, друзей,
В делах и помыслах, оставленных Отчизне –
России, Родине своей.

Однополчанин д-р экон. наук, профессор
В.Г. Бурмистров

С Новым Годом, друзья боевые

С Новым годом, друзья боевые,
Завершающим годом боев!
Вспомним наши сраженья былые
И о наших победах споем.
Мы прошли через горы и реки,
Мы прошли сквозь лавину огня,
И отныне свободна навеки
Горделивая наша земля.
Победили мы трудности наши,
Оправдали достойную честь.
Для врагов мы суровы и страшны,
Мы несем справедливую месть.
Скоро снова мы примем участие
В жарких битвах – сомнения нем,
Ну так выпьем за новое счастье
И за славу грядущих побед!
Пусть нам звезды кремлевские светят.
Мы с победою всюду пройдем.
И фашисты за все нам ответят,
Мы везде их настигнем, найдем!
Не спасись им в берлоге звериной,
Над берлогой сгущается дым.
Близок час, мы дойдем до Берлина,
Знамя славных побед водрузим.

Румыния, г. Констанца, 1945 г.

Сталинградская битва

Сталинград – это символ победы,

Сталинград – это город-герой.

Где в священной войне отцы ваши, деды

Шли на смертный, но праведный бой.

Полыхала земля, все горело,

Волга красной от крови была,

Но солдаты сражались отчаянно, смело

И бессмертны их имена.

Триста тысяч фашистов пленили,

Их с позором потом по Москве провели.

Эти дни для страны судьбоносными были,

Приближали победу великой войны.

Были позже бои и сраженья.

Пал Берлин, Жуков принял парад.

Но в заглавной странице великих сражений

Остается сражение за Сталинград.

Председатель Совета ветеранов РГТЭУ

д-р экон. наук, профессор В.Г. Бурмистров

Ордена комсомола

[к юбилею комсомола]

Шесть орденов на знамени сияют,

Они как звезды яркие горят,

Они о доблестных делах напоминают,

О славе комсомольской говорят.

Они нам говорят о том, как комсомольцы,

Чтоб отстоять республику свою,

В двадцатых шли в отряды добровольцев

И храбростью прославились в бою.

Они дрались с врагом упорно, жестко,

Из них ковались грозные полки.

От Запада страны и до границ Востока

Блистали конармейские клинки.

Награды говорят, как в дни великой стройки

Советский комсомол – воспитанник труда

Шел шагом боевым, уверенным и стойким

Сооружать заводы, города.

И были налицо строительства итоги,

Всех комсомол к труду своим примером звал.

Он строил домны, фабрики, дороги

И трудовую доблесть показал.

Награды говорят о тех суровых годах,

Когда была Великая Священная война,

Где комсомол прославился в походах,

Вписав в историю святые имена.

Бесстрашным комсомольцам перед битвой

Слова: Отечество, свобода и народ –

Служили гордой, пламенной молитвой,

К победе звали, к подвигам, вперед!

Они с отцами шли и рушили твердыни,

Освободив Россию от врагов,

Они прошли в сраженьях до Берлина

От сталинградских берегов.

*Даны награды комсомольцам за дерзання,
Борьбу за космос, целины, за мир.
Их были миллионы в созданы,
А комсомол был признанный кумир.*

*Вступали в комсомол Стаханов и Матросов,
Космодемьянская, Раскова, Кошевой,
Маресьев, Талалихин, Карпаносов,
Гагарин Юрий, Космоса герой.*

*Отважный комсомол, опора и надежда,
Россия празднует твой славный юбилей
И верит в то, что молодость страны, как прежде,
Пойдет под знаменем патриотических идей.*

В.Г. Бурмистров

ГРИНГАУЗ

С.

участник Великой Отечественной войны, выпускник МПИ

ПОБЕДА!
1945 – 2020

После фронта – студент РИФа МПИ, был парторгом факультета.

Окончил институт, работал в редакции газеты «Московская правда», заместитель главного редактора до конца 1980 годов.

Бытование фронтового фольклора

*[Доклад, прочитанный С. Грингаузом в апреле 1948 г.
на студенческой научной конференции,
опубликован в газете «Сталинский печатник» 1 мая 1948 г.]*

Это было на 1-м Белорусском фронте в последний вечер перед Рогачевским прорывом. Батальон стоял у Святого озера. Командиры рот уже получили боевой приказ, только что закончилось партийно-комсомольское собрание.

Я сидел с товарищами, просматривая маршруты, когда услышал песню. Старшина роты, балагур и заядлый балалаечник Силаев, окруженный большой группой красноармейцев, пел частушки:

*Немка Гитлера рожала,
Вся Германия дрожала.
Ждите горя, ждите бед –
Народился людоед.*

*Наш разведчик в полушубке
Захватил фашиста в юбке.
Не хотите ли, «мадам»,
Я вам тресну по зубам?*

*Повар наш с вопросом лез:
- Слушай, кто такой «Эс-Эс»?
Отвечал боец один:
- Очень просто — сукин сын.*

Я много раз слышал эти простые, незамысловатые куплеты «про фрицев», но сейчас в них была такая удаля, такая вера в свои силы, столько неподдельного, «крепко приперченного» солдатского юмора, что невозможно было оставаться равнодушным. Каждый куплет сопровождался смехом и шутками. Смеялись искренно и заразительно. И когда раздалась команда строиться, я, глядя на эти знакомые обветренные лица, на задорный огонек в глазах этих сегодня особенно близких мне людей, понял, как верны сказанные Суворовым слова: «Шутка — минутка, а заряжает на час».

1942 год. Войска шли на Ростов. Станица Барилло-Крепинская была взята с ходу кавалерийским ударом. Первое, что мне бросилось в глаза, когда я вошел в хату, где бойцы расположились на ночевку, была группа красноармейцев, стоящая у подвешенной к потолочной балке люльки. В ней лежал ребенок. Ему было месяцев 8 — 9, и он плакал. Я потом никогда не слышал подобного плача детей. Это был едва слышимый, протяжный хрип.

- Что у него? — спросил я хозяйку, указывая на рот ребенка, скорее похожий на открытую язву. И хозяйка рассказала, что немецкому унтеру плач девочки мешал спать, и он в порыве «благородного» арийского гнева приложил к маленьким розовым губкам ребенка горящую сигару.

Вошедшие бойцы столпились около девочки, и взгляды всех остановились на обожженном ротике ребенка.

Утром, еще лежа в комнате, на соломе, я услышал, как хозяйка, укачивая ребенка, пела вполголоса:

*Ой, терпеть больше сил нету, моченьки,
Загубили, проклятые, доченьку,
Мать забрали в Германию силою,
Надругались над сестрами милыми.*

Меня тогда даже не удивила эта своеобразная колыбельная. Полностью песню я не успел записать, так как выступить пришлось сейчас же после подъема. Помню, дальше шли слова, полные веры в то, что придет Красная Армия и отомстит злодеям-немцам.

Оборона у Жлобина. 1944 г. Минные поля, колючая проволока, глубокие песчаные траншеи.

Ночью никто не спит. Нейтральная полоса — 50 — 65 метров. Стрельба то затихает, то достигает большой силы.

С рассветом перестрелка становится редкой и над передовой разливается напряженное затишье. Звуки становятся особенно четкими, редкие выстрелы похожи на щелканье бича.

У нас уже давно установилась традиция: как только начинает рассветать, взвод, которым командует сержант Болдин, «будит немцев».

Десяток молодых, сильных голосов начинает серию песен «про фрицев». Как-то само собой установилась даже какая-то последовательность: что петь раньше, что потом.

Как правило, немцы отвечают на песни ожесточенной стрельбой, но это мало беспокоит пулеметчиков.

С особенным удовольствием исполнялась переделка популярной мексиканской песни «Челита». Звучит она так:

*Ну кто в нашем крае Бениту не знает?
Нет более скверной твари.
Подобной не сыщешь хари,
И ей не подыщешь пары.
Она безобразна, грязна и заразна,
И водятся с нею бандиты.
Но ей не дают кредиты —
Все знают друзей Бениты.
Ай, я-я-яй!!! Ну что за чертовка!
Милей Бениты для Гитлера нет,
И плачет по ней веревка... и т. д.*

Изучение бытования фронтового фольклора дает очень интересный материал для понимания обстановки, в которой создавались и исполнялись частушки и песни войны. Разработка этой темы помогает решению ряда проблем, интересующих советскую фольклористику.

КАМЕНЕЦКИЙ
Юрий Семенович (1924 – 2002)

выпускник МПИ

Родился 8 апреля 1924 г.

С начала 1942 г. на фронте. Воевал на Калининском, Воронежском, 1-ом Украинском фронтах, принимал участие в сражении под Прохоровкой, форсировал Днепр, дошел до Берлина.

Награжден орденом Красной Звезды, медалями, в том числе «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

В 1947 г. поступил на первый курс РИФа, руководил литературным кружком. Одно из стихотворений того времени носит оттенок автобиографичности.

Затем перешел на заочный факультет и начал трудиться в журнале «Крылья Родины». Работал в песенном жанре со многими именитыми композиторами. Автор песен «О Ленине» (музыка А. Холминова), «Есть у революции начало» (музыка В. Мурадели) и «На звездных дорогах» (музыка З. Левина), которые в прошлом

веке пела вся страна. Член Союза писателей России, лауреат двух Всемирных фестивалей молодежи и студентов.

Поединок

[«Мы из МПИ», 1 т., стр. 347]

*Мы с ним вели железную игру,
С немецким снайпером,
И жизнь была в ней ставкой,
Затеянная гитлеровской ставкой.*

*Игра пришлось фашисту по нутру.
К тому ж не рисковал он крупно,
Сквозь маскировочную сеть
Бронеколпак системы Крупа*

*В лицо выхаркивал мне смерть.
Он снайпер был. А я – пехота.
При свете солнца и во мгле
Шла непрерывная охота*

*За мною, на моей земле.
Он не давал мне передышки,
Хотел, чтоб жил я не дыша.
Он бил на голос, бил по вспышке*

*Цигарки в щели блиндажа.
А как в ту пору травы пахли,
Мне на ладонь роняя капли
Но ощутил я это позже –*

*Когда в плечо толкнуло ложе
И в перекрестии прицела
Качнулась каска и осела
Под маскировочной той сетью,*

*И сеть качнулась на ветру...
Шел переломный сорок третий –
Я выиграл эту игру!*

КЛДИАШВИЛИ

Нина Ивановна

Родилась в 1928 г. в городе Новгороде. В МАМИ поступила в 1946 г., работала с 1948 г. на кафедре «Политическая экономия», затем на кафедре «Организация производства и экономика машиностроительной промышленности».

Воспоминания Клдиашвили Нины Ивановны

[Опубликованы в книге «МАМИ в годы войны».

Сб.ст. МАМИ, М., 1995, с. 75 – 79]

Война. Это короткое и страшное слово. Кто не представляет, что это такое, – пусть будет счастлив. Пусть в воспоминаниях детей не будет этого страшного слова – «война!»

Меня война застала в Новгороде Великом – на родине моих родителей. В семье было 5 детей. Старшие брат и сестра остались в Ленинграде. Мы – с мамой: Кира – 17 лет, я – 12 лет и Римма – 10 лет.

Когда объявили войну, мы почему-то думали, что это будет далеко от Новгорода. Но все произошло так стремительно, что мы не успели понять, опасно это для нас или нет. А когда завьли сирены тревог и отбоев, когда нас распределили по убежищам, наспех оборудованным, мы поняли, что это серьезно. Что ты должен чем-то помогать, что-то делать. Об опасности не думали. Рядом с нами, в подвале школы, жили зенитчики. Они нас подкармливали гречневой кашей. Это было важно, так как обеды готовить было негде, магазины не работали (говорили, что их разграбили).

За водой ходили на колонку напротив школы, во время отбоев. Новгород бомбили несколько раз в день. Говорили, что немцы летали бомбить аэродром в Сольцах, а так как их отогнали, то все бомбы они бросали на Новгород.

Лето было жаркое, и вырос небывалый урожай огурцов на огородах за городским валом. Убирали огурцы, морковь и свеклу мы, школьники. Это было опасно, немцы кружили над нами и опускались совсем низко, так, что было видно, как летчик наводил пулемет. Мы прятались под корзины, в которые собирали овощи. Я выбиралась из-под корзины самая последняя, так как была очень трусливая. А когда старшая сестра Кира со своим классом (она окончила десятилетку) уезжала на «окопы» в Сольцы, я упростила учителя, чтобы взяли и меня. Пришлось прибавить себе года, а сестре обещала «не реветь», если будет трудно. А трудно было. За одну неделю сандалии развалились. Пришлось работать босиком. На ногах образовались «натоптыши» (нарывы под грубой кожей подошвы ног), фельдшер в селе Сольцы сказал, что меня надо отправлять в Новгород, иначе начнется гангрена. Помню, что мне очень понравилось это слово, но было не до него – на ноги я стать не могла. Сначала меня везли на лошади, а потом на барже с отрядом, который отработал свой срок, через озеро Ильмень в Новгород.

Была страшная качка, катер, который тащил нашу баржу, нас бросил и ушел в неизвестном направлении. Говорили, что он специально отвлек внимание летчика, который беспорядочно сбрасывал бомбы в озеро. Эту ужасную ночь я запомнила на всю жизнь: речка, невыносимая боль в ногах и какое-то буханье, глухо долетавшее в трюм баржи, где и без того было темно. А люди

говорили, что уже ночь, а катера нет и нет. Катер пришел только утром. Город было не узнать. Золотые купола затянуты маскировкой. Меня дотащили до поликлиники, что на Советской площади, рядом с Кремлем. Началась бомбежка, когда я сидела на стуле перед доктором. Меня вдруг сильно толкнуло, и я оказалась на полу. Пол такой прохладный, что я сразу открыла глаза. Рядом сидел на полу доктор, а из дверей с испугом выглядывала медсестра. Все обошлось. Доктор ножницами срезал подошву на обеих ногах, говорят, я теряла сознание. Но я этого не помню. Очнулась с забинтованными ногами. Ноги заживали быстро. Пришлось передвигаться в чьих-то огромных ботинках.

Не помню день и число, только была ужасная ночь — бомбили, хотелось спать, но нас всех вывели на улицу. Мне и тогда, и сейчас вспоминается эта ночь как «Гибель Помпеи». Страшный гул стоял над городом, разрывы бомб, ухали наши зенитки, плакали разбуженные и испуганные дети, щекотало в горле от пыли. Я тоже начинала реветь, но мне в темноте сунули в руки маленького плачущего ребенка. Я не знала, что с ним делать, но потом догадалась, что его надо качать. И я качала, пока кто-то у меня его не взял. Сколько это продолжалось, не знаю, только нас уложили спать, когда светало. Была такая тишина, что слышно было, как переговаривались на улице зенитчики.

Ужасные переживания были впереди. Мы, несколько человек из дома № 31 по Ленинградской улице, пошли покормить наших собак. Динга, рыжая овчарка, всегда охраняла нашу квартиру на втором этаже, лежала мордой на пороге. Двери были открыты, но она никуда не уходила. Мирта, рыжая маленькая собачка, убежала в сад и пряталась в щель, заслышав сигнал тревоги, и выбиралась оттуда только после отбоя. В эту щель раньше прятались мы сами, Мирта опережала нас всех.

Вместо нашего дома была огромная груда обломков всего, из чего состоял дом. Мы с ужасом смотрели на какие-то обрывки, обломки старинных вещей, с трудом нашли бедную Дингу, Мирту не нашли. Плакать нам не разрешали — ведь погибали люди. Но мы все равно плакали украдкой, прячась от взрослых. Для нас горе было слишком велико, собаки — верные наши друзья — больше нас не ждали.

Так для меня началась война и это мои первые переживания, связанные с ней.

Начало войны (1941 — 1945 гг.)

Было жаркое лето — июнь,
Город тихий сиял куполами,
А в садах бушевала сирень,
В школах дети сдавали экзамен.

И, казалось, что замерло все,
Разморенное миром и летом,
Мы сегодня не знали еще,
Что завтра узнаем об этом...

Словно гром среди ясного дня!
Голос диктора четко-встревожен.
Вот и все. Начиналась война!
Мир вчерашний уже невозможен!

Невозможно читать и мечтать!
Невозможно и спать без тревоги.
Лишь мечта сразу взрослыми стать.
И шагать по военной дороге...

Уж город в руинах лежит.
И бомбят его немцы нещадно.
А народ никуда не бежит.
Артобстрелы считают отважно.

Замолкали раскаты вдали,
Мы — бегом за водой из подвалов.
И смотрели, как наших несли,
Извлеченных из страшных завалов.

Мама, слыша отбоя сигнал,
Санитарную сумку хватала
И носилки тащила одна,
В неосевшей пыли исчезала.
 Не узнала я дом наш старинный.
 Дом с парадным и черным крыльцом.
 С распластавшимся пианино,
 Словно рыцарь с печальным лицом.
И казалось, что сердца комочек
Перестанет от страха стучать,
И хотелось тревожною ночью
Только спать, только спать, только спать.
 Огурцы, огурцы, огурцы.
 Нам учитель сказал: «Если можно,
 Чтобы их получали бойцы».
 Урожай бы собрать осторожно...
День за днем мы в затишья часы,
Выбираясь за вал городской,
Собирали морковь, огурцы.
Шли обратно в подвал, как домой.
 Выпадали плохие дни,
 Когда немец, лихой пилот,
 Видя сверху, что дети одни,
 Все кружил, наводя пулемет...
Под корзинами прятались мы.
Пока смолкнет мотора шум,
Огурцы подбирали с земли
Вместе с ворохом горьких дум...
 Огурцы, огурцы, огурцы...
 Я не верю, но слышала где-то,
 Вы — беды небывалой гонцы,
 Было вас изобилье в то лето!
Воевать все мы были готовы.
Только возраст не вышел тогда,
И с трудом я с сестрой рыть окопы
Увязалась, прибавив года.
 Этот ров глубиною три метра
 Мы копали и ночью, и днем,
 чтобы танк, пробежав километры,
 Вдруг застрял бы как вкопанный в нем!
До чего же мы наивными были —
Танк со свастикой вмиг проходил
Через надолбы, рвы, что мы рыли
(Лишь один, говорят, угодил!)
 Немцы часто над нами летали
 И листовки бросали, глумясь!
 Пулеметом слегка стрекотали,
 Нас ничуть запугать не стремясь...
А мозоли кровавыми были,
Обувь вся расплзлась по швам.
Босиком мы носилки носили
На три метра по шатким мосткам...
 Самолеты в Сольцах все взлетали,
 Улетали куда-то они,
 Глина в трещинах под ногами,
 Пить нельзя в эти жаркие дни...

*В шесть утра по команде вставали,
Пили теплое молоко
И до звезд эту глину таскали...
Как таскать-то ее нелегко!..
А потом нашу баржу бросало
Ильмень-озеро, словно сердясь,
Мне казалось, что я умирала,
Чем-то важным по-детски гордясь!*

*До сих пор я не знаю правду,
Был ли это риск или страх
Катер, что тащил нашу баржу,
Сам исчез в высоких волнах.
Но судьба нас опять пощадила.
Город встретил, слепой от жары.
Купола чьи-то руки закрыли,
как глаза от грядущей беды.*

*А меня на руках дотащили.
Умный доктор на ноги взглянул,
Отвернулся, сказать что-то силясь.
Самолетов слышался гул...
Звон стекла, страшный грохот и крики...
Я и доктор лежим на полу.
Пол прохладный и чистый-чистый.
Только стекла прилипли к лицу.*

*Это было второе крещение,
А в глазах у доктора — страх.
Мне сказал: «Сейчас воскресенье,
Как дошла на таких ногах»?
«Потерпи, — говорит, — потерпи.
Потерпи еще самую малость,
Ведь натоптыши велики.
Да и кожа грубая стала».*

*А потом — две ноги в бинтах.
И легко вдруг и ясно стало.
И ушел куда-то мой страх.
Поняла — это только начало.
Это только начало беды,
Что войною в веках зовется!
Мы расстаться с детством должны!
Детство больше к нам не вернется.*

КРЮКОВ
Николай Васильевич

выпускник МПИ

Родился в 1922 г. в Москве.

В 1940 г. был призван в армию. Войну встретил в стрелковой части на Карельском фронте. В октябре 1941 г. был тяжело ранен в бою. Инвалид войны I-й группы, член Общества слепых.

Награжден орденами Отечественной войны I-степени и Славы III степени, а также пятнадцатью медалями.

В 1947 г. окончил Московский полиграфический институт. Работал в Государственном издательстве художественной литературы в должности редактора, исполнял обязанности заведующего редакцией русской советской литературы.

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Н. Крюков

Мой День Победы

[Газета «Ветеран», 2005 г.]

*Мой День Победы – день печали,
День торжества и славы день!
На стяг Победы с блеском стали
Легла и траурная тень.*

*Вино я в кружку наливаю –
Простое горькое вино.
И как на фронте, выпиваю –
Такое доброе оно!*

*Мне не с кем чокнуться, ребята,
Погибли все мои друзья.
В земле сырой лежат солдаты,
В живых остался только я.*

*...Еще полкружки наливаю,
Пью без закуски, как всегда,
И вспоминаю, вспоминаю
Свои военные года...*

*В лесу карельском есть поляна,
Покрыта алой резедой...
Когда-то здесь поутру рано
Шел за Россию смертный бой.*

*И с удивленьем, и с любовью
На небывалые цветы
Взирает путник...Алой кровью
Они обильно политы.*

*Враг шел на нас железной лавой,
Коварный, беспощадный враг.
Весь третий взвод погиб со славой,
Не отступивши ни на шаг!*

*Уйдут ли поздно или рано
Из снов моих тот смертный бой
И та кровавая поляна
С той небывалой резедой?*

*...Сегодня больше пить не буду,
Забуду тяжкие года...
Мой День Победы не забуду
Я ни за что и никогда!*

МАСЛЯНЕНКО
Павел Антонович (1902 – 1941)
рядовой, выпускник МПИ

Рассказ дочери Масляненко Г.П.

[из архива Музея печати]

Мой отец родился 12 июля 1902 г. в Петербурге. Его отец – Антон Степанович работал метранпажем в типографии Смирдина.

Павел Антонович следом за своим братом Михаилом приехал в Москву в 1927 г. и, поступив во ВХУТЕМАС, они поселились в Банковском переулке.

Курс, на котором учился отец, вел Владимир Андреевич Фаворский. На последнем курсе отделение было преобразовано в факультет Полиграфического института. Как я понимаю, это был сильный курс, его выпускники: В. Горяев, Ф. Решетников, С. Урусевский, Н. Мухин, К. Куцецо, Ф. Константинов, И. Константинов, В. Вакидин, А. Варновицкая, С. Йодлович, Л. Гуркова, О. Розенблат и т.д.

По окончании института в 1932 г. отец работал в «Госиздате» (1932 – 1941) зав. художественной редакцией, в ней тогда работали Я. Егоров, Е. Коган, М. Ровенский.

Работы отца не сохранились. Арбатская квартира была разграблена. Единственное, что осталось, – это один карандашный рисунок и книга «Джангар». По поводу этой

книги у меня остались детские воспоминания от рассказов о Калмыкии, куда отец ездил готовить к печати книгу, очевидно, с Никитой Фаворским. Дома говорили – папа поехал на кумыс. Книга вышла к юбилею республики, книга выполнена и по сегодняшним представлениям великолепно. Иллюстрации Никиты Фаворского «охранены» поверх тонкой бумагой, форзац с фальчиком, из-за большого объема, плотная бумага, просторный набор, переплет с конгревным подцветочным тиснением – сейчас у нас ни одна типография так не сделает – и, наконец, футляр с наклейкой...

В первые же дни войны, в июле 1941 г. отец ушел в ополчение, а мы (мама, я и младший брат) уехали с издательскими детьми в эвакуацию, нам дали помещение в деревне Цибикнур под городом Йошкар-Ола с условием, что наши мамы организуют детский дом, что и произошло, и в первые же дни к нам стали присылать детей из оккупированных земель. Детский дом существовал еще многие годы после войны, а мы с мамой в конце 1942 г. по пропуску вернулись домой.

Письма от папы приходили почти каждый день, а иногда и по два-три в день, в октябре было уже последнее письмо.... Больше писем не было.

«Здравствуйте, ребятки! Как ваши делишки? Как вам живется на новом месте? Слушаетесь ли маму и руковода? Как вы играетесь? Все пишите мне. Скоро Галочка пойдет в школу и будет отличницей. Андрюша будет расти большим и сильным, пойдет тоже в школу через 2 года. Мне один дядя говорил, что у вас много лесов и красивых мест. Зима бывает не очень холодная. Я рад, что у вас хорошо. У нас сейчас теплые солнечные дни и замечательные ночи. Пишите и рисуйте мне письмо. Ваш папа».

Галочке и Андрюше

Привет, милые детишки!
Мой горячий вам привет!
Получив это письмишко,
Шлите мне скорей ответ.
 Ночь стоял я в карауле,
 И луна светила ярко.
 Вспомнил я, что в Цибикнуре
 Сладко спят мои ребятки.
Крепче сжал свою винтовку
И гляжу по сторонам —
Угощу я немца ловко!
Покажись лишь только нам!
 А гостинцы у нас сладки:
 Штыки, пули хороши,
 Есть винтовки, автоматы —
 Все для адовой души.
Есть у нас еще бутылки,
А в бутылках тех — бензин.
Танкам стукнем по затылку:
Не уйдет гад ни один...
 Есть у нас также гранатки,
 Строчит складно пулемет...
 Стукнуть немца по сопатке
 Нам поможет миномет.
Кроме всех этих гостинцев
Есть оружие одно.
Всех немецких проходимцев
Скоро в прах сотрет оно,
 И оружие это — Сталин.
 С ним всегда идем вперед,
 И как прежде побеждали —
 Победит русский народ...
Спите, детки, в Цибикнуре,
Стережем мы ваш покой.
Не бывать фашистской шкуре
На земле нашей родной.
 А прогоним мы так скоро
 Всех непрошенных гостей,
 Что не сможет эта свора
 И собрать своих костей.
Ну, ребятки, веселитесь!
Пойте песни и резвитесь,
И пляшите гопака!
Немцу мы свернем бока...
 Ну, пока...

ЭПШТЕЙН

Владимир Семенович

капитан, выпускник МПИ

Родился в 1922 г. в г. Харькове (УССР) в семье военнослужащих. В 1940 г. окончил московскую школу .

В армию призван в октябре 1940 г. Участник Великой Отечественной войны с первого дня до последнего. Первый бой принял 27 июня 1941 г. под Островом. Сражался вначале на Ленинградском, а затем на Волховском, Брянском, 1-м и 2-м Белорусских фронтах. После контузии под г. Лугой в августе 1941 г. был направлен в военно-санитарный поезд. С декабря 1941 по февраль 1942 г. — в запасном стрелковом полку, откуда его направили вновь на фронт (Волховский) командиром стрелкового взвода, затем командиром роты, старшим адъютантом лыжного и стрелкового батальонов. С сентября 1943 г. на Брянском (1-м Белорусском) фронте, командир стрелкового батальона. В 1944 г. тяжело ранен и после лечения направлен на учебу на Московские курсы офицеров пехоты.

В августе 1945 г. участвовал в разгроме японских империалистов на Дальнем Востоке (Сев. Корея) и в звании капитана демобилизован в 1946 г. За боевые успехи на фронте Отечественной войны был повышен в звании (последовательно) от рядового до капитана.

Награжден шестью правительственными наградами: орденами Александра Невского, Отечественной войны II степени, Красной Звезды и медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», «За победу над Японией». Членом партии стал на фронте в 1943 г.

В Московский полиграфический институт на литературно-редакторское отделение редакционно-издательского факультета поступил в 1947 г. Был председателем СНО МПИ, редактором стенгазеты «Избиратель», членом редакции многотиражной газеты «Сталинский печатник». Окончил МПИ в 1952 г.

Работал в газете «Московский водник», журналах «Музыкальная жизнь» и «Пограничник». Автор либретто нескольких оперетт (в т.ч на музыку Листова), которые шли в стране и за рубежом. Был редактором Московского музыкального общества, в последние годы жизни работал в музее при Донском монастыре.

Будучи ответственным секретарем Совета ветеранов 323-й Брянской Краснознаменной ордена Суворова с.д., составил и отредактировал сборник воспоминаний ее ветеранов «Вот солдаты идут...», вышедший в 1993 г.

[В.С. Эпштейн — автор ряда статей-воспоминаний в «Мы из МПИ», кн. I, с. 347 — 348, с. 387 — 390. Там же — о нем (с. 390 — 392) ст.

А. Абрамова]

Фронтной фольклор и фронтная печать

[Из доклада на студенческой научной конференции студента В.Эпштейна 1948 г., опубликованного в газете «Сталинский печатник», 1948 г., № 5]

Фольклор эпохи Отечественной войны — самый типичный показатель моральной силы советского народа.

Где бы ни находился наш солдат, в какое бы тяжелое положение он ни попал — присутствие духа, чувство нравственного превосходства над солдатами армий других стран не покидало его.

Один из основных видов фронтного фольклора — песня. В армии пелись песни не только советских композиторов, но и песни, написанные солдатами, сержантами и офицерами. При помощи фронтной печати эти песни становились достоянием масс. Часто такие песни теряли своего автора, становились как бы творением всего коллектива. Некоторые песни, переходя из части в часть, изменялись по форме, но их содержание, направленность и злободневность сохранялись. Так было, например, с «Гвардейской песней» старшего сержанта Девлятина. Эта песня показывает героический путь Н-ской танковой армии, говорит о подвигах героев, павших в боях за нашу Родину:

Мы помним жгучую в степях метелицу,
Мы помним талые под Уманью снега.
Фугаски Ямполя, бои под Бельцами,
Где наша армия со славою прошла.
Мы помним подвиги героев Люблина,
Пусть жаждой мщения все помыслы горят,
За смерть Молчалина, Левита, Волжина
Герои новые их подвиг повторят...

Много песен советских композиторов и поэтов переделывалось в зависимости от условий: танкисты, например, имели свою «Катюшу», а пехотинцы — свою. На мотив песни «Огонек» было сложено пять новых песен, на мотив песни «Синий платочек» — восемь (из них три варианта пародий). Частушка была любимым жанром фронтного фольклора. Легко запоминающийся мотив, сравнительная простота замены одних слов другими, более злободневными — все это делало частушку популярной и общеупотребительной. Частушки бичевали немецко-фашистских захватчиков и их главарей — Гитлера, Геббельса, Геринга.

Запевай, земляк, частушку,
Я другую запою,
Немчуру берем на мушку
И в частушке, и в бою.
Неспокойно фрицы спят,
Бредят, как тифозные,
Снятся фрицам по ночам
Танки наши грозные.
Геббельс сам себя хвалил,
Что Москву дотла спалил,
Он палил ее раз двести,
А она стоит на месте.

Многие из частушек попали в роты, полки, дивизии со страниц печати, многие газеты печатали частушки, пользующиеся особой любовью солдат.

Следует остановиться на пословицах и поговорках, порожденных на фронтах Отечественной войны. Пословицы не только бичуют фашистских бандитов. Многие из них служат как бы напоминанием, поучением солдату.

«Немец таракана выдает за великана».
«И русский говорит “гут”, когда немцы бегут».
«Остался заряд — не пяться назад».
«Малая лопата — лучший друг солдата».

Все они родились в войсках и иногда использовались печатью для пропаганды великих освободительных идей. Некоторые пословицы («Винтовка любит ласку, чистоту и смазку», «Кто смерти не боится, того и смерть сторонится») стали широко известными благодаря фронтной печати.

Фольклор эпохи Отечественной войны прочно вошел в сокровищницу национального русского фольклора. Свежесть фронтного фольклора никогда не потускнеет, как не потускнеют в нашей памяти подвиги творцов этих песен — солдат, сержантов и офицеров Советской Армии, армии страны победившего социализма.

ТЕПЛОВ

Лев Павлович (1923 – 1973)

фронтовик, политрук, выпускник МПИ

Награжден орденом Красной Звезды, медалями.

В 1946 г. поступил на художественно-оформительское отделение РИФа. Будучи студентом, вместе с Е. Немировским занимался поиском русских первооткрывателей, автор ряда статей по этим вопросам.

Поэт, художник, активно работавший в газете «Сталинский печатник».

Научный работник НИИ полиграфического машиностроения, известный журналист, постоянный автор, художник журнала «Техника – молодежи».

Писатель-фантаст, популяризатор науки бухгалтерского учета.

Автор книги «Очерки о кибернетике», вышедшей в издательстве «Московский рабочий» в 1963 г. Книга «Что считать?» в 90-е стала базовой при разработке математического моделирования.

Медаль

[Стихотворение Теплова Л. опубликовано в газете «Сталинский печатник» 7 ноября 1946 г.]

*Ленточка цветов, огня и дыма,
Славная солдатская медаль...
За краями четкими твоими
Снова вижу фронтовую даль.*

*Вижу все, что было так знакомо,
Как сражались мы еще вчера,
Заменяя тепло родного дома
Заревом походного костра.*

*Как в Карпатах друга хоронили
И как мстили за него в бою –
Все, что мы прошли, что пережили,
Защищая Родину свою, –*

*Все как будто время спрессовало
В прокаленный боевым огнем
Звонкий круг тяжелого металла,
В строгий профиль Сталина на нем.*

[Подробнее о Теплове Л. можно посмотреть в книге «Мы из МПИ», т. I, стр. 292 – 294]

ТРОСТЯНСКИЙ
Вадим Георгиевич (1921 – 1976)

канд. техн. наук, зав. лабораторией кафедры автоматизации МПИ

ПОБЕДА!
1945 – 2020

Родился 4 марта 1921 г. в Троицке Харьковской области.

Студент последнего курса Новочеркасского промышленного института добровольцем ушел на фронт. Сражался в рядах 181-го стрелкового полка 61-й гвардейской дивизии.

После окончания войны продолжает свое образование и в 1952 г. окончил Московский энергетический институт.

С 1953 по 1961 г. В.Г. Тростянский преподает электротехнику в Московском полиграфическом техникуме, а затем переходит на работу в Московский полиграфический институт. Являясь заведующим лабораторией, он активно участвует в организации кафедры «Автоматизация технологических процессов», становлении и налаживании учебного процесса.

В последние годы жизни работал ст. инженером лаборатории автоматизации, занимался исследованиями в области автоматического регулирования технологическими процессами в полиграфии, что нашло отражение в ряде авторских свидетельств на изобретения, сделанные им. В мае 1975 г. В.Г. Тростянский успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Уж близок час...

[Май 1944 г.; берег Днестра]

*Вокруг сады и яблони в расцвете,
Повисла хмарь над берегом родным.
Сидим вдвоем с товарищем в секрете,
За каждым шагом вражеским следим.
Свист соловья... Товарищ мой из Курска
Застыл... вздохнул... видать, взяла тоска.
И трепетно рука дрожит на спуске
Тревожно напряженного курка.*

*И льется трель причудливым каскадом,
То нежно замирая, то звеня...
Боец, склонившись низко над прикладом,
Вдруг подозвал взволнованно меня.*

*«Ты знаешь, — говорит он мне тихонько, —
Уж близок час победы над врагом.
Я скоро ворочусь в свою сторонку —
Так мы договорились с соловьем.*

*Но надо ярость натиска утратить,
Я буду бить сильнее по врагу,
Чтоб повидать любимую мне вскорее,
Чье имя свято в сердце берегу».*

[В. Тростянский, «Советский полиграфист» (1965 г., № 11)]

РОМЕЙКОВ

Илья Владимирович (1917 – 2000)

канд. техн. наук, доцент МПИ

Родился в 1917 г. в Могилеве (Белоруссия). С 1935 по 1940 г. учился на технологическом факультете МПИ. Работать начал в Первой Образцовой типографии в цехе глубокой печати. Был выдвинут на должность начальника БРИЗа.

В ноябре 1940 г. мобилизован в армию, прикомандирован к типографии газеты «Красное Знамя» Забайкальского военного округа в качестве главного инженера.

С началом войны – на Западном фронте во фронтовой газете «На боевом пасту», в середине 1945 г. – на Восточном фронте (Монголия, Маньчжурия). В боях против Квантунской армии ранен, демобилизован в октябре 1945 г.

Награжден медалями «За отвагу», «За участие в войне против Японии», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

В 1946 г. начал работать в ОГИЗе в качестве начальника БРИЗ. В связи с подготовкой денежной реформы 1947 г. был переведен в «Госзнак» – старшим инженером по рационализации и изобретательству. В 1948

г. поступил в аспирантуру МПИ, исследовал свойства цветных красок и защитил кандидатскую диссертацию в 1954 г. С 1954 г. – ассистент, с 1959 г. – доцент МПИ. Итогом многотрудных поисков в области технологии цветной печати стало составление уравнений, с помощью которых можно с максимальной точностью определить или предсказать результаты смешения красок. Ряд лет работал деканом технологического факультета заочного обучения. Участвовал в подготовке лабораторного практикума по технологии печатных процессов, комплекта задач для госэкзамена. Активно занимался научно-исследовательской работой со студентами. Был председателем профкома института.

Сотрудники МГУПа помнят стихи, которые Илья Владимирович посвящал коллегам и своей «альма-матер» (они изданы).

Вот одно из стихотворений, перепечатанное в газете «Мир печати» в мае 2000 года.

Как добывали немецкий шрифт (рассказ-быль)

[Статья И. Ромейкова опубликована в газете «Советский полиграфист» 24 мая 1985 г.]

- Товарищ полковник, по вашему приказанию сержант Белояров прибыл. Полковник оглядел подтянутую фигуру докладывающего и протянул ему небольшой лист бумаги:
- Взгляните, сержант. Что это?
- Немецкая листовка, товарищ полковник. Фашистские самолеты не первый день разбрасывают их в наших частях.
- А это что? – и он взял со стола второй лист.
- Также листовка, – с готовностью ответил сержант, – но написана она на немецком языке.
- Верно, и написана она нами для немцев, точнее, для их солдат. – Полковник выдержал небольшую паузу. – Так вот, сержант, эту листовку надо размножить.
- Невозможно, товарищ полковник.
- Почему? Вы же печатник, – начал было полковник, но сержант перебил его: – Наша подвижная типография не располагает шрифтами на немецком языке, – и виновато вздохнул.
- Тыловые службы запрашивали?

- Так точно, но у них тоже нет.

- Так, — медленно сказал полковник и неожиданно быстро встал и подошел к двери. — Адъютант! — крикнул он в раскрытую дверь. — Вызовите командира разведки! — и отошел от двери.

- Садитесь, сержант, — сказал полковник и, раскрыв папку, углубился в Чтение.

Сержант сел. Взгляд его скользнул по календарю, висевшему на стене землянки, и остановился на дате, набранной тридцать шестым кеглем. — «Да, — подумал он, — 1942 год, август, а война еще идет».

Дверь открылась.

- По вашему приказанию...

- лейтенант, — прервал полковник вошедшего. — Где ваши разведчики?

- Одни на задании, другие на подготовке.

- Нам нужен немецкий шрифт. Глаза лейтенанта округлились:

- Не совсем понимаю, товарищ полковник.

- Сержант вам все объяснит. Дая сутки на приобретение шрифта. Обсудите все вопросы вдвоем. И помните: шрифт для нас важен так же, как снаряды. Мы должны ответить немцам на их пачкотню морально-идеологической атакой. Думаю, после этого они прекратят свое сочинительство.

- Вот это клюква, — сказал лейтенант, когда он и сержант вышли из землянки. — Объясни, пожалуйста, что от нас требуется? Сержант стал объяснять.

- Ну и ну! — воскликнул лейтенант, выслушав сержанта. — Да откуда моим разведчикам знать, что такое гарнитура, кегель, касса, или, как его, касса-реал.

- Неплохо добыть бы еще верстатки и гранки, — дополнил сержант.

- Вот-вот, — иронически сощурил глаза лейтенант, — ты бы еще попросил стетоскоп или адаптер, так о них мои ребята, пожалуй, больше знают, чем о твоих типографских завитушках. Нет, так дело не пойдет. Давай нам знающего человека.

- Товарищ лейтенант! — сержант с трудом подавил возмущение, — ведь у меня почти все нестроевики. Где им ползать по грязи или прятаться в воде!

- Подумай, подумай, сержант. Кстати, сейчас сухо. В общем, даю тебе 10 минут на подготовку положительного ответа, — и лейтенант вынул из нагрудного кармана плоские часы и вложил их в ладонь сержанта. — Отдашь вместе с ответом, — улыбнувшись, сказал он, — только не поте-ряй.

Сержант посмотрел на часы.

«Кого послать, кого послать? — думал он. — Два наборщика, один печатник, и все они не знают немецкого языка. Может, послать Прохорова? Сообразительный. Говорил, что когда-то изучал латинский шрифт. Нет, не годится. Слишком медлителен и дальновзоркий, вдруг потеряет очки».

- Возьмите, — сказал сержант, отдавая часы.

- Так кто? — спросил лейтенант.

- Некому, некому идти, — ответил сержант.

- А ты? Сержант с недоумением взглянул на командира разведки: о себе он почему-то не подумал.

- Ты знаешь немецкий?

- Учил до войны.

- Так о чем разговор. Готовься к походу.

В полночь группа разведчиков вместе с сержантом Белояровым пересекла линию фронта и тайными тропами, в обход, проникла в небольшой городок. Типография, подчиненная фашистскому командованию, располагалась почти в центре. Наружная охрана следила за ее входом. Но разведчики, уже побывавшие здесь не один раз, хорошо разбирались в местности.

Пробившись через сад, они подошли к черному ходу и залегли в кустарнике.

- Охраны нет, — шепнул лейтенант. — Установить место входа, — приказал он. И несколько разведчиков бесшумно скрылись в темноте.

- Черный ход на замке, — доложил один из них, внезапно очутившись рядом с сержантом.

- Окна зарешечены, — доложил другой. — Есть вход в подвал, но он наполовину засыпан землей.

- Откопать, — приказал лейтенант. Разведчики исчезли. Медленно шло время. На небе, закрытом облаками, изредка рокотал гром. Пошел дождь. С улицы доносились обрывки немецкой речи. Кто-то заиграл на губной гармошке, но тут же перестал.

- Готово, — тихо прозвучал знакомый голос разведчика, — вход открыт.
Подвал был большой. Ощупью, не зажигая потайных фонарей, разведчики стали пробираться между высокими ящиками.
- Касса-реалы! — ахнул сержант, дотрагиваясь до одного из них.
- Без паники, — заметил лейтенант, и тонкий луч, скользнув, остановился на слегка выдвинутой кассе. Сержант наклонился и вынул литературу:
- Немецкая, — восхищенно сказал он, — десятый кегель. Ссыпайте.
Еще не наступил рассвет, а разведчики вместе с сержантом вернулись в часть.
Шрифты были, а значит, будут и листовки.

Слово о войне

Год сорок первый. Год тревоги,
Год поворотный для страны.
Он свел в одну нам все дороги
В дорогу грозную войны.
Я этот год встречал солдатом,
И как обычный рядовой
Не знал, что только в сорок пятом
Одним из ста вернусь домой.
Не знал, что враг уже к границе
Стал подводить свои войска,
Что мир нам скоро станет сниться,
Как недоступная мечта.
Но, как и все, в Россию веря,
Ее особенной судьбе,
Я, прошлым будущее меря,
Уверен был в своей стране.
Врагов не раз мы побеждали,
Тому свидетельство Хасан
И Халхин-Гол, откуда гнали
Мы интервентов за Цаган.
И в тех боях, всегда со славой,
Ведя пехоту за собой,
Танкисты наносили главный
Удар стремительной броней.
Хотел я стать тогда танкистом,
Но мне твердил мой мудрый дед:
- Ступай, иди к артиллеристам,
Умнее их военных нет.
Но в каждом деле есть преграды,
Их обсуждать здесь не резон.
Я вместо танковой бригады
Попал в пехотный батальон.
Был до предела лаконичный
Регламент жизни строевой.
И скоро стали нам привычны:
Подъем! Занятия! Отбой!
Шла постоянная закалка.
И как-то так, сама собой,
Росла солдатская смекалка,
А с нею опыт боевой.
Ученье шло и мы мужали,
А в феврале, почти весной,
Хранить Отчизне клятву дали
Ее свободу и покой.

*И той присяге непреклонной
Никто из нас не изменил,
Когда над далью опаленной
Суровый час войны пробил.*

*Настали дни опустошенья,
Но словно встречная волна,
Уж поднималось ополчение:
Народной делалась война.*

*А враг к столице явно рвался.
В конце июня батальон
По боевой тревоге снялся
И погрузился в эшелон.*

*Звенел состав и рельсы пели,
Вокзал сменялся на вокзал,
Мы пол-России пролетели,
И вот Смоленск пред нами встал.*

*Он нес уже войны ожоги,
Дымились рощи вдалеке,
А по израненной дороге
Шла Русь к защитнице Москве.*

*Смоленск соборный. Город славы.
Ну как к тебе не заглянуть!
Но омертвелые бульвары
Другой указывали путь.*

*И вот уж города не видно:
Ушел за дальний небосклон.
И тут, как это ни обидно,
Попал в засаду эшелон.*

*Снаряд ударил за снарядом.
Нам все отрезаны пути,
И мы на насыпь, ряд за рядом
Лицом к фашистам залегли.*

*И было ясно, что неравный
Нас ожидает нынче бой.
И, обреченные на славу,
Мы дали залп, за ним — другой.*

*Винтовой залп! В ответ фашистский
Стал бить тяжелый миномет.
И тут же залп артиллерийский
Нам предъявил смертельный счет.*

*Прямой наводкой в нас стреляли,
Свинцом, завесой огневой
Идти в атаку не давали,
А нам был нужен ближний бой.*

*Встал командир. Его убили,
И политрук попал под взрыв,
И с ними головы сложили
Десятки просто рядовых.*

*Вцепившись в землю, мы лежали,
Враг окружал нас с трех сторон.
Но был приказ. Мы твердо знали,
Что не отступит батальон.*

*Не отступать! «Что ж, видно, мало, —
Сказал сосед, — осталось жить,
И табаку, к тому ж, не стало.
Браток, дай «сорок» докурить».*

*И, взяв окурок, деловито
Он продолжал: «Не бой — убой,
Нам бы добраться до бандита,
Мы б показали штыковой!»*

*Тут, новый грохот. Вой снаряда
Его внезапно перервал...
Последний вздох с последним взглядом.
Так смерть вблизи я увидал.*

*Но вот в какое-то мгновенье —
Тогда часы как миг неслись —
Переломился ход сраженья,
К нам наши танки прорвались.*

*Их было пять. Не так уж много,
Но нам, измученным, в крови,
Казалось — вздрогнула дорога,
И тут же вспрянули и мы.*

*Настало время наступленья,
Мы, сил почувствовав прилив,
Вступили яростно в сраженье.
Весь гнев направив на прорыв,*

*Мы шли вперед, врага теснили,
Пуская в ход свои штыки.
Вдруг автоматы застрочили,
Под их огнем мы вновь легли.*

*Нам репродукторы кричали:
«Сдавайтесь, вы окружены!»
Мы только залпом отвечали,
А большим не располагали мы.*

*Почти до ночи продолжался
Смертельный бой без перемен.
От батальона взвод остался,
Но ни один не сдался в плен.*

*Что ж, бой как бой. Судья предвзятый
Вам скажет: «Это малый бой,
Наглядный он урок солдатам
О роли мощи огневой».*

*Все это верно. После были
Потяжелей у нас бои.
Сначала нас фашисты били,
А под конец их били мы.*

*Боям победным честь и слава,
Но кто им опыт добывал?
И у Петра была Полтава,
А Нарву он не забывал.*

*Так первый бой. Как первый опыт,
Как первый в жизни Новый год,
Как первого признанья шепот,
Он был, он есть, он в нас живет.*

Так началась для нас война на Западе. Многому научились мы за это время. А потом пришел и последний бой. Но он проходил не на Западе, а на Востоке. И этому бою я посвящал следующие стихотворные строки.

*Год сорок пятый. Год Победы.
Ушел в преданья первый бой.
В шинели с дырами я еду,
И не куда-нибудь — домой.*

А за окном поземка, стужа
И все приметы декабря.
И я теперь войне не нужен,
В Харбине кончилась она.

Стучат вагонные колеса,
Мороз гуляет по купе,
Но согревает папироса,
Как в дни былые, на войне.

В купе все спутники уснули,
И в этой сонной тишине
Меня к прошедшему вернули
Воспоминанья о войне.

Прощался август с жарким летом,
Сжимался в небе диск луны.
Последний бой! Все знали это.
К нему готовы были мы.

Мы шли монгольскими степями
В ночной пустынной тишине,
Лишь фары техники огнями
Нам освещали путь во тьме.

Да звезды дальние дрожали
В непостижимой высоте,
И где-то цирики скакали
В глухой монгольской стороне.

Нас ждали крепости Хингана,
Квантунской армии оплот,
Их орудийных залпов жало
Почти с заоблачных высот.
Засады, штурмы, окруженья
Сопровождали наш поход,
Но мы не знали пораженья:
Неумолимо шли вперед.

Броней нас танки защищали,
Навес ракетный защищал.
Враги в смятеньи отступали,
Не выдержав войны накал.

Победы мы недолго ждали,
К нам в сентябре она пришла.
Почти пять лет мы воевали,
И вот закончилась война.

Год сорок пятый. Год Победы.
Но помним мы последний бой.
И вижу я, что снова еду,
И не куда-нибудь — домой.

Пофамильный список

АБРАМОВ Алексей Сергеевич	29
АГЕЙКИН Яков Семенович	293
АДАМОВ Ефим Борисович	139
АЛЕКСЕЕВ Спартак Петрович	167
АРХАРОВ Павел Михайлович	144
БАБУРИН Евгений Сергеевич	169
БАКИН Юрий Николаевич	301
БАЛАШОВ Михаил Михайлович	142
БАРЫКОВ Геннадий Иванович	288
БАСОВ Николай Иванович	85
БОБРИК Николай Петрович	210
БОГАТЫРЕВА Надежда Павловна	229
БОРОДУЛИН (БЛЮМШТЕЙН) Лев Абрамович	263
БОРТНИК Софья Евсеевна	201
БОЛЬШАКОВ Михаил Варлаамович	261
БОРИСОВ Сергей Иванович	309
БРАТЧИКОВ И.Ф.	264
БРЮХОВЕЦ Дмитрий Федотович	32
БУЛОЧНИКОВ Михаил Васильевич	265
БУРМИСТРОВ Василий Георгиевич	170, 310
БУШУЕВ Петр Афанасьевич	266
ВАРЫГИН Николай Николаевич	33
ВЕДЕРНИКОВ Анатолий Александрович	109
ВЕЙХМАН Григорий Абрамович	173
ВОРОНЦОВ Алексей Григорьевич	267
ГАЦУК Николай Иванович	268
ГЕЛЮТА Евгений Захарович	190
ГИЛЬБЕРГ Лев Абрамович	87
ГОРБАЧЕВ Михаил Васильевич	176
ГОРОДИНСКИЙ Семен Михайлович	192
ГРАБОВА Елена Ивановна	226
ГРИНГАУЗ С.	313
ГУЗЕНКОВ Петр Георгиевич	73
ГУСЬКОВ Петр Сергеевич	34
ГУТЕР (ХОТЕНКО) Галина Федоровна	230

ДАРКОВ Анатолий Владимирович	74
ДОБРОГАЕВ Ростислав Павлович	157
ДОЛЬСКИЙ Виктор Дмитриевич	94
ЕВСТАФЬЕВ Александр Георгиевич	232
ЕРОХОВ Виктор Иванович	119
ЕФИМОВ Михаил Васильевич	203
ЕФИМОВ Евгений Александрович	22
ЖЕЖЕРОВ Михаил Игнатьевич	177
ЖУРАВЛЕВ Алексей Семенович	124
ЗАЙЧИКОВ Геннадий Иванович	269
ЗАРУДНЫЙ Леонид Борисович	271
ЗДРОК Александр Григорьевич	160
ИЛЬИН Сергей Николаевич	234
ИСАЕВ Дмитрий Акимович	36
КАПЛУН Всеволод Александрович	80
КАМЕНЕЦКИЙ Юрий Семенович	315
КАМКИН Олег Александрович	38
КЕТОВ Георгий Иванович	143
КИНГОЛЬЦ (БАУТО) Мария Петровна	19
КЛДИАШВИЛИ Нина Ивановна	316
КЛИМОВ Дмитрий Юрьевич	151
КОВАЛЕВА (КАЦМАН) Людмила Борисовна	161
КОЛОДИЙ Юрий Константинович	148
КОЛОСОВ Е.	273
КОМАРОВ Михаил Семенович	39
КОНДРАТЬЕВ Вячеслав Леонидович	40
КОНОВАЛОВА Нина Михайловна	236
КРУМБОЛЬДТ Лель Николаевич	205
КРУКОВЕЦ Елисей ВОЛЬФОВИЧ	178
КРУТОВ Николай Николаевич	179
КРЮКОВ Николай Васильевич	320
КУТУКОВ Сергей Сергеевич	41
ЛАЗАРЕВ Александр Васильевич	153
ЛЕВИН Иван Александрович	42
ЛОПЯЛО Карл Кастанович	44
МАСЛЕННИКОВ Игорь Михайлович	44
МАСЛОВСКИЙ Михаил Федорович	239

МАСЛЯНЕНКО Павел Антонович	321
МЕДВЕДЕВ Михаил Николаевич	290
МЕРКУЛОВ Рэм Всеволодович	240
МЕЛЮШЕВ Юрий Константинович	274
МИРЗАЯН Сергей Николаевич	181
МИРОНОВ Василий Лаврентьевич	276
МИРОНОВА Алиса Никитична	110
МИХАЙЛОВ Петр Евгеньевич	219
МИХЕЕВ Алексей Иванович	277
МЛАДОВ Анатолий Григорьевич	96
МОРОЗ Иона Иосифович	81
МОРОЗОВ Петр Михайлович	105
МОХОНЬКО Валентина Дмитриевна	211
НИКИФОРОВСКИЙ Виктор Арсентьевич	193
НИКОЛАЕВ Петр Иванович	279
НИКРЕНЦ Ольга Васильевна	207
НУДЛЕР Лев Моисеевич	53
ОДИНОКОВА Маргарита Николаевна	242
ОРЛОВ Глеб Константинович	21
ОСАУЛЕНКО Владимир Феодосиевич	23
ОФФЕНГЕНДЕН Иосиф Мойсеевич	100
ПАВЛОВ Л.	302
ПАЛАМАРЧУК Дмитрий Павлович	54
ПАСИЧЕНКО Вера Павловна	56
ПЕТРОКАС Леонид Венедиктович	281
ПОДЕНКО Павел Федорович	61
ПОПОВ Николай Иванович	163
ПОПРЯДУХИН Петр Александрович	198
РАБИЧЕВ Леонид Николаевич	213
РАДАЕВ Анатолий Сергеевич	182
РАДУГИН Евгений Александрович	221
РОГАТОВ Дмитрий Ильич	62
РОМЕЙКОВ Илья Владимирович	326
РУВИНСКИЙ Вениамин Абрамович	197
РЯБОВА Екатерина Васильевна	101
СЕРГЕЕВ Сергей Иванович	304
СМИРНОВ Леонид Алексеевич	244
	345

СМОЛЕНЦЕВ Юрий Алексеевич	305
СОЛОМАХА Геннадий Петрович	183
СТЕПИН Анатолий Андреевич	306
СУМАРОКОВА Татьяна Николаевна	186
СЫЧ Елена Григорьевна	215
ТАРАСОВ Николай Макарович	63
ТЕПЛОВ Лев Павлович	329
ТИЛЕВИЧ Марк Григорьевич	127
ТРАНКВИЛИЦКАЯ Евгения Ивановна	67
ТРЕТЬЯКОВ Александр Алексеевич	224
ТРОСТЯНСКИЙ Вадим Георгиевич	330
ТЮРИН Михаил Сергеевич	225
ФАВОРСКИЙ Никита Владимирович	68
ФЕДОРОВ Геннадий Георгиевич	132
ФЕДОРОВ Леонид Леонидович	283
ФИЛАТОВА Ирина Трифоновна	69
ФИРСОВ Владимир Михайлович	188
ФРОЛОВА Антонина Филипповна	255
ХОЛИН Николай Миронович	72
ЦИШЕВСКИЙ Юрий Александрович	285
ЧИСТЯКОВ Виктор Иванович	216
ЧУГУНОВА Татьяна Федоровна	257
ШАХБАЗЬЯН Лев Юрьевич	189
ШВЕЦ Василий Васильевич	199
ШЕПЕЛЯКОВСКИЙ Константин Захарович	258
ШИЛКИН Петр Павлович	156
ШЛУГЕР Михаил Александрович	158
ШУРГАЛЬСКИЙ Эдуард Филиппович	102
ЭПШТЕЙН Иосиф Михайлович	217
ЭПШТЕЙН Владимир Семенович	323

Содержание

Обращение ректора	3
От создателей книги	4
Вузы МОСПОЛИТЕХа в годы Великой Отечественной войны (очерк)	6
Воспоминания:	
1 Нападение Германии на СССР	17
2 Крах «блицкрига» под Москвой	27
3 Начало коренного перелома в ходе войны	83
4 На оккупированной территории	107
5 Плен и концлагеря	117
6 Коренной перелом	137
7 Стратегические наступательные операции 1944 года	165
Украина	167
Ленинград	201
Белоруссия	210
Северный и Балтийский флоты	219
8 Трудовой фронт – фронту военному	227
9 Разгром Германии. Окончание Великой Отечественной войны	259
10 Окончание второй мировой войны	299
Стихи фронтовиков	307
Мемориалы	333
Пофамильный список	343
Содержание	347
Сокращения принятые в книге	347

Сокращения принятые в книге

ВЗПИ	– Всесоюзный заочный политехнический институт – МГОУ – Московский государственный открытый университет
ВТУЗ	– Завод ВТУЗ-МАСИ – Московский автомобилестроительный институт – ВГИУ – Московский государственный индустриальный университет
МАМИ	– Московский автомеханический институт
МАДИ	– Московский автодорожный институт
МВМИ	– Московский вечерний металлургический институт
МИХМ	– Московский институт химического машиностроения
МГУИЭ	– Московский государственный университет инженерной экологии
МГУП	– Московский государственный университет печати
МПИ	– Московский полиграфический институт
РИФ МПИ	– редакционно- издательский факультет
ХТОПП МПИ	– художественно-техническое оформление печатной продукции
ВХУТЕМАС	– Высшие художественно-технические мастерские
ВХУТЕИН	– Высший художественно-технический институт
МЗПИ	– Московский заочный полиграфический институт
Газеты МПИ	– «Сталинский печатник» – «Советский полиграфист» – «Мир печати» – «Нонпарель»
МИХМ-МГУИЭ	– «За кадры химического машиностроения» – «Аудитория». Журнал «Вестник МГУИЭ»
МАМИ	– «Автомеханик»
МВМИ	– «Инженер-металлург МВМИ» (ежемесячная газета МВМИ) в газете завода «Серп и Молот», «Мартеновка»

ПО ПУТИ К ПОБЕДЕ

75-летию Великой Победы посвящается

Издание безгонорарное

*Редакционный совет не несет ответственности за точность фактов
и дат упомянутых в воспоминаниях*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- В.П. Белов* — канд. техн. наук, профессор Московского Политеха;
С.Ю. Биричев — директор института графики и искусства книги
им. В.А. Фаворского Московского Политеха;
Ю.А. Грицаева — ведущий инженер музеем истории полиграфии, книгоиздания,
МГУП имени Ивана Федорова;
Д.В. Зубов — канд. техн. наук, доцент Московского Политеха;
С.В. Морозова — канд. историч. наук, доцент, заведующая музеем истории
полиграфии, книгоиздания, МГУП имени Ивана Федорова;
Н.М. Ниткин — канд. техн. наук, доцент, председатель Первичной профсоюзной
организации работников и обучающихся Московского Политеха;
В.В. Серебряков — канд. техн. наук, профессор Московского Политеха.

АВТОР ИДЕИ КНИГИ:

- С.В. Морозова* — канд. историч. наук, доцент, заведующая музеем истории
полиграфии, книгоиздания, МГУП имени Ивана Федорова.

СОСТАВИТЕЛИ:

- Д.В. Зубов* — канд. техн. наук, доцент Московского Политеха;
С.В. Морозова — канд. историч. наук, доцент, заведующая музеем истории
полиграфии, книгоиздания, МГУП имени Ивана Федорова;
Н.М. Ниткин — канд. техн. наук, доцент, председатель Первичной профсоюзной
организации работников и обучающихся Московского Политеха.

ОБЛОЖКА, ДИЗАЙН-МАКЕТ:

- А.М. Кравченко* — старший преподаватель кафедры «Художественно-
техническое оформление печатной продукции» Института
графики и искусства книги им. В.А. Фаворского
Московского Политеха, арт-директор ИД «Арт-Альянс»,
журнал *Eclectic*, бронзовый призер международного конкурса
«Design Award 2020».

СОТРУДНИКИ МУЗЕЯ:

- Ю.А. Грицаева, Н.А. Медведева, Р.В. Филимонова.*

БЛАГОДАРНОСТИ:

- Г.Х. Шарипзянова* — проректор по учебной работе Московского Политеха.
Е.Л. Хохлогорская — директор Высшей школы печати и медиаиндустрии
Московского Политеха.

Компьютерная верстка: *Т.Н. Смородина*

Дизайн: *А.В. Прокофьев, Г.А. Черномаз*

Формат 60×84¹/₈. Бумага офсет 80 г/м².

Объем 43,5 пл.

Тираж 500 экз. Заказ № 78.

Издательско-полиграфическое предприятие ООО «Бумажник»:

127238, г. Москва, Дмитровское шоссе, д. 46, корп. 2,

тел.: 8 (495) 971-05-24, 8-910-496-79-46

e-mail: info@bum1990.ru